

ЕЛЕНА ТРУШНИКОВА

Свет четырёх влюблённых звёзд, или Приключения доктора в Запределье

16+

Елена Трушникова
Свет четырёх
влюблённых звёзд, или
Приключения доктора в
Запределье. Часть первая

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67792349
SelfPub; 2023*

Аннотация

А вы знаете, что душа человека может разлететься на осколки? И каждая из разрозненных частиц самостоятельно существует в другом измерении, живет полноценной жизнью: дышит, влюбляется, творит. А то и, не ведая, что творит, вдруг соглашается перейти на сторону зла... А слышали о Сияющих Сознаниях? Да-да, такие Сознания – искорки Света самого Создателя, живут среди нас. Но большинство из них не догадывается о своем предназначении. И что же делать? А надо лишь попасть в Запределье. Именно в Светлое... Живет в небольшом городе врач, искренне стремится помочь людям. Много в жизни его было разных испытаний, которые могли доктора нашего запросто лишить веры в себя... Но! Попав в Светлое Запределье, герой обретает единомышленников, вспоминает свои прошлые жизни. И, дабы обрести изначальную

суть, вместе с соратниками вступает в схватку с представителями Темной стороны Запредельного мира. В книге встречается упоминание нетрадиционных сексуальных установок, но это не является пропагандой.

Содержание

Елена Трушникова

Свет четырёх

влюблённых звёзд, или

Приключения доктора в

Запределье. Часть первая

ПРОЛОГ

День подходил к концу. Жара спадала, неторопливо уступая место легкой прохладе. Летящие в далекой вышине перистые облака налились волшебным золотисто-оранжевым сиянием, заревом растеклись в закатном небе, играя и поминутно меняя оттенки в лучах заходящего солнца. В рассеянном вечернем свете поля, перелески и высокие горы окрасились в рыжие тона, блаженное предчувствие ночи повисло в сонном неподвижном воздухе. Необъятные просторы степей, пышные зеленые луга, низины между невысокими холмами мало-помалу скрылись под белесым пологом тумана.

Пряные ароматы трав и цветов сливались с ровным дыханием прогретой земли, щедро возвращающей миру накопленное тепло. И по-особому проникновенно, сладкозвучным напевом провожая день, возносились к небу переливчатые голоса овсянки и малиновки, постепенно отдаляясь, стихая

и словно растворяясь в тягучем сумеречном спокойствии. Природа засыпала...

Вдруг безмятежность уходящего дня нарушил неясный шум, стайка птиц с беспокойными криками взлетела в небо. По светлому сосновому бору, пронизанному косыми лучами заходящего солнца, по плотному ковру из опавших иголок стремительно бежали две юные девушки. Их гибкие стройные тела, казалось, не знали усталости. Развевающиеся от быстрого бега длинные одежды ничуть не стесняли движений.

Впереди легко и проворно неслась изящная блондинка с роскошными золотыми волосами, с правильными и живыми чертами лица; через плечо у нее была перекинута холщовая сума, которую девушка бережно прижимала к груди. Следом мчалась сильная и крепкая рыжеволосая красавица, затянута в легкую воинскую броню, ничуть не скрывавшую ее царственной грации. Поминутно оборачиваясь и бросая пронзительный взгляд зеленых глаз на сгущающийся позади сумрак, дева-воин повторяла: «Быстрее, надо еще быстрее!»

На миг она остановилась, широко распахнув руки, словно крылья. Резко взмахнула ими – и в небо взмыл белый орел, принялся кружить над высокими деревьями, зорко осматривая пространство. Маховые перья огромных крыльев и хвостовое оперение отливали серебром, ярко сияя на солнце.

– Ты зачем Память и Проницательность в дозор отправила? – ужаснулась золотоволосая красавица. – Разве можно

так необдуманно себя на части разделять? Ты же не выдержишь пространственного расслоения!

– Иначе не успеем. Стоит на миг задержаться – всё пропало! – на бегу отвечала амазонка.

Уставшее за день светило лениво покатилося за горизонт. Девушки, стараясь всё время держаться в свете закатных лучей, уже поднимались по горному кряжу. А лес внизу неудержимо погружался во мрак: с востока темно-синим покрывалом надвигалась ночь. Неясные тени под деревьями налились чернотой, поднялись над землей, обретая форму и объем. Из колючих кустарников, укрывшихся во влажной лощине, вслед бегущим за клубилась мгlistая темень. Свиваясь в дымные щупальца, разрастаясь и набирая силу, она потянулась за беглянками.

Солнце скрылось. Лишь его яркие лучи, разметавшиеся по краю неба, всё еще пытались рассеять надвигающийся сумрак ночи. Но и они один за другим меркли, таяли, угасали. На фоне бледнеющей вечерней зари на юго-западе у самого горизонта появилась яркая звездочка.

– Венера взошла! – глянув на догоревший закат, выдохнула на бегу блондинка. – Скоро и луна появится.

Ночной спутницы Земли еще не было видно, но безоблачное синее небо над чернеющим вдали восточным лесом чуть посветлело. Прошла минута, потекла другая... Девушки проворно взбежали на широкую каменную площадку над пропастью. Резко затормозив у высокого обрыва, Воитель-

ница протянула руку к едва-едва появившемуся над верхушками деревьев краешку луны – и словно рванула к себе невидимое лассо. От всплывающего в небе желтого диска к ногам подруг пролегла лунная дорожка, соединяя собой два пространственных подуровня явного мира, открывая проход в Светлое Запределье.

– Беги, Нина, ты должна успеть! – обернулась отважная амазонка к своей хрупкой спутнице. И, убедившись, что пространственные слои наложились друг на друга, завершили взаимопроникновение, закрепила край легкого мостика на каменном уступе.

– Нет! Вместе, Арина! Только вместе, – со слезами на глазах прошептала блондинка.

– Не теряй времени!

– Я без тебя не смогу! – светлая дева в нерешительности остановилась.

– Теперь только ты – Хранительница Сияющего Сознания! – Арина с напором взглянула в ясно-голубые глаза нежной красавицы. – Я сдержу тьму! Беги!

Грозная Воительница подтолкнула растерявшуюся подругу к лунной дорожке и, проявив в руках мечи-молнии, повернулась к лесу. Оттуда, изрыгая зловещие всполохи, стремительно катилась черная бурлящая волна.

Нина, прижав к груди драгоценную ношу, ступила на шаткий мостик. Сделала шаг, другой. Наконец побежала, всё ускоряя темп. И чем дальше убегала она, тем четче в небе

над ней прорисовывались очертания второй и третьей луны. В запредельном многоцарствии эти спутники всё еще сияли в небе, тогда как в мире людей и в восьмом подуровне пространства они были злонамеренно уничтожены сотни тысяч лет назад.

Арина яростно отбивала вздымающиеся волны черноты. Но густая тьма надвигалась безудержной лавиной, клокоча и захватывая всё большую территорию, окружая юную Воительницу со всех сторон. Один из липких зловонных жгутов проскользнул незаметно меж серыми камнями, взвился плетью, стремясь связать, обездвигить амазонку, но с неба на него грозной молнией обрушился белокрылый орел – и с клетотом растерзал когтями лоснящуюся черную змею. Взмахнул огромными крыльями, разогнал ключья мрака, гневным взором оглядел сгущающиеся армады тьмы, взвился ввысь, распластавшись на фоне наливающегося темной синевой неба.

Он яростно метался среди грозовых раскатов. Громко хлопая крыльями, выныривал из черной пропасти, успевая на лету отразить десятки яростных атак. Порой казалось, он с размаху ударится о скалы и погибнет, но вновь и вновь сильная птица, пикируя среди вскипающих смертоносных волн, прикрывала Воительницу от удара в спину.

Вот преданный союзник Арины снова взвился к небу, ринулся на безумствующий круговорот, разбивая крыльями свирепую муть. Но вдруг резко рванулся в сторону, уходя от

смертельного удара. Не успел... Два огромных черных крыла взметнулись над ним, и злобное чудовище темнее самой тьмы лязгнуло острыми зубами, жутко захохотало, смяло гордую птицу в яростно ревущем потоке – и бросило в кипящую бездну.

Орел, судорожно пытаясь взмахнуть переломанными крыльями, закувыркался в грязно-серых вихрях. С клетком, с надрывным криком падал он в беснующееся злобное варево. В его отчаянном призыве звенела не только боль потери – в нем звучала любовь к жизни, прорывался неистребимый напор, чувствовалось столько веры и преданности, что Арина услышала, рванулась на зов, пробивая путь сквозь бурлящий черный шквал. Вырвалась из цепких когтистых лап тьмы и на миг застыла на краю утеса, проводив орла долгим взглядом, слившись с ним воедино в последний миг жизни гордой птицы...

Крепче сжав в руках мечи-молнии, стремительно развернувшись, с новыми силами кинулась дева на врагов, прорубая в черной бушующей массе огромные бреши, уничтожая всё на своем пути. Понимая, что в одиночку ей не справиться с нарастающей мощью противника, Арина распылила себя, разделила свою суть на части и сражалась сразу в нескольких местах. Только бы сдержать воинство мрака, только бы выиграть для Нины хоть малую крупицу драгоценного времени... Но тьма не сдавалась. И одна за другой светлые частицы Воительницы таяли, погружались в бездну, сгорали в яростной

битве долга... И вот опять Арина, одна только Арина обороняет легкий мостик, искусно орудуя сверкающими мечами...

Неприятельское войско ринулось в очередную атаку. Черные вихри сомкнулись в гудящий вал, мрачная громада рванулась неотвратимым, сокрушительным ураганом, с чудовищным ревом взмыла ввысь над Воительницей, задержалась на секунду в поднебесье – и с грохотом рухнула позади девушки на широкий каменный уступ. Разлетелась черными брызгами, растеклась-скатилась в пропасть. Но какая-то часть ее хлынула вслед за Ниной по сияющей лунной дорожке, с невероятной скоростью нагоняя беглянку.

Арина бросила короткий взгляд вслед золотоволосой Хранительнице: «Ты успеешь, Нина! Я верю в тебя!» И, скрестив над головой мечи-молнии, ослепительно вспыхнула – ввысь взметнулся столб белого пламени. Огненный шквал за краткий миг разметал тьму, волной раскатился на многие мили вокруг. Черные потоки развеяло в мгновение ока. Но и лунная дорожка под ногами Нины, не выдержав яростного натиска, вздрогнула, завибрировала от невероятного напряжения и, словно истлевшая от жара бумага, посыпалась хлопьями пепла в бездну.

Хрупкая красавица, отчаянно прижимая к груди холщовую суму, в последний раз оттолкнулась от рассыпающейся под ногами опоры – и уже было полетела вниз, на острые, громоздящиеся на дне глубокого ущелья скалы. Но в этот момент от ближайшей луны отделилась яркая искра, про-

явилась в темном небе белым облаком и, молнией скользнув к девушке, окутала ее серебристым светом, удержала от падения. А в следующий миг беглянка, достигнув невидимой черты, исчезла, растворилась в пространстве, оставив после себя легкое сияние.

Прекрасная Воительница, стоя на краю обгоревшего обрыва и скрестив на груди руки, смотрела на мерцающие блики торжествующим взглядом. Тело девы покрывал застывающий кристальный панцирь обережного кокона. Наконец она закрыла глаза и погрузилась в сон.

* * *

Спустя минуту пространство в нескольких метрах позади Арины всколыхнулось, вспыхнуло сияющим водоворотом – и из образовавшейся воронки на обгоревший склон шагнул высокий мужчина. Он зябко кутался в широкий кожаный плащ, под которым угадывалась худощавая фигура; низко надвинутый капюшон скрывал лицо. С Темной стороны Запределья в явный мир восьмого пространственного подуровня соизволил прибыть сам Черный Предводитель, маркграф¹ Жеглард.

Грозовые тучи надвинулись на округу, утопили ее во тьме, отгородили высокую гору от лунного сияния и света далеких

¹ Маркграф – должностное лицо в подчинении короля, наделенное широкими административными, военными и судебными полномочиями. На своих территориях маркграфы обладали властью уровня герцога, за единственным исключением: во время военных походов они всегда следовали за герцогским знаменем.

звезд. Убедившись, что мрак надежно укрыл окрестности, черный господин скинул капюшон, подставил ветру бледное скуластое лицо, втянул ноздрями пропитанный гарью воздух и обвел почерневший выступ скалы жестким взглядом желтых, словно кошачьих, глаз. Подошел к краю каменного карниза, глянул вниз и... спокойно сделав еще несколько шагов по воздуху, как по земле, с брезгливым интересом остановился напротив застывшей над обрывом девушки.

– Самопожертвование – великая сила, – в раздумье произнес злобный гений. – Какой завидный трофей мне достался!

Он провел длинным и острым алмазным когтем по зеркальной поверхности обережного кокона – ни следа, ни царапины! Вот это артефакт! Граф Жеглард отчаянно завидовал мастерству кудесников Светлого Запределья. Надо же! Эта глупая Воительница отдала все свои силы, чтобы одолеть тьму. Это какой же нужен выброс энергии, чтобы за секунды расправиться с его лучшими воинами! С армией лучших воинов!

Предводитель с ненавистью смотрел в закрытые глаза прекрасной амазонки. Он понимал, что сил в ней осталась малая толика. Знал, что только этот непроницаемый хрустальный панцирь и поддерживает в ней жизнь. Кокон возник в последний миг, успев предотвратить гибель рыжеволосой хозяйки. Волшебный оберег будет хранить ее тело хоть тысячи, хоть миллионы лет. Но стоит только солнцу озарить прозрачную капсулу своим светом и окутать животворящим теплом

– волшебная защита примет эту энергию, воскресит деву и сделает в сотни раз сильнее.

– Долго же тебе рассвета ждать придется, благородная Воительница! Наберись терпения! Уж оно-то тебе очень пригодится, – злобно оскалился маркграф. – Уберем-ка мы тебя подальше от сияния солнца и любопытных глаз.

Сняв с шеи блестящий ключ на алмазной цепочке, Жеглард пристально оглядел скальную поверхность, слегка повернулся и замысловатым жестом расслоил пространство. Гранитная твердь расступилась. Злодей щелкнул пальцами, искусным движением-росчерком отделил хрустальный кокон вместе с куском оплавленного камня от утеса и бережно перенес внутрь горы, в темную и мрачную пещеру. Затем запечатал гору, свел вместе пространственные слои, воссоздал изначальный образ гранитного карниза и наложил на всё вокруг заклятие забвения.

Небо и звезды, камни и растения – всё живое и неживое на долгие века забыло о произошедшем. Словно и не было битвы над обрывом. Один только ветер, развеяв по округе черный пепел – отголосок недавнего сражения, – унесся вдаль, прихватив с собой несколько белых перьев – частичку памяти прекрасной зеленоглазой амазонки.

* * *

Многие годы раз за разом приходил Жеглард к Арине, пытаясь достать светлую Воительницу из прозрачного коко-

на. Подчинить себе такого сильного и отважного врага было верхом его желаний. Он испытывал чудесную броню на прочность всеми доступными заклинаниями, пробовал разрушить защитный кристалл всесокрушающей физической силой, но ни на волос не приблизился к цели. Сгонял в пещеру сонмы черных эманаций: зависть и подлость, коварство и трусость, жестокость и сластолюбие, пробовал добиться от Арины реакции на любую подвластную ему отрицательную эмоцию. Безрезультатно. Темные вибрации вздувались, пузырились, дыбились вокруг прозрачного оберега, но не вызвали в спящей красавице никакого отклика.

– Бесплезное отребье! – Предводитель в сердцах стегнул злобой одну из эмоций.

Та отлетела, влажно шмякнувшись о сверкающий купол, и с шипением испарилась. Граф присмотрелся: на зеркальной поверхности осталось крошечное мутное пятно.

– Вот и разгадал я тебя, – с ехидной улыбкой обратился он к недвижимой красавице. – Ну что ж, начнем покорять твое огненное сердце!

Великий Предводитель призывал из мира людей, раздраемого бесконечными войнами и противоречиями, всё новые и новые энергии обиды, досады, боли и гнева. Темные субстанции наваливались вязкой смердящей грудой на сверкающий кокон, пытаясь затопить светлое естество океаном разочарования, отчаяния и безнадежности. Эмоции наслаивались, цеплялись друг за друга, смешивались в клубок и да-

вили на сияющую оболочку сплошной чернильной массой.

Ядовитая смесь, шипя и испаряясь, капля за каплей неустанно разъедала хрустальную защиту. На место сгоревших эмоций горой наваливались всё новые и новые. Жеглард никуда не торопился: впереди были столетия...

И вот в одну из ночей перед ним появился подобострастный подручный. Суетливо переступая копытцами, он с низким поклоном сообщил:

– Господин, пленница на Обиду отреагировала. Ее веки дрогнули!

– Время пришло! – Предводитель порывисто встал, вынул из потайного ящика стола инкрустированный самоцветами ключ на ярко сияющей цепочке.

Он стремительно направился к выходу, по пути властно бросив всё еще замершему в поклоне прислужнику:

– Гордыню ко мне!

* * *

На скалистом карнизе за сотни лет почти ничего не изменилось: тот же серый гранит, тишина и покой. А внутри, под многометровой каменной толщей, в просторной пещере – прозрачный кокон, сберегающий от зла прекрасную амазонку. По гладкой, уже не сжигающей нечисть, но всё еще непроницаемой для негатива поверхности ползали, струились, перетекали гадкие и злобные эмоции. Они шептали о безысходности, вечной тьме и безвременной утрате. Стара-

лись достучаться до сознания Арины, сковать, омрачить ее мысли. Пытались заставить пожалеть о самопожертвовании, проснуться, выйти из-под защиты и сдаться на волю зла.

На самом верху кристалла бесформенной кляксой прилипла длинноносая Обида и, словно заправская плакальщица на деревенских похоронах, причитала:

– Ой, да увяла дева юная во цвете лет! Ой, да не придет к ней боле добрый молодец, не поцелует в сахарны уста!

«Ой, да на кого же... зачем же... да как же!» – разносились по пещере заунывные вопли. Обида метила получить статус Отчаяния, поэтому старалась всюю.

Предводитель подошел вплотную к оберегу и внимательно всмотрелся в лицо девы. Вот от очередной визгливой тирады веки Воительницы нервно дрогнули... Вот еще раз... и еще...

«Нет, тут не в Обиде дело, – злодей осмотрел снующие вокруг эманации и удивленно поднял бровь. – А это что за... недоразумение?»

Немного поодаль, свернувшись в тугой штопор, трепетало Раздражение. Оно не пыталось проникнуть в кокон, не старалось угодить господину. Его до такой степени всё раздражало, даже бесило, что каждый вопль Обиды отзывался в его материи всё новым и новым всплеском негодования и ярости. Жеглард понял: это Раздражение просочилось сквозь нерушимую оболочку хрустального оберега, вызвало эмоции у спящей покуда девушки. Ага! Оно не стремилось

взломать защиту капсулы, но все-таки сделало это – а все эти услужливые рабы изо всех сил старались, но ни грамма не преуспели...

«Так-так», – ухмыльнулся он.

И, решив подтвердить свою догадку, грозно надвинулся на Раздражение:

– Быстро! В кокон!

Раздражение передернулось и... оказалось внутри защитного периметра, трепетно приникло к ногам девушки. У него было одно жгучее желание: только бы оставили в покое!

– Тебе ясно, как действовать? – граф бросил жесткий взгляд на Обиду, наблюдавшую за происходящим с вершины хрустального оберега. – Отбрось дикое желание уничтожить Воительницу или хотя бы чем-то ей досадить. Стань на миг нейтральной, безучастной – и ты проникнешь внутрь, просочишься к естеству светлой девы. Будешь моим преданным шпионом в стане врага. Сделаешь дело – присвою звание Отчаяния.

Эмоция утерла сопли, вязкой каплей стекла с кокона и в порыве страсти с размаху приложилась к сапогу господина мокрыми губами. Затем шумно выдохнула и, пытаясь прикинуться доброй тетушкой, слюняво ощерилась. Собралась, откатилась назад, обтекла кристальную крепость по периметру и... просочилась внутрь, навалилась на затянутую в кольчугу высокую грудь Воительницы грязной тряпкой. Глаза девушки распахнулись, в них затрепетали проблески обиды.

«Процесс пошел!» – удовлетворенно потер руки маркграф.

Он хищно ощерился, затем повернулся к Гордыне:
– Теперь ты... Вперед!

Немного постояв перед намеченной жертвой, вперив в нее надменный взгляд, Гордыня налилась зеркальным блеском и... стала копией рыжеволосой красавицы. Расправила плечи, выпрямилась, вздернула подбородок:

– Не надоело гнить в этом стеклянном гробу? Сколько столетий коту под хвост?! Постыдись, Воительница! Тебе ли в темноте чахнуть?! Посмотри на меня, почувствуй вкус настоящей жизни, без запретов, без правил! Объединись со мной, и ты поймешь, чего достойна! Ощути мощь свою! Выйди из кристалла, отомсти обидчикам за сотни лет заключения! Ведь ты – несокрушимое оружие. Узнай наконец свое предназначение, уничтожь врагов! – И Гордыня, распахнув объятия, потянулась внутрь кокона.

Но дева взглядом остановила непрошеную гостью. Она пристально, с подозрением вгляделась в свое «отражение» – и запретила кому бы то ни было к себе приближаться.

Однако на подмогу отверженной эмоции поспешил сам Предводитель. Он мгновенно изменил выражение худого скуластого лица с колюче-презрительного на услужливо-подобострастное, всплеснул руками и воскликнул:

– Госпожа, неужели я нашел вас?! Сколько лет прошло! Помните ли вы свою прошлую жизнь, Антонина?

– Меня зовут Антониной? – тихо спросила девушка, медленно обводя взглядом своды пещеры. Она ничего не помнила, не могла определить, друзья перед ней или враги. Она словно заново обретала мир. Каким он будет? Что он несет ей?

Воительница внимательно поглядела на того, кто пробудил ее от долгого сна. Перед ней стоял сухопарый брюнет с тонкими чертами лица и аккуратными усиками. Девушка с недоверием смотрела на собеседника: всё бы ничего, вот только глаза он почему-то постоянно отводил в сторону...

Но тот, взмахнув перед амазонкой блестящим ключом на длинной сияющей цепочке, радостно ответил:

– Конечно! Разве вы не помните? Я расскажу обо всем! Только вернитесь к нам... Выходите же, послужите справедливости, без вас мы не справимся с врагами!

Голос его был бархатистым, мягким, вкрадчивым. Заставлял прислушаться и довериться, незаметно и изобретательно уводил мысли от истины. Тихо звучал в темной пещере, повествуя девушке о событиях восьмисотлетней давности. О том, какой сильной и непобедимой была она, как билась на стороне Света, яростно отражая атаки злобных сил. Как пожертвовала собой, как предали ее друзья и единомышленники, оставив на сотни лет во тьме и в забвении.

Жеглард почти ничего не скрыл от нее. Просто немного извратил события, вложил в сознание девушки только ту информацию, что была ему удобна. Он хорошо знал, где надо

надавить, чего не сказать. Что произнести с горестным надрывом, а что – с пафосом. Он плел свою сеть неторопливо и искусно, опутывая сознание красавицы тонкими и крепкими нитями зла. Через преданных шпионов, обманом проникших в кокон, он неустанно подавал внутрь сияющего контура крупницы тьмы. Капли яда, поначалу незаметные, сильно разбавленные. Постепенно, аккуратно увеличивая дозу зла и учащая периоды подачи, он напитывал сознание амазонки пагубной энергией, со злорадным вожделением ощущая исходящие от Воительницы всё более агрессивные импульсы.

И вот наступил момент, когда естество девушки-воина до предела заполонила тьма. Даже частичка ее сознания не в состоянии была воспринять Свет. Нетерпеливо ожидавшие этого часа Раздражение и Обида накрепко сковали ее душу каменным панцирем, а властная Гордыня, воспользовавшись мрачным помешательством амазонки, проникла наконец внутрь кокона и своими вибрациями заледенила жаркое когда-то сердце. И Арина, великая Воительница и защитница идей Света, стала антиподом Нины – Антониной. Дева с холодной решимостью вышла из-под хрустальной защиты и добровольно сделалась соратницей Черного Предводителя маркграфа Жегларда.

ГЛАВА 1

Август вступил в свои права. Летняя жара заставляла пла-

виться не только тело, но и саму душу, влекла горожан подальше от раскаленного асфальта – на дачи, в тенистые дворы и зеленые парки, в раскинувшуюся по берегу Енисея и его многочисленным протокам зону отдыха, превратившуюся в это время в настоящий объект паломничества. Люди отправлялись получить свою порцию летнего загара и освежающей прохлады на близлежащие озера и к берегам двух полноводных рек, у слияния которых расположился небольшой уютный город.

На шумном рынке, в просторных павильонах и под широкими тканевыми навесами, – море овощей и фруктов, заполонивших спелым и душистым изобилием широкие прилавки. Сахаристые арбузы и медвяные дыни грудями лежат на огромных поддонах, игриво завлекая прохожих налитыми боками. Так и хочется, отрезав большой ломоть, впиться в нежную мякоть, ощутить вкус и аромат прохлады, растекающейся во рту невероятной сладостью.

Традиционное в это время года оживление царит вокруг дачников, укрывшихся от палящего зноя под большими пляжными зонтиками. Разложив на складных столиках плоды своего нелегкого труда, они привлекают обитателей многоэтажек свежей и сочной огородной зеленью, хрусткими огурчиками и молодыми, где-то еще не совсем спелыми домашними помидорами. И ягодой! Лесной и садовой, пронизанной солнечным светом и до предела насыщенной загорным летним теплом, – в банках, контейнерах и стаканчи-

ках, в разнокалиберных пластиковых ведерках – на все вкусы, на любой кошелек!

В большом здании рынка прохладно и спокойно. Кажется, уличная суета вместе с испепеляющей жарой остаются за кирпичными стенами. Ступая по ровному бетонному полу, словно приобщаешься к размеренному ходу внутреннего времени. Конфетно-пряничные, чайные и кофейные павильончики нарядными красочными кубами расположились в центре, стараясь привлечь внимание блестящими фантиками и этикетками, яркими цветами и броскими названиями на коробках. Выстроившиеся в ряд витрины-холодильники радуют глаз разнообразными продуктами местных производителей. А у дальней стены – отделы со свежим душистым хлебом и разнородной сладкой выпечкой, выставленной на всеобщее обозрение, словно произведения искусства.

* * *

Крепкий светловолосый мужчина лет сорока с военной выправкой и глубоким взглядом светло-карих глаз выбрал бородинский хлеб, сунул его в пакет, где уже лежали сыр, колбаса и сочные помидоры – сегодняшней обед. «Вчера не успел ничего приготовить, – вздохнул он. – Надо быстро перекусить, следующий пациент придет на прием к двум часам дня».

Вышел под палящее солнце, оглядел с высокого крыльца толпы людей и... замер, увидев поднимающуюся по ступе-

ням рыжеволосую черноглазую красавицу.

«Давно на девушек не засматривался», – улыбнулся мужчина сам себе, тряхнул головой и направился к расположенному неподалеку зданию, где арендовал кабинет. Краем глаза он заметил справа от себя сияющую белую тень, щитом отгородившую его от красоты. Но решил, что это яркое солнце слепит глаза после полутьмы помещения.

Военный медик Сергей Земцов вышел в отставку в звании майора. И, вот уже четвертый год занимаясь частной практикой, всё свое время посвящал восстановлению человеческого здоровья. Люди шли и шли к нему за помощью, услышав от знакомых о хорошем враче-неврологе, о чудодейственной силе его рук. Приезжали из других городов, записываясь на прием заранее, только бы попасть к специалисту, который, вопреки вердиктам медиков из поликлиники, высвобождал защемленные нервы и восстанавливал позвоночник, возвращал подвижность суставам и избавлял людей от острых болей при радикулите и остеохондрозе.

И доктор принимал больных с утра до ночи. Бывали дни, когда, занимаясь с последним пациентом, пришедшим на прием к девяти вечера, он выкладывался полностью, завершая работу буквально на излете, на пределе сил. Даже отдохнуть по-настоящему не получалось.

Сергей работал на износ. Он устал от всего... Устал доказывать правильность методики, следуя которой, вернул здоровье уже тысячам людей. Устал биться в стену непонима-

ния и противостоять сторонникам традиционной медицины, опирающимся в подходе к лечению пациентов на утвержденные министерствами ГОСТы.

Хотелось просто от всего отрешиться, передохнуть, отвлечься... Не получалось. Слишком многим надо было помочь. К вечеру оставалось только одно желание – просто лечь и ни о чем не думать, провалиться в сон и забыться...

* * *

Доктор закончил прием раньше обычного – всего-то в семь вечера. Надо было постараться не заснуть от жары и усталости сразу после душа, а хоть что-то приготовить себе на завтра, на обед.

Народу на улице было много. Вечерняя прохлада выманила из перегретых за день квартир сотни горожан. Люди неспешно шли по тротуару, смеялись и весело переговаривались. Кругом царил непринужденная атмосфера субботнего вечера.

Направившись к автостоянке, Сергей неожиданно вновь увидел девушку. Ту самую, что обратила на себя его внимание еще днем. Она явно выделялась из толпы. Шагала по тротуару целеустремленно, как по подиуму. Длинные ноги, высокие каблукы, красное облегающее платье, выгодно подчеркивающее фигуру, – яркая, красивая, завораживающая. Она смотрела прямо на Сергея. Мало того – она ему улыбалась. И он сам не понял, как потянулся навстречу...

Но тут кто-то цепко ухватил доктора за рукав:

– Сынок, не поможешь сумки до остановки донести?

Больно уж тяжелые. Совсем из сил выбилась!

Рядом, невесть откуда взявшись, стояла сгорбленная седая старушка, опирающаяся на деревянную клюку. Отполированное до блеска дерево словно сияло изнутри, замысловатый лиственный узор вилялся по всей поверхности посоха. Бабка уронила одну из многочисленных кошелок, охнула и, протянув мужчине красивую резную палку, попросила:

– Подержи.

Сергей про себя отметил, что вывалившиеся из разорванного кулька конфеты, переливаясь глянцевой оберткой, рассыпались вокруг старушки ровным кругом. Он уже готов был протянуть руку, чтобы взять у старухи палку, но тут боковым зрением «зацепил» подпрыгнувшего за ярким мячом и замершего в воздухе мальчугана. А в следующий миг обратил внимание на зависших с распахнутыми крыльями голубей, мгновение назад с шумом взлетевших от неподвижного теперь автобуса, присевшего в момент торможения на передние колеса. С нарастающим удивлением оглядел разноцветную праздничную толпу, только что оживленно шумевшую и вдруг, словно по мановению волшебной палочки, окаменевшую во всем своем разнообразии. Кто-то, подобравшись перед прыжком через ступеньку, смешно вскинул растопыренные руки; чей-то смех, не успев сорваться с уст, веселой гримасой запечатлелся на неподвижном лице, как на фотогра-

фии; воодушевленно взмахнувший смычком уличный музыкант, глубоко вдохнув, застыл в предвкушении первого звука нежной мелодии.

В этот момент словно кто-то дернул Сергея в сторону – образ властной красавицы заполнил сознание. Забыв про старуху с ее сумками, он развернулся и пошел, всё ускоряя шаг: «Где она, где?» Он почти бежал, он ясно понимал, в каком направлении двигаться. К ней! К той, ради которой он был уже готов на всё! Словно кто-то подстегнул изнутри: «Скорее!» Сергей перешел на бег. Сколько он так бежал? Куда бежал? К ней! Именно к ней!

Неожиданно магнит, тянувший к себе всё естество доктора, исчез. Он потерял ориентир, споткнулся. В недоумении остановился и осмотрелся – куда идти? Где его красавица? И хотя тело уже не подчинялось властному приказу, в сознании всё еще не переставала биться одна мысль: «Ее нельзя потерять!» Мужчина готов был обежать весь город – только бы найти ее! «Может, она в тот проулок завернула?» – спросил он себя.

В густой тени небольшого проема между двумя высокими домами девушки не было. А ведь она должна его там ждать – Сергей твердо это знал! Он заглянул в чернеющую щель – там царил кромешный мрак, стояла гулкая тишина и пахло озоном (как будто только что прошел дождь). Доктор вдохнул эту странную свежесть, тряхнул головой и в нерешительности остановился... Что-то изменилось... Он огля-

нулся, поискав в душе ту всепоглощающую силу, что минуту назад вынудила его бежать за непонятной мечтой. Не нашел.

Спустя миг показался неясный силуэт: из темноты, словно из тумана, постепенно проявилась большая белая собака. Она двигалась грациозно, неторопливо и что-то несла в зубах. Морда ее была сильно исцарапана, но огромная псина выглядела довольной. Она небрежно выронила из клыкастой пасти растерзанный кусок красной ткани и совсем не по-собачьи широко улыбнулась человеку.

Наваждение пропало. Больше не хотелось бросить весь мир к ногам загадочной незнакомки. Сергей огляделся, приходя в себя. Определил, где находится, глянул на часы и удивился: как далеко успел убежать за такой короткий срок!

Вернулся к машине, завел мотор и направился домой.

Странные явления никак не выходили из головы. Но почему-то не получалось бить тревогу, столбенеть от нахлынувших событий, пытаться обнаружить в себе признаки сумасшествия. Словно кто-то отключил в нем инстинкт самосохранения и способность трезво оценивать происходящее. Его не покидало ощущение, будто подобное уже случилось с ним прежде... Когда? В прошлой жизни, что ли?

* * *

У подъезда аккуратной пятиэтажки на развесистой, густо убранной оранжевыми ягодами рябине сидела белка, сжимая в лапках сосновую шишку. Она словно превратилась в без-

молвное изваяние, только кончик пушистого хвоста нервно подрагивал. Белка старалась быть как можно незаметнее. Но Сергей ее увидел, скорее даже – почувствовал. От зверька исходило настолько родное, уютное тепло, что он поневоле остановился.

Насмотревшись на такую непривычную в городе гостью, доктор набрал код домофона и открыл дверь. Из крошечной темноты дохнуло холодом. «Опять лампочки перегорели», – решил он. В последнее время тьма закрадывалась в подъезд всё чаще. Порой приходилось до своего этажа подниматься в странном, почти осязаемом промозглом сумраке, заполнявшем лестничные пролеты липкой паутиной страха и безнадежности.

Но как-то раз сумрак вдруг отступил. Уже дня три как на площадке пятого этажа обосновалась огромная белая собака. Сергей встречал ее, выходя из квартиры, сталкивался с лохматой громадиной у подъезда. Часто видел, как, сидя на перекрестке, она следила внимательным взглядом за его машиной. А когда доктор подъезжал к трехэтажному офисному зданию, где вел прием пациентов, собака уже лежала у крыльца. Внимательно осматривала человека, но не приближалась. словно безмолвный телохранитель – всегда рядом, всегда следит. Вот и полчаса назад встретила его в темном закоулке...

«Может быть, это разные собаки? – спрашивал себя Сергей. – Мало ли их в городе?»

Но где их столько наберешь, огромных – почти полтора метра ростом, снежно-белых и таких лохматых? А если собака одна, то как она может перемещаться по городу быстрее автомобиля? Ну просто мания преследования какая-то!..

Кстати, сейчас собаки видно не было...

Сергей уже почти вошел в подъезд, но тут неожиданно за спиной у него кто-то вскрикнул, послышался звук падения, что-то посыпалось. Мужчина повернулся и увидел растянувшуюся на тротуаре бабушку. Ту самую, что просила его помочь с тяжелыми сумками...

«Вечно у нее что-то падает! Неуклюжая»... – Отпустив ручку двери, доктор поспешил женщине на помощь.

Притаившаяся в глубине подъезда тьма завибрировала, потянулась вслед за человеком жадными щупальцами. Но белка была настороже: она с размаху кинула шишку в клубящийся мрак, вспышка света отшвырнула черные потоки внутрь, дверь с грохотом захлопнулась. Во дворе внезапно появилась воронья стая – и с громким карканьем обрушилась на рябину, пытаясь выцарапать из сплетения ветвей шустрого зверька.

Порыв ветра ударил в спину, чуть не сбив Сергея с ног. Он в три шага оказался рядом со старушкой. Вывалившаяся из разорванного пакета картошка рассыпалась, образовав почти ровный круг. Желая помочь старой женщине подняться, доктор ступил внутрь картофельного кольца и в изумлении вскинул голову: их обоих легкой пеленой накрыла невесомая

полусфера из сияющих искорок. Светящиеся капли переливались и издавали тонкие, высокие звуки. Казалось, будто мельчайшие хрустальные подвески, сорвавшись с большой люстры, поют вокруг них волшебную мелодию.

– Клюку подай, – сдавленно прошептала бабка.

Голос ее едва звучал, но во взгляде была такая внутренняя сила, что Сергей безропотно повиновался и нагнулся за палкой.

– Скорее, время уходит, – торопила его женщина, уже заваливаясь на бок. Ее землисто-серое лицо быстро бледнело и словно расплывалось, растворялось в пространстве.

Сергей как во сне протянул клюку старухе. Та неожиданно сильно ухватила за резной посох, цепко накрыв пальцы доктора своей шершавой ладонью. Судорожным рывком, словно вложив в это движение остатки сил, опрокинула мужчину на себя. Тот машинально выставил вперед свободную руку, чтобы избежать столкновения с костлявым бабкиным телом. Но удара не последовало. Тротуар под ними расступился – оба рухнули в образовавшийся проем, перед глазами замелькали искры, звезды, сияющие блики... В ушах стучала кровь, в голове гудело. Было слышно, как сильно колотится рядом бабкино сердце. Или это – его сердце? Или – не сердце? Казалось, что всё пространство вокруг дышит, пульсирует, перерождается. Еще один вдох – и калейдоскоп ощущений, цветов и звуков слился в одну сплошную линию...

* * *

...Минутой ранее из соседнего подъезда вышел молодой человек со стекляшкой пива в руках. В пронзительном вороньем гомоне он поначалу ничего необычного не заметил. Ну прилетели, ну разорались. С воронами такое часто бывает. Но оказалось, что черные бестии отчего-то нацелились на непонятно откуда взявшуюся белку, которая пыталась укрыться от них в густой листве рябины. Чего доброго, заклюют! Такая поднялась круговерть – с дерева градом сыпались ягоды и листья, вороны орали, белка верещала.

Одна из больших птиц всё же схватила рыжего зверька за хвост и хищно взмахнула крыльями, стремясь как можно быстрее скрыться в чернеющем небе. Ничего кроме пива в руках у парня не было. И он, не раздумывая, запустил в крылатую охотницу бутылкой. Стая с гомоном взвилась ввысь. Бутылка разбилась о бетонную стену дома, оставив на светло-серой стене пузырящееся пятно. А белка, растопырив лапки и распушив хвост, полетела на землю.

Остальное не поддавалось логическому объяснению: юноша с изумлением наблюдал, как посреди двора в золотом сиянии исчез мужчина из соседнего подъезда. Как откуда-то с крыши – а может, из окна верхнего этажа – выпрыгнула собака. Как, извернувшись, она одним ловким движением подхватила падающую белку и влетела в сверкающую полусферу. В следующий миг сияние с легким звоном схлопнулось, исчезло...

И всё вокруг стало обычным. Вороны, рассевшись по деревьям, примолкли, словно в страхе чего-то ожидая. Зажглись фонари, окна квартир осветились за разноцветными шторами. Проехала машина, на парковке раздался смех, слышалась музыка. Как будто кто-то повернул невидимый рубильник, и жизнь «включилась».

Дверь подъезда с грохотом распахнулась, оттуда стремительно вышла высокая яркая девушка. За ней следовал скользкий тип с тонкими усиками, разодетый в новомодный темно-серый костюм. Красавица обвела взглядом вернувшийся к жизни двор и, встретившись глазами с обалдевшим парнем, злобно бросила: «Негодяй! Ты у меня за всё ответишь!» И уже шагнула вперед, явно собираясь выполнить угрозу.

– Я бы не советовал вам этого делать, дорогая Антонина, – лишь слегка повернув голову в сторону молодого человека, проговорил ее спутник.

– Почему? Он же был с алкоголем! Значит, у вас есть над ним власть, господин.

– Уже нет, – тип с усиками глянул на юношу искоса, сквозь ресницы, брезгливо щурясь и поеживаясь. – Уже нет. Слишком много света...

Он изящно повернулся на каблуках и, раздраженно поигрывая тонкой тростью, двинулся обратно к распахнутой двери подъезда. Девушка, напоследок бросив испепеляющий взгляд на того, кто посмел нарушить ее планы, твердой по-

ходкой направилась следом за господином в зияющую зыбким холодом темноту. Дверь за ними бесшумно затворилась, изнутри раздался легкий хлопок.

И на этом – всё... Светловолосый мускулистый парень обреченно смотрел на черную железную дверь. Ему всё равно никто не поверит. Ему никогда не верили, что бы он ни рассказывал...

...Сашкино детство до десяти лет было самым обычным, а потом стало более чем странным. С рождения (он твердо это помнил) рядом всегда находился самый родной на свете человек – брат. Имена двойняшкам особо-то и не выбирали. Счастливые родители назвали сыновей, появившихся на свет с разницей в полчаса, в честь дедушек. Старший стал Андреем, младший – Александром.

Андрейка был абсолютно не похож на голубоглазого кудрявого Сашку и таких же родителей – белокожих, синеглазых, с вьющимися волосами цвета спелой пшеницы. Он разительно отличался от всех в семье – черноволосый, смуглый, худющий и донельзя серьезный. С самого рождения – очень серьезный и не менее сильный духом. Мальчишки были такими разными и такими родными...

Брат был для Сашки всем – его другом, советником и напарником в разнообразных приключениях – от запуска картонной межгалактической ракеты с крыши дачного домика до ночного похода в соседский сад за яблоками (ох и до-

сталось же им тогда от отца!). И в школе, и на спортивных соревнованиях, и во всех дворовых играх они оставались неразлучны. Десять лет были вместе. А потом... Андрейки вдруг не стало. Он не уехал и не заболел, не попал под машину и не погиб в страшной катастрофе... Вчера был рядом, а сегодня... исчез. И ни у кого, совсем ни у кого не осталось о нем воспоминаний... Исчезло вообще всё, что могло напомнить об Андрее, – личные вещи, документы, даже двухъярусная кровать в детской комнате утром вдруг стала одноярусной. Ни в школьном журнале, ни в наградных грамотах – нигде не сохранилось даже имени Андрея. Ни учителя, ни родители, ни тренер по самбо не могли понять, чего от них хочет свихнувшийся вдруг мальчуган.

– Хватит придумывать! Нет у тебя никакого брата и никогда не было! Опомнись уже, приди в себя. Не бывает так, чтобы вся рота не в ногу шагала, а ты один – правильно, – говорили ему.

– Бывает! – горячо спорил Сашка. – Я же о нем помню, а вы все почему-то нет!

Он неустанно твердил, что надо искать, надо бежать в милицию и писать заявление о пропаже. Но на него все смотрели как на полоумного. Друзья только пожимали плечами в ответ на вопрос: вспоминают ли они о смуглом заводиле во всех играх?

– Где мой брат? – повторял встревоженный мальчишка на протяжении нескольких месяцев.

– Да нет у тебя брата, – следовал неизменный ответ.

– Где брат??? Куда он делся?! – кричал Сашка почти в беспамятстве.

Никто не помнил, никто не верил. А он – помнил, ждал, искал...

Его водили к светилам в области психологии и психиатрии, пичкали успокоительными препаратами, таскали на всевозможные психотерапевтические сеансы. Но он видел, что совсем никто ему не верит, никто не помнит о его брате. Как это вышло? Он без конца прокручивал в голове сцены из прошлой, такой веселой и беззаботной жизни. И не мог понять: как, почему все вдруг забыли об Андрее? В конце концов после очередной дозы успокоительных препаратов он понял, что его просто-напросто закормят лекарствами, превратят в овощ... И – замолчал.

Он больше никому не говорил о брате. Но надеяться не перестал. Главным помощником в поисках был интернет. Сашка высматривал любую информацию о странных исчезновениях. Да, люди часто терялись. Но исчезнуть так, чтобы о человеке не осталось даже памяти, – подобных случаев было немного. Но кое-что всё же попадалось. И Сашка жадно собирал на просторах инета крупицы информации о таких же, как он, не сумевших забыть своих пропавших без следа близких.

И наконец, спустя пятнадцать лет, взрослый уже парень что-то нащупал. Ему казалось, что вот-вот перед ним рас-

пахнется невидимая раньше дверца – и он шагнет в неизведанное, найдет Андрея. Ох, сколько же ему надо рассказать своему старшему брату!..

ГЛАВА 2

Бездонная пустота поражала своей бесконечностью. Вокруг была крошечная тьма. Понятия «верх»-«низ», «далеко»-«близко» утратили актуальность.

Кто он? Где? Что происходит?

Попытался сосредоточиться, собраться. Величественное движение Космоса ощущалось каждой клеточкой. Клеточкой чего? Руки-ноги – ничего не чувствовалось, ничего не болело. Уходили в небытие, рассыпались в прах ощущения и эмоции. Было никак. Или... никак не было. Теряя осознание, он медленно растворялся в необъятном пространстве, распадаясь, расщепляясь на мельчайшие частицы, сливаясь с Абсолютом.

Неожиданно пришло видение: вокруг столько звезд! И появились мысли. Много мыслей. Словно яркие искорки чьих-то сознаний сновали со всех сторон. Он ловил то одну, то другую эмоцию. Не успевая сосредоточиться на ближайшей, тут же переключался на следующую, и еще на одну, и еще...

Чьи они?

Звезды! Такое немислимое количество, что местами они кажутся одной сплошной туманностью... Особенно явствен-

но выделяется Млечный Путь... Красивый, безбрежный, завораживающий... Только с обратной стороны... А как можно понять, что это не другая галактика?.. Зачем понимать? Это очевидно...

Кто это думает? Чьи мысли?

Неожиданно его окутало сияющее облако, понесло куда-то с невероятной скоростью. Звездный свет замерцал, завибрировал, потек сквозь время.

Мыслей-искорок больше не было. Но явственно ощущалось, как думает несущая его в себе сияющая субстанция. Слившись с облачным сознанием, он вдруг увидел (или почувствовал) воспоминания этого странного существа. И были они почему-то знакомыми.

Откуда?

Он видел, но не понимал, кто рядом с ним, что происходит и зачем ему это. Он просто был там. И всё.

– Проголодалась, животинка?

На площадке верхнего этажа сидит большая белая собака. К ней по лестнице поднимается пухлая неряшливая женщина в засаленном халате. В волосах тетки – ярко-розовые бигуди, глаза скрыты за зеркальными стеклами огромных пляжных очков. От нее пахнет жареной рыбой. Но запах кухни перебивает дурманящий аромат ванили, гортензии и еще чего-то до боли знакомого, опасного. Но определить не получилось. Эх, Клавдия, Клавдия... Как-то вдруг забыла ты об осторожности...

Клавдия? Кто это? – промелькнуло и угасло.

Грузная дама, натужно кряхтя, поставила на бетонный пол большую миску с маслянистой жидкостью и осторожно подвинула поближе к собаке. Та поднялась и перешла на другую сторону лестничной клетки.

– Что, собачка, не хочешь? Невкусно? Может, тебе послать для верности? – толстуха достала из кармана небольшой пузырек, сыпнула из него в миску и, словно стряхивая с пальцев мелкие крупинки, хлопнула в ладоши.

Частички пыльцы вонзились Клавдии в глаза, искрами пробежались по длинной мохнатой морде, опутали естество липкой паутиной.

– Спи, дорогуша. Спи долго-долго, – женщина с коварной улыбкой провела рукой над собакой, посыпая ее легкой пылью.

Заклятие оцепенения сделало свое дело: серебристый панцирь сковал лохматую голову, собака медленно опустила морду на лапы, закрыла глаза и окаменела... Только ее мятущееся, сияющее лунным светом сознание ринулось к цинично улыбающейся ведьме, пытаясь остановить, удержать, не дать свершиться злу... Безрезультатно... Эх, Клавдия...

Он снова погрузился в созерцание, растворяясь в глубинах космического пространства. Лучи звезд, как золотые нити, текли в пустоте, свиваясь в причудливые узоры. Ласково мигали, завораживая и убаюкивая.

Пришло новое видение:

Очкастая тетка, удачно наложив на белую собаку заклятие, неспешно спускается вниз по лестнице. С каждым шагом внешность ее преобразуется, объемы уходят, шарообразное тело трансформируется в гибкую безупречную фигуру. Неопрятный халат превращается в дорогой брючный костюм, выгодно подчеркивающий стройный девичий силуэт. Пластиковые бигуди растворяются в воздухе, выпуская на свет огненно-рыжую гриву роскошных длинных волос. Изящной рукой с ярким маникюром красавица снимает солнцезащитные очки и, выходя из подъезда, бросает их в урну.

В воздухе перед ней появляется большая хрустальная чаша со сверкающей пыльцой. Юная колдунья пригоршнями черпает сияющую пудру и развеивает ее по двору, что-то напевая, особенно четко проговаривая окончания. Всё вокруг — здания, скамейки, тротуары, листва деревьев и припаркованные машины — покрывается искристой изморозью. Затишье, затишье, затишье, остановилось всякое движение...

Только в раскрытое окно одной из квартир первого этажа, игнорируя действие заклятия, хоть и очень медленно, но неудержимо вползает большой паук и, бережно придерживая в лапках микроскопическую сияющую скляночку, направляется к откупоренной бутылке пива. Запотевшая стеклянная емкость красуется на компьютерном столе перед застывшим у монитора светловолосым парнем.

И что потом? – возник вопрос. Непонятно, кто и к кому обратился...

Пришел мысленный ответ: *«Паук принес сияющее зелье, снимающее заклятье оцепенения. Сначала в пиво капнул, потом парня расколдовал. А тот разбудил дом и меня от заклятия освободил. И я, недолго думая, выпрыгнула в окно...»*

Что такое – окно?

Ответ почему-то покоробил: *«А не пойти бы тебе... Лучше бы спросил – кто я и куда мы направляемся...»*

Кто он? Где он? Куда он? Всё угасло. Тишина. Темнота...

* * *

Медленно-медленно пробуждалось сознание, выхватывая из пространства неясные оттенки, отзвуки, ощущения. Они наслаивались друг на друга, смешивались, перекликались, формируя звуки, образы, возвращая мировосприятие. Постепенно из обрывков сложилась реальность.

Плавно-тягуче плывут по небу облака. Нет, это он плывет в облаках, кружится с ними в танце, пытается погладить невесомые, расходящиеся от движения воздуха туманные завитки, погружается в белую молочную прохладу, выныривает из нее и парит-летит-плывет в ясной пронзительной синеве. Такой высокой, такой безграничной...

Да нет, это уже не глубокая небесная синь. Это – вода... Голубая, чистая, прозрачная. Она обволакивает тело, плещется у лица, лучится солнечными зайчиками в легких вол-

нах. Что это? Река? Широкая, спокойно несущая свои воды меж лесистых берегов, она влечет его течением всё дальше и дальше... По обеим сторонам сплошным зеленым ковром раскинулся лес. Красиво как! Хорошо, спокойно, безмятежно... Сколько он уже плывет? Час, день, вечность? Какая разница... Так бы плыть, и плыть, и плыть...

Неожиданно в густой листве слышится громкий свист и щебет. Чаще всего раздается: «Чак-чак-чак!»

«А-а, – появилась ленивая мысль, – это же белка! Где она?»

Сконцентрировался – стена деревьев резко приблизилась, обозначились стволы, ветви, тонкие прожилки на зеленых листочках. Взгляд поймал яркую беличью шубку, пушистый хвост, даже кисточки на ушах видны отчетливо! Рыжая зверушка взволнованно смотрит на него круглыми бусинками глаз.

«Опять белка, опять шишка», – промелькнуло в сонном сознании. Мысль вспыхнула, но тут же погасла, и восприятие действительности медленно потянулось дальше, купаясь в пронизывающих кружевную листву солнечных лучах. Но зацепилось: белка нахмурилась... Что? Белка – нахмурилась? Да быть того не может! У нее и мимические мышцы не в состоянии так работать! Он присмотрелся внимательнее. Да нет, показалось... Сознание вновь стало погружаться в неторопливое покачивание, плеск волн и сияние солнечных лучей.

Но вредная белка никак не отставала – вскинула лапки, схватила себя за усы, потом суетливо перескочила с раскидистого клена на нижнюю ветку растущей у берега сосны и сорвала крупную шишку. Тщательно прицелившись, с размаху бросила в его сторону.

«Не долетит», – подумалось сквозь негу журчащей вокруг прохладной воды.

Однако хлесткий удар в переносицу доказал обратное. От неожиданности он вскинулся и... обнаружил себя на зеленой поляне.

Вдруг осознав, что он – не сгусток лучистой энергии, а человек по имени Сергей, отвлекся от расслабленного созерцания, сконцентрировался, прислушался. Откуда-то издали пробивался голос, который, сменяя пелену небытия, звучал в сознании всё громче и громче: *«Ну вот, ирод, проявился наконец. Молодец, Рыжуля, хоть на боли смогла его сфокусировать. Так, собрались все, выводим человека в пространство-время...»*

ГЛАВА 3

Глубокая ночь охватила Темную сторону Запределья. Низкие тучи висели над бескрайним лесом, запутывались в ветвях вековых сосен, карабкающихся по уступам отвесных скал, и еще сильнее омрачали картину. Время от времени среди грозно нависших облаков вспыхивала длинная изло-

манная молния. Она на миг освещала окрестности и вырвала из тьмы очертания вырубленного в скале замка с высокими башнями, узкими окнами-бойницами и неприступными стенами.

Резко выступая из мрака, несокрушимая цитадель Черного Предводителя маркграфа Жегларда наводила на округу суеверный ужас. Окрестные жители в страхе обходили зловещую крепость стороной. К тому же хозяин оградил свою обитель неприступными заклятьями, так что кроме него самого и нескольких особо приближенных войти туда не смог бы никто. Выйти – тем более: многочисленная челядь навечно оставалась в плену, безропотно исполняя свои обязанности.

Добротные ворота, толстая железная решетка с острыми шипами преграждали путь любому, кто решился бы проникнуть за стены замка. Но если бы кто-то вдруг и сумел пробраться туда, то удивился бы невероятно. Внутри всё выглядело совсем не так устрашающе, как снаружи: за высокими стенами скрывался широкий ухоженный двор, обрамленный пышной выющейся зеленью. Неяркие фонари освещали выложенные каменной плиткой аллеи и ажурные чугунные скамейки. Главная дорога вела к обширному крыльцу в готическом стиле с двумя громадными статуями в виде разверзших зубастые пасти драконов, стерегущих вход в черный дворец. А за высокой двустворчатой дверью замка – широкая парадная лестница из серого мрамора, с изящными перилами в ви-

де переплетающихся в страстном танце змей, усталая темно-зелеными с золотым орнаментом коврами.

Внутреннее убранство замка также поражало великолепием: одна парадная зала сменяла другую. Стены, выложенные мрамором и перламутром, отделанные узором из драгоценных камней, переливающихся в неярком искусственном свете. На громадных мраморных каминах – дорогая бронза. Шелковые занавеси и тяжелые плотные портьеры на окнах, роскошные ковры на мозаичном дубовом полу. Золотые канделябры, дорогие вазы, картины в золоченых рамах и редкие гобелены – всё заявляло о богатстве и претенциозности владельцев черной цитадели.

Но Жегларда мало привлекали блеск роскоши и разноцветье драгоценных камней. Это всё – баловство Антонины, которой он предоставил возможность менять интерьер по собственному усмотрению (вернее, по наущению Гордыни, которая, поработив сознание прекрасной амазонки, развернулась не на шутку). Единственное условие, на котором настоял хозяин цитадели, – ни капли солнечного света.

Предводитель давным-давно обосновался в громадной зале на первом этаже замка, у дальней стены, в которой запахнул страшный зев отделанный черным мрамором камин с массивными спиралями решетки. Именно здесь граф любил проводить «разбор полетов»: и пленников из темниц на экзекуцию вести недалеко, и самому в пыточную спуститься недолго (если вдруг особый интерес возникнет).

Вдоль камина по дивному шелковистому ковру, скрады-
вающему стук высоких каблуков, нервно расхаживала Анто-
нина.

– Но почему?! – заламывая руки, недоумевала она. – Всё
было так хорошо спланировано, всё шло как по маслу! Ника-
кого намека на то, что в обездвиженном заклинанием дворе
могут проявиться непредусмотренные действия, неподви-
женные люди и тем более враждебные нам светлые вибрации!
И вдруг из-за каких-то аналитиков и исполнителей весь де-
тально продуманный и мастерски подготовленный план про-
валился!

Кто следил за пространством? Откуда появился этот лю-
битель пива? Как случилось, что ни одна из тщательно под-
готовленных ворон не смогла защитить портал от проникно-
вения? Там была всего-навсего белка! Одна-единственная!
На три сотни отборных крылатых воинов! Почему ни на кого
нельзя положиться? Почему уже который раз всё летит к...
– она осеклась и быстро взглянула на Жегларда.

– А вы спросите об этом у своей златокудрой ипостаси,
дорогая Антонина, – с алчной ухмылкой ответил тот, про-
думывая наказание для закованных в цепи операторов, что
управляли действиями ворон в недавнем событии у подъез-
да. Специалистам, воздействующим на поведение птиц, бы-
ла отведена особая роль в мероприятии по захвату челове-
ка. Но план провалился, и проштрафившиеся слуги в ужасе
ждали наказания.

– Господин, если бы хоть один из светлых остался в той реальности, в людском пространстве, сфера ни за что бы не закрылась! – с надрывом воскликнула прекрасная амазонка.

– И что теперь? Вы за ними на солнечную сторону пойти собирались? – вопросительно приподнял бровь Предводитель. – Не хотел бы я, моя дорогая Антонина, увидеть, что бы с вами тогда произошло. Очень не хотел бы. – Он с коварной улыбкой кинул на девушку мимолетный взгляд и тут же, болезненно скривившись, отвернулся.

Затем властно бросил юркому приспешнику:

– Заклинателей пространства сюда... Всех!

Жеглард разошелся не на шутку – кого испепелил, кого в камень обратил, а кого-то вообще в пространствах развеял, исключив в дальнейшем самую возможность соединения тела и разума. Вороньим операторам злобный господин наказания всё еще не придумал. Они явно заслуживали более долгих и изысканных мучений. Быть развеянными в прах – слишком легкая смерть для них.

Граф в раздумье расхаживал вдоль ряда закованных в цепи нерадивых исполнителей его воли, замерших в полубоморочном состоянии и со страхом ожидающих своей участи. Но тут послышался осторожный цокот копыт и хриплое покашливание.

– Кто там еще? – рявкнул Предводитель жалко жмущемуся на пороге залы дворецкому.

Тот, низко согнувшись и нервно перебирая когтистыми

пальцами край обшитой золотым позументом ливреи², произнес:

– Там... господин Черный Смерч пожаловали...

Жеглард махнул рукой в сторону восторженных операторов:

– Убрать! – И указал на дверь: – Пригласить Его Темнейшество!

В залу вихрем ворвался новый гость. Высокий, черноволосый, донельзя субтильный. Его можно было бы назвать тощим и бледным, если бы не поразительные гибкость и подвижность, страстность в движениях, огонь во взгляде угольно-черных глаз. Широкий плащ развевался от его стремительно-порывистой походки, даже легким мановением руки он создавал вокруг себя постоянный круговорот воздуха.

Молодой господин Нерц, владетельный князь Ветреных Земель, гордый представитель верхушки мрачноаристократического общества, носитель знатной фамилии Темнейший Черный Смерч, не утруждая себя расшаркиваниями перед хозяином, с интересом уставился на Антонину, привычно опустившую взгляд при появлении темного существа:

– Это то, о чем я думаю?! Злонравный дядя! Да у тебя тут...

– Рад приветствовать, мой злокозненный племянник, – прервал его на полуслове Жеглард. И повернулся к Антони-

² Ливрея – форменная одежда особого покроя и определенного цвета для лакеев, швейцаров, кучеров и иных слуг.

не: – Не будет ли так любезна моя дорогая госпожа собственноручно распределить по камерам нерадивых слуг? Вы были правы, за всем постоянно приходится следить, ничего подчиненным доверить нельзя.

Девушка коротко поклонилась господам и, мановением руки собрав заключенных в непроницаемый сосуд, направилась к выходу из зала. Когда она удалилась, Смерч, быстро дернув тесемки плаща и бросив его на ближайшее кресло, восторженно воскликнул:

– Да у тебя тут замороженная светлая Воительница! Ну, дядюшка, ты просто монстр! Уступи ее мне! Если я ее съем, поглочу, растлю – какой мощью невероятной обладать буду! Да мне всё нипочем станет! А ты чего силищу такую не используешь? Возишься с этой вражиной, как с принцессой. Порадуй племянника, дядя! Уступи, не скряжничай!

– И не проси, чудовищный мой, – усмехнувшись, ответил хозяин.

– Ну, продай или обменяй! Я тебе за нее что угодно отдам! А хочешь коралловый жезл? Я знаю, ты давно на этот артефакт заришься. Другой такой только на дне морском у мавьего царя имеется.

– Может, и уступлю. Только позже, когда дела сделаем, – задумчиво произнес Предводитель. Так или иначе, ему необходимо было воплощать свои гнусные замыслы в отношении человека и его Хранительницы. – А у тебя на ближайшее время никаких новых злодейств не запланировано? Прогу-

ляешься с нами на границу?

– За кем охотиться будем? – тут же переключился на новую авантюру Нерц.

– За человеком, – нараспев протянул Жеглард, слегка склонив голову.

– За человеком? Откуда ему взяться в Запределье? Насколько я помню, ты все входы-выходы из светлого пространства в мир людей запечатал, – отмахнулся юный князь.

– Нашлась лазейка, недоглядел... Кстати, как там моя злоехиднейшая старшая сестрица поживает? Всё плетет свои интриги?

– Да что ей сделается? Матушка хоть и стара стала, но всё никак угомониться не может. Всю округу уже извела, на соседские владения зарится. Как мой злонамеренный родитель в сражении с этой стервой Воительницей сгинул, так мать-старушка за двоих старается.

– Злоречивый мой, ты на Антонину-то не бушуй. Если бы не она, ты бы до сих пор у своего катастрофического родителя на побегушках был. А так – ты уже восемьсот лет как Темнейший князь, полноправный хозяин Ветреных Земель и Владетель Морских Пределов. Кроме того, такой родословной, как у тебя, мало кто похвастать может. По материнской линии ты – племянник самого Черного Предводителя, а по отцовской – Всетемнейшего Властителя. Один из претендентов, так сказать, на трон...

– Трон для меня – пустое место. Пусть другие соискатели

из-за него друг друга в корень изводят, – отмахнулся молодой князь. – А что от родителя мне досталось кроме знатного имени? Развалины родового замка, пустая казна, да вот эта безделица? – порывистый юнец небрежно бросил на ковер связку серебрястых перьев. – Мамуля что-то там об их ценности говорила, я и не запоминал особо. Но, думаю, это всё бредни выжившей из ума старухи. Какая в них важность? Блеск один... Глазам от него больно...

Взгляд Жегларда сверкнул. Моментально оградив зрение светозащитным заклятием, граф схватился за подлокотник кресла, стремительно вскочил. Но тут же взял себя в руки – прошелся по зале, остановился у высокого окна и сделал вид, будто рассматривает что-то очень интересное в ночном саду.

– Что там, дядя? – вслед за ним рванулся к окну и Смерч.

– Что... там? – помедлил с ответом Предводитель. – Да Гордыня опять разошлась. Уже и не знает, куда эту роскошь приткнуть. Весь двор музейными ценностями заставила, все колючие кусты переломала... – И перевел разговор на другую тему: – Что-то не стремишься ты остепениться, потомством обзавестись?

– На кой они мне, потомки эти? Летать за ними по разным пространствам, выбирать достойного, обращать к тьме... Или вести под венец какую-нибудь обезличенную человеческую женщину, напрочь лишенную настоящих эмоций? Зачем? Для чего? Чтобы потом начались интриги да посягательства на добро накопленное? Чего я от наследников этих

ждать должен? Чтобы злопыхали без конца да норовили меня поскорее в Тихую Обитель упечь? Не дождется маман внуков. Она меня с этими разговорами до того замучила, что я порой в бешенстве верхний предел тьмы перейти готов.

– Угомонись, аспидский мой. Помнишь тетку свою троюродную, Рабьезу, маркизу Вздорную? Ты сам видел, как она полтора столетия тому назад на приеме у Сумрачного Лорда так разошлась в буйстве своем, что нечаянно за предел перевалила да на Светлую сторону выскочила. Чего-то ей там недодали, должного поклонения не выказали, вот она и взорвалась, словно переспелый помидор. То-то смеху было – в черном царстве белая ведьма! Нам ее тут же ликвидировать пришлось. К великому удовольствию твоей анафемской матери. Уж больно родитель твой равнодушен был к ее прелестям.

– Кстати, о прелестях. Ты мне Воительницу когда отдашь?

– Отдам, отдам. Позже, – отвечивал граф. – Я же сказал тебе. Пообещал. А мое слово, сам знаешь, крепче... Придумал! За Антонину я с тебя детских слез возьму всего-то раза в... три больше того, о чем договаривались во время последней нашей сделки. Оплата – предварительная... Кстати, принес новую партию? Возьму еще... да вот хотя бы перышки эти, – он кивнул на брошенную Нерцем связку перьев. – Чего им без дела валяться? Пусть Гордыня со своих экспонатов пыль сметает. Она любит всё яркое...

– Жадоба ненасытная! – отвернувшись, сквозь зубы про-

цедил племянник.

– Я всё слышал, – почти пропел дядюшка.

– Это комплимент, сам понимаешь, – мерзко улыбнувшись, в тон ему ответил гость.

– Знаю и ценю твою изворотливость, – еще шире оскалился Жеглард. – А не отужинать ли нам? Проходи, порывистый мой, в обеденную залу. Там как раз всё готово. Твое любимое свежее мясо.

– Ага! – зловредный племянник, расшвыривая слуг, понесся на запах крови.

Жеглард проследил, пока тот удалится на достаточное расстояние, и жестом подозвал подручного – ближайшего своего советника.

– Знаешь, что это? Помнишь? – помахал перед его длинным носом связкой перьев, заключенных в прозрачную, непроницаемую для убийственного света оболочку.

– Не может быть! Проница...

Предводитель с размаху пнул слугу по чешуйчатой ноге. Зубастая пасть подчиненного с лязгом захлопнулась.

– Ты еще с главного балкона об этом провозгласи! – злобно зашипел на него господин, протягивая блестящий ключ на длинной цепочке. – Тихо! Чтоб никто не понял, не заметил. Ключ береги как зеницу ока! Сделаешь дело, сразу отдашь мне! А этот, с позволения сказать, веер отнесешь в дальнюю кладовую. И спрячешь так, чтобы ни живой, ни мертвый даже подумать не могли, что это за вещица, пусть и в голову ни-

кому не придет, что она вообще в пространствах существует!

Он проводил подручного взглядом, размышляя про себя:

«Никому не доверяю... Всех подозреваю. Поэтому почти всё самому приходится делать... И кого посвятить в тайну заветного ключа? Вернее, кому открыть местонахождение дубликата?»

Советник темный, но хитрый. Того и гляди, воспользуется моим артефактом, открывающим все замки и расщепляющим пространственные слои, да в сокровищницу проникнет... Антонина хоть и не обращена до конца, но честность и преданность ее сомнений не вызывает. Как-никак она моя правая рука.

И кто в случае чего меня выручать кинется? Советник? Да он сбежит, прихватив по пути всё, что под когтистую лапу подвернется... Решено! Место хранения запасного ключа покажу одной только Воительнице... Нет... Не покажу. Вдруг что-то непредвиденное произойдет? Никому не доверяю...»

ГЛАВА 4

Сергей открыл глаза, и ахнул:

«Это – не сон?! Это всё на самом деле происходит?»

Он неподвижно лежал на спине, а над ним, образовав правильный круг, подняв к синему небу остроносые головы и расправив широкие крылья, стояли восемь длинноногих жу-

равлей. Их клювы будто испускали искрящиеся лучи света, которые сходились вместе высоко над головой Сергея. В точке пересечения ярко сиял бирюзовый кристалл, фокусируя исходящий от птиц свет и перенаправляя его на распростертого меж ними и ничего не понимающего человека.

– Процесс идентификации завершен. Всем спасибо. Молодцы, ребята, хорошая работа, – услышал доктор над собой слегка надтреснутый и с некоторых пор очень знакомый голос.

Кристалл погас, растворился в воздухе. Журавли сложили крылья, расступились, разошлись по небольшой поросшей мягкой травой полянке на своих тонких ходулях. Через некоторое время, словно немного посоветовавшись, большие птицы дружно повернули головы в сторону человека и на пару мгновений замерли в изящном почтительном поклоне. Затем все вместе развернулись в одном направлении, подобрались и устремились вперед, беря разбег и отталкиваясь от земли крепкими худыми ногами, пока не взмыли в небо дружной стаей. Сергей приподнялся на локте, провожая их взглядом. Оглядел зеленую полянку, заросли шиповника на залитом закатными лучами пригорке, светлую, тихо шелестящую яркой листвой березовую рощицу.

Перед ним на коленях стояла бабка. Она взялась за голову доктора шершавыми ладонями, осторожно повернула из стороны в сторону, пристально заглядывая то в один, то в другой глаз, сосредоточенно высматривая что-то поверх его

лба и, казалось, даже внутри черепной коробки.

– Бред! – мужчина попытался потряхнуть тяжелой головой.

– Тихо-тихо, без резких движений! – старая женщина цепко сжала пальцами его виски и вновь внимательно впиалась взглядом внутрь черепа. Еще немного его обследовала.

– Кто вы? – обеспокоенно возрился на нее доктор.

Вместо ответа старуха улыбнулась. Лишь осторожно потянула его с мягкой зеленой травы:

– Ну, вставай! Вставай, касатик, в избу пойдем, ночь уже скоро...

– Где я? – с недоумением оглядывался Сергей.

– Да дома, родной. Уже дома.

– Где?

– Дома у нас... у меня, – поправилась бабулька, направляя ничего не понимающего доктора к старенькой бревенчатой избенке.

Аккуратно провела его через низенькую дверь, проследив, чтобы не стукнулся головой о притолоку, усадила на колченогий стул у скрипучего, покрытого серой льняной скатертью стола. Присела напротив и с нескрываемым любопытством стала рассматривать озадаченного гостя.

Сергей со своей стороны тоже наблюдал: обитательница захудалого домишки была по меньшей мере странная (чтобы не сказать – чокнутая). Вроде обычна старуха, но взгляд... Смотрит и всё чему-то усмехается. Порой удивляется как-ким-то своим мыслям, время от времени задает наивные во-

просы. А ответ будто заранее знает, проверяет – совет гость или нет. Зараза такая...

Разум Сергея сопротивлялся изо всех сил: ну никак он не мог допустить присутствия в своей жизни каких-то фэнтезийных аномалий, сияющих порталов и прочего волшебства. И сейчас тщетно пытался удержать себя в рамках привычной реальности.

– А что такое реальность? – бабка, неведомым образом прочитав его мысли, прищурила один глаз, глядя на доктора с усмешкой. – Думаешь, это то, что можно увидеть, услышать, на зуб попробовать? То, что вы своими пятью чувствами определить пытаетесь?

Она встала, отошла к печи, к кипящему в чугушке вареву, и замолчала, помешивая содержимое деревянной поварешкой. Немного погодя наполнила темной жидкостью большую кружку и протянула Сергею, проговорив:

– А вот выпей. Посмотрим – пять ли у тебя чувств.

– Женщина, какими грибами вы меня опоить хотите? Что за дела тут происходят? – нервно отстранился тот.

– Ты на грибы-то не наговаривай! – хозяйка выпрямилась. – От грибов в жизни своя правда имеется. Вы вот их мухоморами окрестили, а они...

Глаза Сергея округлились. И бабулька, видя его реакцию, поспешила уверить:

– Да что ты, нет-нет. У тебя тут в кружке травки особые успокоительные. Заварила для того, чтобы всё, о чем я тебе

сейчас говорить буду, воспринял адекватно. У меня же тут своя технология производства, всё по рецептам, всё по правилам...

Гость осторожно отхлебнул глоток. На вкус – обычный травяной чай. Хотя после третьего глотка в душе... что-то хрустнуло... Да-да, именно хрустнуло, растеклось по нутру золотым сиянием. И Сергей впал в какое-то беспмятно-летучее состояние, когда явь и сон, замысловато переплетаясь, слегка подрагивая и волшебным переливаясь, играя разноцветными сияющими бликами, рисуют в воображении такие яркие, такие изумительные картины, что сознание заворачивается тугим узлом и, вдруг вспыхнув, разлетается звонкими брызгами в необозримом пространстве. Скрипучий старушечий голос, поразив слух неожиданно плавными и нежными нотками, божественной мелодией звучал вокруг и в то же время внутри гостя, притягивая и завораживая. Он то доносился слабым эхом из далекого далека, то, постепенно разрастаясь и накатывая, обрушивался неудержимой лавиной, огнем растекался по венам, вибрировал и раскрывал-рассказывал Сергею его же жизненную историю, бесцеремонно вплетая в нить повествования неприятные, порой рвущие душу комментарии и умозаключения.

* * *

По залету женился... И откуда узнала? И что за выражение такое – «по залету»...

Взгляд доктора был устремлен в потемневшую от времени бревенчатую стену. Воспоминания нахлынули волной. Столь долго сдерживаемые эмоции заполнили всё его естество... Светлана! Его Светка, которая была и солнцем, и радостью жизни, и воплощением всех его желаний и чаяний. Она еще в школе заняла всё его сердце – всё, без остатка.

Когда, заливаясь краской стыда и кусая губы, призналась, что беременна, столько чувств разом вспыхнуло в сознании: Сергей не смог сразу сказать, что творится у него в душе. А она, прижав ладошки к мокрым щекам, ждала. Смотрела на него испуганным взглядом и ждала ответа. Родители, конечно, были против раннего брака. Институт, соревнования... Но он смог всё – и переубедить родителей, и наладить контакт с ее суровым отцом, и работать, учиться, тренироваться...

Когда родилась Иринка, когда взял он ее на руки – такую хрупкую, такую родную... Столько было счастья, когда эта малышка, неосознанно схватив Сергея за палец, с глубоко-мысленным видом пыталась покусать его беззубыми деснами.

Он всегда был рядом, с замиранием сердца следил, как малютка делала первые шаги. Как спешила навстречу, распахнув объятия, когда после лекций забирал ее из детского сада... Приводил дочку домой и уходил на работу (по вечерам трижды в неделю успевал тренировать юных спортсменов). А уже на третьем курсе института, отведя свою люби-

мицу в детский сад, бежал к профессору за новыми, интересными и такими необычными знаниями...

И в памятный для семьи год, когда дочь уже готовилась к школе – вертелась перед зеркалом, любуясь новой прической с огромными белыми бантами, – о своем решении прийти в этот мир заявил и Славик... Чего еще желать: замечательная семья, двое здоровых детей, интересная работа...

Но голос бабки вынул его из безмятежно-созерцательного состояния – не так всё радужно. Вот денежные трудности, вот череда неприятных событий с коллегами по цеху, вот та ужасная драка... После травмы позвоночника и перенесенной операции в отношениях со Светланой всё изменилось. Его всегда такая солнечная, такая радостная жена вдруг стала замкнутой, молчаливой. Порой, взяв на руки дочь, она судорожно прижимала ее к себе и что-то пыталась вспомнить, напряженно хмурия красивые брови. Свет как будто ушел из ее естества, она часто заходила в истерику, обвиняла мужа во всех грехах. Даже рождение Славика не заставило ее вернуться к жизни.

Жена становилась всё угрюмее, всё нетерпеливее и под конец, заявив, что не может больше «существовать в таких условиях», потребовала оставить ее и детей. Не сразу, конечно. Сначала года два тайно встречалась с другим. А потом, когда Сергей, как в классическом анекдоте, раньше намеченного времени вернулся из командировки, всё раскрылось. Светлана, конечно, обвинила в произошедшем мужа –

из-за его постоянной занятости, из-за невнимания к семье (что, по сути, не соответствовало действительности), но пути назад уже не было. Разочарованный и оскорбленный в самых лучших чувствах, Сергей собрал личные вещи, загрузил их в машину и уехал. Из семьи, из города, от любимой работы, от прежней жизни...

* * *

Доктор проснулся от странных звуков: под топчаном, на котором он неизвестно как оказался, кто-то возился, кричал, время от времени чертыхаясь. На размышления о том, что уснул за столом, а проснулся... неизвестно где, не было времени.

Мужчина сгруппировался и, соскочив с деревянного лежака, дернул на себя лоскутное одеяло. Из-под дощатой лежанки торчал старый валенок. Сергей заглянул в подкроватную темноту – где там столько места-то? Глянешь сверху – максимум полутораметровая постель, а под ней – как будто еще метров пять до стены, если не больше...

Бабка на четвереньках, пятясь задом, вытащила на свет два кувшина. С трудом выпрямившись и отряхнув с подола какие-то перья и обрывки паутины, она влезла ногой в валенок, бережно подняла один из сосудов (по виду – глиняный, покрытый белой эмалью) и поставила на табурет. Второй кувшин, угольно-черный, с узким горлышком, деловито заткнула кукурузным початком. Наконец обратила внимание

и на гостя:

– Чего рано поднялся, милоч? Спал бы еще. Солнце вон только вошло.

Сергей молча присел на кровать. В голове было звонко, ясно и пусто. На душе легко. Боль, долгие годы сковывавшая сердце, не дававшая вдохнуть свободно, полной грудью, исчезла. Воспоминания остались, но были какими-то невесомыми, наполненными легкой грустинкой и светом. А боль ушла. И еще... не было страстного желания возвратиться в свой мир, в свой город, вернуть всё на свои места. Он будто оказался там, где нужно. Откуда знал? Душа, что ли, подсказала?

Доктор осмотрелся: в окно заглядывало солнце, освещая комнату красноватыми спросонья лучами. Бревенчатые, потемневшие от времени стены. Домотканый ковер над его лежаком. Белый, отливающий холодным серебром кувшин... Сергей был готов поклясться, что из высокого сосуда поднимаются сияющие искорки. Он открыл было рот, но бабка проворно прикрыла посудину рушником³, искусно расшитым красными цветами. Пока она возилась со вторым, черным кувшином, в воздухе разлился приятный цветочный аромат. Сергей вспомнил – так пахли мальвы, что росли в палисаднике его бабушки. Он внимательнее взглянул на льняное полотенце и обомлел: вышитый гладью лепесток явно смахивал на настоящий. Такой бархатистый, живой.

³ Рушник – полотенце.

Желая убедиться, что глаза не обманывают, мужчина протянул к вышивке руку, но хозяйка его опередила. Цепко схватила с табуретки кувшин, пристроила под мышкой другой и, как ни в чем не бывало, скоренько поковыляла к двери, бросив через плечо:

– Умывайся и завтракать под березу приходи.

* * *

Сергей неспешно вышел на покосившееся крыльцо. Потянулся, оглядел заросший травой дворик, местами завалившийся, а кое-где и просто дырявый штакетник. Травы и цветы, разбуженные и омытые росой, сладко разливали вокруг свежие задорные ароматы. Тихое утро улыбнулось человеку чуть подсвечивающими легкие облака солнечными лучами, поприветствовало щебетом птиц и басовитым жужжанием пролетевшего рядом и словно поздоровавшегося с ним шмеля. Сам не понимая почему, доктор помахал вслед мохнату насекомому.

Затем быстро сделал растяжку, поплескал в лицо ледяной колодезной водой из гремящего жестяного умывальника. Утерся свежим полотенцем, расшитым по краю веселыми петушками и лучистыми полусолнцами. Задержал на узоре взгляд, словно что-то вспоминая...

Под березой гость издалека заметил крепкий дубовый стол, застеленный белоснежной льняной скатертью. О том, что по краю она вышита голубыми вензелями, Сергей поче-

му-то знал заранее. Или... помнил. Откуда? А еще знал, что угощать его будут варениками и булочками... ароматными, свежими и удивительно вкусными...

«Безобразие какое-то», – потрянул Сергей головой, отгоняя видение.

Но... всё именно так и было: на расшитой скатерти, в красивых глиняных мисках красовались политые маслом вареники с творогом, матово желтела сметана, сквозь прозрачное стекло изящных вазочек расплавленным янтарем и игристым рубином просвечивало свежее варенье. А на большом подносе румянились пышными боками горячие сдобные булочки. И, конечно же, над всем этим «безобразием» самодовольно возвышался пузатый медный самовар.

* * *

За завтраком Сергей узнал, что попал в Светлое царство Запределья к своей Хранительнице. Очень солидной и очень сильной светлой сущности, оберегающей его естество на протяжении более чем восьмисот лет! Вчера она освободила его сознание от сковывающих эмоций. А с сегодняшнего дня начнется... не вспоминание, а именно **вос**поминание прошлых жизней, восстановление в памяти забытых уроков и обучение новым знаниям.

– Ты, касатик, пока Ниной Петровной меня зови. А дальше – как пойдет, – проговорила хозяйка, наливая гостю в большую фарфоровую кружку свежезаваренный травяной

чай.

– И как дальше может пойти? – недоуменно спросил Сергей, осторожно отхлебнув ароматную жидкость и прислушавшись к своим ощущениям: не унесет ли его снова в дальние дали от этого напитка? Нет. Всё в порядке. Чай как чай.

– По плану, надеюсь... – лукаво прищурилась, наблюдая за его внутренними исканиями, баба Нина. – Я, конечно, у тебя за восемьсот-то лет как следоват пообносилась. Но ты – молодец! Спиртягой не балуешься, по бабам особо не ша-стаешь. Посмотрел бы на других Хранителей: кого лет за сорок-пятьдесят так потреплет – места живого нет. А ты у меня – орел! Спортсмен! И в мыслях у тебя порядок... Ну, почти...

– И что же во мне такого орлиного? – пожал плечами Сергей. – Крыльев вроде нет...

– Захочешь – будут, – махнув рукой, ответила бабка, словно рассуждая о чем-то обыденном. – Но не в этом дело! Тебе повезло, что изначальные светлые знания в себе до сих пор несешь, не растерял за столетия, – пояснила она.

Подложила гостю на тарелку еще несколько горячих вареников и не без гордости добавила:

– Конечно, в этом и моя заслуга имеется, я же тебя все-му сквозь века обучала, в голову твою бестолковую знания вкладывала. Хорошо еще, что последние два десятка жизней ты в своем роду перерождаешься. Полегче стало нам с тобой знания вспоминать, а не учить их заново.

– А если бы в чужих родах перерождался? – спросил доктор, с удовольствием уплетая завтрак.

– Тогда бы учил... Да тебе и так постоянно всё заново приходится вдалбливать. С каждым разом пустой как барабан возвращаешься.

– Так уж и пустой, – покривился от бабкиной грубости Сергей, внутренне не соглашаясь с ее мнением и считая себя очень даже образованным и интеллигентным человеком (как-никак ученая степень имеется).

Исходя из этих соображений, спорить со старой женщиной не стал. И, чтобы разрядить обстановку, спросил:

– А как я попал в ваше Запределье?

– Всё труднее нам тебя из мира людей в нашу реальность через подпространство переправлять. Жеглард (это, скажем так, главный наш недоброжелатель) хитер больно. Только найдем ход тайный, незаметный – так он, нежить подлая, его сразу запечатывает. словно шпионы у него тут имеются... Сознание-то твое в этот раз мы быстро переправили, дядюшка Шмель лазейку нашел. А вот тело, развеянное на молекулы, пришлось Клавдии через звездные просторы нести. Молодец волчица! Кроме нее вряд ли кто справился бы с таким трудным заданием.

Сергей опешил: кто мог его развеять? Как это случилось?

– Да так и случилось, – без промедления ответила на его мысли бабка. – Сфера сияющая тебя на частицы разнесла, в космос отправила. А там уже Клавдия физику твою по ча-

стичкам собрала. Изумляюсь ее хваткости: ни единой молекулы не потеряла. И то сказать – лунная межзвездная путешественница, правая рука Хранителя.

– Бабушка, а вы ничего не перепутали? Может быть, это мое сознание, а не тело в космосе распыленным было? Я же там всё видел, чувствовал. И такие же искорки-сознания рядом со мной оборотную сторону Млечного Пути разглядывали.

– Я пока еще из ума не выжила, – покачала головой баба Нина. – Знаю, что говорю. Тело твое в межзвездном пространстве находилось. А у каждой клетки живого организма свое сознание имеется. Вот этими клеточками ты Великий Космос и ощущал. Думал, пытался осмыслить происходящее. Но, как видишь-помнишь, не сильно-то получалось. Не было единого сознания у тебя в тот момент, одно облако разрозненных молекул.

– А вы сами как из мира людей в свое пространство прошли? Тоже через космос?

– Здесь я была, никуда из Запределья не уходила. Не прорваться телу моему сквозь пространства. С тобой лишь мое сознание контактировало.

– А как же вы меня за руку схватили?

– Так просто. Лишь силой мысли своей, – улыбнулась старуха.

– А белая собака, белка и та интересная девушка?

– Белка тоже мыслью в твой мир перенеслась. А Клавдия

с тобой через космос летела.

– Ну, а девушка?

– Что – девушка? – Баба Нина вздохнула, помолчала немного. – Злыдни – они в твой мир беспрепятственно ходят...

Сергей задумался ненадолго над словами хозяйки, но новые вопросы не давали ему покоя:

– Бабуль, а почему на других Хранителях, как вы сказали, порой места живого нет? Что с вами за такой короткий срок – пятьдесят лет – случиться может? Вы же вроде всеильные? Я правильно понял, что вы, Нина Петровна, восемьсот лет без перевоплощений в этом теле продержались?

– Продержалась... Куда ж я денусь. Всё жду, когда время нужное придет для преображения сути... А на всякую светлую силу своя чернота найдется, – со вздохом продолжала старуха. – Забыли люди о том, что в их жизни без позитивного отношения к миру окружающему ничего хорошего произойти не может. Недаром все добрые дела творятся в Со-Знании, то есть с помощью Великой Силы. Забыли истину, отвергли знания изначальные, Свет души растеряли. Вот тьма и распоясалась.

– А что, человек сам, без потусторонних сил, не может что-то сделать, совершить, придумать?

– Может. В зависимости от того, сколько в нем Света. Да и силы разные бывают: какие-то по ту сторону от человека находятся, какие-то – по эту. Одни выше, другие ниже. И

вибрации, излучаемые силами этими, тоже разные. Один человек живет на уровне грубых вибраций, заботится только о животе своем, об удовлетворении низменных страстей – таких как вождение, зависть, жадность, жажда власти...

– Но чаще всего бывает, – перебил ее доктор, – что, как бы ни старался человек жизнь свою выправить, ничего у него не получается. Весь мир к нему враждебен.

– Мир враждебен?! – всколыхнулась бабка. Но затем собралась и уже спокойно спросила: – А ты не думал о том, что, если человек мыслит неправильно, он этими самыми мыслями к себе определенные события притягивает? Короче говоря, что излучает, то и получает.

В твоём мире издается море книг по психологии богатства. Людям прямо вдавливают в голову, как стать успешными, богатыми и четко видеть цели: машина, коттедж у моря, энная сумма на расчетном счете... И очень мало внимания уделяется духовному росту.

Только вот парадокс: чем больше материальных благ оказывается во владении человека, не обладающего достаточной духовной силой, тем быстрее он превращается в дракона. Желания, амбиции и, наконец, неумемная жажда власти поглощают, порабащают его естество.

Деньги в твоём мире, конечно, много пока весят. Но расматривать их необходимо не как цель, а как средство для достижения цели. Тогда всё на свои места встанет. Свободно мыслящий человек вместо обладания недвижимостью и про-

чими атрибутами богатства предпочтет путешествия и расширение кругозора...

Научиться мыслить правильно, нарастить свой духовный потенциал и с помощью внутренней силы перестроить окружающий мир – вот главная задача живого существа. В любом мире, в любом пространстве.

– Нина Петровна, я взрослый человек. Сколько можно мне тут лекции о строении мира и духовном росте читать?! Я сам кому хочешь и сколько хочешь могу о взаимодействии тела и сознания рассказывать.

– Ну так расскажи! – прищурилась бабка.

Сергей поискал, подумал, с чего начать, и замер: не было в голове информации, с которой он выходил к студентам, читая лекции в университете.

– У меня что, провалы в памяти? Вы гипноз применили? Может быть, мне всё это кажется? А на самом деле тело мое, облепленное датчиками, где-нибудь в больничной палате лежит?

– Я вот тебя сейчас как прутомогрею! Сразу отличишь, где гипноз, а где реальное Запределье! Некогда нам в детективов играть! – охладила его порыв хозяйка. – Твое дело сейчас – внимать и запоминать. А сознание твое само разберется, где ложь, а где правда!

Сергей даже привстал от такого неуважительного обращения. Он приготовился было дать отпор наглой старушечке, но та, словно и не было этого отклонения от темы, с вооду-

шевлением продолжала:

– Удивляюсь я порой терпению организмов человеческих. Глупое естество занавесит их жиром, распустит ленью, перетрудит задачами непосильными, надсадит каждый нерв стрессами. А потом ноет: то болит, это не работает. Нет чтобы мысли в порядке да тело в чистоте да в радости сохранять.

Но на это ума не хватает. Одно заботит – поесть покуснее, одеться побогаче. Главная цель мужиков – машину иметь покруче да бабу позабористее. Для баб – сам знаешь, и говорить не стоит... – Она махнула рукой, вздохнула и продолжила: – А чем тоньше вибрации у человека, тем выше его сознание, тем ближе он к энергоинформационному полю, к Свету, к Создателю, тем больше он полезного сделать может для себя, для людей, для Матушки-Планеты...

– А почему «для себя» вы в первую очередь сказали? – снова сел на лавку доктор, заинтересованный невероятными поворотами в бабкиных речах. – Нас ведь всегда учат: сначала для других, а уж потом для себя...

– Ага, – махнула рукой хозяйка. – Учат их... Кто учит и чему? На первый взгляд слова правильные, нужные... Но задумайся: что ты другим можешь дать, каким светом обогреть, если сам не наполнен энергией в достаточной степени? Бывает так, что есть в душе у человека огонек. Есть страстное желание весь мир напитать светом. А энергии внутренней недостаточно... И сияют такие светлячки, пока сил хватает, и идут наперекор тьме, отдавая себя без остатка. Сто-

рают быстро...

– Так что, светить не надо? – доктора помимо воли затягивал водоворот информации. Он словно что-то постепенно вспоминал, невольно отзываясь на душевные порывы Хранительницы.

– Ты что! Надо, конечно. Но тут два пути: или изначально незамутненное сознание иметь, или в содружестве со Светлой Силой подготовиться основательно к служению своему...

– Может быть, на это правильное воспитание, достойные преподаватели, расширенный кругозор влияют, а не ваши Силы Света?

– Ну ты посмотри на него! – возмущенно воскликнула старуха. – Бестолочь стоеросовая! Всё забыл! С этим твоим новым воплощением еще больше возни предстоит мне. О Небеса, дайте мне терпения!

– Ну, вообще-то не «бестолочь», а «дубина стоеросовая», – аккуратно поправил ее Сергей и продолжил гнуть свою линию: – Скажите еще, что прозрение на человека нисходит.

– А что это, если не прозрение, если не совместное с энергией Светлого пространства творчество, когда стихи рождаются, совершаются открытия? – воззрилась на него неумная хозяйка. – Даже профессора твоего взять! Ты за шестнадцать лет серьезных исследований всего четыре методики для восстановления человеческого организма сумел разработать. И

сам себе постоянно вопрос задавал: откуда к учителю твоему пришли знания и умения, чтобы таких методик больше тысячи создать? – Женщина неловко повернулась и схватилась за поясницу: – Ох, неладна будь!

Сергей даже не удивился, что Нина Петровна знает о профессоре, который научил его стольким премудростям в области неврологии и психиатрии. Гораздо глубже и обширнее эти знания, чем те крохи, что преподают в университетах. Но он не стал пока расспрашивать об этом Хранительницу. Доктор сосредоточился на другом. Представил, что нужно сделать, чтобы помочь хозяйке преодолеть боль, высвободить нервные окончания, защемленные сместившимся в поясничной части позвонком.

Бабка, словно почувствовав его мысли, как-то встрепенулась, расправилась вся. И, неожиданно бодро поднявшись, подытожила:

– Ну что, не будем откладывать в долгий ящик! Начнем жизнь восстанавливать!

– Восстанавливать? И как мы это сделаем?

– Ну, с мыслями у тебя порядок. Еще немного врать подучишься, и...

– Врать? – не понял собеседник. – Для чего мне эта премудрость?

– Врать – означает «лечить словом». В твоём мире многие слова приобрели со временем противоположный смысл. Тьма старается... А знахарские заговоры тебе необходимы

на тот случай, если в ответственный момент солнечного света рядом не будет. Мало ли что приключиться может...

– Чувствую, что приключения мои только начинаются, – обреченно вздохнул Сергей.

Бабулька ободряюще улыбнулась:

– Ну да ладно, ты не тушуйся. Вместе мы справимся. Свою энергию сомнений перенаправь-ка лучше в высокие сферы, научись силу оттуда получать. Помни, что ты не один на свете. Да и время на воспоминание прошлого у нас в запасе имеется...

– С чего мне начать? – поинтересовался напоследок Сергей.

– Для начала погуляй по окрестностям, привыкнись. Ну, конечно же, за стол вовремя приходи. Обед и ужин – по расписанию, – ответила хозяйка. – Но главное – до темноты спать ложись. Я тебя еще до рассвета разбужу, в баню пойдешь...

ГЛАВА 5

За обедом, с аппетитом прожевав сочный кровяной кусок и жадно запив его красным вином, Нерц поинтересовался:

– Как ты думаешь, дядя, отчего черная кровь тетки Рабьезы в одно мгновение обратилась? Стоило только нашей буйной маркизе верхний предел бешенства перейти, и сразу – ожила? Сразу вся тьма с ее сердца спала, и оно забилось

вдруг? Я сам слышал!

Помнишь ее невероятные эмоции? Поначалу я в замешательстве наблюдал, как сменяли друг друга тревога и покой, умиротворение и смятение, волнами исходившие от ее обращенной сути. Видел неподдельный ужас на ее лице. А через миг, вдруг с недоумением ощутив свою мелочность и незначительность, с омерзением воспринимал ее величие и сопереживание нашему невежеству. Меня чуть не взорвали пульсации страшной любви, тут же замещенные страхом неминуемой гибели! Ощувив себя изгоем в нашем королевстве, маркиза каждую секунду сходила с ума!

Когда меня осенило, что она теперь ничтожнее грязи, я пришел в бурный восторг! Сразу же утратил страх перед ее титулом, ответственность перед родителем и с упоением проткнул тетку кинжалом!

– Да не ты один тогда ринулся на нее – живую! – с усмешкой поддержал Жеглард хвастливую речь племянника.

– А кровь! Такая яркая, горячая! Я помню, как она по парадной лестнице разлилась! Как, забыв обо всем, пестрая толпа гостей на эти красные потоки жадными глазами смотрела, слюни пускала.

– Еще бы! Жизнь испить – главное стремление нежити! – взор Жегларда затуманился. – Я тогда тоже чуть на колени не бросился, чтобы с мрамора эти вожаделенные капли слизнуть. Только придворный этикет и присутствие Всетемнейшего удержали от того, чтобы не упасть в кровь лицом...

Живая, волнующаяся субстанция! Источник силы и вечной молодости...

А вот почему обращение крови мгновенно происходит? – дядюшка, откинувшись на высокую спинку кресла, сплел пальцы на слегка выпирающем после сытного обеда животике. – Я долго этот феномен исследовал. Признанное мнение: Свет – наш убийца. С этим не поспоришь. Луч солнца, лишь только вырвавшись из-за горизонта, мгновенно растворяет мрак ночи, испепеляет темную сущность.

Но если та же самая нежить вдруг в бешенстве или злобе переполняется мраком свыше того объема, что ей по иерархии тьмы положен, она рискует «перейти барьер», сменить полярность и вырваться на другую сторону – в светлое пространство. И знаешь, что я выяснил? Свет никого не убивает. Он в принципе не имеет и капли жестокости. У этой субстанции полностью отсутствует присущая нашему брату потребность кого-то поработить, испепелить, завладеть чужой энергией. Просто мы, в силу своего строения, не можем вынести его сияние. И, попав под действие солнечных лучей, обращаемся в прах без какой-либо возможности вновь воплотиться в физическом теле. И, что особенно опасно, при распаде теряем многомерность. Вот поэтому после растрепания многие из нас становятся всего-навсего бесами, двухмерными сущностями, способными только паразитировать на чьем-либо сознании...

Так вот... Свет не вступает в неравный бой, где необхо-

димом обязательно одержать победу, быть первым и главенствовать. Он действует по-иному: не сопротивляясь вторжению чужеродной энергии, принимает в себя тьму, наполняется ею, адаптируется к новым условиям. А затем, растворив в себе всю отрицательную энергию, преобразует ее, насыщает каждую клеточку попавшего в его поле существа свечением, сиянием жизни. И кровь обращается. Сущность оживает. Сердце начинает биться. И обращенное существо навек потеряно для темного общества.

И какой вывод? Чуть меньше солнца – растение и небо. Чуть больше – жизнь. Постыдная, жалкая, наполненная любовью и добром! Парадокс! И все учения, трактаты и рассуждения мудрецов темного пространства, противостоящих моим изысканиям, описывают междуполярный опыт перехода однобоко. Так называемые коллеги по цеху не хотят ничего знать о губительной силе и трагизме передачи Света сверх того, о чем твердят их постулаты. Не ведают, не видят в своих открытиях противоречий. Им абсолютно наплевать на предложенную мной теорию иррациональности живой, самовоспроизводящейся жизни. Ненавижу солнечный Свет! – хозяин поморщился. – Он для меня – наимерзейшая субстанция! Ну, не будем о нем за трапезой. Для пищеварения вредно... Что-то я опять увлекся.

* * *

После грандиозного обеда злобные родственники, уютно

расположившись в черной зале, продолжили разговор. Дядя всё склонял племянника к участию в авантюрной затее:

– Ну так что, мой чернокрылый князь, летим на границу со Светлым Запредельем? Мы к проникшему туда человеку прикоснуться не в силах, слишком много света в нем. А тебе ничего не сделается. Закрутишь его в свое поле, затянешь во мрак и перенесешь в мою тайную пещеру. Только бы знать, в каком месте искать проход на ту сторону...

– Подумаешь, человек, – небрежно отмахнулся ветреный мальчишка. – Выжал из него до капли всю энергию да выбросил. Или Хаосу скормил.

Смерч щелкнул зубами, сыто зевнул и, закинув руки за голову, развалился на огромном мягком диване, устроившись тощие ноги в высоких кожаных сапогах на меховых подушках:

– Что-то я устал! Вчера снова партию бесов по проложенному тобой тракту⁴ в человеческий мир переправил, по бутылкам с алкоголем расквартировал. Представляешь, дядя, эти плоские бестии прошение подать вздумали! В элитный алкоголь их, видишь ли, подсаживай! Совсем от рук отбились. Ну, я им устроил! Всех в бутылочное пиво закупорил. И результат не заставил себя ждать! Из одной только партии – две поножовщины, двенадцать уличных драк и восемь семейных сцен с участием малолетних детей. Ты только глянь! – он бросил на ковер бархатный кيسет, из которого яркими искрами просыпались сияющие алмазы.

⁴ Тракт – большая проезжая дорога.

– Детские слезы высшей пробы! – глаза Жегларда загорелись жадным огнем.

– Они самые! Не зря я этим бизнесом занялся. Предприятие по добыче детских слез никогда не обанкротится! – похвалился Смерч. И добавил с презрением: – Людишки! Слабые, безвольные. Поработить их с помощью бесовской силы – раз плюнуть!

– Ты всё с чертями упражняешься, – качнул головой Жеглард. – Грубая работа. Всё нахрапом хочешь взять, пускаешь ситуацию на самотек. Бесы-то в своем безобразии не сильно разборчивы – налететь, разгромить, накуролесить.

– Да, работа грубая, зато эффективная, – парировал племянник. – Там – драка, здесь – погром. А в результате моя казна постоянно пополняется. Вспомни, какими были наши владения при папаше, которого только войны да титулы интересовали. Какие там налоги да подати, когда в наших землях если не засуха, то – град. Крохи одни... А теперь, когда я бесов к рукам прибрал, богатства текут ко мне со всего человеческого света!

Ты только представь, как мне с этими рогатыми повезло: влезет такая наглая образина в душу какого-нибудь выпивохи, заполонит сознание своими требованиями – жрать, пить, топтать всё на пути! Подомнет под себя слабое человеческое естество. Разойдется-разгуляется, натворит дел. Угомонится, конечно, потом, алкоголем пресытившись. А на утро просыпается ничего не помнящий человечишка, осознает всю

глубину своего падения, схватится за голову в раскаянии да самобичевании. И еще в мою сокровищницу горы эмоций привнесет!

Хотя... Я с тобой согласен. Надоело однообразие. Надо мне новые методы воздействия выискивать, чтобы не свихнуться от скуки. А ты, дядя, как теперь развлекаешься с душами людскими?

Жеглард уселся поудобнее, отпил из хрустального бокала поднесенное лакеем дорогое красное вино и после небольшой паузы начал свою пространную речь.

– Я люблю ювелирную работу, – самодовольно изрек он. – Чтобы было чем пощекотать нервы, испробовать обороты самых тонких, изысканных чувств и коварных мыслей, способных развратить даже наиболее возвышенную душу. С бесконечными оттенками, с роскошным букетом фантазий, с невероятной игрой изящных и неистощимых наслаждений! В этом деле мне необходим трепетный азарт...

На мой взгляд, интереснее всего сыграть злую шутку с душами людей, искренне верящих в то, что совершают они добрые дела, спасают чьи-то судьбы, заботятся о планете, делают себя и свою жизнь чистой, правильной. И что особо забавно – от осознания своей значимости и праведности они просто в восторге! Считают, что сами добились значительных высот, заслужили благосклонность и восторженное одобрение окружающих. А о том, что во всех начинаниях их светлые силы поддерживают, как-то вдруг забывают, толь-

ко себе приписывают все заслуги. Вот тут-то направленные мною гордыня, зависть или подлость их и подстерегают.

Нравится мне уводить мысли людишек чуть в сторону. Вроде к свету шагают, но вдруг – развилка на пути. И каждый раз выбор предстоит – честно поступить или выгоду свою понять? И заметь: никто не принуждает, никто не настаивает. Есть выбор – следует решение. И не задумываются глупцы о том, что каждое своекорыстное побуждение незаметно, по каплям их всё дальше и дальше в наше царство уводит. Шаг, другой, третий – и вот душа уже совсем в ином месте назначения!

Особо увлекательно, искусно расставив капканы, завладеть сутью живого существа таким образом, чтобы раб твой до последнего момента считал себя самостоятельным и независимым от воли Света, забыл о Со-Действии, Со-Творчестве, Со-Знании.

И как потом, сорвав с воспаленного естества пелену дурмана, сладостно наблюдать за охватившими человека раскаянием и муками совести. Эмоции таким густым потоком текут! Хоть пей, хоть ешь их! Вот, кстати! Ты уже определил сорт предложенного мною вина?

– Красное столовое. На вкус приятное. Дядя, я же не дегустатор! И к тому же почти поднос свеженины умял. Где мне букеты с ароматами разбирать?! Рассказывай, что в нем не так?

– Вино времен Французской революции! – хвастливо от-

ветил дядюшка. – В нем столько горя, несбывшихся надежд и разбитых судеб! Чувствуешь этот сладковатый одурманивающий привкус? Это отчаянье аристократов, ожидающих неминуемой смерти на гильотине! Не каждый может щегольнуть обладанием подлинных чувств такой выдержки!

– Да ты, дядя, тот еще извращенец! – одобрительно кивнул юный князь. Предводитель не зря ценил в нем достойного слушателя.

Закинув ногу на ногу, старший родственник с воодушевлением продолжал:

– Обычно людишки в себя приходят перед самым концом, когда уже ловушка захлопнулась и нет пути назад. Их агония вызывает во мне дикое, неудержимое, сладострастное ощущение! Не передать!

Но и это – не самое вожаденное! Очень редко, но всё же попадаются такие, в ком тяга к Свету и сила жизненная непомерно велики! Вот именно этих ломать – особое удовольствие!

Племянник с интересом внимал словам Жегларда, а затем спросил:

– Так ты чего охоту затеял? От скуки? Или новых ощущений захотелось? Чем этот попавший в Светлое Запределье человечиска так тебя заинтересовал?

– Да не простой это человек, – Предводитель со смаком отхлебнул большой глоток вина. – Обладатель Сияющего Сознания. И Хранительница его – известная тебе особа, зла-

товласая Нина. Ох какая сильная. С ней еще повозиться придется...

– Да ты что?! – с восторгом всплеснул руками черноглазый юнец, моментально вскочив и создав вокруг себя сильные воздушные завихрения, от которых ярко вспыхнули тлеющие в камине угли. – Сколько их таких на планете сохранилось, человек настоящих? С удовольствием посмотрю, как ты из него Свет выбивать будешь! Я – в деле!.. А Хранительницу мне отдашь в уплату за содействие. Редкий экземпляр. Как раз для моей коллекции!

ГЛАВА 6

Клавдия улеглась под березой, блаженно зажмурилась, собираясь как следует выспаться. Однако по-настоящему расслабиться ей не давали какие-то сумбурные и в то же время настойчивые размышления. Чужие... Чьи это мысли сверлят мозг?.. Белая волчица недовольно огляделась, затем подняла длинную морду к верхним веткам дерева, выискивая источник. Ментальная связь безошибочно выдала:

«Так, дальше что? Спорт у него был с детства – самбо! Ничего такое занятие... Подходящее! Учился, значит, в медицинском... Ага, на третьем курсе его заметил профессор, обучил своей методике, помог раскрыться талантам.

Окончил институт, затем ординатуру... И стал не просто дипломированным специалистом. Навыки его до того

обширные, что... такие, что прямо... ну, вот если бы все врачи могли то, что может наш доктор, больных на земле стало бы наполовину меньше! И это я так, прикинула просто. На деле же всё гораздо интереснее, тут потребуются расчеты... Но этим я чуть позже займусь... Дальше – система...»

Клавдия, умело скрыв свои мысли, исподтишка наблюдала за Рыжулей, уместившейся у основания толстой ветки. Шустрая белка, неизвестно когда своровав у Сергея прядку русых волос, погрузила их в сияющий нежным светом артефакт. И сейчас, без зазрения совести вторгшись в чужое личное пространство, поэтапно считывала жизненный путь человека:

«А в мире людей система – что?.. Разве может она такую силу без своего контроля оставить? Да ни в жисть! Поэтому его после института и обучения у профессора "пригласили" служить во внутренних войсках. И там он... ничесе! Прямо отделом заведовал! Знания были очень глубокими, задания – тоже на грани... Вот и звание майора в столь молодые годы... Круто, круто».

Белка с воодушевлением потеряла лапкой нос, распушила усы и продолжала:

«Так... а тут что? Ого! Молодец какой! Он у нас и научной деятельностью заниматься не переставал, собственные методики разрабатывал. Да еще и читал лекции студентам, из которых многие тоже стремлениями и способ-

ностями обладали – а потому под наблюдением системы находились... Ага, значит, и студенты нашего Сергея – люди служивые... Однако... никто из них не зафиксирован в нашей светлой картотеке... Непорядок!»

Внезапно белую волчицу окатило волной сострадания. Она вслед за белкой с ходу ворвалась в область горьких переживаний Сергея и, прочувствовав их каждой клеточкой, чуть не заскулила от внутренней боли. Но всё равно продолжала подслушивать мысли рыжей подруги:

«Ох, батюшки... Страсти-то какие... Что ж так-то? Тут и трудности в семье, и уход со службы... Вот, значит, как нити судьбы переплелись... Не стал продолжать карьеру, в отставку вышел. И поскольку семья уже разрушена – решил сменить всё разом. Уехал в маленький город и начал всё сначала как врач частной практики. Постепенно приходил в себя, учился жить заново».

Клавдия перевела дух, оглянулась на дом и предусмотрительно отошла за ближайший куст смородины, спряталась там от чужого взгляда. Но считывать мысли белки не перестала.

«Опять внутренние войска... – сокрушалась меж тем Рыжуля. – Куда от них деться-то? По всему получается: хоть в отставку уйди, хоть частной практикой займись – до конца жизни будешь под наблюдением. У них там всякие ограничения и грифы секретности снимаются через десятилетия...

Да-а, возвращать доктора обратно нам придется именно в тот день, из которого забрали... Где там мои амулеты для точного расчета?..»

Белка, отправив артефакт вместе с ДНК Сергея в подпространство, резво подскочила... и тут заметила за смородиновым кустом Клавдию. Обе, пойманные за подсматриванием чужих секретов, замерли.

Но выяснять отношения было некогда. С покосившегося крылечка уже спустился сам обладатель проявленных лохматыми подругами воспоминаний и направился к березе. Постоял, подумал. Вздохнул, оглядывая с высоты холма окрестности.

* * *

«Привет, Человек-Сергей! С новым приходом в Запределье...»

Доктор заозирался по сторонам: кто это говорит?

С ветки растущей рядом березы на него смотрела белка. Почему-то вдруг зачесалась переносица, и гость волшебной страны непроизвольно поднес руку к лицу. В голове тоненько зазвенел беличий смех. Что смеялась именно белка, было очевидно.

– Вредная задира! – пристально посмотрел Сергей в черные глазки-бусинки.

«Сам такой!» – прозвучал прямо в голове дерзкий ответ. Рыжая егоза задорно прищурилась и принялась умываться,

шустро разглаживая шерсть за ушами и расчесывая пышные усы.

– И как это ты со мной говоришь? Как я могу слышать твои мысли? – наклонился к ней человек.

«Это ментальный язык, – белка перепрыгнула на раскрытую перед ней ладонь. – Духовное взаимодействие. Меня, кстати, Рыжулей зовут. А для особо умных я – Рыжуля Авдеевна!»

– Здравствуй, Рыжуля Авдеевна, – улыбнулся Сергей. – Что ты там про ментальное взаимодействие думала-говорила?

«Духовное... Я прокладываю мост или дорогу к твоему разуму, нахожу точки соприкосновения, связываю воедино мыслительный процесс, – важно выпрямилась белка. – Ведь мой речевой аппарат не предназначен для человеческого языка, а ты мой беличий вряд ли выучишь. Да и ни к чему он тебе».

– Духовное? – не понял Сергей. – Но прости, ведь ты же... белка.

«Ну да! А ты – человек, – склонила голову рыжая попрыгунья. – И что?»

«Так душа же только...» – собирался было возразить доктор, но тут же осекся. Нет, кажется, он думает что-то не то... что-то совсем не подходящее для пространства, в котором очутился.

«Хочешь сказать, что душа только у людей бывает? –

без труда отследила его мысли собеседница и возмущенно взмахнула лапками. – *Я о тебе была гораздо более высокого мнения! Заблудшее твое... сознание. Не сильно-то вы, люди далеко ушли за тысячелетия, своей самостью и гордыней управляемые. Разучились слушать мир, позабыли о взаимодействии с природой. Бедные, бедные... И духом, и душой бедные. Цари природы, блин».* – Она скептически осмотрела доктора, покачала головой.

«Но я же не новичок в психиатрии, я-то знаю...»

«Знает он! – почти по-человечески хмыкнула белка. – Знания к тебе возвратятся – тогда и поговорим. А сейчас знакомиться продолжаем... Так! Взаимодействие у нас с тобой мысленное, от души, – она еще раз внимательно, с напором глянула Сергею в глаза, – к душе! Но что самое интересное: если поблизости вдруг окажется кто-то третий, да еще и с недобрыми намерениями, то он этого мысленного разговора не услышит».

«Еще как услышит!» – раздалось в ответ.

Доктор обернулся. К нему размеренной грациозной походкой приближалась та самая белая лохматая собака, что сопровождала его в мире людей.

«Ну, тебе – можно. Ты же наша, – махнула крохотной лапкой белка. – Ты вообще постоянно лезешь в голову со своими советами да наставлениями. Волчица лунная!»

«Я – Клавдия! – коротко представилась та. – Я буду тебя сопровождать, пока не освоишься у нас, Человек-Сергей. –

Собака, не обращая внимания на мысли белки, смотрела на мужчину умными карими глазами. – *Вновь научу всему, что ты успел забыть».*

«*Забывать?»* – доктор в недоумении приподнял бровь.

«*Ага! Вместе мы всё вспомним»*, – подытожила белка.

«*Ну что ж, приступим!*» – проник в сознание человека еще один голос.

Сергей опять повернул голову. Теперь уже в сторону крыльца, откуда спускалась улыбающаяся хозяйка с большой миской спелой черники.

«Интересно, – подумал доктор, – обычно голову поворачивают на звук».

«*А ты повернулся на отправленный мною импульс – или, если тебе так удобнее, энергетическую волну*, – мысленно ответила Нина Петровна. – *Осваивай, касатик, ментальный язык. Пока время есть, осмысливай прошлые жизни. Что ты о себе помнишь?»*

Сергей задумался. Его явно спрашивали о событиях не нынешней, известной ему сорок лет, жизни...

«*Ну, что помнишь из прошлых воплощений?»* – нетерпеливо переспросила белка.

– Ничего, наверное, – провел он рукой по подбородку, одновременно подумав о том, что не мешало бы побриться.

«*Да какое сейчас бритье! Ты о деле думай!* – рыжая егоза схватилась за усы. – *Думай!!!»*

«*Ну, про работу-знания-умения ничего на ум не прихо-*

дит?» – решила помочь ему Клавдия.

– Да нет же! – рассердился доктор. – Что вы со мной как с маленьким?

– С двенадцатого века по летоисчислению вашей цивилизации ты очень серьезным делом занимаешься, – размеренно произнесла Хранительница. – На руки свои посмотри, ты же все болячки на ощупь определить можешь. Никаких ваших томографий компьютерных, сканеров и прочих технологических премудростей не нужно. И в профессию не просто так пошел... Вспомни хотя бы, как спортом занялся, как институт выбирал.

– А я и не выбирал, – без раздумий ответил человек. – Я с детства понимал, что жизнь моя со спортом связана будет.

– Вот и я о том же! – кивнула Нина Петровна. – Твое увлечение борьбой не ограничивается текущей жизнью. Ты рукопашным боем занимаешься не тридцать лет, а гораздо больше, – бабка загадочно улыбалась. – В одном воплощении – самбо, в другом – дзюдо. А искусству ратного боя, насколько я помню, обучался на протяжении целых восьми жизней!

– Получается, неспроста мне всё время казалось, что работа тренера – мое призвание, – словно что-то припоминая, ответил Сергей. – И в медицинский я поступил потому, что всегда интересовался строением человеческого тела. Мне в институте предлагали серьезно заняться психиатрией. Но я стал неврологом. И знал!.. – он осекся, что-то вспоминая. – Я же с детства знал, что встречу профессора, буду его уче-

ником! И на третьем курсе института он появился в моей жизни. – Сергей улыбнулся, вспоминая, как горячо убеждали его наставники. – Тогда тренер и профессор тянули меня каждый в свою сторону. Оба считали, что я должен серьезно заниматься только одним делом. Тем, в которое каждый из них всю душу свою вложил. Видели мои успехи, прочили мне великое будущее, а о том, чего я сам хочу, слышать не желали...

Мне даже пришлось им встречу устроить, чтобы оба наконец поняли, что спорт и медицина для меня – равноценны. И всё у меня получилось – и в спорте, и в обучении новым знаниям. И семья у меня тогда уже была... – Он тяжело вздохнул.

Баба Нина, как бы невзначай перетянув на себя его эмоции, быстренько собрала в ладонь отрицательную энергию и стряхнула ее с кончиков пальцев искристыми брызгами. Капли упали на землю у крыльца и... проклюнулись зелеными ростками, потянулись к солнцу.

Ощувив вдруг, как вызванная воспоминаниями горечь сменилась полным отсутствием каких-либо чувств, Сергей удивленно воззрился на споро распускающиеся рядом белые ромашки:

– Это что?

– Природный преобразователь! – ответила хозяйка, хитро прищурившись и нежно погладив раскрывшиеся навстречу солнцу лепестки цветов. – Сейчас к тебе энергия вернется.

Только положительная, как ты уже понял.

– И правда... – Доктор с интересом прочувствовал прилив энергии, ощутил в душе благодостное состояние, улыбнулся светло и радостно. – Работают ваши ромашки... Честное слово, работают!

А хозяйка, считав информацию с энергоконтура Сергея и удовлетворенно кивнув, продолжила:

– Скоро и сам научишься таким премудростям... Вернее, вспомнишь. Всё вспомнишь... Вас таких – Человеков настоящих – хоть и немного осталось, но каждого сквозь новые воплощения сам Создатель ведет. Всякая вновь воплотившаяся сияющая душа своей дорогой следует. Шишек набьет в детстве-молодости, пооботрется-оглядится, наберется жизненного опыта, а к сорока годам начинает вспоминать навыки бытия, к служению готовиться.

И задача у каждого своя. Кто лес охраняет, кто водные просторы. Кто-то речь родную берегает, а кто и саму Жизнь на планете. А таким, как ты, суждено людей спасать, к Свету вести...

Обрести себя не в каждой жизни удастся, некоторые воплощения (в зависимости от тяжести ошибок, допущенных в жизни предыдущей) как во сне проходят, однако сдаваться нельзя... Но что особенно важно: духовный потенциал, за каждое воплощение накопленный, достойного применения требует.

К примеру, шаман, приумножив в течение жизни полу-

ченные свыше знания, должен о них позаботиться. Он просто не может подаренную Матерью-Планетой силу оставить без хозяина. И, завершая земной путь, колдун под ритуальные песнопения прячет в укромном месте свои шаманские атрибуты, которые затем помогут последователю открыть врата судьбы. И тот, кому посылка предназначена, подсознательно ведает, куда идти. Судьба приведет.

А потом и сам ученик оставляет приумноженные знания, которые вновь найдет первый шаман, уже в новом теле воплотившись. И каждый выбранный судьбой последователь должен найти то, что ему завещано. И служение принять как положено, по всем правилам.

– А если ученик не узнает о предназначенной ему миссии и эти ваши врата не найдет? Если не захочет к ним пойти?

– Не исполнит предназначение – значит, будет отвечать за свою несостоятельность.

– И как? – взволнованно спросил Сергей.

– По-всякому бывает, – пожала плечами хозяйка. – Беды-нелюбовья на его голову свалятся, новые испытания на каждом шагу подстерегать будут. А в особо серьезных случаях уклонившийся от предначертанного служения может в последующей жизни и человеком уже не стать. Придется исправлять ошибки, отвечать за свою, скажем так, халатность по отношению к долгу, природе и миру людей.

– Так что же, и мне теперь шаманом сделаться предстоит? – опешил мужчина.

Тут белка встала на задние лапки, картинно отставив левую в сторону, приложила одну из передних к груди, вторую протянула к Сергею и продекламировала:

«Шаманом можешь ты не быть...»

«Но жизнь людей спасти обязан!» – закончила собака.

Обе дружно засмеялись. На ментальном уровне смех белки заливисто звенел легким серебристым колокольчиком. Смех Клавдии был по-человечески красивым, грудным, словно смеялась молодая, уверенная в себе девушка.

– Вот и у тебя своя особая история, – продолжила баба Нина. – Как сорок лет исполняется – начинаешь потихоньку вспоминать знания прошлых воплощений. К сорока пяти годам всё в твоей голове по полочкам разложится, картина, как говорится, нарисуеться, задачка решится. И – вперед! К Свету, к новым знаниям! Так от жизни к жизни свой опыт преумножаешь.

Время от времени мы тебя в Запределье переносим. Когда чему-то особенному обучиться необходимо. Но с каждым разом всё реже мы это можем сделать. Врата Междумирья давно разрушены, технологии их строительства утрачены. А на те тропинки, что остались, Жеглард свою лапу наложил. Один за другим все проходы в ваш мир перекрывает, всё больше людей от Света отстраняет. В последний раз семь жизней назад ты к нам приходил...

– Но подождите! – прервал ее Сергей. – Вы обозначили временной промежуток с сорока до сорока пяти лет! Мне

что, пять лет здесь находиться? А как же моя привычная земная жизнь? У меня же пациенты! Кто о них позаботится? Да меня без вести пропавшим признают! Или в шпионы-перебежчики запишут! Как я вообще домой вернусь?

«Не переживай. Сколько бы ты здесь ни находился, в свой мир возвратишься ровно в тот же день и час», – успокоила Клавдия.

«Ну, час возвращения, если хочешь, мы тебе слегка подкорректируем!» – подскочила вездесущая белка. – *«А то мало ли что...»*

– Так если я целых семь жизней в вашем мире не был, а опыт прошлых воплощений сам могу вспомнить – почему же вы меня сейчас-то сюда перенесли? Чем эта жизнь от предыдущих отличается?

– Сейчас случай особый, – вздохнула Хранительница. – Антонина проснулась и под влиянием Жегларда уже много черных дел натворила. Только ты ее остановить сможешь и к Свету вернуть.

«Ты не торопись, вспомни все знания. Обрети новые навыки. И самое главное – соедини разрозненные части воедино, восстанови гармонию жизни», – добавила волчица.

– Что соединить? – не понял Сергей. – Какие части?

Бабка вдруг как-то вся осунулась, помрачнела. Взгляд ее затуманился.

– Ну, вы тут сами, без меня... – Не закончив фразу, она поднялась и шаркающей походкой направилась к дому.

Сергей проводил ее взглядом и обернулся к хвостатым собеседницам:

«Что случилось?»

«Сейчас расскажем. За хозяйку не переживай. У нее в организме свои процессы – завершительные».

«Какие процессы? Что там завершается? К смерти, что ли, готовится? – забеспокоился доктор. – Может быть, Нине Петровне помощь нужна, лекарства или процедуры какие-то? Всё же восемьсот с лишним лет – это не шутки... Я могу ее осмотреть».

«У нее как раз всё по плану идет. Ты о себе думай. Чтобы всё получилось у тебя, еще одно правило есть: надо самому здоровым стать. Ты просто обязан во время нахождения в Запределье свой позвоночник выправить. Тогда связь с Великим Космическим Со-Знанием восстановится, и жизнь твоя в норму придет. А нет – так и будешь из века в век переживать то войны, то семейные неурядицы. А Рожденных-к-Свету так и не сможешь до места назначения довести».

«Рожденных... как?»

«К-Свету. Ну, это Живые, незамутненные Сознания, еще не достигшие Сияющего статуса. Им проводник необходим. Ты им нужен. А тебе самому за место под солнцем постоянно сражаться приходится. Не можешь ты свое предназначение выполнить, пока разъединена душа твоя. Нет в тебе Изначального Света, той жизненной силы, что за собой повести может. Поэтому и надо половинчатые половинки

вместе свести, собрать воедино. Вновь засияет твое Сознание, многим вокруг покажет Путь Истины, Дорогу Правды».

«Какая дорога? Какие половинчатые половинки? Тут бы от вашей информации не свихнуться...»

«Не свихнешься, – приободрила его белка. – Не для того мы тебя через Космос Великий сюда переправляли. Будем готовиться к Празднику Трех Лун».

«Как это – трех? Одна луна вообще-то...»

«А ты в небо ночное теперь внимательнее смотри, – ответила ему Клавдия. – Это в вашем мире сначала ближнюю малую луну Лелю, коварно заселенную кощеями, уничтожили, потом и вторую, доставленную в околоземное пространство, на Землю скинули-уронили, вызвав долгую ядерную зиму. Возможно даже, что и третью луну свою вы потеряете, если не одумаетесь вовремя, не прекратите извечное противостояние и бесконечное наращивание ядерных арсеналов...»

А у нас в Запредельном небе до сих пор три спутника. Лунные волки свою вотчину, третью луну под названием Месяц, силам тьмы в обиду не дали. На первый, самый малый спутник кощеев не пустили. И взяли, так сказать, шефство над второй лунной – Фаттой (вы в своем мире ее как Фазтон должны помнить), когда ее в пространство околоземное доставили.

А в то нелегкое для Матери-Земли время, когда темные

из разных миров решили на Фатте военный арсенал разместить, волки не позволили, всех злобных визитеров распугали.

А еще есть легенда. Как раз про тебя: на Праздник Трех Лун две половинчатые половинки должны соединиться, образовать цельную сущность, или душу. И тогда всё встанет на свои места!»

«А это не сказки?»

«Что – это?» – переспросила белка.

«Всё, о чем вы мне тут рассказываете».

«А правда в вашем мире только в сказках и осталась. Она на подсознательном уровне считывается, – карие глаза волчицы серьезно глядели на человека. – Ты же чувствуешь, что мы не обманываем...»

«И откуда, Клавдия, вы всё это знаете?»

«Вообще-то она не совсем собака, она из рода лунных волков, – белка разлеглась на загравке своей подруги и запустила лапки в серебристый мех. – Думаешь, почему такая шерсть у нее красивая? Она с ближайшей к нам луны Лели. В ваших сказках, помнишь, говорится: "Смерть Коцея на конце иглы, игла – в яйце..." А яйцо это – именно Леля, потому как она не круглая, а в форме яичка. Сила земного притяжения ее так вытянула... Вот допустили злобных коцеев в свой мир, до сих пор расхлебываете».

«А вам, я смотрю, и без коцеев в Запределье зла хватает», – покачал головой Сергей.

«И не говори, – вздохнула лунная волчица, – зло в любом пространстве существует. Хоть Кощеем его назови, хоть Жеглардом...»

Человек вновь всмотрелся в утреннее небо:

«Странные дела творятся со мной. Вроде и не сплю, а в реальность поверить никак не получается. Сначала сюда расщепленным на части попал, потом животные говорящие да еще какие разумные жизни учить начали, потом еще и еще... В конце концов так сознание перевернуло, что просто хоть волком вой... Ой! Извини, Клавдия, что-то я...»

Волчица мысленно усмехнулась и, ничуть не обидевшись, так же мысленно ответила:

«Ты не переживай, всё образуется. А волки воют на луну не потому, что просто переговариваются. Родину свою вспоминают, тоскуют. Большинство из наших забыли древние знания, серыми стали. А истинные лунные волки всё помнят. И в энергоинформационное пространство проникать умеют, знания в мир несут. Межпространственная энергия – наша стихия».

«А еще они образ сами себе выбирают, – мечтательно подумала Рыжуля. – Клавдия то собакой обернется, то белой волчицей станет. А как надоест бегать, развеет себя на молекулы и в подпространстве к звездам отправится...»

Везет же некоторым с перевоплощениями. Ведь она, если захочет, может и в деву обратиться, только не любит на двух ногах ходить... А я сквозь все жизни – белка! Как ни

кувыркайся – всё те же усы, хвост всё тот же. Ничего в облике не меняется. А я же все-таки женщина! Так порой с внешностью поэкспериментировать хочется!»

«Тебе ли жаловаться, заклинательница артефактов? – повернула к ней длинную морду Клавдия. – Ты лучше вспомни, как с амулетом перевоплощения в прошлом году намудрила. Пока хвост вновь не обрела, всё с березы норвила наvertнуться. Белка без хвоста – то еще зрелище!»

«А тебе бы всё потешаться. Нет бы помочь подруге!» – раздраженно дернула ее за ухо белка.

«Значит, Клавдия – специалист по взаимодействию сознаний и межпространственным перемещениям, а ты, Рыжуля, мастер оберегов?»

«Хранитель! – с серьезным видом поправила белка. – Я их храню в подпространстве, в особом, защищенном месте. И извлекаю, когда надобно. И я тебе не какая-нибудь там заштатная ворожея без диплома! Я – осторожная белка, Хранительница талисманов. Очень сильная и, наверное, уже последняя в нашем роду».

ГЛАВА 7

– Александр! Встречай гостей! – зычный голос матери разнесся по двору, разбудив, казалось, весь пятиэтажный дом.

Сашка уткнулся носом в подушку и тихонько взвыл: вы-

ходные испорчены! Эту женщину, стоявшую сейчас с полными сумками перед его окном, он люто ненавидел. Но кому в его положении расскажешь, что место его такой доброй и такой нежной мамы заняла враждебная сущность с ужасными манерами и неприятным голосом? Что его сильный, заботливый и всё понимающий отец превратился в бесплатное приложение к дивану с вечно устремленным в экран, дисплей или монитор взглядом...

И виновным во всех этих бедах Сашка считал себя. Если бы не его извечные поиски...

...После окончания школы и успешного поступления в институт он вдруг решил посмотреть, что творится на пыльном чердаке старенького дачного домика, где они с братом устраивали свой пиратский (или военный, или шпионский) штаб. Хотя чаще всего чердак был штабом сияющих рыцарей.

В большой коробке со старыми книгами, меж пожелтевших от времени страниц, он неожиданно обнаружил фотографию, на которой они с Андрейкой стояли на берегу реки, мокрые, загорелые и счастливые. Вдвоем! Сашка не помнил, как спустился по приставной лестнице, вбежал в маленькую кухоньку, где мама варила на зиму смородиновое варенье, протянул ей фото. От волнения он не смог ни слова вымолвить. Но женщина вдруг замерла, увидев старый снимок, глаза ее наполнились слезами.

Весь вечер они так и просидели – обнявшись, вспоминая,

утирая слезы. А когда Сашка лег спать, мама всё куда-то звонила, с кем-то разговаривала, собираясь с утра бежать подавать заявление на розыск пропавшего, обращаться на телевидение, в прессу, искать сына через сайты в интернете.

Сашка уснул в слезах от ощущения, что хоть что-то сдвинулось с мертвой точки. А когда утром, проснувшись от аромата блинчиков, вбежал в кухню, собираясь ехать с мамой в город, взгляд его уткнулся в спину незнакомки, почему-то вдруг нарядившейся в мамин халат с роскошными синими цветами.

– А где моя ма... – он хотел сказать «мама», но голос неожиданно прервался.

От плиты к нему обернулось... странное, незнакомое, враждебное существо. Хоть эта женщина и была точной копией его мамочки, но не чувствовалось в ней ни любви, ни тепла, ни нежности. Холодный взгляд рептилии едва не отшвырнул парнишку к стене.

– Что ты сказал, дорогой?

– А? – не понял он, ошарашенно разглядывая злобную сущность. Как бы ни старалась эта тварь быть похожей на человека, но Сашка отчего-то видел ее насквозь...

– Что потерял, спрашиваю?

– А ма... майка моя спортивная где? – нашелся с ответом парень. – Я в институте в футбольную секцию записаться планирую. – И выбежал из кухни.

– Так позавтракай сначала! – маминым голосом крикнула

ему вслед чужая тетка с естественным драконом.

– Некогда! В город еду, на автобус могу опоздать! Я по дороге чего-нибудь перехвачу! – Сашка спешно покидал в сумку вещи и сбежал.

Дома он первым делом заглянул в спальню – вернулся ли из командировки отец? Не случилось ли с ним какой беды? Даже не удивившись погрому в комнате, с тяжелым сердцем ринулся в зал. Отец сидел перед телевизором, без конца переключая каналы, и ничего не выражающим взглядом смотрел в экран.

– Папа, ты приехал! – приободренный было сын кинулся к отцу, спеша обнять, всё рассказать. Но...

А вдруг это не он? Вдруг его тоже подменили, как маму? Парнишка в нерешительности остановился, сделал несколько шагов к мужчине и осторожно положил руку ему на плечо... Это был отец. Теплый, родной, настоящий, но... совершенно пустой, словно выгоревший изнутри.

Сашка от бессилия заплакал. Он тормошил отца, пытался разговорить, но всё бесполезно.

«Это я во всем виноват! Это из-за меня страдают родные люди!» – с горечью подумал он и, не желая потерять последнего близкого человека, решил впредь держаться от папы подальше. Чтобы никто не смог, стараясь сломить волю непутевого сына, заодно и отцу навредить еще больше (хотя куда уж больше-то!). Теперь не только брата искать, но и родителей из беды вызволять надо!

И Сашка навсегда уехал из родного города. Тем более что лето подошло к концу и начинался первый учебный семестр. Но вездесущая маман не оставила его в покое. Раз в месяц они с зомбированным отцом приезжали к сыну на выходные.

Мать под предлогом генеральной уборки расставляла в укромных уголках его комнаты и на кухне разрисованные какими-то непонятными символами камни, подвешивала под кроватью странные корешки и травы, называя всю эту муть оберегами от сглаза, талисманами для успехов в учебе. Но Сашка ей ни капли не верил и каждый раз выкидывал всё это пропитанное злом барахло в мусорное ведро. А потом остервенело оттирал пол от какой-то розовой дряни, пропитавшей, казалось, всю комнату своим одурманивающим, приторным ароматом.

Он пытался звонить отцу в рабочее время, что-то выяснить, узнать, как тот себя чувствует, что помнит. Но папа почти ничего не говорил или отвечал невпопад. Он, ежемесячно навещая сына на протяжении пяти лет, каждый раз с тем же ничего не выражающим взглядом неизменно сидел напротив телевизора...

Сашка успешно окончил институт и устроился в небольшую фирму программистом. Но визиты родственников продолжались с завидным постоянством. С одной стороны, парня трясло при виде женщины с леденящим взглядом, но с другой... во время этих встреч он хотя бы мог видеть отца. Убеждался, что с ним ничего худшего не случилось. А в

остальное время искал выход из тупика и ни на миг не позволял себе расслабиться или отрешенно забыться.

Оставаясь в одиночестве, он много размышлял. Вспоминал времена, когда отчаяние накатывало с такой силой, что он просто отключался от внешнего мира, никак не реагировал на окружающие события. Вывести его из этого состояния могла только мама: тихо садилась рядом, долго гладила по спине и шепотом звала: «Сашечка, возвращайся. Иди ко мне...» И накатившая безысходность отступала. Он обнимал маму, уткнувшись в ее теплое плечо, и засыпал. Часто он просил: «Мама, позови меня». И она звала: «Сашечка, иди ко мне. Я тебя очень люблю». И на душе сразу становилось теплее...

* * *

Как обычно, мать-самозванка первым делом отправилась поболтать к Марье Гавриловне, что проживала в соседней однушке, а отец, привычно глядя мимо сына и не разуваясь, прошел в большую комнату, уселся в кресло и, включив телевизор, принялся давить кнопки пульта.

– А мои вещи привезли? – спросил его Сашка.

– Что? – не отрывая взгляда от экрана, вопросом на вопрос ответил отец.

– Коробка с вещами из гаража где? – снова спросил сын. – Я вчера звонил, привезти просил.

– А? – перевел на него соловый взгляд родитель.

Однако постепенно у него в голове что-то сформировалось, и он протянул ключ зажигания:

– В багажнике глянь... – И тут же забыл обо всем, снова устремив взгляд в экран.

Порывшись в машине, Сашка нашел не в багажнике, а на заднем сиденье небольшую коробку из-под обуви, перемотанную изолентой.

«Значит, от папы это»... – догадался он.

Открыл коробку, с удивлением воззрившись на заполнявший ее до половины серый пепел от сгоревших фотографий из давно забытого детства. Родители очень любили фотоальбомы, их было в доме штук двадцать. А теперь... Среди золы виднелись обожженные кусочки фотобумаги. Сашка горестно вздохнул...

Возвращаясь, в полутьме подъезда парень услышал из-за полуоткрытой двери жилища Марьи Гавриловны скрипучие, почти нечеловеческие голоса. Но разобрал слова: «Чрезвычайное событие... Троелуние... Отчет немедленно отправить по инстанциям... Как бы чего не вспомнил... Не допустить проникновения за пределы...»

В озаренной восходящим солнцем комнате сидел отец. В той же позе, с тем же потухшим взглядом. Сашка не выдержал, сел рядом, уткнулся лбом в его небритую щеку:

– Как же так, папа? Как же так? Что мне делать? Как вернуть тебя и маму?

– Мама? – глаза отца вдруг озарились. – Да! Та женщина,

та злая женщина... она всё сожгла. Она сидела на крыльце и бросала в костер наши фотографии, всю нашу такую счастливую жизнь! А меня... мне она приказала чай принести... Я принес, а она... она мамину фотографию подожгла... Подождла и с наслаждением так смотрит, как ОНА горит!.. Я не выдержал, сделал вид, что споткнулся, кипятком гадину обжег. Та вскочила, закричала сильно, рукой взмахнула. Фотография мимо костра пролетела тогда. А я с крыльца упал... На фотографию мамину упал, огонь затушил своим телом и незаметно спрятал... мамочку нашу... Забери ее. Ей у тебя спокойнее будет... – Он дрожащими руками достал из внутреннего кармана потрепанного пиджака обгоревшее с нижнего края фото и протянул сыну.

Сашка помнил этот волшебный день. Они были на отдыхе в Ялте. Родители подарили пятнадцатилетнему отпрыску новый фотоаппарат. Конечно, можно было и на телефон снимать всё, что вздумается. Но на семейном совете решили, что качество фотографий важнее. Кроме того, папа с мамой надеялись, что новая дорогая игрушка поможет сыну отвлечься от тяжелого недуга...

Сашка незаметно тогда подкрался и сделал, пожалуй, лучший снимок в своей жизни: загорелая мама в легком голубом сарафане и широкополой соломенной шляпе сидит на большой белой скамье, закинув руки за голову и вытянув ноги в красивых плетеных сандалиях. За спиной у нее радостно машут ветками пальмы, плещется море и жаркое солнце си-

яет как сумасшедшее. Мама на этом фото такая счастливая, такая безмятежная...

Дверь распахнулась и застывшая на пороге лжемасть противным голосом крикнула:

– Эй ты, диванное приложение, вставай! Ехать пора!

Отец беспрекословно подчинился. Встал и направился к выходу, по пути взяв со стола ключи от машины и даже не взглянув на сына.

– А уборка? – недоуменно воскликнул Сашка, предусмотрительно спрятав фото в задний карман джинсов.

– Я, это... уютг забыла выключить... наверное. – Женщина, уперев руки в бока, с подозрением оглядела отца, затем сына, уставилась на обувную коробку на журнальном столике и нагло усмехнулась. – И вообще, взрослый уже. Сам убираться в своей конуре должен!

Она грубо дернула нерасторопного отца в темноту подъезда и хлопнула дверью, не попрощавшись. Наверняка дракониха надеялась, что, ликвидировав истинную хозяйку самовольно занятого тела, сможет уже безраздельно властвовать в их семье. Поэтому и с домочадцами сюсюкать больше не требовалось. Полный семейный не контролируемый извне тоталитаризм!

Сашка подошел к окну, глядя на выезжающую с парковки машину, и проводил отца (именно его) взглядом. Убедившись, что остался один, достал обгоревшее фото и еще раз посмотрел на маму: уже не на цветном, наполненном сияни-

ем солнца, а на черно-белом снимке у самого края скамьи, испуганно поджав под себя ноги, сидела она, его горячо любимая мамочка.

– Здравствуй, родная моя, – с нежностью погладил глянцевою бумагу истосковавшийся по материнскому теплу сын.

– Здравствуй, Сашечка! – тихо прошелестел ответ.

ГЛАВА 8

Бревенчатая банька, выстроенная на берегу спокойной широкой реки, уже была жарко протоплена. Раскаленный пар, свежий березовый веник, покрасневшее от горячей воды тело. Каждая клеточка организма, очищенная жаром русской бани, пела от восторга. И совсем не напрягало раннее, почти в три часа ночи, пробуждение.

Вволю наплескавшись, Сергей вышел в предрассветную прохладу. Небо посветлело, посерело, и в молочной тишине всё заливицей и громче перекликались звонкие птички голоса. По тропинке мужчина неспешно вернулся к дому. Под развесистой березой, на верхушке которой что-то напевала белка, его ожидал большой медный самовар, а рядом гордо пристроился свежее испеченный хлеб. Густая сметана и янтарный мед так и ждали, когда их намажут на большой хрустящий ломоть.

Белая собака лежала на пестром домотканом коврике и внимательно смотрела на приготовления к завтраку. Не спа-

ли все обитатели маленького двора. Как будто чего-то ожидали...

Сергей с удовольствием надкусил хрусткий хлебный ломоть и, отхлебнув из белой фарфоровой кружки обжигающий чай, обратился к собаке:

«А почему баба Нина тебя порой "Облачком" называет? Ты же вроде Клавдия?»

Белка перепрыгнула пониже и, свесившись с толстой ветки, засмеялась:

«Вольный перевод, так сказать... Ты с английского Клавд⁵ переведи – вот тебе и облачко, и Клавдия – два в одном».

«Нина Петровна английский знает?»

«Ну ты же знаешь».

«Знаю. Но это – я. А она, живя в Запределье, – откуда?»

«Дубина! Всё, что знаешь ты, знает и она. – Белка помолчала и добавила: – Жалко, что ты сейчас не можешь знать всего, что ей известно. Приходится вдалбливать тебе простые истины».

«Ничего себе, простые!» – покачал головой человек.

«Да как же можно не знать? Это ж как два пальца об...»

«И откуда у вас троих такая грубая манера разговора?»

– поморщился Сергей.

По меньшей мере странно было слышать от непоседливого милого зверька крепкие слова, зачастую переходящие в почти площадную брань. И опять перехлест в сознании:

⁵ Cloud – облако (англ.).

«Брань – от зверька?!» Когда уже он ко всему этому привыкнет?

«Не откуда, а для чего! – считав его мысли, ответила Клавдия. – Для энергетического баланса».

«Что?»

«Ну, баланс необходимо соблюсти, – белка деловито почесала пушистое пузико. – Чтобы у Антонины там, в ее темноте, была возможность хоть что-то светлое сохранить. Правильная речь – ее спасательный круг в море тьмы».

«Ну а нам с хозяйкой и с этой хвостатой тараторкой приходится почти что жаргоном пользоваться. Вот и делим этот груз на всех, – вздохнула белая собака. – Хорошо, хоть можно поругаться по-настоящему, уединившись. То, что ты порой от нас слышишь, Человек-Сергей, это, поверь, такая мелочь...»

«А куда деваться? Мы Нине Петровне помогаем. Если бы не наша поддержка, она тебе строение мира на фене бы объясняла, – продолжила Рыжуля. – Ты думаешь, я там песни на березе пела? Да материлась я нараспев. Залезла повыше, чтоб никто не слышал, и крыла всех и вся на беличьем матерном».

* * *

На покосившемся крыльце появилась бабка в домотканой

рубаше и накинутом сверху капоте⁶. Кряхтя, спустилась по ветхим ступенькам. Отдышалась немного, оглядела Сергея, улыбнулась:

– Ну что, соколик, чист и свеж как огурец? Пойду и я старые косточки попарю, чтобы восстановление веселее шло.

Опираясь на клюку, она побрела к берегу.

– Может, помочь чем, баба Нина? – глядя ей вслед, спросил доктор.

– Да чем ты сейчас поможешь? Разве что ковш воды мне в баньку принеси. А я пока отдохну, – хозяйка присела на ствол упавшего дерева и словно окаменела. С каждым часом она двигалась всё тише, всё чаще замирала, будто отключалась от мира.

Сергей пошел в избу. В предрассветном сумраке вода в кадушке показалась ему не совсем свежей. Может, где еще есть? Огляделся, увидел за печкой два кувшина. Взял ближайший и налил содержимое в черпак. В спешке совсем не обратил внимания на разлившийся по избушке хрустальный звон. Или просто стал привыкать к непонятным пока еще волшебным звукам, ощущениям, цветам.

Ковш он поставил в предбаннике на лавку. Огляделся, заметил, что холодной воды маловато. Спустившись к покрытой утренним туманом реке и наполнив два больших ведра, долил доверху пузатую деревянную бадью. И поспешил на-

⁶ Капот – женское платье, разновидность домашнего халата, пеньюара (XIX век).

зад: большая собака обещала рассказать еще много интересного.

Возвращаясь, он отметил про себя, что надо бы соорудить лестницу с перилами, ведущую от подножия холма к самому дому. Чтобы Нине Петровне сподручнее было подниматься. По пути, поравнявшись с отдыхающей еще хозяйкой и пионерски отсалютовав, весело сообщил:

– Товарищ командир, ваше задание выполнено! Ковш я на лавку поставил. Заодно и свежей воды из реки принес.

– Молодец, касатик. Быстро обернулся, русалки не защекотали.

Старуха медленно встала с бревна и неуверенной походкой направилась к реке. Через плечо у нее был накинута расшитый цветами рушник, в руках – маленькая скляночка, ярко сверкающая сквозь заскорузлые скрюченные пальцы.

* * *

Баня была жаркая. Бабка вымылась, прогрелась на славу. Так хотелось попариться душистым березовым веником. Но сил не оставалось. «Ничего, еще успеется, – подумала она про себя. – Еще многое успеется».

Выйдя из баньки в свежей домотканой рубаше, она посушила полотенцем седые волосы, расчесала их большим деревянным гребнем, немного отдохнула, глядя в светлеющее небо. Вот нижний край облаков порозовел, затем из-за горизонта вырвались ослепительные лучи, раскрашивая небо-

свод расплавленным янтарем, переливаясь багряным и золотым сиянием. И медленно, словно нехотя, из-за кромки леса стало выкатываться солнце. Когда в расцвеченном утренними лучами небе оформился сияющий полукруг, иссушенная временем женщина поднялась и осторожно, опираясь на клюку и вымеряя каждый шаг, вернулась в баньку.

Уходили силы, мутилось зрение, руки дрожали. На ощупь старушка взяла маленький пузырек с сияющей жидкостью, аккуратно вылила содержимое в ковш и вышла на улицу. Солнечного света она уже не видела, только чувствовала на лице тепло.

«Пора!» – поднесла волшебный эликсир к губам. Один большой глоток, второй, третий... Ковш упал на землю, сияющая жидкость, едва коснувшись травы, моментально испарилась и оглушительно взорвалась.

* * *

Беззвучный разговор под развесистой березой непринужденно продолжался. Сергею было очень интересно с Клавдией и Рыжулей. Вдруг со стороны реки громыхнуло. Да так, что все трое подскочили. Не раздумывая, они ринулись вниз по тропинке.

Бабка лежала на боку, седые пряди разметались по зеленой траве, в воздухе вокруг нее искрились-сверкали-перемигивались капли света. А в следующий момент сияние словно подхватило бездыханную Хранительницу, приподняло над

травой – и вдруг в мгновение ока вошло-влилось-впилось в тело старой женщины. Жизнь к ней вернулась, но наблюдать за происходящим Сергею было ох как страшно: бабку била крупная дрожь, тело выворачивалось наизнанку, как у эпилептика, челюсть ходила ходуном, зубы стучали. «Как бы последние не вылетели», – пришла в голову неуместная мысль.

Животные смотрели на эту картину внимательно, но без тени страха.

«Ой, что сейчас буде-е-ет!» – нараспев протянула белка.

– Еще что-то будет? – Сергей и первое-то событие не успел хоть сколько-нибудь переварить.

«Это только начало, – глубокомысленно произнесла собака. – Давай, Рыжюля, свои амулеты. А то сейчас Нина Петровна все припасенные для человека знания растеряет».

Белка подскочила к хозяйке, хлопнула лапками. В воздухе повисли серебряные браслеты. Их было четыре – массивные кольца из черного серебра с витиеватым узором из листьев, трав и цветов. Каким-то своим беличьим заклинанием шустрая ворожея замедлила судорожные движения бьющейся в припадке женщины и быстро нацепила обереги ей на руки и на ноги. Дрожь утихла, дыхание восстановилось, щеки порозовели. Тело старушки медленно опустилось на траву, она открыла глаза и обвела всех отрешенным взглядом. Потом остановилась взглядом на Сергее – и вдруг, что-то вспомнив, вся встрепенулась.

– Что же ты, окаянный, наделал? – хрипло шептала она. –

Ты откуда воду наливал? Я даже подумать не могла, что в черпаке не вода! Я же Сиянну наземь разлила! Да сколько разлила – полковша! Это ж сразу на той стороне о нас прознали! Вот беда... А если бы ты Санию мне подсунул?! Что бы тогда было? А?! Катастрофа ты ходячая!

«Тихо, тихо, хозяйка, – ровным тоном успокоила ее бабка. – Будем решать проблемы по мере их поступления. А вам пока надо выспаться. Восстановление уже полным ходом идет. Сейчас мы вас в избу отнесем.»

Она кивнула человеку:

«Нести тебе придется.»

* * *

Бабка «оживала» быстро. Что бы она там, в баньке, ни «приняла на грудь», но, судя по всему, явно перебрала: без умолку болтала, громко смеялась и даже пыталась орать песни. Доктор тащил ее на себе к старой избенке и по ходу следования всё больше удивлялся: почему дикция Нины Петровны шаг от шага улучшается? Вроде бы с пьяными всё наоборот...

Постепенно в деревенский говор хозяйки замысловатым образом стали вплетаться научные термины:

– Эйфория, милок, такая коварная штука! Я и не заметила, как искусственно вызванная повышенная секреция дофамина вернула организму чувство удовольствия и радости. Меня прямо прет от счастья! Или это эндорфины разгуля-

лись? Хотя это общее название для нейромедиаторов. А ты знаешь, милоч, сколько этих самых нейромедиаторов? – она попыталась взмахнуть рукой. – Целая куча!

Бабка помолчала, всхлипнула и сама себе ответила:

– А-а-а, ты же знаешь, ты же доктор!

Немного поерзав на спине у Сергея, она неожиданно сильным и ровным лекторским голосом четко произнесла:

– Структурно они напоминают опиаты, отсюда и происходит название – «внутренние морфины». Соответственно, рецепторы эндорфинов называются опиатными...

Зевая, она еще немного порассуждала о гормонах радости. И, подытожив: «Лет пятьсот так хорошо не было!», – сонно засопела.

Клавдия, толкнув носом непонятно почему новую, пахнущую свежим деревом дверь избушки, скомандовала:

«Неси хозяйку наверх, в горницу».

– Куда? – не понял Сергей.

«На второй этаж по лестнице», – пискнула белка, всю дорогу сидевшая верхом на лохматой подруге.

– Да нет здесь второго этажа!

«Уже есть. Иди за мной», – собака оскалила клыки в своей неподражаемой улыбке и легко взбежала по деревянным ступеням. Сергею ничего не оставалось, как последовать за ней.

Наверху он опрокинул бабкино тело на застеленную красивым атласным покрывалом постель и огляделся. Светлая

уютная комната второго этажа появилась словно по волшебству. Он провел руками по лицу, сжал виски: еще вчера вечером не было в стареньком домике никакой верхней надстройки. И лестницы не было... И входную дверь он помнил хлипкой и скрипучей!

А сейчас обстановка горницы согревала душу домашним теплом. Высокое окно, озаренное светом недавно вошедшего солнца, прикрыто от любопытных лучей легкими шторами. На широкой деревянной кровати пестрой компанией расположились пухлые подушки. Прикроватные тумбочки покрыты узорчатыми салфетками. На спинке глубокого мягкого кресла у окна – аккуратно сложенный пушистый плед. В углу – туалетный столик с большим овальным зеркалом. Мило и комфортно. Чудеса!

Белка вспрыгнула на постель и потащила яркую подушку бабке под голову:

«Что стоишь, человек? Помогай!»

Сергей наклонился к женщине, подкладывая подушку. Поправил разметавшиеся по одеялу волосы и с изумлением воззрелся на пробивающийся сквозь седину золотой блеск. Хозяйка открыла глаза, вздохнула и погладила его по щеке совсем не шершавой рукой.

– Ты не буди меня, я посплю. И, пожалуйста, ничему потом не удивляйся, – попросила она и снова отключилась.

«А что мне еще остается, если в Запределье вашем оказался? Только и делаю, что рот от удивления разеваю. И каж-

дый раз – всё шире...»

Доктор медленно спустился по свежевыкрашенным ступеням новой лестницы, вышел на улицу, присел на крыльцо. От пережитого слегка кружилась голова.

«Спит?» – прыгнула к нему на плечо белка.

«Уснула, – кивнул головой Сергей. – А о чем это Нина Петровна у бани говорила? Что она разлила? Сиянию?»

«Сиянну, – поправила белка, – силу жизненную. Помнишь, в первое утро хозяйка у тебя из-под топчана два кувшина доставала? Белый – с Сиянной, черный – с Саньей. Каждый раз твою жизненную энергию ей процеживать-разделять приходится. С каждым твоим визитом сюда – всё тщательнее и осторожнее. Столько мути ты в себе из мира людей приносишь – просто жуть!»

Сергею стало интересно:

«А как она из меня эту энергию доставала?»

«Так топчан твой – это не простая кровать. Это, если можно так выразиться, энергетический разделитель, – ответила белка. – Ты чай травяной пил?»

«Ну да».

«Ну так вот, с его помощью слежавшаяся в камень суть твоя разбалансировалась. Образно говоря, подогрелась, дошла до нужной кондиции. А потом твоя энергетическая кровь (или, как в мире людей ее называют, «прана») расслоилась и по двум кувшинам растеклась».

«А как она расслоилась-то? Каким образом в кувшины по-

пала?» – не унимался человек.

«Ты принцип работы сепаратора можешь себе представить? – подключилась к их мысленному взаимодействию подошедшая Клавдия. – Сначала все энергии твои, и светлые, и замутненные злом, гомогенизированы, смешаны в единое целое. А как их разделить?»

«Да просто! – взмахнула хвостом Рыжуля. – Всё происходит под воздействием такой энергетической центробежной силы: тяжёлая темная субстанция отбрасывается на периферию, а более легкие светлые энергии собираются ближе к центру. Чем ниже вязкость и выше скорость вращения, тем легче происходит разделение фракций. Вот по двум каналам и вытекли из твоего тела разнонаправленные энергии. Так что в один кувшин отправлялась тяжёлая Саня, а в другой – легкая и светлая Сиянна».

«Но сепаратор – физическое тело, бытовой прибор! А вы мне про энергии рассказываете».

«Мы на примере этого прибора тебе всё объяснить пытаемся, – ответила волчица. – Чтобы твоему еще не осветленному сознанию понятнее было. А на физическом или энергетическом уровне этот сепаратор работает – уже неважно. По крайней мере, в нашем мире».

«Так из меня что, всю энергию за ночь выкачали? – с сомнением произнес человек. – Неправда это. Я же помню, как проснулся. Было так легко на душе. Немного грустно, но всё равно легко. Тело казалось таким свежим, чистым...»

«Вот именно! Тело было чистым, а сознание – легким. Тебя просто от всего наносного освободили. Осталась только твоя изначальная суть», – ответила ему Рыжуля.

«В принципе, человек именно таким и должен быть. На протяжении всей жизни. А наносное только портит», – заметила Клавдия.

«Ну ладно, пусть Саня – темная энергия. А Сиянну-то зачем доставали?»

«Для профилактики», – последовал невозмутимый ответ.

«И всё? Это всё, что можете мне сказать?» – рассердился Сергей. – *Нет, подружки, признавайтесь: что за эксперименты вы тут надо мной ставите?»*

«Эксперименты?! – от праведного гнева круглые глаза белки чуть не вылезли из орбит. – Да ты что?! Как тебе вообще такое в голову могло прийти?!»

«Неправ ты в своих подозрениях, – спокойно ответила волчица. – Истина в твоей сути зафиксирована. Нельзя допустить хоть малейшее ее искривление».

«Искривление сути?» – не понял Сергей.

«Именно! – подскочила немного успокоившаяся белка. – Даже в твоём мире степень искривления пространства и времени определяется количеством содержащихся в них материи и энергии. А теперь переведи эти величины в Запретельную сферу, взгляни на себя с нашей стороны. Вот и получается, что каждый раз в мире людей суть твоя подвергается огромному давлению. И извне, и изнутри».

«То есть вполне допустима ее деградация на материальном, ментальном и (что самое важное) на духовном уровне, – закончила ее мысль Клавдия. – Каждый раз по прибытии твоего естества в Запределье требуется тщательная проверка работы всех систем и тела, и сознания. Поэтому Сиянна тоже извлекается и тщательно исследуется».

«А что с ней делается потом?»

«Отстоится, испарится, растворится в пространстве и вернется к Естеству».

«То есть не ко мне, а к какому-то там...»

«Не к какому-то! – возмущенно прервала его белка. – А к Великому Светлому Естеству».

«А ко мне уже не вернется? Энергия-то моя».

«Вернется ровно столько, сколько заслужил».

«И что, пришел с одним количеством Сиянны, а заслужить могу меньше?»

«Всё в твоих руках. Вернее, в помыслах», – неопределенно ответила волчица.

Сергей помолчал немного, подумал. Оглядел этот новый для него мир и уже примирительно попросил:

«Вы расскажите мне об этих энергиях. В чем их важность, что мне о них знать необходимо?»

«Сиянна – первая субстанция, – словно ожидая именно этих вопросов, тут же начала рассказ Клавдия. – Кристально чистая энергия человека. С ее помощью можно воплощать мечты, возвращать здоровье. Да что здоровье! Годы жиз-

ни можно вспять повернуть!» – Клавдия подняла длинную морду к небу и прикрыла глаза. Сергей отметил, что во время таких «энергетических» разговоров ее шерсть начинала излучать волшебное сияние, нежно серебрилась и переливалась в ласковых солнечных лучах.

«Да всё можно! Всё, чего ни пожелаешь! Это же – великая сила человеческого естества! Можно сказать, неубиваемая субстанция, Богом данная на радость, на развитие, на самосовершенствование!» – эмоционально воскликнула белка. – *Поэтому темные за ней так охотятся. Настроив человека на свой лад, поработив его мысли и чувства, используют огромную жизненную энергию в своих целях».*

Постепенно, порой переругиваясь и споря, они «нарисовали» перед Сергеем картину, где во всех красках расписали нелегкую судьбу Сании.

«Сания – вторая субстанция, – пояснила белка, – замутненная горем, обидами и другими отрицательными эмоциями. Ее можно очистить, восстановить структуру, оживить в ней чистую энергию. Отделить Свет от тьмы опять же с помощью нашего энергетического сепаратора. Только фильтры уже другие будут. И, скажем так, гайки энергетического контура гораздо туже затянуть придется. Но и это еще не всё... Потом надо будет воспользоваться таким своеобразным...» – Рыжуля запнулась, воззрившись на Сергея прищуренным взглядом и предвосхищая его недоверие.

«Ну да, этот прибор можно сравнить с самогонным ап-

паратом, – невозмутимо продолжила Клавдия. Ее спокойно льющиеся уверенные мысли Сергей не подвергал сомнению. – Свет возвращается к своему источнику. А оставшуюся темную, большую энергию надо передать медведю. Он отнесет ее на ледник, только ему такое под силу».

«Да, медведь очень силен! – подхватила белка. – И ведомы ему изначальные знания о том, как сберечь мир от зла. И даже, приняв в себя непосильный груз отрицательной энергии, он долгое время может противостоять отравляющему действию мрака».

«Медведь успешно накапливает жир, – продолжила рассказ волчица. – В человеческом мире известна только одна сторона этого процесса – накопление жира с целью пережить холодную зиму, впад в спячку в приготовленной заранее берлоге. Но на самом деле у этой медвежьей особенности совсем другая задача. Жир связывает любую энергию, замедляет ее движение, может совсем заблокировать. Поэтому косолапые носители Сани со всей ответственностью подходят к своей работе. Да-да, именно работе! Они искренне радуются, что могут в связке с Хранителем очистить мир хотя бы от небольшой частицы тьмы. Проглотив маленькую сферу с запечатанной внутри Санией, суровый зверь становится сейфом для темной субстанции и безболезненно для себя может унести ее в горы».

«И в нашем мире было время великих битв, когда тьмы собралось так много, что медведи ценой собственно жиз-

ни уносили зло в горы и, переполненные им, не добравшись до Духа ледника, погибали, навечно запечатав в себе черную энергию, – подтвердила Рыжуля. – Они становились каменными глыбами, неразличимыми среди горных кряжей. Только ходить в те гиблые места, где когда-то героически погибли медведи, до сих пор опасно. Темный фон не обращенной солнцем тьмы хоть и не может покинуть тюрьму медвежьего тела, но сил своих не растрчивает и пытается захватить любого, кто приблизится».

«Из медвежьей утробы черная Саня не сможет вырваться на свободу, пока зверь сознательно не выпустит ее из себя – не отдаст Духу ледника, – вновь вступила Клавдия. – Дух свяжет темные силы и оставит отрицательно заряженную субстанцию на холоде в тишине и недвижимости. Саня, оставшись в одиночестве под солнцем и звездами и день за днем слушая пение ветра над горными склонами, постепенно вернется к источнику знания...»

«Но знание это несет только боль».

«Но иначе нельзя возродиться!»

«А откуда это знание? Где его источник?» – прервал их спор Сергей.

«Так от звезд же! Они веками передают всем живым существам энергию Великого Космоса, информацию обо всем, что происходит во Вселенной», – подивилась белка его несообразительности.

«Поначалу эти новые ощущения кажутся Сане абсо-

лютно чужими, ненавистными, – с болью и состраданием думала белая собака. – Зараженная тьмой субстанция не может принять в себя светлые знания, отторгает их. Но те снова и снова пробиваются к ее естеству, жгут как огненные стрелы. Саня чувствует одну только враждебную силу, окружившую ее со всех сторон. Свет. Тьма. Снова свет. Нестерпимая мука, непрекращающееся расщепление сути, бесконечные метания – и, кажется, нет этому конца.

Но время идет. И почерневшая от страданий сущность Сани под неумными солнечными и звездными лучами капли по капле наполняется светом и силой, каждым своим кристаллом, каждой клеточкой начинает "вспоминать", отчего помутилось ее сознание. Как вспомнит – взметнется ввысь гневом и обидой. В лучах далеких и близких светил с болью воскресит в себе пережитые беды, увидит их во всех красках, зарыдает от горя и бессилия, прольется на белоснежную гладь ледника горячими слезами и застынет, закаменеет от опустошенности и отчаяния. Но постепенно отойдет в принятии, забудется в прощении и вновь захочет Быть...»

«Как это – Быть?» – не понял Сергей.

«Сказать миру: "Я есть!.." – вставила Рыжуля. — Ну, значит: я есть, я существую!»

«И вот тогда минусовая энергия, по каплям, по микронам впитав в себя силу света, воды и тепла, очистится и

преобразуется. Отогретая солнышком Саня обратится, воскреснет, просочится через прозрачный лед, впитается в землю, пройдет сквозь нее, оставив позади боль и беды. А Мать-Земля вычистит из нее последние крохи черноты».

«И в пробившихся сквозь земную твердь родниках воскресшие капли Сани засияют положительной энергией. И накопленным опытом всё живое от новых невзгод будут охранять. Предупреждать, чтобы не верили тьме, не шли к ней с распахнутой душой и чистым сердцем. Чтобы умели разбираться, кому можно доверять, а кому – нет. Потому что злые силы с всепоглощающей страстью пользуются людской простотой и доверчивостью. А потом с не меньшим наслаждением горечью разочарования питаются. Так уж они устроены...»

«Отдельно стоит заострить внимание на Силе Чистой Воды – источнике здоровья и долголетия. Именно вода с ледников и есть такой источник. А теперь вспомни, ответь на вопрос: почему воду засоряют, заставляют бежать по трубам, изобретают бытовую химию, неустанно удобряют почвы сельхозугодий?»

«Чтобы у воды не осталось сил на передачу информации, – мысленно ответил Сергей. – Хватило бы их на самоочищение...»

ГЛАВА 9

Стол был накрыт так, словно хозяйка ожидала к обеду гостей. Горячий борщ в расписном глиняном горшочке, на красивых овальных блюдах – запеченные овощи и фаршированные грибами помидоры, подрумяненная на подсолнечном масле картошечка, разноцветные соусы и свежая зелень. Сергей поначалу расстроился от того, что борщ вегетарианский. Но, приправленный сметаной, тот оказался ничуть не хуже мясного. И вся остальная еда, как он впоследствии убедился, не содержала мяса, лука или чеснока.

Пробежавшая мимо Клавдия на ходу пожелала человеку приятного аппетита и, заметив его немой вопрос по поводу отсутствия мясных блюд, весело добавила:

«Дух твой возвышается, не допуская в тело тяжелую пищу. Мысли твои станут легкими и будут свободно перемещаться в пространстве».

Волчица унеслась вдаль, белка вообще не появлялась, хозяйка должна была выйти из горницы только через сутки... Обедал Сергей в одиночестве. И ему оставалось лишь наслаждаться прекрасной погодой и едой...

Закончив обед кружкой наивкуснейшего компота, он спустился к берегу реки, прогулялся немного. Вернувшись, обнаружил, что кто-то уже успел убрать со стола. Навстречу ему из дома выбежала Клавдия. На спине у нее, уцепившись за длинную шерсть, гордо восседала Рыжуля.

«Нагулялся, Человек-Сергей?» – наострила уши лунная красавица.

«*Давай уже заниматься!*» – пискнула в объединенном сознании белка.

«*Я не против,* – ответил доктор, присаживаясь за чистый стол. – *А вы не расскажете мне для начала, что за легенда про три луны и две половинки?*» – спросил он у неразлучных подружек, пристроившихся рядом.

«*Красивая такая легенда...*» – Белка вспрыгнула на стол и с выражением продекларировала:

*Когда прольется луч рассветный
На западной границе неба
Сойдутся вместе три лунных диска
И Солнца свет в себя впитают
И переправят в Место Силы
Разрушив низменные планы
Свет четырех влюбленных звезд
Сольется вмиг в одном сосуде
И станет Солнцу равен странник
И небо будет петь от счастья
И Мать-Земля во всех пространствах
От гнета тьмы освободится*

«*И что это означает?*» – обратился за разъяснениями Сергей.

«*А об этом тебе никто не расскажет. Эту легенду тебе самому прожить придется,*» – ответила Клавдия.

«*Это как?*» – недоуменно приподнял бровь доктор.

«*Так!* – передразнила его белка. – *Сам проживешь. И от того, КАК ты ее проживешь, судьба всего нашего мира зависит. И твоего, кстати, тоже. Да и не мы должны тебе об этом рассказывать. Есть существо посильнее. Придет время, с ним поговоришь и в легенду пойдешь*».

«*Куда идти-то? И когда? Подожди, Рыжуля. Дай я запишу эту легенду. Это же инструкция все-таки. А ты ее протараторила. Я же с маху не запомню...*» – Сергей поискал глазами бумагу и ручку. Как ни странно, они оказались под рукой. Совсем как в его пространстве: стопка белых листов четвертого формата и оранжевая шариковая ручка с синим колпачком...

Записав текст стихотворения, Сергей задумался:

«*Как это может луч рассветный быть на западе?*»

«*Это как ребус-загадка, – повела длинным носом Клавдия. – Что-то вроде "Казнить нельзя помиловать". От правильно поставленной запятой всё на свои места и встанет*».

«*Куда что встанет?*»

«*Слова на место встанут и знаки препинания. И мысли твои тоже!* – подсказала непоседливая Рыжуля. – *Ты запятые правильно расставь. И строчки разнотроично выведи*».

«*Разнотроично? Разве так стихи пишутся? Не ямбом и хореем, а разнотроичным... способом?*»

«*Не способом, а чтивом!* – перепрыгнула на ветку дерева белка. – *Не тупи, давай! Смотри и соображай!*»

Сергей разделил стихотворение по троестрочиям. В первом сразу определил место запятой:

*Когда прольется луч рассветный,
На западной границе неба
Сойдутся вместе три лунных диска...*

«Вот и молодец», – оскалила Клавдия клыкастую пасть.

«А то рассвет у него на западе, – пискнула белка. – Только троестрочие не так выглядит».

«Так покажи, каким оно быть должно!» – напрягся Сергей.

«Так смотри лучше», – с напором помыслила Рыжуля.

Человек глянул на листок и обомлел. Вот оно – запредельное троестрочие!

*Когда прольется луч рассветный,
На западной границе неба сойдутся вместе три лунных
диска.*

*И Солнца свет в себя впитают, и переправят в Место
Силы,*

Разрушив низменные планы.

*Свет четырех влюбленных звезд сольется вмиг в одном
сосуде.*

И станет Солнцу равен странник.

И небо будет петь от счастья.

И Мать-Земля во всех пространствах от гнета тьмы освободится.

«Это – легенда?.. – озадаченно протянул Сергей. – Вообще-то легенды говорят о том, что было. А здесь говорится о том, что будет».

«Так это же твоя легенда, – перескочила ему на плечо белка. – Вот проживешь ее, и мы споем о том, что было...»

«А пока будем работать над ошибками. Вон в этой жизни как туго тебе пришлось. Seriously тебя развод подкосил, – вздохнула Клавдия. – Мы отсюда очень старались помочь, поддержать твое раздробленное болью сознание. Хозяйка аж скрючилась-поседела вся за какой-то месяц. Но спасла суть твою. Не сломался ты, справился, выстоял».

«Да, я помню тот год, – Рыжуля с волнением схватилась за усы. – Нину Петровну тогда так скрутило! Думали, не выходим. А Антонина (видела ее во время последнего нашего задания) такие щеки на твоем горе наела – со спины было заметно. Как вспомню – с души воротит. Против сути своей идет Воительница наша. И не подозревает, каких дел в сумеречном дурмане натворила».

«Да что за Антонина? Расскажите мне о ней когда-нибудь?» – не выдержал долгих отступлений Сергей.

«Да не торопись ты! Нам самим надо на нужную волну

настроиться, чтобы историю эту тебе поведать!»

Они, забыв о намеченных занятиях, еще долго сидели под раскидистой березой. Рыжуля суетливо взмахивала лапками, перескакивала во время рассказа с нижней ветки на стол и обратно. Клавдия то и дело смущенно взрывала землю мощными когтями. Им явно было не по себе. Словно это на них лежала вина за расщепление человеческой души.

* * *

«Мир Великого Космоса хранит в себе частицы Создателя – Сияющие Сознания, – начала рассказ Клавдия. – Когда приходит время, Сознания отправляются на разные планеты в Живые Миры. Чтобы нести обитателям тех миров знания, процветание и гармонию. Но тьма исстари ведет охоту на Живой Свет. Не по нутру ей, что Силы Света ее пропитания лишают, судьбы людские выправляют и по Пути Правды в лучший мир ведут».

«Тебя, малую искорку, еще при переходе в пространство людей захватили, собирались лишить воли, вывернуть твоё естество наизнанку и создать грозное орудие мрака, – продолжила Рыжуля. – Но предназначенная тебе в Хранительницы Светлая Инарина ждала на Земле, следила за твоим космическим переходом. Она пробралась в Восьмое Подпространство, незаметно проникла во владения тамошнего Темного Повелителя и выкрала тебя из Черной пещеры. А для того, чтобы через вражеские заслоны пробиться, ей

пришлось разделить свое изначальное естество на две части: Нину – твою веру, врожденную интуицию, Любовь и тягу к знаниям – и Арину – великую Воительницу, воплощающую в себе Любовь, мужество и силу».

«Любовь два раза сказала», – заметил Сергей.

«И что?» – не поняла белка.

«Пополам Любовь поделили?» – переспросил человек.

«Ты что? Как ее можно делить? Любовь – субстанция цельная! Она и в одной, и в другой части Хранительницы осталась неделимой, даже возросла тысячекратно. Синергия⁷, в общем.

Из одного цельного могучего естества получилось две ипостаси – Нина и Арина. Нина несла тебя, согревая жаром своего сердца. Можно сказать, поддерживала в тебе силы, передавая свою энергию, объединившись с тобой духом. Арина рубила в капусту стражников, расчищая выход из пещеры, а потом сражалась за вас, отбиваясь от преследователей и прорываясь сквозь армады тьмы к лунному переходу в Запределье. В общем, пришлось им несладко. И Арина пожертвовала собой, чтобы вы с Ниной спаслись».

«Есть такая субстанция, словно встроенная в естество Хранителя, – обережный кокон, – присоединилась к разговору Клавдия. – Ты еще будешь изучать его действие. Ну

⁷ Синергия – комбинированное воздействие факторов, характеризующееся тем, что их объединённое действие существенно превосходит эффект каждого отдельно взятого компонента и их простой суммы.

вот, Арина, сражаясь на краю пропасти с темными силами, всю свою энергию израсходовала до капли. Она бы непременно умерла, но ее биоэнергетический каркас не смог этого допустить. Он воплотился в явном мире живой непробиваемой защитой. Воительница словно застыла в сияющем кристалле. Если бы Арину утреннее солнышко согрело, осветило, то энергия кокона преобразовала бы солнечный свет в жизнь и пробудила бы деву. И красавица наша преспокойно следующим вечером по лунной дорожке в Запределье пришла бы».

«Но появился граф Жеглард, Черный Предводитель. Он спрятал деву от солнца, восемьсот лет держал в темнице, а потом обманом заставил поверить, что она – орудие тьмы, – сверкнула глазками-бусинками белка. – Он со всеми сильными врагами так поступает. Обманом захватывает сознание, заставляет обращенных служить тьме. Это он, гад ползучий, ее Антониной нарек. А имянаречение – особая часть порабощения. Пока Антонина не осознает, что она Арина, не сможет вернуться к Свету. И опять же – не став Ариной, не сумеет объединиться с Ниной и вновь сделаться Инариной. А вспомнить она не может, потому что Память и Проницательность от себя отделила... В общем, потеряла их... Тогда, столетия тому назад...»

«Как видишь, у нас тут своя Санта-Барбара: Нина хочет вновь соединиться со своей половиной, стать с ней единой цельной субстанцией – частью души твоей. Антони-

на, порабощенная Предводителем, стремится уничтожить Нину. Она считает, что таким образом останется одной-единственной у человека и оправдывает ожидания Желгарда: приведет к своему господину еще одно Сияющее Сознание. Не пойму никак: что такого в его чарах, что все порабощенные так и мечтают ему угодить, ценой жизни своей его самые жестокие приказы выполняют?»

«А что, еще были у него на примете Сознания?»

«Это его работа – Сознания порабощать и силы тьмы множить», – ответила белка.

«Однако нам прежде всего придется решить головоломку: чтобы без твоего участия Антонина перешла на сторону Света, ей надо переполниться отрицательной энергией», – добавила Клавдия.

«Которая достигнет своего предела в наивысшей точке "кипения". И, перевалив за грань, изменит значение с минуса на плюс», – подхватила шустрая непоседа.

«Но Воительница так сильна, настолько насыщена отрицательной энергией, что может спокойно уничтожить все параллельные земные миры и всё еще останется на стороне тьмы. Преодолеть барьер просто так не получится. Поэтому без твоего участия вернуть ее к Свету невозможно. В общем, что мы имеем в сухом остатке? Пока духовная субстанция расщеплена, об обретении Единого Сознания можно и не мечтать», – резюмировала волчица.

«А Злобный Гений использует обиды Антонины в своих

интересах, манипулирует ею. А ты еще ничего не вспомнил, никаких новых знаний не обрел, чтобы выправить ситуацию», – подытожила Рыжуля.

«Честно, я буду стараться», – пообещал Сергей, преисполненный осознания навалившейся на него ответственности.

Лохматые подруги одобрительно закивали.

«А где родители Инарины?» – почему-то вдруг спросил доктор.

«Скорее всего, там, – белка показала лапкой в небо. – Мы их никогда не видели, а хозяйка не рассказывала».

«Но имена всем им кто-то же дал? Сначала Инарине... А потом, когда единая суть разделилась, как вышло, что у двух половинок моей души тут же появились имена?»

«Само так сложилось. Не заморачивайся на эту тему, – отмахнулась белка и, легко взмахнув лапками, создала хрустальную вазу со спелой клубникой. – Угощайся, Человек-Сергей!»

«Вообще, теперь они – Нина Петровна и Антонина Антиповна, – добавила Клавдия, создав рядом с вазочкой еще одну – с банановым муссом. – Думаю, сочетание банана и клубники тебе понравится».

«Разные отчества?» – улыбнулся подружкам Сергей, одновременно поблагодарив за угощение и в то же время не отвлекаясь от основной темы разговора.

«Ну да», – обе обрадовались, что угодили человеку.

«Петр и Антип – анти-Петр... – медленно проговорил Сергей, смакуя лакомство. – Как у вас всё запутанно».

«Да нет, всё логично. На отчества обратил внимание, а на имена не смог?»

«Нина и анти-Нина?»

«Ага, догадался!» – засмеялась белка.

«А почему вы Антонину по отчеству не зовете?»

«Да не заслужила она», – Рыжуля выбрала из вазы большую ягоду и взгромоздилась с ней на толстую нижнюю ветку дерева.

«Но вы же о ней в пренебрежительном тоне не отзывались».

«Мы ее уважаем как хозяйкину и постась. А отчество не заслужила, потому что слабая», – наставительно подумала собака.

«Ничего себе – слабая! Вон как вы ее подвиги красочно расписывали. Да еще и про великую силу ее упоминали».

«Слабая, потому что Раздражение с Обидой до себя допустила. Да коварство Гордыни углядеть не смогла».

«Так вы же сами говорили, что она чуть не умерла...»

«Чуть – не считается. Чем ты сильнее, тем пристальнее к тебе присматриваются враги, постоянно ищут твои слабые стороны. Поэтому должен быть готов к провокациям. Всегда. А если не можешь совладать с собственной силой – умри, но тьме ее не отдавай», – серьезно ответила Рыжуля.

«Хорошо тебе говорить, сидя на ветке с ягодой в лапках.

Еще неизвестно, как бы ты на ее месте поступила», – покачал головой Сергей.

«А так! – белка в сердцах отбросила надкушенную клубничину. – Я поступила так, что одна из всей семьи из бушующего водоворота вырвалась и несокрушимую силу родовых артефактов от тьмы спасла, не отдала мраку мощь невероятную! А родители мои и братья в той круговерти сгнули. Нагрузили меня могуществом целого беличьего рода, а сами погибли! Все!»

ГЛАВА 10

Варилось-плескалось адское зелье. Варилось-плескалось, дыбилось-бурлило в огромном пространстве между мирами, именующемся Загадочным местом. Миллионы лет собиралось здесь всё зло, порожденное живыми существами планеты. Страхи и обиды, горести и беды, гнев и вожделение, жадность и гордыня, привязанности и отвращение стекались ядовитыми каплями в большие сияющие котлы посреди обширных кварцевых пещер, промытых твердом песчанике Великой Рекой Мироздания.

Множество рукавов было в подземном хранилище. И в каждом ответвлении, зависнув в пространстве, сиял круглыми боками расписанный древними рунами вольфрамовый котел. Вокруг каждого металлического сосуда в песчаниковых стенах были устроены ниши, где располагалось до десят-

ка сфер из тугоплавкого вещества. Этот многослойный панцирь, усиленный нерушимыми заклетьями, предназначался для сдерживания ядовитых энергий, если те вдруг сокрушат энергетический накопитель. Мощные двери-створы защищали подходы к хранилищам... Заполнится один резервуар – бдительные Стражи тут же запечатывают пространство вокруг него и открывают другой. Но каким бы огромным ни казалось Загадочное место, когда-то и его ресурсы будут исчерпаны...

Рогатый курчавый смотритель, поставленный Темными силами следить за наполнением сверхпрочных котлов, только головой покачал, глядя на бурлящее варево. Сработавший предохранительный клапан сигнализировал об избыточном давлении внутри сосуда, не так давно отворенного для новой порции зла и уже почти готового для наложения закрывающей печати. Но стража волновало не столько стремительное заполнение, сколько накал кипящих страстей: в своем неистовстве отрицательные энергии готовы были расплавить котел в любую минуту. Темный дозорный обратился к напарнику – представителю Светлых сил:

– Судя по энергетическому всплеску, не миновать пространству людей новой войны.

– Вижу, знаю, – коротко ответил тот. – Каждый день обновленную информацию отправляю наверх.

Оба Стража с возрастающей тревогой наблюдали за дико вспенивающейся от неимоверной ярости субстанцией.

– Смотри, верхняя прозрачная полусфера может не выдержать... Сколько ей еще экранировать всё более интенсивные волны зла? Может быть, ты своим скажешь, чтобы хоть немного давление на людское сознание ослабили? – предложил Светлый смотритель. – А то, не ровен час, баланс сил нарушится.

– Ты же в курсе, что они и без меня об этом ведают, – озабоченно ответил Темный. – И знаешь, что наши никогда не устанут проверять на прочность силу духа каждого человека. Вот и готовят всё новые испытания для рода людского.

– Да уж... – горестно покачал головой Светлый. – Слышал, в Темном Запределье опять очередную охоту планируют. И когда угомонятся?

– Судя по количеству и силе кипения адского варева в нашем с тобой котле, еще очень нескоро, – задумчиво ответил рогатый охранник. – Вон сколько злобы собрали в сердцах своих люди – на десяток планет хватит. А тут на одной Земле столько отрицательной энергии. Тамошние жители сами своими мыслями зло творят... А без испытаний и треволений не обойтись. Как же иначе душа человеческая сможет себя осознать, все преграды на своем пути преодолеть, возрасти над суетой, над тленностью бытия и ввысь устремить полет свой?

– И это – рассуждения темного! – улыбнулся крылатый смотритель. – Не накажут тебя за такие речи?

– Нас с тобой только Вечность наказать сможет, – хмуро

парировал тот. – А глядя на всё, что здесь происходит, еще не так заговоришь...

– Отойдем-ка подальше, – потянул курчавого за рукав Светлый страж.

Они поднялись по каменным ступеням на верхнюю смотровую площадку, неотрывно наблюдая за дикой пляской огненного взвара. Котел завибрировал. Пришел в действие рабочий клапан. Ядовитые испарения с помощью принудительной вентиляции потекли в новую пещеру, заранее подготовленную Стражами для очередной порции зла.

– Ну всё! Чувствую смещение пространства. Не выдерживает металл нагрузки... Вызывай свою дезактивационную бригаду, а я пошел печати на новом накопителе открывать, – и Светлый, гремя ключами, направился по длинному, оснащеному широкими створами-перегородками коридору в соседнюю пещеру.

За ним, озабоченно покачав головой, побрел и сослуживец, запечатав за собой все выходы сложными заклятиями.

Спустя полминуты вольфрамовый корпус сферического котла не выдержал внутреннего давления и, словно бумажный, разошелся по швам. Взорваться он не мог: заклятия не позволяли. Но сила вырвавшихся наружу эмоций была настолько велика, что песчаная пещера моментально раскалилась добела, превратившись в кипящее стекло. За ней расплавился первый защитный рубеж – окружающая пещеру ванадиевая сфера. Горячий шар всё увеличивался, песок пла-

вился, запечатывая в своей структуре всё новые и новые потоки зла. Одна за другой магические преграды таяли, не выдерживая накала страстей. Воздуховоды едва справлялись с потоками отравляющих испарений. Разрастание токсичных энергий остановила лишь преграда из сплава гафния и тантала.

Но не вся злоба была нейтрализована многомерной оболочкой: часть ее, испарившись, прорвалась на свободу. И, как бы четко ни срабатывали вентиляционные колпаки, призванные обезопасить живые миры от злобы, этой малой части с лихвой хватило, чтобы отравить ядовитым излучением многие и многие души. Столько отрицательных энергий выплеснулось из хранилища, разлилось в пространствах, огненными искрами метнулось в незрелые умы, в живые сердца, что хрупкое равновесие между двумя великими силами нарушилось, и в мире людей в очередной раз грянула жестокая братоубийственная война.

* * *

На Темной стороне Запределья проросли падшие души. Много их на охотничьем поле. Найдутся ли абсолютно чистые сознания в мире людей? Сознания, не омрачившие сути своей, не отринувшие Свет, а идущие к нему сквозь вереницу жизней? Если есть такие, то, закончив свой земной путь, отправляются они к Создателю прямой дорогой, минуя охотничьи уголья темных. А остальные, хоть раз поддавшись

зависти, единожды солгав, пожелав даже в мыслях своих чужого (не говоря уже о более жестоких преступлениях против мира и сути своей), – теряют ориентиры, сбиваются с пути. И, в зависимости от степени замутненности, рискуют попасть в лапы к хищному черному соколу с неумным огнем во взоре...

...На пологом берегу величавой реки раскинулись пестрые шатры – один другого роскошнее, выше, презентабельнее. Богатая сбруя коней соперничала с дивной инкрустацией охотничьего оружия и с великолепными нарядами собравшихся на большую потеху вассалов Темнейшего Повелителя. Каждый из присутствующих стремился превзойти в чем-либо остальных: будь то стать и порода принадлежащих ему лошадей, количество и достоинства ловчих птиц и гончих псов, сила и красота оружия. Каждый спешил заявить о себе мрачному миру, выслужиться перед Величайшим, снискать его благосклонность.

Вездесущие прорицатели Темного Запределья обещали в это полнолуние огромный скачок смертей от войн и болезней, предрекли богатый урожай падших душ. И в предвкушении неимоверного сладострастия назревала в подлунных землях дикая охота. Со всех сторон съезжалась на ловчий путь темнейшая знать в сопровождении сокольников и ястребников. Борзые и гончие, предчувствуя добычу, не грызлись, как обычно, между собой, а ждали, наострив уши, команды псарей.

Рассвет был сумрачным. Предварительно наложенное на округу мощное заклятье перевело солнечный свет на Темной стороне Запределья в инфракрасную фазу. «Колдовство такого уровня по силам только Вседержителю», – шепталась завистливая знать. Разношерстная публика, придерживая коней и пристроив на замшевых перчатках ловчих птиц, приготовилась, притихла в ожидании сигнала к началу охоты.

За каждым из знатных вельмож стояло по десятку рабов, несущих на плечах высокие, искусно выполненные насесты, где сидело по пять-шесть птиц с бубенчиками на хвостах (чтобы не могли укрыться в кустах с пойманной жертвой). Ожидание затянулось, но роптать никто не смел...

Наконец Всетемнейший вышел из своего шатра, вскочил на огромного вороного скакуна и кивнул подручному. Тот взмахнул платком и громко свистнул. Тотчас затрубили рога, гончие пустились сквозь высокую траву, громким лаем заставляя приникшие к земле души рваться ввысь. Темное небо запестрело белесыми разводами. Кавалькада всадников вслед за собаками ринулась на добычу.

Сокольничие, шустро сдернув с соколов расшитые шелками и золотом клобуки⁸ и бросая птиц с руки, принялись напускать их разными способами: кто в подлет, кто в угон, а кто и вверх. Ястребы, издалека заприметив взвывающиеся к небу полупрозрачные тени, без промедления бросились

⁸ Особые шапочки, закрывающие глаза ловчим птицам вне охоты.

в атаку, хищно срываясь с перчаток хозяев и стремительно уходя ввысь.

Проросшие на темном поле души все до одной были изуродованными, заблудшими, падшими. Оставив неправомерное земное существование, каждая вдруг ощутила весь ужас своего бесплотного состояния. Это раньше у них были тела, которые, словно поплавки на поверхности воды, держали бессмертные субстанции вдали от темной силы, на протяжении жизни уравнивая вокруг себя разнонаправленные эмоции; теперь же, увы, ничто не могло отсрочить страшного суда. И, более всего трепеща перед неминуемой адской мукой, грешные души отчаянно стремились обмануть злую судьбу и во что бы то ни стало соединиться с Создателем.

Потревоженные дикой сворой псов, бестелесные субстанции изо всех сил старались преодолеть темное небо, вырваться на солнечный простор, попытаться достучаться до Небесного Стража, взмолиться о прощении и принятии. Но редко кому из падших это удавалось: частицы естества, отягощенного грехами, стали неповоротливыми, приземленными. В полете их без труда настигали разряженные в золото и драгоценные камни хищные птицы.

Три часа продолжалась неумная охота. Бесплотные существа в ужасе металась между землей и обрушивающейся на них со всех сторон крылатой погибелью, рвались ввысь, на недостижимую, казалось бы, для птиц высоту. Но и отту-

да на них камнем падали быстрые соколы, пронзали крепкими когтями, с клетком несли хозяину. И, едва выпустив еле живую душу из хищных лап, тотчас рвались в небо – за новым трофеем.

Собаки возбужденно носились по огромному полю, жадно хватали нерасторопных, не успевших взлететь, позабывших себя от страха жертв. Прижав добычу лапой к земле, звонким лаем звали псарей, стремянных и борзятников⁹, мчались за свежими призраками, высунув от усердия языки.

Всадники, вооруженные арбалетами для метания ловчих сеток, с гиканьем устремлялись вслед за разгоряченными псами. Сбивали измученные души в полете кто волшебной сетью, кто стрелой с заговоренным наконечником, кто обездвизивающим заклятьем.

Дикое веселье, непередаваемый охотничий азарт овладели каждым темным существом. Глаза неистовых охотников всё ярче разгорались неумемным огнем, в пылу погони они порой налетали друг на друга, сбивали с ног прислугу, сминали копытами коней невзначай подвернувшихся собак. Преследуя ускользящую добычу, мало кто обращал внимание на нечаянные жертвы. Все жаждали схватить, ощутить, почувствовать, как бьется пойманная человеческая суть, как трепещет в жестких руках живая заблудшая душа.

Охота была знатная. Предсказатели не подвели: такой богатой поживы темный мир не видел давно. Шустрые слуги

⁹ Слуги, ухаживающие за лошадьми и собаками.

без конца принимали от подлетающих птиц белесые тени, помещали их в герметичные контейнеры, на ходу делая ставки: чьи же крылатые хищники окажутся самыми проворными, кто принесет Вседержителю наибольшее удовлетворение?

Наконец Всетемнейший насытился зрелищем дикой травли и махнул рукой. Затрубили рога, и вереница запыленных лошадей потянулась к лагерю. Хищные птицы, возвращаясь на свои насесты, утомленно складывали крылья. Высунувшие языки собаки сбивались в своры, нетерпеливо перебирали лапами в ожидании награды за труды. Молодые конюхи неспешно вели лошадей к водопою... Надвигался вечер. Заходило за горизонт сумрачное солнце, приближалась ночь – время долгожданного пиршества.

Падшие души у темных считались тем еще деликатесом – что-то вроде ядовитой рыбы фугу. Кто знает, встретишь ли следующее новолуние истинно темным, отведав хоть однажды осветленной субстанции... Но риск так увлекает, а желание насладиться трепетом человеческого естества превосходит по силе своей все остальные страсти, вместе взятые... Вот и стараются обезопасить себя вассалы Темнейшего, заставляя пойманную душу пройти еще несколько этапов затемнения сути.

Сначала принуждают своих запуганных рабов поглотить трепещущий свет, чтобы прошел тот сквозь страх и боль. Затем приближенным к господину предлагалось испытать кро-

ви раба, еще больше загрязнив попавшую в нее призрачную сущность энергиями подлости и бесконечных интриг. А уж потом яремную вену слуги с наслаждением вскрывал сам владетель. Он уже без боязни мог лакомиться энергией бессмертной человеческой души, до предела напитанной тьмой. И сквозь замутненную злом прану ощущать нежнейшую, сводящую с ума сущность обращенного Света.

Рабы, слуги и подручные темных аристократов испытывали те же страх и боль, что и проходящая все круги ада полоненная¹⁰ душа, но разве это кого-то волновало? Среди господ даже считалось оказанием наивысшей милости прокусить приближенному горло во время ночного пиршества после дикой охоты.

* * *

Всетемнейший, ничуть не уставший после долгого, насыщенного событиями дня и ночной вакханалии, решил навести порядок во владениях. Один за другим в его роскошный шатер входили вассалы. Обратного выхода не каждый. Порой из шатра раздавались такие ужасные вопли, что ожидающие аудиенции у Повелителя дрожали как листья на ветру.

В предутренний час перед Вседержителем на дорогом ковре стояли, склонив головы, два владетельных сеньора¹¹ – .

¹⁰ Полоненная – попавшая в плен (*уст.*).

¹¹ Сеньор – земельный собственник, обладающий властью государя на принадлежащей ему территории.

Старший по званию – территориальный владетель Восточного округа Темного Запределья ландграф¹² Фердинанд Родригес де Морильо, великий герцог Куэронто, – более трех тысяч лет назад был удостоен величайшей милости Повелителя. С высочайшего соизволения темноплеменная знать «одобрила» избрание герцога на пост Военного Предводителя. Дон Фердинанд был невысок, лысоват и очень подвижен. С острыми ушами и пронзительно-зелеными, фосфоресцирующими, как у почуявшего добычу кота, глазами, герцог производил впечатление верткого и пронырливого интригана. Коим на самом деле и являлся.

Хотя был он пришлым (ибо в Восточный округ Темного Запределья прибыл из-за Янтарного моря), Вседержитель благосклонно принял его при своем дворе. Кроме того, даровал ему титул Сумрачного Лорда и возможность руководить почти половиной своего войска, расквартированного по всему округу.

Роптать никто из темных аристократов не посмел. Но каждый второй за спиной дона Фердинанда шептал, что тот, будучи начальником, нагло пользуется достижениями Жегларда, «выезжая» на талантах маркграфа. Знать Темного Запределья с нетерпением ждала громогласного свержения ненавистного всем лорда. Почти каждое столетие заключались новые пари на предмет того, долго ли еще продлится власть

¹² Ландграф – титул князей, по положению сходных с герцогами; также носитель такого титула.

герцога в Восточном округе и кто же станет новым Военным Предводителем.

Герцог Куэронто своим маниакальным стремлением доносить на всякого (даже на собственную мать) уже порядком надоел Повелителю. Способности лорда большегодились бы в шпионском деле, а не в управлении многочисленным войском. Но Вседержителя почему-то устраивал такой расклад, и менять в ближайшее время он ничего не желал. Тем более что устранить извечного кляузника, одним махом лишив полномочий, Великому князю было неинтересно (да и Великому Абсолюту это не понравится)... Подставить Фердинанда – вот наиболее подходящий вариант. И развлечение, и назидание остальным, чтобы не слишком распускались...

Слева от герцога в полупоклоне застыл Черный Предводитель маркграф Жеглард, обладающий не менее знатным титулом, но чуть меньшими полномочиями и землями. Более того, Черному Предводителю в силу своей должности приходилось подчиняться лорду. Графа просто бесило, что во время военных действий или дикой охоты его знамена развеваются позади герцогских вымпелов и стягов. С каким бы вожделием всадил он в затылок наглого Фердинанда копьё...

Но, как обычно, никто из представителей темнейшей знати не показывал своих истинных ощущений, при встрече каждый раз рассыпаясь в льстивых заверениях и страстно

скаля саблезубые пасти, норовя при этом как можно незаметнее плюнуть в спину злопахательному конкуренту.

От этих двух сеньоров Великий Князь ждал ответа на один из самых насущных на данный момент вопросов: почему неведомым образом попавший в Светлую часть Запределья обладатель Сияющего Сознания до сих пор не схвачен?

– Что скажет мне лорд? – лениво ковыряя в зубах острой длинной спицей, глянул на Фердинанда своими оранжево-алыми глазами Вседержитель.

Тот, склонившись как можно ниже (насколько позволял переполненный от недавнего обжорства живот), перевел стрелки на подчиненного:

– О Величайший! Согласно донесениям моих многочисленных шпионов, инцидент произошел на территории, подведомственной графу Жегларду. Я неоднократно докладывал о халатности и непредусмотрительности Черного Предводителя и трижды отправлял в вашу канцелярию подробнейший отчет.

«Ах ты, пасквилянт!»¹³ – прошептал себе под нос Жеглард, мечтая как можно скорее разделаться с доносчиком. Но виду не подал, склонился еще сильнее.

Огненные глаза пробуравили сжавшегося графа:

– Что скажет мне маркграф?

– Владыка! – упал на колени Предводитель. – Информа-

¹³ Пасквилянт – человек, склонный к распространению оскорбительных измышлений о других.

ция, отправленная вам от имени лорда, недостаточно верна. Прошу соизволения объяснить, расставить, как говорится, все точки...

– Соизволяю! – махнул когтистой рукой сытый и вальяжный Повелитель, развалившись в большом мягком кресле с высокой спинкой.

– Всетемнейший! Много столетий я проводил эксперименты с одной из ипостасей так интересующего вас Сияющего Сознания. Опыты весьма успешны. Разрешите представить вам!..

Жеглард щелкнул пальцами, и вооруженная до зубов охрана пропустила в шатер прекрасную деву, одетую в темно-зеленый охотничий костюм. Отделанная лисьим мехом шапочка выгодно оттеняла цвет глаз амазонки. Ее точеная фигурка поневоле притянула к себе взгляды всех присутствующих в шатре мужчин.

– Какая... – Всевластительный даже с кресла поднялся, чтобы поближе рассмотреть опустившую глаза Антонину. Он с интересом приблизился к девушке. – Думаю, себе ее забрать стоит!

– Осторожнее, Владыка! – вскочил Жеглард. – Дева не до конца обращена! В глаза ей не смотрите, прошу вас, господин!

Тот с недоумением остановился на полпути, глянул на стражу. Зубастые воины тут же окружили амазонку. Вседержитель, не приближаясь, с интересом прислушался к энер-

гиям девы.

– Красота нездешняя. Сколько силы нерастраченной... А стать какая! И Свет в ней определенно чувствуется! Сердце не бьется, а живая... Эх! – Он повернулся к Предводителю: – Как полностью обратишь, к себе ее востребую...

Жеглард, не смея возразить, снова покорно склонился...

– Как дерзнул ты Светлую без должной защиты Властителю представлять?! – поспешил выслужиться дон Фердинанд.

– Но у меня же не было выбора! – воскликнул маркграф. – Признать свою бездеятельность и лишиться головы или предоставить свидетельство своей преданности и получить возможность продолжить изыскания! Более того, благодаря опытам над этой девой есть шанс целиком захватить Светлое Сознание! Это ли не доказательство моей верности?! И если одна из ипостасей человека уже находится у меня в услужении, кто поспорит, что с ее помощью я не порабощу Светлое Сознание полностью?

Герцог, не смея при Великом Князе устраивать разнузданную перепалку, промолчал. Только скривился от злобы.

– Господин! – вновь кинулся Жеглард на колени. – Дозвольте продолжить изыскания! Никто кроме меня так далеко не продвинулся в изучении светлых созданий! Я не подведу!

– А куда ты денешься... – ехидно прошептал лорд.

Всевластительный же, хлестнув взглядом надоевшего герцога, отчего тот согнулся пополам, в очередной раз подумал про себя: «Как вознес твой длинный язык тебя на небыва-

люю высоту, так и свергнет он тебя из Запределья в пучину огненную! Хотя тебе там – самое место. С грешников спрашивать да отчеты строчить – как раз твое...»

А затем с явным удовольствием произнес:

– Я решил! Устрою-ка между вами состязание. Кто представит мне человека, тот и заслужит мою благосклонность. Проигравшего – съем. Или растлю, или... Позже придумаю... Земли конфискую. В общем, вы оба ход моих мыслей поняли.

– За что, Вседержитель?! – слабо пискнул дон Фердинанд и осел на пол. Герцог сразу сообразил, что соревнование с графом заведомо будет им проиграно.

Всетемнейший, поймав эмоции лорда, ехидно воззрился на него, уже продумывая наказание не столько за проигрыш, сколько за позорную капитуляцию и безропотное согласие сдаться без борьбы.

– Благодарю, Повелитель, век не забуду милости вашей! – бросился к его ногам Жеглард. – Но только позвольте...

– Что еще? – вскинул тот красивую бровь.

– Мне бы помощников, – еще ниже склонился граф, почти уткнувшись носом в ворсистый ковер. – Представленную вам деву и нашего общего племянника – князя Темнейшего... Предварительные переговоры с ним я уже провел. Он не возражает против приключения...

– Ох уж этот Нерц! – улыбнулся вдруг Всетемнейший. – Всё бы ему приключения да развлечения... Повелеваю: со-

гласен! Тем более племянник потом так красочно все свои похождения опишет. Словно сам в авантюрах ваших участвую... Свободен ты и дева твоя, – он разрешающим жестом позволил им удалиться.

Жеглард был вне себя от радости: он посмел (!) обратиться к Мрачному Владетелю с просьбой и остался цел! В неумемном порыве вновь и вновь возносил он хвалы милости Вседержителя, пока не вмешалась Антонина. Она твердой походкой подошла к распластанному на полу господину, сгребла его в охапку и, не поднимая глаз, коротко кивнула Князю Тьмы и вынесла своего хозяина из шатра.

Повелитель, проводив ее сладострастным взглядом, жадно облизнулся и, с откровенным вожделением взглянув на Фердинанда, поманил его пальцем...

Спустя примерно полчаса лорд на четвереньках выполз из шатра. Вконец обеспокоенные ожиданием и неизвестностью слуги подбежали, подняли его на ноги, подвели к коню. С трудом взгромоздившись на крылатого гнедого скакуна, дон Фердинанд попытался приосаниться, но ему это не очень-то удалось. Губы у него тряслись, взгляд бесцельно блуждал, на разорванном воротнике дорогой шелковой блузы запеклась черная кровь. Снедаемый животным страхом, герцог в который раз в мельчайших подробностях вспоминал тот момент, когда на его беломраморной шее сомкнулись алмазные зубы Всетемнейшего...

ГЛАВА 11

Воздух в Запределье был сказочным. Таким чистым, свежим, напоенным ароматами трав и цветов. От него хотелось петь, летать, переделать гору всевозможных дел и неустанно радоваться и смеяться.

Сергей с увлечением занялся ремонтом дырявого забора. Он установил на прежнее место завалившиеся столбики, нашел в сених молоток и гвозди, выбил из забора несколько целых планок и теперь производил в голове немудреный подсчет: как их прибить, чтобы восстановленное ограждение казалось более-менее цельным, даже если штакетины будут располагаться пореже...

Подошедшая Клавдия удивленно воззрилась на его занятие.

«Ты чего это делаешь?» – пискнул в голове у доктора тонкий голосок. Рыжуля, восседавшая на спине у собаки, явно не понимала грандиозности его задумки.

«А ты не видишь?» – обернулся Сергей.

«Я не понимаю, зачем ты это ДЕЛАЕШЬ? Мог бы просто ПОМЫСЛИТЬ», – взмахнула лапками рыжая непоседа.

Два слова четко отпечатались в общем сознании.

«Не делать? Помыслить?» – переспросил Сергей.

«А ты представь себе штакетник из свежесвыструганных планок, пахнущих деревом и смолой. Он такой новый, ровный, окрашенный в... Какую краску ты предпочитаешь?»

«Голубую, наверное...» – озадаченно протянул Сергей.

«Ага, новый заборчик из свежих досок на крепких горизонтальных лагах. Столбики деревянные, из лиственницы. Нижнюю часть столбиков обрабатываем от грибка и плесени?»

«Давай обрабатываем», – Сергей всё еще не понимал повышенного энтузиазма белки.

«И еще от дождя верхнюю часть столбов накроем колпаками. И про калитку не забудь. И ворота себе представь... Только очень четко представь», – подытожила Рыжуля.

Сергей нарисовал в воображении невысокий ладный заборчик, выкрашенный спокойной голубой краской, калитку, ворота на крепких столбах, аккуратную дорожку от калитки до крыльца, маленькую клумбу рядом с дорожкой.

«Красиво как! Да ты – художник! Архитектор мысли прямо!» – восхищенно протянула белка.

«Я бы еще скамью у калитки соорудила», – добавила собака.

«Что?» – обернулся Сергей.

И замер. Нарисованная в воображении картина словно по волшебству перенеслась во дворик бабы Нины.

«Ментальное строительство – в натуре!» – захлопала ладошки белка. – *«Давай еще и лавочкуобрази!»*

Сергей подошел к забору, потрогал, попытался отколоть краску, потянул на себя калитку. Всё было настоящим.

Лавочку он создал не сразу – попытки с двенадцатой. Ме-

шало ощущение нереальности происходящего. Но под руководством вечно снующих в голове подружек всё же справился... Глубоко вздохнув, осторожно присел на краешек придуманной скамейки. Испытал восторг и радость СО-ТВОРЕНИЯ! Ощущения были непередаваемыми.

Собака улеглась рядом с человеком на траве, белка взгромодилась на новый забор, весело рассуждая о том, как всё просто строится, если правильно думать. И талисманов никаких не надо...

Зацепившись мыслью за последнюю фразу рыжей егозы, Сергей перешел к другой, давно интересующей его теме:

«Рыжуля, а как ты талисманы из воздуха достаешь?»

«Не из воздуха, из пространства реальностей, – поправила белка. – Ну, как тебе объяснить... Вот, скажем, есть же такое облачное хранилище, особое место в вашем интернете. Туда можно файлы разные, фотографии отправить на хранение. А когда понадобится, оттуда их взять. Работать с информацией, в общем».

«Так то – виртуальное пространство, информация... А ты достаешь предметы».

«Нет, я оперирую энергиями. А предметами они становятся по моему желанию».

Сергей не отставал:

«А как ты амулеты работать заставляешь? Что для этого нужно – научные формулы или волшебные заклинания?»

«Да какая мне разница! Формулы, заклинания – чушь всё это. Нудно и скучно, – белку явно забавляли наивные вопросы человека. – Мои талисманы – делаю с ними всё, что хочу».

«Так ты их одним "хотеньем" притягиваешь, что ли?»

«И хотеньем, и умением, и пониманием запредельных процессов, – беспечно ответила собеседница. – Ну, дар мне такой свыше дан!»

«Да вы тут все законы физики рушите не глядя. Одним своим даром пользуясь».

«Законы физики нарушить невозможно, – Рыжуля, словно учитель, подняла вверх крохотную лапку. – Только у вас физика трехмерного пространства, а у нас измерений гораздо больше».

«И какие же?»

«Ну, длина, ширина и высота у наших пространств одинаковы, иначе как бы ты так быстро ментальному строительству обучился... Но константа скорости реакции зависит от гораздо большего количества переменных. А еще время нелинейное... да подпространственное проецирование. И сила внутренней концентрации в нашем мире точнее фиксируется. Кроме того, дальность полета мысли у нас другая, да активнее и четче ее (мысли) материализация. А еще многослойность внутреннего объема в соотношении с...»

«Но у тебя в лапках не просто браслеты, камни или... вещи, – нетерпеливо перебил ее Сергей. – Это же артефак-

ты... А ты такая маленькая и хрупкая... А вдруг талисман окажется гораздо могущественнее тебя? Как ты с ним справишься?»

«Сила... – Рыжуля слегка задумалась, – в духовной силе Хранителя! – и рассмеялась. – Я в любом случае справлюсь. Просто надо знать, как могущество амулета на свою сторону переманить. Скажем так, заинтересовать силой личной энергии и ее зарядом! К темным волшебникам одни артефакты "идут", к светлым – другие. Самое интересное, что все волшебные предметы в подпространстве находятся как бы в едином поле – в одном, скажем так, сундучке. А достать можно только "свой".

Вас, людей, эмоции постоянно из стороны в сторону швыряют. То одно хотите, то другое. А то и вообще не знаете, чего вам нужно. А кто-то из темного мира искусно вашей неустоявшейся психикой управляет. И что Хранителю, приставленному к человеку, прикажете делать? Достает из подпространства определенные артефакты, обращается к их могуществу, вытаскивает непутевое сознание из болота, тянет к Свету. Отдавая порой за спасение человеческого естества все силы, а то и саму возможность существования под солнцем. А ведь от вас одно лишь требуется – видеть свой путь».

«Ничего себе, как всё серьезно! – покачал головой Сергей. – Ну а сильные светлые Хранители как получают?»

«Так от сильных же и светлых людей! Вся сила – в вас,

ваших делах, в вашем стремлении к Свету или к тьме».

Белка вздохнула и добавила:

«В своем мире вы без конца друг друга поучаете: "Посмотри на свой внешний вид!" А вот на внутренний вид мало кто внимание обращает. Если никто не догадывается о ваших грязных делишках, то вы творите их, не задумываясь о последствиях для души. Никто не увидит, никто не осудит. А совесть... молчит».

* * *

Сергей вспоминал уроки прошлых воплощений. Он словно заново осваивал предложенную тему, старательно заучивал материал. Но внезапно сквозь вы зубренные правила несокрушимым потоком прорывались волны таких немислимых знаний, что напрочь сметали навыки сорока лет жизни.

Очередной урок проходил в компании всё той же непоседливой Рыжули под наблюдением рассудительной Клавдии.

«Ну, о влиянии синтетических препаратов на организм человека ты из этой жизни знаешь. Давай, рассказывай!»

«Организм должен сам с болезнью бороться», – начал Сергей, но неумная белка перехватила инициативу:

«А медикаменты ему: "Посиди, дорогой, в сторонке, мы сами со всеми болячками справимся!" Ну, он сначала довольный такой: делать ничего не нужно, напрягаться не требуется, болезнь без его участия прогнали! Благодать! Раз

повалаялся в тенечке, другой... А там и забыл, как вообще негативу противостоять».

«И постепенно утрачивает способность защищаться и приспосабливаться к окружающим обстоятельствам, условиям и факторам», – закончил мысль Сергей.

Рыжуля и Клавдия дружно кивнули. По силе излучения энергий было видно, как близка всем троим эта тема. Как переживают они за судьбы людей. Нередко монолог переходил в диалог: белка никак не могла усидеть на месте. И Сергей сам не понимал, как, заразившись ее ребяческой непоседливостью, «вливался» в неумный мыслительный поток. Клавдия только переводила взгляд с одного истинно негодующего собеседника на другого.

«А болезней всё больше, а лекарства всё яростней! И вот болезнь еще одну голову отрастила! А ученые в ответ пять медикаментов придумали».

«А болезнь шапку-невидимку надела, в клетках спряталась. Сидит там, поработила органы, ослепила всех стражников, разрастается. Опомнилась клетка, забила тревогу, да поздно! Нет уже сил у нее, чтобы с энергией черной бороться. А синтетические препараты – что? Одно лечат, другое калечат. Вот тебе и медицина».

«Ага! Ты еще эти мысли в сознание людей помести каким-нибудь волшебным амулетом своим...»

«Но ты сам сказал-подумал, что всё в ваших головах! Я же им в голову свои мысли не впихну! Сами пускай доду-

мываются! А для того, чтобы правильные решения принимать, мысли должны быть легкими, сознание – незамутненным...»

«Ты прямо Будда с пушистым хвостом: чистые мысли рождают светлый дух, неспособный на грязные дела. А затем и тело чистым стать захочет, не позволит себе "грязную" пищу...»

«А то! В вашем мире, насколько я информацией владею, это самые древние учения! – подпрыгнула на ветке белка. — А ты давай не препирайся, ты главную мысль из нашего спора извлеки!»

Сергей немного подумал, сопоставил знания, приобретенные в мире людей и «воспомненные» в Запределье. Всё сходилось на одном:

«Человеческая медицина борется с последствиями, противопоставляет болезням синтетические препараты, отсекает больные органы с помощью хирургии. Она работает только с телом, забывая про дух. Нам же необходимо рассматривать человека на всех планах – и на физическом, и на духовном. Надо найти причину болезни».

«Которая кроется...» – свесилась с ветки белка.

«В неправильных мыслях, – сделал вывод Сергей. – Правильные мысли излучают вибрацию определенной частоты, которая питает организм и не дает негативным энергиям не то что управлять человеком, но даже приблизиться к нему».

«А негативные мысли, – продолжала белка, – что приходят с Темной стороны, помогают этой самой тьме управлять людьми. В том числе и с помощью болезней».

Так они могли долго спорить, рассуждать, находить решения проблем, однако эти перепалки всегда прерывала рассудительная лунная волчица.

«Тихо, дети! – наставительно произнесла Клавдия. – Не отвлекаемся от главной темы и переходим к Пренебрежимому старению. Рассказывай, Сергей».

«Термин "Пренебрежимое старение" обозначает темп старения, который трудно статистически отличить от нуля, а также "нестарение" – нулевую корреляцию между возрастом и вероятностью...»

«Стоп! Что ты мне энциклопедию человеческую пересказываешь? Давай настоящие знания вспоминай! Просто, быстро, в нескольких предложениях, без всяких там научных терминов и "выковыриваний из носа"!»

«Сила мысли, рожденной Светом! – выдохнул Сергей сведения, вдруг откуда-то свалившиеся на него. – Получается, чем больше в живом существе Света, тем менее подвержено его физическое тело разрушению. Тем быстрее процесс регенерации тканей и сильнее интенсивность сияния клеток.

Всякая клетка излучает постоянную световую волну — это способствует ее бесконечному существованию в полной гармонии с клетками всего организма и окружающим миром. И, если вдруг у какой-то из клеток сияние ослабева-

ет, остальные сразу это чувствуют. Они начинают петь мелодию возрождения, восстанавливая тем самым свечение клетки и ее жизненную силу. В результате энергетический потенциал организма становится неограниченным».

«Молодец!» – Клавдия одарила его обворожительной улыбкой.

«А когда вы меня в свой мир переносили, там сияющая сфера возникла, – вспомнил Сергей. – Этот переход тоже Силой Света создан был... И мне кажется, что я такой же могу создать силой... своей мысли».

«Ты что, в ментальном строительстве настолько продвинулся?! – радостно всплеснула лапками белка. – Да, страшно весело тогда было! Я поначалу испугалась, что вороны меня на части разорвут. Так орал, заклевать пытались! А потом решила: чего это я спасовала? Перед кем? Перед прихвостнями Жегларда?! И давай блажить что есть мочи: "Х... фиг вам, трещотки крылатые! Не возьмете, я так просто не сдамся!"»

«Столько матерных слов на беличьем я еще ни разу не слышала, – осклабилась Клавдия. – Уже лет триста, как ваш язык освоила. Думала – куда уж больше знать? Но ты мой словарный запас хорошо пополнила...»

«Молчала бы! Пока ты там без движения валялась, мне за двоих отдуваться пришлось».

«Да, сплеховала я, – Клавдия смущенно прижала уши. – А стоило бы насторожиться: с чего это вдруг соседка решила

бездомную псину покормить?.. Вот и попалась. – Волчица помотала головой, словно заново освобождаясь от морока. – А ты бы, рыжая, хоть спасибо сказала за то, что я тебя в полете спасла».

«Тебе-то за что? Я как раз на точку входа планировала. И сама бы справилась. А вот мальчишке тому голубоглазому – спасибо. Посмотрели бы еще, сколько там сфера открытой простояла, пока ты под заклятием недвижности валялась, – осадила подругу белка. И тут же возмущенно спросила: – И как ты вообще мои воинственные вопли могла услышать? Ты же спала».

«Не спала, а была в оцепенении. На уши-то мне никто заклятие не накладывал. А ты верещала так, что в Запределье слышно было. Перед родней не стыдно?»

Белка открыла рот. Закрыла, дернула головой. Несколько раз сжала и разжала маленькие кулачки, как-то вся сгорбилась и насупилась:

«Что там от родни-то осталось...»

Собака осеклась:

«Ой, прости, хорошая моя. Вечно я со своим длинным языком... Прости... Вот сделаем дело – вернутся все твои... Да и я своих увижу...»

В тот момент они были так похожи: огромная лохматая собака и маленькая рыжая белка, примостившаяся на ветке дерева. Обе смотрели на заходящее солнце и думали... Каждая – о своем.

ГЛАВА 12

– Ты смотри, какой молодец! Настоящий мужик в доме! – с нового крепкого крыльца, с восхищением разглядывая ладный заборчик, ворота и пышную цветочную клумбу, спускалась улыбочивая женщина средних лет. Ярко-голубые веселые глаза на живом выразительном лице лучились любовью, нежностью, великой силой жизни.

Сергей посмотрел на ее совсем не старые ноги, обутые в красивые сапожки со шнуровкой, и спросил:

– А... бабка где?

– Какая бабка? – незнакомка лукаво улыбнулась. – Так я это!

– Ну... баба Нина... – доктор внимательно разглядывал эту женщину лет сорока, (которую бабкой назвать было просто кощунством), очень похожую на его непоседливую и ворчливую Хранительницу.

«Может, дочь? – промелькнула в голове мысль. – Похожа. И зубы все на месте, да такие белые, ровные. А у бабки словно столетний штакетник во рту – зубы через один. Нет! Бесспорно, не она».

– А! – женщина понимающе кивнула. – Ты про это. – Она с явным удовольствием посмотрела на свое отражение в оконном стекле, поправила на высокой груди передник, провела руками по бедрам. – Это, как там у вас сейчас говорят,

апгрейд. Обновление программы, значить. А за то, что так быстро процесс пошел, никого кроме тебя винить не приходится. Кто ж просил мне вместо воды сияющую субстанцию подсовывать? Жди теперь неприятностей от Антонины.

– А как это взаимосвязано?

– Да просто! Видел в фильмах своего мира ядерный взрыв? Когда сначала ослепительная вспышка, потом ударная волна, потом...

– Видел, видел. И что?

– Что – «и что»? Тут ведь то же самое: и энергетическая вспышка, и ударная волна, и выпадение осадков, опасных для тьмы. А вычислить эпицентр сияющего взрыва после такого всполоха темным особого труда не составит. Вот и придет моя не помнящая родства половинка со своим господином и за тобой, и за мной. Я, конечно, этого и хотела. Ну, не совсем этого, а чтобы наше с Антониной воссоединение на Светлой стороне произошло. Но не так быстро... Поэтому времени на твою подготовку почти не осталось... Будем вспоминать, учить. Решать, как говорится, поставленные задачи...

Учились они постоянно. Даже во сне пробивались к Сергею всё новые и новые крупницы знаний. Бабка вещала:

– Жизнь – это поток сознания. Физическое тело – инструмент, с помощью которого человек познает окружающий мир. И если в вашем пространстве основная часть – познание, то в Запределье ты это пространство можешь транс-

формировать по собственному усмотрению. Главное – знать, как это делать. Ты уже начал, и вполне успешно осваиваешь образное мышление и ментальное строительство. Со всем скоро мы перейдем к оздоровлению собственного тела. Потому как, не выправив себя, ты не изменишь и мир человеческий.

Чувствуя силу и объем перетекающих энергий, глядя на непрерывные занятия, Клавдия только лобастой головой качала:

«Не мне, конечно, учить вас, хозяйка, но отдохнуть вам обоим всё же надо. Вы же сами знаете, что такими радикальными методами значительно себя ослабляете. Ваша защита перед Жеглардом и его прислужниками от такого расхода внутренней энергии стремительно проседает».

– А что делать? Времени катастрофически мало, – устало отвечала ей женщина. – Вот общий курс воспоминания завершим, Санию выварим, медведю отдадим. Затем сразу нарастим защиту пространства. Да и сами отдохнем перед встречей с Антониной, перед схваткой решительной с силами зла. А пока...

Они готовились, тренировались с утра до ночи. Неустанно зубрили заклинания, усваивали полезные навыки, оттачивали быстроту реакции и умение владеть собой в самых критических ситуациях. Вспоминали (вернее, воспоминали) знания из прошлых жизней, учились управлять всё возрастающей ментальной и физической силой человека. Но порой

обучение превращалось в банальный спор:

– Ну не получается у меня! – откровенно сердился Сергей. – Если вы, Нина Петровна, такая умная, сами и откройте мне этот ваш глаз! И я без лишних усилий и бесконечных занятий вмиг стану проницательным!

– Да как я тебе его открою, глаз этот третий, когда ты шорами многоэтажными от природы закрылся?! – Нина недовольно смотрела ему в переносицу. Прямо сверлила взглядом.

Ученик обескураженно молчал.

– Ну, вот гляди, – она вновь подступилась к Сергею. – Смотришь ты на женщину. На молодую, красивую, очень привлекательную женщину. Что представляешь?.. И тут же – на старую бабку вроде меня прежней. И мысли разные, и ощущения от присутствия рядом таких разных субстанций. Обе – женщины, обе бабы, а что разное?

– Ну... возраст, там, красота, уровень привлекательности.

– Так-так, – Хранительница, кивнула. – А этот уровень привлекательности какими категориями измерить-определить можно?

– Ну, опять же – возраст, красота... – Сергей терпеливо, как ребенку, пытался втолковать глупой женщине простые истины.

– Болван! – Нина в сердцах хлопнула его полотенцем. – Главное слово здесь – энергия! Разная она у них. Всё в мире пронизано энергией. У кого-то ее больше, у кого-то – совсем

мало. К огромному источнику силы всё вокруг тянется, как к солнышку. А минусовая энергия только отвращение может вызвать, она из тебя жизнь тянет, а ты сопротивляешься, не даешься, отторгаешь черноту. Потому что человек от Света на земле рожден. Не по пути ему с нежитью. – Нина вскочила на своего любимого конька – тему о вреде тьмы для человеческого естества.

Сергей покорно слушал. Не забывая при этом «записывать» информацию на подкорку.

– Тьма хитра, – продолжала хозяйка. – Она терпеливо выжидает своего часа, присматривается, изучает. Ждет, когда человеку плохо станет, когда Свет в нем начнет гаснуть и сила его внутренняя уменьшится. И тут же со своими «дармами» подступает.

Каждого начинает «прощупывать» с самого рождения. Сначала смотрит, выглядывает, есть ли в физическом теле дефект. Болью заползает в организм, страданиями выматывает душу, заставляет с младенчества чувствовать, что окружающий мир враждебен. Приглядывается к родителям – нет ли в них лазейки какой? То во время ссоры, то пользуясь усталостью, всё закручивает гайки, всё сильнее сжимает черное кольцо, наращивает влияние на неокрепшую душу. Да что родители! Те и сами из собственного детства груз губительный несут. В семье, в детском саду, во дворе или в школе испытали боль, обиды, унижения – всё хранят в себе, не могут светить, согревать мир своим сиянием искренне и с

любовью, через фильтр своих душевных ран свет этот пропускают.

И всё меньше и меньше Света излучают люди в мир, всё больше горя и обиды отдают и получают взамен. Стремятся ответить ударом на удар, забывают предназначение. И груз каждого вновь пришедшего в мир естества напрямую зависит от дел, свершенных в предыдущих жизнях. Словно снежный ком растёт зло на земле. Вот и вырождается, затухает в людях Сознание, забывается изначальный язык, подменяются понятия, целенаправленная деградация съедает человеческие реальности – одну за другой. Справляются с ситуацией немногие. Большинство же безропотно погружается в пучину зла. А от человека и природа хиреет, и живность вымирает...

– А как, на ваш взгляд, выглядит среднестатистический лишенный энергии человек? – поинтересовался прилежный ученик.

– Самый простой пример – сплетник, – вздохнув, ответила хозяйка. – Слова «Я расскажу об этом только тебе!» с энергетического языка переводятся как «Я очень нуждаюсь в твоей энергии!»

Они не только учились. Они выстраивали новую жизнь.

– Получается, прошлое не изменишь? – спросил однажды Сергей.

– А зачем его менять? Дело сделано, – пожала плечами Нина. – Прошлое можно только принять. Простить обидчи-

ков, пережить потери. Забыть обиды и подняться вновь. Если боль от пережитого уже не сможет твою душу ранить, тогда ей и питаться нечем будет, всё темное уйдет. Останется только опыт, который поможет в последующих испытаниях. А испытания – это что? Это ступени в небо, которые даются человеку для того, чтобы сквозь все воплощения идти вверх. Если поймешь это, на все преграды по-иному смотреть станешь... А теперь тебе задание.

– Какое? – Сергей потер руки в предвкушении новых интересных заклинаний и боевых плетений.

– Домашнее задание, – уточнила хозяйка. – Силой мысли создать внутреннее убранство дома. Хочу понять, каким ты видишь уютное человеческое жилище.

– А пожелания будут?

– Какие пожелания? – всплеснула руками Нина, поднимаясь. – Доверяю твоему вкусу. – И уже на ходу добавила: – А я пока пойду Санию вываривать.

– Что делать?

– Вываривать, – обернулась женщина. – Семь дней с момента извлечения субстанции из твоего сознания прошли. Саня отстоялась, свыклась со своим нынешним положением. Пора пришла.

– Как вы ее вываривать будете?

– Да просто, методом возгонки. Знаешь, как самогон варят? – белозубо улыбнулась ему Нина.

– А попристутствовать нельзя? – с надеждой привстал че-

ловек.

– Нельзя, – осадил его хозяйка. – Тебе рядом с Саней в этот момент находиться не дозволено. Она тебя почувствует, волноваться начнет.

* * *

Перед сном Сергей долго размышлял над интерьером просторного пятистенка, «выросшего» на месте покосившейся избышки благодаря его собственным правильным мыслям и неустанному омоложению Хранительницы. Дом принимал из окружающего пространства нарастающую позитивную энергию и, благодарно впитывая этот живительный Свет, возвращался к своему изначальному состоянию.

Сергей каждой клеточкой чувствовал исходящее от строения тепло, словно в этот вечерний час особняк притих в предвкушении перемен. Будто с интересом ждал, что же придумает человек, каким он видит настоящее «живое» жилище.

Доктору очень, очень хотелось порадовать хозяйку. Он мысленно пролистывал в уме всевозможные варианты сочетания цветов в интерьере, качества мебели, отделки... Ничего стоящего, на его взгляд, не получалось. Он махнул рукой, пообещав себе решить эту задачу утром, и отправился спать.

А наутро прибыли гости. Вернее, гостьи. Они бесцеремонно стащили сонного Сергея с мягкого удобного дивана (кстати, а куда подевался скрипучий топчан?) и дружно за-

цокали когтями по сияющему дубовому паркету просторной гостиной, громко размышляя о качестве и функциональности представленной на их суд мебели и роли света в формировании пространства. Сергей, потягиваясь и недоуменно оглядывая новое убранство дома, побрел за ними.

Обозрев внимательным взглядом и гостиную, и современную кухню в стиле хай-тек с выполненной по последнему слову встроенной техникой, белка присвистнула:

«А у нашего Человека-Сергея губа не дура!»

Белая собака, обойдя кухню, уставилась на свое отражение в сияющей двери холодильника и спросила:

«А как ты себе представляешь источник питания для всей этой электрической утвари?»

Сергей задумался. Электростанция, дизельный генератор? Нет, пусть будут солнечные батареи. Экологически чисто, удобно. А еще всё должно быть из качественных материалов, чтобы без перебоев и без всякой техподдержки работало долгие годы.

«Понятно, – отследила его мысли Клавдия. – А зачем тебе такое громоздкое промежуточное звено?»

«Почему промежуточное?» – не понял Сергей.

«Ну как? Ты же силой мысли его создал. К этому звену еще одно – солнечные батареи».

«Еще и встроенную техподдержку приспособачил», – добавила Рыжуля.

Клавдия бросила взгляд на зарвавшуюся белку, но смол-

чала.

«Для чего же еще? Еду готовить», – пожал плечами доктор.

В ответ лохматые подружки затараторили:

«А ты видел когда-нибудь, чтобы хозяйка у печи стояла?»

«И после ночной баньки ты что на завтрак ел? Свежий хлеб».

«Ага, а хозяйка тогда уже совсем плохая была. Кто ж тебе его испек?»

«Наверное, кто-то из вас? Ты же, Рыжуля, можешь скатерть-самобранку из подпространства достать с помощью амулетов своих», – предположил доктор.

«А вот и нет, – вспрыгнула на стол белка. – Думай, думай еще. Сам догадайся!»

Сергей вдруг ощутил, как его естество стремительно преодолевает ментальный мост. Человек на миг оказался в самом центре сознания шустрой рыжей непоседы, выхватил оттуда целый блок информации и... вылетел из белкиной головы со скоростью кометы.

«Ты что себе позволяешь! – взъярилась Рыжуля. Глазки ее сверкали, огненная шерсть встала дыбом. – Кто тебе разрешил? Быстро возвращай, что украл! Как ты вообще посмел в чужое естество вторгаться?»

«Сам не пойму, – Сергей отпрянул от налетевшего на него зверька. – Извини. Я не нарочно. Я и себе объяснить не в си-

лах, как у тебя в голове оказался. Наверное, мне вдруг захотелось прочесть твои мысли».

«Вот тебе и ответ, – пришла на помощь Клавдия. – Захотел – представил. Подключил к этому заряд своей ментальной энергии – получил определенный результат. Результат, опять же, прямо пропорционален силе отправленного тобой заряда».

«Ага, заряд у него! Бесстыдник! – не унималась белка. – Не смей больше такие фокусы проворачивать!»

«А ты следи за самообороной, – одернула ее собака. – Чего расслабилась? С человеком всё время надо быть начеку. Он сам понятия не имеет, какие знания ему в следующий миг откроются. Где твой магический щит? Или ты о нем вспоминаешь только тогда, когда нежить рядом?»

«Может, еще и атакующие плетения заранее подготовить? На всякий непредвиденный случай?» – Белка насупилась и отвернулась.

«Я же извинился, – примирительно погладил ее Сергей. – Я даже не просматривал твои мысли. Если бы можно было их обратно вернуть...»

«Не просматривал? – с недоверием и одновременно со всё более нарастающим интересом склонила голову Рыжуля. – И как ты это объяснишь?»

«Откуда я знаю? Может быть, сам запретил себе вторгаться в твое личное... пространство?»

«Точно ничего не прочитал? – прищурилась белка. – Дай

проверю! – Она быстро пробежалась по ментальной дорожке, вынула из памяти Сергея блок нераспечатанной информации, мельком заглянула в его мысли, проверила волевой импульс, отследила телепатические сигналы. – *Ну ты силач! Исполин просто! Взял и сам поставил ментальный блок! Ты видела, Клавдия?»*

«Видела!» – белая собака с удовольствием отмечала всё более возрастающий энергетический потенциал Сергея.

«А тебе, значит, можно было ко мне в голову заходить?» – хитро улыбнулся доктор.

«Я аккуратнo! – встопорщила усы белка. – И знаю, как надо! Кстати, теперь и тебе должно быть понятно, как правильно создавать... что угодно с помощью мысли. Не только забор и холодильник. Съедобное что-нибудь давай сотворим!»

«Не знаю пока... – озадаченно протянул Сергей. – Дай подумать... По твоему, получается, если я вдруг захотел есть... К примеру, захотел пирогов с картошкой – надо представить их во всех подробностях? Представил – кушай на здоровье?»

«Точно! – подхватила белка. – Захотел пить – заглянул в кувшин. Вспомнил цвет, вкус и прохладу напитка – нате вам, пожалуйста!»

«Вы, прежде чем к созданию еды переходить, исправьте огрехи с техникой, – осадила их Клавдия. – Посмотри на свои творения, Человек-Сергей, всё должно быть рационально.

Если это плита или холодильник, ты должен четко знать, для какой цели их создаешь. Посчитай, сколько промежуточных звеньев у тебя. Зачем они? Стоило ли на их создание драгоценный дар тратить?»

«А может быть, ему так привычнее? Или для улады глаз старался! Или вдруг иной раз что-то руками сотворить захочется. Не всё же мыслями ворожат!» – пошутила белка.

«Ага, еще и посуду лишний раз помыть, и пыль стряхнуть, и плиту до блеска отполировать», – поддержала ее собака.

Они явно ерничали, подсмеивались над таким недалеким еще человеком.

«Что вы на меня взъелись?» – ответил Сергей. – *Я же всю эту красоту во сне создавал, ненамеренно. И вообще, откуда я знал, что продукты тоже силой мысли можно сотворить? Кто мне об этом рассказывал?»*

«Сам бы давно догадался».

«Хорошо! Раз тут все, кроме меня, такие умные, я догадуюсь!» – вспыхнул он. – *Сам!»*

«Ну-ну, дерзай! С удовольствием окунемся в поток твоих мыслей».

«Значит, так, – начал Сергей. – Изначально мне надо задать итоговые параметры. Именно итоговые. Я четко должен видеть конечный результат».

«Откуда узнал?» – раскрыла рот белка.

«Я должен сразу знать, какой сорт хлеба нужно получить, – продолжил свои размышления Сергей, пристально глядя в глаза Клавдии. – И, уже возвращаясь к исходной точке, мне необходимо четко отследить ингредиенты: какой сорт муки – высший, первый, второй... Где выращено зерно, какая курица снесла яйцо, откуда взять воду и соль.... В общем, всю технологию производства надо будет воссоздать...»

Собака и белка снисходительно улыбались.

«Или, – хитро взглянул на них человек, – я пойду другим путем. К примеру, скажу: "Хочу хлеба, который я ел в гостях у своих друзей в воскресенье десятого ноября такого-то года". И тогда ментальная подсистема сама воссоздаст и консистенцию, и сорт, и вкус. И даже ту же самую свежесть от момента выпечки. Сознание само всё сделает – и вычислит параметры, и предметы из вообразяемого в действительное перенесет».

«Ничего себе, новичок! – озадаченно почесала нос белка. Однако миг спустя загорелась новой идеей: – Таким же образом и задвоение, и воссоздание объекта вытворить можно!»

«Что это – воссоздание?»

«Берешь, значит, крошку хлеба и воссоздаешь ее изначальное положение в целой буханке, – тут же отозвалась Рыжуля. – То есть заново получаешь новую булку! А задвоение – это когда из одного яблока получаешь два, а хочешь – пять

или целую корзину! То же самое и с предметами! К примеру, ты запросто можешь сказать: "Хочу, чтобы здесь стояло кресло. Точно такое же, как у меня дома. В котором я очень люблю читать книги"».

«Тогда и книги появятся, – повернулась к ней Клавдия. – Ты на вторичном предмете много внимания сосредоточила. Подсистема не только кресло, но и всё, о чем в этот момент подумалось, воспроизведет. – Она вдруг вскинулась, озаренная неожиданной догадкой. – Да он мои тайные мысли прочитал! – волчица оторопело потрясла лобастой головой. – Кто тебя научил?»

«Сама и учила».

«Когда?»

«Сейчас! Ты мне так помочь хотела, что я твои закрытые мысли запросто отзеркалил».

«Или вспомнил наши уроки из прошлых твоих визитов в Запеделье, – пристально взглянула на него собака. – А в чем разница между ворованной информацией и чтением закрытых мыслей?»

«Так мысли от чтения не исчезают. А украденную информацию запросто заблокировать или перепрограммировать можно», – на автомате ответил Сергей.

«Нет, ты точно всё вспомнил!» – покачала головой Клавдия.

«А как же насчет ментальной защиты от несанкционированного проникновения к закрытым мыслям, дражайшая

моя подруга? – елеино пропела в общем сознании белка. – *Или ты о ней вспоминаешь только тогда, когда других умуду разуму научить пытаешься?»*

«Пешком пойдешь!» – оскалилась на нее Клавдия. Потом, вновь повернувшись к Сергею, ткнула носом в сторону закрытой двери: – *Там твоя спальня».*

«Как узнала?»

«Я тебя тоже отзеркалила».

«Идем! Хочу посмотреть на его гнездышко!» – нетерпеливо заерзала Рыжуля.

«А вы не сильно обнаглели, красотки? Это же мое личное пространство! Кто-то сегодня, рассуждая про вторжение в него, шерсть на груди рвал!»

«Забудь!» – коротко бросила белка. – *Пошли уже, показывай!»*

Они бесцеремонно ввалились в просторную комнату со светло-серыми стенами, с широким окном на южную сторону. Большая гардеробная скрывалась за выгодно оттеняющими цвет обоев раздвижными панелями от пола до потолка. Часть пространства ближе к двери занимала удобная двуспальная кровать с высоким мягким изголовьем, застланная постельным бельем синего цвета, чуть прикрытая небрежно наброшенным светлым покрывалом. Ближе к окну за стеклянной перегородкой располагался небольшой кабинет с широким столом и удобным кожаным креслом. При желании от спального пространства можно было отгородить-

ся, задернув плотные лавандовые шторы.

«Кто-то любит комфорт и удобство?» – белка прыгнула на кровать. Она выигрышно смотрелась на пышной подушке: рыжая на синем полотне. – *Клавдия, ты глянь! Да это – египетский лен!»*

«Да, я всегда очень серьезно к таким вещам отношусь. Мне важнее не красота, а качество», – немного скованно проговорил Сергей.

«Да не стесняйся ты! Качество и красота – два равных понятия», – белка с интересом разглядывала хрустальные подвески на прикроватном светильнике.

«Хорошее у тебя воображение, Человек-Сергей. Сочетание цветов в интерьере подобрано идеально. Уважаю такую четкую работу сознания.» – Собака упруго прошла по пушистому ковру. И повернулась к расположенной слева от входа двери с горизонтальными вставками из матового стекла. – *А там у тебя что?»*

«Показывай уже!» – в предвкушении нового-интересного потеряла лапки белка.

Стоило им шагнуть за порог, как зажглись точечные светильники.

«Ого, кафель, хром и зеркала!»

«А тут, смотрите-ка, вода журчит!» – нажав кнопку слива, белка с интересом уставилась в унитаз.

«Простите мне мою нескромность, – хозяина слегка покорило от бесцеремонности гостей. – В туалет же я силой

мысли не схожу. Уж сантехника-то в любом случае необходима».

«Ну, это ты сам так решил», – ответила собака и направилась к выходу.

«Что ты имеешь в виду? – Сергей озадаченно смотрел ей вслед. – В Запределье физиология человека по-другому работать должна, что ли?»

«Да шучу я, расслабься», – улыбнулась от двери Клавдия. Белка прыснула в кулачок, с разбега вспрыгнула собаке на спину. Обе, оживленно перекидываясь мыслями, удалились.

Сергей прошелся по дому, оглядывая обновленный интерьер. Неужели это всё создано его мыслями, его сознанием?

«Менделееву вот периодическая таблица приснилась, – вздохнул он. – А мне – мебель да бытовая техника. Забавный парадокс».

ГЛАВА 13

Сашкин сосед, заселившийся на день позже в большую комнату, часто звал по вечерам выпить чаю. Конечно, сначала он предлагал выпить чего покрепче, но не получалось. Сошлись на чаепитии. Каждый раз сосед выставлял на стол тарелку с шоколадными печеньками, у которых был какой-то необычный горьковатый привкус, и, глумливо ухмыляясь, частенько повторял: «Специально для тебя Марь Гавриловна напекла!»

Но вечером того самого дня, когда во дворе произошли странные, необъяснимые события с сияющим облаком, летающими животными и загадочными злодеями, сосед исчез. Бабка тоже. Впрочем, спустя некоторое время она вернулась.

Тетя Надя, соседка из квартиры напротив, говорила, что глаза у бабки – как у побитой собаки. Но Сашке было абсолютно всё равно, что там у соседей происходит. Оплату за комнату он вносил своевременно, гостей не водил, а общаться с хозяйкой квартиры было не о чем.

И если раньше баба Маша просто проходу не давала своему жильцу, то теперь вообще не приближалась к Сашке. Общалась с ним либо через чуть приоткрытую дверь своей квартиры, либо по телефону. Даже деньги за аренду попросила переводить на карту. Чему он был несказанно рад. Изредка Сашка видел на двери подъезда объявление о том, что сдается комната, но новый сосед никак не подыскивался.

Что и говорить, квартиранту очень даже нравилось быть полноправным хозяином в маленькой двушке. Но кроме ощущения полной внешней свободы (никакого надзора, никто не следит – поел ли он, вовремя ли лег спать, не дует ли ему из окна, выключил ли на ночь плиту) стала приходиться и свобода внутренняя. Сдерживать ее, не дать утвердиться в душе человека пытался лишь старый, советских еще времен, ковер. Он нависал над спящим парнем темным маревом, сковывая мысли, заставляя пребывать в каком-то зомбическом оцепенении.

Но и этот морок постепенно отступал. По ночам сквозь туманную вату в сознание Сашки начали пробиваться какие-то звуки: то ли шелест ветра, то ли шум дождя. Изредка, словно ощупывая пространство вокруг, звонкими нотами падали капли света. Затем сияющие ноты стали сплетаться, наполняя душу волшебной музыкой. Из звуков сформировались слова, слова объединились в предложения. С юношей пытались общаться. Говорили откуда-то издалека на непонятном, завораживающем языке. Сашка пробовал ответить на призыв, но его как будто не слышали... Или не понимали.

И вот в одну из ночей после прекрасной многозвучной мелодии (Сашке даже порой казалось, что и нот таких в земном пространстве не бывает) в голове появились вполне понятные слова: *«Выключи компьютер, прими информацию»*.

Сашка посмотрел на свой ПК, оставленный на ночь в режиме сна. Выключить?

«Выключи компьютер, прими информацию!» – повторилось в сознании.

И он повиновался. Последовательно произвел все операции, даже вилку из розетки вынул. Немного погодя на темном экране возникла светлая точка. Золотисто сияя, она разрослась, заполнила собою весь экран. Появились символы. Сашка изумленно воззрился на арабскую вязь. Изображение дрогнуло и сменилось старославянскими рунами. Снова недоуменный взгляд. Наконец после недолгой паузы возникли слова: *«Здравствуй, Александр, один из четверых»*.

– Привет, – ошарашенно ответил Сашка. – А кто еще трое, из которых я один... ну, из четверых тех?

Его снова не услышали. Информация поступала, но на его вопросы и ответы никто не реагировал. Сияющие слова отрывались от золотого экрана и сквозь широко распахнутые глаза проникали прямо в сознание: *«Александр, этой ночью ты – субъект, познающий действительность. Тебе необходимо, подсознательно проникнув в суть вещей, поняв природу реальности, усвоить определенную информацию, основанную на опыте целостного восприятия и поданную наилучшим для твоего мышления образом. В каждом слове заархивированы гигантские пласты знаний. примени системное мышление и глубинное понимание процессов. И главное – ни на что не отвлекайся, не прерывай ментальной связи».*

Висевший над кроватью ковер, молниеносно сорвавшись с петель, зверем ринулся к монитору. Но вдруг застыл в пространстве, заискрился, скорчился от разливающегося по комнате Света – и, конвульсивно дернувшись, растворился в воздухе.

Сашка даже не посмотрел в ту сторону. Он слился воедино с сияющим потоком важных и таких нужных сведений:

«Гордость, Любовь, Искренность, Преданность – это не пустые слова и названия. Это сияющие оболочки, составляющие ментальное тело человека. Если нет этого внутреннего Света, сияющей духовной силы – остается лишь разум и физическая оболочка, то есть тело. Вместо высокодухов-

ного создания в мир приходит биоробот, у которого только одно желание – удовлетворение потребностей своего обожжаемого эго...»

Сашка ощутил себя чуть ли не полубогом: столько знаний за десять секунд! Несколько предложений несли в себе глубинное понимание таких первооснов, что хоть диссертации в каждой области науки защищай! И закралось сомнение: а он вообще справится, не двинется умом? Но отстраниться, прекратить прием сведений даже не подумал.

Он жадно продолжал внимать:

«Сквозь века происходит целенаправленное обезличивание, стирание сути очень важных, незаменимых для полноценного психического развития человека чувств-субстанций. Что такое самоуважение? Его превратили в чванство и надменность. Радость общения – во взаимовыгодное сотрудничество. Искренность вовсе не в чести. Тем более людям приходится постоянно быть подозрительными, чтобы не попасться на удочку мошенникам, которых в мире людей огромное количество...»

Волшебное сияние разлилось по нутру юноши, заставляя все сомнения, страхи и душевные метания уйти в небытие. С ощущением невероятного восторга, в содружестве с бесконечной силой он парил в безграничном море Света, впитывая знания каждой клеточкой.

За стеной, у Марьи Гавриловны, что-то громко ухнуло, раздался звук падения. Слышно было, как бабка истериче-

ски выкрикивает: «Срочно! Чрезвычайная ситуация! Требуется немедленное вмешательство! Прошу высочайшего решения!»

Через минуту в несущую стену между квартирами стало биться тяжелое тело. Злобный рык разнесся по всей округе... Но пятиэтажное бетонное здание словно и не содрогалось от мощных ударов от цоколя до крыши. Обитатели дома спали.

А Сашка, надев наушники и крепко прижав их к голове, продолжал вбирать в себя силу знаний:

«Черные мысли – лживые слова – плохие поступки. Сознание людей заполнено токсичным восприятием мира до такой степени, что они вообще не понимают, что говорить неправду нельзя. Ведь именно обман открывает дорогу черным делам...»

Злобно рычащее нечто переместилось в подъезд. Внушительная, еще в лихие девяностые сваренная из толстого железа дверь, расположенная как раз напротив входа в комнату парня, прогнулась под напором нездешней силы, стены пошли трещинами, посыпалась штукатурка.

Квартирант невозмутимо принимал информацию:

«Точка перепутья – развилка на жизненном пути. И от принятого решения зависит вся лента событий, вся последующая жизнь. Многие, пытаясь оправдаться, твердят, что это жизнь такая. НЕТ! ТАКОЙ сам человек ее делает – своими мыслями, своими ежесекундными решениями...»

Страшное существо, вырвав из косяков тяжелую внешнюю дверь, принялось выцарапывать из проема внутреннюю – деревянную, установленную еще при строительстве дома. Мощные когти стальными лезвиями прорвали перегородку.

Сашка перешел к главе «Уровни восприятия действительности». Волшебный поток, словно опасаясь не успеть, гигантской волной хлынул в сознание субъекта:

«Под воздействием определенных факторов человек начинает на предлагаемые события реагировать по-иному. Поначалу немного посомневавшись, потоптавшись на месте в поисках истинного пути, он интуитивно нащупывает новый уровень восприятия действительности, присматривается, внутренне приноравливается к нему. Некоторое время человек существует как бы в двух мирах, но постепенно прежний уровень – или прежнее мировосприятие – уходит в небытие, а реальная жизнь человека начинает движение по новому руслу...»

Межкомнатная дверь разлетелась в пыль. На пороге, изрыгая языки пламени, стояло покрытое сажей звероподобное существо. Но ступить за порог у него не было власти. Внутри царил СВЕТ. Монстр страшно взвыл, шерсть его горела и скручивалась от солнечного огня. Отступив в тень коридора, хозяйка квартиры вновь приобрела человеческий облик. Дико сверкая глазами, бабка принялась плести поражающее заклятье.

Сашкин организм претерпевал сверхчеловеческие нагруз-

ки, информация врывалась в него бушующим океаном. Тело тряслось от напряжения, побелевшие пальцы впились в подлокотники кресла, но парень упорно не отводил взгляда от Вселенской Благодати:

«Вот почему в одном и том же мире люди живут в различных слоях действительности. Эти слои где-то соприкасаются, пересекаются, взаимопроникают...»

Сашка вдруг ощутил, что шквал информации постепенно ослабевает, и понял, что делается это для его же блага: ведь если бы энергетический поток оборвался внезапно, организм мог бы попросту не выдержать такого резкого перепада. И перевозбужденный программист уже с облегчением воспринял завершающие информационные волны:

«Само сознание, ведомое радостной Силой Света, освободившись от сковывающих объятий рационального разума, отворяет перед ищущим всё новые двери, всё дальше отодвигает установленные ранее допустимые пределы. И снова и снова приглашает испытать свои силы, каждый раз открывая навстречу всё более невероятные, неизведанные миры, то и дело предлагая всё более удивительные, на первый взгляд неизвестно откуда взявшиеся, но от этого не менее потрясающие возможности...»

Экран постепенно затухал. В комнате повис полумрак, а перед глазами парня появились три белых перышка. Небольших, почему-то таких знакомых... Откуда они ему ведомы? Сашка немного подумал и каким-то таинственным, почти за-

предельным звуком и мудреным движением руки отправил эти перья туда, где они необходимы, к тому, кому они больше всего нужны... С удовлетворением потер ладони от осознания очень важного, четко и верно выполненного действия и понял, как устал...

Познавший действительность субъект откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза, обдумывая поступившую информацию и решая, как ее в дальнейшем применить.

Вдруг в сознании молнией вспыхнуло ощущение опасности. Сашка мгновенно развернул вращающийся стул и впился взглядом в зависший в полуметре от него полыхающий мертвенным огнем сгусток энергии, отправленный бабкой-монстром прямо ему в голову.

Злое колдовство, столкнувшись с сияющим взором, резко сбавило скорость, зависло на мгновение – и рванулось в обратную сторону с удвоенной силой. С размаху врезавшись в бабу, заклятье снарядом пронеслось через весь подъезд и, впечатав грузное старческое тело в противоположную дверь, разметало его на тысячи каменных осколков. Сквозь оседающую пыль проявился невнятный образ, свившийся в черный клубок.

Из-за двери выглянула тетя Надя, зябко кутаясь в накинутую на ночную сорочку большую вязаную шаль и недоуменно оглядывая подъезд. Черная субстанция ринулась к ней. Женщина непроизвольно схватилась за горло и осела на пол. Подоспевший муж подхватил ее на руки и унес в квартиру.

Никто этого не увидел. Перегруженный до предела организм просто не в состоянии был выносить еще какие-либо треволнения. И Сашка уснул, неуклюже подвернув под себя руку, не обратив абсолютно никакого внимания на бетонное крошево и вывороченные двери.

Светлое нечто, облаком окутав измотанное тело, перенесло парня на постель, попутно возвращая и подъезду, и съемной квартире прежний вид. Только ковра над кроватью в маленькой комнате больше не было...

ГЛАВА 14

Нина Петровна, прохаживаясь по обновленному дому и разглядывая внутреннее убранство, только головой качала.

– Не нравится? – осторожно спросил Сергей.

– Нравится, – коротко бросила женщина.

– Как-то странно нравится, – пожал плечами мыслестроитель. – Ни слов, ни эмоций. Не чувствую я вашей реакции. Вообще...

– Не мешай.

Хранительница упруго прошла по паркету, слегка подпрыгнула в середине комнаты, проверяя на прочность напольное покрытие. Осмотрела спальню, ванную. Придирчиво заглянула в холодильник, провела рукой над созданными мыслью продуктами, втянула их запах, словно считывая информацию. Взяла с полки зеленое яблоко и надкусила. С

явным удовольствием прожевала сочную мякоть и, утвердительно кивнув, проговорила:

– Ты готов.

– К чему готов? – не понял Сергей.

– К обмену телами! – Нина отследила его реакцию на свои слова и широко улыбнулась.

Сергей же совсем не обрадовался такому обороту событий:

– Это зачем?

– Затем! – парировала хозяйка. – Спину твою править будем. Ты же сам знаешь, что позвоночный столб – связь с Великой Силой Космоса. Если хоть в одном позвонке происходит смещение, эта связь утрачивается. Непременнно надо ее восстановить. И как можно скорее.

– А не меняясь телами, нельзя всё исправить? Рыжуля как-то сказала, что вы знаете всё, что известно мне. Вот и постарайтесь на благо человечества.

– Бестолочь стоеросовая! – вспылила женщина. – Твое, именно твое сознание работать обязано! Ты сам свою спину видеть должен и совместно с солнышком изъян выправлять. Не я это делать буду!

– Но как вы по интерьеру и продуктам смогли определить, что я готов? – не сдавался Сергей.

– Да легко, – всё еще придиричиво оглядывая помещение, ответила Хранительница. – По силе течения мысли, по ее заряду и детализации воплощения. Вот в полдень и начнем,

когда солнышко в полную силу войдет. За два часа как раз управимся.

– Но вы же меня этому не учили! У меня ни методик, ни знаний, ни навыков для такой операции нет!

– Свет подскажет, – обернулась к нему Нина. – Ведь Свет, чистый Свет, всегда в любви пребывает. Он помогает по-настоящему, бескорыстно... Будь собой и мыслью за Светом иди. И помни: ты – человек, великое творение Вселенского Сознания. И умения твои – не волшебство, они тебе свыше дадены (соразмерно изначальной силе твоего духа). Это – истинные знания, и их у тебя намного больше, чем у других жителей планеты... Когда позвоночный столб выправишь, Свет твоей души превратится в чистый огонь, который разгорится, освещая путь всем остальным...

Одна живая человеческая душа, одна правильная человеческая мысль способны рассеять космическую тьму. Мысль людская всемогуща, любовь неизмеримо огромна! Со временем всё больше и больше правильно мыслящих сознаний в мире будет проявляться. И когда концентрация их на квадратный километр превысит определенную дозу, начнется цепная реакция, и весь мир утонет в любви... Так что, стоит ради этого стараться?

– Непременно, обязательно... Это важно, – невпопад ответил Сергей, осмысливая и запоминая сказанное Хранительницей.

– Ну, не будем больше ждать. Телами обменяемся, созна-

нием сольемся и...

– А это еще зачем? – не понял Сергей. То я сам должен работать с телом, то сливаться вдруг понадобилось...

– «Зачем» да «почему»! – передразнила его Нина. – Женщина воплощает в себе мощные эмоции – мужчина же способен эти эмоции контролировать. Общее сознание поможет сократить сроки операции. Мужчине и женщине всегда надо быть вместе, – отчего-то вдруг добавила она. – Вместе культивировать силу Света, вместе вершить дела, правильно начинать и воспитывать детей...

Сергей открыл рот на это ее замечание, но говорить в ответ ничего не стал. Только вздохнул.

* * *

До полудня оба молчали. Вместе завтракали, занимались домашними делами. Но ни уроков, ни разговоров не было. Ни вербального взаимодействия, ни ментального. Никто не вторгался в сознание доктора, не слышал его мысленного монолога. Звонящая тишина...

«Ну да, это у нее внутри, может быть, и тишина. А у меня – буря-ураган! Сколько молчать-то можно?! Хоть бы сказала что-нибудь перед таким ответственным делом!»

Сергей просто негодовал, но... вдруг обернулся к солнцу... И все бури внутри враз улеглись. Жаркие лучи согрели, успокоили, запросто выгнали из души все страхи, попутно сжигая своей животворящей энергией сомнения, окута-

ли человека всепоглощающей силой любви. И доктор почувствовал сначала очень близко, рядом, а через миг и внутри своей сути присутствие еще одного сознания. Доброго, такого родного... Немного помедлив, словно присматриваясь друг к другу, два сознания стали единым целым...

– Ой! – послышалось где-то сбоку.

Обернувшись, Сергей увидел, как побледневшая хозяйка пошатнулась, оступилась и стала оседать на траву. Без раздумий доктор отделился от своего естества и ринулся к падающему телу, сдержал его, освоился с меньшим, непривычным поначалу весом, выпрямился. Огляделся. Всё вокруг виделось под другим углом, дышалось иначе... Он глянул вниз, на «свою» округлую грудь и едва сдержался, чтобы не схватиться за нее в изумлении. Услышал легкий смешок, повернулся к... себе... С недоумением осмотрел:

– И это – я? Такой... странный...

«А каким ты себя до этого видел? Именно таким! – пронеслась в голове насмешливая мысль. – Только приукрашивал себя слегка. Как и все...»

– А почему ты до обмена телами так долго молчала? – неосознанно он перешел на «ты».

«Я не молчала, я входила в правильное состояние. Искала дорогу к твоему сознанию. Ждала, когда ты успокоишься. Хорошо, что солнышко тебе стабилизироваться помогло».

«Благо хоть ментальный голос у нее остался прежним», – подумал про себя мужчина, забыв о том, что хозяйка слышит

его мысли.

– А давай вслух поговорим? – обернулась к нему его «копия». – Я вдруг такой сильной стала! Посмотри, какие мышцы! Глянь, какие крепкие у меня руки! Правда, тяжеловато такой вес держать. Но это поначалу. Сейчас привыкну...

«Ну уж нет!» – мысленно возмутился Сергей. – *Перестань вслух разговаривать! Не хватало еще...*»

«Ладно-ладно, успокойся, – отправила ему Нина примирительную мысль. – Осваивайся в моем теле. Скоро уже полдень. Работа предстоит нешуточная, а мне еще космы до метра вырастить надо».

«Что вырастить?»

«Волосы! В вашем мире древнее их название – "космы"».

«А они еще зачем? У меня никогда... Я всегда короткую прическу носил».

«Носил – не носил, а для связи с пространством, для восприятия и накопления внешней, тонкой энергии окружающего мира длинные волосы нужны. Они сейчас будут проводниками, которые соединят твой мозг с тонкой энергией Солнца и Вселенной».

Сергей с изумлением смотрел на самого себя: он сидел за пустым столом, а волосы у него быстро отрастали. При этом «двойник» вещал с умным видом:

«Длинные волосы – неотъемлемая часть излучающего и принимающего энергию организма. А мы с тобой сейчас столько излучать и принимать начнем – в невероятных ко-

личествах! Наравне с Солнцем работать будешь! Вернее, в связке с ним. – И, переключившись вдруг на менторский тон, Нина в облике Сергея продолжила: – И всегда, сквозь все жизни свои помни – не забывай: лишь светлая сила делает для человека всё возможное, не требуя при этом оплаты. Только будь счастлив, расти, развивайся... Природа так гармонична, а человек – неотъемлемая часть ее. Кто все наши миры создал – велик и прекрасен! Доброе и любящее свои создания существо из высших измерений».

«В Бога веруешь?» – неожиданно для себя спросил-подумал Сергей.

«Это вы в своем мире веруете или отрицаете веру, переходите из одной веры в другую, забываете, кому вчера молились, выискиваете себе новые объекты поклонения... А мы – знаем...»

«Что знаете?»

«Знаем о том, кто все миры сотворил. И ты прав: я преклоняюсь перед Создателем всего сущего, перед его могуществом, но не со страхом, а с уважением и почитанием его силы и доброты», – с благоговением во взоре ответил сам себе Сергей.

Конечно, это Нина в его теле ответила, но так странно было смотреть на себя, уверенно вещающего:

«А бояться себя только тьма требует – наслаждается, питается захлеб энергией страха. Она закрадывается в душу просящего, постепенно его порабощая. И темная си-

ла за любую услугу жертву хочет. И каждая новая оплата за предоставленное богатство или могущество в разы большей оплаты требует.

Сквозь все века всевозможные правители пытаются подобных тебе на службе держать. Чтобы силой и мощью вашей свое величие подпитывать. Одно дело, если это праведный правитель – тогда и силы твои во благо народа пойдут. И совсем другое – когда и правитель твой, да и ты сам у тьмы под колпаком находитесь. И решение такой правитель принимает не потому, что он мудрый и действует только в интересах своих подданных, о которых призван заботиться. А потому, что он у руля и его мнение – для всех закон! И необязательно ему быть тираном. Гораздо проще умы человеческие поработить. Конечно, юные пылкие сердца легко сбить с истинного пути, к высоким идеям апеллируя».

Подумала немного и, словно конь гривой, потрянув непомерно отросшими русыми волосами, добавила:

«Хорошо, что ты в своем человеческом мире смог со службы уйти. Внутренние войска – тот еще капкан для души. Плохо, что всё равно у системы под колпаком остался... Ну, не будем к темным силам внимание привлекать, энергию свою им отдавать. Будем хорошие участки жизни еще больше высветлять, теплом напитывать».

Тело Сергея улеглось на широком столе, мысли Нины пронеслись в сознании:

«Приступим. Соберись, отдышись, пульс проверь. Так, хорошо. А теперь – на солнышко смотри».

И доктор, стоя перед столом в женском облике, поднял голову и взглянул прямо в небо, где по синему простору, расплескав во все стороны жгучие лучи, катилось благодатное жаркое Солнце. Откликнувшись на искренний призыв человека, оно вошло своим Светом прямо в душу, заполонило естество всепроникающей любовью, насытило каждую клеточку радостью и великой созидательной силой. Оно словно подсказывало Сергею, что делать в следующий миг, как мыслить и как искренне верить в свои возросшие от слияния со Светом возможности.

И он, ни секунды не сомневаясь, потянулся вслед за этим сияющим проводником и учителем, расправил изящные плечи, произнося волшебную, подсказанную свыше формулу из непонятных пока слов и цифр, испросил для проведения операции твердости духа и чистоты помыслов.

Столп яркого пламени пронзил общее сознание, вливая в распростертое на столе тело солнечный огонь, раскрывая перед взором Сергея в образе Нины весь энергоконтур мужского тела, представляя ему на суд его же внутренние энергетические течения. Конечно, доктор и раньше осознавал свою энергию, но теперь, со стороны, обладая такими невероятными возможностями...

Душа весила много. Гораздо больше, чем у обычного среднестатистического человека. Рисунок личности был яв-

ным, без изъянов и пробелов. И, благодаря развернутому к солнцу потоку антенн-волос, свободно считывался.

Сергей, мимоходом делая отметки, отследил астрономические координаты, сопоставил их расположение с телесными меридианами, прослушал отзыв потоков психологической крови на энергию солнечного Света. Прана текла легко и свободно, плавно циркулировала по каналам и меридианам тонкого тела, омывая каждый орган, отдавая энергию жизни и очищая, освобождая от шлаков.

Общее обследование работы организма завершилось, и доктор перешел к детальному изучению позвоночника. Энергетический столб сиял. Только сияние это не было равномерным на всем протяжении. Несколько позвонков в поясничном отделе выбивались из общего свечения.

«Да, – сказал сам себе Сергей, – вот они, последствия той давней травмы».

Но не позволил душевной ране открыться навстречу увиденному. Наоборот, вооружившись силой, подаренной ему Благодатным Огнем, принялся за работу. Жарким солнечным лучиком он прикасался к каждому больному нерву, к межпозвоночным дискам, забывшим уже свое первоначальное положение, наращивал мощь и силу мышц, сухожилий, выравнивал течение внутренних энергий, стабилизировал процесс. И тело отзывалось на благодать каждой клеточкой, радовалось счастью, выправлялось и восстанавливалось под воздействием непреодолимой Силы Жизни...

Операция закончилась. Солнце ласково погладило мужчину и женщину, окутало напоследок искристой пеленой, пожелало счастья и любви, ослабило связь. Сергей в который раз всей душой отозвался на добрый посыл, с благодарностью и восхищением посмотрел на сияющий диск и с поклоном освободился из ласковых объятий солнечных лучей. Тело на столе, прежде упругое, словно натянутая струна, теперь обмякло, затихло. Русые волосы золотыми искрами осыпались с головы, вернув мужчине прежнюю короткую прическу.

Сергей всё не переставал удивляться возможностям запредельного пространства. И одновременно с этим понимал: теперь он и в мире людей способен на такие дела, что дух захватывает... И в сознании роились светлые, восторженные мысли:

«Что такое счастье? Тот же солнечный Свет. Радостный, сияющий, всеобъемлющий, не подверженный лжи и отчаянию. Он льется легко и свободно, преодолевая любые преграды, сжигая на своем пути весь негатив...

Но это – счастье в идеале. А когда оно проходит через призму человеческих эмоций, сила его напрямую зависит от чистоты людской души. И, если присмотреться внимательно, немногие несут в себе этот Вечный Огонь Вселенной. Зачастую в счастье своем люди – эгоисты. Они не спешат делиться с окружающими избыточной энергией Света. Более того, когда в горе их личные внутренние ресурсы понижаются,

они, забыв в своем неведении о Великом Источнике, судорожно ищут поддержки у окружающих: кто бы дал свою накопленную от Света энергию, поделился жизненной силой. А в небо так и не решаются взглянуть... Я не про религии, я про чистый, Изначальный Свет...»

«А где его искать? – спросил он сам себя. Вернее, Нину, беспардонно влившуюся в поток его мыслей. – В небе?»

«В нити волшебной, связующей солнце и душу человеческую, – ответила женщина, незаметно вернувшись в свое тело. – Я тебе уже говорила, что жизнь – это постоянный, непрерывающийся поток сознания. А человек познает окружающий мир, телом своим реагируя на внешние раздражители и испытывая при этом определенные эмоции. Это неоспоримая истина. Но мало кто задумывается о том, что качество восприятия каждого отдельного индивидуума напрямую зависит от содержания Света в его душе... – Она немного помолчала, а потом уже обычным, слегка ворчливым голосом добавила откуда-то из другой части общего сознания: *– Ну, ты это... Ты долго еще в моем теле оставаться планируешь? Пора уже и в свое вернуться».*

Сергей несколько раз глубоко вдохнул, с каждым выдохом всё дальше отпуская солнечную силу. Открыл глаза. Снизу вверх посмотрел на улыбающуюся хозяйку и, приподнявшись на руках, легко спрыгнул со стола. Немного постоял, прислушиваясь к ощущениям. В теле, если можно так выразиться, на разные голоса пели птицы. Новорожденная жизнь

кипела в нем. Настоящая, Солнцем данная.

* * *

Вечером человек и три его наставницы снова собрались под березой. Закончив ужин, Сергей опять пристал к ним с расспросами:

– И что нам известно про Троелуние?

– А ты внутренний компьютер открой да посмотри.

Доктор незамедлительно обратился к информационному полю человеческой реальности. Перед взором его в мгновение ока проносились терабайты данных. Но всё сводилось к одному – неподтвержденной никакими источниками древности информации: «Полтораста тысяч лет назад в девятый день месяца завершения лета в славянских Родах зародился праздник – День Трех Лун».

– В этот день, по нынешнему времени он приходится на двадцатое августа, сходятся на небосводе в одном месте малая и ближняя к Земле луна Леля, – прочла его мысли Нина.

«Луна Фатта, прибывшая с орбиты пятой от Солнца, а ныне разрушенной планеты Деи», – продолжила белка.

«И та, что и в вашем небе до сих пор светит. Луна под названием Месяц – моя прародина», – вздохнула Клавдия.

– Из-за того, что Леля обращается вокруг Земли за семь дней, Фатта – за тринадцать, а Месяц за двадцать девять с половиной, орбиты их сходятся на небосводе только раз в год... И это всё? – удивился Сергей. – Интернет больше ни-

какой информации по данному вопросу не предлагает?

– Это, скажем так, разрешенная в твоём мире информация.

– А неразрешенная где?

– В твоём сознании, обогащенном Солнцем.

«В этом году мы схождение лун на рассвете ожидаем. Поэтому в легенде и говорится: "Когда прольется луч расцветный..."»

– Пролиться то он прольется... Но кто мне скажет, что в это время делать? Где соответствующие инструкции? Дата нам известна – двадцатое августа, утренний час. А где я должен в это время находиться, с кем взаимодействовать – на эти вопросы ответа пока нет. Где его искать?

«Узнаешь», – последовал в общем сознании лаконичный отклик.

– И когда? Кто подскажет, как я должен себя вести, чтобы прожить эту самую легенду?

«Всё узнаешь в свой час. Появится тот, кто принесет тебе энергию и знания из энергоинформационного поля Вселенной».

«Сплошные загадки, – ворчал про себя Сергей. – Нет чтобы сразу четко и ясно всё обозначить. Я же должен подготовиться, собраться с мыслями, силы рассчитать, в конце концов...»

ГЛАВА 15

Бесконечный, загруженный заботами день угасал. В большой зале Черного Замка у потухшего камина возился слуга. Он выгреб остывшую золу и заново разжег огонь. Отвесил низкий поклон подошедшей Антонине и неслышно удалился. Горничные спешно готовили залу к приходу господина: раздвигали тяжелые портьеры, чтобы впустить в помещение ночную свежесть и прохладу, сметали пыль с мебели, взбивали диванные подушки. Неумный клыкасто-когтистый смотритель пристально наблюдал за действиями прислуги: пропустят хотя бы пылинку – головы полетят у всех!

Воительница рассеянно смотрела на огонь. Атласное темно-зеленое платье до пола отлично гармонировало с собранными в высокую прическу ярко-рыжими волосами. Тяжелое бриллиантовое кольцо и роскошные серьги с изумрудами подчеркивали красоту и элегантность Антонины. Но девушку совсем не радовали дорогие наряды и изысканные украшения. Во взгляде печальных черных глаз отражались языки пламени.

– О чем размышляет моя прекрасная амазонка? – неслышно подошел Предводитель. – Какие думы мешают смелой деве наслаждаться приходом ночи?

– Господин, вы и в самом деле решили меня продать? – прямо спросила девушка.

– О чем вы? Как можете говорить так о своей бесценной персоне? Продать?! Никогда! Ни за что! Вы слишком дороги

мне, Антонина!

– Но приспешники меж собой шепчутся...

– Кто посмел? Вырву языки и скормлю кровожадным тварям!

– Да и Нерц думает, что уже почти купил меня.

– Дражайшая моя, – приблизился к ней Жеглард. – Кому все-таки вы верите? Пусть этот мальчишка помечтает. У нас с вами свой план. И, если юный Смерч в своем неведении поможет нашему черному замыслу осуществиться, я ему хоть сердце Золотого Дракона пообещаю! Лишь бы человека помог захватить!

– А потом, когда он выполнит свою часть работы?

– Потом я еще что-нибудь придумаю. Вам ли, прекрасная моя Антонина, не знать, как я умею вывернуть ситуацию в свою пользу, – Предводитель коварно улыбнулся.

– Не по нутру мне притворство, – поморщилась Антонина.

– Поэтому, бриллиантовая моя, вы – великая Воительница, а не политик... – Граф подошел к распахнутому окну и окинул взглядом затянутое мутной пеленой пространство. —Был бы светлым, так бы и воскликнул: «Красота!» Сыро, сумрачно, промозгло... От ближайшего болота так ароматно прелью несет! М-м-да... Мог бы дышать – вдохнул бы полной грудью! – Он повернулся к девушке: – А как это – дышать? Как – чувствовать?

– Господин, вы же различаете ароматы, воспринимаете

вкус еды, определяете цвет. Ощущаете холод и тепло. Только не реагируете болезненно на смену температуры. Не испытываете при этом движений души, мыслите рационально и хладнокровно.

– Перечисленные вами ощущения вполне естественны для сущностей темного плана. Мы же не смертные – нам не нужен свет, чтобы видеть, не нужен воздух, чтобы дышать. Мы – дети Великого Хаоса, гораздо выше людишек, намного ближе к Абсолюту. Но... есть одно «но». Мы неспособны на тонкие духовные вибрации. У нас лишь ощущения... не чувства... Да, есть определенная граница, за которую нашим эмоциям не перейти. Страх, ненависть, злорадство – пожалуйста! А вот радость, нежность – все эти нерациональные эмоции... Какие они?

– Увы, вам их не воспринять – так же, как и воздух, – в раздумье ответила Антонина.

– Безусловно, нам кислород не требуется, чтобы по венам жизнь нести. Черная кровь не нуждается в живительном обновлении. Прана нам не нужна. Но постоянно необходима энергия живых существ. Вот я и ставлю опыты – изучаю, как функционируют тела смертных, как их выгоднее использовать для достижения своих целей. Но более любопытны мне мысли и чувства. Научный, так сказать, интерес. Расскажите, дражайшая моя...

– Это просто, – медленно, словно вспоминая далекий сон, ответила Антонина. – Дышишь. Ощущаешь жизнь каждой

клеточкой тела. Чувствуешь биение сердца, его живое тепло. С радостью воспринимаешь душевные порывы... Порывы... души! – Она широко распахнула глаза, резко обернулась.

Жеглард, с ужасом отметив пробивающееся сияние в ее заповоленном тьмой взгляде, без промедления оградил себя противосолнечной защитой – и витиеватым плетением обездвигил деву.

– Что-то мы заболтались, – еле сдерживая животный страх и пытаясь унять дрожь в голосе, почти прошептал он и поднес к лицу Воительницы маленькую золотую табакерку.

С минуту внимательно наблюдал, как девушка вдыхает ядовитые пары, затем осторожно спросил:

– Вы помните, что на сегодняшнюю ночь у нас намечен очередной сеанс по изучению вашей сути? Дабы вычислить наконец, где искать вашу светлую ипостась и человека. Готовы, моя прелестная амазонка?

– Я готова служить своему господину, – бесцветным голосом проговорила девушка.

Предводитель с облегчением захлопнул усыпанную бриллиантами крышку табакерки и освободил Антонину от заклятия недвижимости. Еще бы немного – и не ворковать ему у грозной девы над ушком. «Следить надо за каждым словом... Болтун старый!» – мысленно выругал он себя и громко крикнул прислуге:

– Эй, кто там! Быстро подготовить нам шестую лабораторию! О готовности доложить незамедлительно!

– Господин, – робкий лакей низко склонил рогатую плешистую голову. – Там ваше присутствие необходимо. Нужно в темные подвалы проход через пространственные смещения открыть. Без вашего высочайшего повеления – никак!

– Ничего без меня не могут! – вскочил Жеглард и, аккуратно обогнув Антонину, вышел из залы.

* * *

За окном послышалось громкое хлопанье, затем drobный цокот копыт возвестил о прибытии ночного гостя. Черный огнедышащий жеребец, сложив громадные кожистые крылья, замер у высокого крыльца.

– Выгулять! Затем дать лучшего пива и накормить отборной мертвечиной! – спрыгнув на землю, бросил Нерц подбежавшему лакею. – Если заскучает, пусти его в амбар крыс погонять!

Юный Смерч легко взбежал по ступеням. Взглядом распахнув перед собой все двери, вихрем промчался по анфиладе роскошных комнат и ворвался в черную залу.

– Какая встреча! – обрадованно воззрился он на застывшую у окна Антонину. – Так и манит припасть к этим стройным ногам!

– Нижайше благодарю, Ваше Темнейшество, за оказанное внимание, – присела в глубоком реверансе девушка, привычно опустив взгляд. – Но попрошу вас быть осторожнее в своих выражениях и действиях. Что мне мешает в порыве стра-

сти этой самой ногой сломать вам нос?

– И что ждет тебя после подобного?! – вскинулся обескураженный ветреник.

– А вот это, князь, решать не вам, а моему господину, – холодно улыбнулась девушка. – Не думаю, что он будет в восторге, узнав о том, как вы обращаетесь с его со...

– Собственностью? – с наглой усмешкой перебил ее мальчишка.

– Соратницей! – вскинула голову Антонина.

– Собственностью! – гадко оскалившись, протянул Нерц. – А скоро, как только заветный дядюшкин сундук доверху наполнится сверкающими детскими слезами, эта строптивая прелестная собственность перейдет в мои руки!

– Несбыточные мечты, – надменно парировала девушка, а затем с презрением добавила: – Детские слезы – звучит ужасно. И как вы вообще на такой бизнес сподобились, князь?

– Да что вы говорите?! – язвительно скривил губы ветренный красавец. – Смех, да и только! Если б мог, расплакался бы от умиления! Обращенная светлая Воительница пытается воззвать к моей совести!

– Мне просто мерзко от того, какой ты... мерзкий! – Антонина в гневе забыла о придворном этикете.

– И это говорит та, что с одинаковым рвением рубит своим огненным мечом и живых, и нежить? Рвет в клочья любого, на кого направлен указующий перст господина? Кто из нас после этого беспринципный?

Ответом ему был быстрый, почти незаметный, но от этого не менее действенный тычок под дых. Нерц согнулся пополам и тут же, получив сокрушительный удар между лопаток, растянулся на дорогом ковре. Антонина движением ноги перевернула его на спину, наступила на горло. Острый каблук жадно впился в область сонной артерии. Капля черной крови проступила на жилистой шее.

– Был бы жив, уже давно был бы мертв! – примирительно поднял одну руку Смерч, второй пытаюсь отодвинуть на безопасное расстояние стройную ногу в замшевой туфельке, на время превратившейся в грозное оружие.

Князь не испытывал физической боли. Но в груди разгорался стыд: подумать только, какая-то девка заставила его уткнуться носом в пол! Впрочем, он из последних сил пытался сохранить лицо в такой щекотливой для себя ситуации.

– Сдаюсь на волю прекрасной Воительницы!

– Слабак! – Антонина с презрением разглядывала поверженного князя. – Я всегда тебя побеждала! – Она на секунду замерла и, тщетно пытаюсь что-то вспомнить, тихо повторила: – Всегда... что? Побеждала?

– Что здесь происходит? – в зале появился Жеглард.

Он почти подбежал к племяннику, быстро осмотрел его, оценил обстановку:

– Уберите ногу, Антонина! Такое поведение по крайней мере граничит с безумием! Оно способно разрушить все мои гениальные замыслы! Где ваше гостеприимство?

Антонина хлестнула Предводителя гневным взглядом, от которого тот мгновенно сжался, но сдержала эмоции, отпустила Нерца и в глубокой задумчивости направилась к окну.

– Князь! – с деланным подобострастием склонился Желгард над родственником. —Поднимайся, племянник... Как самочувствие?

– Ничего не ощущаю, дядя! Ничего вокруг не вижу от дикого, неумемного желания отомстить! Три сундука слез отдаю, но чтобы к утру эта стерва была у меня! – Нерц вскочил, провожая удаляющуюся девушку разъяренным взглядом. Ранка у него на шее быстро затянулась, не оставив следа. Черная кровь пылью осыпалась с мраморно-белой кожи.

– Успеется... – примирительно прошептал ему на ухо дядюшка. – Всё успеется. Ты только о бриллиантах не забывай да о нашем общем деле. Месть – она сладка, когда каждый шаг выверен, когда всё подготовлено, спланировано. Нахрапом брать – никакого вкуса не испытываешь. Хлопнешь в ожесточении муху и сам потом не вспомнишь о ней. Лучше всё заранее продумать, предусмотреть – чтобы надолго растянуть сладость наслаждения мучениями чужими... Я тут лабораторию подготовил. Не желаешь попристествовать? Хочешь в естество Воительницы заглянуть? Почувствовать, увидеть своими глазами, что такое – сознание?

Нерц слегка успокоился и заинтересованно глянул на отошедшую к дальнему окну Антонину:

– В естество заглянуть? А что? Я с наслаждением погру-

жусь в суть этой бунтарки! С вожделием зачерпну ее эмоций...

* * *

В подземной лаборатории на отделанных черным мрамором стенах не отражалось ни блика света. В зеленоватом сиянии приборов внутри большого, отлитого из толстого стекла агрегата, напичканного темнопространственной магией, в полуметре над решетчатым полом парила зачарованная Антонина. Ее длинное платье и распущенные волосы искрились от напряжения.

– Знакомое колдовство, – вздрогнул юный князь.

Он не раз наблюдал за экспериментами дядюшки. Но в последнее время эта процедура начинала вызывать у него то ли раздражение, то ли просто животный страх. Ему стал сниться один и тот же сон: словно он сам парит в полупрозрачном зеленом мареве, вытягивающем из него что-то ценное, такое важное, так давно забытое... «Но это всего лишь сон», – успокоил себя Смерч и повернулся к Жегларду:

– Дядя, у тебя и у меня – разум. А почему тогда у нее – сознание? Она что, всё еще от Света не освободилась? Возможно ли вообще такое в нашем пространстве?

Жеглард, поманив племянника за светопоглощающую перегородку, развернул перед собой энергетический экран и нажал одну за другой несколько кнопок на полукруглом пульте, затем загадочно произнес:

– У светлых есть и разум, и сознание. А у темных – только разум. Много веков назад я совершил величайшее открытие! Собрал воедино разрозненные частицы знаний, обработал информацию и издал многотомный труд, в коем описан метод извлечения светлой сути из человеческих (и им подобных) существ. И моя метода безотказно действует до сих пор!

– Что в этом величайшего? – фыркнул князь. – Лишняя головная боль – ковыряться в этих светлых эмоциях и добреньких чувствах. Стоит ли, дядя, время на них тратить?

– Смотри внимательно, – кивнул Нерцу граф. – Лишь воздействуя на разум светлого существа, по каплям выдавливая его сознание, добавляя чуждые мировоззрения и подменяя изначальные догмы выгодными нам понятиями, мы загоняем потерявшегося в своих сумбурных мыслях индивида в ловушку тьмы.

На экранах отобразился всплывающий над девушкой тысячелепестковый лотос. В зеленоватом полумраке его сияние было бы нестерпимым для нежити. Но Предводитель заранее позаботился о безопасности, установив непроницаемую защиту.

– Светлая, что ли? – в страхе дернулся тщедушный Смерч. – Так она меня сегодня запросто бы завалила! Выходит, ты ее не до конца обратил? Силы Тьмы... Предупредить надо, дядя!

– Не руби сгоряча! – осадил его Жеглард. – Ты же знаешь,

дражайший мой племянник, сами мы плодиться не можем. Только с помощью человеческих женщин... Или обращая к тьме такие вот светлые сущности... Что я и делаю постоянно... Смотри же!

Машина натужно загудела, воздух вокруг Воительницы задрожал, сгустился. И сияющие лепестки один за другим стали наливаться мраком.

– А вот еще, стремительный мой, гляди, что я в ее контуре открыл! – Предводитель повернул рубильники, передвинув на пульте несколько фейдеров¹⁴, увеличил поток входящей энергии. Пред взором Нерца распахнулось многомерное сознание Антонины.

– Все-таки – сознание! – стиснул кулаки мальчишка.

– Да не суетись ты, порывистый мой! – осадил его дядюшка. – Вот тут, гляди, непомерная, огромная емкость. Она пустая. Сколько места без дела пропадает! – сетовал Предводитель. – Я туда невероятные пласты зла пытался закачать! Всё без толку. Тьма не приживается там, где даже просто энергетический след высшей светлой субстанции остался.

– Какой субстанции?

– Любовь там была...

Жеглард шипел и плевался. Его страшно коробило даже от следа Любви. Но он всё равно изучал, стремился понять это антинаучное, иррациональное с его точки зрения чув-

¹⁴ Фейдер (*англ.* fader, от fade – «затихать») – орган управления параметрами физического или виртуального устройства, регулятор ползункового типа.

ство.

– С другими эмоциями девы справиться было проще, – продолжил ученый. – Открыв их прежнее местонахождение, мне не составило особого труда заполнить опустевшие емкости темной энергией.

– Опустевшие?

– Именно так. Воительница сознательно пожертвовала собой много веков назад, в той легендарной битве. Сначала отделила от себя Память и Проницательность. Потом одну за другой высвободила сущностные программы, чтобы стремительность в бою не сковывали. Расслоила себя, чтобы тьму удержать, время потянуть... На Надежде одной продержалась долго. Помнишь, я тебе рассказывал о столбе белого пламени? Любовь – великая сила. Именно она за миг тьму уничтожила. Кстати, родителя твоего стремительного именно Любовью наша амазонка разметала. И весь его Чернокрылый Легион одним махом сокрушила...

А вот сын великого военачальника наотрез отказался военную карьеру унаследовать, – он неодобрительно глянул на племянника. – В бизнесмены подался. Где это видано, чтобы аристократ, наследник грозной династии Темных Рыцарей, купеческим делом занимался? Вот в наше время...

– Дядя, не нуди, – отмахнулся юный князь. – Тебе в Предводителях комфортно – и замечательно... Плевать, если честно, мне на династические привилегии. Сам видишь, чем военная карьера грозит... Не по мне эти ратные подвиги

и вероятность сгинуть в один миг...

Кроме того, Всетемнейший сам дозволил мне открыто заниматься тем, чем вы все, кичась происхождением, занимаетесь исподтишка. Вспомни хотя бы Причерногорские виноградники и подземные винные заводы. Пусть они оформлены на тещу твоего советника, но кто настоящий владелец винного производства, мы-то с тобой знаем...

Он многозначительно глянул на Жегларда и, как ни в чем не бывало, весело продолжил:

– Но мы отвлеклись от темы. И что, нет теперь у твоей амазонки Любви? Взорвала моего папашку и сгинула безвозвратно?

– Если бы! – покачал головой исследователь иррациональных чувств и душ людских. – Эта субстанция исчезнуть так просто не может. Неубиваемая энергия Вселенной, мрак ее возьми! – скрежетнул Жеглард острыми зубами. – Любовь покинула тело нашей Воительницы, но в пространстве ни на йоту меньше ее не стало. Вышла из тела, растворилась в мире...

Но, если посмотреть с другой стороны, это даже нам на руку. Для опытов. Ты не представляешь себе, бесценный мой, сколько шпионов после той легендарной битвы по уте-су шныряло в поисках частиц ее естества. А сколько погибло, наткнувшись на солнечные искры... Бездарные, бездарные слуги... Создаешь нежить, стараешься! Силы и время на их перевоплощение тратишь, а они не в состоянии оценить

ни моего величия, ни оказанной им милости. Вот и мрут от Света как мухи...

Но вернемся к нашей подопечной... Вот смотри, – он подкрутил ручки потенциометров. – На всех диаграммах четко прослеживается: от Любви остался только след. Память и Проницательность – абсолютный ноль. Радость, Гордость и Мужество добровольно отделились и в одном ряду с Воительницей наши армии тогда громили... Тоже на нуле их потенциал в этом теле. Остальных чувств – не более трех процентов. И на этих жалких процентах – на малой толике Надежды – амазонка целых восемьсот лет продержалась! Да она просто смеется надо мной!

И ты до сих пор думаешь, я ее поработил? Каждую неделю всеми правдами и неправдами мне ее в эту банку консервную приходится заманивать, тьмой напитывать. А разума – независимого от Света Вселенной ума – как не было, так и нет! Всё еще сознание у нее, а не разум. Вот и остается мне ласковым дядюшкой прикидываться. Повелевать этой девой по-настоящему я еще не в силах.

Нерц даже не удосужился подумать о том, что граф мог делать со светлой энергией... Ну изучает, опыты свои проводит – да и пусть себе тешится... Его интересовало совсем другое:

– А чего Антонина в том страшном бою в режиме самоуничтожения сражалась? Отступила бы, сбежала, наконец. Но зато в живых бы осталась.

– Не понимаешь ты сути светлых. Они готовы в жертву себя принести, только бы идея не погибла. Вот и разбила себя дева на части, чтобы сознание человеческое и Нину белокурую спасти.

Убедившись, что сияние лотоса перешло в инфракрасную фазу, Нерц осторожно вышел из-под защиты и подошел к мерно гудящему агрегату. Открыл стеклянную дверь, заглянул внутрь магического аппарата, потянулся к Антонине. Осторожно взялся за изящную тужельку, нежно провел рукой по тонкой щиколотке, добрался до округлого колена, с вожделением произнес:

– Теплая, вкусная!

Замер в предвкушении, решая, что сделать дальше с недвижимой и такой желанной девой, но вдруг по руке его пробежали синие искры. Вспышка электрического разряда! И Смерч, пулей пролетев метров десять, с размаху впечатался в мраморную стену.

– Забыл предупредить тебя о жесткой защите даже в беспмятном состоянии, – ехидно ухмыльнулся «добрый» дядюшка. – Эпохи сменяют друг друга, а женским капризам нет конца. Без них, поверь, мой юный князь, куда спокойнее. Ты это поймешь... хотя и со временем. – Он внимательно осмотрел Антонину и добавил: – А вот у меня к ней чисто научный интерес!

– Надеюсь, что мой ненаучный интерес к особям противоположного пола не иссякнет никогда, – потирая обожжен-

ное запястье, вернулся к защитному экрану Нерц. – Иначе от скуки взвыть можно. Наука мне – до фонаря. Война вообще не привлекает. Твои таланты по части одурманивания сознаний – уж точно не для меня. Что тогда останется? Бизнес, бесконечное накопление? Да моя казна скоро по швам трещать начнет! Говорят, богатства много не бывает... Бывает! Еще как! И с каждой ночью его всё больше и больше... И что прикажешь? Как дед троюродный, над добром накопленным чахнуть? У него лишь одна страсть – золото-камни-самоцветы! Аж бороденка трясется от натуги. Противно...

– Молодость! – хитро улыбнулся Жеглард.

Нерц изучающе посмотрел на дядюшку: сколько же ему лет... точнее, веков? На вид – лет тридцать. А на самом деле, может быть, и все тридцать тысяч...

* * *

Ожидая полного затемнения сознания Воительницы, злобные родственники перешли к обсуждению всех тонкостей захвата человека и его Светлой Сущности. Предварительный план был готов. Оставалось еще найти точку входа в Светлое пространство.

– Ага! – вспомнил вдруг князь. – Я, когда сюда летел, медведя внизу видел!

– Поохотиться решил?

– Дядя, послушай, – нетерпеливо поерзал в кресле Нерц. – Кто у нас свободно сквозь разнополярные пространства хо-

дит?

– Медведь! – Граф изумился, как это ему самому не пришла в голову такая простая и такая блестящая идея.

– Так отследи его звездный путь. Лови косолапого и шагай вслед за ним сквозь портал!

– Заморочим и вместе со зверем на Светлую сторону попадем! – обрадованно потер руки Жеглард. – А тыобразительный не по годам! Когда твой родитель в той страшной битве погиб, тебе всего-то лет четыреста от темного воплощения было. Молод, конечно... Но вдовствующая маман во всеуслышание заявила, что ты вполне способен возглавить род и заняться делами семьи. Регентшей становиться наотрез отказалась, сразу передала бразды правления в твои тогда еще неокрепшие руки. И не прогадала!

Он торжественно поднял бокал с выдержанным коньяком и с пафосом провозгласил:

– За твои таланты и успешное воплощение нашего коварного замысла!

* * *

Под утро приборы в шестой лаборатории вдруг сошли с ума. Кинувшись к обзорным экранам, Предводитель с ужасом наблюдал за стремительным высветлением естества амазонки. В Светлом Запределье наблюдался чудовищный выброс солнечно-жизненной энергии. Приборы четко зафиксировали эпицентр взрыва, проследили движение солнечных

частиц и вывели на экран точку входа в Светлое Запределье.

– Они сами показали нам дорогу к своему дому, – коварно скалился Жеглард, аккуратно снижая при этом световой потенциал в теле и сознании Антонины.

Но Нерцу надоели осторожные манипуляции дядюшки. Резким движением воздуха князь одним щелчком загнал все фейдеры в положение сверхтьмы. Мир вокруг полыхнул.

Жеглард, замерев, в смятении наблюдал за показаниями приборов. Затем шумно с явным облегчением выдохнул.

Нет! Сознание Воительницы не преодолело своего предела! Тьма жестко держала ее в объятьях. Антонина открыла глаза, огляделась, легко выпорхнула из аппарата и опустилась на мраморный пол. Она стояла посреди лаборатории, горделиво выпрямившись. Полупрезрительная и в то же время хищная улыбка змеилась на ярко очерченных губах.

Предводитель с опаской вышел из-под защиты контура и сбоку осторожно заглянул деве в глаза:

– Неужели получилось?! – Он расправил плечи, встав напротив Воительницы, и, воздев руки, торжественно провозгласил: – Да пребудет в нашем пространстве еще на одну темную сущность больше! Да послужит мне эта дева орудием мести! Да сотрет она с лица земли всех, на кого укажу я – ее наставник и господин!

Нерц непроизвольно поежился: на него в упор смотрела холодная, уверенная в себе нежить. Красивая до умопомрачения! Отталкивающая и одновременно заворачивающая,

манящая своей пугающей неразгаданной силой.

– Вот тебе, дядя, и Раз-Ум во всем своем великолепии! – с чувством выполненного долга потер он руки. – Сделаем дело – сразу мне ее отдашь!

– То тебе златовласку на блюде подай, то Воительницу, – ухмыльнулся его нетерпению граф. – Ты для начала в узде этих дев держать научись. Или хотя бы одну из двух выбери.

– Не могу! – выдохнул ветреный мальчишка. – Они обе мне нужны! Как небо, как простор необъятный!

– Полегче, юный князь!

Дядя пристально всмотрелся в яркие эмоции на лице племянника, ставшем вдруг таким... одухотворенным, что ли? Глаза Нерца сияли до того жадным огнем, что Жегларду неожиданно пришла в голову странная мысль о неуместном на первый взгляд родстве этих юных (с его точки зрения) созданий. Что-то их объединяет – князя-ветреника и деву-амазонку... Но – что? Может быть, всё та же давно забытая Предводителем молодость со всей своей страстностью, необузданностью стремлений и желаний?

Но разве темные способны на такие переживания, пусть и в молодом возрасте? Граф еще раз внимательно взглянул на юношу: по всему видно, что изначально сущность была светлая и довольно сильная. И, судя по живым эмоциям, до конца не обращенная, не прошедшая обряд невозвращения сути.

«Кто же ты на самом деле, ветреный мой племянник?» –

почесал острое ухо ученый муж и вдруг понял, что на протяжении многих столетий так и не удосужился проверить суть Нерца. Старый Смерч перед самой кончиной что-то важное хотел поведать своему родичу и соседу, но не успел. А Желлард закрутился, погряз в рутине...

Старый крючоктвор покачал головой и пообещал себе после успешного порабощения Светлого Сознания вновь вернуться к этому вопросу.

ГЛАВА 16

Сергей уже который день начинал с пробежки. Прохладный песок узкой дорожки приятно охлаждал босые ступни, легкая спортивная одежда не стесняла движений. Сегодня Клавдия его не сопровождала: у белой собаки нашлись неотложные дела.

«И хорошо, – подумал доктор, – можно расслабиться, не контролировать мысли. В конце концов, отдохнуть от ее навязчивого присутствия в своей голове».

Раннее утро было теплым и радостным. Укрывшиеся в густой листве птицы встречали зарю многоголосым пением. Шелестела омытая ночным дождиком листва, сочная трава по краям тропинки весело зеленела. Солнце поднималось над горизонтом, мир просыпался, начинался новый день. Так здорово было, ни о чем не задумываясь, бежать и бежать вперед, вдыхая насыщенный запахом трав и цветов воздух,

и только привычно отсчитывать шаги и удары сердца.

Сергей направился по проверенному маршруту: от дома, по прямой, его путь выходил на широкую поляну с высокой росистой травой. Затем тропинка взбиралась по крутому склону холма, петляя под сенью деревьев. Пересекала земляничный бугор, уходила еще дальше, вверх по каменной россыпи к горной гряде и замирала над высоким обрывом небольшой круглой площадкой. Человек, выравнивая дыхание, с минуту стоял над темным, еще не освещенным солнечными лучами лесом, простирающимся у подножия горы. Затем разворачивался и с ускорением мчался вниз, к берегу полноводной реки до аккуратной, чисто выбеленной теперь баньки.

Завершив пробежку, доктор, не раздеваясь, как был в шортах и футболке, с наслаждением прыгнул с высоких мостков в речную прохладу. В зеленоватом полусвете подводного мира, пронизанного солнечными лучами и искусно задрапированного ажурными водорослями, царила своя, незаметная сверху, жизнь. Стайка серебристых рыбок, встревоженная его внезапным погружением, метнулась к мелководью. Но, освоившись, мальки деловито засновали вокруг незваного гостя: «Зачем приплыл? Чего принес? О чем расскажешь?» Вот, лениво шевеля яркими плавниками, из чащи подводных зарослей появился хищный окунь. Заметил рыбу мелочь, но не приблизился, побоялся вторгшегося на его территорию странного существа. Кто знает, не

решил ли нырнувший человек поохотиться на него? Лучше спрятаться от греха... Юркие рыбки были в восторге от такой неожиданной охраны. Сергей поневоле задумался: интересно, это он сам себе чего-то подобного навообразал? Или и вправду ощутил, почувствовал, что думают маленькие пескаришки?

Время от времени выныривая, чтобы набрать воздуха, человек греб всё дальше, любуясь придонными красотами. Затем выплыл на поверхность, огляделся. Небо над ним было безоблачным, бескрайним и сапфирово-лучистым. Вокруг жила-дышала летняя благодать. Сергей безмятежно лежал на воде. Течение спокойной широкой реки неспешно и плавно несло его, легкая зыбь отражала веселые лучи, и искрящиеся солнечные зайчики прыгали в волнах вокруг купальщика. Доктор оглядывал окрестности, любовался зелеными берегами. Хорошо-то как! А вон ту небольшую заводь Нина Петровна как-то назвала русалочьей. Течение там совсем слабое, крутой берег нависает над темной водой...

Вдруг на сонной глади что-то блеснуло, легкий ветерок донес то ли шепот, то ли еле слышное пение. Сергей ощутил неясную тревогу... но тихие мелодичные звуки манили, влекли к себе. Что там? Вновь погрузившись в глубину, одинокий пловец устремился к заводи. Сквозь темную толщу воды прорисовались неясные силуэты – незаметно приблизились, начали окружать, стараясь замкнуть ловушку. А человек спокойно плыл под обрыв, не ощущая и тени опас-

ности... Но тут под него кто-то резко поднырнул, заставив быстро подняться на поверхность.

– Ты что, тины наелся?! – невесть откуда взявшаяся маленькая белокожая девочка уже тащила его к противоположному берегу. Ярко-зеленые водоросли в ее прическе замысловато переплетались с густыми прядями медно-рыжих волос. – Прямо в когти русалкам отправился! Еще немного – заплыл бы под обрыв в полутьму, и – всё!

– Что – всё? – доктор, отплевываясь, загребал одной рукой. За вторую его, взрывая вокруг пенистые буруны, волокла красноволосая малютка.

– Съели бы! Ам! – зубом ядовитым! И – всё! – девочка, проявив недюжинную силу, буквально закинула мужчину на высокие мостки и, стараясь унять волнение, сделала еще несколько больших кругов, заплывая под дощатый настил и вырубивая оттуда со скоростью моторной лодки.

– А! Да ты же сама – русалка! Вон хвостом как загребаешь живо! – внимательно разглядывал ее Сергей.

Пловчиха, резко затормозив, остановилась напротив него и, сердито сдвинув золотистые бровки над голубыми миндалевидными глазами, с достоинством произнесла:

– Мы – мавки. У нас и кровь теплая, и сердце бьется. И вообще, наши ближайшие родственники – дельфины, а не русалки! – с обидой в голосе закончила свою тираду девочка.

– Я так понимаю, мавки и русалки – разные виды? – уточнил человек.

– А хищники и травоядные – один вид? Или динозавры с млекопитающими? – вопросом на вопрос ответила та. – И вообще, как можно живое существо с нежитью сравнивать?

– Ну извини, – Сергей примирительно протянул девочке руку. – Я издалека. Только учусь. Здесь вообще для меня всё ново, необычно. Раньше я не только о мавках, но и о разумных белках подумать не мог.

Она радостно протянула для рукопожатия длинную изящную ручку. Сергей задержался на ней взглядом: кожа светлая, но не синюшно-бледная или зеленоватая, а бежевая, как у человека. И в то же время отливает перламутром, словно сияет изнутри. Узкая теплая (действительно, теплая!) ладошка. Меж тоненьких пальцев – полупрозрачные перепонки.

Они быстро нашли общий язык. Маленькая мавка с удовольствием отвечала на вопросы человека и задавала свои. Новую знакомую Сергея звали Плионой, младшей царевной. Мавичье царство было большим, имело много сильных воинов-мавов. Поэтому русалки сегодня побоялись навредить представительнице царского рода (да и не смогли бы!). И она спасла Сергея. А он, неблагодарный, даже и не понял, какой опасности избежал...

– У нас в роду сотни славных воинов. А братик мой, Эльмар, вообще герой из героев! – девочка, по пояс высунувшись из воды, эмоционально размахивала руками. – Под толщей океана как-то тектонический разлом случился. Трещина такая огромная образовалась – ужас! А там – субмарина!

А в ней ядерное оружие! А эту лодку на подводные скалы со страшной силой понесло! Случись что – в этой части океана надолго ничего живого не осталось бы. Да что – оружие! Там, в лодке этой, капитан был. Я подробностей не помню, но взрослые мавы меж собой говорили, что, если бы он погиб, человечеству в вашем мире еще долго такого героя не довелось бы возродить.

А мой братик – один из восьми Хранителей Большой Земли. Он против волны пошел, хвост в ноги обратил, уперся ими в дно, сдержал стремительный поток, громаду водную остановил, лодку на скалы не пустил!..

Плиона заметно погрузнела:

– А теперь Эльмарчик не может хвост обратно вернуть. Что-то у него в хребте от неимоверного напряжения повредилось. А кто-то говорит, что он это увечье получил, взяв на себя ответственность за изменение хода человеческой истории. Но я слухам не верю. Это же всего-навсего слухи? – взглядом она словно просила Сергея помочь ей утвердиться в своем предположении.

Девочка утерла скатившуюся слезинку, вздохнула, а через миг встрепенулась:

– Но он всё равно молодец и герой! И без хвоста, с одними ногами плавает, самым сильным отрядом морских стражей управляет!

Вдруг вода у берега взволновалась, забурлила, и к мосткам подплыли несколько затянутых в полупрозрачную бро-

ню мавов. Старший брат Плионы царевич Эльмар вышел на берег. Одну ногу он немного подволакивал, и Сергей опытным взглядом невролога определил, что мешало юноше свободно двигаться.

Царевич пристально посмотрел на человека, словно читая его мысли, поприветствовал крепким рукопожатием и задержал ненадолго ладонь Сергея в своих руках.

– Ты мне поможешь? – без лишних расшаркиваний спросил он.

– Я постараюсь, но за результат отвечать пока не могу, – Сергей сразу понял, о чем просит молодой мав.

– Я готов тебе довериться, – ответил воин и легко поднялся из воды, принимая горизонтальное положение. Он словно лежал на невидимом массажном столе, вытянувшись в воздухе перед замершим на мостках Сергеем. С длинных, свободно ниспадающих каштановых волос стекали крупные капли, громко шлепаясь в воду.

Сергей глубоко вдохнул, закрыл глаза и поднес руки к влажной спине Эльмара. На смугло-золотистой коже отчетливо просматривались красивые мышцы. Но – только до середины спины. Ниже подкожный рельеф полностью отсутствовал.

Человек раскрыл-активировал внутренний взор, перешел в режим энергоинформационного взаимодействия, сконцентрировался. Обратившись к Солнцу, испросил разрешения быть проводником его силы. Солнце сразу откликнулось

на призыв, и сознание Сергея заполнил яркий Свет. Жизненный контур человека засиял, завибрировал, исполнился необычайной мощи и благодати.

Доктор переслал силу Света из внутреннего источника в кончики пальцев. Ощутил, измерил потенциал и направленность. Провел рукой над спиной славного воина, раскрывая его энергетический контур. Прислушался к нервным импульсам – отметил не только явное смещение рас, но и множественность генотипов. На секунду задумался: как с таким материалом работать? Затем, как обычно, взвесил душу, определил частоту волновых вибраций, эмоциональный фон и костную проводимость. Настроился на параметры биополя и приступил к работе. Сначала обследовал мышцы спины, проверил целостность сухожилий, определил места излишнего растяжения связок, пробежался энергией Солнца по позвонкам, перешел к нервным окончаниям.

Вот он, очаг воспаления! Аккуратно приподнял смещенный позвонок, высвободил тонкий волосок нерва, еще один и еще... Подал энергию на истонченный межпозвоночный диск, наполнил его сиянием, запустил процесс регенерации. Хрящик с радостью отозвался, засверкал. За ним и другой наполнился жизнью, занял свое место. Следом потянулись в нужное положение и позвонки. Тонкие спинномозговые корешки, до этого безжизненные, налились силой, зазолотились, по ним побежали веселые искорки. Нервные окончания за считанные минуты пришли в норму. Целитель с удо-

влетворением отметил, как качественно и быстро выросли прочные волокнистые образования, соединяющие мышцы с костями скелета. Затем, вода заряженными солнечной энергией руками над спиной мава, с интересом наблюдал, как под воздействием Света один за другим восстанавливаются нервы, как бегут от них мощные импульсы, как споро наливаются силой мышцы, воссоздаются сухожилия, заполняются кальцием хрупкие до этого скелетные кости... Операция завершилась.

«Так быстро?» – удивился и в то же время обрадовался Сергей. Он с поклоном поблагодарил Солнце за поддержку, вернулся в обычное «человеческое» состояние, на всякий случай еще прошелся руками, обследуя спину мава привычным тактильным методом, и остался доволен: пациент полностью здоров!

– Вот и всё, Эльмар, можно подниматься, – обратился он к царевичу.

Тот стремительно развернулся в воздухе, зависнув напротив человека, и с надеждой, но в то же время и с опаской посмотрел на свои затянутые в чешую стройные ноги. Затем глубоко вдохнул, на секунду замер, решаясь. Гибко изогнувшись, нырнул в воду и под торжествующие крики соратников выпрыгнул из волн в красивом сальто, широко взмахнув в воздухе прекрасным хвостовым плавником.

Маленькая царевна радостно всплеснула руками:

– Братик, я знала! Я верила!

Взволнованные воины с ликующими криками подхватили Сергея, утащили в реку и несколько раз высоко подкинули метров на пять над водой – даже дух захватило! Каждому хотелось пожать ему руку, хлопнуть по плечу и всячески выразить признание. Они возбужденно галдели, смеялись и перешучивались, словно школьники, совсем забыв о статусе суровых стражников. Затем опомнились, извинились и аккуратно вернули человека на деревянные мостки.

Молодой царевич просто сиял. Он что-то сказал сестренке, тепло попрощался с Сергеем замысловатым рукопожатием, пообещав помощь и защиту, если потребуется, и отплыл вместе со своим отрядом на середину реки.

– А у меня для тебя подарок есть! – Плиона, покачиваясь на волнах, задорно сверкнула бирюзовыми глазками. – Только дождись, не уходи. Я быстро. К океану и – назад!

– К океану? – Сергей, оставшийся сидеть на помосте, ошарашенно смотрел на расходящиеся по воде круги.

Прошло секунд двадцать, и маленькая царевна вынырнула из воды.

– Вот! – она протянула ему большой острый шип сантиметров пятнадцать в длину. – Осторожно! Он секретом фоламидиевых устриц пропитан, в вашем мире таких нет. Да и в Запределье эти устрицы очень редко встречаются. Я шип в камышинку воткну, чтобы ты не поранился. Тростинка полая внутри – вот и будет мой подарок у тебя на шее в таком чехле, будто в ножнах. А нитку я из прозрачной водорос-

ли-невидимки сделала – амулет никто чужой не заметит. Не расставайся с ним. Он ждет своего часа заветного, исполнит свое дело и в час возвратный. Только ты не подведи.

– А для чего мне такой опасный талисман? – Сергей наклонился, внимательно осмотрел подношение.

– Так мы, мавки, зря никого не одариваем! – с улыбкой ответила девочка.

Сергей взялся было за влажный стебель, и в этот момент маленькая пловчиха, не выпуская тростинку из рук, скороговоркой произнесла:

Ты беги-беги-беги.

Не страшны тебе враги.

Крепко узел ты скрепляй, мыслью нечисть истребляй.

Только в черные глаза

Не гляди, не ускользай

В чарах огненной луны с оборотной стороны.

Сердцу к жизни путь открой,

Снегом с Синих гор омой.

И не вздумай, глядя вспять, обещанья раздавать.

Ощути потоки звезд

И ступай на новый мост.

И пойми – почувствуй вновь, что есть Жизнь, а что – Любовь.

Память в мире грез найди,

Сердце дважды разбуди.

Каменную дверь пронзи, имя вслух произнеси.

Будет пусть неведом страх.

Жизни свет в твоих руках.

Грань небес не перейдешь, не решишься – не спасешь.

Затем, белозубо улыбнувшись опешившему человеку, нырнула и выплыла на поверхность уже метрах в двадцати от берега, помахала на прощание рукой и присоединилась к своим сородичам. Через миг водная гладь успокоилась. Будто и не было никого...

В голове у Сергея роились мысли: что за белиберда? Как можно ускользнуть в чарах? И куда бежать надо? Что за враги, которые не страшны? Зачем нужно пронзить каменную дверь? Откуда ее взять? Ведь все двери, что он видел во время пребывания в Запределье, были деревянными. Почему надо дважды будить сердце? Как будто одного раза недостаточно... Сто вопросов и – ни одного ответа.

«Ладно, всему свое время. Позже разберусь», – решил он, поднимаясь на ноги.

На ладных перильцах широких деревянных мостков висело большое льняное полотенце. «Нина Петровна позаботилась», – теплом пробежалась по сердцу благодарность.

Сняв шорты и футболку и развесив их на ветке дерева, Сергей высушил мокрую одежду с помощью нарисованной в воздухе древней руны, движением руки отправил в свою

спальню, в гардеробную. Затем, завернувшись в плотную ткань, словно римский император, зашагал по тропинке к дому.

ГЛАВА 17

Черти бились об заклад. Три сильных молодых прядильщика – выматывателя человеческих – душ поспорили, кто же из них первым доведет представителя людского рода до самоубийства. Поначалу бесы решили размотать на нитки приглянувшиеся им семейные пары. Но, посоветовавшись, расширили зону поиска до взрослых детей, живущих вместе с престарелыми родителями.

Скрытые мраком ночи, бесы расположились на крыше беседки посреди двора, окруженного тремя старыми панельными домами. Каждый чутко прислушивался, стараясь уловить знакомые отрицательные эмоции. В обшарпанных девятиэтажках за сорок лет накопилось много недовольства и боли. Но зачастую агрессивные импульсы компенсировались добрыми чувствами. Поэтому бесы, выбирая очередную жертву, тщательно взвешивали и анализировали семейные ситуации.

Скользкий и верткий Штырь с острыми маленькими рожками и прилизанной, словно промасленной шерстью, чутко прислушался к расходящимся от домов эмоциональным реакциям. От усердия он даже несколько раз ударил себя по

бокам длинным облезлым хвостом – ну никак не сиделось на месте! Вертлявая нежить быстро выбрала для себя объект, сознанием которого приготовилась манипулировать. Штырь решил, что легче всего добиться цели, вырвав сердце, а заодно и почву из-под ног, а вместе с тем и желание жить у неуверенного в себе мужчины, вечно подозревающего супругу в измене.

Поведя острым ухом, шустрый чертяка вычленил из ночной тишины явные признаки гнева и злого торжества, флюиды раскаяния и стыда, очевидный и такой головокружительный (для нежити) страх пойманной на измене женщины. Жадно оскалившись, мерзкая сущность приготовилась руководить ссорой, чтобы довести накал страстей до точки кипения.

Второй шишига, неторопливый Харитон, почесав когтистой лапищей огненно-рыжую курчавую голову и в который уже раз смачно облизнув мокрый пятак, предпочел не искать новых путей. Он приглядел пропитого тридцатипятилетнего детину в разорванной ветровке, «на последнем издыхании» ввалившегося в квартиру и уснувшего прямо на пороге, под ногами матери-старушки.

Ближе к полуночи с выбором определился и третий спорщик. Расфранченный Сигизмунд, смахнув отполированным когтем пылинку с расцветенного бриллиантами парчового сюртука¹⁵, взвесив все за и против, с жестокой улыбкой седи-

¹⁵ Сюртук – мужская верхняя двубортная одежда в талию с длинными полами.

ста завладел помыслами мелкого служащего, которого всю шпыняло начальство. Но зато как этот конторский недотепа разворачивался, лишь ступая за порог своего жилища! Бедная его жена...

По-свойски разместившись в людских телах, черти слегка «подвинули» мелкую нежить, давно орудующую в сознании тех, на кого нацелились трое дипломированных выматывателей душ:

– Вы чё это без должного распоряжения на нашу добычу заритесь? – всколыхнулась мелкотравчатая чернь. – Не видите что ли: давно на этом месте сидим, жилы из людей тянем. Самим порой пропитания не хватает от этих людишек. А вы всю энергию из них за ночь выпить решили... Куда нам потом деваться? Достойные жертвы по всей округе давно заняты.

– Не пылите! – рявкнул Харитон. – Работаем в соответствии с высочайшей резолюцией. Свой процент эмоций получите, как полагается в таких случаях! Или вас самих выпить без остатка?!

Серая нежить, опасаясь быть растленной, расплзлась по углам, скорбно жалуясь на несправедливость местных законов. Не обращая внимания на поскуливание кикимор, беспринципные нахалы обозначили сумму выигрыша, ударили по рукам и принялись изобретательно воздействовать на сознание выбранных ими жертв, перекрывать доступ свежим, живым идеям и наполнять тьмой податливые, закостеневшие

от низких вибраций умы...

Первым «откликнулся» на мрачный призыв подопечный шустрого Штыря. Прежде всего бес «помог» неверной жене оставить разблокированный телефон на видном месте. А затем, подливая злобных и отчаянных эмоций в душу то одного, то другого супруга, вертлявый подстрекатель искусно довел ссору до рукоприкладства.

На балкон выскочила растрепанная блондинка с большим кухонным ножом. Схватив импровизированное оружие двумя руками и защищаясь им как мечом, повернулась к застывшему в проеме мужчине и ожесточенно прошептала:

– Не подходи, Георгий! Больше ты меня не тронешь... Никогда!

– Я всегда знал, какая ты. Только доказательств не было, – страшная гримаса исказила лицо обманутого мужа. – А вот теперь сама во всем призналась. С кем ты там закатом любовалась? Тварь подзаборная!..

Однако супруг порядком струсил, увидев решительно настроенную жену с холодным оружием в руках, и захлопнул балконную дверь, закрыл изнутри:

– Посиди тут до утра, а я тоже с кем-нибудь развлекусь! Глядишь, мои рога не такими ветвистыми станут, когда и ты дополнением к прическе обзаведешься! Уж я-то этой ночью постараюсь... Оленихой у меня к утру будешь!

А Штырь всё не унимался. Он просто мечтал увидеть, как женщина сиганет с девятого этажа. Или мужчина в по-

рыве безумной ревности лишит себя жизни. А лучше – оба! Вот это будет победа! И он изо всех сил пытался накалить страсти добела, всё туже накручивая на черное веретено густые отрицательные эмоции супругов.

– Ты сам мне изменяешь постоянно, бьешь, оскорбляешь! – подскочила к окну зареванная изменница. Под глазом у нее наливался большущий синяк, и женщина, размашисто утирая слезы, скривилась от боли, задев гематому.

– Мало тебе! – заметив страдание жены, ехидно усмехнулся Георгий и направился к выходу. Останься женщина в квартире, он бы продолжил «воспитание», но выставлять собственный позор на обозрение всего двора не решился. В голове метались злые мысли: он тоже сейчас завалит чью-нибудь жену! Да неважно – хоть кого-то, любую завалит. В отместку этой белобрысой стерве, чтобы знала, что и он на что-то способен! Чтобы и ей тоже было больно! Так же больно, как ему сейчас!

Другой подопечный откликнулся на старания Сигизмунда, искусно вытягивающего из людей чувства, уже на исходе ночи.

Утреннее солнце, прорвавшись вместе с легким ветерком в распахнутую балконную дверь, никак не давало досмотреть такой хороший сон. Сон, где Вадима Юрьевича с овациями и дифирамбами назначают начальником отдела! Дрыгнув тощей ногой, мужчина лягнул спящую супругу. Та резко приподнялась:

– Что, Вадюша?

– Катька! Ты опять шторы с вечера не задернула? Вечно всё забываешь, – процедил муж, переворачиваясь на другой бок. – Быстро! Солнце спать мешает!

Сигизмунд увеличил уровень раздражения, размазал по естеству Вадима ощущение превосходства над затюканной женой, ввинтил в сознание острый шип недовольства.

Вадим Юрьевич брезгливо скривился и процедил сквозь зубы:

– Ничего не умеет – ни за домом следить, ни детей рожать! Бесплезная баба...

Женщина вздохнула, безропотно поднялась и споро посетила к окну. Закрыв плотные шторы, поспешила под теплое покрывало, но раздраженный голос остановил ее:

– Нечего разлеживаться! Завтрак приготовь. Да кота своего паршивого из спальни убери. Не дай бог еще раз увижу, что он на моем диване разлегся, из окна выброшу не раздумывая! А услышу еще хоть слово – и тебе несдобровать...

Заспанная женщина, бессильно опустив руки, постояла над стянувшим на себя теплое одеяло мужем, не решаясь что-либо возразить. Вадим никогда не бил жену, даже голоса не повышал, когда отчитывал ее по поводу и без повода. Но его постоянные придирки, язвительный тон и, главное, его неизменно ненавидящий взгляд денно и ночью сживали супругу со свету.

Катерина накинула застиранный халат и направилась в

кухню. Бездумно погладила вспрыгнувшего на подоконник Барсика, оглядела просыпающийся двор, дом напротив. Задержалась взглядом на балконе верхнего этажа, где, обхватив колени руками и накинув на плечи старый коврик, сидела, обреченно прислонившись к парапету, женщина. Такая же, как она, ненавидимая близким человеком...

Катерина вспомнила свою молодость. Как на первом курсе университета встретила своего рыцаря на белом коне. Как влюбилась без памяти и без раздумий отдала всю себя в руки такому искреннему и возвышенно-прекрасному человеку... Как же она заблуждалась, как рыдала, когда пришлось сделать аборт и... потерять в дальнейшем надежду на счастливое материнство. Долго не верила мужчинам, отгоняла от себя даже мысль о близости, о браке. А потом, когда уже было ей далеко за тридцать, вдруг задумалась, что так и проживет всю жизнь одна. Если только...

Вадима она не любила. Поначалу старалась уважать, но... сама уважения так и не получила...

Наблюдающий за ее чувствами аристократ аккуратно перекрыл извечному смирению и необычайной терпимости доступ к сознанию Кати. Вынув из подпространства тисненый кожаный пенал с пробирками, наполненными эмоциями разных цветов, достал склянку с неизбывной тоской, добавил обреченности, бессмысленности существования и тупого отчаяния – и щедро плеснул этой адской смесью в душу потерянной женщины.

Катерина медленно повернулась к столу, взяла нож, проверила остроту лезвия. Покачала головой и отыскала точильный камень...

Ближе к обеду поступила реакция и к неспешному Харитону. Он решил вынуть душу из своих подопечных с помощью недомогания и усталости.

Толяна с вечера мучила зубная боль. Друзья посоветовали прополоскать рот водкой вперемешку с пивом. Напрополоскивались, как обычно, до умопомрачения. Еле свой подъезд нашёл... На следующий день боль только усилилась. К ноющей челюсти присоединилась голова... Она звенела, как медный колокол, и каждый звук отдавался в гулкой пустоте всё новыми вибрирующими ударами. Когда же это закончится?! Сейчас бы пивка. Холодного...

Хрюкнув, волосатый бес перекрыл душе доступ к остаткам добрых чувств. В разы увеличил похмельный синдром.

В комнату – как обычно, без стука – заглянула старая женщина. Скривилась от смрадного перегара вперемешку с ароматами несвежего тела и грязной одежды, поспешила распахнуть окно. Обернулась к сыну:

– Когда же это закончится, Толечка? Полдень уж близится, а ты всё лежишь... Когда, наконец, за ум возьмешься, на работу устроишься?

– Скройся, старая. Без тебя тошно, – не глядя на мать, Анатолий постарался унять рвотный рефлекс.

– Да что же это творится-то, а? Да когда ты...

– Я сказал, исчезни! – взорвался не отошедший от вчерашнего сын. – Или я тебя сам выставлю!

Хищно ослабившись, Харитон затемнил сознание женщины обидой и раздражением.

– Меня – выставишь?! Это моя квартира! И всё здесь мое, потом и кровью заработанное! Ты сколько еще на моей шее сидеть собираешься?! Пенсия-то у меня не резиновая...

– Отвали, сказал!

Харитон с вожделением наблюдал, как в окутанном злом, лишенном здравомыслия сознании матери, обманутой в своих самых лучших ожиданиях, клокотали боль и гнев. Да еще давление вдруг резко подскочило... Но женщина, науськиваемая разнузданным бесом, ни за что не желала отступить. Сейчас она всё выскажет этому неразумному чаду!

– Не смей на мать хвост подымать! – вдруг вознегодовала такая покладистая и всё понимающая старушка. И выдернула из-под головы сына подушку.

– Да ты вконец обнаглела! – тот резко вскочил, схватил воинственно настроенную маму за горло и, грубо вытолкнув ее в коридор, захлопнул дверь.

Очарованный злом, он не видел слез матери, не чувствовал ответственности за свой поступок. Анатолию хотелось только одного – избавиться от навалившейся боли, унять охватившую его дрожь, напоить обезвоженный, захламленный токсинами организм. А еще – чтобы над душой никто не журился, не выносил мозг. Чтобы оставили его

в покое. Все!

Старая женщина, беспомощно взмахнув руками и по пути сильно ударившись о комод, упала на спину. Слезы горя и отчаяния душили ее. Толечка! Ее сыночек, ради которого она столько выстрадала, отказалась и замуж выйти, и на работу хорошую устроиться... Только бы рядом с сыном быть, только бы ни в чем не нуждался. И от баб всяких там разгульных его оберегала, и от дружков-собутыльников, в своей компании Толечку заманивавших, отбивала. А Толечка, родная кровиночка, так и не научился ценить материнскую любовь. Как же так, сыночек?

Кряхтя, зареванная мать кое-как перевернулась, встала на колени, попыталась подняться. Но отчего-то ноги вдруг стали ватными, не слушались, подгибались.

Волосатой ручищей Харитон сжал сердце старушки, сдавил что было мочи. Чутко прислушался к неровной пульсации жизни, вобрал в себя такие лакомые страдания жертвы. Потянул из души горечь обиды, с вожделением погрузился в жгучую, сводящую с ума сердечную боль. С чувством выполненного долга смотал эмоции женщины в тугой клубок. Смачно облизнулся.

Сбившееся вдруг дыхание заставило сознание матери оторваться от самобичевания и обратить внимание на затрепетавшее сердце. Оно стало биться неравномерно, замирая и вспархивая, словно испуганная птица. Схватившись за левый бок, женщина прислонилась к стене, вздрогнула и... за-

тихла. Тело ее медленно растянулось на полу.

Из комнаты стремительно вышел Анатолий: срочно надо было опохмелиться, чтобы унять звенящую головную боль. Не глядя на мать, он рванул с вешалки заботливо заштопанную куртку и вывалился в подъезд, громко хлопнув дверью...

Наблюдая за тревожными подопытными людьми, бесы и друг друга не упускали из виду.

– Так! – щелкнул пальцами Штырь. – Подводим промежуточные итоги!

– А чего там подводить-то? Моя победа! – хрюкнул Харитон. – Бабка уже при смерти. Довел ее сынуля до самоубийства.

– Ничего подобного! – возразил Сигизмунд, поправляя на шее роскошное жабо¹⁶. – Если поразмыслить, то это – простое непреднамеренное убийство. А мы держали пари на само...

– Ну, тогда это бабка сама себя довела, сама себя и убила. Вот вам и само-убийство. Победа всё равно моя!

– И каким же это образом она себя уколошила? – взмахнул руками Штырь.

– А таким! Гиперлюбовью своей необъятной да сверхзаботой. Всё для да заради сыночка! Проходу ему не давала, всё за него решала, вырастила недоросля – вот вам и резуль-

¹⁶ Жабó – длинная сборчатая обшивка из кружев или кисеи вокруг ворота и на груди мужской сорочки.

тат! Пожинает, так сказать, плоды своего нелегкого труда.

Сигизмунд со Штырем хмуро переглянулись. Как ни крути, Харитон был прав. Пусть и ненамеренно, но женщина сама подготовила себе такую участь... Рогатые подельники не ожидали от нерасторопного хряка такой прыти. Или ему попросту повезло?

– Ладно, братаны, не тушуйтесь. Умейте поражение признавать. Поборитесь лучше за второе место. Мне охота посмотреть, кто кому из ваших поднадзорных кровь первым пустит, – ощерился рыжий боров, вытирая о холщовые штаны огромные потные ручищи.

– Не пристало в моем положении на вторых ролях быть! – щеголь из мрачноаристократического общества брезгливо оттопырил губу.

– Смотрите, какие мы разборчивые! – напружинил мышцы Харитон. – Как об заклад биться, так он первый, а как проспороенное отдавать, так сразу и в кусты?

– Подавись! – Сигизмунд надменно бросил к его ногам расшитый кошель с золотом.

– Чего? – свиноподобный бес грозно поднялся, принялся засучивать рукава.

Предвидя нападение, элегантный кавалер скинул расшитый самоцветами сюртук, принял боевую стойку. Как видно, несмотря на высокое происхождение, он тоже был не дурак подрасться.

– А это что?! – Штырь вдруг отвлекся от предчувствия

такой завидной потасовки между компаньонами. – Обстановка-то изменилась!

Бесы, забыв про разногласия, тут же обратились к своим подопечным. С изумлением приоткрыв клыкастую пасть, Харитон наблюдал, как победа уплывает из его когтистых лап. Любопытная соседка, заметив приоткрытую дверь, заглянула к матери Толяна и спасла ее, вызвав неотложку. А вот Катерина, вскрыв себе вены остро отточенным ножом, лежала в луже крови. Рядом дико вопил испуганный кот. Но на его душераздирающий зов никто не реагировал.

– Так-так! – с вождением потер руки Сигизмунд и потянулся за сюртуком. – Вот это уже неоспоримое покушение на священную жизнь. На свою жизнь! Где там мои сто золотых? И еще два раза по сто? – Он с наглой ухмылкой возрился на конкурентов.

– Подожди! – осадил его Штырь. – Вон мой поднадзорный возвращается. Сейчас выясним, чья тьма сильнее.

Он в предвкушении присмотрелся к подходящему к балконной двери Георгию. Но бесы уже почувствовали полное отсутствие злобы в сущности мужчины. Не было ее там. Вообще!

Муж открыл дверь и угрюмо проговорил:

– Не замерзла? Выходи. Я тут подумал... Если хочешь, разведемся.

Женщина робко поднялась, сбросила с плеч старый коврик и шагнула в квартиру...

– Как же так? – Штырь еще прислушивался к исходящим от пары эмоциям. – Они что, напрочь разума лишились? Я на них столько тьмы израсходовал, а они не слышат меня совсем, не желают продолжить...

– Какое благородство с их стороны! – хлопнул в ладоши Сигизмунд. – Они там еще и простят друг друга за причиненные обиды. – Ха! Плохо ты жертвы выбираешь, Штырек! Торопишься вечно.

– Что же с этим Гошей за ночь произошло? – недоумевал Штырь, передавая изысканному бесу кошель с золотом. – Что случилось? Ведь он же явно не сам от такого объема зла избавился? Не иначе, снова светлый патруль по злочным местам прошелся...

* * *

От зла Георгия освободил вовсе не патруль сияющих ангелов. Как ни странно, тьму из человека выбил сам князь Темнейший. Празднуя очередную сотню лет от темного воплощения, он «опробовал» новый подарок дядюшки. Граф Жеглард подарил ему не простую игрушку, а зачарованный браслет, богато украшенный жемчугами и бриллиантами. Стоило Нерцу нажать на жемчужные полубусины – миру являлись очаровательные девы, готовые на всё, лишь бы господин остался довольным. А внутри вживленного в массивное золотое украшение ярчайшего изумруда томилась точная копия юного князя.

Придумав своему зеркальному отражению имя Симбаллер, Смерч уже третью ночь «гулял» по пространству людей, сменяя клубы и рестораны, оказываясь порой в таких значных местах, что бродячие собаки постыдились бы составить ему компанию. Но Нерца мало интересовало чужое мнение. Ему было глубоко наплевать на правила и устои. Он развлекался. Развлекался так, что всё вокруг гудело и сверкало. Особую прелесть новым похождениям князя придавало присутствие подаренного клона, который с невероятным рвением принялся забавлять своего господина.

Поначалу Нерцу нравилось, как его копия, прикинувшись молодым князем, вводила в заблуждение мрачноаристократическое общество, как разыгрывала жестокие спектакли, повергая в ужас и трепет представителей темной знати. Потом ветреному мальчишке захотелось на волю, подальше от лизоблюдов. И он направился в мир людей. Но там Симбаллер разгулялся до такой степени, что, не разбирая, где люди, а где бесы, принялся стравливать всех без разбора, пригоршнями черпая вожаделенные отрицательные эмоции, наслаждаясь их дикой пляской, купаясь в ревущих волнах страстей.

Футбольные фанаты и рогатая нежить, семейные пары и собравшиеся на совет владельцы компаний (в последнем случае вообще непонятно было, где человек, а где перевертыш) – все грызлись меж собой так, словно завтра уже не наступит и не придется смотреть друг другу в глаза... А уж

там, где алкоголь разливался, словно широкое море, разгулу клоновой фантазии вообще не было предела. Кто, где, кого, за что бил? Кто, с кем, зачем и сколько раз спал? Кто, с кем, куда и по какой причине отправился? На эти вопросы никто из очарованных Симбаллером следующим утром ни за что ответить не сможет...

* * *

А Сашка неожиданно проснулся. В голове звенело, ужасно хотелось пить. Он поднялся и пошел на кухню. Но задержался: овальное зеркало в темном коридоре притягивало к себе. Оно словно вибрировало, испуская зловещие импульсы. Парень удивился, включил свет. Отражения своего он не увидел. Мутная пелена затуманивала зеркало, из него ураганом рвались отрицательные эмоции. Гнев застилал всё, терзал душу на куски, сминал сознание, заставляя естество рваться в непонятную, но такую желанную битву. Хотелось вгрызться в горло любому, кто появится в поле зрения, хотелось рвать, бить, кромсать.

Сашка чувствовал, что там, за мутной пеленой, происходит что-то ужасное. И Андрей, его брат, имеет ко всему этому непосредственное отношение. Усилием воли содрав с воспаленного сознания липкую паутину зла, Сашка вперил взгляд в мутное стекло и твердо произнес:

– Ты слышишь меня, брат? Остановись!

* * *

В очередном клубе, где свихнувшиеся децибелы рвали в ключья барабанные перепонки, в сутолоке и сигаретном дыму, слегка пошатываясь от выпитого и наслаждаясь диким грохотом, расслаблялся Темнейший Черный Смерч. Окинув осоловевшим взглядом просторный зал, развеселый мажор вдруг заметил девушку. Рыжую. Она, закрыв глаза, двигалась в невообразимом ритме, в такт громкой музыке. Ее дерганые движения не показались Нерцу неприятными. Наоборот. Он как зачарованный наблюдал за танцовщицей, словно быющейся в диких конвульсиях. На кого же она похожа? Неужели на ту строптивую красавицу, что никак не выходит из головы?

Смерч сделал шаг, но тут рядом с раскрасневшейся от духоты и вина девушкой оказался зловредный клон. Он, вселившись в тело очумевшего от алкоголя Георгия (того самого Георгия, что два часа назад узнал об измене жены), схватил рыжую красавицу за руку и потащил в темный коридор. Попав под влияние Симбаллера, та почти не сопротивлялась – безропотно последовала за мужчиной. Но по пути что-то в ее сознании воспротивилось злу. Попытавшись вырваться из захвата, она крикнула:

– Отпусти! Да будь же ты человеком!

В ответ злобная нежить громко расхохоталась, уже раздевая жертву взглядом.

Нерцу не понравилась активность клона. И в груди словно

дрогнуло что-то, заставило задуматься о происходящем вокруг. Но проявить перед прислугой истинные чувства (*Чувства? Что это?*) не позволял статус. Да и вообще, с какой стати раскрывать свои намерения?!

– Хватит! – мысленно остановил он Симбаллера. – Заканчивай развлекаться. Устал я что-то от твоих проказ. Чего доброго, светлый патруль заявится...

– Что? – замер на месте слуга. – Трое суток никто не появлялся, а теперь вдруг светлое воинство решится на задержание такой высокой особы? И что с того? Даже если так, вас, господин, всё равно отмажут. У Величайшего столько адвокатов...

– Меня-то отмажут. Но кто даст гарантию, что я и тебя с собой в Темное Запределье заберу? Как тебе улыбаются исправительные работы на границе пространств?

– Но ведь я же ваша собственность!

– Да пошел ты... Собственность... – Нерц вдруг вспомнил, с каким вожделением назвал собственностью такую прекрасную и такую непокорную Антонину. Там, в замке Жегларда. Как он желал тогда, чтобы покорила ему Воительница, как хотел быть с ней. Хотя бы просто видеть ее рядом...

От нахлынувших воспоминаний внутри у юного князя всё сжалось. Он движением воздуха вырвал клон из тела человека и небрежно засунул в браслет. По пути заметил, как полностью лишенный зла мужчина оседает на грязный пол.

Как замерла над ним рыжеволосая красавица, испуганно обводя взглядом помещение клуба. Оба недоумевали, каким образом они оказались в этом страшном месте.

Смерч присмотрелся и разочарованно скривился: эта рыжая девушка была другой... Чужой. Веселье как рукой сняло. Дикий грохот, воздух, загаженный дымом и запахом по-та вперемешку с перегаром, – всё показалось ему таким отвратительным, мерзким. Юный князь взмахнул рукой и, ни капли не заботясь о том, чтобы скрыть от окружающих свой переход, растворился в воздухе, ушел в подпространство.

ГЛАВА 18

Прошло всего несколько дней, а от старой покосившейся избенки не осталось и следа. Добротный пятистенок с просторной горницей на втором этаже степенно взирал на полноводную реку. Ладный балкончик с решетчатыми перильцами заботливо прикрывал от нескромных взглядов высокое французское окно верхнего этажа, переливающееся в лучах утреннего солнца. Одна створка была открыта, и свежий ветерок весело играл легкой тканью белоснежных занавесок.

Сергей присмотрелся: обрешетка балкона, окно до самого пола, широкие двери из клееного соснового бруса. И тут же – рубленые стены дома и резные наличники. Проверил сочетание материалов и фактур. Не нашел противоречий, улыбнулся.

Он еще не завершил курс ментального строительства, основанного на учении о трех элементах внутренней энергии и силе воображения. Поэтому постоянно практиковался, мысленно сверяя желаемое (или загаданное) и действительное (или воплощенное) в увиденных инженерных решениях, строительных материалах, цветах, фактуре.

Тропинка завернула к входной двери, и Сергей обомлел: крышу дома с восточной стороны подпирали роскошные мраморные колонны. Они очень странно смотрелись на фоне пахнущих смолой бревен, напыщенно возносясь над широким, во всю стену, деревянным крыльцом.

«Надо было контролировать силу воображения, а то вон куда занесло! Император, блин, римский! – обругал себя Сергей, нервно дернув край льняного полотенца, служившего ему в данный момент тогой¹⁷. – Скорее нужно всё исправить, пока хозяйка не увидела это вопиющее безобразие!»

Он обратился к Солнцу и мысленно испросил у Вселенной разрешения на работу с пространством, очертив границы реставрации. Затем повернулся к крыльцу, глубоко вдохнул, нашел-ощутил-почувствовал внутреннюю силу, сконцентрировался и погрузился в процесс.

– Так, что там Нина Петровна на последнем занятии говорила?.. – Прикрыл глаза, сосредоточился на одной из колонн, отрегулировал в сознании исходные характеристики и рез-

¹⁷ Тога – верхняя мужская одежда у древних римлян: кусок материи, которым, перекинув через левое плечо, обёртывали туловище.

кость желаемого образа, соотнес размеры и позиции компонентов, выровнял временной и пространственный коэффициент, сопоставил параметры, распределил полученные данные на общее количество колонн, запустил реакцию... Проверил взаимодействие входящей и исходящей энергии, выдохнул, успокоил сознание. Через пять секунд открыл глаза.

Теперь крышу над крыльцом поддерживали изящные деревянные столбики, покрытые чудным орнаментом. Доктор отошел подальше, оглядел всю восточную часть дома и остался доволен: ни одна деталь постройки не выбивается из общего убранства, всё стильно и гармонично.

Переодевшись в своей комнате из «костюма» римского императора в обычные и удобные футболку и легкие шорты, мужчина посмотрел в зеркало. И действительно, мавкиного подарка не было видно. Но он никуда не делся: висел на шее. Снять его Сергей и не подумал. Плиона же говорила – не расставаться с ним до «заветного часа»! Кто бы еще подсказал, когда этот час наступит...

Доктор вышел к столу всё под той же, ничуть не изменившей облик, развесистой березой. Завтраком его угощала белка. Конечно, она не наливала ему чай и не намазывала масло на свежее испеченную булку, но вот разговорами просто «закормила». Хотя он и сам был рад поговорить. Столько нового каждый день!

Сергей начал беседу с впечатлений о своем утреннем приключении:

«Рыжюля, скажи, пожалуйста, ты о мавках когда-нибудь слышала?»

«И слышала, и видела, и знакома со многими. А что? Встретил кого?»

«Младшую царевну и ее брата – Хранителя Земли». – Сергей внутренне сжался, ожидая, что острая на язык белка его сейчас на смех поднимет.

Но та лишь всплеснула лапками и восхищенно воскликнула:

«Самого Эльмара повстречал?! Ну, ты, Человек-Сергей, большой счастливчик! И предсказание, поди, получил? – спросила она, но тут же спохватилась. – Ой, молчи, молчи! Об этом только ты знать должен!»

«Предсказание? Как догадалась?»

«А мавки перед людьми просто так не появляются. Только в самый нужный момент... А хохотушка Плиона много интересного тебе рассказала?»

«Много. Она меня от русалок спасла».

«Так ты ей теперь по гроб жизни обязан! – Белка вдруг осеклась и задумалась. – Ой, нехорошо это. Мавкам быть обязанным очень нехорошо...»

«А что случится-то может? – легкомысленно отмахнулся Сергей. – Они уплыли к себе давно».

«Да мало ли что им в голову взбредет. Мавки, конечно, не нежить, но шутники те еще».

«И на какие шутки они способны?»

«Кто их знает... Захотят – жениться на какой-нибудь Мавне Моревне предложат. Твое Сияющее Сознание хоть и не обрело полную силу, но – очень даже лакомый кусочек для мавов. А эти хвостатые пришельцы вечно со своим геномом экспериментируют: улучшают популяцию, приспособливают к новым местам обитания, так сказать. Хотя какие новые места... Испокон веку на нашей земле живут, а всё не успокоятся...»

«Они же и так вроде в прекрасной форме. Зачем им эксперименты?»

«Ну представь: жил ты на каком-нибудь тропическом райском острове. А потом вдруг – р-раз!!! – и проснулся в сибирской тайге или в тундре. А из амуниции на тебе – одна набедренная повязка. Тут уж никуда не денешься – либо пути к выживанию ищи, либо ласты склеишь. Вот они и эволюционируют, видоизменяются, биологически адаптируются к нашей планете. Нейметса им...»

Белка почесала за ухом и неожиданно сменила тему:

«А вы там, случаем, с царевичем не обменивались рукопожатием?»

«Обменивались, – напрягся Сергей. – Странное какое-то рукопожатие, как в фильмах про старину. За предплечье он меня взял, не за ладонь. Ну, и я тоже...»

«Ага, они его с глубокой древности используют. С князем одним породнившись, унаследовали, – в раздумье произнесла белка. – Такой ритуал – что-то вроде обмена энергией

и силой, признак отсутствия вражды и посягательства на имущество. – Голос ее стал еще серьезнее. – Ну, теперь вспоминай, о чем в этот момент он тебе говорил».

– Да нет, – проговорил Сергей вслух. – Не может ничего плохого случиться. Ведь я царевичу помог. А он в знак благодарности мне руку пожал. И сказал... как он там говорил?.. «Жизни долг оплачен с честью».

«А, ну тогда всё в порядке! – с облегчением выдохнула белка. – А благодарил тебя он за что?» – вновь блеснула она любопытными бусинками-глазками.

«Ну, я же тоже кое-что могу». – Сергей, выразительно взглянув на собеседницу, протянул вперед руки раскрытыми ладонями вверх.

«Неужто хвост Хранителю вернул?»

«По-нашему говоря, восстановил течение энергии в пояснично-крестцовом отделе. Только одно непонятно: если мавки такие продвинутые, почему сами не смогли царевичу спину выправить?»

«Тугодум! – воскликнула Рыжуля. – Плиона разве тебе не говорила, что Эльмар ход человеческой истории изменил?»

«Говорила. Но она надеялась, что это просто слухи».

«Ага, слухи! – отмахнулась белка. – Еще как изменил. Равновесие сил нарушил, вот и поплатился. И помочь ему восстановиться мог только человек. Да не любой из вашего мира, а лишь обладатель Сияющего Сознания. И не один, а вместе с Солнцем. В общем, ты вовремя им подвернулся».

«Вот оно что! – покачал головой Сергей. – А я-то еще поразился, как такое серьезное смещение смог за один раз выправить. Наверное, у мавов организм обладает качественно иными свойствами и повышенной способностью к регенерации. Я только защемленный нерв освободил, диски немного подправил, а дальше самовосстановление пошло...»

«Ага, его внутренняя сила, плюс твои сверхспособности, плюс (самый главный плюс!) сила Солнца. Вот и результат! Ты и правда счастливчик!» – улыбнулась белка.

«Всё время задумываюсь, сколько я еще не знаю...»

«Узнаешь, не переживай. Нина Петровна недаром тебя в наш мир позвала» – Рыжуля спрыгнула на стол и выбрала самую большую сушку.

«Расскажи о мавках», – попросил Сергей.

Белка взобралась на березу, уселась на ветке поудобнее, повесила на сучок надкушенную уже сушку и начала:

«Мавки – женищины, мужчин мавами зовут. Они – существа с другой планеты».

Сергей открыл рот от удивления, но белка невозмутимо продолжала:

«Русалки, они – местные. Как и лешие, домовые и прочая нежить. Или, скажем, те же духи. А с мавками всё иначе. Они вообще из другой галактики. Когда-то на их родную планету-океан темные напали. Под корень истребили всё живое. Спаслись удалось единицам. Мавы через свои, им одним ведомые межпространственные порталы на кораб-

ле-рыбе тогда сбежали. Еще легенда такая есть...» – Белка приготовилась «вещать», но Сергей отмахнулся:

«Ну, началось! Планеты, галактики, звездные войны... Что за "корабли-рыбы" такие? Ты смеешься надо мной?»

Рыжуля в ответ вспыхнула:

«Не веришь?! Да ты!.. Да вы!.. Легкомысленные, заблудшие!!! – Слышать такое от лихо скачущего по веткам зверька было не обидно, а немного смешно. – Еще только на пороге космической эры находитесь, знаете лишь то, что в телескопы свои разглядеть можете! А туда же – рассуждать о материях и пространствах берутся! – Она рассердилась не на шутку. – Многие процессы объяснить просто не в силах! Многовековая история Матери-Земли тоже для вас под запретом. Я просто поражаюсь, как можно верить в то, что человек от обезьяны произошел!»

Она перескочила с ветки березы на стол и, встав на задние лапки, ухватилась передними за край сахарницы. Слово оратор с трибуны, гневно продолжила:

«Про истинные знания вообще молчу! Отняли у вас столько информации! Крохами кормят, а вы и уши развесили. Профессора-академики мучаются, доказывают теоремы трехмерного мира с пафосом расфуфыренных павлинов. А то, что в их уравнениях переменных не хватает, и знать не знают!

А космические войны прошлого для тебя – сказки?! Просто подумай, представь себе, что невыгодно кому-то за пре-

делами вашего сознания, чтобы человек обладал великой созидательной силой своих предков, чтобы сверхчувственное восприятие имел, столетия жил и летать мог! Или огромные пространства силой мысли преодолевать!.. Йэх! – белка махнула раздосадованно лапкой и добавила: – Не дают вам узнать правду, не раскрывают истинных знаний о том, сколько на самом деле лет цивилизации человеческой. Про другие системы и планеты, где существует жизнь, вообще говорить запрещено. А я скажу!..»

Она немного помолчала, успокоилась и продолжила:

«Но я чего-то отвлеклась от темы. Мы же о мавках говорить начали. Обобщенно, по быстренькому тебе историю их обрисую.

Мавки, в общем, переселенцы. Проявившись в земном пространстве, они поначалу и дышать-то нашим воздухом не могли, долго внутри своего корабля находились. Потом вышли на связь с дельфинами. Те, конечно, сначала проверили искренность их намерений. А без этого нельзя... Кто знает, сколько темноты может из-за пределов в мир попасть? Но приняли, поделились с мавками своим генотипом, породнились. Мавки, научившись усваивать кислород из воды и воздуха, испросили у хозяев морей и океанов разрешения заселить океанские просторы. Теперь они с дельфинами – ближайшие родственники, друзья и соседи. Только в вашем людском мире мавки редко встречаются, поэтому вы их с русалками и путаете. Они в Запредельях прячутся, чтобы люди,

охваченные жаждой власти, их редкий дар в своих целях не использовали».

«Какой дар?» – осторожно поинтересовался Сергей.

«Дар предвидения и предсказания. Как там у вас говорят: кто владеет информацией – владеет миром? Вот от таких "владельцев", темных по природе своей, мавки и скрываются».

«А вот я где-то читал, что мавки – это души умерших некрещеных детей», – как бы между делом подумал человек.

«Ты еще не то в своих источниках можешь прочесть, – усмехнулась белка. – В вашем мире не зря с древних времен пугалки всякие придуманы, и не только о мавках. Ту же Бабу Ягу возьми... До неузнаваемости извратили ее образ, детей страшат Ягиной. А она, между прочим, вечно молодая да такая красотка! Если хочешь, как-нибудь в ее пространство сгоняем, познакомлю. А силы у нее не меньше, чем у Антонины нашей... Ну, я что-то опять отвлеклась... В общем, суть такова: есть силы, которым светлые образы прародителей поперек горла встали. Вот они и стараются очернить их, называя белое черным. Если сейчас об этом рассуждать начну, опять о мавках забуду... – Рыжуля почесала нос, потербила усы, глубоко вздохнула, взяв себя «в лапы». – Так, не отвлекаемся... В общем, мудрые мавы тоже опыт подмены понятий использовали и жуткую легенду о себе сочинили, чтобы люди, движимые страхом, их в покое оставили... И живет поверье это в мире вашем! В

веках живет...»

Понемногу они сместились к обсуждению темы космических путешествий. Вернее, к тому, сколько времени понадобится Клавдии, чтобы вернуться, допустим... из спирального рукава какой-нибудь там... два миллиона сорок пятой галактики, расположенной от них на расстоянии... всего-то сорока пяти тысяч световых лет.

«Да нет тут никакой несправедливости!» – белка в сотый раз изумилась непонятливости человека. – *Нельзя так просто на сто метров в пределах одного пространства-реальности переместиться. Нерентабельно тратить огромные объемы энергии на такое пустячное занятие. Это всё равно что совершать ноль-переход в пределах Солнечной системы».* – Она расхаживала по столу, иногда приседая на хвост. Когда очень уж волновалась, хватала то ложку, то кусочек еды.

Теперь, когда речь шла не об упущенных возможностях человечества, настроение Рыжули улучшилось.

«Клавдия из далекого далека может за один миг сюда прибыть, но только через подпространство. А в реальном пространстве вон до того лесочка от этой березы ножками бежать придется», – объясняла белка.

«Ага, сотни-тысячи световых лет вмиг одолеет, а сто метров – не судьба?» – не соглашался Сергей. – *А как же маленькая царевна?»* – вспомнил он утренние события. – *Она за двадцать секунд до океана и обратно "слетала"».*

«Сколько, говоришь, секунд прошло? – прищурилась белка. – Двадцать? Это, брат, долго. Мавка, с головой погрузившись в воду, уже в подпространстве оказывается. Нырнула здесь, а вынырнула – в океане. На раз-два. Она, наверное, еще что-то делала? Или в два-три места сплывать успела. За такое-то время... Но так только мавы могут. У них физика тела от нашей, земной, отличается. Даже физике запредельного пространства за ними не угнаться. Многомерность пространства у них куда... многомернее... – белка помолчала, подыскивая подходящее слово. – Да, тебе еще многое узнать надо. Я даже слов или образов нормальных порой подобрать не могу. Ну, чтобы тебе понятно было, о чем речь».

Сергей спорить не стал и вернулся к разговору о Клавдии:
«Значит, по-вашему, по-сказочному изъясняясь, белая собака сейчас находится в Тридевятиом царстве?»

«Зачем ей на ближнюю луну? – искренне удивилась рыжая егоза. – Она гораздо дальше отправилась. По секретному делу!» – белка многозначительно глянула на него глазками-бусинками.

Затем поерзала немного и, не сдержавшись, раскрыла тайну путешественницы:

«Клавдия в подпространствах на свою луну отправилась. На третью, что Месяцем названа. Данные для создания нового артефакта тамошним волшебникам понесла. И амулет этот одному важному для нас существу дорогу из мира

людей в Запределье откроет».

«Еще кто-то сюда прийти должен?» – оживился человек.

Рыжуля склонила голову набок и, словно к чему-то прислушавшись, сообщила:

«Белая лунная волчица-собака возвращается! Она сама тебе всё и расскажет...»

ГЛАВА 19

Клавдия вынырнула из подпространства. Вместо приветствия встревоженно повела длинным носом и спросила:

«Хозяйка где?»

«Да ушла она, – махнула лапкой белка. – С Потапычем встречается. Саню в корзинке понесла».

«Давно?»

«Да, наверное, уже у границы пространства нашего, – Рыжуля протянула ей небольшой кусочек пирога с картошкой. – Сказала еще, что вернулся недавно наш куцехвостый с дальнего ледника. Не так много сил у него сейчас. Медом косолапого попотчевать захотела, чтобы быстрее восстановился».

«Что-то не то у вас тут! Ой, не то!» – большая собака растерянно крутила головой, не обратив внимания на предложенный белкой гостинец. Хвост ее нервно подрагивал, белая шерсть интенсивно излучала лунное сияние. Тревожно принюхиваясь, она оглядывала окрестности и будто выужи-

вала из пространства еле уловимые флюиды опасности.

«Да что случилось-то?» – Сергею передалось ее беспокойство.

«Медведь! – вскинулась Клавдия. – С ним что-то творится! Не в себе он, чумной какой-то!»

«Да где? Ты же не видишь его!» – огляделся человек.

«Я его чую, ощущаю. Но – понять не могу. Сейчас... сейчас я еще его звездный путь проверю...»

«Погоди-ка», – шустрая ворожея клацнула острыми зубками, и на ее мордочке возникли миниатюрные такие... очки.

Спустя мгновение она завопила:

«А-а-а! На нем морок! Скорее, скорее хозяйку спасать!»

Клавдия неслась огромными прыжками. На спине у нее, вцепившись в сияющую шерсть, верещала белка. Над беличьей головой возникало то золотое ожерелье, то флагом развевалась полупрозрачная накидка, то яркие бусины переливались всеми цветами радуги. Наконец она выхватила из воздуха расшитый серебром кушак¹⁸ и с размаху накинула на шею собаке.

Сергей бежал следом. Чем он мог помочь в сложившейся ситуации – не соображал, но мчался изо всех сил. А в голове билась строчка из мавкиного предсказания: «Ты беги-беги-беги! Не страшны тебе враги...»

* * *

¹⁸ Кушак – элемент одежды, платок или кусок ткани в виде широкого пояса.

Нина была далеко, на противоположной стороне огромной поляны. Она остановилась у кромки леса и произнесла заклинание, открывающее защиту пространства. Навстречу ей из-под сени высоких стройных деревьев вывалился огромный бурый медведь. Женщина подошла к нему, весело поприветствовав. Достала из корзинки кувшинчик с медом, наклонилась, развязывая белый платок.

– Что с тобой, Потапыч, не приболел, случаем? Я вот тебе медку припасла.

Медведь мотал огромной головой, пяtilся от женщины и недовольно ворчал. Нина выпрямилась. Присмотревшись, охнула и развела руки в стороны, приготовившись заклинанием объятия освободить медведя от злых чар.

Но тут позади большого зверя неожиданно открылся зеркальный портал. Из него вышли Антонина с длинной плетью в руках и затянутый в черный кожаный костюм тонкий, чем-то напоминающий ящерицу мужчина. Оба остановились на границе света и тени. Мужчина из-под широких полей шляпы через огромные, в пол-лица, солнцезащитные очки глянул на рвущуюся на подмогу Нине собаку и приказал медведю атаковать. Тот нехотя поднялся на задние лапы. Тусклые глаза, остекленевший взгляд, стекающая из раскрытой пасти слюна – полное оцепенение.

– Ну же, вперед! – мужчина стянул с правой руки перчатку и шелкнул изящными пальцами.

Медведь вздрогнул, глаза его налились кровью, шерсть

вздыбилась. И он с ревом пошел на быстро приближающуюся собаку. Клавдия обернулась огромной белой волчицей и, прижав уши, бросилась на медведя. Завязалась драка.

Мгновением ранее Рыжуля, схватив кушак-талисман, спрыгнула со спины подруги и, обходя поле битвы по касательной, поскакала к хозяйке. Но вдруг ее отбросило в сторону ударом хлыста. Беззащитный зверек упал меж сражающихся хищников, рвущих друг друга когтями и зубами. Расцвеченный камнями широкий пояс растворился в пространстве.

Напрасно Нина пыталась разглядеть беличье тельце в бешеной круговерти боя: звери перемещались так стремительно, что комья земли, вырванные с корнем растения, лохматые тела самих бойцов, сражающихся с невероятным бешенством, не давали ни малейшей возможности спасти ворожею.

Забыв о незваных гостях и их неожиданном появлении, Нина в отчаянии заламывала руки: «Рыжуля!» Но тут ее тело обвил длинный хлыст, обездвигил, дернул в сторону – и Хранительница вслед за Антониной и злобным Предводителем исчезла в разверзшейся бездне черного провала.

В это время Клавдия, ухватив зубами внезапно возникший в воздухе кушак, подскочила к медведю и, дважды перепрыгнув через огромную тушу, обмотала перевязью толстую мохнатую шею. Оскаленная пасть зверя с железным лязгом захлопнулась, он замер, зашатался и повалился на бок. Волчица мысленно крикнула подбегающему Сергею:

«Скорее! Узел нужен!»

Запыхавшийся доктор, опешивший от случившегося с Ниной, опрокинулся около медведя и затянул у него на шее концы перевязи.

«Не задужи его!» – Клавдия дернула удавку. – *Он и так уже не опасен...»*

Вдруг над человеком и израненными хищниками ярко блеснула молния, раздался оглушительный грохот – и в воздухе внезапно возник еще один пришелец – на этот раз не кто иной, как Черный Смерч собственной персоной. Сергей даже дух перевести не успел.

Темнейший князь нагло улыбнулся, оскалив алмазные клыки, а в следующий миг щелкнул пальцами – и втянул доктора вглубь бурлящей воронки.

Волчица тут же прыгнула вслед за человеком. Но подпространство свернулось в доли секунды, и белая лохматая молния с размаху врезалась в густой кустарник.

* * *

Когда Клавдия, откашливаясь и отряхиваясь, выбралась из колючих зарослей, медведь уже открыл глаза, попытался встать, но тяжелые лапы задрожали, подогнулись, и зверь неуверенно присел на траву.

«Ну что, разморочился, хозяин леса?» – грозная волчица, вернув себе обличие собаки, припадая на прокушенную медведем лапу, обошла вокруг истерзанного зверя, насторо-

женно изучая и его, и пространство вокруг.

Бурый гигант очумело тряс головой, пытаясь сбросить остатки морока. Морда у него была разодрана, на боку зияли глубокие рваные раны, из которых сочилась кровь.

«Шикарный галстук, – усмехнулась Клавдия, глядя на измазанный в земле и крови измочаленный кушак, затянутый узлом на лохматой шее зверя. – Пока белка не вернется, так и будешь ходить».

Медведь сердито дернулся:

«Не стыдно над товарищем смеяться? Я ведь задрать тебя мог! Что творится!» – он в ужасе обхватил голову когтистыми лапами и сжался в комок.

«Как тебе Хранители Санию доверяют, если ты против морока устоять не сумел?» – храбрая защитница с подозрением смотрела на Потапыча.

«Обман всё это! Обман и черное колдовство!» – обескураженно заревел медведь, стряхивая с глаз слезы. – *«Теперь я понимаю: обличье сменили, светлыми духами представились да речами сладкими о силе знаний меня к себе притянули. Жаждой доверия воспользовались и под свою дудку плясать заставили! Подмена понятий!!! Сначала во сны мои Черно-го Смерча подослали, силы вытянули. А потом на ослабленного и морок навели. Ироды-ы-ы!!!»*

Клавдия, вспомнив, как ее в мире людей так же обманули, околдовали, наложив заклятие оцепенения, промолчала.

«Нет мне доверия!» – сокрушался медведь. – *«Не носить*

мне большие Санию к вершинам гор, не примет меня теперь Дух ледника!»

«Э-э-э, да у тебя и жизнестойкость отняли, как я посмотрю!» – белая собака внимательно оглядела косолапого. Раны бурого исполина кровоточили, ничуть не собираясь застывать. У Клавдии же на разодранном медвежьими когтями предплечье остались лишь быстро бледнеющие рубцы, кое-где уже прорастала шерсть, нежная, серебристо-голубая.

Развеяв по ветру клочок своего волшебного меха, межзвездная путешественница на языке белых волков возвала к Солнцу и Луне, с поклоном обратилась к Матери-Земле, испросив для косолапого друга защиты и выздоровления. Только убедившись, что процесс восстановления тканей медвежьего организма начался, присела рядом.

Клавдия понимала, что для Потапыча служение Свету является смыслом жизни. А эта загадочная ситуация – крушение всех медвежьих надежд. Однако никак не могла она себе позволить упасть рядом с ревушим исполином и завывать в отчаянии. Надо сохранять спокойствие, сосредоточиться на главном: найти в энергоинформационном поле ответы на все вопросы.

Волчица думала сейчас и о хозяйке, и о Человеке-Сергее, и о странном стечении обстоятельств, позволившем похитителям беспрепятственно проникнуть на так хорошо защищенную светлую территорию. И о белке... Эта-то балаболка куда запропастилась, в конце концов?! Межзвездная путе-

шественница просканировала пространство – в светлой части Запределья Рыжули точно не было.

Звери еще немного посидели, восстанавливая силы, поговорили, посоветовались. Наконец достали из корзинки черный кувшинчик с Санией.

«Сможешь сферу проглотить? Хватит сил дойти с ней до ледника?» – волновалась Клавдия. – Ее до новолуния надо на солнечный склон доставить, иначе быть беде. А у тебя силы на исходе...»

«Отдыхать некогда. Я должен всё исправить, – проворчал медведь. – А Саня – первое дело в цепочке этих загадочных событий. Вот отнесу ее, а потом по своим каналам узнавать пойду, куда могли забрать хозяйку и человека».

«Ты не геройствуй. Трезво оцени свои возможности. Если что, позовем Вислоухого медведя на подстраховку. Вдвоем вам легче будет».

«Справлюсь, – сердито насупился Потапыч. – И без Вислоухого страшную ношу в горы доставлю. Главное – чтобы Ледяной Дух меня благосклонно принял».

Клавдия лапой прижала черный кувшинчик к земле и зубами вытянула пробку. Из сосуда выкатилась антрацитовая сфера и, вибрируя, зависла в воздухе.

Медведь на удивление проворно подскочил и с лязгом сомкнул зубы на сфере, со свойственной ему решимостью приняв в себя концентрированное зло. Постоял немного, потряс лобастой головой, усваивая в своем нутре сгусток тьмы.

Вздыхнул глубоко и, загребая лапами, размеренно зашагал в сторону высоких гор.

Обеспокоенная волчица провожала его взглядом до самой границы горной гряды. Затем повернулась и направилась к дому. И охранять, и ждать новостей, и встречать тех, кто должен возвратиться к родному очагу. А они обязательно вернутся, все вернутся. Она это знала... Она в это верила.

ГЛАВА 20

Сергей открыл глаза, огляделся.

Просторная пещера. Гранитные стены, покрытые тускло светящимися лишаями плесени, уступами уходят вверх. Ровный пол усыпан гранитным крошечком и вымазан какими-то бурыми пятнами. А метрах в пяти, у стены, доктор разглядел истерзанное тело молодой женщины, в кровоподтеках и синяках. На белой руке, вывернутой под неестественным углом, кровоточил широкий багровый рубец. Разорванная ткань когда-то элегантного синего платья сплошь покрыта грязно-фиолетовыми разводами от запекшейся крови. Золотистые волосы, в беспорядке разметавшиеся старой соломой по загаженному полу, закрывали лицо. Но Сергей твердо знал: это его Хранительница.

Человека привязали к каменному столбу так крепко, что невозможно пошевелиться. Но он рванулся в непреодолимом желании помочь Нине, спасти ее от мучений. Однако

веревки стягивали намертво, не давая ни малейшего шанса вырваться. Сергей напряг мышцы в тщетной попытке освободиться, желая дотянуться до Нины, взглянуть в лицо. Кричал, звал ее, срывая голос, но всё впустую. Она лежала без движения. Наконец доктор стих, и сквозь шум дыхания и громкий стук сердца к сумбурным мыслям его пробился едва различимый шепот: *«Я здесь, я слышу...»*

Ментальный язык! Как же он сразу не сообразил?!

Сергей с досадой стукнул затылком по камню.

«Как ты? Что они с тобой сделали?» – ринулся он мыслью к недвижимой женщине.

«Не трать силы понапрасну. У тебя их и так почти не осталось. Они все знания блокировали, волю у тебя забрали... Сейчас он придет. Будет тебя соблазнять, пугать, испытывать, настраивать на путь тьмы. Не подавай виду, что слышишь меня. Но держи в поле зрения постоянно, не теряй мои мысли. Иначе погибнем».

* * *

– Ну что, человек, вот мы и снова встретились! – раздался за спиной у Сергея злорадный голос. И доктор увидел перед собой в хрустальном зеркале, слегка припыленном сажей, отражение сублильного мужчины средних лет. Тот стоял позади пленника, а рядом, затаенная в облегающий черный комбинезон, замерла рыжеволосая темноглазая красавица.

«Граф Жеглард и Антонина», – понял Сергей, но разглядеть девушку как следует не успел.

От бледного скуластого мужчины исходили такие плотные, почти физически ощутимые волны зла, что Сергей не помня себя впился в отражение гневным взглядом, всмотрелся в светло-карие, почти желтые глаза, от которых в душе всколыхнулась вся грязь и муť прошлых бед, и... вспомнил!

Перед взором проявился школьный двор... расшалившиеся сорванцы обижают веснушчатую девчонку... Он вступился, не побоявшись рослого старшеклассника. К обидчику слабых вдруг присоединились трое одноклассников Сергея, до этого всегда стоявших с ним плечом к плечу. Ему тогда сильно досталось. Получив в драке перелом ключицы и растяжение связок, он всё равно не отступил. А потом, спустя годы вспоминая о произошедшем, всё не мог понять: как такие безобидные парни вдруг в одночасье озверели? Что двигало ими? Перед внутренним взором нет-нет да и всплывали остекленевшие глаза школьных друзей, бросавшихся на него с яростным упорством и в то же время с каким-то обреченным отчаяньем.

Картинка размылась, пропала, а вместо нее возник новый образ, отправленный ему Ниной: ядовито улыбаясь, за дракой с интересом и наслаждением наблюдает желтоглазый худосочный подросток.

– Ну, что скажешь? – промелькнула в зеркальном отражении хищная ухмылка. – Вспомнил детские обиды? Хочешь

вернуться и отомстить? Я могу это устроить. Месть – такое сильное чувство, такое сладкое, всепоглощающее! – голос заполнял сознание, покоряя, властно подчиняя, заставляя снова и снова желать обидчикам зла, придумывать для них всё новые страшные мучения...

– Вспомнил! – Сергей внутренне собрался, успокаивая сознание. Он знал, какой реакции пытается добиться от него собеседник. Твердая решимость во что бы то ни стало спасти Нину помогла успокоить рвущуюся наружу дикую ярость, и он ровным тоном произнес: – Мои друзья после не могли ответить, почему так поступили. Ни себе, ни другим. Их на учет в детскую комнату¹⁹ поставили. И потом вся жизнь кувырком пошла. А ведь неплохие парни были. От души жаль их. – Привязанный к столбу пленник решительным взглядом пробуравил отражение Жегларда в зеркале. – Но именно этот случай помог мне определиться с будущей профессией. Это одна из причин, по которым я поступил в медуниверситет. А благодаря растянутым в драке связкам всерьез задумался о строении человеческого тела, увлекся неврологией.

Самодовольная улыбка упыря исказилась страшным оскалом. Предводитель дернул головой, щелкнул пальцами – и в сознании Сергея появилась новая картинка: зимний стылый вечер. Они с женой засиделись у друзей, возвращались поздно. Ледяной ветер пронизывал до костей. Хотя до дома было всего два квартала, оба успели основательно промерзнуть и,

¹⁹ Имеется в виду детская комната милиции.

чтобы сократить путь, пошли через темные дворы.

Вдруг из проулка вынырнуло двое парней. Всё предсказуемо, как обычно в таких случаях: попросили закурить, оскорбили жену, сдернули у нее с головы новую норковую шапку. Началась драка. Светлана с криками о помощи побежала к освещенной витрине ближайшего магазина. Но подмога подоспела лишь к зачинщикам безобразия: из темноты выбежали еще трое. Грабители остервенело пинали ногами уже давно не сопротивлявшегося Сергея, пока не устали. Отошли в сторону, закурили. А тело, его тело осталось лежать на стылом асфальте в растекающейся луже крови...

Жеглард внимательно наблюдал за отражением привязанного к каменному столбу мужчины.

Сергей судорожно сглотнул, вспомнив боль, страх за жену. Вспомнил бессилие и увечья, от которых так и не смог полностью восстановиться. Ненависть к обидчикам волной захлестнула сознание. Но тут же гнев смыло новым отправленным Ниной видением: стоявший всё это время немного поодаль худосочный желтоглазый юнец подошел, склонился над распростертым на холодном тротуаре Сергеем и с ехидной улыбкой спросил: «Ну что, проверил свои силы, человек?»

А отражение бесновалось:

– Я помогу, я дам над ними власть! Вперед! Сверши правосудие! Лишь пожелай – я всё исполню! Таким подонкам – только месть! Только смерть! Не должны такие твари землю

топтать!

Сергей, опустив голову, молчал. В его эмоциях не было зла. Тьма не смогла прорваться к сердцу человека, и душа его не утонула во мраке.

Черный Предводитель в бешенстве заскрежетал зубами и развернул перед пленником пятнадцать лет семейной жизни: непонимание, взаимные обиды, ссоры. Наконец – измену, разбитое сердце, разрыв с семьей и одиночество... Боль утраты на миг сковала всё тело... но вновь светлым лучом потянула его из тьмы отчаяния златокудрая Хранительница, показав виновника этих бед. И в отправленном ею воспоминании Сергей увидел дежурного врача, выходящего из больницы палаты и обращающегося к медсестре со словами: «Если кризис переживет, вряд ли снова ходить сможет. Родным сообщите».

Светлана, его Светка, еле освободившись от расспросов следователя, спешит по широкому коридору к палате, где находится Сергей. Издалека услышав слова врача, споткнулась на бегу, прижалась к стене, отчаяние захлестнуло сердце: «Иринка так мала, родители старые, маму-сердечницу вообще тревожить нельзя!» Мысли скачками понеслись в ее голове, стремительно сменяя друг друга.

Внезапно часть светильников на потолке погасла, и в полумраке к Светлане приблизился высокий тонкий мужчина: «Ну, не надо, не стоит так расстраиваться, драгоценная моя».

«Кто вы?» – она невольно отступила от возникшего на пути незнакомца и прикрылась рукой, словно защищаясь.

Сделав один большой шаг, он оказался перед растрепанной женщиной, резко наклонился, сверкнул перед глазами блестящим ключом на цепочке и властно спросил:

«А на что ты готова ради мужа?»

«На всё», – без размышлений ответила Светлана, быстро утерев слезы.

«И на предательство, и на подлог? А готова жизнь свою за него отдать? А чужую жизнь искалечить сможешь?»

Вместо ответа она запричитала:

«Мы всего-то пять лет вместе! Как я без мужа останусь? Как мне без него жить? Дочка совсем маленькая, накоплений почти нет, что я с инвалидом делать буду-у-у?»

«Да не рыдай ты так! – незнакомец навис над зареванной женщиной хищной птицей. – Хочешь мужа спасти или нет?»

«Хочу», – всхлипнула она.

«Ладно, время еще есть. Дам я тебе за красоту твою да стоворчивость лет десять-пятнадцать семейной жизни. А потом – не обессудь, плату потребую».

Светлана в изумлении приоткрыла рот:

«Плату? Какую плату?»

«Ты согласна? Согласна заплатить потом, чтобы сей же час муж здоровым стал? Пятнадцать лет вместе – в достатке, в здравии? – он немного помолчал, изучая ее эмоции. – Ну, нет так нет. Счастливо оставаться».

«Постояйте! – судорожно стиснув руки, крикнула ему Светлана. – Я согласна! Что бы вы потом ни пожелали, пусть сейчас муж будет здоровым, пусть поднимется со страшной белой кровати, пусть живет!»

Хилые плечи злодея победно расправились. Он обернулся и с торжествующим видом воззрился на жену врага, так легко попавшуюся в его сети.

...Из палаты напротив вышел врач и обратился к медсестре:

«Танюша, вы опять снимки перепутали! – Он увидел Светлану и повернулся к ней: – В рубашке муж ваш родился. Множественные гематомы, ушиб мягких тканей, большая кровопотеря. Но всё это – не беда. Организм молодой, сильный. Поправится. Настораживает, конечно, смещение позвонков. Но перелома нет. Вылечим героя вашего, не переживайте...»

Светлана порывисто сжала доктору руку, но тут ее взгляд упал на торопливо семенящую по коридору пухлую пожилую женщину. Навстречу ей в меркнувшем свете, небрежно поигрывая ключом на золотой цепочке, шагал высокий щуплый мужчина...

Изображение пропало.

Израненное сознание Сергея вновь побороло тьму. Острая горечь ослабла, чувство обиды и разочарования уплыло в сторону, жгучий стыд угас.

На мутной поверхности зеркала опять отражалась лишь

злорадно ощерившаяся наглая физиономия Предводителя.

– Ну, что ты на это скажешь? Что теперь в душе твоей? Сколько в ней света осталось? Измена! Предательство! – злодей плотной черной тучей заволакивал сознание Сергея, впивался злыми иглами в сердце. – Ненависть, презрение! Вот чего достойна эта обманщица! Нет таким прощения! Не стоят такие даже ногти твоего! – Граф неслышно подошел к Сергею и сбоку, с осторожностью, но и с не меньшим любопытством, попытался заглянуть в глаза. – Проклятье! – отшатнулся, схватившись тонкими руками за лицо, болезненно потер глаза. Надев темные очки, вновь подступил к связанному по рукам и ногам человеку. – Я жду твоей реакции! – улыбка ехидно змеилась на скуластом лице.

– Я прощаю ее, – без тени эмоции ответил Сергей.

– Что? Предательницу, разрушившую всю твою жизнь, прощаешь? – воскликнул Жеглард.

– Она сделала это не по своей воле – по твоей указке. Ее можно пожалеть, понять и простить. Но ненавидеть ее я не могу... – Сергей вздохнул и продолжил: – Да не старайся ты так. Знаю, сколько еще ты мне показать можешь: и непонимание сторонников традиционной медицины, и до сих пор неразрешенные вопросы по службе, и... да что перечислять... Я всё вижу, знаю, что за каждым из моих недоброжелателей стоял ты. Всё прозрачно, мотивы твои мне известны.

– Психиатр, тьма тебя возьми... – Предводитель обеску-

раженно дернулся, но взял себя в руки. – А ты умнее, чем я думал. И крепче. Любой другой на твоём месте давно бы сапоги мне целовал в исступлении, господином называл и преданно в глаза бы заглядывал.

– Как легко ты людей с толку сбиваешь!

– Работа у меня такая, – поблескивая острыми клыками, нагло улыбнулся граф. Он понял, что его чёрный замысел провалился, но всё ещё пытался сохранить лицо. – Да разве я одинок в своём перспективном занятии? Сонмы моих подручных по свету шныряют, мысли людские засоряют, души незрелые в полон берут. Стоит только зерно в омрачённое сознание заронить, а дальше вы сами друг друга в грязь втоптываете. Зачем мне напрягаться, если вашими же руками зло на земле творится?

Вот и друзей твоих школьных никто не принуждал бить спортсмена, активиста, э-э-э... красавца, которому они во всем подражали. Что ты! Они сами просили сделать их непобедимыми в драке. Так этим троим хотелось превзойти тебя. Ну нельзя же быть сильнее друзей? Я с радостью согласился им помочь, – произнес граф с нахально подделанной искренностью. – А в ответ получил согласие на исполнение одного желания. Зависть – такая подлая штука! Любого сговорчивым сделает. Как думаешь?

Он торжествующе взглянул сквозь стекла очков на не удостоившего его ответом Сергея, потер руки и продолжил:

– А такие, как ты, мне особенно интересны. Творцы! Иде-

алисты! Как легко задурить вам головы красочными картинками спасения страны. Что такое страна? Народ? Ха! Чья страна – тот и правит (с нашего разрешения, конечно). А подавляющее большинство населения той самой страны, планеты, галактики – бессловесные рабы, способные только спину гнуть на господ и молчать. А не захотят молчать – управа на каждого найдется.

В нашей системе давно все варианты просчитаны-предусмотрены. И каждому можно свою сказку подsunуть. Сказка для молодых и чрезмерно уверенных в своей правоте – тщеславие, для наивных – слюнявые сантименты, для жадных – сребролюбие. Людишек так легко подловить, у каждого свой крючок имеется! Все вы в молодые годы грезите о своей особенностях.

Отрадно наблюдать, как поначалу ты отчаянно веришь в себя, как в душе твоей сильные эмоции блещут, какие мысли светлые влекут тебя ввысь! А потом я тебе препятствие, или разочарование, или боль утраты подкину, и – ах! – бастион твоих убеждений дает трещину, начинаешь ты сомневаться в верности своего пути. К примеру, поверив в необходимость и правильность своей очень нужной для Родины и очень секретной работы, ты – пусть и по приказу свыше – можешь совершить такие дела, от которых потом выворачивает наизнанку.

Но ты идешь по этому пути, получаешь награды и звания, стремишься достичь новых высот в желании добиться одоб-

рения, стараясь доказать самому себе, что поступаешь правильно. И забываешь всё, о чем мечтал в начале пути. Видишь мир таким, как необходимо твоему начальству (то есть мне – твоему повелителю!). Потому как постепенно, по крупицам темнеет твоя душа.

И ведь ты понимаешь, что тебя просто-напросто используют. И не отвертеться... Не согласишься и дальше исполнять роль винтика в страшной машине – напомнят о родственниках (не дай бог случится с ними что-то!) или лишат средств к существованию.

Отвернувшись от света, всё дальше уходишь ты в тень, всё меньше сил у тебя на борьбу с соблазнами. И вот сознание захватывают отчаянные, тяжелые мысли. И ты понемногу сдаешься, погружаешься в пучину одиночества и безысходности. Видеть это, чувствовать отягощение твоего естества – истинное наслаждение!

Но главный сюрприз я тебе еще не раскрыл! – Жеглард злорадно оскалился. – Знаешь, кто помогал мне день ото дня рушить твою жизнь? Знаешь ли, почему все эти беды на твою голову свалились? Догадываешься, почему система практически перемолола тебя в своих жерновах? Ты думаешь, освободился, отошел от дел? Нет, драгоценный мой! Ты в сетях до конца жизни своей!

Граф сделал рукой приглашающий жест, и к Сергею, высоко подняв голову, твердым шагом подошла Антонина. Она с презрением смотрела на своего человека, которого совсем

не помнила, не знала, не понимала.

– Вот твоя главная головная боль, вот проводник, через который я долгие годы питаюсь твоей силой. Это она помогала мне. Узнаешь ее? – глумливо улыбаясь, закончил тираду Предводитель.

– Бедная моя, – с состраданием посмотрел на девушку Сергей. – Как же ты в его сети попала?

В ответ Воительница спесиво приподняла бровь, надменно воззрилась на человека, но... когда взгляды их встретились, Антонина, словно утонув во взоре Сергея, потянулась к нему всем естеством, забыв о своей мерзкой миссии.

Предводитель взвыл, сжав жилистые руки, отшвырнул девушку в сторону и зловеще зашептал, протянув к Сергею скрюченные пальцы, страстно желая расцарапать ему лицо. Но прикоснуться к человеку не мог, а лишь заходился в бесильной ярости:

– Ну, ничего, ничего-о-о! Сговорчивыми вас сделает боль!

Он немного пришел в себя и уже со странным каким-то вожделием в голосе продолжил:

– Сильная, часами, годами, столетиями не прекращающаяся боль! Порабощенные мною нечестивцы станут рвать тебя на части, а я буду возвращать твое тело в минуту нападения через каждые полчаса. Посмотрим, сколько ты продержишься! – Жеглард щелкнул пальцами, и из густой тени в освещенный факелами центр пещеры вывалились полчища безобразных бесов – преданных приспешников Предводите-

ля.

Возникая из темноты, поначалу они были не больше наперстка, но за секунды вырастали в двухметровых отвратительных монстров. Заполонив зловонными тушами почти всю пещеру, нежить рычала, ощерив клыкастые пасти, теснилась, напирала, норовя добраться до человека, вонзить в него зубы и когти, разорвать трепещущую плоть на куски. Свободным осталось лишь небольшое пространство диаметром метров в десять. Главные герои застыли в немом противостоянии на небольшом освещенном островке среди волнующегося моря тьмы.

Сергей явственно чувствовал, как невидимая черта отделяет его от прислужников мрака. Он понимал: это Нина отдает последние силы, сдерживая натиск зла.

– Не старайся, злобствующий гений, не получится у тебя ничего, – спокойно произнес Сергей. Он смотрел на Хранительницу, он сосредоточенно поддерживал ее своей внутренней силой, абсолютно не реагируя на окружившую его со всех сторон армию нежити.

Предводитель, замерший в стойке над Сергеем, как собака над дичью, резко обернувшись и проследив за взглядом человека, гневно воззрился на исковерканное тело Нины:

– Да сколько эта рухлядь светить еще будет?!

Он грязно выругался и воскликнул:

– Всё! Мое терпение лопнуло! Если нельзя чем-то завладеть, то просто необходимо это уничтожить. Раз уж не мне,

значит – никому! Тоже неплохой вариант, – внезапно успокоившись, согласился сам с собой злодей и повернулся к Востительнице.

Глядя на нее сквозь зеркальные стекла очков и, изобразив на лице любезное выражение, с легким поклоном произнес:

– Дражайшая Антонина, вы простите мне нечаянную грубость? Работа, понимаете ли, нервная. Но эта маленькая неприятность, надеюсь, забудется. Ведь я невероятно рад сообщить вам о долгожданном событии...

Граф стремительно выпрямился и, гневным жестом указывая на Нину, с пафосом провозгласил:

– Ваш час настал, несравненная моя! Пришло время избавиться от этой вредной случайности в вашем безупречном естестве. Она своим присутствием всегда портит вашу такую прекрасную сущность, внося в нее посторонние, ненужные мысли и эмоции. Она портит всё! Исправьте это, наконец! Оставайтесь единственной полноправной хозяйкой, владейте этим человеком безраздельно!

Предводитель торжественно вручил амазонке черный хлыст, на конце которого шипели и извивались змеиные головы.

– Одного удара будет достаточно, – коварно улыбнулся он девушке и, сопровождаемый могучим охранником, отошел к противоположной стене. Нежить на его пути суетливо расступалась, не смея приблизиться к господину.

Антонина послушно приняла из рук Жегларда смертель-

ное для Хранителей оружие. Ни минуты не сомневаясь, сделала несколько шагов к распростертой на каменном полу женщине, от света которой уже почти ничего не осталось, и взмахнула плетью.

Сергей напрягся, изо всех сил пытаясь разорвать путы. Бесполезно!

«Нет! Этого не должно случиться!» – вся жизнь пронеслась перед глазами доктора...

И на краю возбужденного сознания вдруг вспыхнуло:
«Ты – человек. Твоя мысль всесильна!»

ГЛАВА 21

Уже на излете кончик кнута вдруг полыхнул белым пламенем и, зашипев, словно бикфордов шнур, испепелился, рассыпался в прах. Произошло это так быстро, что напоенный ядом кожаный хлыст не успел впиться в израненное тело Нины – разлетелся в воздухе за краткий миг. Антонина опешила, с изумлением разглядывая горсть пепла в раскрытой ладони. Нежить вокруг загоготала: приспешники Жегларда заржали, забулькали, заулюлюкали. Однако Предводитель вздрогнул, изменился в лице и, одним движением пальца соорудив вокруг себя защитное заклинание, шепнул подручному: «Уходим!»

Перед тем, как сделать шаг в образовавшийся портал, он бросил приспешникам:

– Взять! На цепь человека! И этих, – он кивнул на Нину и Антонину, – в клетку! Обоих!

Воительница в недоумении оглянулась на своего господина, но тот поспешил ретироваться с места событий.

Сергей смотрел прямо на Жегларда. Защитное поле корчилось и съеживалось. Граф успел скрыться, но подручному не так повезло: лопнувшая защита накрыла охранника оплавленными ошметками, и тот с диким воплем рухнул в закрывающуюся дыру портала.

А вокруг человека и Хранительницы уже сгрудились бесы, злобно скалясь и предвкушая скорую расправу. Они даже не задумывались, почему сбежал Предводитель. Получили приказ – и с тупой готовностью спешили исполнить желание господина.

Когда-то все они были живыми. Но, совершив различные преступления против мира и людей, а прежде всего – против своего естества, не смогли вновь воплотиться в человеческом образе. Им дана была иная жизнь – в страшных обликах, с низкими стремлениями, вечными неумными желаниями. Их раздирали бешенство и алчность, жажда наживы и дикая потребность всё разрушать на своем пути. Они просто были неспособны на проявление более высоких чувств. Но без лишних рассуждений следовать приказу сильнейшего, подчиняться, пресмыкаться, бездумно и подобострастно преклоняться – это они умели...

Бесов поналезло слишком много. И образы их были

многогранно-ужасающими. Скелеты в рыцарских доспехах, мертвые воины в потрепанной форме со времен царств и королевств до армий новейшей эпохи. Синие и красные околыши на фуражках советского времени. Стильные костюмы правящей верхушки, припорошенные толстым слоем пыли. Зубастые, клыкастые, перерожденные в ужасное нечто бывшие... из мира людей...

Глядя на волнующееся море нежити, Сергей судорожно соображал: «Чтобы обездвигить всех, потребуется очень много времени. Но мне надо как можно скорее спасти Нину... Я справлюсь, ведь это же просто приспешники, безликие инструменты в руках зарвавшегося упыря!»

Стоп! «Обездвигить...» – снова пронеслось в сознании.

Человек посмотрел на врагов внутренним зрением: тусклые огоньки окружали их со всех сторон. Можно просто лишит эти инструменты двигателей – их внутренней силы.

Представив себе бабкин (тогда еще бабкин) черный кувшин, Сергей сосредоточился, отринул ненужные эмоции. Спокойно и уверенно потянул мутные сущности из безобразных тел. Невесомые субстанции, слабо трепыхаясь, повисли в дымном воздухе. Мужчина сконцентрировался. И одним рывком заточил сгрудившиеся под сводами пещеры темные эманации внутри непроницаемого для зла сосуда. Заткнул горлышко воображаемого кувшина кукурузным початком и выдохнул, огляделся вокруг: кузовами старых машин, безмолвными манекенами застыли в неестественных

позах уродливые фигуры. Только Антонина в растерянности стояла среди черных изваяний. Она одна не пострадала при этой пятисекундной смене власти. Ее человек не тронул...

Доктор мыслью освободился от веревок, подошел к Нине, бережно подхватил на руки, взглядом очистил израненное тело от грязи и кровоподтеков, создал для женщины новое свободное платье и уложил ее в созданную из света легкую сияющую колыбель. «Такие еще называют обережным коконом», – вспомнил он один из уроков Хранительницы.

Затем, не глядя Антонине в глаза, обратился к ней:

– Остановись, Воительница, подумай, что в тебе светлого осталось. Зацепись за это чувство, загляни в себя. Сумей выбраться из тьмы. Ты же сильная.

А та, безвольно опустив руки, шептала:

– Как же так? Я должна быть для тебя первой. Я же так по тебе скучала... Столетиями думала о тебе, представляла, каким ты стал, чего добился. Я должна быть с тобой, а ты уходишь с ней, – по щекам девушки катились слезы, она в отчаянии потянулась к Сергею. – Я сама не знаю, почему столько бед тебе и Нине причинила...

Подходя всё ближе к доктору, амазонка говорила и говорила о том, что скучает. И о том, какая она молодая, сильная, страстная. Как хорошо им может быть вдвоем, сколько дел великих совершат они вместе... Звонкий голос рыжеволосой красавицы перешел в прерывистый, завораживающий шепот, она с невероятным упорством пыталась пой-

мать взгляд мужчины.

А за спиной прелестной девы, прорвавшись из подпространства и просочившись сквозь стены пещеры, восходила огромная огненная луна. Она полыхала в черной пустоте, обручем сковывая сознание, заполняя собой всё вокруг, заставляя подчиниться, сдаться, упасть ниц перед призывно, с отчаянной надеждой потянувшейся к нему красавицей. Но Сергей не видел лунного огня, не смотрел на обворожительную красоту – взгляд его был устремлен на заключенную в кристальную оболочку почти бездыханную Хранительницу...

Луна стремительно разрасталась, сияла всё ярче, разбрасывая вокруг всполохи холодного огня. Призывный голос девушки звучал всё громче, жаркие руки жадно обвили Сергея, сознание его заполонил страстный шепот: «Я не могу потерять тебя... Я хочу быть с тобой. Я так долго мечтала о встрече. Пусть все идут к черту со своими противостояниями. Ты будешь моим. Я столько этого ждала, столько вытерпела ради этой минуты... В конце концов, я заслужила это право – быть с тобой! Ты только взгляни в мои глаза, поверь мне... Потому что я очень... я ужасно люблю тебя! Я готова на всё, лишь бы ты был рядом. Всегда со мной. Навечно!»

Но человек слегка отстранился от очаровательной девы и спокойно сказал:

– Оставь меня, отойди.

Воительница отшатнулась. Лунное зарево, раскинувшее-

ся над ней широким пологом, вздрогнуло и за краткий миг потеряло всепоглощающую мощь. Огненный диск, стремительно остывая, судорожно завибрировал, замерцал и погас. Всхлипнув, Антонина вся сжалась. По-старушечьи сгорбившись, отошла в сторону, села на камень и заплакала:

– Я просто хотела быть твоей единственной...

Доктор сам не понял, почему подошел к ней. Постоял немного, глядя на сизую мглу, вновь заполонившую своды пещеры, взял девушку за плечи и потянул к себе, заставив подняться. Руками нашел ее лицо, утер слезы. Обнял, прижался к шелковистым волосам щекой и произнес:

– Я прощаю тебя, Антонина. Прощаю за всё, что ты сделала Нине. Прощаю тебе все мои беды, прощаю предательство близких, нелюбовь, невнимание и презрение. Прощаю все козни, которые ты пускала в ход, чтобы настроить против меня жену, оппонентов и даже моих детей, молчаливо отказавшихся от отца. Прощаю одиночество, прощаю боль и безысходность. Я прощаю тебе всё. И от всей души желаю тебе найти свой путь к Свету.

На миг смежив веки, он провел руками по голове и плечам девушки, притянул ее лицо к себе и поцеловал. Затем, распахнув душу, открыв самые сильные человеческие чувства, внимательно посмотрел прямо в лицо Антонине, словно заряжая ее энергией Света. Одновременно с этим он изучал ее внутренним зрением. В лучистых глазах амазонки вдруг вспыхнули ярко-зеленые искорки, взгляд наполнился любо-

вью и надеждой.

– Значит, ты не отвернулся, не оставил, не забыл меня! – в голосе ее звенела радость, глаза сияли животворным огнем.

Но, опомнившись, Воительница вдруг крепко ухватила мужчину за плечи:

– Темные силы – три страшные занозы из души моей изгони! Скорее!

Сергей сразу всё понял, нырнул в подсознание, вспомнив непринужденный разговор под раскидистой березой. И сбивчиво стал читать Антонине сочиненный под руководством белки стишок, в незамысловатых строчках которого были спрятаны якорные слова, призванные разбудить поработанное сознание и вырвать его из лап тьмы.

*Гордыня с Обидой поселятся в сердце –
От сумрачных дум никуда вам не деться.*

*Умейте от злобы себя защищать.
В ответ научитесь любить и прощать.*

*И снимет с вас морок и тьму Раздражения
Простое к ошибкам людским снисхождение.*

Антонина скороговоркой повторяла за ним каждую строчку. Уже без участия Сергея вновь продекламировала стихотворение. Подумала. Прислушалась к тому, что происходит

у нее в душе. И прочла стишок снова. Затем глубоко вздохнула и четко произнесла:

– Я люблю... Я прощаю... Я люблю себя и люблю весь мир. Я никогда больше не произнесу этого слова просто так, без высокого чувства в душе. Я прощаю себя за всё, что сотворила в неведении либо по злему умыслу. Я всё исправлю. Я прощаю себя и прощаю жизнь. Всё хорошо.

Амазонка вновь чутко прислушалась к себе. Сначала ничего не происходило. Но вот по телу девушки пробежали золотые искорки. Они сияли, перемигивались и всё ярче светили.словно солнечные лучи, растворяли мрак, не давали ему вновь утвердиться в душе, тянули-вытаскивали наружу грязь, боль и злую накипь. Сверкали всеми цветами радуги, своими радостными всполохами не оставляли мраку ни шанса. И наконец, проломив заслон тьмы, вырвали из тела и сознания Воительницы пленившие ее злобные эмоции.

Вот к ногам Антонины острыми иглами посыпалось Раздражение. Оно так и осталось на полу, не смогло (а скорее всего, не пожелало) перевоплотиться. Дохлой рыбой влажно шмякнулась о камень Обида и, волоча по граниту расплывающееся желеобразное тело, со скорбными воплями поползла в расщелину меж камней, не забывая при этом злобно зыркать по сторонам. Плюхнувшись в небольшое углубление и тихо подвывая, она тщетно пыталась собрать себя воедино, подняться и обрести форму.

Высоко вздернув голову, вышла-отслоилась от тела де-

вы Гордыня. Брезгливо глянув на стонающую Обиду, она немного отступила, чтобы не испачкаться о липкую эмоцию, и, надменно глянув на Сергея, произнесла:

– Не радуйся своей победе, человек. Ненадолго это восхождение давно утерянного светлого образа. Вашего самопростительного сочинения для полного освобождения недостаточно. Мелочь это... Минута-другая – и мрак в теле Воительницы проснется. Тьма всеильна!

– А не развеять ли мне тебя, чтобы не говорила лишнего? – повернулся к ней Сергей.

– Грубиян! – презрительно скривила та красивые губы и направилась вглубь пещеры.

– Постой-ка, – Сергею в голову пришла мысль, и он на ментальном языке обратился к ней: – *«А оборотная сторона Гордыни – это Гордость?»*

Надменная красавица вздрогнула, в глазах промелькнуло замешательство.

«Что ты хочешь сказать?» – так же мысленно ответила она.

«Я разглядел тебя в душе Антонины. Увидел, что ты не та, кем себя считаешь!»

«Я... не верю тебе», – медленно, словно прислушиваясь к тому, что происходит у нее внутри, помыслила Гордыня.

«А ты себя послушай, себе поверь», – ответил Сергей, пристально глядя в ее расширенные глаза, в которых разгоралось зарево жестокой внутренней борьбы. – *Я тебе разре-*

шаю... вспомнить себя».

Гордыня словно отключилась. Закрыв глаза, она недвижимо стояла рядом с амазонкой. Но Сергей видел, как ярким пламенем сгорают в ней все темные эмоции, как отступают под натиском нахлынувших воспоминаний боль и злоба, как возвращаются давно забытые силы Света, как просыпается от долгого сна смелая, независимая и величественная Гордость.

И она... вспомнила! Да! Она вспомнила, как на высоком каменном уступе сражалась плечом к плечу с Ариной. Она сама тогда вызвалась, отделилась от тела Воительницы и ринулась на полчища тьмы. Она не стремилась сохранить себя, она рвала врагов на части, она всю себя готова была отдать ради того, чтобы спасти Нину, спасти Сияющее Сознание... Перед мысленным взором проносились картины страшного неравного боя, где почти не осталось выживших... Лишь Арина с Любовью и Надеждой в душе и она – Гордость. А вокруг – уже никого! Никого из Светлых... Только жалкие отзвуки жизни витали над обгорелым утесом...

Гордость вновь вскинулась, задрожала, увидев в своих воспоминаниях, как скрутили ее жадные черные щупальца, утащили во мрак... истязали, обратили... и спустя столетия вновь вернули в почти неживое тело Арины, которая стала Антониной с ее (!) помощью! С помощью потерянной, считавшейся безвозвратно погибшей в бою Гордости!

Она мысленно забилась в исступлении, в жарком присту-

пе гнева и раскаяния. Ей безудержно хотелось взвыть от осознания своего, пусть и непреднамеренного, предательства. Но Сергей своим полем крепко держал ее на месте.

«Только тихо! Терпи! – мысленно успокаивал он. – Не двигайся, не кричи! Никто не должен догадаться, что ты проснулась».

«И что мне теперь делать? Как всё исправить?» – недоумевала Гордость, изо всех сил пытаясь сохранить видимость безразличной надменности.

«Сейчас ты откроешь глаза. И не забудь про высокомерный взгляд, – инструктировал ее Сергей. – Возвращайся, поддерживай Антонину. Ты ей очень нужна. Только пока не проявляйся. Будешь у нас бомбой замедленного действия».

«Да уж, – мстительно вскинулась обращенная эмоция. – Я им потом так бабахну! Мало не покажется!» – И шагнула к Антонине, вернулась в обездвиженное тело.

«Успела! Тьма не пробудилась пока, – мысленно шепнула она Сергею. – Незаметно проскользнула... И еще вот что! Я слышала, как Жеглард над поверженной Ниной колдовал. Говорил ей, что Волю твою и Силу изъяли. Странно как-то говорил, словно зомбировав ее. Проверь: точно ли их на Высокий ледник отправили, под покровом ночи запечатали?»

И если та сила, что остановила сегодня войско Предводителя, из естества Антонины врагов-шпионов вынула, мою полярность сменить смогла, – это всего лишь малая часть твоего бывшего величия, то сколько же силы в тебе было до

похищения?! На все междумирья ее хватить должно! Волю свою найди, обрети Силу настоящую... Не стой! Скорее Нину хватай и в Синие горы беги! Там, там выход, – обратила она внимание Сергея на хрустальное зеркало. – Это портал. Беги! Мрак пробуждается!» – Изумрудный взгляд прекрасных девичьих глаз снова заполонила тьма...

«Держись», – Сергей погладил безвольно застывшую Антонину по плечу и потянул запечатанную в обережном коко-не Нину в сторону зеркального портала.

В следующий миг пространство пещеры вновь заполнилось мраком. С воем и грохотом многометровую внешнюю стену пробил злобный Смерч, разметал закаменевшие тела бесов, раскрошил их, развеял в пыль. Замер, огляделся. Кроме Антонины, застывшей посреди залы с отсутствующим взглядом, в пещере не осталось никого. Только разбитое зеркало межпространственного перехода зияло золоченой рамой, нагло насмехаясь над несостоявшимся преследователем.

ГЛАВА 22

В просторной зале с черным камином бушевала гроза. В бессильной ярости метался взад-вперед граф Жеглард, громя всё, что попадалось под руку. Как посмел какой-то человечиска одержать верх над великим Черным Предводителем?! Как ему удалось справиться с армией монстров, ней-

трализовать Антонину, сбежать вместе со своей ненаглядной златовлаской?! Как он вообще смог понять, что решить все проблемы можно одной только человеческой мыслью?! Его же так хорошо обработали – злобный гений сам проследил за этим!

Граф повернулся к прислужнику:

– Кто там из свидетелей остался? Привести!

Внутри огненного кольца втокнули Обиду. Она затравленно огляделась, словно побитая собака, сжалась и запричитала:

– За что, хозяин? Ничего не сделала, ничего не зна-а-аю...

– Молчать! – оборвал тот слюнявую тираду. – Рассказывай, что видела.

– А что я видела? – шмыгнула Обида длинным носом. – Сначала в теле Воительницы силы черной много было, и луна сияла как сумасшедшая. Потом почему-то свет погас, и мы все как по команде отключились. Из тела нас одним махом вытряхнули. Меня в яму кинули, распылить, развеять пригрозили. А Раздражение вообще собраться воедино не смогло. Так и рассыпалось на иглы, так и развеяло его по пещере страшным ураганом. Валяется там, распыленное. Ой, что делается, что творится! Горе-горюшко мне, я теперь страдаю-плачу без умолку-у-у!

– Да ты не о себе рассказывай! Что там с Гордыней случилось? О чем они говорили? – нетерпеливо перебил ее Желгард.

– А чё, я их понимаю что ли, когда они на своем ментальном общались? Сначала перебросились парой обидных фраз. Потом замерли, как две статуи, уставились друг на друга глазами. Он как коршун над нею навис, затем чего-то руками стал махать (наверное, грозился). А после... после опять в душу к Антонине затолкал... – Обида немного подумала. – Не-е, она сама вошла в тело отключившейся от бытия девы. Постояла-покачалась, головой помотала, как собака. Потом выпрямилась и шагнула. Одним махом в тело вошла... Сильная Гордыня у нас – не переломить ее, видать... Вот и вся история Гордынюшкина...

А я? Бедная, несчастная-я-я! Выпер этот изверг меня из тела-сознания навечно, не найти мне теперь теплого жилища-а-а... Что со мной, горемычной, будет теперь? Без дома, без тепла сердешного осталася, сиротинушка-а-а!

– Убрать! – брезгливо отмахнулся Предводитель от причитающей эмоции. – Кто там еще осталася? Ведите!

Подгоняемая суровыми стражниками Обида, подхватив нижнюю часть расплывающегося брюха, словно толстая баба пышную юбку, живо потекла к выходу. Мимо нее двое подручных вели в зал Антонину. Безвольную, погруженную в беспомысленность. Остановившись перед Жеглардом, дева обвела высокую залу бессмысленным взглядом прекрасных черных глаз и замерла на месте.

– На цепь, в башню! – отмахнулся от девушки Предводитель. – Что, больше свидетелей не осталось? Всех мой стре-

мительный недалёковидный племянник в пыль обратил? – граф поморщился и повернулся к стоящему рядом с амазонкой стражнику. – И для чего мне эта кукла?

– Ну как же, господин... – конвойный явно оторопел.

– Зачем она мне нужна? Что теперь это грозная Воительница собой представляет, без Раздражения, без Обиды, без Самоуверенности? Ничего! Зависти в ней – ни на грош, Подлости – тоже. На одной Гордыне и держится. Да и где там она, эта бездельница? Что-то не видно, совсем от рук отбилась. А не будет этой сдерживающей эмоции – останется одна бесполезная красота да нерастроченная, огромная, неуправляемая сила. Воли и той у нее ни грамма не сохранилось. Бесит! Такой экземпляр испорчен...

– Так может, ее того... Хаосу скормить? – робко спросил прислужник.

– Ты что! Кого скормить? – взметнул брови Предводитель. – Стеречь, глаз не спускать! Если вдруг с ней что-то случится – кто ей тогда помешает прежний облик принять, переродившись? А если она догадается, что еще в нынешнем воплощении сможет вновь воссиять в единении с... – граф осекся, спохватился, но – поздно!

Он был в бешенстве. Потерял бдительность и проговорился! Внимательно посмотрел на верного стража: не понял ли тот, что хозяин выдал страшную тайну? Но конвойный глупо таранился на господина, выражая всем своим видом преданность и подобострастие. Однако Жеглард не доверял случаю.

Он для верности испепелил подручного и тщательно просканировал пространство: а вдруг кто-то еще слышал его слова? Граф раздраженно передернулся и в глубокой задумчивости покинул просторную залу.

* * *

Жеглард зря уничтожил верного слугу. Клыкастый при-спешник всё равно ничего не понял из сумбурной, путаной речи господина. Зато поняла белка, вместе с похитителями и похищенными друзьями попавшая сначала в мрачную пещеру, а затем и в покои Предводителя. Она, прикрывшись от чужого взгляда шикарным алмазным ожерельем (оберегом, естественно), потеряла лапки, поправила на шее сверкающее украшение (эх, жаль, никто не видит красоты этакой!) и огляделась вокруг. Никого... Как заправский шпион, вычислила под сводами замка систему вентиляции и отправилась в путь.

Путешествуя по черной цитадели, Рыжуля пробралась через длинный, узкий и пыльный воздуховод в сплошь опутанную паутиной маленькую кладовку, где хранились старые швабры, ведра и сушились на грубой веревке тряпки. «И зачем темным все эти средства уборки? Они что, о чистоте заботятся?» – изумилась рыжая исследовательница. Осмотревшись, она радостно пискнула, заметив на нитях паутины в ближайшем углу давнего своего знакомого.

Белка, скрытая от глаз обитателей кладовки защитным та-

лиманом, перейдя на универсально-ментальный язык Запределья, который хорош тем, что кроме двоих «беседующих» никто не может узнать, о чем идет речь, мысленно окликнула паука:

«Слышь, восьмиглазый, давно не виделась. Помнишь меня?»

Паук перестал плести свою липкую сеть, изумленно отозвался:

«Рыжуля? Откуда ты здесь?»

Убедившись, что паук ее узнал, белка продолжила:

«Дело для тебя есть. Надо собаке зубастой весточку передать. К тому же задолжал ты мне по-крупному. А долг, как известно, платежом красен».

«Я тебе, рыжая, долг уже давно отдал, еще когда того блондинчика – гения компьютерного – от морока освобождал, – отвечивал паук, вальяжно развалившись в центре паутины. – Думаешь, легко незаметно через границу в мир людей переползти, в жильё, полное всякой страсти технической, пробраться, незнамо кого куснуть да еще зелье из скляночки в ранку капнуть?»

«Чего трудного-то? – возразила белка. – Все в отключке были. Там хоть всех перекусай – никто бы и не пошевелился. А скляночку-то верни. Чай ручная работа... Да не ерепеняйся ты, – добавила она, – одному большому делу служим... Про скляночку не забыл, болезный?»

«Вот крохоборка», – проворчал паук.

Но пузырек протянул перед собой, с интересом проследил, как тот быстро исчез-растворился в воздухе, а затем с усмешкой продолжил:

«Это ты служишь, а мне всё едино. Кто заплатит – тому и послужу. А голодным я вовек не останусь: мухи-то всегда будут, что на стороне Света, что на стороне тьмы».

«Ты мне про мух тут не заливай. Отнесешь весточку или нет? А может, мне по-другому с тобой поговорить?» – она протянула лапку к ажурной паучьей сети, грозя смять в комок и паутину, и ее творца.

Паук, отследив мысли белки, вздрогнул и, мастерски изобразив страх, перешел на «вы»:

«Ой, нет! Что вы, Рыжюля Авдеевна! Я всё сделаю, но... только за желание». – Его энергия завибрировала, перерастая из заискивания в глумление.

«Что?» – не поняла белка. Ее взгляд почему-то всё время останавливался на запыленной птичьей клетке, на дне которой вперемешку валялись старые рваные носки, покрытые (даже сквозь толстый слой пыли было заметно) ржавыми разводами от давно запекшейся крови.

Паук не замечал, куда смотрит белка, не чувствовал ее недоумения.

«Ну, как вы там, Рыжюля Авдеевна, говорили? – ехидно произнес-подумал он. – Долг платежом красен? Я весточку доставлю, вы желание исполните. А по поводу применения грубой силы к моей скромной персоне – это вы зря... Забы-

ли, на чьей стороне находитесь? Здесь перед вами никто заискивать не станет. Тут вы сами в любой момент в силки попадете, стоит только мне знак подать! Так что? За кем теперь должок?»

Белка дернула хвостом:

«Что-то неравно у нас с тобой долги весят. Не спасла бы тебя тогда в Дальнем лесу, так и валялся бы: головогрудь – отдельно, а... сам знаешь что – отдельно».

«Фу, какая вы грубая», – обиделся паук.

«Много слишком для тебя! Ишь чего захотел! Желание! – раздосадованно покривилась Рыжуля. – Да и не сочинил ты еще желание свое. Так, наобум ляпнул».

«Да как вы могли обо мне такое подумать!» – начал было паук, но ворожея его перебила.

«Вот что, – решила она. – Отнесешь весточку. И Клавдии скажешь, что оберег тебе от меня обещан».

«Какой оберег?» – встрепнулся паук.

«От смерти. Ни гад ползущий, ни птица, ни рыба убить тебя не смогут».

«А человек, а зверь? А ежели вдруг нападет на меня богомол какой?» – паук явно желал большего.

«Бессмертным хочешь стать? – нависла над ним белка. – Смотри! Ты в этой камерке не один, я могу и другого исполнителя найти... Да и кто мне помешает, неудачно повернувшись, тебя по стене размазать? Никто и не заметит скорой смерти твоей: пикнуть не успеешь, не то что знак

подать. И уж тогда оберег кому-то другому послужит. А я договариваться умею, ты меня давно знаешь».

Испугавшись, что обещанный талисман может уплыть из его восьми цепких лапок, паук засуетился:

«Всё, всё передам! Что сказать-то нужно?»

«Скажешь ей вот что...» – белка вновь глянула на клетку, тряхнула головой, затем наклонилась ближе к пауку и с самым серьезным видом шепнула ему мысленно несколько слов.

«Ой! – всплеснул лапками паук, – тут же одна материца на беличьем! Вы сами-то от таких слов не покраснели, случайно?»

«Под шерстью не видно, – парировала белка. – Гляньте, какие мы нежные! Как мухам забродивший нектар сплавить да в паутину заматывать – здесь у него лапка не дрогнет. А три матерных слова на беличьем произнести – сразу интеллигентность проснулась».

«Так это ж я ради романтики, – стал оправдываться паук. – Просто словить да замотать муху – банально, скучно. Ну что здесь такого? Выпьешь с ними нектара, потусишь... Пьяненькие мухи такие смешные, грех доверчивостью не воспользоваться. А что? Вполне гуманная смерть, – продолжал он вдохновенно. – Там они в путях страдают, мучаются. А тут – весело, беззаботно, в радости и блаженстве... Я их так и так потом в паутину заматаю. А с нектаром – романтика, приключения!»

«Ну ты, романтик, – белка вернула разговор в первоначальное русло. – Отправляйся уже. Запомнил, что сказать надо?»

«Забудешь тут! До чего скверные слова!» – передернулся паук.

«И еще, – добавила белка. – Соврешь Клавдии про осторожные правила или от себя чего присочинишь – не сработает».

«Да помню я, помню, – паук уже карабкался по незаметным на первый взгляд нитям паутины к трещине в стене. – Я тут все тайные ходы знаю. К ночи уже до госпожи Клавдии доберусь».

Белка проводила паука взглядом, незаметно снабдив его амулетом удачливого путника (который непременно должен был самоликвидироваться после исполнения задания), и повернулась к птичьей клетке: что же там такое внутри? Отчего эти носки ей покоя не дают?..

Она неслышно подобралась поближе, внимательно оглядела металлическую решетку, попробовала на вкус пылинку, принялась к затхлой вязаной куче. Что это? В груди колыхнулись до боли знакомые чувства – ощущение материнского тепла, нежное ласковое прикосновение, веселый щебет беличьей малышни... Не может быть! Рыжуля тихо клацнула зубками, вооружившись талисманом проницательности, и... замерла.

«Мама, мамочка... Милая моя... Папочка, и ты здесь... Что же вы, братишки, как же так?»

Сквозь покотившиеся по мордочке слезы она смотрела на окаменевшие, запыленные рыжие тушки. Их было пятеро в клетке – пять давно пропавших из Светлого Запределья осторожных белок: мама, отец и трое младших братьев. Они не умерли. Но состояние, в котором они теперь находились, было страшнее смерти: их обрекли на долгую муку. Они остались живы, но не могли дышать. Они думали, но не имели возможности произнести ни слова. Они чувствовали, но не могли ничего поделать – ни вернуть прежний облик, ни хоть как-то облегчить свое положение. Каждому из них оставалось лишь беспомощно наблюдать, как близкие неподвижно лежат рядом и рассыпаются старой шерстью по дну железной тюрьмы.

Рыжуля молча плакала, утирая слезы пушистым хвостом. Она вытащила из подпространства скляночку с солнечным зельем, но замерла в нерешительности. Нельзя! Нельзя привлекать внимание... Нельзя в этой убогой кладовке обращать своих близких... Вон сколько вокруг членистоногих соглядатаев²⁰ тьмы: только шевельнись, только задень невидимую сигнальную нить – вмиг начнется паника, враз сбегутся черные стражи. И тогда уж точно спасать будет некогда... Что же делать? Как их тут оставить? Как вытащить из заточения всех сразу – и Антонину, и родню? Да всех, всех узников вызволять надо... Она еще раз оглядела помещение.

²⁰ Соглядатай – тот, кто тайно наблюдает, шпионит за кем-нибудь или чем-нибудь.

И уже не старые ведра и швабры, не грязные тряпки сушатся на веревках. Это всё – соратники, светлые воины, звери, птицы, жители вод речных и морских. Сколько их! Сколько!!!

Неожиданно осознав всю меру ответственности, белка утерла слезы. «Мамочка... Братишки... Друзья... Вы потерпите. Я быстро. Главное – я теперь знаю, где вы. Я обязательно вернусь за вами. Вы только дождитесь меня».

Она вновь вскарабкалась к воздуховоду. Стоп! Узкий проход деловито заплетал паутиной черный паук. «Вот зараза!» – Белка чуть не попалась.

Она пристально оглядела ажурное сооружение, дождалась удобного момента – и заключила паука вместе с паутиной в невидимую сферу, убрав их из пространства. Но одновременно с этим создала точную проекцию. И теперь подставной паук деловито сновал по несуществующей сети, сквозь которую и прокралась беспрепятственно Рыжуля.

«Куда же тебя деть, вертухай восьмиглазый? – оглядывала она стенки узкого тоннеля. – Не тащить же с собой».

Заметив сбоку небольшое углубление, носом стала закапывать туда сферу с пауком. Что-то мешало. Белка осторожно заглянула: не таится ли в маленькой норке опасность? И ахнула: оттуда торчало серебристое перо. Она потянула его осторожно, вытащила, полюбовалась. Затем достала еще два – таких же серебристых, больших, роскошных! А следом – еще несколько маленьких перышек!

Рыжуля, почуяв исходящее от них светлое волшебство,

собрала все. «Чего же вы, ребята, такие большие? – мысленно обратилась она к перьям. – Я же вас в подпространство не засуну. Заметят! Сразу засекут всплеск энергии... Здесь таких чувствительных – на каждом метре по три штуки...»

Она прицепила перья к ожерелью невидимости, а в освободившуюся нишу закатила злополучного паучишку. Привалила его для верности камешками и направилась искать темницу Антонины.

ГЛАВА 23

У крыльца раздался грохот. Жеглард поморщился: беспардонный племянник, несмотря на то, что солнце еще не село, соизволил прибыть с визитом. Предводителя съедала зависть: этот мальчишка свободно мог летать днем, используя для прикрытия от смертельных лучей лишь черные тучи. Графу же приходилось прятаться от обжигающего светила под специальной одеждой и за плотными шторами.

Небрежно сунув лакею роскошную шляпу, сбросив на руки другому слуге черный плащ, отделанный соболиным мехом, молодой князь без лишних разговоров перешел в наступление:

– Сколько уже ты мне девок этих отдать обещаешь! – он пронесся по широкой зале, всколыхнув тяжелые бархатные портьеры на окнах, и с размаху плюхнулся в любимое кресло Жегларда. – А на деле что? Нина сбежала, Антонину на цепь

приковал. Когда слово сдержишь, дядя?

Смерч цепко схватил поднесенный ему на чеканном подносе высокий бокал. Услужливый лакей проворно отступил в сторону, чтобы фужер Предводителя не упал от резких движений Нерца.

– Ну, скажем так, златовласку ты сам упустил, драгоценнейший мой. – Стоя у камина, Жеглард неспешно потянулся к поднесенному слугой кубку. – Я уже хотел от нее избавиться, но вовремя вспомнил, что тебе ее пообещал, – нагло врал он в глаза племяннику. – Безудержная порывистость вновь сыграла с тобой злую шутку. Кто же порталы рушит, вместо того чтобы по звездному следу путь жертвы определять? Сам перед собой дверцу и захлопнул. – Граф, отвернувшись к огню, злорадно ухмыльнулся промаху Нерца. Очень его веселили чужие просчеты. – А за Воительницу еще не всё уплатил. Сколько увесистых кошельков с детскими слезами недостает в моем заветном сундуке?

– Да ты же меня знаешь! – воскликнул разгоряченный Смерч. – Уж я-то не подведу!

Но алчный дядюшка только отмахнулся:

– Ты уже подвел! Всё бесу под хвост! Столько усилий пропало впустую. Если бы мне тогда удалось уничтожить эту светлую Хранительницу, человек уже давно бы томился в подвале Черного Замка! Такое вкусное, такое сияющее сознание уже подверглось бы расщеплению в одной из моих лабораторий! Уж я бы не пожалел усилий, чтобы навек его

погасить! Чтобы обратить эту сущность, заставить служить, преклоняться, исполнять мою – МОЮ! – волю! А теперь что? Неужели всё заново придется начинать? Строить козни, строить планы, находить способы их осуществления!

Нерц поднялся, немного покружил вокруг Жегларда и, тихо присев около камина на мягкий пуфик, проворковал:

– Ну, гаденький мой, ну, злопыхательный... Я тебе снова помогу. Сделаю, что скажешь. Поймаем мы так необходимого тебе человечка. Но сейчас-то что тебя останавливает? Войди ты в мое положение... Сгорю ведь от страсти... Ну раз не отдаешь красотку в мои владения, то хоть меня к ней пусти. На часок! Всего на час!

Предводитель размышлял: Антонина сейчас в странном, неуравновешенном состоянии, нет в ней Обиды и Раздражения. Гордыня, конечно, всё еще держит под контролем Воительницу. Но теперь ей одной нелегко совладать с дикой тьмой в душе беспамятной девы. Слишком много зла закачал в свое время Жеглард внутрь хрустального кокона. Да прибавить к этому новые «достижения» храброй и безрассудной амазонки... Как бы не захлестнула сторяча тщедушного сластолюбца. Она хоть и бесчувственная почти, но тьму кормить ей никто не запрещал...

Хотя, если посмотреть с другой стороны, необъятные владения Нерца граничат с территорией Предводителя. И, случись что с дражайшим племянником, графу не составит большого труда отнять у своей полоумной сестрицы тысячи

акров прекрасных угодий, прибрать к когтистым рукам дело, приносящее славный доход.

– Решено! – злобный гений порывисто встал. – Так и быть, мой юный князь, на один час отправляйся, уйми бушующую страсть. Только в глаза очаровательнице своей не сразу смотри. Проверь, не проснулись ли в ней ненароком светлые силы. Чуть больше Света в ней разгорится – и взгляд ее всё твоё нутро насквозь прожжет. И еще... Дождись захода солнца. Свет его лучей на закате как раз заглядывает в окно высокой башни. Мало ли что... И оружие лучше здесь оставить... – Жеглард протянул блестящий ключ на длинной цепочке и добавил: – Но оплата за проведенный с ней час – по тройному тарифу! Не думай, что просто так сможешь с моей собственностью развлекаться.

– А я и не думал. Я всегда знал, что для тебя всего важнее, – расплылся в злорадной ухмылке племянник, доставая из кожаного кошелька на поясе увесистый бархатный кисет.

* * *

Схватив из рук прислужника шляпу и плащ, вооружившись заветным ключом, Нерц свел воедино расслоенное пространство, стремительно вознесся в высокую башню и ворвался в полукруглую комнатку с высоким потолком и узким стрельчатым окном. Два закрепленных у стен факела тщетно пытались разогнать сумрак. Лучи заходящего солнца, освещавшие часть камеры, справлялись с этим гораздо

эффективнее.

У противоположной стены на соломенном тюфяке сидела рыжеволосая красавица. Она безучастно взглянула на молодого расфранченного господина в шляпе с роскошными страусовыми перьями, закрепленными у основания высокой тульи золотой пряжкой с яркими алмазами.

– Ты забыла, что надо встать при появлении знатной особы? – пытаюсь скрыть дрожь в голосе, князь в волнении прошелся по темнице, старательно избегая льющегося в высокое окно солнечного света.

Дева спокойно встала, по привычке глядя мимо темной сущности, дабы не обжечь. Худосочный Смерч обошел вокруг нее, обшаривая стройное молодое тело липким взглядом. Неслышно приблизился, втянул трепетными ноздрями аромат роскошных рыжих волос, жадно облизнул пересохшие вдруг губы.

– И как тебе тут? Не скучаешь по своим прекрасным покоям? – Волна предвкушения пробежалась по тщедушному телу.

– Нет, – коротко ответила Воительница.

– А чего бы тебе хотелось? Я всё могу, у меня всё есть! – Нерц порывисто приблизился к девушке сзади.

Амазонка промолчала, лишь слегка склонила голову, словно прислушиваясь к эмоциям незваного гостя. Тот расценил ее молчание по-своему. Пальцы жилистой руки вцепились в девичье плечо. Вторая рука ветреного сластолюбца

жадно обхватила тонкую талию, потянувшись к вырезу платья.

В следующий миг зарвавшийся ловелас завис над каменным полом, беспомощно болтая худыми ногами. Антонина, схватив его за горло и гневно глядя прямо в глаза, четко произнесла:

– Никогда! Никогда не прикасайся к девушке без ее разрешения!

Во взгляде ее плескалась уязвленная женская гордость. Да еще какая!

Восприятие действительности предприимчивого князя раздвоилось. С одной стороны, он тщетно пытался разжать руку девушки, хрипел, слабо брыкаясь. Параллельно с этим в его уме промелькнула совсем неуместная в данных обстоятельствах мысль: «Гордость! Высшей пробы! Это сколько же выручить можно?..» В голове отпечаталась цифра с тридцатью двумя нулями.

Но инстинкт самосохранения тут же возобладал над жадностью. Всколыхнувшийся страх небытия заставил горе-соблазнителя действовать, сопротивляться. Он попробовал обратиться в ревущий ураган и вырваться из крепкого захвата, но не удалось: сила амазонки намного превышала сейчас его собственную. «Что это? – мелькнуло у него в голове. – Гордость девы – мощнее, чем сам Черный Смерч?»

Свободной рукой Воительница вынула из богато инкрустированных ножен у широкого пояса неудавшегося донжуана длинный узкий кинжал, неспешно повела острым лезви-

ем пред округлившимися от ужаса глазами мальчишки.

– Мне тебя поглотить и забрать всю силу, лишить достоинства и выбросить его в окно или дожждаться ночи и Хаосу по частям скормить? – она смотрела на него черными страшными бездонными глазами.

Вокруг неудержимо сгущался мрак. Тело Нерца мелко задрожало, предчувствуя скорую расправу. Он застонал и попытался позвать стражу. Но амазонка крепко держала его. Только жалкий хрип вырвался из передавленного горла.

Смерч в панике забился в руках властной красавицы: кто его сейчас услышит, когда он сам создал проход в многократно смещенных на лестнице пространствах и отправил стражников вниз, чтобы не мешали?..

Воительница с силой бросила представителя знатного рода на пол. Роскошная шляпа слетела с его головы, дорогая алмазная заколка расстегнулась, рассыпав пышные перья по грубой каменной кладке. Антонина медленно подошла, сгребла в охапку ничего уже не соображающего от страха волокиту, встряхнула – и с размаху швырнула тощее тело в противоположную стену. Нерц врезался в грубо обработанный гранит и бесформенным мешком рухнул вниз.

Дева решительно взмахнула кинжалом и... замерла... Опустила руку с оружием и словно к чему-то прислушалась. Под ногами хрустнули измочаленные перья. Красавица пристально вгляделась в бесформенный ворох, наклонилась и подняла длинное серебряное перо. Затем еще два... Медлен-

но, словно что-то вспоминая, она подошла к окну и в свете заката стала рассматривать находку.

Неожиданно по темнице разлился хрустальный звон. Перья, разлетевшись на сияющие капельки, окружили Воительницу, заплясав перед ней веселыми искорками, легли на голову сверкающим огненным кольцом. Чуть погодя золотой обруч растворился, вошел внутрь.

– Здравствуй, моя Проницательность, с возвращением, – прошептала девушка.

Пусть не полностью, но она вновь могла видеть реальную подоплеку, скрывающуюся за внешней стороной событий.

Тьма отступила. Неяркий свет смоляных факелов вновь осветил помещение. Антонина подошла к незадачливому ухажеру и присела перед ним, внимательно рассматривая и словно заново знакомясь.

– Да ты знаешь, что с тобой теперь будет? Да ты знаешь, кто я такой? – Нерц, всё еще остерегаясь расправы, уже пытался взять ситуацию в свои руки.

– А ты сам-то знаешь, кто ты?

Ответ обескуражил мальчишку.

– Я – Темнейший князь! Великий Смерч!

– Ну, князь – может быть. Допустим, что и Смерч... Есть в тебе особые ветренные способности... По поводу величавости твоей, – она покачала головой, – вопрос спорный... Но, если ты – темнейший, чего же тогда мне в глаза смотришь? Ты же увидел, что во мне сейчас вовсе не Гордыня, а Гордость.

Даже в денежном выражении ее стоимость в доли секунды определил, – усмехнулась дева с горечью.

Смерч осекся на полуслове, заготовленные угрозы разом вылетели из головы.

– В глаза? Смотрю? – князь опешил.

Он был ошарашен. В своем стремлении обладать красавицей он совсем забыл, о чем предупреждал его дядя: полный оскорбленной гордости взгляд Антонины насквозь прожигает темную сущность! А он до сих пор цел!

– А... кто же я?

– Не знаю пока. Но что не темный ты – это точно.

– А как же я тогда... А как же ты меня... видишь?

– Вижу как-то. Вполне возможно, что тебя так же, как и меня, заморочили. Только очень давно...

– Но я же всё о себе знаю. Помню...

– Что ты помнишь? – дева покачала головой. – Сколько Повелители Стихий живут? Вечность! А в твоей памяти что? Около тысячи лет сплошных черных дел, гадких развлечений да накопленных чужими страданиями богатств. И это – всё?

Она снова немного помолчала и задумчиво произнесла:

– А я что о себе помню? Что знаю? Только то, что хозяин рассказывал? Говорил, что я – великое оружие. О моем высшем предназначении постоянно напоминал. А потом... потом обманом свою половину уничтожить предложил. На цепь посадил, когда не добился желаемого, когда я его на-

дежд не оправдала, планы разрушила...

Она повернулась к Нерцу. Как-то по-матерински погладила по голове:

– Ты, дружок, не тушуйся. Ищи себя. Только не будь таким прямолинейным, как я. Чтобы в черном подвале или высокой башне у них не оказаться. С этими коварными бестиями напрямую нельзя. Ты же не зря – Смерч. Вот и будь всегда начеку, не показывай им своей сути... И еще, – она встала и прошлась по комнате, волоча тяжелую цепь. – Ты почему взрослеть никак не хочешь? Сквозь эпохи живешь, а всё пацан пацаном.

– Дура! – больше всего Нерца обидело, что красавица разговаривает с ним как с маленьким. Он же – мужчина! А она его... – Дура!

Он сжал кулаки, вскочил, вихрем пронесся по каменному мешку. Не в силах вынести пронизательного взгляда девушки, с лету проломил жесткий переплет решетки и, выкрошив гранитный камень, шумно вывалился в стрельчатое окно. Взмыл в чернеющее небо, помчался по небесным просторам, совсем не замечая, что багровые лучи заходящего солнца освещают его широко распростертые черные крылья.

А из разбитого окна за ним пристально наблюдала рыжеволосая красавица, по-бабьи подперев ладошкой щеку:

«Лети-лети, подальше от этих страшных мест. Я бы тебя Вольным Ветром назвала, если бы можно было. И... почему-то я вижу огромное солнце в твоей душе... Может быть,

ты – Солнечный Ветер? Вольный, сильный, неподвластный планетарным энергиям Посланник Солнца?»

* * *

«Ничесе, у вас тут концерты по заявкам!» – ворвалась в голову к Антонине задорная мысль.

Девушка в изумлении обернулась – из-под жесткого тюфяка выглядывала рыжая белка. Она, сжимая зубами короткую соломинку, взобралась на подоконник, бесцеремонно дернула Антонину за рукав и, вынув тонкую трубочку изо рта, помыслила:

«Ну что, бежим, пока мучители твои не всполошились?»

«Ты кто? – с интересом оглядела зверька Антонина. И тут же сама себе ответила: – Ты Рыжуля, бережная белка. Но мы с тобой не встречались».

«Ага, это я. Мы раньше не виделись. Но ты наверняка моего папу, Авдея Шустрого, знала».

«Не знаю. Не помню. Я могу говорить только о тех событиях и существах, что вижу перед собой. А памяти у меня нет...»

«Ну да, ну да, – покачала головой новая знакомая Воительницы. – Оно и понятно...»

«Мне тоже многое становится понятным... Пока ночь не наступит, пока тьма снова душу не заполонит».

Рыжуля тут же встрепенулась:

«Если что, там уже стража по лестнице поднимается.»

Давай готовься, будем совершать побег по всем правилам... Или нет... без правил улизнем».

«А это как же? – амазонка показала на цепь. – Эта железяка заговоренная, ее так просто не снять».

«Это ты так думаешь, потому что не помнишь, как такие цепи "на раз" рвала. Хоть заговоренные, хоть... любые. Попробуй... Глянь на закат, соберись и – рви кольцо».

Антонина, ни секунды не мешкая, быстро взглянула на последние лучи уходящего солнца, глубоко вздохнула, присела и одним движением разомкнула закрепленные на щиколотке кандалы. Стальная заклепка порвалась, словно бумажная.

«Надо же!» – удивилась своим возможностям дева.

«Вот и молодец!» – радостно пискнула белка. – *Теперь давай сюда, на подоконник влезай».*

Она уже ворожила над засохшим стебельком, капнув на него из маленькой зеленой бутылочки и что-то тихонько приговаривая. Антонина присела рядом.

«Пей!» – белка протянула ей пузырек. – *Только малюсенький глоточек, иначе потом не найдем тебя!»*

Антонина чуть пригубила пахнущее утренней свежестью питье. Следом за ней и белка глотнула из флакончика. Обе стали быстро уменьшаться. Девушка с интересом следила, как мир вокруг разрастается, как увеличивается соломинка, превращаясь в полое бревно. Вскоре они с Рыжулей сравнялись в размерах. Обе – не больше муравья.

«*Давай за мной!*» – белка пронзительно свистнула, затем влезла внутрь бревна-соломинки. Амазонка, не раздумывая, последовала за ней.

В следующий момент в помещение вбежали два вооруженных зубастых стражника. Но увидели они только маленькую юркую птичку, вспорхнувшую с подоконника с сухой былинкой в клюве и на глазах растворившуюся в вечернем воздухе.

ГЛАВА 24

Хрустальное зеркало, завибрировав, пропустило сквозь себя Сергея и почти бездыханную женщину, жизнь в которой поддерживалась только колыбелью света. Сияющий портал многогранно вспыхнул и открыл перед беглецами широкую площадку, покрытую крепко спрессованным снегом. Жгучие порывы холодного ветра били в лицо.

Сергей, силой мысли включив внутри кокона дополнительный обогрев, для верности еще и завернул колыбель в пушистую меховую накидку. Для себя создал обычный в мире людей горнолыжный костюм и утепленные ботинки. Огляделся. Вокруг, на сколько хватало глаз, громоздились заснеженные горные вершины.

Высокое небо над головой отливало такой насыщенной лазурью, что, казалось, даже горы впитали в себя эту интенсивную синеву.

«Синие горы», – понял Сергей, и тут же в сознании возникла строчка из мавкиного предсказания:

«Снегом с Синих гор омой...»

Он развернул теплое покрывало, раскрыл колыбель и бережно опустил женщину на снег. Неистовый ветер тут же стих, словно проникнувшись важностью момента.

Человек нагреб вокруг Нины большой сугроб. Искристые снежинки, соприкасаясь с израненным телом, медленно таяли, вливались внутрь, заживляя оставшиеся раны и вычищая из пор Хранительницы въевшийся мрак. Тьма, вытесненная изнутри, мутной пеленой поднялась над женщиной. Неожиданно взъярившийся ветер рванулся с диким ревом, смял дымную завесу и в исступлении, словно давнего ненавистного врага, разорвал ее в клочья, разметал по округе.

Сергей проверил пульс на шее женщины. Еле слышно билось ее сердце, едва толкая по венам кровь. Доктор завернул хозяйку в теплый мех, снова уложил в сияющую капсулу, зависшую в метре над слоем снега, и проверил температуру внутри восстановительной камеры: после снеговой ванны необходимо как можно быстрее согреться. Поискав глазами, куда бы спрятаться от пронизывающего холода, оглянулся вокруг и увидел... Увидел, как сбоку сквозь ледяной панцирь на склоне горы слегка просвечивает зыбкое марево.

«Портал!» – понял человек и, придерживая рядом мерно покачивающуюся колыбель, шагнул в проем.

Перед взором уставшего путника словно по волшебству

возник высокий ледяной грот. Сияющие разноцветными кристаллами стены свободно пропускали дневной свет. Пронизанный солнечными лучами и переливающийся всеми цветами радуги потолок подпирали прозрачные витые колонны. Ледяной пол был настолько гладким, что затейливое переплетение сверкающих потолочных стропил²¹ отражалось в его поверхности, прилежно повторяя замысловатый узор и причудливую игру света. Великолепие ледяной залы поражало своей ширитой, изяществом и гармонией. Человек на секунду остановился: это какой же силой сознания надо обладать, чтобы сотворить такое совершенство!

В глубине грота серебряно зазвенел колокольчик, и кто-то, невидимый пока, произнес чистым и звучным голосом:

– Вот и гости пожаловали! Как раз вовремя!

И навстречу стремительной походкой вышел хозяин – сам Дух ледника.

* * *

Дух был сказочно прекрасен. Высокий, статный, атлетически сложенный, с красивыми руками и длинными изящными пальцами музыканта. Казалось, на вид ему не более двадцати пяти лет, но пронзительный взгляд говорил о многовековом опыте и великой мощи: безбрежное море силы и спокойствия в глубине ярко сияющих прекрасных глаз, обрамленных длинными изогнутыми ресницами. Покрытые

²¹ Стропила дома – несущие конструкции скатной кровли.

легким инеем брови взлет. Мерцающие прямые волосы ниспадали, льдистым водопадом струясь по плечам. Беломраморное лицо порой озаряла легкая улыбка, и словно светлее становилось вокруг. Хозяин ледника вовсе не выглядел бестелесным. Наоборот. Шаги и голос его гулко отдавались под голубыми сводами грота. Тонкая невесомая материя длинных одежд, казалось, была соткана из мириад сверкающих снежинок.

Он движением руки издали распахнул капсулу, быстро подошел и оглядел завернутую в меха Хранительницу. Слегка наклонился над ней и, резко выпрямившись, обратился к Сергею:

– У нее осталась минута. Может быть, две... Потом сердце остановится, и светлый дух ее навечно поселится в моих владениях.

– Минута? – доктор застыл в замешательстве. – Что можно сделать за такое короткое время?

– Ты еще успеешь с ней попрощаться, – грустно улыбнулся Дух.

Сергей судорожно соображал: как же быть? Попытаться остановить время? Отдать Нине все свои силы, чтобы жила, чтобы не уходила в небытие? Тьму из души ее изгнал снег, очистил нанесенные злом раны. Почему же она бросает своего человека, почему не возвращается из забвения? Доктор отчаянным напряжением воли сосредоточился и оглядел девушку внутренним взором: ее энергия чуть теплилась, со-

здавая ореол вокруг сердца. Над головой уже угасал сияющий нимб, жизнь покидала тело. Мысли Сергея лихорадочно кружились, всё перепуталось, в сознании билось только одно: неизбежность смерти. «Она уже никогда не вернется, никогда, никогда...» От бессилия он застонал и стиснул зубы...

– У тебя что-то есть, – Дух снова приблизился, словно прислушиваясь, и вскинул бровь. – Щедрый подарок!

Слова его пробивались к сознанию откуда-то издалека.

– Подарок? – переспросил Сергей.

Ледяной красавец, покачав головой, добавил:

– Ктarr! Редкая субстанция, обладающая у нас свойством неуничтожимости.

– Странное слово какое-то. Смешное даже, – сквозь боль и отчаяние произнес Сергей, глядя на Хранительницу. Черты ее лица заострились, тело неестественно вытянулось, готовясь отринуть душу, сотни лет согревавшую его.

– Адреналин, по-моему, звучит намного смешнее, – улыбнулся Дух.

– Смешнее? – мужчина что-то напряженно восстанавливал в памяти. Параллельно с этим он вливал и вливал в тело Нины свою энергию. Но живой огонь не задерживался внутри. Искры Света беспрепятственно проходили сквозь опустошенное энергетическое тело женщины, расплываясь в пространстве сияющим облаком.

– Ну, по-вашему – адреналин, по-нашему – ктarr... – тер-

пеливо объяснил хозяин ледника и вдруг замер на полуслове. Затем спокойно, без тени смятения или боли произнес: – Сердце Хранительницы остановилось.

Сергей в ужасе ринулся восстанавливать сердцебиение, проверил сонную артерию и не смог нащупать пульс. Забыв про внутреннюю силу, про всё, чему его учила Нина, он воспользовался отработанным за годы врачебной практики методом: вынул женщину из капсулы, спешно положил на гладкий ледяной пол, разбросав в стороны края мехового покрывала, рванул на груди новое платье. Сложив ладони крестнакрест, резко, всем телом, не сгибая руки в локтях, нажал на грудную клетку. Еще раз и еще... «Раз, и раз, и раз!..» Отсчитал двенадцать толчков и приступил к искусственной вентиляции легких. Подождал пять секунд, после чего продолжил реанимацию в том же ритме: двенадцать толчков на два выдоха.

Дух спокойно стоял над ними. Края широких рукавов и строгий ворот рубашки лунного цвета, виднеющейся из-под распущенных на груди тесемок белоснежной мантии, серебрились морозными узорами. Свободные брюки заправлены в белые сапоги из мягкой кожи с изящными алмазными пряжками. Его бесстрастный голос гулким эхом звучал под сводами грота, отдаваясь в голове у человека:

– Отвлекись на минуту, обрати внимание на мои слова: здесь, за гранью небес, многое можно исправить. Однако время на исходе, последние секунды канут в Лету, и... кли-

ническая смерть станет биологической.

В сознании Сергея молнией пронеслось: «За гранью...»

«Грань небес не перейдешь, не решишься – не спасешь!»

Адреналин! Дернув вниз молнию на теплой куртке, доктор сорвал с шеи камышинку, в полости которой покоился мавкин подарок – острый шип.

Смутное сомнение, сдвинув в сторону беспорядочную круговерть чувств и образов, пролезло в голову: «Уколы в сердце давно никто не делает, такой метод – прошлый век! Надо в вену колоть!» Но он решительно отринул сумбурные мысли – и с размаху, одним резким ударом вонзил длинную иглу между ребер, в сердце! Час заветный наступил!

Гибкое тело выгнулось над полом дугой. Хранительница с шумом глубоко вобрала в себя воздух и с долгим выдохом снова опустилась на покрывало. Еще вдох, другой, третий... Сергей, замерев, наблюдал за Ниной. Дыхание восстановилось, и она открыла глаза.

– С возвращением, красавица, – улыбнулся Ледяной Дух, движением пальца реставрировав разорванный лиф платья. – Давно тебя не видел в такой прекрасной форме.

Шип по-прежнему дерзко торчал из груди сквозь ткань воссозданной одежды. Сергей выдернул его, мыслью залечил ранку. Взяв Нину за руку, проверил пульс.

С облегчением вздохнул и, поймав ее сердитый взгляд, тихо прошептал:

– Спасибо, что не оставила меня, родная.

– Фильмов в своем мире насмотрелся! – Нина села, откинула с лица прядь золотистых волос и сквозь прозрачный ледяной витраж недовольно оглядела простирающуюся внизу гористую местность. – На самом пике выход умудрился найти! Не мог подумать, что через черный коридор можно сразу в избу попасть, а не тащить меня к черту на рога?

Дух, слегка опешив от такого сравнения, изумленно вскинул бровь, но промолчал, улыбнувшись каким-то своим мыслям. А Сергей в недоумении уронил шип на ледяной пол. Тот, мгновенно остыв, с хрустальным звоном покатился по зеркальной поверхности. На острие поблескивала замерзшая капелька крови.

К Нине быстро возвращались силы. Лицо уже не было безжизненным, впалые щеки порозовели. Да и в голосе отчетливо слышались нотки недовольно-ворчливого и ставшего уже родным для Сергея бабкиного голоса.

– Ладно, заснеженный красавец, говори, что мы тебе должны, да пора нам. Вон уже солнце за полдень перевалило, – хмуро сказала Нина Духу, не глядя в его сторону.

– Да в общем-то я уже получил, что хотел. Даже сверх того. Сильные эмоции, ничего не скажешь, – гостеприимный хозяин слегка склонился над ней, предлагая руку.

Нина, проигнорировав его попытку помочь, живо поднялась с зеркального пола, завернулась в меховую накидку и стремительно направилась в сторону портала. На ногах ее сами собой возникли легкие теплые сапожки. Каблучки споро

застучали по гладкой, сверкающей искрами поверхности.

Сергей, слегка оторопев от ее грубого обращения с хозяином сияющего грота, протянул тому руку для рукопожатия:

– Ну, счастливо оставаться. Если я в будущем... (Нина резко остановилась, закатив глаза) ...что-то смогу... – но дальше доктор не произнес ни слова. Голос не повиновался, будто исчез. Губы задеревенели, дыхание перехватило. Сергей в изумлении схватился за горло. И воззрился с немым вопросом на спутницу, понимая, что это она виновна в неожиданной потере его голоса.

Но Хранительница, поведя плечом и даже не посмотрев на человека, как ни в чем не бывало направилась к выходу.

Дух быстро глянул на Нину, слегка склонился и с лукавой улыбкой отвечивал:

– Не стоит утруждаться, дорогой гость! Лишние хлопоты... – Затем, выпрямившись и расправив плечи, показал рукой в сторону мерцающего полупрозрачного портала: – Ну что ж, не смею вас задерживать.

Сергей снова обернулся к красавцу Духу с искренней благодарностью во взгляде и, раз произнести не получалось ни слова, кивнул на прощание и вышел вслед за Ниной под хлесткие порывы ледяного ветра.

– Еще увидимся, дорогой гость. – Дух с улыбкой посмотрел вслед Сергею и Нине, жестом схлопнул сияющую окружность портала и потер руки, словно предвкушая новое приключение.

Затем вернулся на середину большой зеркальной залы, поднял с гладкого пола острый шип. Внимательно разглядев его, с явным удовольствием произнес:

– Я действительно получил, что хотел...

ГЛАВА 25

Серый воробей, трепеща крылышками, прилетел к берегу полноводной реки. Бережно уложил маленькую соломинку на плоский камень, придержал для надежности лапкой и тихо чирикнул. Из мелкой ряби волн, весело сверкающей под луной, высунулся большой окунь, призывно блеснул крупной чешуей, осторожно перехватил соломинку, надежно укрыл в зубастой пасти и скрылся под водой. Он стремительно поплыл к тихой заводи, петляя меж стеблей камыша. Остановился среди зарослей кувшинок и пресноводных раковин-жемчужниц, небольшой колонией разместившихся на песчаном мелководье. Внимательно осмотрелся, покружил немного и, убедившись в полной безопасности, ткнул тупым носом в одну из ракушек. Та, словно ожидав команды, поднялась со дна на широком листе кувшинки, на миг распахнула створки, приняла в себя соломинку и тут же скрылась под водой. Круглый зеленый лист, вернув свой драгоценный груз на привычное место и взметнув вокруг облачко песка и ила, укрылся под осевшим слоем грунта. Никто и не догадался бы, что жемчужница имеет такой интересный «лифт».

чтобы подниматься на поверхность реки.

В самом центре поработанного Жеглардом пространства на своем посту вел бессменное дежурство моллюск Ефим. В этот вечер он получил зашифрованное сообщение и ждал прибытия сбежавших от злобного гения Рыжули и Антонины. Он поколдовал с внутренним и внешним пространством раковины, увеличив ее внутри втрое (при этом снаружи ракушка осталась прежней). Расслоил и заговорил поступление речной воды таким образом, чтобы вокруг его тела и особенно жабр постоянным потоком проходила наполненная кислородом влага. И в то же время осушил середину раковины, чтобы гости свободно передвигались и дышали. Проверил магическое оборудование по выработке кислорода, настроил перламутровое освещение. В общем, постарался, чтобы всем было комфортно.

...Воробей и окунь, исполнив свою часть работы, отправились восвояси. А внутри раковины белка, вытаскивая из соломинки впавшую в полубезумное состояние Антонину, вопила, обращаясь к оторопевшему хозяину:

«Шевелись, скользкий, держи ее! А то сейчас тьма вырвется!»

Моллюск, обескураженно крикнув, навалился на маленькую Воительницу, прижал к поверхности перламутрового слоя мягким телом. Белка, высвободив лапки, молниеносным движением вызвала из подпространства осторожный кокон и заключила в него девушку. Антонина яростно царапа-

ла прозрачную защиту изнутри, глаза ее горели безумным огнем, с уст срывались дикие вопли вперемешку со звериным рыком.

Белка, судорожно стиснув лапки, соображала: не ровен час, тьма изнутри разорвет маленькое тело Воительницы. Чем помочь? Что предпринять, чтобы дотянуть до рассвета?

«Держись! – шептала она – Всего-то часа три! Сейчас лето, солнышко рано просыпается. Оно тебя спасет, оно поможет! Крепись, не сдавайся мраку!»

Но Антонина уже не слышала. Кровавая пена выступила на губах, острые когти прорезались, превратив изящные руки в страшные орудия убийства.

Рыжуля судорожно перебирала в уме свойства доступных ей оберегов. Но, кроме хрустального кокона, другой защиты от тьмы, изнутри разрывающей каждую клеточку тела амазонки, не видела. Да и что это за защита – мучительная ежесекундная регенерация, когда убитую тьмой клетку тут же восстанавливает сила сияющей капсулы, продлевая муки и ни на миг не давая забыться.

Антонина боролась. Она не сдавалась. Она неистово сражалась, уже на излете, на волоске сознания цепляясь за жизнь, за... Ну, что-то не давало ей окончательно провалиться в бездну... Свет! Нужен Свет! Солнечный, жаркий, живой! Хоть немного, пусть не для победы... Хотя бы поддержать, помочь дотянуть до утра... Что же делать? Где взять его в непроглядной ночи?

Краем глаза Рыжуля заметила, как моллюск пытается улизнуть, перекатываясь желеобразным телом к краю раковины. И... тут же что-то потянуло его назад. Ефим словно разрывался. Одна его часть неумолимо двигалась к выходу, другая бурлила и вздучивалась мягкими волнами, рвалась к заключенной в кокон Антонине.

«Куда подался, слизняк?!» – грубо окликнула его белка.

«Я не слизняк, я моллюск!» – оскорбленно вскинулся хозяин раковины.

«И что? Ведешь себя как амeba бесхребетная! Где у тебя дополнительный источник Света? Кто помогать-то будет?»

«Я буду! Я!» – маленькая сияющая жемчужинка выкатилась из-под мантии моллюска.

«Куда! Дитя неразумное!» – всколыхнулся Ефим. – *«В каком мире живем! Как деток от бед уберечь? То рыба хищная норовит сожрать, то нежить всякая вокруг вьется».*

«Так вот оно что!» – опешила белка. – *«Ты что же ребенка такой опасности подвергаешь? Вокруг столько пресноводных жемчужниц. Препоручил бы соратникам!»*

«Нет более никого из наших в этой заводи. Одни мы с Нежданкой остались...»

«Ну, папочка! Да не бойся ты!» – тормошила его жемчужинка. – *«Ты же сам меня солнышку постоянно открывал, энергией Света наполнял-напитывал. Во мне столько тепла и счастья! Я справлюсь, я помогу!»*

«И не думай даже! Мала еще совсем! Туда же – справится она! Гляди не приближайся к кокону, там тьма тьмущая! Съест тебя, и не заметишь!» – Ефим плотнее прикрыл сияющую кроху своим телом.

«Нельзя так, папочка, бедняжке же вон как больно! Я отсюда чувствую ее страдания! Вижу, как душа ее плачет! Пусты, пожалуйста, пусты!» – жемчужинка стремилась на помощь, совсем не думая о страшной опасности.

Наконец она вырвалась из родительских объятий, подкадилась к сияющему кристаллу и шепнула белке:

«Тетья, посади меня. Я сама еще не могу взобраться. Высоко».

Белка в нерешительности глянула на Ефима:

«Что делать будем?»

Тот замер на полумысли, его жаберные пластинки в ужасе трепетали.

«Тетья Рыжуля! Я же – источник Света и Радости! Кто еще поможет? Для чего мы вообще на свете существуем, если в самый ответственный момент к родителям под мантию прятаться станем?.. Папа, – качнулась Нежданка навстречу моллюску, – ты же сам меня учил-воспитывал, что надо помогать в крошечной тьме всем, кому это жизненно необходимо! Сейчас что, не такой момент? Кто Светлому Сознанию поможет возродиться, если мы в сторонке отсиживаться будем? Для чего мне все эти светлые силы, зна-

ния и умения, если помогать некому станет?»

Белка вздохнула, подняла жемчужинку и уложила на хрустальную поверхность кокона на уровне горла Антонины.

«Пропусти меня, светлый оберег», – попросила крошка и тут же, просочившись сквозь прозрачную преграду, оказалась у девушки на груди. Затем прикрыла круглые глазки и засияла – до того ярко, что тьма, разрывавшая тело Антонины, замерла в полурывке, всплеснулась в испуге, судорожно отпрянула и отпустила сознание несчастной амазонки.

«Не так сильно, доча! – подкатился к кокону моллюск. – Ослабь свечение, ты же убьешь ее! Резкая смена потенциала приведет к остановке сердца!»

«Ее сердце молчит, – со вздохом произнесла Рыжуля. – Заморозили его, заледенили».

«Всё равно, чадо мое неразумное, рассчитывай свои силы, чтобы до рассвета хватило!» – наставительно говорил Ефим.

«Хорошо, папочка, – ответила малютка. – Не беспокойся за меня. Я всё сделаю так, как ты меня учил».

«Скользкий, – тихо шепнула Ефиму белка, со всё большим изумлением глядя на разливающееся вокруг жемчужинки сияние, – ты хоть отдаешь себе отчет, кого на территории врага вырастил? Это же ничем не замутненный Радостный Свет! И откуда ему здесь взяться?»

«А ты думала, я не знаю? – тоже шепотом ответил моллюск. – Говорят, много столетий назад в нашу заводь звез-

да упала. Я считал – сказки... А теперь всё чаще задумываюсь о том, что, может быть, наша Нежданка – это новое воплощение той самой упавшей звезды?»

«В любом случае увозить ее отсюда надо. Не ровен час, Жеглард про нее прознает... Он охотник до всяких экспериментов, – потеряла лапкой мокрый нос Рыжуля. — Вот границу перейдем – и там уже будем разбираться, свет звезды это или твоя беззаветная родительская любовь такие чудеса вытворяет, нерушимую силу ребенку дает».

Ефим только вздохнул. Он и сам давно решил бежать с Темной стороны Запределья, чтобы не подвергать малютку опасности.

Так они и несли свой караул. Жемчужинка сияла ровным живым огнем, белка поминутно проверяла состояние Антонины, моллюск время от времени вносил коррективы в «осветительно-просветительскую деятельность» своего любимого чада. Он боялся за жемчужинку и в то же время страшно гордился ее силой, отвагой и целеустремленностью.

Тьма изредка пыталась всколыхнуться, но ровный жемчужно-перламутровый свет и сияние кокона не давали ей вновь поработить Антонину. Минуты медленно текли, неутомимо приближая рассветный час.

* * *

«Ну, всё почти. Минут через пять солнце взойдет... Как ты там, кроха отважная?» – склонилась над хрустальной

капсулой Рыжуля.

«Ничего... Спать только очень хочется», – медленно открыв глазки, ответила Нежданка.

«Конечно, хочется. Весь режим ребенку порушили», – проворчал Ефим.

Он выставил из раковины ногу, пытаясь дать команду «Вира!» листу кувшинки, и вдруг замер в нерешительности:

«Это как так?»

«Что опять?» – вскинулась белка.

«Кувшинки нет, песка нет. Острое что-то вокруг».

«Открывай ракушку – посмотрим».

«Не открывается. Держит что-то. И... я движение чувствую... Где мы? Сейчас... Мы куда-то плывем!»

«Да что там такое? – Рыжуля, клацнув зубками, вооружилась всевидящими очками. – Мать моя рыжая! Да мы у щуки в пасти!»

«Что теперь будет?! – затрепетал моллюск. – Как быть? Мою раковину снаружи раскрыть трудно... Может, продержимся? Осаду переждем? Дитя на растерзание нежити не отдам!»

«Да уж, конспиратор... Бросят в кипяток – дверца и распахнется. Не раскрыть его... Уже раскрыли. И без особых проблем, как я понимаю. Разведчик, етить-колотить...» – белка, не переставая ворчать на соратника, судорожно прорывалась к сознанию схватившей их вражьей особи.

«Что? – возмутился Ефим. – Да нас вовек бы не рассек-

ретили, если бы тьма вашей Воительницы к своим не взывала. Я пытался как-то резонировать, но сигналы всё равно сквозь стенки раковины проходили. Вот и нашли нас по импульсам этим...»

«Эй, зубастая! Ты куда это нас тащишь?» – рассерженная белка наконец нашла ментальную дорогу к мыслям щуки.

Та не откликнулась.

«Быстро выпусти! Иначе – несдобровать тебе!»

«И что ты мне сделаешь, крошечная зверушка?» – щука ехидно усмехнулась. – *«Всех твоих сообщников уже прихватили. Показания из них выбивают. Вот доставлю вас по назначению и на пенсию заслуженную отправлюсь».*

Белка, не веря и в то же время ужасаясь присланным щукой образам, смотрела, как поймали окуня в сеть, как из-под соломенной крыши маленького домика вытащили гнездо воробья и сожгли. Словно в замедленной съемке, наблюдала, как постепенно тускнеет, угасает жемчужинка, как Ефим в исступлении бьется в обережный кокон, пытаясь спасти свою малютку. Но капсула не может открыться и выпустить наружу восторженное от отрицательных эмоций зло. Которое, получив энергию бессильной ярости, страха и отчаяния, вновь заполонило кокон, сменяя перламутровый свет, отравляя собой жемчужинку.

«Слышь, ты, кочерыжка драная! Я – обережная белка! Ты меня чувствуешь-видишь. Знаешь, на что я способна!»

«Нет больше осторожных белок! Всех хозяин извел!»

«Всех, да не всех! Вот она я! Самая что ни на есть осторожная! Ты вообще слышала об увеличивающем заклятии? Если я его произнесу, раковина вмиг размером с дом станет! Считаю до трех! Раз! – она решительно открыла пузырек с ярко-синей жидкостью и наклонила над перламутровым полом. – Пусть тебя, заразу, разорвет! Два! Выбирай: или нас сию минуту отпускаешь, или – трындец тебе!»

«Если я приказ не исполню, со мной будет то же самое, что и с вашим воробьем», – забеспокоилась щука.

«Но поймают тебя потом или нет – это еще вопрос. А я-то тебя через секунду в клочья разнесу. Уж поверь мне. Нам терять нечего. Ты – в хлам, мы – на солнце. Так что разожми зубищи, дай нам на Свет выбраться. И запомни: я все мысли твои насквозь вижу! И на все твои аргументы мне плевать! Три!»

«Стой! Всё! Отпускаю вас!» – щука всплыла на поверхность и разинула пасть.

Раковина тут же раскрылась навстречу восходящему солнцу. Ворвавшийся внутрь солнечный Свет напитал жемчужинку и вырвал Антонину из темного морока.

«Наберут артефактов, рыбам добрым проплыть негде. Там – страшаят. Тут – страшаят. Когда эти страсти уже закончатся? Если у меня острые зубы, так я что, чьи-то приказы без конца выполнять должна? Надоело! Почему я всю жизнь служить кому-то обязана?» – мысленно него-

довала щука.

«Ты сама этот путь выбрала, – огрызнулась белка, накручивая на один из нижних клыков хищницы талисман подчинения. – Я тут в пасти у тебя воздушную сферу создала, так что можешь нырнуть, не то задохнешься чего доброго. Только у самой поверхности будь и рот пошире открой, а то малышке света не хватает. И чего замерла? Плыви обратно на отмель».

«Ага, выбрала... снова выбрала путь... И снова по чьей-то указке!» – ворчала про себя щука, до отказа распахнув челюсти и сильно загребая хвостом.

«Вообще-то таким, как ты, несвойственно на судьбу жаловаться».

«И что же, по-твоему, свойственно таким, как я?»

«Ну, видеть цель, идти к ней напролом, не замечать препятствий».

«Где-то я уже такое слышала... И не раз. Расхожее мнение: гора мышц и такой малюсенький мыслительный аппаратик... Что же тогда со своей Воительницей так носишься? У нее всё иначе, чем у меня?»

«Она замороченная».

«И что? Она на любой стороне мечом одинаково размахивает. Неважно, кто враг. Одно занятие – крушить!»

«Ну, ты! Это!.. Ты думай, что говоришь!»

«Это ты думай! Думай хорошенько. Вот за меня с младенчества всё решили. Раз щука – значит, на службе состо-

ать должна. А кому служить? Стороне родной? Господину, которому присягнула на верность по зову сердца, из уважения к его заслугам? Да нет же! Тому, кто на данный момент владеет этой землей, водой, воздухом! И это – мой выбор? Мой? Какой же это выбор? Это насилие, обличенное в удобную для власти форму».

«Выбор есть всегда».

«И из чего мне теперь выбирать? Умереть сейчас быстро и с грохотом от артефактов твоих? Или потом в бочке с гнилой водой мучительно задохнуться, а то еще и на костре поджариться во время допросов?»

«Почему же? Есть и третий путь. К Свету... Давай с нами в Светлое Запределье».

«Куда мне, когда вся родня здесь, в темном омуте. Куда я своих престарелых родителей дену?»

«Так я на тебя талисман подчинения нацепила, лишила права выбора. Скажешь господарику своему, что так, мол, и так... была под действием амулета. Поэтому и не выполнила приказ».

«И что? Тут главные слова: "НЕ выполнила". А при таком раскладе конец один: истребление всего моего рода».

«Так ты пересели куда-нибудь свою родню, пока солнце светит».

«Было бы это возможно, давно бы сиганули из этих мест. Всю реку, что ли, переселить?»

«А это мысль! Мы же спокойно можем обратить реку.

Вода – она же сама Светом заполнится. Стоит только малую капельку памяти ей дать. И не будет над ней власти Жегларда... Правда, с приходом ночи война опять начнется. Сколько народу речного погибнет... Нет, это не выход. А давай вот что... давай тебя убьем!»

«Опять двадцать пять...» – закатила глаза огромная рыба.

«Да не поняла ты! – воодушевленно растопырила лапки белка. – Давай подстроим твою смерть! Тогда тебя в предательстве никто не обвинит, и родню твою в покое оставят. За день можем спокойно управиться».

«А мне куда деваться?»

«А дорога у нас с тобой теперь одна – в Светлое озеро!»

Щука замолкла, обдумывая предложение Рыжули.

«Папа, а что такое "кочерыжка драная"?» – сонно подумала-спросила Нежданка, нежась в солнечных лучах.

Моллюск встрепнулся, белка прикусила губу.

«Ну, это такая рыба. Вредная, нехорошая», – пояснила она.

«Драная кочерыжка! – отчетливо помыслила кроха. – Папа, а ты покажешь мне эту рыбу? Ну, хоть издалека... Я таких никогда не встречала...»

«Думать надо, что при детях говоришь, – просипел на белку возмущенный отец. – Они же малые, неразумные дитяти. Всё на лету схватывают!»

«Ты, моя хорошая, не повторяй за мной. Это плохие сло-

ва, если честно, – белка присела рядом с жемчужинкой. – Я рассердилась тогда сильно. Испугалась за тебя, за папу твоего, за Воительницу нашу. Вот и несла в запале всякую чушь. Ты уж прости меня. Я постараюсь больше не говорить таких слов...»

«Хорошо, тетя Рыжуля, – улыбнулась ей малышка, – я сделаю, как ты просишь. Ты у нас сильная и смелая. Ты молодец. Ты нас всех от страшной участи спасла. – Она повернулась к Ефиму: – Папа, я спать хочу. Ты мне песенку-баюшку споешь?»

Жемчужинка угнездилась в выемке раковины. Моллюск обнял ее, обволок своим телом и что-то мысленно замурлыкал.

Белка вздохнула, подтянула к себе осторожный кокон и внимательно оглядела Антонину. В лучах восходящего солнца лицо девушки казалось белым, безжизненным.

«Пусть спит Воительница наша. Пусть восстанавливается...» – Мысли белки вернулись к недавним событиям. Она вновь прокрутила в голове разговор с Антониной во время перелета в клюве воробья:

«Рыжуля, а как ты ко мне в башню дорогу нашла? Там ведь пространство смещено раз двести».

«Да я с самого похищения хозяйки и человека по замку Предводителя путешествую. Смотри, какой у меня амулет невидимости», – белка проявила на свет драгоценное оже-

релье.

«Красивый, – оценила Антонина. – Но он же только невидимой тебя делает. Дорогу через расслоенное на части пространство не подсказывает».

«Ну, когда я по графским покоям тебя искала, этот сопливый развратник к Жегларду ввалился, со своими похотливыми просьбами пристал. Я поняла, что так или иначе он меня к тебе доставит, если спрячусь у него на шляпе в этом плюмаже²².

Граф своему племяннику ключ дал, который помог мальчишке сквозь смещенные пространственные слои легко пролететь. И этот же ключ дверь тюрьмы твоей отворил. А без него никто бы не прорвался к тебе. Никогда. Но мне вот что еще интересно: когда Смерч решетку на окне разворотил – кто же тогда помог ему пространственное смещение преодолеть и для нас дорогу на волю открыть?»

«Вот это как раз и просто: один поворот ключа – и все смещенные пространства встают на место, что снаружи, что внутри помещения. Жеглард этим ключом открывает не только пространства, но и дорогу к душе человеческой. Да к любой душе, если таковая имеется... А как ты догадалась мне перья подсунуть?»

«Да ничего я не догадалась. Я вообще, если честно, не знала, что это серебряное богатство – твое. Только чувствовала, что от них хорошим таким, сильным волшебством

²² Плюмаж – в старину: украшение из перьев на головном уборе.

тянет. Ты когда этого хлыща лупить начала, я от греха подальше под матрас и спряталась, чтобы не перепало слушаем...»

«Ты на мой вопрос отвечать собираешься?»

«Ах да! Перья еще внизу, в покоях Предводителя, я в шляпу Смерча воткнула. В подпространство их сунуть – всплеск энергии кто-нибудь мог засечь. А в лапах таскать неподручно. Слишком уж крепкие и большие они, двигаться с ними неудобно. Так я их к страусовым и присобачила, – тараторила белка. – Даже и не поняла сначала, зачем вообще взяла их из тайника. Просто подумалось: если они так надежно спрятаны – значит, особую ценность и важность имеют. А то, что сама тебе твою серебряную Проницательность принесу, – даже и не думала. Получается, я ее случайно нашла».

«Случайность – это неявная закономерность», – вдруг побледнев, каким-то отстраненным голосом произнесла Антонина.

«Вот бы так еще и память тебе вернуть», – мечтательно протянула белка.

Воительница не ответила. Она крепко зажмурилась и судорожно схватилась за голову, словно пытаясь унять сильную боль.

Белка осторожно заметила:

«Я, кстати видела, как ты свою половинку чуть не заваляла. Ну, там, в пещере...»

Глаза Антонины вдруг широко распахнулись и налились мраком. Она усилием воли на миг погасила черное пламя, но тьма вновь запылала во взоре.

Белка обеспокоенно схватилась за усы:

«А сейчас тебе твоя Проницательность что говорит?»

«Она говорит, что если в течение минуты ты меня куда-нибудь не спрячешь, в кандалы снова не закуешь, в камеру не посадишь, то я просто взорвусь! Меня тьма изнутри съедает! Не дай ей вырваться наружу!»

Они успели. В последний миг оказались в раковине моллюска – мощном энергетическом контуре, капельке родного пространства в царстве мрака. Да в обережный кокон Воительницу вовремя положили... Успели! Белка в который раз подивилась силе Антонины. Сколько бед на нее свалилось, а держится! Вот и эта ночь ее до крайнего изнеможения довела, а жива еще! В чем секрет ее стойкости? Не сдалась, не вернулась к тьме. Молодец девчонка!

Но разум подсказывал Рыжуле: если до заката на Светлую сторону не перебраться, второй такой ночи дева не переживет. «Либо погибнет, либо снова в объятия тьмы провалится. И та ее так просто не отпустит... А значит... значит, мы снова успеем!»

ГЛАВА 26

Юный князь, не зная усталости, мчался сквозь звездный простор. Его душили то отчаяние, то злоба, то странное, совсем новое, неожиданно сильное и мучительное чувство стыда и бесконечное смятение... чувств. ЧУВСТВ?! Каких чувств, откуда они у него?!

Смерч изо всех сил стремился заставить себя забыть об Антонине, не вспоминать жгучую обиду, вычеркнуть из памяти всё, что произошло в каменной башне. Но вновь и вновь возвращался мыслями к едким усмешкам закованной в цепи такой неприступной и такой прекрасной Воительницы, к нелестным высказываниям и замечаниям в отношении его мужественности. Он вспоминал свое бессильное трепыхание в ее крепких руках и заходился в бешеном громopodobном крике, сгорая от стыда. Яркие молнии сверкали вокруг его разметавшихся сильных крыльев, и безоблачное небо вмиг покрывалось армадами черных бурлящих облаков.

Закручивая пространство в бешеном водовороте, Нерц вдруг задумывался о своем происхождении, о страшных тайнах, окутывающих его существование. Кто он, что он? Почему он не помнит столетий, тысячелетий, эпох? Сколько он вращается в этих мирах? По какой причине он никогда не задавался вопросами: почему может летать днем, откуда у него странные, порой необъяснимые познания в науках светлого пространства? Спустя мгновение вновь начинал стыдиться себя, своей матери, громкой фамилии и высокого титула. В

конце концов, осознав, что сам уже стыдится своего стыда, со стоном рухнул наземь. Огляделся.

Он находился в мире людей, в непонятном для него небольшом человеческом городе, в каком-то захолустном районе, среди старых двух-трехэтажных облупленных домов. Брел по земле, по грязной ночной улочке, освещенной редкими фонарями, вновь и вновь погружаясь в воспоминания. Пытался вырваться из этого омута, но в груди всё переворачивалось, разум поминутно вспыхивал повторяющимися картинами пережитого.

Она смотрела на него свысока. Она легко могла размазать его по стене... Лучше бы убила... В нем всё бушевало и рвалось наружу в неосознанном стремлении высказаться, доказать ей, что он... ЧТО – ОН??? Он – это что? Что он может ей предложить? Каким она видит его, если приволокся он к ней с одной только целью! С грязной, паскудной, постыдной целью... Это было! Было. Тогда... А сейчас что?.. Он вдруг ощутил, что страстно желает видеть себя способным одолеть преграду, разделяющую их глубокой пропастью, доказать ей... Что доказать? Он чувствовал, что именно! Но опять стыдился признаться в этом самому себе.

* * *

Неожиданно из окна ближайшего дома донесся громкий детский плач: «Мамочка, мама-а-а! Не надо, я больше не буду! Никогда не буду!» Хлесткий удар ремня рассек воздух.

Истощенный детский крик резанул слух.

Нерц поднялся над землей, расслоил пространство на уровне второго этажа. Взгляду его предстала страшная картина. Маленькая светловолосая девочка, в ужасе ухватившись за ногу пьяной матери, истошно вопит, пытаясь избежать наказания. Звонкие удары широкого кожаного ремня сыплются без разбора на детские плечи, спину – куда попало.

Вспомнившая вдруг о пользе воспитания родительница с опухшим от многодневной попойки лицом, почти ничего не соображая, орала в порыве страсти:

– Я тебе покажу, как воровать!

Девочка сквозь рыдания оправдывалась:

– Я кушать хотела, а тебя дома три дня не было! Я у тети Вали только одну помидорку сорвала! Ай, мама, прости! Прости меня, не бей! Я больше никогда так не буду. Умру, но не буду! Мама!..

Дом спал. Соседи уже давно привыкли к пьяным расправам над родственниками. И никто не пришел малышке на помощь, не утихомирил разбушевавшуюся мамашу.

А князь Темнейший своими глазами наблюдал, каким способом пополняется его несметная казна, удовлетворяется его неуемная жажда наживы. Светлое естество женщины, смятое, растоптанное, прижалось где-то в районе диафрагмы измочаленным грязно-серым лоскутом. А в бледной, лишенной жизненной силы и забывшей свою суть женской душе полноправным хозяином разместился Жирный – огром-

ный волосатый бес-оператор. Он неустанно сыпал ударами, выжимая из ребенка волны страха и боли, всю старался ради таких горячих, таких ценных детских слез.

Второй, двухмерный бес-преобразователь, словно вырезанный по контуру из серого листа бумаги, суетливо ползал вокруг девочки, спешно собирая на себя горючие капли, тут же превращавшиеся в яркие алмазы. Одна из слезинок, скатившись по щеке, зависла на подбородке несчастной малышки. И сплюснутая нежить в нетерпении отвесила ей звонкий подзатыльник. Слезинка шлепнулась на подставленную плоскую ладонь и засияла, переливаясь.

Смерч сам не понял, как оказался в неухоженной комнатухе с убогой обстановкой. Он подставил руку под очередной удар ремня. На бледной коже вспух рубец. Нерц с недоумением ощутил боль и остановил время. Он обошел вокруг покрасневшегося от усердной работы беса, нагло утвердившегося в теле женщины. Движением пальца создал воздушный водоворот и смял в комок изумленно взорвавшуюся на него двухмерную нечисть. Разорвал на клочки, словно старую газету. Бриллианты искрами разлетелись в пространстве, но Смерч даже не посмотрел на них. В гневе повернулся ко второму бесу-оператору. Время вновь потекло. И физическое тело растрепанной женщины, небрежно оттолкнув ребенка, медленно стало надвигаться на Нерца, помахивая ремнем и по пути сгребая со стола большой кухонный нож.

– Кто такой?! – страшная образина угрожающе оскали-

лась. – Как смеш княжий приказ нарушать?

– Дядя! Откуда ты здесь? Убегай, дяденька! Мама сейчас совсем ничего не соображает! – девочка, забыв о себе, пыталась спасти вдруг возникшего в комнате незнакомца.

– Ты меня видишь? – Смерч с удивлением обернулся.

Девочка, глядя расширенными от ужаса глазами на мать за спиной гостя, громко завизжала. Князь резко отшатнулся и подставил под занесенное над ним острое лезвие левую руку. Правой ухватил женщину за горло и слегка сжал. Тут же, проникнув в подуровень, вырубил в теле беса энергоинформационный контур.

– Мама! – подбежала девочка. – Мама, что с тобой?

– Успокойся, малышка. Мама немного поспит... – Нерц перенес обмякшее тело на скомканную постель на старом диване.

– Поспит? – зареванная кроха недоверчиво перевела взгляд с матери на незнакомца. И вновь всполошилась: – Ой, дядя, у тебя кровь!

– Что? – Смерч в недоумении смотрел на раскрытое ножом запястье. Темно-красные капли, медленно стекая по черному рукаву дорогой блузы, падали на грязный ковер. Он в который раз убедился, что нежитью себя называть уже никогда не сможет.

– Я сейчас! – девочка подбежала к своей кровати, вытащила из-под подушки запрятанное сокровище – пачку бумажных носовых платочков – и поспешила на помощь по-

страдавшему.

Она промокнула кровь одним платком, вытянула из пачки другой и с удивлением воззрилась на быстро затягивающуюся рану.

– Это... как?

– Это – так! – в тон ей ответил Нерц.

Он оглядел синие рубцы на ее нежной коже, провел ладонями по кровоподтекам, заживляя раны, успокаивая боль.

– Ты что, волшебный? – девочка с удивлением рассматривала свои руки, с которых вмиг исчезли синие отметины.

– Только никому не говори, – князь заговорщицки поднес палец к губам. – Это будет нашей тайной.

– А ты кто вообще? Доктор?

– Я твой друг.

– Ух ты! – радостно улыбнулась девчушка. – Меня Любой зовут. А тебя?

– Я пока не знаю своего настоящего имени.

– И так бывает?

– Как видишь...

– А когда я вырасту, меня будут звать Любовь Николаевна Ти...

Нерц быстрым движением перекрыл ей голос.

– Никогда не говори незнакомцам свое полное имя. Никогда! – сдавленно повторил он.

Смерч сжался в комок, внутри страшно ломило. Когда девочка произнесла слово «Любовь», в груди у него вдруг что-

то лопнуло, вонзившись стальными спицами в ребра. Нерц ощутил где-то под горлом резкий толчок, еще один и еще...

Боль постепенно прошла, и он обернулся к испугавшейся за него девочке.

– Не плачь, – она смахнула платочком скатившуюся по его бледной щеке слезинку.

Князь в замешательстве отпрянул, быстро вытер влажное лицо.

– Ничего, – успокоила его Люба. – Плакать не стыдно даже взрослым дядям. Не стоит стесняться своих чувств, своего сердца. Люди смущаются грустить, показывать свои слабости. Лучше бы они стыдились своих плохих поступков, не делали зла. Тогда бы всем жилось намного лучше и спокойнее.

– Да ты философ, как я посмотрю! – растроганно улыбнулся Нерц. – А чего чумазая такая? Сходи-ка умойся.

Девчушка вышла из комнаты. Чернокрылый гость подошел к продавленному дивану, осторожно вынул неподвижную бесью сущность из задурманенного алкоголем и тьмой человеческого тела, скатал в тугой шар, завязав конечности, словно рукава старой рубахи, откинул в угол. Затем пристально всмотрелся в душу женщины, чуть напитал ее энергией, пробудил, вывел из коматозного состояния. Бледная душа всколыхнулась, расправилась и... замерла при виде темного господина: «Где моя дочь! Что с ней?»

– Молчи и слушай! – властно произнес Нерц. – Утром

ты проснешься и первым делом накормишь ребенка. И всё здесь вычистишь до блеска. Ты устроишься на работу. Ты всегда, каждый миг своего существования, будешь заботиться о своей дочери. Ты будешь воспитывать ее, холить, лелеять и любить. Очень любить. Ты вырастишь ее прекрасным, сильным, достойным человеком. А для этого сама прежде всего станешь сильной и достойной уважения. Чтобы твой ребенок гордился тобой. Чтобы ты сама ощутила себя женщиной, матерью...

Он отпустил измученную душу в здоровый спокойный сон, подключил к ней отраженный от бледного диска луны солнечный свет. Хоть и малая доза, но сейчас и этого более чем достаточно. Иначе сущность женщины, долгое время остававшаяся почти безжизненной, просто не выдержит резкого скачка энергии. А утром за дело возьмется само Солнце...

И откуда он всё это знает? Как смог запитать человека чуждой ему (как он долгие столетия считал) энергией? Смерч отошел к окну, осматривая унылый пейзаж.

Девочка вернулась.

– Ну что, Люба-Любовь, будем прощаться? Тебе уже давно спать пора, – он протянул ей спелый персик. – А завтра твоя мама проснется, и наступит новый день, начнется новая... жизнь.

– А ты еще ко мне придешь?

– Не знаю. Зря обещать не буду. Но, если получится, я

обязательно тебя навещу. – Уложив девочку в кровать, князь укрыл ее красивым покрывалом, нежно переливающимся в лунном свете. – Это тебе подарок от меня. На память.

– Подарок... – Девочка погладила ворсистую ткань. – Мне таких красивых подарков никто не дарил. Спасибо... – Она обняла его на прощание своими маленькими ручками, затем уткнулась носом в подушку и тихонько засопела.

Нерц проследил, чтобы события этой ночи (да и всех остальных переполненных алкогольным дурманом дней и ночей) не оставили в душе и сознании ребенка темных воспоминаний, погладил спутанные льняные волосы и поднялся.

Затем подобрал связанного волосатого беса, вынырнул в приоткрытое окно и вознесся над городком, осматривая окрестности.

ГЛАВА 27

На заснеженной площадке Нина обернулась к Сергею. Тот с изумлением воззрился на нее – уже двадцатипятилетнюю золотоволосую красавицу. (Возраст своей Хранительницы человек считывал без труда.)

Не обратив никакого внимания на восторженный взгляд мужчины, девушка сняла с него заклятие безмолвия. И, даже не подумав извиниться за причиненные неудобства, наставительно произнесла:

– Ну что ж, вспоминай теорию построения не прямых переходов в пределах одного пространства-времени. Сразу в избу проход не делай, попетляй немного. Если Дух отследит наш с тобой звездный путь, может еще и в гости заявиться. С него станется... Не хочу снова с ним повстречаться.

– А что, был печальный опыт? – напрягся Сергей.

Нина красноречиво скривилась, но промолчала. Жестом приказала ему не отвлекаться.

Сергей принялся за построение тоннеля: обратился с прошением к Солнцу и вообрал в себя как можно больше созидательной энергии. Отследил череду событий в рамках искривления пространства, наметил первую точку выхода, обозначил вторую и третью. Сопоставил коэффициенты использования мощности, лобового сопротивления и скрытой массы. Измерил возможную величину стандартного отклонения и вибрацию силовых полей. Свел уровень погрешности к нулю. Направил в центр окружности входа энергетический луч и запустил процесс. Стылый воздух перед ним всколыхнулся, закрутился спиралью, образовав зеркальный портал.

Оба шагнули в сияющий водоворот...

* * *

Последняя остановка была на луне Леле – самом маленьком и самом близком к Земле спутнике, совершающем полный оборот всего за семь дней. В момент выхода из портала вокруг прибывших, раздвинув пределы безвоздушности,

го пространства и установив приемлемую силу тяжести, возник большой, размером с двухэтажный дом, защитный кокон. «Это лучше любого скафандра, – произвольно отметил про себя Сергей. – И коленку почесать, и нос вытереть можно без труда. Абсолютная свобода движения».

Тут же вокруг полусферы появились сияющие силуэты. – Лунные волки! – радостно воскликнула Нина и, подняв в приветствии правую руку, пошла им навстречу.

Человек последовал за ней.

Волки без труда проникли сквозь защитную оболочку, изрядно удивив Сергея. Он ведь создавал щит от любой неприятности...

«Неприятностей волки не несут, вот и смогли пройти сквозь барьер», – мысленно, не отводя взгляда от шестерых лунных красавцев, ответила ему Нина.

Разговор с защитниками Лели шел на ментальном языке, но Сергея «взяли в компанию» – он слышал приветствия, теплые мысли-слова, пожелания и напутствия. «Встреча давних и добрых знакомых», – понял мужчина.

Его окружили, с интересом, но ненавязчиво рассматривали. Волки видели его силу и нарастающий потенциал. О чем-то спрашивали, качали лобастыми головами, желали «обретения пути».

Удивительные звери не стали надолго утомлять своим присутствием гостей. Некоторые из них, откланявшись и передав привет Клавдии, уже растворились в пространстве. Но

их вожак, с роскошной белоснежной гривой, широкой грудью и крепкими лапами, дольше других задержавшись рядом с Ниной, что-то мысленно говорил и говорил только ей, используя ментальный язык и горячо глядя в глаза. Нина обняла его и, приложив руку к сердцу, послала беззвучный ответ. Слов никто не произносил, никто и не слышал. Но по мимике и жестам отчетливо было видно: девушка что-то клятвенно пообещала гривастому исполину.

* * *

Распроставшись с хозяевами малой луны, Нина подошла к Сергею, уже намывлившему-приготовившему ужин под раскидистой (точь-в-точь как в их уютном дворике) березой.

– Еще один переход, и дома будем, – улыбнулся он девушке.

Нина уселась за стол, поднесла к губам чашку с горячим чаем, но отпить не торопилась. В глазах ее застыли слезы. Она не удержалась и рассказала Сергею историю Клавдии:

– Это ее добровольное, осознанное решение – Сияющее Сознание защищать, пока Арина не вернется. В тот момент, когда я с тобой на руках могла о скалы разбиться, Клавдия и приняла служение, спасла нас и многие века от бед охраняла. Пожертвовав при этом родиной, свободой и своей любовью. Ведь она не должна была надолго оставаться в восьмом подуровне запредельного пространства. Кто же знал, что Предводитель запечатает все выходы...

– А как же ее путешествия по межзвездным просторам в виде сияющего облака? Разве не могла к своему избранному ни разу прилететь?

– Какие же это свидания, если она, развеяв себя на молекулы, меж звезд путешествует? Общаются иногда. Но души их крепко тоскуют в разлуке.

Сергей вздохнул, вспомнив, как сияющим облаком несла его Клавдия по звездной дороге и только мысленно могла с ним общаться. Чтобы хоть как-то отвлечь Нину от грустных размышлений, он спросил:

– А всё же почему ты с Хозяином Льдов так грубо разговаривала? Что он нам в своем сказочном гроте плохого сделал? Наоборот – помогал, подсказывал.

– Подсказывал... В нем столько мощи, что стоило ему только подумать, оградить меня от смерти одной лишь силой мысли – мое сердце ни за что бы не остановилось.

– Получается, он запросто мог тебя спасти? Отчего же тогда не сделал этого?

– А ему-то зачем?

– Ну как? Помочь...

– В такой ситуации по-настоящему помочь себе можешь только ты сам... – Нина отхлебнула из фарфоровой кружки полуостывший чай. Вздохнула и добавила: – Помогать-то помогал, но, если бы ты знал, чего он на самом деле желает, не отзывался бы об этом паскуднике так хорошо. Видел бы ты его после заката, тогда бы в голове у тебя всё по полочкам

разложилось.

– А что с ним происходит после заката?

– Двуликий он.

– Как Двуликий Янус, что ли? Одно лицо смотрит в будущее, второе – в прошлое?

– Ага, одно лицо к Свету обращено, а другое – во тьме блуждает. Нам еще повезло, что с утра к нему заявились. В это время у него самое благостное расположение духа.

– Это у духа-то?

– У него, сердешного.

– То-то он и сказал при встрече: «Как раз вовремя». Но всё равно же помог! И спасибо ему за это огромное... А ты даже поблагодарить по-человечески мне его не позволила.

– И правильно поступила. Что ты там ему начал обещать? «Если я что-нибудь смогу для вас сделать...» Да ты вообще представляешь, в какую кабалу рисковал попасть? Он бы от тебя что угодно потребовать мог. И никуда бы ты не делся. Зря, что ли, клятву произносил? Это ты там у себя, в мире людей, безнаказанно расшаркиваться можешь. А здесь каждое произнесенное слово значение имеет.

– Вот нашим бы депутатам так за свои слова отвечать, – мечтательно произнес Сергей. Но в голову пришла новая мысль: – Постой... Если он двуликий – как же вы ему Санию-то доверяете?

– Так сам он с ней не соприкасается. Он лишь пространство открывает. Скажем так, сдает в аренду солнечный

склон. И закрывает его только днем, когда солнце светит. Пока Сания себя вспоминает, к жизни возвращается, никто не в силах ее потревожить. Так что царство Ледяного Духа – самое безопасное место для ее восстановления.

– А ночью?

– А что – ночью? Печать-то днем накладывается. Силам ночи ее не открыть.

– Значит, ночью Сания не восстанавливается?

– Почему? Просыпается потихоньку. Звезды помогают. Они ведь – те же солнышки, только далекие. Но их, опять же, бесчисленно много. И они огромный объем информации Сании передают, заново жизни учат.

– Да... Я тоже на звезды глядеть люблю. Особенно хорошо горизонт просматривается с каменной площадки. Они словно что-то рассказать мне там хотят.

– А ты на тот каменный карниз не зря бегаешь. Видимо, подсознательно тянешься туда. Там находился проход в твой мир. Не прямой, конечно, через восьмой подуровень пространства... Но дорога та самой короткой была... Я восемьсот лет назад тебя сюда по лунной дорожке принесла. Вернее, твое Сияющее Сознание. Только Предводитель запечатал проход. Открыть его с тех пор никто не смог.

Она немного помолчала, прислушалась и с удивлением спросила:

– Откуда на Леле сверчки? Это ты их намыслил? Вон как на скрипочках своих стараются... У тебя что, романтическое

настроение? – обернулась она к человеку.

Сергей смотрел на ее лицо: нежные черты, изящный профиль, золотистые завитки волос. Сердце его наполнилось невыразимой нежностью. И, слегка погладив ее по плечу, он произнес почему-то вдруг по-мальчишески срывающимся голосом:

– Ты знаешь, когда я решил, что потерял тебя, у меня в душе всё перевернулось, даже дышать не мог. Думал, у самого сердце остановится.

– Да так и случилось бы, – непроизвольно дернув плечом, произнесла девушка. – Ты в те минуты свое солнце на меня тратил. А закончилась бы сила Света, так рядом со мной бы и растянулся. У тебя в мыслях такой сверхкосмический раздрай царил, что вся энергия очень быстро иссякнуть могла. Кто же, передавая кому бы то ни было свою жизненную силу, тут же тратит ментальную энергию впустую? Одно другому помогать должно. А ты...

– То есть?

– Да твою ж... Зачем было думать: «Она уже никогда не вернется, никогда...»? – Нина в точности воспроизвела интонацию и внутренний надрыв.

– Я же за тебя испугался...

– Испугался? Эх ты! С твоими-то силами... Это по крайней мере недостойно! Ты за время пребывания в Запределье такой потенциал нарастил! И в один миг утратил. Растерялся при похищении, позабыл всё, о чем я тебе говорила. Допу-

стил разрыв сущности, практически без сопротивления отдал Силу и Волю тьме.

– Какое там сопротивление, когда в бешеном водовороте вращался, как в центрифуге. С мыслями собраться некогда было, вдохнуть и то не получалось.

– Вот так тьма людей на испуг и берет, – печально отозвалась Нина. – Теперь, если Волю и Силу в ближайшее время не вернешь, придется заново обучение начинать. А на это у нас времени совершенно не осталось. Троелуние уже совсем скоро. – Она укоризненно покачала головой и отвернулась с досадой.

– А сейчас я волнуюсь, – не унимаясь, гнул свою линию Сергей. – Сильно волнуюсь, давно такого не было. И сердце учащенно бьется.

– Ну, это нормально, – вновь повернулась к человеку Нина, – я же твоя...

– Любимая, – закончил за нее фразу Сергей, притянув девушку к себе и нежно заключив в объятия.

Нина уткнулась ему в грудь и глупо захихикала:

– Ты что же это, милочка, задумал? Грех-то какой. Это же всё равно что со своей правой ру... со своей сестрой шашни крутить!

Доктор обиженно отстранился:

– Что, разве Хранительница, несущая в себе Великую Силу, не для Любви рождена? Или я, рассуждая по-твоему, рылом не вышел? – И отвернулся, раздосадованно кусая губы.

– Да вышел, вышел, – девушка примирительно потянула его за рукав. – И люблю я тебя уже не одно столетие... Только вот сколько ни обучаю тебя, сколько ни возвращаю тебе накопленные знания сквозь череду рождений, а ты всё никак не поймешь, что не могу я для тебя любимой женщиной быть.

Сергей молчал и обескураженно рассматривал распротертый в звездном небе диск Земли. Теперь он уже не казался таким сказочно-прекрасным. Насмешливый взгляд красавицы, отвергнувшей самые светлые его чувства, прожигал насквозь. В душе кипела обида.

Немного погодя он ощутил на щеке теплое дыхание. Нина по-матерински поцеловала его в висок, взяла под руку и положила голову на плечо. Помолчала немного, прислушиваясь к буре в мужской душе. Затем, прижав теплые ладошки к его вискам, развернула к себе и серьезно, без тени насмешки, глядя в глаза, произнесла:

– Жизнь я твоя. Есть же у вас, у людей, расхожее выражение: «Жизнь ничему не учит». Или наоборот: «Жизнь научила». Вот я тебя и учу. Потом в свой мир вернешься, меня забудешь, а уроки мои помнить должен...

– Моя... кто? – в душе человека всё перевернулось несколько раз, мысли разлетелись, чувства смешались, сознание закоротило. Сергей бережно взял деву за руки, пристально взгляделся в лицо, словно заново узнавая, изучая каждую черточку.

– Чего так смотришь? – немного смутилась Нина.

– Жизнь моя... Моя жизнь. Почему же сразу не рассказала? – только и нашел, что ответить.

– Всему свое время. Сразу бы ты не понял. Ну да, я – светлая сторона жизни твоей. Вера в силу добра, воспитание, тяга к знаниям – это всё по моей части. А Антонька – темная сторона жизни... Ну, пока темная. Нелегко ей пришлось. Сначала память потеряла, когда орла лишилась в той страшной битве. Проницательность ее тоже в сути орлиной была зашифрована. И ту злыдни уничтожили – почти целиком иссякла она в том сражении. Восемьсот лет половинка моя в плену томилась, потом мир ее перевернулся благодаря стараниям Жегларда. Беспамятная, одураченная, перешла на его сторону, столько зла успела натворить! А мне вот пришлось и мамой, и папой быть...

– Но Антонина – женщина. О каком папе речь?

– Она – воин! Она сильнее любого мужчины, потому как объединяет в себе даже не два, а три начала – Любовь, Мужество и Силу. Если не успеешь воспомненные знания и наработанные за эти дни Силу с Волей себе вернуть, одна нам дорога – к Антонине. Крепость духа в тебе от нее должна быть.

А я всё лаской да убеждением тебя воспитывала. Мягкотелая женщина не может сильного мужчину взрастить. Всегда пожалеет, даст слабину... Хотя я очень старалась.

– Ничего себе, мягкотелая. Вон как ругаешься.

– Одно другому не мешает, – отмахнулась Нина. – Вот вытащим Антонину из лап тьмы, память вернем, и станет она вновь Ариной – важной частью души твоей. Я, значить, Хранительница Светлого Сознания, а она – Защитница, Воительница Светлая.

– Бог ты мой! – Сергей спрятал лицо в ладонях.

– Что, милоч, расстроился так?

– Я ж ее поцеловал!

Теперь очередь удивиться пришла Нине. Она, округлив глаза, всплеснула руками и тем же тоном, что Сергей, воскликнула:

– Бог ты мой! Ну точно – бабник-волокита! – и залиvisto расхохоталась.

Сергей сердито дернул плечом и отвернулся.

– Ты не переживай о своих чувствах, – успокоила его Нина. Она легко поднялась и пружинисто прошла вокруг мужчины, разминая затекшие ноги. – Великая Вселенская Любовь тобою тогда руководила. Ты же не можешь просто так от своей сути отгородиться. Ты каждой клеточкой ее присутствие в нас с Антониной чувствуешь. Вот и не навредил амазонке в той пещере, к естеству ее воззвал, поцеловал потом и Гордость вернул. Молодец, одним словом. Я очень тобой горжусь.

– Великая... Вселенская?

– А ты как думал? Да ты и сам знаешь. Чем больше любви в человеке, тем спокойнее он ее выражает. С открытой

душой, с чистым сердцем о своих чувствах говорить может. Потому что в душе его в это время не низменные страсти, а большое откровение.

Помнишь, как в школе если кто из мальчишек заметит вдруг чьи-то знаки внимания в сторону противоположного пола, так сразу дразнить начинает, улыбочки да фразы скользкие бросать? Кто не наполнен любовью изнутри и не имеет силы духа, легко может отступить, проиграть. И проиграть не своим одноклассникам. Оказаться пешкой в противодействии темных и светлых сил... А настоящая любовь – она цельная. К ней не прилипнет грязь всякая.

– Любовь цельная... Любовь всепрощающая... – Сергей, наполняясь величием звездного пространства, обратил взгляд в бесконечное небо. – Как там в Библии говорится, в Послании к коринфянам? «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит. Любовь никогда не перестает...»

– Хорошо сказано, – присела рядом Нина. – А как ты думаешь, почему «всё покрывает, всему верит»?

– Если любишь кого-то – всё прощаешь, всегда на сторону любимого встанешь.

– Эх вы, люди, любовью действующие. Любовь несет в себе высшее начало. Она и не предполагает обмана и непра-

ведных поступков. Она чистая изначально. А у людей пока нет этой чистоты, разнородные чувства мешают быть объективными.

Вот смотри, – неожиданно появившейся в руке веточкой она нарисовала на песке круг около метра в диаметре, – я тебя люблю. А вот, – она изобразила рядом маленький квадрат, – ты что-то плохое совершил. Но я же тебя люблю! Я тебе верю и искренне надеюсь, что ты это необдуманно сделал, не со зла, нечаянно. И объем моей любви гораздо больше совершенного тобой зла. Поэтому (со временем) энергия плохого поступка поглощается энергией любви. Этот неправедный поступок как бы растворяется в ее свете, забывается, стирается из памяти.

Сергей с интересом рассматривал рисунок на песке. Затем, взяв из рук Нины ветку, произнес:

– А вот, к примеру, я тебя не люблю, – он заштриховал окружность на песке, – и квадратик этот – совершенное тобой зло. Ах ты, такая-сякая! Я тебя на килограмм не люблю, да ты еще к этому свои злые сто граммов прибавила! – И что выходит? Еще большая нелюбовь со всеми вытекающими?

– Верно, – улыбнулась девушка. – Или такой пример: я тебя ну совсем не люблю, а ты совершил хорошее дело – допустим, на тот же килограмм. И что? Да хоть на десять-пятнадцать! Я тебя изначально любить не научилась, поэтому и все подвиги твои преднамеренно буду принижать: посмотрите на этого выскочку, хорошеньким стать захотел! Что же

тогда получается?

– Эмоции не дают людям не то что оценить чужое благо-
родство – они мешают объективно смотреть на вещи, – поды-
тожил Сергей.

– Поэтому вы и есть – любовью действующие люди, живу-
щие на планете Лю-Дей, – подчеркнула Нина.

– А кем на деле быть должны?

– Вы не должны, вы РОЖДЕНЫ быть Чело-Вечными. То
есть челом (сознанием) вечными. Только тьма давным-давно
в вас свои щупальца запустила. Вот и идет извечная борьба
в межзвездных мирах. И мы с тобой в этой битве сотни лет
участвуем...

Самое страшное, что в твоём мире у любви отняли бо-
жественное начало. Любовь к Родине – практически пустой
звук. Родительская любовь изживает себя с каждым веком
в разы быстрее. Любовь двух половинок опошлили до такой
степени, что тупо приравняли к сексу. Сегодня яро воспева-
ется плотская, лишенная Изначального Света любовь между
мужчиной и женщиной, но в ней творится настолько жуткая
неразбериха, что просто диву даешься. А тут еще и однопо-
лую любовь всю культивировать начали... Кошмар, одним
словом...

– Рассмотрим такой пример: современная женщина, –
Сергей мастерски скопировал тон Нины и ее манеру разгово-
ра. – Красивая, молодая, финансово независимая, уверенная
в себе. Независимая и уверенная – главный ее конек и в то

же время главный враг. Она не ждет, что кто-то – ах! – и полюбит ее, не желает быть замужем, то есть «следовать за мужем». Зачем? Она же сама сделала карьеру, приобрела дом и машину. Она и мужа сама воспитает! И вот женщина причесельным взглядом вычленяет из толпы соискателей «своего» мужчину и решает: «Это – ОН»!

– И сметает все преграды на пути к светлому счастью рядом с избранным, – продолжила Нина. – Мужчина же поначалу думает только о доступном сексе. Спустя какой-то срок сдается под ее всесокрушающим натиском, успокаивая себя мыслями: «Вроде как удобно, женщина всегда под... рукой, кормит вкусно, опять же вроде не дура и не страшная. Почему бы и нет?» Со временем женщина всё больше начинает втискивать избранника в доспехи своего, нарисованного в ее сознании, рыцаря на белом коне. И очень негодует, когда любимый не желает соответствовать выбранному образу.

Сергей, хитро улыбнувшись, представил ход событий глазами сильной половины человечества:

– Мужчина же недоумевает: чего ей надо? Чего ей всё время хочется, почему она его пилит, не дает спокойно заниматься своими делами или не делать ничего? Конфликт за конфликтом, напряжение нарастает. И чувства (может быть, даже не любовь, а просто привязанность), скреплявшие их союз поначалу, меркнут под натиском взаимных претензий... Ну, это всем и так известно.

– А ты дослушай сперва, а потом резонируй, вибрируй в

ответ! – отмахнулась Нина.

И на той же пафосной ноте продолжила:

– Но душу-то не обманешь! Душа всегда стремится к любви. Однако тут уже – узы брака или столько-то лет совместной жизни, налаженный быт, дети... Вот и начинаются подспудные искания чего-то, что разбудит в душе позабытую радость... Настоящая энергия требуется. И в поисках этой настоящей энергии люди зачастую проводят всю свою жизнь – мечутся от одного объекта вожеления к другому, запутываются во всё новых и новых отношениях, наращивают неразрешимые ситуации. И за всей этой суетой так и не могут разглядеть Свет Настоящей Любви...

– И опять же, как по замкнутому кругу, возвращаемся к ранее сказанному тобою: все поступки окружающих люди воспринимают сквозь призму своих чувств, все чувства пропускают через собственное эго, не задумываясь о потребностях других, – резюмировал Сергей. – Но когда на каждого снизойдет это великое светлое чувство – всё сразу изменится!

Нина фыркнула и хлопнула его по плечу ладошкой:

– Не сразу! Свет в душе ведь вырастить необходимо...

Они еще немного поговорили и наконец стали укладываться: с утра их ожидал последний переход. А сейчас оба лежали под звездным небом, тихо обсуждая прошедшие события. Голубой диск Земли освещал поверхность Лели нежным ласковым сиянием.

– Не мог две постели сотворить? Лентяй! – ворчала Нина, стаскивая на себя меховое покрывало.

– Конечно, не мог. Так, – Сергей немного подумал, подбирая слово, – роднее.

Он обнял ее как сестру, как мать. Теперь, освоившись с новой информацией, он как-то вдруг смирился, запретив себе думать о сердечных переживаниях. А может... может быть, еще не до конца осмыслил сказанное Ниной? Ну ладно, не отвлекаться по мелочам (ничего себе, мелочи!). На переднем плане – хлопоты о судьбе планеты. Сергей снова видел в юной деве свою Нину Петровну, заботливую и ворчливую наставницу. Но всё равно было так тепло и уютно рядом с ней. На ум пришли слова: «Жизнь моя, иль ты приснилась мне?»

– Спи уже, Есенин доморощенный, – прочитала его мысли Нина.

Она уткнулась носом в мужское плечо и чуть слышно засопела.

Сергею не спалось. Он наблюдал за медленно вращающимся звездным небосводом, и мысли его вернулись к Антонине. Он сопоставил всё, о чем узнал после приключений в каменной пещере и ледяном гроте. Прокрутил в голове слова Хранительницы. И... понял! Понял, как вернуть Арину...

Нина спала, а он думал:

«Значит, так. Сиянна – первая, Саня – вторая субстанция. Но, чтобы Саня стала Сиянной, она должна пройти

путь очищения. Очень, очень похоже на судьбу половинок моей жизни. Жизней моих! – Он уже привык к странному порой сочетанию слов. – А раз они так похожи – значит, снегом надо омыть не только Нину, но и Антонину: они же две части одного целого. Вот почему ярко-зеленый взгляд Воительницы после поцелуя и освобождения от Обиды и Раздражения спустя какое-то время снова заволокла мгла. Дева была прощена человеком, но не очищена от въевшейся в сознание тьмы. И, кроме того, она еще и сама себя простить должна по-настоящему. Простить за всё, что в неведении натворила... вспомнить содеянное и простить себя. За всё...»

Мысли неслись галопом... Да, Раздражение и Обида уже не вернутся в тело. Но хотя Гордыня и стала Гордостью, она пока не может себя проявить. Гордиться нечем: для этого нужно что-то помнить. А память утеряна...

Он запутался, шумно выдохнул и начал заново:

«Так, давай по порядку... Перво-наперво – очищение. Сначала – снег с Синих гор. Потом что? Надо открыть каменную дверь к сердцу, уколоть сердце адреналином со свойством неуничтожимости. Тогда оно очистится от заклятия зла. А память? Память отыщем. У ветра спросим...»

Сказав себе эти слова, он почему-то вспомнил сказку о спящей царевне, в которой один только ветер и подсказал королевичу, где его суженая.

ГЛАВА 28

Оставив далеко позади заштатный городишко, преодолев высокий горный перевал, Нерц спланировал на пустынный морской берег. Он повертел в руках скатанного в шар Жирного: и что с ним делать? Развеять, обратить в камень или... «Разбесить!» – пронеслось в голове.

– Это как? – не понял он.

«Вывести из состояния вечной алчности и неумного бесенства».

– И как мне это сделать?

«Да просто, – пришел ответ. – Светом напитать».

– Где я в ночи солнце раздобуду? – хмыкнул князь. – И луна зашла. Даже отраженного света не найти теперь.

«Я честно говорю, – не унимался внутренний голос. – Только Светом! А ты его достань. Изнутри достань...»

Смерч с недоверием покачал головой. Взглянул на крепко связанную волосатую образину: еще вопить начнет, чего доброго! Дернул тугой узел, размотал когтистые лапы, встряхнул Жирного, словно старый пыльный коврик, и поставил на песок.

Бес с минуту приходил в себя, Нерц размышлял, как же теперь действовать. Оба были в замешательстве. Вдруг бес опомнился, стремительно отскочил в сторону и пропитым басом заорал-завопил на всю округу:

– А-а-а! Он живой! Хозяин живой! Братва, сюда! Подмена! Предательство! Разорвать! Сожрать! Уничтожить!

Его грозный рык разнесся по окрестностям, проникая в самые отдаленные, самые темные уголки Ветреных Земель и людского пространства, находящегося во власти князя.

Спустя миг прибрежные волны вынесли на сушу десятки маленьких, крадущих частицы света и жизни, сфер с бесами – поглотителями энергии. Со скал за спиной у Нерца посыпался черный горох операторов бледных душ, с безоблачного звездного неба антрацитовыми жуками полетели алчные пожиратели времени, вынырнули из небытия хищные прядильщики, блеклой опавшей листвой зашелестели-закружились вокруг двухмерные бесы – преобразователи слез.

Все они были прекрасно знакомы со Смерчем, преклонялись перед его мощью. Они ему служили, боясь поднять на Темнейшего даже взгляд. Зная его беспринципность и непререкаемый авторитет, одним лишь его именем стращали особо развязных соплеменников. И новость о том, что князь – живой (!), враз оторвала всех слуг от грязной работы. Бесы, прибыв на место, приняли каждый свой образ, выросли, обрели форму. И, окружив героев события плотной стеной, замерли, буравя взглядом то господина, то в корень обнаглевшего сородича, посмевшего созвать их на зверскую расправу. И над кем?! Над темным полубогом!!!

Юный князь, гордо подняв голову, наблюдал за всё растающей и волнующейся черной ордой ледяным взором. Он презрительно глянул на Жирного и процедил:

– Я четвертую тебя!

Бес сжался, но не отступил.

В глазах переминающейся черни читался вопрос: «Ведь Жирный знал, что ждет его за клевету! Неужто не врал?»

– Доказательства! – прохрипел наконец старый лысый бес.

– А вот они! – Жирный подскочил и с размаху саданул когтями по затянутой в перчатку руке Нерца.

Из глубоких рваных ран незамедлительно хлынула кровь. Горячая! Красная! Живая! Нежить, вдохнув запах жизни, ополоумела. Бесий сброд враз забыл о почтении и страхе к господину, вздыбился – и разношерстной толпой, изрыгая проклятия и щелкая в предвкушении огромными зубами, ринулся на своего хозяина.

Нерцу ничего не оставалось, как вступить бой. Он взвился в звездное небо, рванул на себя водяной вал, обрушил многотонную мощь моря на разъяренную нечисть. Закружил воздух в стремительном водовороте, направил на озверевшую толпу. Словно гигантский пылесос, слизал с берега разбушевавшихся чертей. Князь метался в пространстве, рвал на части, превращал в прах сотни и тысячи черных бестий, но они всё прибывали и прибывали, забросив свои бутылочно-попойные и развязно-разгульные дела. Они оставили добычу бриллиантов, забыли про выматывание человеческих душ и поглощение потерянного людьми времени. Их влекла жажда живой крови, жажда расправы над тем, кому они еще вчера так истово поклонялись, кого ужасно боялись, пред кем готовы были без конца пресмыкаться и бить поклоны.

Нерц мог спокойно улететь, уйти от расправы. Но что-то держало его. Что? Ясные глаза маленькой Любы не давали ему оставить этих тварей. Жаль, что он не научился еще, не сумел всех их «разбесить». Но он поступит по-другому. Сейчас можно избавить хотя бы часть людей от невыносимого душевного груза. Многие из них проснутся завтра и с недоумением осознают, как долго жили в кошмарном угаре. Они еще не скоро восстановят свою душу и свою жизнь. Но справятся! Он твердо решил помочь каждому из тех, кого так легкомысленно, походя, обрек на жалкое существование в качестве источника невероятного богатства для собственных алчных целей.

И он дрался за них. Дрался ожесточенно, будучи твердо уверенным в правильности принятого решения. Но вдруг сзади на него навалилась чудовищная черная бестия, вгрызлась в затылок бульдожьей хваткой и принялась пить-вытягивать силу, жадно глотая горячую кровь. Нерц извернулся, разметал нежить в клочья, стремительно уклонился от нападения десятка щетинистых туполобых качков, прорвался сквозь ряды огромных жуков и с грохотом и воем завернул сотню-другую бесов в кружащий воздушный водоворот. Но нежить, ополоумевшая от желания испить хоть каплю жизни, не сдавалась. Откуда ее столько? Неужели это всё – его черные слуги?

Смерч со скоростью кометы взвился ввысь и с размаху грянулся оземь. Тысячи бесов развеяло в пыль ударной вол-

ной. Но на смену им спешили новые и новые полчища тварей. Грозный воин твердо стоял на земле и ужасающей ураганной мощью сметал накатывающиеся одну за другой волны нападавших.

Вдруг, почувствовав, что теряет под ногами опору, князь упал на колени. Окружающая его ревущая воронка не давала нежити приблизиться. Но силы таяли, уходили. Что происходит? Почему вдруг ноги не слушаются? Краем глаза Смерч заметил позади себя сотни три выстроившихся полукругом поглотителей. Они прицельно тянули и тянули из него энергию, уничтожали любое проявление воли, неистово поглощали свет, жизнь, силу... Мысли юноши понеслись галопом. Что же делать? Сколько еще хватит упорства для поддержания воздушного водоворота? Дотянет ли он до рассвета?

И Нерц вдруг понял, явственно ощутил, что ему до боли хочется... дышать. Но что-то в груди мешало сделать этот первый судорожный вдох. Силы оставляли его. Он, столетиями не нуждавшийся в дыхательном процессе, просто не мог сейчас обойтись без кислорода. Одна попытка, другая... В голове помутилось, взгляд затуманился... ревущая защитная стена опала. Бесы, не веря в свою удачу, оглядели освободившееся пространство и с дикими воплями ринулись в атаку.

В следующий миг вспышка яркого света выжгла всю нежить в радиусе километра. Рядом с ничем уже не соображающим князем возник прекрасный крылатый юноша в бе-

лых одеждах с сияющим мечом в руке. В золотом навершии²³ ярко сиял огромный искусно ограненный алмаз.

– Привет, братишка! Долго же я тебя искал!

– Архистратиг?²⁴– прерывающимся голосом прошептал Нерц. Он с удивлением смотрел на ослепительное видение.

– Ну, ты хватил! – рассмеялся крылатый страж. – Я вообще не ангел. А ты меня совсем не помнишь, как я посмотрю! Вставать собираешься?

– Я... я не могу! Я... хочу... – прошептал Смерч, тщетно пытаясь втянуть в себя хоть каплю воздуха. – Я не знаю, как... дышать...

– Да всё ты знаешь! Поглотители, сами того не ведая, остатки черной силы из тебя вытянули. Вот жизнь и пробудилась окончательно, организм о кислороде вспомнил. А вдохнуть тебе меч мешает, поперек души встал... – Светозарный воин с размаху погрузил в грудь Нерца мощную руку чуть ли не по локоть – и вынул меч, абсолютно идентичный тому, что держал в другой руке. Только в навершии искрился не алмаз, а большой рубин. – Всё! Теперь глубоко вдохни и обрети наконец Силу!

Смерч лихорадочно втянул пропитанную дымом и гарью тяжелую взвесь. Каким же сладостным оказался этот первый вдох! Легкие расправились, по капиллярам побежало,

²³ Навершие (или яблоко) – элемент устройства меча, расположенный внизу рукояти и предназначенный для его балансировки.

²⁴ В православии – глава святого воинства Ангелов и Архангелов.

понеслось к сердцу животворящее дыхание жизни. Еще вдох и еще один! Сердце дрогнуло, судорожно сжалось на миг и, словно вспыхнув ярким светом, забилося. Воздух разливался по нутру легко и свободно. Сердечная мышца работала спокойно и уверенно, как будто всю многовековую жизнь качала кровь. Нерц окинул себя долгим взглядом. Он был! Он дышал! Он снова жил и стремился в бой! Расправив плечи, осмотрел собравшихся для удара новых клыкастых врагов. Взял у нежданного и такого родного брата свой (свой!) меч и ринулся в битву. Рядом с ним рука об руку сражался Сияющий Воин Света.

* * *

Рассвет на море по-особому прекрасен. Сумерки неслышно расступаются в ожидании зари. Темные воды медленно наливаются цветом, словно пропуская сквозь себя лучи еще скрытого за горизонтом солнца, и, приобретая невероятную, сказочную полупрозрачность, завораживают взгляд посекундной сменой оттенков. И вот, властно прорвав завесу предвосхищения, из моря величественно поднимается солнце, озаряя округу добрым светом и благодатным теплом, побуждая жить, верить в лучшее и с улыбкой встречать каждый новый день.

Чистый утренний воздух словно призывает восторженно взвиться к облакам и с высоты птичьего полета с ликованием в сердце озирать широкий океанский простор. Радоваться

плеску волн и свежести морского ветерка. Отправлять свет души своей бесконечно-глубокому синему небу, под которым дышится так легко, так свободно!

На всё это великолепие смотрели покрытые черной кровью бесов усталые, запыленные юноши. Один – высокий широкоплечий блондин в сияющем защитном панцире. И второй – жгучий subtilный брюнет в разорванном когтями и зубами монстров черном плаще. Два таких непохожих друг на друга и таких родных существа. Запекшаяся бурая кровь на быстро затянувшихся во время ночной битвы ранах ни на миг не давала Нерцу забыть о своей светлой сути.

Не отводя взгляда от разгорающегося рассвета, парни сидели на отполированном прибоем бревне и тихо переговаривались.

– Тебя как зовут? Кто ты? – спросил светозарного воина Смерч.

– Бродяга-Ветер. Я твой младший брат. Мы с тобой столько эпох вместе провели! А потом... я тебя долго искал. Очень долго.

– Ты знаешь, что со мной случилось? Почему я вдруг князем стал, да еще Темнейшим? Почему считал себя носителем самой громкой фамилии Черного Запределья?

– Да ты и сам уже знаешь. Омрачение сознания – страшная процедура обращения.

– Кто постарался? Дядя?

– Нет, это Старый Смерч тебя обратил. Можно сказать, из

лучших побуждений. Чтобы дражайшая жена перестала дено и ночью (особенно ночью) его пилить и нашла себе новое занятие: воспитание благородного отпрыска – наследника и преемника. Но все ингредиенты для черной процедуры Жеглард ему поставлял. Даже не узнав, кто станет подопытным, способен ли он выдержать страшные муки преобразования светлой души в... черную слякоть. Не спросив соседа, для какой цели тому нужны ядовитые снадобья!

– Понятно, для какой... – скрипнул зубами Нерц. Ему было неприятно чувствовать себя жертвой, и он сменил тему: – Кстати, а мое настоящее имя как звучит?

– Звучит замечательно, – хлопнул его по плечу Бродяга. – Вольный Ветер!

– А меч? – встрепенулся Нерц. – Как это я его столько времени в себе носил и не догадывался?

– Так он же – часть тебя! И всегда находится в подпространстве твоей души. Ты его хоть на стену повесь, хоть в море забрось – в любое время сможешь «из подпространственного себя» Оружие Света достать. А догадаться о его существовании ты, будучи темным, не мог. Не знал ты о нем в своем невежестве. Как и обо всем, что до обращения было.

– Ты мне расскажешь о прежних временах?

– Конечно, расскажу! Всё, что знаю, расскажу... Летим!

Душа Смерча рвалась с братом ввысь, но...

– Я не могу. Пока не могу. Остались еще дела.

– Сердечные? – догадался Бродяга.

– Есть ли у меня сердце? – вопросом на вопрос ответил Нерц. – Что бьется в моей груди?

– Еще какое сердце! Сильное, смелое, полное отваги!

– Все эти слова не могут быть сказаны обо мне, – Нерц недоверчиво покачал головой. – Недостоин я их. Столько гадостей, столько мутных и откровенно грязных дел за черную жизнь совершил. Как смыть этот позор?

– Ну, начало положено! Ты, наверное, всю свою бриллиантодобывающую артель за одну ночь уничтожил.

– Кто мешает набрать новых рабочих? Колесо системы одним таким побоищем не остановить...

– По крайней мере, ты можешь больше бизнесом не заниматься. Не быть винтиком в этом страшном механизме. Но я боюсь за твою безопасность. Всё же прислушайся к моим словам. Летим на Светлую сторону. Со мной ты без артефактов все барьеры преодолеешь.

– А здесь пусть всё так и остается?

– А как ты это исправишь? Чем помешаешь? А если кто-то из бесов избежал расправы? Если уже донос на тебя строчит?

– Я должен, брат! – упрямо повторил Смерч.

– Не верю своим ушам! Я только что тебя нашел! Опять потерять не могу... Летим же! Мне еще кое-что надо тебе рассказать, главное! Мы не просто так повстречались. Оказывается, у нас с тобой в этом мире важная миссия... Мы же с тобой – двое из четверых!

– Это как? А кто – еще двое, раз нас четверо? – удивился

Нерц.

– Не знаю пока, – развел руками Бродяга. – Думал, что это мы вместе выясним.

– Нет, – Нерц пристально посмотрел брату в глаза. – Пойми меня, Бродяга. Сейчас я должен исправить то, что в моих силах. Я обязан помочь тем, кого могу вырвать из лап тьмы. И я приложу все усилия, чтобы меня не раскрыли. Не ради себя. Ради... других. Поверь мне...

– Будь осторожнее, – младший брат понял, что дальнейшие уговоры бесполезны. – Что бы ты ни решил, я абсолютно убежден в чистоте твоих помыслов. Сейчас мне необходимо к своему проводнику вернуться, чтобы разгадать тайну: где же еще двое из нас – таких легендарных «четверых»? Да о Сияющем Сознании побольше надо узнать. А ты пока свои дела здесь заканчивай. Я обязательно вернусь. Куда бы ты ни отправился, что бы с тобой ни случилось, я всегда буду рядом, в двух шагах от тебя. – Бродяга крепко пожал протянутую братом руку и взмыл в пронзительную небесную синеву.

Смерч проводил его долгим взглядом. Брат. Жизнь. Свет... Дыхание, биение сердца, забота о судьбах людей... Такие далекие и такие родные слова и понятия. Привычный и освоенный за века темного властвования мир за одну ночь рассыпался в прах. Как теперь существовать? Что делать дальше? Вернее, с чего начать... жить?

Сверкающий меч выпал из его руки и скользнул в выем-

ку меж камней. Нерц немного подумал и, подняв небольшой вихрь, засыпал узкую щель мелким щебнем. Чтобы никто не нашел. Он, конечно, уже знал, что может достать оружие возмездия из своей груди в любой момент, но всё же хорошенько запомнил место.

А потом взвился под облака.

ГЛАВА 29

Белка отхлебнула из скляночки природного энергетика (как-никак третьи сутки без сна) и обратилась к щуке:

«Ну что, подумала?»

«Подумала... Согласна я. Что ты мне предлагаешь делать?»

«А что делать? Будем тебя раздваивать. Как у нас там полатыни? Ад модум²⁵, в общем.

«Что?» – не поняла щука.

«Ну, копию твою создадим».

«Не больно это?» – засомневалась оробевшая хищница.

«Ни капельки. Давай чешиуйку сюда. Пусть потом думают, что пала ты смертью храбрых. Еще медаль там какую-нибудь тебе посмертно выдадут, да в фанфары грянут, да родне с почетным караулом письмо пришлют. Гордитесь, мол! Великий подвиг совершила наша героически почившая крайняя слева лучшая охотница Зубастого Легио-

²⁵ Ad modum – наподобие, по образцу (лат.).

на!»

«Не ерничай. Бери чешуйку и делай свое дело молча».

«Молча не получится. Это же заговор! Ты давай плыви куда-нибудь в заросли осоки. Мне твердая поверхность нужна. Кочка или бревно полузатонувшее».

Белка выбралась на широкую сухую кочку, капнула себе на язык увеличивающего зелья – и в три мига стала такой, как раньше. Она аккуратно достала из пасти щуки крошечный бережный кокон, разместила на солнышке – для зарядки и поддержки силы в Антонине. Тихонько, чтобы не разбудить кроху-жемчужинку, перенесла раковину на песчаную отмель, опустила в прогретую солнцем воду.

Щука с облегчением захлопнула челюсти и с интересом стала наблюдать за Рыжулиной ворожкой. А белка огляделась, нашла упавший с клена широкий лист, положила на него блестящую чешую. Вынула из подпространства какие-то корешки, распушила их в мелкую пыль, присыпала золотистой цветочной пылью, выжала сок из жесткого стебля осоки.

«А теперь тебе надо плюнуть».

«Чего?»

«Ну, ДНК твоя нужна».

«Я думала, чешуи достаточно».

«Недостаточно. Ты что, плевать не умеешь?»

«Я же не ери. Это у них ловко получается. А хищнице не пристало...»

«Не спорь, давай! Время идет. Нам еще твоего клона полдня расти придется».

«Отойди чуть в сторону. Я попробую...» – Шука прицельно выстрелила в центр листа водяной струйкой.

«С первого раза попала! Талант! – похвалила белка, сворачивая большой лист в трубочку. – А теперь вот здесь у кочки в прогретую илистую жижу надо его воткнуть. Аккуратно. Тихонько».

Она уселась над торчащим из воды краешком листа и тихо-тихо запела на непонятном и в то же время очень знакомом, родном всем живым существам языке: не раскрывая рта, просто мурлыкала себе под нос волшебную, завораживающую мелодию рождения. Немного помолчала и четко произнесла три слова на... беличьем матерном.

«И это – великая бережливая белка!» – скривилась шука.

«Спасибо за комплимент, – вздохнула маленькая ворожея. – Думаешь, клонов растить – такая приятная работа? Тем более ты судьбу своей копии наперед знаешь. Мне не больно-то хочется живое существо на смерть посылать. Поэтому и вырастила я только тело, дух в него не пустила. Один голый манекен – кости, мясо, чешуя, твой неповторимый оскал... Никто не усомнится в подлинности твоей кончины...»

«Дался тебе мой оскал... – парировала большая рыба. – У самой-то резцы чуть ли не со спины видно...»

Рыжуля, не обратив никакого внимания на ворчание шу-

ки, присела среди молодой осоки, утерла лапкой мокрый нос и продолжила:

«Кстати, о твоей мнимой смерти... Мало ли вокруг шпионов... Надо тебя еще до появления клона «переодеть». Сделаю-ка я тебя окунем. Их в здешних водах полным-полно. Одним больше, одним меньше...»

«А ничего, что мне для этого почти на четыре килограмма уменьшиться придется?»

«Несостыковочка, – кивнула белка. – Надо хорошенько подумать и рыбу по габаритам подходящую подобрать. Чтобы ты клона своего на берег выбросить смогла без лишних усилий».

«Может, мне тайменем на время стать? По силе и скорости эти лососевые щукам не уступают. Река здесь быстрая, чистая. Вода холодная и прозрачная. Да и по размеру, и по характеру мне эта рыба вполне подходит», – плеснула хвостом щука.

«Решено! – подскочила к краю кочки Рыжуля. – Давай всплывай и не двигайся, сейчас мы быстренько тебя обратим».

Она вынула из подпространства почти невидимую, слегка переливающуюся на солнце сеть и набросила ее на длинное щучье тело. Затем, сложив лапки, присела в молитвенной позе перед рыбой, просканировала ее внутренним взором и... замерла:

«А это что такое?»

Она еще раз, более пристально всмотрелась внутрь щучьего тела.

«Слышь, зубастая, да у тебя внутри чип!»

«Что у меня?»

«Система связи с сетью... – Белка внимательно изучала встроенный в позвоночник щуки маячок. – Ты что, не знала об этом?»

«О чем мне знать-то было? – удивилась щука. – Года три назад в бою травму получила, в госпитале отлеживалась. Починили мне спину. А что встроили систему слежения – никто и не заикнулся. Костоправы чертовы...»

«Ага, и ты ругаться научилась...» – невесело улыбнулась белка.

«Научишься тут! – дернула хвостом щука. – За сутки столько нового о себе узнала – просто голова кругом!»

«Ладно, эта штука нам на руку. Поможет преследователей по ложному следу пустить. Ты только боком ко мне повернись».

Белка призадумалась, взмахом хвоста сняла со щуки сеть, отложила в сторону, а затем достала из подпространства нечто, похожее на розовый сачок для бабочек.

«Не дергайся, даже плавниками не двигай!» – предупредила она, надевая сияющее кольцо на узкую щучью морду.

Рыжуля медленно повела сачком от головы щуки к хвосту. Искристый шлейф окутал длинное тело, сделав его прозрачным. Чуть выше спинного плавника артефакт крепко за-

хватил в розовое облако вживленное при операции на позвоночнике волшебное устройство. Радужным импульсом амулет сжег многочисленные микроскопические проводки, впившиеся в спинной мозг. И, определив самый короткий путь наружу, раздвинув мышечные волокна, потянул изнутри крохотный артефакт. Потоки розового света, бережно разведя чешуйки, аккуратно выдавили из тела инородный предмет.

«Бескровная операция!» – с гордостью произнесла белка, разглядывая зависшую перед ней крохотную пуговку.

Рыжая ворожея с поклоном растворила в подпространстве амулет, а магический чип мановением крохотной лапки отправила в скрученный кленовый лист – вживляться в новое тело...

«Это было... необычно... – медленно произнесла щука. – Ни крови, ни боли, никаких неприятных ощущений. Только свет в душе остался и... любовь, что ли?»

«А как же без любви? Без нее такие действия не совершаются. Только светом и только любовью!» – с воодушевлением откликнулась Рыжуля.

Она снова накинула на рыбину прозрачную сеть и, воздев к небу лапки, обратилась к солнцу, испросив для щуки новое обличье. При этом она очень подробно объяснила светилу, для чего будущей хранительнице Светлого озера это перевоплощение.

«Как ты меня назвала? Хранительницей?» – мысленно

переспросила новоиспеченная самка тайменя, опустившись ко дну реки.

«Ага, – улыбнулась белка. – А ты что, против? Без званий и приказов, а по воле сердца, как ты хотела. Не захочешь – никто принуждать не станет. Сама решай, как свою силу использовать. Только вот если не во благо народа озерного да речного, не для защиты слабых... для чего она тебе нужна будет?»

«До озера еще доплыть надо. Потом решим, что делать дальше», – хищница крепко призадумалась над беличьими мыслями, но виду не подала.

«И как тебя теперь называть? – наклонила голову белка. – Шукой уже как-то не с руки, тайменихой – длинно».

«Таусией зови», – коротко бросила рыба.

«Таймень Таусия, воительница Тая! – усмехнулась белка. Почесала за ухом, но, глянув на солнце, встрепенулась. – Тебе это обличье до заката дано. Значит, надо успеть на Светлую сторону до темноты... А ты, пока у нас тут вынужденная остановка, на охоту отправляйся. Путь впереди нелегкий».

Прошло несколько часов, солнце перевалило за полдень. Белка сверилась с показаниями странного узорчатого хронометра, сплошь усеянного разноцветными кристаллами, проверила температуру воды и позвала промышлявшую под берегом хищницу:

«Ну всё! Доставай из тины свое бывшее зеркальное от-

ражение. Нам еще его на берег выбросить надо. Только направлю его специальным ароматом – для ворон. Тем более что скоро они сюда нагрянут. Тебя, кстати, ищут. Долго не возвращаешься – волнуются, заботятся...»

«Ага, волнуются, почему вы еще не в пыточной...»

«Слышала когда-нибудь об управляемом безумстве? – улыбнулась в ответ белка. – Учись! Нам нужно, чтобы вороны рыбью тушу хорошенько потрепали, но унести не смогли, а уронили в глубокий омут. Пусть раки поживятся. Пусть всё мясо до последней косточки объедят. А чип несъедобный. Его в омуте найдут и в качестве доказательства твоей гибели Жегларду на блюдечке доставят. А раков вообще заговаривать не надо. Они и так тупые как... раки».

Белка выбралась на берег и крикнула:

«Давай, бросай себя вон туда, где травы поменьше!»

Хищница ухватила новоявленную щуку за хвост и с размаху швырнула ее на берег, спружинив сильным телом.

Рыжая ворожея подскочила к бездыханной рыбьей туше, одним резким движением рассекла покрытый мелкой чешуей живот и принялась танцевать вокруг лжерыбы разухабистый танец, подпевая в такт движениям и выкрикивая время от времени: «Ах-ха!»

Она развеяла в пространстве сухие белые лепестки. Те, упав на землю и превратившись в мелкие цветочки на длинных стебельках, веселой стайкой рассыпались по полянке, тесно обступив Рыжулино чешуйчатое творение.

«Ну всё! – Хранительница талисманов подняла обережный кокон и повернулась к Таисии. – Забирай раковину, принимай нас с Антониной. Отправляемся. Надо до заката на Светлую сторону успеть. А до портала у старой мельницы еще часа два тебе плыть. Это если нигде не задержимся...»

Большая рыба отрешенно смотрела на своего клона:

«Вот так и я когда-то буду валяться на сухом берегу, беспомощно разевая пасть в попытке ухватить за хвост уплывающую жизнь».

«Ты будешь жить долго-долго в самом комфортном омуте Светлого озера, намечешь тонны икры, вырастишь сотни тысяч славных потомков, которые будут сами выбирать свою судьбу, – тянула к ней хрустальную капсулу уменьшившаяся до размеров муравья Рыжуля. – А я за эти два часа как раз выплусь...»

В общем, плыви до обгоревшего дуба. За ним поверни направо, в узкую протоку. Там над высоким берегом – раскидистая береза. Одна растет. Как раз под ней в скале промоина. Увидишь ее, разбуди меня и тихонько гребь туда».

Тая аккуратно забрала в пасть своих новых товарищей и, резко ударив хвостом, скрылась под водой.

Над пологим берегом мирно светило жаркое солнце, легкий ветерок чуть слышно шептался с волнами, а пьянящее благоухание мелких цветочков, с жадным нетерпением ожидающих прибытия врага, стремительно разливалось по округе.

Спустя четверть часа в небе черным облаком повисла громадная стая ворон. Поначалу наблюдатели вели себя спокойно, размеренно прочесывая местность. Но стоило им вдохнуть пряный аромат белых цветов, почуять близкую кровь, изливающуюся на изумрудную траву из разорванного щучьего брюха, – все приказы управляющих ими операторов затмило кровожадное исступление.

* * *

В отчетах операторов четко значилось: кто-то наслал заклятие управляемого безумства на целую стаю ворон-наблюдателей с целью заманить их в коварно расставленные сети, спровоцировать на безрассудные, опрометчивые действия, сорвать успешное выполнение поставленной задачи и тем самым вынести им смертный приговор...

Предводитель не верил своим глазам: в который раз операторы ворон не справились с заданием! Новые операторы! Тщательно отобранные и подготовленные к любым неожиданностям! Он смотрел на обзорный экран: черные птицы с пронзительными криками носились над неподвижным телом щуки, с каждым взмахом крыльев всё больше попадая под действие неистового цветочного аромата. И наконец, потеряв все ориентиры, набросились на дохлую рыбину, расклевали, разорвали на части и, конечно, уронили в реку – как раз в глубокий омут... На допросе никто из них ничего вразумительного прокаркать не смог: ни одной птице попросту

не удалось вспомнить произошедшее.

С пожирателей падали вообще спрос был невелик. Раки придурковато пялились то на стражников, то на дознавателей, шевеля круглыми глазками-бусинками на тонких ниточках: «Дык это... Где? В омуте? Так что? Я? Я – не ел! Когда енто? Ну, ел... Все ели, и я ел. Так что с того? Наше дело – падаль жрать. Нам упало – мы сожрали. Что не так?» – в который раз недоумевали они. На вопросы о «может быть, закатившейся под какую-то корягу или утонувшую в тине раковину-жемчужницу» снова начинали тупо таращиться, вообще не понимая, о чем речь. В конце концов один из закованных в панцирь туполобиков выложил перед дознавателем микрочип связи «погибшей» щуки и боязливо скрылся за спинами товарищей. «Может, эту штучку так долго искали?» – шептались между собой раки.

Жеглард, не добившись ни от кого из участников событий нужной информации, плюнул и приказал вышвырнуть всех в места обитания.

Граф был в бешенстве. Он понимал, что кто-то намеренно и целенаправленно вносит в его такую злобно-привычную и коварно-размеренную жизнь свои коррективы. Кто посмел? Какую цель преследует этот неведомый пока враг?

ГЛАВА 30

Давно перевалило за полночь. Сашка лежал в темной ком-

нате на неразобранной кровати. Он вспоминал. Вспоминал снова и снова.

...Андрейка, старший брат, с самого рождения оберегал любопытного Сашку от зла. Не от падений и ушибов, не от неблагоприятных поступков, а именно от зла во всех проявлениях. Братья часто играли в защитников. Андрей, сияя черными смородинами глаз и размахивая пластмассовым мечом, кричал:

– Мы с тобой – защитники!

– Ага! Мы с тобой сияющие Воины Света! – радостно вторил ему Сашка. – Мы защитники!.. А кого мы защищаем?

– Ну как кого? Людей, весь наш мир, всю нашу планету Землю! – победно вскинув меч над головой, кричал Андрейка.

– А от кого мы всех защищаем? – не унимался светловолосый мальчуган, оседлав деревянного коня.

– От темноты, конечно, – немного подумав, отвечал ему брат.

– Тогда нам нужны фонарики, чтобы темноту разгонять, чтобы всем светло было!

И вот дети с помощью скотча прикрепили к рукоятям своих мечей маленькие фонари. Один из них сиял белым светом, а другой – красным...

Сашка вздохнул, поправил подушку и вновь погрузился в воспоминания.

...Раньше это казалось страшным сном: как-то к ним в де-

ревянную, сделанную на заказ кроватку с высокими перильцами заявили Тута и Чмеха. Да-да, так они себя назвали, предложили вместе поиграть. Обе были худыми как палки, с тощими костлявыми руками и тонкими, как сухие былинки, пальцами. У них были вытянутые лица и длинные, похожие на каблуки маминых туфель, носы.

Трехлетний Сашка с удовольствием согласился: играть он всегда любил, а тут снова спать уложили... А странные гости звали к себе жить. Да, они так и сказали: «Вы теперь будете жить с кикиморами». Сашке стало интересно: как живут кикиморы, где их дом? Но Андрейка, сдвинув бровки и сжав кулачки, заявил: «Нет, вы нас не обманете! Мы никуда не пойдем!» Он так строго посмотрел на брата, что тот, неожиданно осознав, какие тетки страшные, отчаянно разревелся. И, утирая слезы, закричал навзрыд: «Нет, нет! Уходите! Мы никуда не пойдем, мы останемся с мамой и папой!»

Кикиморы очень разозлились. Они страшными скрипучими голосами предупредили черноглазого малыша, что тот совершенно напрасно свою жизненную силу тратит на брата. И пообещали: они, мол, очень постараются, чтобы когда-нибудь в будущем Андрейка за всё заплатил. Слишком уж умный выискался!

Такого Сашка стерпеть не мог. Он бросил в худющих бабок своим плюшевым медведем и закричал что есть сил: «Уходите! И больше никогда не появляйтесь в нашем доме!»

Незванные гости грозно надвинулись на малышей, протя-

нув к ним скрюченные пальцы. Но вдруг отпрянули, застыли на месте, прислушиваясь к энергиям то одного, то другого мальчугана. Обе, вмиг утратив воинственный пыл, водили своими тонкими носами, недоуменно перешептывались меж собой. Затем, словно удостоверившись в чем-то, дружно кинулись в ноги Андрейке, рассыпаясь в извинениях, обещая больше не появляться и никому ничего не рассказывать. Кикиморы, не переставая бормотать что-то про «величайших» и «темнейших», живо ретировались, растворились во мраке.

Потом, лет до шести-семи, часто повторялись сны с черными собаками или кошками, а порой и вообще с какими-то непонятными тварями. Эти «гости» тоже приходили то ли во сне, то ли в полудреме. Братьям виделось, будто их окружает стая черных существ с кожистыми крыльями и горящими зеленым огнем глазами. Они хотели одного – схватить мальчиков, куда-то забрать, унести. Но дети всегда сражались. Недаром они очень любили книжки и фильмы о рыцарях в сияющих доспехах. И атакующим клыкастым существам они, стоя плечом к плечу, всегда давали достойный отпор.

Они были всего лишь детьми и не осознавали, что каждую ночь, продолжая дело сотен прошлых жизней, снова и снова борются с силами тьмы. Один раз, незадолго до Андрейкиного исчезновения, братья даже победили огромного огнедышащего дракона. А когда проснулись, с восхищением и удивлением рассказывали друг другу один и тот же сон, пе-

ребивая, дополняя и восклицая. Это была их тайна – одинаковые сны. Нет, вернее, один сон на двоих.

Но после того, как Андрей исчез, сны перестали сниться Сашке. С тех пор он не увидел ни одного. Ни страшного, ни счастливого или светлого. Вообще без сновидений остался. Странная пелена накатывала порой: он словно куда-то шел, кого-то искал, звал, кричал, но никогда не мог преодолеть вязкую густую тьму. Просыпался посреди ночи в холодном поту, пытался что-то вспомнить. Но сознание не откликлось. Долгие годы тянулись в бредовых поисках, не дававших никаких результатов...

Дребезжащий дверной звонок оторвал Сашку от тяжелых дум. Взглянув на часы и удивившись («Кто это посреди ночи решил наведаться?»), он открыл дверь.

– Александр Смирнов? – на пороге стоял прыщавый парнишка в форменной куртке и желтой кепке с длинным козырьком.

– Да, – недоуменно оглядел его хозяин.

– Распишитесь, – мальчишка протянул ему ручку и планшет. – Вам доставка.

– А я ничего не заказывал, – широкоплечий парень, с высоты своего роста глядя на щуплого курьера, совсем не торопился взять в руки неизвестный предмет.

– Это ваш адрес? – посыльный ткнул пальцем в бланк заказа.

– Мой, – Сашка еще раз перечитал имя и адрес.

– Вот и забирайте, – мальчишка требовательно протянул ему бланк и ручку, затем сунул в руки коробку и легко сбегал вниз по ступеням.

Сашка вернулся в комнату, разглядывая посылку. Адрес и имя его, штампы и почтовые марки на своем месте, однако отправитель не обозначен.

Он развернул шуршащую бумагу и порядком удивился: ему прислали... компьютерную игру. Сразу видно, очень дорогую. Под пластиковой упаковкой красовалась нехилая такая гарнитура и что-то похожее на браслеты.

Никогда прежде он такой игры не видел – ни в рекламных роликах, ни в обзорах блогеров. Не знал даже, как с ней обращаться. Но интерес к постижению неведомого уже заполнил сознание. Он прочел на коробке: *«Лунная стая. Корпорация межпространственных перемещений»*.

Набрал в поисковике название. Информации о создателе игры и о самой игре нигде не было. Очень даже странно...

Распаковал крепкую пластиковую коробку, достал инструкцию – маленькую книжечку шестого формата. Она была только на русском языке и предназначалась непосредственно ему – Александру Игоревичу Смирнову, рожденному, проживающему, работающему... В общем, в инструкции были указаны все его личные данные, включая ИНН.

Сашка наугад открыл книжку и прочел:

«Перемещения бывают:

Надпространственными;

Подпространственными;
Внутрипространственными;
Межпространственными».

Парень не поверил своим глазам: в его руках была настоящая инструкция по перемещению в пространствах. Что она именно НАСТОЯЩАЯ, он ни на секунду не усомнился. Еще раз внимательно оглядел гарнитуру, потрогал широкие, выполненные из неизвестного материала браслеты и принялся читать дальше:

«Перемещение внутри одного пространства можно ускорить, совершив прыжок в под- или надпространстве. При этом скорость перемещения прямо пропорциональна силе заряда и потенциалу перемещаемого объекта. В случае перемещения одним объектом другого в под- или надпространстве разработчик настоятельно рекомендует учитывать разницу потенциала между этими объектами».

Сашка взъерошил волосы, глубоко вздохнул, огляделся и вновь погрузился в чтение:

«Межпространственные перемещения делятся на:

Однотипнопространственные;
Разнотипнопространственные.

Однотипнопространственные перемещения совершаются, согласно спектру сигналов объекта, в пространствах, идентичных по своим параметрам (длина, ширина, высота, время и т. д.).

Разнотипнопространственные перемещения при переходе

в под- или надпространстве учитывают силу самовыражения перемещаемого объекта и трансформируют его физические и психоэмоциональные параметры, доводя потенциал объекта до необходимого уровня. Если объект изначально не имеет достаточного физического заряда для верного перемещения, но при этом его психоэмоциональные ресурсы гарантированно обеспечивают безболезненный переход, разработчиком предусмотрены очаги добавочной энергии, которые предварительно будут обозначены по пути следования объекта. В этом случае моментальный переход из точки А в точку В невозможен, но вполне реально достигнуть конечной точки перехода путем перемещения через несколько промежуточных порталов.

Разработчик настоятельно рекомендует по интенсивности сияния сопутствующих кристаллов отслеживать свою интеллектуализацию и учитывать тот факт, что, если исходные данные и возможности перемещаемого объекта не отвечают заданным параметрам, физический и психоэмоциональный потенциал не в состоянии будет утвердиться в желаемом уровне в своей изначальной форме мировосприятия и мироощущения. При этом объект рискует воплотиться в поле Высшего уровня (или измерения) в качестве бесплотного духа либо низшего физического объекта (как то: камень, растение, бактерия, насекомое и т. п.) Достигнуть желаемого уровня в высшем пространстве такой объект сможет лишь с помощью апгрейда, т. е. многочис-

ленных реинкарнаций, в процессе которых обязательно рекомендованы следующие действия, аккумулирующие в объекте добавочную энергию:

Положительные мысли и действия по отношению к себе – к своему физическому состоянию или телу (если таковое имеется), к своему организму (если таковой имеется), своему естеству (если осознание себя имеется) – 100 ед.;

Положительные мысли и действия в отношении окружающего мира – 200 ед.;

Добровольная искренняя (доказательно оправданная) жертва на благо окружающего мира – 10 000 ед.»

Сашка немного подумал над тем, какую же добровольную жертву сможет совершить, к примеру, камень. Или есть ли осознание себя у бактерии.

Он перевернул страницу и стал читать дальше:

«В случае отрицательных мыслей и действий по отношению к себе и кому (чему) бы то ни было, объект автоматически (после каждого последующего разделения духа и тела, т. е. смены мерного тела) воплощается на соответствующей внутреннему потенциалу объекта ступени развития, переходя на более низкий для восприятия действительности уровень. При патологическом нежелании объекта увеличить свой положительный жизненный потенциал разложение естества ускоряется раз от раза, вплоть до полной гибели объекта и рассеивания его естества в межмирах. В этом случае разработчик программы снимает с се-

бя все обязательства по вызволению объекта из иного пространства.

Если объект, несмотря на предупреждения разработчика программы, всё же попытается перейти на более высокий, недостижимый для него уровень, не имея при этом достаточных навыков и добавочной энергии, межмолекулярная ответственность за данное действие лежит на самом объекте. Т. е., в случае если изначально запланированное действие объекта несет ему неминуемые увечья или смерть, программа автоматически блокирует перемещение и самоликвидируется (потому как нерационально тратить Великую Силу Космоса на существо, не достигшее достаточного понимания момента)».

«Да уж! Межмолекулярной ответственности и достаточного понимания момента у меня хоть отбавляй, – почесал в затылке Сашка. – Еще бы знать, что это такое... А если отправиться не в верхние, а в нижние миры, богом там стать можно, что ли? Что в инструкции про это написано?..»

Дочитав инструкцию до конца, Сашка перед зеркалом надел гарнитуру, браслеты, которые при соприкосновении с кожей стали вдруг похожими на разноцветную клавиатуру.

«С теорией более-менее ознакомились, перейдем к практике...»

Юноша вышел в большую комнату, встал посреди зала и нажал на браслетах красные кнопки. Пространство засияло, перемигиваясь с клавишами на запястьях. На трех паль-

цах каждой руки Сашка с удивлением обнаружил массивные перстни с разноцветными камнями. Он непроизвольно повел указательным пальцем – и в центре комнаты на старом вытертом ковре образовалась сверкающая полусфера. Немного погодя внутри сияющего контура появилось туманное облако. Оно наполнилось серебристым свечением, и спустя несколько секунд напротив оторопевшего парня уже сидел огромный белый волк. Или это собака? Всё же – волк...

«Рад тебя приветствовать, Александр в мире людей и один из четверых!» – на ментальном языке обратился к парню гость. – *«Меня зовут Нуби»*.

ГЛАВА 31

Расставшись с неожиданно обретенным братом, Смерч направился к своему замку.

Он пробыл в полете недолго. Оказавшись внутри границы собственных владений, князь создал сверкающий портал прямо в свой роскошный дворец и шумно ввалился в просторную спальню. Удар воздуха разметал в стороны легкие шторы, и Нерц удивленно замер: на его широкой, предназначенной вовсе не для сна, кровати, небрежно прикрывшись атласным покрывалом, спала рыжеволосая красавица. Лица он не видел – только оголенное белое плечо, изящную руку да густые локоны, рассыпавшиеся по подушке.

«Не может быть!» – в горле ветреного хозяина Замка пе-

ресохло, и он судорожно сглотнул.

Затаив дыхание тихо обошел вокруг широкого ложа и... разочарованно выдохнул: не она...

«А чего ты хотел? – обратился он сам к себе. – Чтобы после всего пережитого она вдруг в постель к тебе прыгнула?»

Смерч раздосадованно поморщился в ответ на свои мысли, скрипнул зубами и направился в ванную, по пути делая отметки: не дышать, не вздыхать, унять стук сердца и договориться с кровью о смене цвета и смещении явной жизненной энергии к нулю (особенно при кровоточащих ранах).

Знания приходили из какого-то давно забытого энергоинформационного тайника. Он жадно черпал их оттуда. И теперь совсем не удивился, что так вот запросто знает засекреченную технологию Договора с кровью – очень сложного, почти забытого в веках заклатья.

Всю одежду он предусмотрительно испепелил и развеял в подпространстве. Найди теперь хотя бы частичку! Смыв с себя пот и грязь ночной битвы, Нерц совершил старинный обряд, прислушался к тишине в своей груди (а он уже стал привыкать к току живой энергии и биению сердца), вернулся в большое пушистое полотенце и направился в гардеробную. Надо было еще узнать, откуда в его покоях девушка. Как она вообще смогла проникнуть в замок без ведома хозяина, преодолев неприступные стены и не попавшись на глаза бдительной охране?.. Что за детектив такой? Но сначала – одеться...

Одеться он не успел. В погруженной во тьму спальне уже без его участия разыгралась то ли драма, то ли комедия. Девушка, озаренная неярким светом смоляных факелов, сидела в постели, даже не думая прикрыть бесстыдную наготу. Над ней раздраженно навис Предводитель, пытаясь совершить допрос с пристрастием. Но ему мало что удалось до прихода племянника.

– Кто ты? Что здесь делаешь? – сдернув с девушки покрывало, злобно зашептал он.

– А ты как думаешь? – вопросом на вопрос ответила та. – Может быть, конфеты ем? Такая ночь сладкая была... – Прелестница, ничуть не испугавшись, смерила вновь явившегося гостя оценивающим взглядом серо-голубых глаз. – Не желаешь к нам присоединиться?

– Ты всю ночь здесь спала? – проигнорировал ее предложение Жеглард.

– Да ты что! Разве с Нерчиком уснешь! Только под утро меня отпустил... – сладко потянулась знойная красотка.

В дверях появился Нерц:

– Дядя? Ты уже при свете солнца путешествуешь? Или нет – ты, конечно же, портал использовал, – догадался он. – Что привело тебя?

– То есть как – что?! – Жеглард порывисто выпрямился. – Как ты мне всё это объяснишь?

– А я кому-то что-то должен объяснять? – Нерц мастерски изобразил развязную улыбку.

– Ты вчера у меня ключ от башни для чего брал?

– Ах, это... – протянул мальчишка и махнул рукой. – Я уже и забыл. Не срослось у нас там... Пришлось бросить задуманное... А ключ я в двери оставил. Ты забрал его?

Он достал из дорогой шкатулки на резном комодe красивый перстень с изумрудом, присел на кровать и надел кольцо девушке на палец:

– Ты не оставишь нас? Ненадолго... Вечером я снова тебя жду... Придешь?

– С радостью! – девица с восхищением разглядывала роскошный подарок. – Обязательно приду! – Она быстро вскочила, сорвала со спинки кресла легкое платье, схватила атласные туфельки и легко выбежала за дверь.

Нерц прошел в гардеробную, накинул темно-красный шелковый халат с бархатными отворотами и вернулся в спальню.

– Я внимательно слушаю, мой зловредный родственник, – скопировал он манеру разговора Предводителя. – Что же ты у меня забыл посреди ясного дня?

– Антонину! – прорычал Жеглард.

– Окстись, дядюшка, откуда ей здесь взяться? Ты же видел, кто согревал меня этой ночью! – Нерц создал два хрустальных кубка и с улыбкой показал дяде бутылку дорогого выдержанного вина. – Одобряешь мой выбор? Два из трех оставшихся ящиков от урожая того насыщенного войнами и эпидемиями знаменательного года – у меня, – хвастливо до-

бавил он, умело откупоривая бутылку.

– Она сбежала!

– Что? – рука Нерца дрогнула, вино пролилось на полированную дубовую столешницу. – Кто сбежала?

– Твоя... моя пленница! – Жеглард с силой запустил кубком в стену. – Что ты меня тут вином потчуеть?! Как случилось, что во время или сразу после твоего визита к ней... Признавайся! Она у тебя? Ты нарочно новую пассию в кровать затащил, чтобы мне все карты спутать, следы замести? – замысловатое плетение загорелось недобрым огнем на кончиках порхающих в воздухе пальцев Предводителя. Забывшего правила этикета, побелевшего от ярости и готового на всё, лишь бы вернуть Антонину.

– Опомнись, дядя! Да твоя девка меня чуть в Тихий Предел не отправила! – Смерч отстранился от заготовленного поражающего заклятия, примирительно подняв руки. – Слушай, присядь. Я тебе всё по порядку расскажу. А хочешь, мысли мои прочти. Так даже быстрее. И уже наверняка знать будешь, что я от тебя ничего не скрываю! – Нерц вынул из шкатулки два янтарных браслета. Один надел на руку дяди, второй – на свою.

– Такие сильные артефакты держишь у всех на виду? – изумился чуть оттаявший Жеглард.

– Да что с ними делается, с заговоренными-то? Дальше этой комнаты их никому кроме меня не вынести, – рассеянно произнес племянник, настраивая резкость изображения

и запуская видимый ход событий. – Только звук не воспроизводится. Ты уж не обессудь...

Перед общим взором возникла картина неудавшегося соблазнения. Разъяренный поначалу дядюшка, глядя на злоключения незадачливого ухажера, расслабился и в некоторых местах даже пакостно похихикивал от удовольствия. Но злорадствовал он недолго. Изображение вдруг зарябило, запрыгало, стерлась резкость.

– Что случилось? – Жеглард нетерпеливо воззрился на юношу, пытающегося высушить свой браслет, «ненароком» попавший в разлитое на столе вино, и восстановить картинку.

– Сейчас! – Нерц покрутил на запястье медово сияющую безделушку, перебрал болтающиеся бусины, стабилизировал видение.

– Ой, как это ты ее назвал? Дурой? Я по губам прочел! Пикантно! – осклабился Жеглард. – Странно, что она тебе горло не перерезала после этого! – потер он руки, с увлечением наблюдая немую картину.

А в момент, когда племянник разметал оконную решетку, дядя даже заплодировал:

– Потрясающе! Вот как она тебя доняла! Брависсимо! Высший пилотаж! Довела до белого каления моего зловредного племянничка! Шарман! Была бы дома – вознаградил бы за доставленное удовольствие!

– Что? – возмущенно воззрился на него Смерч. – Меня

чуть по стене не размазали, своим же кинжалом едва не оскопили, а ты восторгаешься?! Ну, дядя, ну и сволочь же ты!

– Да! Я такой! – с удовлетворением отметил Предводитель. – И что? Я смотрю, ты недолго горевал? Быстро нашел другой объект обожания.

– Какое обожание, дядя! – скривился юный князь. – Кого там обожать? Сегодня одна, завтра другая... Чем жестче сопротивление, тем сильнее желание обладать, прорвать защиту, склонить чашу весов в свою пользу... Они все мне интересны только до того, как... А наутро, ну максимум на другое... могут быть свободными от любых притязаний... – Он вернул браслеты в шкатулку. – Ты мне лучше расскажи, что случилось? Говоришь, эта строптивая Воительница сбежала? Как такое могло произойти? Там же по всей лестнице вооруженная охрана, пространства перекручены сотни раз. У меня в голове не укладывается...

– А бес его знает, что там после твоего стремительного побега случилось. Ты улетел, потом она исчезла. С разницей всего-то в пять-семь минут...

– И главным подозреваемым у тебя стал именно я!

– А ты бы как на моем месте поступил? Сколько по ней слюни пускал? Вот я и решил, что ты ее похитил, чтобы долг до конца не выплачивать.

– И это – мой дядя! Во всей красе! Я и не сомневался, что ты так подумаешь. Злокозненный крючоктвор! Да если хочешь, я тебе хоть сейчас два сундука со слезами отдам! Но

пообещай, что доставишь мне эту строптивицу не позднее третьей ночи!

– Обещаю! – без промедления воскликнул Жеглард. Глаза его загорелись жадным огнем.

– И ты надеешься, что я поверю этим словам? – отмахнулся Смерч. – Ищи! Найдешь, отдашь мне – расплачусь. А не то, если я сам ее найду, не видать тебе ярчайших бриллиантов как своих ушей. Хотя бы за то, что не доверяешь самому близкому родственнику!

– Так недоверие к родне – это же величайшая привилегия! – попытался парировать Предводитель.

Но тут в дверях появился лакей и с поклоном доложил:

– Ваше Темнейшество, дозволейте...

– Что там опять? – раздраженно бросил Смерч.

– Прибыл гонец из пространства людей, – лакей низко склонился. – А вы под страхом растления наказали не беспокоить вас до полудня. Сейчас полдень. А у посыльного важные вести. Архиважные, господин!

– Пусть войдет! – Нерц бросил быстрый взгляд на заинтересованно обернувшегося к двери дядю. Хорошо или плохо то, что Жеглард узнает новые вести вместе с ним?

В спальню вбежал длинноусый сержант в запыленном мундире, преклонил перед господами колена, протянул пакет с большой гербовой печатью.

– А с летучей почтой не могли послание доставить? – лениво принял у него пакет Нерц. – Или по огневой связи, на-

конец?

– Лично в руки велено передать! – преданно воззрился на него служака.

Юный князь сломал печать, быстро пробежал глазами по строчкам письма. Оторопело замер. Прочел еще раз. Уже медленнее, вчитываясь в каждое слово.

– Что там? – подошел к нему дядюшка. – Что случилось?

– Бунт, дядя! Или диверсия... Не разобрались там еще. Ничего не могут понять. Бесы мои пропали. Все... – Картично прикрыв глаза и выронив письмо, Смерч упал в кресло.

– Бунт?! Диверсия?! – Жеглард поднял с пола донесение. – Кто посмел? Светлые? На них непохоже... Конкуренты? Вполне возможно. Надо выяснить, кому ты в своем безрассудстве мог дорожку перейти... Бесы-отступники, может быть? Я про таких слышал не раз!

– И что мне теперь делать?

– А я тебе говорил! Я предупреждал, что эти твари неуправляемы в бешенстве своем! Истребить всех подчистую!

– Истребление – последнее дело в данной ситуации. Надо следственные органы подключать, зачинщиков искать. Да и кого там истреблять? Инициаторов и исполнителей этого кощунственного действия сначала найти надо... Кто работать будет, дядя? Ты же читал в донесении, что добыча бриллиантов на моих предприятиях в мире людей полностью остановлена! С кого убытки спрашивать теперь?

– Но кто-то же слуг твоих уничтожил? Найти их, схватить и... Что тебе нужно? Армию для поимки предателей предоставить? Следователей лучших, дознавателей? О цене потом договоримся, родственники всё же...

– Своих дознавателей достаточно... Надо самому туда лететь, разбираться. В конце концов, новый персонал набирать, – Нерц поднялся с кресла. – Извини, дядя, провожать не буду.

– Да я сам, через портал... – Предводитель, вступая в сияющую окружность, слегка задержался, на ходу сбросив с пальцев на дорогой ковер спальни несколько серых пылинок (впоследствии превратившихся в крохотных пауков-соглядатаев, передающих информацию прямо в замок Жегларда)... Чутко прислушавшись, он разобрал, как стремительно облачившийся в дорожную одежду Нерц, выбирая из шкапулки необходимые для разнопространственного перелета артефакты, бормочет себе под нос:

«Ну и работенка же мне теперь предстоит. Набрать других рабочих – труда особого не составит. Но как быть с этим новым персоналом? Надеюсь, к тому времени я догадаюсь, как мне их раз...»

Смерч резко повернулся:

– Дядя! Ты еще здесь?

– Всё, дражайший мой, ухожу! – спешно шагнул в переход граф.

...Уже у себя в черной зале, размышляя о незавидной те-

перь судьбе племянника, Жеглард прикидывал, как выгоднее воспользоваться нынешним неустойчивым положением юного князя: прибрать к рукам пошатнувшийся бизнес, завладеть его землями или... воплотить сразу обе блестящие задумки. И сделать всё надо как можно быстрее, пока никто другой не узнал! Значит... племянник в ближайшее время должен погибнуть при невыясненных обстоятельствах... Нет, пасть от рук отступников, стать жертвой! При этом не забыв заранее позаботиться о том, чтобы завещать доброму дядюшке богатое наследство...

* * *

А Нерц тем временем мчался по небесным просторам, без труда преодолевая пространства. Он летел свободно и легко, совершенно по-новому озирая с высоты раскинувшуюся перед ним землю, и в который раз удивлялся: как он в течение огромного промежутка времени не мог увидеть, почувствовать, различить всю красоту окружающего его такого прекрасного, такого величественного и в то же время такого хрупкого мира?!

Оказавшись в пространстве людей, он с тщательно скрываемым удовлетворением и с качественно нарисованной на лице скорбной миной выслушал доклады следователей, давно прибывших на место событий. Затем раздал соответствующие приказы, выяснил, не осталось ли хотя бы останков кого-то из уничтоженных бесов. После этого, строго наказав

докладывать о ходе следствия каждые два часа, призвал к себе нового, подобранного вездесущим матушкиным советником управляющего, бойкого беса по имени Деркач с хитровато прищуренными, почему-то не черными, а светло-кариими ясными глазами.

Оставшись наедине с управляющим, Нерц смерил его взглядом, задал несколько стандартных вопросов и приказал развернуть перед собой план дальнейших действий по управлению предприятиями. Деркач с готовностью представил многочисленные списки и схемы, всё время пряча в густой бороде улыбку. Смерч в который раз поморщился, словно кто-то щекотал его за ухом легким перышком, и... вдруг увидел зажатую в волосатой жилистой руке подручного охранную грамоту, скрытую от постороннего взора легким защитным сиянием. Нерц не поверил глазам: на грамоте красовалось изображение крылатого воина с мечом в руках!

– Что это? – не понял князь, движением пальца предусмотрительно накинув на помещение защиту от чужого взора. Слабо мерцающая завеса исказила пространство таким образом, что со стороны никто никогда не понял бы сути разговора.

– А это, Ваше Сиятельство, мне от вас досталось. Еще когда я совсем несмышленным бесенком был. Лет тому этак... тысячи три назад, – ответил слуга, с интересом разглядывая защитные искры. Изнутри они были очень даже заметны.

– Ты меня Сиятельством назвал?! – возмущенно воззрил-

ся на него хозяин. – Совсем страх потерял?! Не понимаешь разве, что князю Темнейшему служить призван?

– Да знаю я, кто вы на самом деле... – независимо, без тени подобострастия пожал плечами Деркач. – И матушка ваша знает... Вот и отправила меня на помощь своему любимому сыну.

– Любимому? – недоуменно переспросил Нерц. – Да она на меня ни разу ласково не посмотрела, не то чтобы любимым называть... Нежити такие чувства и в голову никогда не придут.

– Так это – нежити... А она другая... Она всё ради вас делала, и ради таких, как вы, и... ради всех нас... Вы, господин, даже не догадываетесь, на какие жертвы шла ваша матушка, лишь бы только суть вашу сохранить, воедино собрать...

– И чем, по-твоему, она жертвовала? Раз в десять лет меня к ней в башню приводили – и что она делала на протяжении двух столетий? Вместо того чтобы спросить, как я существую, стихами своими меня изводила, всё считалку какую-то учить заставляла.

– Вот у нее и узнаете, зачем это было нужно...

– Я-то узнаю, но и ты еще раз поясни: грамота у тебя откуда?

– Вот непонятливый вы, господин. Забыли совсем. Сами мне ее в руки дали. Сказали, что жить на этом свете буду, не старея, не болея, без увечий и передряг особых, пока не выполню задание. Велели, чтобы вручил ее вам в нужный

момент. Вот, наверное, сейчас такой момент и настал. Я и раньше столетиями вокруг вас с этой бумагой расхаживал, да только не видели вы ее совершенно. Не замечали ни меня, ни документа этого. В общем, темным ее никак не углядеть. Только светлым это дано.

– Так ты светлый? Как это возможно, если ты – бес?

– Про отступников слышали? – последовал невозмутимый ответ. – Вы же сразу цвет моих глаз определили. Я заметил, как пялились. Ясные глаза у беса – как раз признак высветления. Душа пока еще не народилась, но и нежитью мы уже не можем именоваться. Растем над собой, так сказать, – с грустью улыбнулся Деркач, ковырнув загнутым когтем грубо обтесанную лавку.

– Трудно это? – немного подумав, присел рядом с ним Смерч.

– Что? – не понял управляющий.

– Расти трудно?

– А то! – Деркач запустил в бороду огромную пятерню. – Стоит только слабину дать, сразу на пакости тянет. А вы, господин, как я чувствую, жалеете, что столько нежити развоплотили-уничтожили...

– Не знаю... – опустил глаза Нерц. – С одной стороны, понимаю, что уничтожение подчиненных было единственным правильным шагом на тот момент. А вот с другой... Может, ты подскажешь, что значит «разбесить» их?

– То, что вы и сделали.

– И что я сделал? Развоплотил всех без остатка... Значит, распылять бесов можно, если нет другого выхода? – князь поморщился.

– Как раз об уничтоженных в ту ночь бесах вам, мой господин, беспокоиться не стоит. Бесы, которых так или иначе коснулась рука Светлого Воина, обретают частичку его сияния. Так что вы, сами того не ведая, очень хорошо пополнили ряды отступников. Все эти сущности уже в пространстве не распадутся, они обязательно переродятся. Поначалу, конечно, будут всякими там паразитами-червяками. И если почувствуют в себе Свет, примут его – то еще дальше и выше пойдут. Долгий этот путь, ох какой долгий...

– А как вы от соглядатаев суть свою скрываете? – у князя возникло сразу сто вопросов. – И как вас настоящие, темные бесы не сдадут властям? По каким признакам вы друг друга находите? Кто вас этому научил, в конце концов?

– Да просто всё. Истинно темные – они же все, не достигнув определенного состояния духа, только черное и белое видят. Полутеней им не углядеть. Для них даже глаза мои не карие, а черные. А я... Вот наращу потенциал своей сути до обретения Светлого Сознания, тогда они меня увидят... и схватят... Если смогут. А смогут – просто так не убьют. Мучить будут долго, чтобы в страданиях потерял весь накопленный Свет.

Но теперь, когда я вашей милости грамоту вернул, мое многовековое дело закончено. Через какое-то время я так

или иначе помру в этом черном царстве. Для меня сейчас главное – внутренний Свет сберечь. Тогда нарожусь заново я уже на Светлой стороне. Хоть цветочком, хоть птенцом желторотым. И там тоже расти над собой буду... Очень постараюсь. И в конце концов настанет такой день, когда и у меня появится настоящая Душа...

– Ты это точно знаешь или просто слепо веришь тому, кто тебе эти сказки в голову вложил?

– Я твердо знаю. Потому что верю безоглядно матушке вашей. Она нас сквозь все передраги к Свету ведет.

– Кому веришь? – князь даже привстал. – Матушка? Мать моя вас к Свету ведет?! И ты хочешь сказать, что вечно придирающаяся и трясущаяся в бесконечных припадках злобная старуха – какая-нибудь светлая фея?

– Точнее – светлая ведьма. Или ведающая мать, если вам так будет угодно.

Нерц смотрел в смеющиеся медовые глаза и понимал, что управляющий не врет.

– Так она же, сколько я себя помню, со всей округой воевала, соседям житься не давала...

– Не давала, – согласился Деркач. – А вы хоть раз задумывались в своем неведении, кто рядом с вами? Что она на самом деле сквозь все тысячелетия своего правления делала? Спасала от смерти и мучений тех несчастных, что вынуждены были служить всяким там злопыхательным извращенцам и губителям душ. И под своим крылом хранила, защищала.

Столько рабов от жалкой участи избавила! Многих даже в Светлое Запределье переправить смогла. Да что вам рассказывать, ваша светлая темнота, если вы дальше своего носа столетиями ничего не видели. . .

– А почему она мне никогда ни о чем таком не говорила, не открылась, не помогла себя вспомнить? – порывисто вскочил Нерц.

– Всеу свое время, – медленно ответил управляющий, со всё возрастающим воодушевлением глядя в ярко сияющие неумным светом черные глаза князя. – Ваше время только сейчас пришло. Вот вам и грамота от себя самого. Вы тогда сказали, что кроме вас считать информацию не сможет никто. Вручаю с наивысшим почтением, мой господин, – и он с поклоном протянул бумагу, вспыхнувшую в руках Вольного Ветра волшебным огнем.

Сквозь пламя просочилась в тело Нерца Истина. Воин принял свое послание, прикрыв глаза и ненадолго задумавшись над давно забытым и обретенным вновь. Затем с серьезным видом повернулся к Деркачу.

Они еще долго разговаривали, скрытые от глаз и ушей пронырливых шпионов невидимой завесой. Любому, кто посмотрел бы на них со стороны, увиделось бы, как жесткий и непримиримый господин инструктирует лебезящего перед ним управляющего. На деле же всё было иначе.

Наметив совместный план действий, юный князь распрощался с новым другом и соратником и отправился на встречу

с матерью, которую теперь собирался увидеть в совершенно новом образе.

ГЛАВА 32

Предводителя уже которую ночь мучили нестыковки в ходе следствия по делу исчезновения Антонины. Он еще раз внимательно проверил донесения шпионов, перечитал доклады дознавателей, отследил хронологию событий – и пришел к выводу, что чего-то недоглядел как раз во время визита племянника в высокую башню.

Уже не доверяя никому из слуг, граф сам поднялся в опустевшее полукруглое помещение, зажег под потолком холодный белый огонь и бросил на пол горсть черных обращенных жемчужин, приказав им тщательно просканировать комнатушку. Маленькие шарики раскатились по темнице, распределив между собой пространство; от них исходил мертвенный свет, и любой чуждый помещению предмет они отмечали зеленым импульсом.

Вдруг один из световых столбов запульсировал, издавая отрывистые звуки, призывая хозяина. Жеглард бросился к соломенному тюфяку, склонился над ним и произвел несколько пассов руками... На его ладонь упал клочок рыжей шерсти. Переложив находку в пробирку, хозяин Черного Замка уже собрался было в свою лабораторию, но тут снова услышал зуммер – на сей раз из середины комнатки. Он

быстро обернулся и в ужасе отпрянул: в глаза ему ударил ослепительно-яркий серебристый свет.

– Что это? Неужели? Не может быть! – Жеглард прикрыл глаза светозащитным фильтром и, вооружившись перчатками из драконьей кожи, поднял с пола маленькое серебряное перо.

– Откуда здесь это, если не из дальнего тайника?

В голове мгновенно сложились все пазлы. Граф встряхнул пробирку, выстрелил в нее распознающим плетением. И, стиснув зубы, воззрился на возникшую перед ним трехмерную проекцию извечной его противницы – незабвенной Рыжули Авдеевны.

Издав душераздирающий рык, Предводитель с размаху бросил подвернувшимся под руку колченогим стулом в стену.

– Так значит, это белка! Обережная белка! Выходит, она не сгнула во время похищения человека! Это всё она! Она! – злодей был вне себя от ярости. – Ну, ты у меня попляшешь! Я с тобой поквитаюсь! За всё! И за потерю Антонины, и за обретенную Воительницей Проницательность, и за то, что столько времени за нос меня водила!

Жеглард почти бежал по темным коридорам. Стремительно ввалился в кладовую, разорвав опутывающую каждый сантиметр пространства паутину, и ринулся к воздуховоду.

Его опасения подтвердились: в тайнике действительно не было перьев. Зато там оказалась невидимая сфера, создан-

ная при помощи светлых чар, которые граф своим черным прикосновением случайно разрушил. Обнаружив внутри паука-охранника, он всё понял – и сейчас же впал в бешенство. Первым делом раздавил нерадивого бедолагу, потом с грохотом обрушил стеллажи со склянками, в которых хранились очень ценные и такие необходимые для страшных опытов ингредиенты – души лесных дев. Те взметнулись яркими мотыльками, вылетели в коридор, пытаясь укрыться от всполохов всепоглощающей ярости.

Предводитель схватил клетку со старыми носками и, шагнув сквозь портал, оказался в черной зале. Широкими шагами он направился к камину:

– Сжечь! Сжечь всю семейку, под корень извести! Так я отомщу этой рыжей проныре!

И уже было размахнулся, чтобы швырнуть клетку в огонь, но тут...

– Господин! – в ноги ему упал советник. – Не погубите! Там! Там! В приемной зале...

– Что – там?! – тяжело дыша, навис над ним Жеглард.

– Там старший инспектор вас дожидаются! Уже в нетерпении. Сердятся, ножкой притопывают...

– Инспектор? – бледное лицо графа приобрело синюшный оттенок.

Жеглард остановился на полпути, пыл его разом угас. Мозг моментально переключился на обработку вновь поступившей информации: если в Черный Замок без разрешения

хозяина прибыл кто-то извне – это неспроста! Это – по величайшему темному распоряжению! Иначе никто бы не смог проникнуть в цитадель. «Черная печать, у него черная печать!» – забила в голове страшная мысль.

– Точно так, инспектор по вопиющим нарушениям, – трясущимися руками подручный подал хозяину гербовую бумагу. – Прибыл из самой столицы человеческого мира!

– Мундир мне! Быстро! В гостиной стол накрывайте! – граф лихорадочно соображал, что могло понадобиться инспектору в его владениях.

– Накрыли уже! Как раз к обеду важный господин пожаловал! – слуга спешно растворял перед хозяином двери.

Предводитель стремительно повернулся на каблуках, содал роскошный парик, прикрыл им голову. На ходу напялил парадный мундир и помчался вниз по лестнице – приветствовать высокого гостя. По дороге Жеглард поставил клетку с носками на ближайший столик, бросив мимоходом:

– А это – вычистить! Всё Запределье от этой пушистой дряни вычистить!

* * *

– Господин фон Шауб, несказанно рад вашему прибытию! Прошу простить, что не имел чести сам встретить столь высокого гостя! – расшаркался в поклонах и приветствиях Предводитель. – Прошу вас в обеденную залу, стол накрыт, угощения и напитки ждут!

Ни слова не ответив, не взглянув в сторону хозяина, брезгливо оттопырив нижнюю губу и важно расправив круглые плечики, чиновник прошел через большую приемную в просторную обеденную залу, где свободно могло разместиться не менее двухсот гостей, и с недовольным видом уставился на богато накрытый стол:

– И так вы меня встречаете? И это – приветствие столичному инспектору?

Жеглард с удивлением приостановился. Еще никто из прибывавших в замок графа не смел так разговаривать с хозяином.

– Что, простите?

Инспектор по вопиющим нарушениям Вольдемар фон Шауб получил свой пост давно известным способом – по наследству. Злые языки исподтишка молולי, что хотя его отец, старый фон Шауб, и принадлежит к верхушке мрачноаристократического общества, но вот мать холеного чиновника явно была русалкой. Причем... судя по жемчужному отливу зеленоватой кожи молодого отпрыска, кичащегося высоким положением, русалка та... из светлых земель... Мове-тон! Но заявить во всеуслышание о низком происхождении, о так явно и так подло смешанной крови обладателя черной печати не решался никто. Вот разве что сослуживцам порой так и хотелось добавить к его имени суффикс «чик» и произнести: «Вольдемарчик-помидорчик» (ведь помидоры бывают и бледно-зелеными). Но, зная зверскую мстительность

и огромные связи инспектора, никто не решался переходить ему дорогу.

Вольдемар был достаточно высок. Несмотря на относительную молодость, лысоват. Тонкие набриолиненные волосики были аккуратно уложены в замысловатую прическу, а губы густо смазаны душистым бальзамом. Маленькие, горящие недобрым огнем глазки, короткая жирная шея и выпирающий животик, который не удавалось скрыть даже под форменным мундиром. И всё это круглобоко-круглозадое сооружение поддерживали весьма стройные длинные ноги. На тощих лодыжках поблескивали узкие голенища высоких ярко начищенных сапог.

Чиновник, изящно взмахнув ухоженной, словно сияющей перламутром ручкой, обернулся. И Предводитель с плохо скрываемым раздражением склонился перед ним, погасив искры бешенства в гневном взоре.

– Не спешите кланяться, как бы на колени не упасть перед Мрачным судом! – смерил его гость презрительным взглядом.

– Что же случилось, господин инспектор? – как можно более подобострастно осведомился Жеглард.

– Не далее как вчера было совершено вопиющее нарушение на территории людского пространства, – соблаговолил ответить чиновник. – Одновременно действовала и темная, и светлая силы. Слуг молодого князя Темнейшего уничтожила неведомым образом объединенная разнополярная энергия!

Это нонсенс! Собственность наследника трона подверглась нападению. Есть жертвы. Миллионы жертв. Вернее – пропавших. И вы, как ближайший родственник потерпевшего, являетесь главным подозреваемым.

– Не может быть! Вы подозреваете меня? Меня?! Вырастившего князя почти как своего наследника, как преемника, носителя темного могущества?!

– Не трудитесь, Предводитель, – отмахнулся молодой чиновник. – Вам не удастся ввести меня в заблуждение. В темнейших пространствах ваши давние притязания на несметные богатства племянника давно известны.

И еще! Как вы объясните тот факт, что именно на вашей территории уже в который раз обнаруживается мощный выброс светлой энергии? Нам еще предстоит проверить, нет ли у вас лазейки в Светлое Запределье...

– Но, инспектор! – негодуяще повысил голос Жеглард. – Вы же знаете, что во мне – ни капли света! Как же я мог? Прошу разобраться!

– Вот об этом как раз не беспокойтесь. Мы досконально во всем разберемся, со всем пристрастием, так сказать, – и чиновник, усаживаясь за стол, пронзил Жегларда глазками-буравчиками. – А где вы были этой ночью?..

...Обед, как ни странно, прошел почти в непринужденной обстановке. Допрос с пристрастием закончился, когда инспектор перешел всего лишь к пятому блюду. Ну а уж после очередной выпитой бутылки дорогого вина и нескольких

переписанных на третье имя богатейших усадеб и переправленных на определенные счета средств Вольдемар совсем полюбил и пообещал Жегларду пособничество и покровительство во всех делах.

Распрощались они со взаимными уверениями в вечной мрачной дружбе (и неважно, против кого дружить), о которых оба позабыли, едва расставшись.

* * *

Проводив инспектора и вернувшись в черную залу, Предводитель устался на опустевший столик, обвел взглядом помещение и кликнул слугу:

– Клетка где?

– Так чистят ее, как Ваше Предводительство и пожелали...

– Что? А где ее содержимое?

– В истопную отнесли, вы же сами сжечь это старье хотели.

Жеглард ринулся на черный двор. Он почти вбежал в низкое прокопченное помещение.

– Носки сожгли? – пристально уставился на полукровку-кочегара. – В глаза смотри, соврать и не думай!..

– Сожгли, господин! – упал ему в ноги истопник. – Не губите!

Предводитель постоял над ним, немного подумал и соизволил не испепелять чумазого слугу. В конце концов, всё случилось так, как он пожелал. Пусть немного другим путем,

но результат достигнут. Теперь на очереди сама Рыжуля Авдеевна...

Граф призвал бесшумных ночных разведчиков – дюжину летучих мышей – и, водя перед носом у каждой твари клочком беличьей шерсти, озвучил всем новое задание:

– Доставить! Немедля! Живой! Чтобы из моих уст узнала об участии своих родственничков! Чтобы видел я ее страдания, наслаждался муками утраты!

* * *

Весть о прибытии важного сановника, обладающего черной печатью, разлетелась по округе молниеносно. Незамедлительно был устроен пышный прием. Вся неделя у местной знати вдруг оказалась заполненной торжественными мероприятиями.

Первый бал по праву устраивал Сумрачный Лорд. Бесчисленное множество расфранченных гостей, желающих хоть издали, хоть краешком глаза посмотреть на столичного кавалера, а потом с пафосом, с выражением неимоверного превосходства рассказывать об этом чуде не столь удачливым согражданам, собралось в столице герцогства.

Роскошные туалеты дам, разряженных в шелка и меха; сверкающие драгоценными камнями тяжеловесные украшения на оголенных руках и шеях; парадные военные мундиры; элегантные фраки золотой молодежи и сановных лиц, украшенные звездами, позументами и кружевом, – всё это буй-

ство чванства и высокомерия, освещенное мертвенным, холодным светом многочисленных светильников, представляло грандиозную картину. Многие, по обыкновению, с порога направлялись в буфет, поражающий своим величием, разнообразием кровавой закуски и изысканных напитков. А уж потом, до отказа набив животы дармовыми яствами, общались к общей массе завистников и лизоблюдов.

Раззолоченное и напомаженное общество толпилось в прекрасной зале с хорами, где темнейшим гостям (вернее, одному из приезжих) старались угодить души почивших великих музыкантов, призванные ради такой цели из самой преисподней. Потрясающая воображение сумасшедшая мелодия вилась и бурлила, призывая танцующих то создавать чопорные пары, где партнеры едва касались друг друга пальцами, то в неумном порыве взмывать под самые своды дворца в чудовищной безудержной пляске, то свиваться в змеиный клубок, сплетая гибкие тела в невероятный фантазмагорический узор, и замирать на минуту, словно призывая зрителей в полной мере оценить это завораживающее зрелище.

Согласовав график мероприятий и втиснув в недельное время по крайней мере шестьсот часов наслаивающихся друг на друга всевозможных развлечений, местные аристократы изо всех сил старались обратить внимание заезжего гостя на свои персоны. Бал сменялся банкетом, банкет – маскарадом, маскарад – новым торжественным приемом у очередного аристократа с наидлиннейшей родословной, где сло-

во брал какой-нибудь мэр-пэр или иной представитель знати, разглагольствующий о том, какими большими приятелями были они когда-то с отцом господина фон Шауба... И так предполагалось «коротать время», пока важный чин не отправится восвояси...

Инспектор со скучающим видом принимал расшаркивания местной аристократии. Его мало волновали и уверения разношерстной публики в вечной преданности.

«И как же они мне все надоели... Везде одно и то же – подобострашие, лесть и страх... Скорее бы всех их послать подальше и заняться выбором партнера...» – У высокого чиновника имелось своеобразное хобби: в каждом инспектируемом княжестве он проводил несколько бурных ночей. В его, как он сам любил это называть, «коллекции» насчитывалось уже немало смазливых юнцов, которые не прочь были с его помощью завести знакомства в столице. А взамен любвеобильный Вольдемар фон Шауб предлагал им... замечательное с его точки зрения времяпрепровождение.

«Ага! Вот этот красавчик – еще один прекрасный экземпляр в мою копилочку! – обернулся он в сторону только что вошедшего в залу изысканно одетого сублильного аристократа. – И статья, и титул – как раз в моем вкусе. Главное – чтобы не отказался».

И, слегка покачиваясь от выпитого, инспектор вальяжно двинулся к намеченной жертве.

– Темнейший князь, – обратился он с улыбкой к новому

гостю. – Могу ли я пригласить вас на ужин? – Его маслянистые глазки плотоядно ощупывали поджарое тело Нерца. – У меня есть что предложить.

«Знаю я, чего ты хочешь!» – мысленно скривился Смерч.

Но, натянув для вида любезную улыбку, ответил с поклоном:

– И что же это?

– А ты приходи – не пожалеешь! – тут же перейдя на «ты» и сократив дистанцию, склонился к нему не встретивший отпора Вольдемар. – Надеюсь, это будет обоюдovýгодный союз, решим всё полюбовно. Тем более что мне надо тебе показать кое-какие бумаги. Донос, к примеру... – Он впился глазками в лицо Нерца, пытаясь разглядеть на нем хоть каплю замешательства.

«Зря стараешься! Тебе бы с моим дядюшкой бок о бок пожить, чтобы искусство притворства освоить во всех деталях», – усмехнулся про себя князь.

– Очень интересно! – обернулся он к кисейному инспектору. – Надеюсь, это имеет отношение к делу о моих исчезнувших бесах? Нашли виновного?

– Я буду судить об этом исходя из ваших благосклонных действий, – загадочно прикрыл глазки высокий гость.

– Обязательно приду, к обоюдному удовольствию, – развязно улыбнулся ему Нерц. – Какое вино предпочитаете?

Он был почти уверен, что никто не раскрыл его сути и ничего не смог бы сообщить инспектору, но чем черт не шу-

тит... На всякий случай решил не рисковать и встретиться с этим сластолюбцем, чтобы проверить, что тому известно.

Князь был само очарование. Смеялся пошлым шуткам Вольдемара, которые тот пытался шепнуть на ушко. Терпел, когда чиновник под столом пытался взять его за руку. Обещал как можно скорее приехать в резиденцию инспектора. И давал слово, что непременно ждет важного гостя в своем замке, где будут непрерывные праздники, пикники и купания в недавно открытых целебных источниках.

В какой-то момент пышное общество отвлек от угощения и светской беседы чарующий голос блистательного тенора. Пока ему аплодировали, никто и не заметил, как Смерч растворился в воздухе.

ГЛАВА 33

Большая сильная рыбина, бережно удерживая в зубах драгоценную ношу, стремительно двигалась у поверхности воды по начертанному белкой маршруту: до обгоревшего дуба, затем – в узкую протоку. Под раскидистой березой на высоком берегу – едва приметная промоина в скальной породе...

Два часа пролетели незаметно. Вот и одинокая береза. Таисия, отправив Рыжуле мысленную команду «Подъем!», сместилась к берегу. Легко преодолевая течение, заплыла в расщелину и тихонько стала пробираться меж острых камней. Пробудившаяся жемчужинка освещала ей путь своим

перламутровым светом. Белка внимательно следила за открывающимся впереди пространством, время от времени «сверяясь с показаниями» в общем с хищницей сознания.

Постепенно узкий проход расширился, Тая выплыла в небольшую круглую пещеру, из которой наружу (или в тщательно замаскированный капкан, а то и в запутанный непроходимый лабиринт) вели несколько протоков.

«Куда теперь, капитан?» – мысленно обратилась она к белке.

«Давай в крайний слева ход», – поколебавшись, невнятно подумала Рыжуля.

«А чего так неуверенно?» – насторожилась рыбина.

«Я в эту пещеру с детства не заглядывала... Не помню всех деталей... Но мне кажется, что не видела я здесь семи выходов... Вроде меньше их было. Помню только, что крайний слева – наш путь...»

«Лучше подожду. Подумаю пока», – притормозила Тая. Выработанное за годы службы чутье удержало ее на месте.

Вдруг позади хищницы обрушилась скала, едва не прищемив рыбине хвост. Под своды пещеры с пронзительным писком ворвалось несколько летучих мышей. Таисия рванулась вперед – и тут же запуталась в крепкой крупноячеистой сети. Таймениха судорожно заметалась, пытаясь вырваться из коварно расставленной ловушки. Но сеть держала крепко.

Рыжуля, сжав лапки, тщетно водила мыслями по подпространству, стараясь выудить оттуда хоть что-то стоящее. Но

ее восприятие всюду натыкалось на непроницаемый ментальный блок.

«Жеглард, зараза! Выследил всё же нас! Хорошо подготовился, Предводитель треклятый! Вот же нежить остроухая!» – зло выругалась белка, хватаясь то за один мысленный образ, то за другой... Информация не считывалась, телепатические сигналы растворялись во мраке.

«Страшно-то как!» – шептал Ефим, судорожно трепеща ресничками мантии и прикрывая своим телом дочку-жемчужинку. – *«Неужто всё пропало?»*

«Молчи, скользкий, не пугай ребенка!» – осадила его белка. – *«Думай! Думай, как выбраться...»*

«Не бойся, папочка, я тебя спасу!» – крепко приникла к нему Нежданка. – *«Мы все тебя спасем!»*

Таймениха, выгнувшись сильным телом, еще ожесточеннее забила в тугих силках. Но жилистые руки бесов уже тащили сеть из воды. За их спинами жидкой ртутью зияла воронка портала. Еще минута – и беглецы, которых по клочку шерсти выследили чуткие летучие ищейки, окажутся в замке Предводителя...

* * *

– Рыжуля! – пробился сквозь хрусталь сдавленный голос Антонины. – Рыжуля, открой кокон, выпусти меня!

«Нельзя! Мы же в крошечной тьме. Солнце здесь тебе никак не поможет ни мрак, ни бесов победить. Нет Света»

здесь! Ни капельки, ни малюго лучика... Выйдешь из капсулы – и тьма тебя поглотит! Всех нас сожрет!»

– Зубы поломает! Открой скорее кокон, время упустим!

«Ты что, когтями из рыбьей пасти махать будешь?» – белка с ужасом глянула на страшные руки-клешни заключенной в кристальный панцирь Антонины.

– Я знаю, что говорю, – спокойно смотрела на нее дева сквозь прозрачный хрусталь.

И белка подчинилась. Она кивнула, кокон распахнулся...

– Нежданка, свети так, как никогда в жизни не сияла! От тебя зависит теперь наша судьба! – Амазонка одним резким движением поднялась.

В глаза ей тут же ударил яркий перламутровый свет. И мрак отступил от естества девушки-воина, сжался в тугой комок, затаился в глубине. Воительница, гордо развернув плечи, слилась сознанием с зубастой хищницей, с моллюском, с белкой – в единое целое.

«Ефим, держи дочку в своем поле, не подпускай к ней тьму и злобу, – помыслило объединенное сознание. – Свет жемчужный не должен попасть в лапы Предводителя. Будем прорываться! Или мы – не Воины Света?! Или нам неведом вкус победы после жаркой сечи?! Давай, Фортисция²⁶, задай им жару!»

Рыба, перестав трепыхаться в сети, замерла на месте.

«Кто я? Как ты меня назвала? Откуда... тебе ведомо

²⁶ От fortis (лат.) – отважный.

мое тайное, давно забытое имя?»

«А бес его знает! – с воодушевлением воскликнула Антонина. – Ведомо – и всё! Вперед, подруга! Все вместе мы – великая сила! Я верю в тебя! Плыви скорее, уноси Радостный Свет из этого каменного капкана!»

Изумрудно-зеленые глаза Воительницы сияли отвагой, грудь высоко вздымалась, непомерно огромные скрюченные пальцы грозно сверкали алмазными когтями.

«Где твое увеличивающее зелье, Рыжюля? – воинственно спросила амазонка. – Сейчас я этих захватчиков на куски покрмсаю!»

Белка споро достала из подпространства крошечную бутылочку, подскочила к девушке. Та быстро глотнула сверкающую синеву и, моментально развернувшись, выскочила из рыбьего рта, с каждым мигом всё больше увеличиваясь. В ее плечо крепко вцепилась лапками белка, вслед за Воительницей вернувшая себе первоначальный облик.

Чудовищные руки Антонины без усилий разорвали крепкую сеть, освободили чешуйчатую подругу. И та без промедления ринулась к одному из подводных ходов. Она как таран прошибала ряды неприятеля, уносила от жестокого врага маленькую Нежданку. Антонина, словно смерть острой косой, крушила напиравших со всех сторон бесов страшными алмазными лезвиями.

«Надо портал закрыть, надо путь к Свету пробить! Иначе не уйти!» – вопила белка.

«Так закрой! Так... пробей!» – Антонина чудом увернулась от клыкастой пасти, обрубилa вырвавшиеся из воды огромные щупальца, рассекла нечисть, скрутившую под водой ее ноги.

Вся пещера заполнилась воем нежити и плеском волн. В безумной круговерти битвы не разобрать было, сколько еще прислужников Жегларда вывалилось из портала. Амазонка была готова сокрушить их всех. Неважно – сотню или десять тысяч... Только бы выиграть время...

От страшного рокота и гула содрогались и трескались гранитные стены. То здесь, то там на сражающихся падали огромные глыбы. И наконец, не выдержав грохота боя, каменный потолок обрушился в воду. Внешняя стена проломилась под яростным натиском, и в пещеру ворвался солнечный свет...

* * *

На отмели, чуть ниже по течению от полчаса как народившегося грохочущего водопада, грелись на солнышке Рыжуля и Антонина. Девушка с интересом разглядывала свои руки: уже не страшные орудия убийства, а вполне себе ничего – крепкие, красивые и сильные, с изящными пальцами и аккуратными миндалевидными ногтями.

«Солнышко светом своим чудеса творит!» – улыбнулась она. – *Я так давно не чувствовала на себе его животворящее тепло... Я просто горжусь своей выдержкой! По-настоящему-*

му горжусь... – прислушалась она к себе. — Без всякой там Гордыни...»

Амазонка потянулась, с упоением подставив солнцу лицо. В благодатном дневном свете переливчато сверкнули яркие алмазы, зайчиками запрыгали вокруг сияющие искорки.

«Ты посмотри, а ожерелье-то нас обеих признало... – потерла лапки белка, с удовольствием разглядывая копию своего оберега на шее Антонины. – Ты меня видишь, я тебя – тоже. А остальные – ни фига!»

«Еще бы не признало! – улыбнулась амазонка. – Эти звездные алмазы тем же светом пронизаны, что и встроенный в структуру моего тела обережный кокон. Очень близкие родственники, если можно так выразиться. Братья-алмазы, в общем. И, кстати, теперь они сами решают, когда и кого охранять».

«Откуда знаешь?»

«Как откуда? Сама же мне Проницательность принесла, а сейчас удивляешься», – засмеялась Антонина.

«Где нам теперь твою зубастую подругу искать? – вздохнула белка и тут же спросила: – А как ты догадалась, что шуку-таймениху таким заковыристым именем зовут?»

«Ну, думаю, Проницательность подсказала...»

«Ага! И что вы – подруги, тоже она намекнула?»

«Да откуда я знаю?! Чего ты прицепилась? Вот обрету память – всех вспомню. Может, мы вообще с этой рыбой не знакомы. Может быть, впервые встретились... Мало ли

кого подругой назвать можно в пылу атаки... Надеюсь, она Нежданку с Ефимом спасла из этого каменного мешка», – девушка потянулась, чтобы погладить улыбающийся солнцу нежный цветок.

«Тихо! Не двигайся! – ухватила ее за руку Рыжуля. И кивнула на рассевшихся по деревьям ворон и снующих по берегам ободранных шакалов: – Вон сколько слуг Черного Предводителя вокруг шныряет! Не ровен час, учуют радость ромашки от твоего прикосновения! Лучшие не тревожь растение... – И перешла на другую тему: – Нам засветло необходимо до портала добраться. Как теперь на старую мельницу попадем?»

«Ножками, – повернулась к ней Воительница. – И как можно быстрее. Если до темноты не успеем – у меня вновь возникнет страшное желание тобой закусить».

«На лучшее яблоко съешь, – обиженно поджала губу Рыжуля, извлекая из подпространства душистую антоновку. – Тоже мне, хищница! Вставай уже, охотница на белок, пора нам... Эта заварушка в пещере наш путь в разы увеличила. Так бы мы через тайный подводный ход сразу к старой мельнице попали. А теперь до портала еще час тебе шагать».

«Ты, как обычно, на чужой спине до места назначения доехать решила...»

«А ты как думала? – парировала белка. – Нельзя же недругам двойной след оставлять. А уж твой мы как-ни-

будь замаскируем от чужого взгляда...»

«В общем, – инструктировала она по пути Антонину, – если вдруг разминуться придется, шагай по этой тропинке к тихой заводи, что у заброшенной мельницы. Прямо в середину пруда ступай. Не бойся, там неглубоко. Под водой нащупай ногой большой плоский камень, на него лицом к солнышку встанешь и произнесешь слова, открывающие портал. Главное – с любовью их все говорить...»

** * **

Когда Антонина с Рыжулей на плече добралась до мельницы, солнце уже клонилось к закату. Девушка присела у воды, умылась, отдохнула немного и побрела на середину тихой заводи.

«Не отставай, – кивнула она белке. – Если что – знаешь, как меня от тьмы спасти». – На ее осунувшемся лице серой тенью лежала страшная усталость.

«Я сейчас!» – белка взгляделась в глубину.

Из-под мельничного колеса на нее радостно смотрела Фортисция. Чуть ниже жаберных пластин на рыбе красовалось... алмазное ожерелье.

«Ты гляди-ка! Ну просто сверкающая переметная сума! – всплеснула лапками ворожея. – И нашим, и вашим! Прямо-таки всеформатное ожерелье! На всех троих распространилось, всем свою заботу дарит, всех от чужого взгляда оберегает! Ладно, с ним дома разберемся...»

«Не только тебе красоту этукую носить! – оскалилась Таисия. – Я на отражение свое с удовольствием любовалась, пока вас ждала. И знаешь что? Мне оно тоже очень идет!»

«Ефима с дочкой уберегла от злыдней?» – не обратив внимания на тон рыбы, огляделась вокруг Рыжуля.

«А как же? Вон на мелководье среди подружек-раковин греются, вас дожидаются».

«С чего взяла, что там – свои?» – насторожилась белка.

«Иди и сама проверь, – оскорбилась Фортисция. – Забыла, что ли, про порубежный кордон? Ефим соратников своих издалеку заметил и подсказал, в каком месте их с Нежданкой высадить. Да еще и охрану нести велел... Командиры одни кругом», – мысленно скривилась она.

«Не бузи, Фортисция, некогда препираться! – белка озабоченно взглянула на уходящее солнце. – Нам Антонину как можно скорее на ту сторону переправить надо. Она еще одной ночи на этом берегу не выдержит. И так тьма ее до предела вымотала. Хорошо, что солнышко силой ее подпитало, пока мы сюда добирались. На переход должно хватить ей...»

«Прости, – рыба виновато подобралась. – Это я от усталости да от волнения ворчу. Старая уж, раздражительная... Давай, говори, что нужно для перехода».

«Да ничего особенного – солнечный свет, добрая душа да правильные слова».

«Ну, давай со слов и начнем. Пока свет не угас да душа не помрачнела у нашей Воительницы...»

«Или не помрачнело небо... – белка с возрастающим изумлением смотрела на стремительно надвигающиеся с востока черные тучи. – Откуда им тут взяться? Не иначе как Смерч в гости пожаловал! А то и – сам Предводитель!!! – Она тряхнула головой и торопливо добавила: – Ты давай за нашими перламутровыми скорее плыви. На прощание с сослуживцами у них времени не осталось. А я – к Антонине!»

И белка поскакала к заводи, всё ускоряя темп. Каждый новый прыжок в разы превышал предыдущий. У самого берега она сильно оттолкнулась и, пролетев метров пятнадцать, с размаху приземлилась на плечо покачивающейся от усталости девушки, уже утвердившейся на каменном возвышении. Скоро к ним подплыла Таисия с раковиной в зубах. Амазонка, слабо улыбнувшись, приветственно помахала ей рукой.

«В общем, – торжественно начала Рыжуля, – представляю вам Песнь древних альвов (вольный перевод)!»

«А кто такие альвы?» – возникла у нее в голове мысль Нежданки.

«Это сотканные из воздуха и света жители высших миров, – чуть рассеянно помыслила в ответ белка, параллельно припоминая слова, открывающие межпространственный переход, и поглядывая на темнеющее небо. – Гроза надвигается, а мне изначальные слова произнести необходимо. В общем, по-нашему звучит это так:

*Спой мне песню свою, о Ласковое Солнце!
Озари естество мое животворящим светом!
И я услышу! Я отзовусь на песнь твою всей душою своею.*

*Каждая частичка моего сознания возрадуется,
И воспримет призыв твой с любовью и трепетом,
И в ответ запоет, вспыхнет в свете твоём яркой радугой.*

*Воссияет от счастья в стотысячном звезд отражении
И открыто войдет в подпространство желанное
В лучах Любви твоей Великой и Божественно-Сознатель-
ной.*

*Одари меня своим благословением, о Матушка-Земля!
Я приму его с беззаветной радостью и любовью,
Всем сердцем своим осознаю призыв твой.*

*Даже малая часть моего существа возвысится.
Растворившись в беспредельном пространстве, очистит-
ся
И воспрянет в лучах безграничной космической мудрости.*

*Тело мое, дотоле забвенное, осознает себя и воскреснет.
И пройдет сквозь пределы пространств беспрепятствен-
но*

В сиянии Силы твоей Великой и Божественно-Сознательной».

«Ни проза, ни стихи – так себе сочинение, – проворчала большая рыба. – И ЭТО нам портал откроет? Что-то сомневаюсь...»

«Не хочешь отсюда свалить – оставайся. На потеху Желгарду, – огрызнулась белка. – Я же сказала, что в оригинале это – песнь. Для нас нужны только десять слов:

Солнце, приди – жизнь пробуди. Круг начерти – в свой мир пропусти.

Чтобы открыть портал, хором (то есть в мыслях) повторяем заговор три раза подряд и... ждем. Думаем только о хорошем... Антонина, ты всё поняла? Всё запомнила? Ефим, кроха, вы готовы?» – взволнованно вопрошала Рыжуля, взглянув на сворачивающиеся в тугие клубы грозовые тучи.

«Да, мы с тобой!» – ответили моллюск с дочкой.

Дева просто коротко кивнула.

«Да ладно уж, чего там! Я тоже с вами в Светлое озеро», – занервничала Таисия.

Все пятеро неподвижно застыли, глядя на склонившееся к горизонту светило. Мысли их были сведены воедино, взгляды устремлены на солнце. Но трудно, ой как трудно сосре-

доточиться на хорошем, когда со спины уже накатываются грозные порывы ветра!

Они помыслили заговор три раза... Не подействовало.

С силой вонзив коготки в маленькие ладошки, белка снова проинструктировала друзей:

«О хорошем думать! О любви, о верности, о своих близких! Ради них! За них! Снова, все вместе! Еще раз думаем-повторяем!»

Друзья собранно, раскрыв друг другу души, вновь прочитали заветные слова.

Пространство вокруг рыбины вдруг вспыхнуло золотом, засияло, всколыхнулось хрустальным звоном. Таисия и ее пассажиры исчезли.

Антонина с тревогой смотрела на погружающееся за горизонт солнце.

«Не спать!» – взвизгнула белка, которую порывы ветра уже норовили сбросить с плеча девушки.

Та взяла зверька на руки, прижала к груди, мысленно успокаивая:

«Давай сосредоточимся. Не волнуйся. Я с тобой, моя от-важная Рыжуля. Всё получится».

И измученные беглянки, глядя на узкий краешек заходящего солнца, вновь повторили открывающие портал слова. В общем сознании, словно приглушая беснующийся ветер и мутные волны, сияла ярким светом Дружба, и радужным пологом отгораживала их от неистовства бури горячая пре-

данная Любовь...

Дружба и Любовь – у Антонины? У той, которая забыла, как бьется сердце? Откуда? Да всё просто: от неумемного света маленького, но жаркого сердечка Рыжули, которая готова была всю себя отдать, только бы спасти Воительницу, от пройденных вместе испытаний, от беспрестанной заботы друг о друге, от ответственности за соратницу – и вообще, от того, что так правильно...

Когда прошедшие вместе огонь и воду подруги осознали это, мир вокруг них всколыхнулся, засиял тысячей хрустальных искорок и закружил еле живую девушку и взъерошенную рыжую зверушку в солнечном водовороте. Стих ветер, пропала заводь. Мириады световых точек растянулись в сплошную линию. Пространство завертелось-закрутилось и... вывернувшись наизнанку, выбросило амазонку на поросший осокой берег озера. Белки нигде не было...

– Рыжуля! – позабыв обо всем, закричала Антонина. – Где ты?

К берегу подплыла щука всё еще в обличии тайменя, выронила на отмель раковину, огляделась.

«Что, нет ее? Неужели в пространствах затерялась?» – как-то робко, не веря своим словам, спросила она.

«Не может быть! Я не могла ее потерять! Мы же о дружбе думали, о любви и преданности! Не могла она в мирах заблудиться!» – амазонка обежала весь берег и в бессилии присела на траву.

Солнце закатилось. Сумрак опустился на сонные окрестности. За секунду до этого Антонина, не желая причинить кому-либо вред, сама вызвала из небытия бережный кокон и силой сознания запечатала себя внутри хрустальной капсулы.

Вокруг Таисии засверкали синие искорки, с приходом ночи снимая с рыбы личину тайменя и возвращая прежний вид. Щука, взмахнув хвостом, кинулась искать белку в озере – вдруг в воду упала? Может, ее еще спасти можно? Уже в полной темноте, вернувшись и обескураженно ткнув острой мордой в жемчужницу, она устало подумала:

«Не нашла! Как ни искала – нигде не увидела...»

Нежданка горестно всхлипнула.

«Не плачь, я завтра снова на поиски отправлюсь! – повернулась к ней щука. – Вот солнышко взойдет, я и поплыву. Всё озеро сверху донизу обыщу! Всех птиц, всех зверей окрестных на поиски созову. Если она на Светлую сторону Запределья перешла, мы ее обязательно найдем!»

«Ой, горе горькое! – скорбно забубнил Ефим. – Прощай, Рыжуля, бережная белка! Мы вечно будем помнить о тебе и твоих славных деяниях!»

«Ты чего это раньше времени... Хватит слюни соленые пускать... Ты что, нашу белку боевую не знаешь? Она же из любой передраги вывернется! – одернула его щука. – Вот найдешь тело... мертвое, тогда и голоси...»

«Не дождетесь!» – неподалеку от них зашуршала жесткая

осока.

Мокрая и взъерошенная, злая на весь свет, но живая и невредимая белка выбралась из прибрежных зарослей. Встряхнулась и, устало перебирая лапками, поскакала к хрустальной капсуле. Взобравшись на кокон, Рыжуля внимательно всмотрелась в спокойное лицо Антонины: спит. Сон ровный, безмятежный. Тьма затаилась где-то в глубине девичьего тела, спряталась от Великого Сознания Солнечного Края.

Убедившись, что амазонке ничто не угрожает, белка вздохнула, внимательно оглядела темный берег и принялась умываться, время от времени соскребая с мокрой шерсти прилипшие соринки и комья тины.

ГЛАВА 34

Оказавшись на женской половине родового замка, Вольный Ветер не узнал холодных покоев. На первый взгляд, всё было по-прежнему – мрачно, пыльно, неудобно. Но... вбежав в громадную приемную залу, которую, казалось, он знал вдоль и поперек, князь вдруг заметил под потолком призрачный свет. Взлетев на двенадцатиметровую высоту, Нерц определил источник этого света – невидимые для темных сущностей мудреные заговоры на мощных колоннах. Он принялся разбирать старинную вязь – и вдруг понял, что читает слова песенки-считалки, которую старая карга застав-

ляла его учить в детстве. И написана эта песенка была почему-то не троестрочием, как принято в Запределье...

...Стишок всё никак не усваивался в голове подростка, но княгиня надтреснутым голосом снова и снова требовала от него полного и осмысленного (именно осмысленного) восприятия непонятных слов. А после еще заставила его переставлять слова, менять местами строки. Сначала требовалось зачитать первую, потом пятую, за ней восьмую, потом...

А теперь он понял, зачем нужны были все эти мучения... Следуя очередности заученных в детстве рифм, Смерч кружил вокруг колонн, произнося вслух сияющие на темном камне слова:

*...Нам суждено однажды повзрослеть
И, корень всех проблем в себе заметив,
Подняться вновь. И страх преодолеть,
И пережить достойно лихолетье.*

*На жизнь глазами звезд взглянуть, любя.
И в бесконечной вечности Вселенной
Увидеть жизни суть. Найти себя,
Свет Истины познав душой нетленной.*

И вот перед князем, застывшим в предвкушении чудес, открылся портал. Легкая дымка повлекла за собой сквозь невероятное множество распаивающихся навстречу дву-

створчатых дверей.

– Матушка, где вы? – Ветер стремительно летел сквозь огромные покрытые пылью залы, постепенно переходя из одного пространственного подуровня в другой, ощущая наложение слоев, преодолевая смещение миров. Он отмечал, как спадает с глаз завеса запустения, чувствовал покалывание во всем теле. словно веселые искры горели у Смерча на кончиках пальцев, помогая пронизывать слой за слоем, ведя его сквозь завесу времен. Наконец, отметив полное высветление окружающего пространства, Нерц с воодушевлением ринулся в открывшийся взору безграничный простор, всем естественным принимая светлую, бьющую ключом энергию, ощущая настоящую Жизнь.

И вот, опустившись на гладкую поверхность, он уже шагает не по грубо вытесанным гранитным плитам, а по начищенному паркету, разглядывая жизнеутверждающие картины на стенах. Сквозь распахнутые окна льется солнечный свет, на балконах с красивыми коваными перилами радуют глаз яркие пышные цветы. Дивный аромат проникает в самые дальние уголки замка, побуждая жить, петь, смеяться и наслаждаться каждым вздохом, каждой секундой существования.

Время от времени взор юноши устремляется к высокому потолку с изящной лепниной и огромными люстрами, в которых сияют и переливаются звонкие хрустальные подвески. И не менее ярко сверкают радостью глаза встречающихся по пути слуг. Ему с улыбкой кланяются, его приветствуют с ува-

жением и почтением, провожают добрыми взглядами.

– Рады видеть вас! Вот и вы с нами, Ваше Сиятельство! – слышится со всех сторон.

– Матушка! – снова позвал молодой князь и с замиранием сердца прислушался...

Навстречу любимому сыну сквозь выходящую в роскошный сад высокую, украшенную витражами дверь легко вбежала, словно бы впорхнула, пленительная юная дева. Она была такой невероятно прекрасной, что дух захватывало.

Гибкий стройный стан ее окутывало облако нежнейшего шелка, которое струилось мягкими переливами и без конца волновалось от легких и грациозных движений красавицы. Роскошные вьющиеся каштановые волосы обрамляли милостивое лицо с правильными чертами и всепобеждающей дивной улыбкой. Соболиные брови и длинные черные ресницы придавали ее нежному образу яркость и торжественность.

Карие пронзительные глаза озаряли всё вокруг животворящим сиянием, а чувственный грудной голос звучал так уверенно и в то же время нежно и гармонично, что заставлял каждого, кто приближался к светлой ведьме, с благоговением вслушиваться в завораживающую мелодию солнечного света.

И вся она дышала такой дивной утренней свежестью, что хотелось без размышлений если не упасть к ее ногам, то хотя бы просто быть рядом с нею, наслаждаться общением, жиз-

ную, светом! И в то же время преданно защищать эту изящную хрупкую красоту от любых посягательств.

Но, будучи такой нежной и ранимой, эта извечно юная красавица обладала невероятной жизнестойкостью. Скрывая свою истинную суть, пряча ее под неприглядным обликом старой княгини, она уже многие тысячелетия целенаправленно вела своих подданных и соратников вперед и вывесь с помощью двух великих, непреодолимых и всепобеждающих сил, что зовутся Любовью и Надеждой.

Нерц, взяв матушку за руки, с восхищением разглядывал ее в новом, неведомом дотоле образе. Прекрасные глаза смотрели на него с такой безграничной, всеобъемлющей любовью, что сердце юноши щемило от счастья.

– Матушка!.. – только и смог он вымолвить.

– Ты с нами! Ты проснулся, ты пришел! – со слезами на глазах проговорила она.

– Почему раньше никто мне не сказал, что всё так? Что всё иначе, чем я видел?

– Именно потому, что ты не видел. Если бы ты раньше, будучи беспмятным, узнал обо всем – без рассуждений к Жегларду на растерзание отволок бы и меня, и всех, кто в этом пространстве со мной скрывался.

– Я такой дурак... – только и нашел он что ответить.

– А теперь посмотри на меня внутренним взором, – нежно погладила его по руке матушка. – Насколько ты видишь Истину? Кто же я на самом деле?

– Ты – Вера, Душа Планеты! – у князя даже дух захватило. – Не замутившая религиями, а настоящая! Родная моя! – Он прижал голову матери к своей груди, ощущая биение сердца, ток крови в жилах, жар на щеках. Чувствуя присутствие настоящей жизни в каждой клеточке своего тела. Распознавая вокруг и внутри себя всепоглощающую великую силу Любви. Принимая всем существом своим дарованную Радость. Такой восторг!..

Они вышли в сад, раскинувшийся на вершине холма рядом с устремленными в небо белокаменными башнями замка, присели в тени цветущих деревьев и затихли. Оба молчали, но ментальные энергии бурей рвались наружу.

Обретшие друг друга сын и мать сидели на мраморной скамье, озирая раскинувшуюся перед ними прекрасную зеленую долину, окруженную светлым лиственным лесом. В самой середине живописной равнины круглым зеркалом переливалось большое озеро. В легких его волнах от набегающего порой ветерка искрились и плясали веселые солнечные зайчики. Лазурное небо плескалось в кристально-чистой воде, и проплывающие в вышине величественные круглобокие облака отражались в ней жемчужной белизной. И птицы, в стремительном полете пронзая небесный простор, пели миру свои нескончаемые волшебные песни.

Так долго пребывавшие в разных энергетических пространствах родные сущности наслаждались всей этой красотой и, без конца перебивая и дополняя, заново обретали друг

друга в мыслях и образах. А над ними торжественно разливалось полуденное солнце, озаряя весь мир многогранным радостным светом.

Как бы долго ни хотелось духовно близким существам оставаться в этом состоянии безоблачного счастья, идиллия закончилась. Спустя примерно полчаса один из помощников принес светлой деве сверкающую накидку и с поклоном сообщил:

– Время пришло, госпожа.

Красавица, завернувшись в сияющее облако и взяв сына за обе руки, с любовью всмотрелась в его суть, определив внутреннюю силу и мощь потенциала разнонаправленных энергий, и удовлетворенно кивнула:

– Ты справишься!

– С чем справлюсь? – не понял Нерц.

Она крепче сжала его руки и с чувством произнесла:

– Ах, как бы я хотела уберечь тебя от всех испытаний, как бы хотела, чтобы вся планета пребывала в мире и спокойствии. Но приходится, приходится... раз за разом отправлять сынов своих туда, откуда они могут не вернуться. Я так боюсь, я так надеюсь...

– Не бойся, мама. Ты же сама сказала, что я справлюсь, – успокоил ее Ветер.

– Сын мой, Ветер Солнечный, время не ждет, – с волнением добавила светлая дева.

– Солнечный? – недоменно поднял бровь князь.

– Вольный Ветер – это только одно из твоих имен, – улыбнулась в ответ матушка. – Волю ты уже обрел. Я надеюсь, что наше путешествие в подвалы замка откроет тебе еще одну правду о твоей сущности... Поспешим же! Скоро Троелуние. А ты к слиянию еще не готов.

– К какому слиянию? – удивился таким словам сын.

– Помнишь легенду про четыре влюбленные звезды?

– Сказки это. Не очень-то верю я в них... Хотя, если посмотреть на все события, что случились со мной за последние дни... Да и Бродяга о чем-то подобном говорил... – призадумался Ветер.

– Поверь, сынок, ты – один из четверых. Для того чтобы обрести мощь изначальную, взойти по ступеням самосовершенствования, тебе еще многое предстоит сделать, – ответила матушка. – Помнишь, ты с чистой душой общался, искренне помог ей?

Нерц вспомнил маленькую Любу и с доброй улыбкой кивнул в ответ.

– Именно тогда Любовь и Справедливость в суть твою вернулись, – продолжала ведьма. – Но для того, чтобы Первородный Свет заново обрести, придется тебе во тьму ступить. Только заглуши сейчас биение сердца своего. Там, куда мы отправимся, тебя князем Темнейшим должны видеть. Иначе не пройти. – И она спешно повела его по ступеням в нижние помещения.

На цокольном этаже располагались лаборатории для «на-

учных изысканий» злобного папаша.

– Здесь сейчас большая перестройка идет, – по пути объясняла княгиня, – многое удалось переоборудовать, чтобы в будущем у нас была возможность светлые дела творить. Чтобы жизнь в Темное Запределье постепенно, незаметно возвращалась. Ведь нельзя победить вражду и злобу, противопоставляя им еще большую жестокость. В результате только зло и умножится.

Под этим замком на многие километры вниз и вширь в темницах светлые сущности запечатаны. Обездвиженные, выхолащенные, лишённые жизни и света. Я так старалась к ним пробиться, но тьма не пускает. А ты сможешь спасти их! Ты найдешь решение! Каждая частица спасенных тобой светлых существ будет обладать такой силой, чтобы принять в себя первородное зло, растворить, напитать светом и во все миры отправить для добрых дел...

Они всё шли и шли. Лабораториям, темницам, подсобным помещениям со сваленным в кучи хламом не было конца. Но возле одной из сломанных дверей Смерч вдруг споткнулся, замер на месте. И, всмотревшись в очертания давно забытого, запыленного аппарата, с болью в груди вспомнил себя там, внутри, за темным стеклом, в сплетении отрицательных энергий, под давлением невероятной разрушительной силы... В сознании всколыхнулись детские страхи.

– Всё в прошлом, – обняла его светлая ведьма. – Теперь ты взрослый, сильный, сознательный.

– Матушка, я безгранично благодарен тебе, что не позволила тьме захватить меня полностью, что сберегла в моем сердце частицы света, – признательно посмотрел он в ее дивные сияющие глаза. – Теперь я понимаю, чем ты рисковала, спасая меня. Если бы тебя раскрыли, вся планета запросто могла превратиться в безжизненную пустыню.

– Спасая тебя, я и спасала Землю...

И спутница потянула его дальше. Жалеть о прошлом не было времени...

Замерев перед очередным зарешеченным проходом, матушка отперла сложный замок и крепко взяла сына за руку. Словно перед прыжком с огромной высоты, подобралась, глубоко вдохнув.

– Ну всё... Теперь мою руку не отпускай. Иначе не выжить мне во тьме. Идем!

Они спускались по узкой вырубленной в скальной породе лестнице. Несколько раз Смерч улавливал дыхание смещенных пространств, осознавал сдвиг и сжатие временных потоков. В голове звенело от резкой смены давления, но они всё шли и шли вниз, в пустоту, во мрак. С каждым шагом их всё сильнее окутывала удушающая тьма.

Ветер просканировал пространство – каменный коридор со множеством запертых дверей. Весь подвал наполнен отрицательной энергией до отказа. Она ощущалась почти физически: накатывала волнами, давила на сознание такой невероятной болью, разрывала душу отчаянием и безысход-

ностью, что долго оставаться в этом хаосе тоски, ледящего ужаса, пульсирующего страха и полной беспомощности было невыносимо. Но матушка, ухватив сына за руку и завернувшись в полупрозрачную сияющую накидку, всё шла и шла по темным закоулкам бездонного подземелья.

Наконец в одном из пыльных подвалов, у окованной медью двери, они остановились. Рука девы дрожала, но голос был твердым:

– Открой эту дверь. Именно здесь больше всего злобы сконцентрировано.

– Что там, за дверью?

– То, что ждет тебя вот уже более тысячи лет.

– А ты не знаешь?

– Догадываюсь... Но боюсь ошибиться...

Ветер, не желая больше тратить драгоценное время на бесполезные расспросы, отпустил руку матери и сплел открывающее заклятие с помощью темного артефакта. Но дверь не подалась ни на сантиметр. Он воспользовался светлым плетением – замок не открылся. Только завеса тьмы, ощутив явное присутствие чужеродной энергии, угрожающе сгустилась вокруг них, пытаясь задавить, смять, уничтожить. Ноги светлой ведьмы подогнулись, и она со вздохом опустилась на колени. Ветер, упрямо склонив голову под напором зла, собрал воедино крупички света и отгородил матушку от темной энергии полупрозрачной сферой, не переставая при этом размышлять вслух:

– Если есть замок – значит, где-то есть и ключ? – он еще раз оглядел темные своды.

– Ключ! – эхом повторила ведьма, поднимаясь на ноги. – Ключ! Я вспомнила: когда Старый Смерч вокруг этой темницы свои заклятия плел, всё чего-то опасался. Всё не мог понять, что же мешает ему исполнить обряд невозвращения сути. Всю библиотеку со старинными книгами сверху донизу перешерстил, к каким только чернокнижникам не обращался, но всё без толку.

Даже к пифии в Дальний Предел за предсказанием летал. Но та над ним только посмеялась. И предрекла, что придет время – и все двери распахнутся. Потому что, как бы он ни колдовал, как бы ни старался, всё равно замок этой двери только тебе будет повиноваться, потому что ты сам и есть – ключ. Только почему-то... другой.

Злобный родитель твой долго над этой загадкой голову ломал, да так и не смог додуматься, до самой кончины ответа так и не нашел.

– Я – это ключ, – медленно произнес Ветер. – Только другой я. Какой другой? Из другого пространства, что ли? Если так... Подпространственный я. Что есть во мне подпространственном?.. Меч!!!

Одним резким движением он выхватил из груди сияющее Оружие Света – и широким взмахом разрубил тысячи тщательно переплетенных темных заклятий, что запечатывали проход. Дверь задрожала и осыпалась зеленоватой пылью

под ноги. Окружающая тьма, до того надвинувшаяся со всех сторон грозной стеной, дрогнула, завибрировала и... опала. Как будто завеса густого тумана растаяла вдруг под жаркими солнечными лучами.

Из темницы хлынули потоки красноватого света, словно небольшое помещение выгорало изнутри. Ветер ощутил присутствие чего-то до боли родного и, бросившись вперед, замер перед смятой грудой горящих перьев. Железные решетки крепко сжимали в тисках измочаленные рубиновые крылья. Магнитное поле, усиленное магическим электричеством в тысячи раз, гудящей сферой держало огненные всполохи под контролем. Но сияющее пламя билось, плясало, кипело внутри ловушки, ни на миг не прекращая попыток вырваться на волю.

Ветер не помня себя взмахнул мечом, желая во что бы то ни стало освободить крылья из заточения. Магнитная сфера рванулась было в сторону незваного гостя, собираясь то ли захватить его в свое поле, то ли уничтожить на месте. Но вдруг магическая сила, словно почувствовав хозяина, сникла перед ним. Электрические разряды дрогнули синими всполохами, рассыпались искрами, растворились в пространстве.

Вихрем закружилось по тесному подземелью освобожденное пламя, вспыхнуло многократно, засияло нестерпимым светом и затрепетало перед удивленным взором юного князя, приветствуя и благодаря одновременно. Солнечный огонь

ворвался в сознание Нерца, охватив всё естество таким неоглядным счастьем, такой неудержимой силой и таким возвышенно-радостным торжеством, что душа его раскрылась, вскинулась навстречу Свету и замерла в полном ощущении Вселенской Благодати.

Смерч осторожно повел плечами, медленно повернул голову и глянул себе за спину. Могучие огненные крылья, яростно полыхая, звали своего хозяина прочь из мрачной темницы – в небо, на волю, на простор!

Ветер, схватив матушку в охапку, мановением руки создал портал и устремился сквозь переливающийся серебром проход в дивный цветущий сад.

* * *

– Что-то я понять не могу... – Нерц в раздумье потер подбородок. – Неужели мне показалось, что магия темницы меня за своего хозяина приняла?

– Не показалось, – тихо ответила матушка. – Магические решетки сотни лет Заговор Черной Крови держал.

– Не может быть! – воскликнул Ветер. – Моя черная кровь разблокировала энергии решетки? Но тогда... что же это получается? Выходит, у нас со старым Смерчем одна кровь? Он... кто он мне?

– Видимо, пришло время рассказать тебе и об этом... – со вздохом произнесла мать. – Твой настоящий отец не из мира людей. Это, как ты уже догадался, Черный Смерч Стар-

ший... Скажи, ты никогда не задавался вопросом, почему вы с братом такие разные, почему вдруг в семье голубоглазых блондинов родился ты – такой?

Нерц задумался и вдруг вздрогнул от накатившего озарения. Перевел дух и озвучил обретенное воспоминание:

– В шестилетнем возрасте я нечаянно услышал разговор двух соседских сплетниц. Глядя в мою сторону, они шептались, что, скорее всего, я – отказник²⁷. Что сердобольная мама пожалела меня и забрала из роддома вместе со своим голубоглазым сыном... Услышав домыслы соседок, я в слезах прибежал домой. Но мама... моя человеческая мама поступила мудро. Она не стала разбираться с соседками. Она просто нашла в старых документах снимок ультразвукового исследования своей беременности, на котором явственно были видны два плода. И я, отбросив все сомнения, твердо уяснил: я – родной!.. Вот только лица той мамы я не помню... Вообще не помню ее... А теперь получается, что мама, моя настоящая мама, – ты?!

– Отец у тебя (у этого твоего физического воплощения) один, – ответила дивная дева, глядя Нерцу в глаза, – а матери две. Я тебя зачала, а твоя мама из мира людей тебя выносила и родила. И прожил бы ты в своем очередном воплощении нормальную человеческую жизнь, с искренне любящими тебя отцом и матерью, с братом – настоящим другом и соратником.

²⁷ Отказник – ребенок, от которого в роддоме отказывается мать.

Всё у тебя было бы хорошо, кабы не любопытные кики-моры. Они как-то проболтались, что видели в мире людей носителя черной крови. Спустя некоторое время эта информация дошла до твоего отца, и он решил проверить пришедшую на ум догадку. А когда нашел тебя, вообразил, что Свет в тебе – не от меня, а от любви человеческой мамы. Вот он и постарался из тебя его вычистить, чтобы не запятнал ты чести его черного мундира своим светлым происхождением.

Естественно, тайну хранил, никому не рассказывал подлинную причину покушения на твой Свет. Для всех ты был очередным человеком, похищенным ради обращения. Но Темного Властелина не обманешь. Он ни за что не позволил бы тебе стать наследником трона, не знай он твоей изначальной сути, не почувствуй в тебе истинной черной крови...

– А это как же? – расправил Нерц огненное крыло. – Ты сама сказала, что я – Воин Света, Ветер Солнечный...

– Да, ты Воин Света на протяжении многих тысячелетий. И в то же время, в данном воплощении, – Темнейший Черный Смерч... В тебе столько же Света, сколько и Тьмы. И тебе решать, по какому пути двигаться. Выбор за тобой... – вздохнула мать.

– А выбор свой я уже сделал, – ласково обняв дивную красавицу, ответил ей сын, подумав в этот момент не только о матушке, но и об Антонине.

– Я знала, что под сердцем у меня новое воплощение Воина Света, – взяла дева за руку сына. – И не хотела, чтобы

чернокрылый отец душу твою извратил, драконом тебя воспитал. Поэтому, стоило только естеству твоему во мне зародиться, я в путь тебя позвала.

– Что значит позвала? Отправила, может быть?

– Именно позвала! Высвободила из своего тела суть твою, поместила в сияющую сферу и попросила тебя перейти в мир людей. Зная, где находится очередное воплощение твоего брата, я прежде всего показала тебе дорогу к нему.

– Так брат мой – тоже существо запредельное?

– По сути своей он – Ветер, Светлый Воин. Но эта человеческая жизнь давалась ему для переосмысления. Новый праведный путь предназначался истинному брату твоему после небольшого, скажем так, отдыха, чтобы переродиться в дальнейшем в высших сферах. Но он тоже сделал выбор – остался рядом с тобой и еще крепче судьбы ваши связал...

– Матушка, а когда мой... мой отец понял, что ты его обманула, то... что он сделал? – спросил Нерц, затаив дыхание.

– А что он мог мне сделать? – со вздохом произнесла она. – Тоже выбор мне предоставил: утратить либо душу, либо красоту и вечную молодость. Заточил в башню, чтобы не мешала ему тебя от Света освобождать, наслаждался моими мучениями (ведь я знала, как ты страдаешь, но помочь ничем не могла). Обещал, что если хоть что-то попытаюсь тебе рассказать, хоть как-то намекнуть на наше с тобой родство – он тут же тебя уничтожит. Двести лет пытался суть твою обратить, пока сам не сгинул.

А когда заклятья старого Смерча опали, я из башни вышла. Но Света в тебе почти уже не осталось... Я знаю, как ты презирал свою старую мать, похожую больше на трухлявый пень, чем на женщину.

– Но подожди! – воскликнул Ветер. – В парадной зале нашего замка над главной лестницей висит огромный портрет, после вашей брачной церемонии написанный. Ты там – такая красавица! Но я не то хотел сказать... вернее, спросить... Если ты – Душа планеты, как же так случилось, что вместе с тем ты сестра графа Жегларда?

– Всё просто, – грустно произнесла матушка. – Время от времени каждый из нас в мире людей в человеческом теле воплощается. И когда это происходит, мы от сил зла меньше всего бываем защищены... Вот и я – похищенная в раннем детстве и обращенная светлая сущность.

– Но как ты к Свету смогла пробиться сквозь все наложенные на твое естество заклятья? Да еще такую подпольную деятельность развернуть?! Такой новый мир создать!

– Я – Вера! – гордо выпрямилась прекрасная женщина. – Как же мне сгинуть в слезах да страданиях? Нельзя, неправильно это. Даже будучи старой и дряхлой, я ни на миг не допускала мысли о растлении сути своей. Что с того, что тело мое почти истлело? Крылатая душа, прорвавшись сквозь все препоны, выстроит новую жизнь и для тела, и для пространства окружающего. И, как ты видишь, мой настоящий мир, созданный в содружестве со светлыми силами, необы-

чайно прекрасен. Где там всевозможным предводителям до осознания величия Творца нашего!.. Они и не знают о том, что стоит только, душой потянувшись к Солнцу, воззвать к бесконечной Благодати, искренне и безраздельно принять ее в себя, как взамен начинаешь обретать невероятные возможности...

– Твой пример, матушка, мне на многое глаза открыл...
– задумался о столетиях своего существования князь. – А дядюшку не похищали?

– Нет. Он, как и ты, чернокровный по праву рождения.

Ветер помрачнел:

– Если я – чернокровный, как граф Жеглард, во мне столько грязи, алчности и... всего остального зла... Могу ли Светлому Сознанию службу сослужить? Я же такой сволочью в своем неведении был...

– Независимо от того, кем ты был в прошлом, суть твою определяет то, как ты сейчас живешь, – успокоила его матушка. – Важно настоящее... И вот доказательство моей безграничной веры в тебя, – она надела на палец вновь обретенному сыну нефритовый перстень.

– Это – на память? – спросил Нерц, разглядывая подарок.

– Этот артефакт увеличит твою Светлую Силу в сотни раз, – сказала дивная дева на прощание. – Он служит только Свету. И, пока сердце твое исполнено Благодати, этот перстень будет на руке твоей.

ГЛАВА 35

Ближе к вечеру в покои Нерца легкой походкой впорхнула рыжеволосая красавица с пышным букетом полевых ромашек. Она положила цветы на стол и, прищурившись, оглядела просторную комнату. Усмехнувшись, щелкнула пальцами. Синие искры моментально выжгли скрытые камеры, спрятанные в нитях паутины, с утра натянутой по углам.

«Узнаю работу неумного дядюшки», – пробормотала про себя девушка.

Проверив еще раз пространство, убедившись в полнейшем отсутствии наблюдения и прослушивания, она сладко потянулась – и неожиданно сильно, пружинисто вспрыгнула на широкую кровать и разлеглась на ней, закинув ногу на ногу.

Вскоре в комнату вошел черноглазый красавец. Немного постояв над улыбающейся девушкой, он создал чайный столик и жестом пригласил ее сесть напротив. Наливая в чашку ароматный травяной чай, спросил:

– И как же тебя зовут?

– Вечно вы так, – обиженно надула губки красотка. – Вечером весь мир к ногам бросить обещаете, а поутру даже имени вспомнить не в состоянии. Все мужчины такие!

– Ну, допустим, не все, – князь слегка нахмурился, сообщив, что как раз он-то всегда так и поступал... сколько себя помнил... – И с вечера у нас никаких разговоров не было. Ни

о целом мире, ни о постели, где я тебя утром обнаружил... Кто же ты, откуда?

– Для начала цветы в вазу поставьте, мой господин, а то завянут, – кивнула в сторону большого круглого стола собеседница.

Уставший от событий дня Нерц не глядя, одним движением пальца создал большой хрустальный сосуд и водрузил в него полуувядшие ромашки. Цветы с радостью принялись пить воду. В доли секунды по комнате разнесся удивительный аромат свежего луга.

– Да ты совсем опупел, братишка! – девушка даже приподнялась на стуле. – Так и выдать себя немудрено! А если бы перед тобой дядюшкина шпионка сидела? Ты же светлым заклятием с цветами общаешься!

– И правда... – Смерч смотрел то на цветы, то на тепло сияющий нефритовый перстень на своей руке, то на... брата?

– Ага, догадался наконец! – расплылся тот в улыбке, изящно заводя за ушко прядь роскошных волос. – Ну, что у тебя к чаю? – в предвкушении угощения он потер руки с отполированными до блеска ноготками. – Плюшки-ватрушки... Может, лучше картошки с мясом, а? – мелодичный голос вдруг огрубел.

– Сам создай, – отмахнулся старший брат. – Если захочешь, подаренный тебе утром изумрудный перстень любое замещение воплотить может. Вот хоть кабанью ногу из этого кресла себе сотвори. Ты же любишь свинину...

– А ты помнишь? Откуда? – тонкая ручка по-мужски поскребла несуществующую щетину.

– А я знаю? – полурассерженно огрызнулся старший брат, поморщившись. Мужской голос, срывающийся с уст юной красавицы, неприятно резал слух. – И ты, того... давай уже или это соблазнительное тело на свое меняй, или голос девичий верни. А то сидит напротив транс напوماженный и басом жизни учит.

– Не басом, а баритоном, – Бродяга засмеялся и принял свой настоящий облик. Без доспехов и без крыльев. Легкий домашний костюм, удобная обувь, располагающее к общению настроение. И, конечно же, прекрасный аппетит!

Оба были рады новой встрече.

– Так зачем ты девушкой обернулся? И где вообще научился обратным заклетьям? Да так качественно выполнил обряд! – похвалил Смерч младшего брата. – Я, если честно, за прелестной внешностью не смог углядеть мужской сути.

– Так я две недели на луне Леле был, у вожака Нуби. Меня мой проводник всем премудростям запредельных путешествий обучил, с перевоплощениями познакомил. Так интересно себя на молекулы рассеивать и собирать потом в различных вариациях. Словно конструктор: и странно, и в то же время увлекательно.

– Ты не сильно-то увлекайся. Аккуратно с заклетьями. Не каждому дано сразу все премудрости освоить. Внезапно обретенная сила кому угодно может голову вскружить. Будь

осторожен, побереги себя.

– Кто бы говорил, – отмахнулся младший Ветер. – Сам-то сегодня чуть не попался... Знаешь, – он вдруг посерьезнел, – мне еще в мире людей столько всего нового в сознание влилось, что я поначалу думал: не справлюсь с такой махиной... Заархивированные данные обо всех пространствах планеты получил за полчаса. Колоссальный объем информации! И забыл тут же! Представляешь, целую неделю вообще об этих знаниях не помнил. – Он потер глаза руками. – Непостижимо! Нет, я не спорю, обычный человек вряд ли такое осилить может. Но я, как оказалось, не вполне человек. А после той битвы с бесами мне надо было на Лелю срочно лететь. Там с помощью ментальных оборотов, волками подсказанных, я все знания и вспомнил. Как по волшебству... Я их тогда быстро разархивировал и всей сутью своей принял, впитал. И умения вновь воплотил. Прямо умным себя почувствовал, сильным и... как бы это мягче сказать... всевластным, что ли...

– Всевластным?! – со смехом передразнил его брат. И уже серьезно добавил: – Вижу, что нет в тебе ни самости, ни чванства. Это главное для обладателя такой огромной силы. Навсегда таким останься, иначе дракон одолеет.

– Да не до чванства тут! – отмахнулся младший. – Я быстро экзамены сдал и – к тебе. Нам же родителей спасать надо. Но об этом – отдельный разговор.

– Родители... – неуверенно выдохнул Андрей. – Кто они?

Какие?

– Это мама, – Сашка протянул ему обгоревшую фотографию. – А отец... он не помнит никого. Никого, кроме мамы.

Старший брат пристально взгляделся в черно-белый снимок. Как судьба повернулась... то ни одной матери, то сразу две... И если матушку он любил всем сердцем, то эта испуганная женщина на фото была ему совсем чужой... Пока чужой.

Он вернул снимок брату:

– Побеседуем о родственниках позже. Серьезно и предметно, как говорится. Мне сейчас по очень важному делу отлучиться придется. А ты, пока меня ждешь, подумай хорошенько, как нам родителей из беды выручать.

– Ты их не помнишь. И ничего не чувствуешь, – с горечью понял Сашка. – Так обидно... Для меня они – целый мир, а для тебя – чужие люди...

– Ты мне о них расскажешь, и я обязательно всё вспомню, – серьезно взглянул на него старший Ветер. – Но пока давай решим другие, более важные вопросы.

– Более важные? – насупился Сашка. – Мама и так уже шестой год в этом фото пленницей сидит. Я думаю, надо ее на луну отвезти, к волкам.

– А если с нами что-то случится? Так и останется она там с волками? – обернулся к нему старший брат. – Нет, надо пораньше этот вопрос решить, время выбрать... А сейчас отвлекаться нельзя. Ты пойми, мы не можем допустить ни од-

ной ошибки, поэтому мне надо знать всё.

– Что – всё?

– Ну, например, для чего ты девой обернулся и в постель мою полез?

– Так для дяди твоего расстарался. Ведь он бы не понял, если бы в твоей постели голубоглазый красавец лежал...

– Ну да, он же знает...

– Я, когда с луны возвращался, решил по временным протокам чуть назад прогуляться, к самому началу нашей встречи. Но по пути вдруг звездный след твоего дядюшки заметил-отследил. Понял, что он к тебе направляется злощип-презлющип. А ты как раз в этот час со мной рассветом любовался. Вот я и заколдовал немного – затормозил родственника твоего, время подкорректировал, чтобы ты вернуться успел и оказался вне подозрения.

– А твой клыкастый проводник – молодец. Судя по тому, как ты две недели обучения в один рассветный час завернул, он тебя основательно с временными течениями познакомил и по этим временным протокам в любую сторону путешествовать научил.

– А, это я еще в мире людей осваивать начал! – глаза Сашки загорелись неумным радостным огнем. – Но то, что Лунный Волк мне после, уже на Леле, рассказал про Великое Космическое Время, – это вообще... мистика! Оказывается, обычным колдунам под силу только на какой-нибудь час-другой время сместить. А по-настоящему ходить сквозь вре-

мя могут только ветреные, так сказать, сущности. Только мы, Ветры, можем разогнаться до такой степени, что превышаем предел скорости. Что-то типа сверхзвукового самолета, только в десятки-сотни раз быстрее! Поэтому мы и временные пределы в любую сторону без труда способны преодолевать. Да и сторон у времени, как оказалось, нет вообще. Это люди линейное время придумали. А оно на самом деле безгранично-всестороннее! А остальные существа только после смерти могут попасть либо в прошлое, либо в будущее, либо вообще в новом временном протоке очутиться. То есть не тело, а душа их... или дух...

– Но без энергетического контура крыльев во времени не летаешь. Только остановить его ненадолго сможешь...

– А я-то сначала думал, что ими размахивать для полета надо! – со смехом отозвался Сашка.

– Ты их мощь ощутил? – с воодушевлением спросил Нерц. – Понял, какую защиту они дают? Сила простора небесного у тебя за спиной, и одновременно с этим – сила межпространственная! Но ключ к открытию, к обретению этой силы – твоя душа, твое незамутненное сознание. Представляешь?

– Ага! А твои настоящие крылья где? Нашел?

– Я их только сегодня себе вернул! Теперь и я всесторонне-безграничное течение времени ощутить смогу! – Нерц с гордостью высвободил из подпространства рубиновые всполохи.

Сашка даже рот открыл от удивления:

– Какой же ты ветер? Дракон огнедышащий!

– Да ветер я, только солнечный, как оказалось...

– Вот это да! – Бродяга с интересом обошел вокруг брата и со знанием дела изрек: – Солнечный Ветер – это по-любому Огонь.

– Ты представляешь, мне сегодня надо будет с чиновником разговор вести, – перешел на другую тему Нерц, складывая и заводя в подпространство крылья. – Необходимо что-то такое придумать, чтобы и информацию нужную получить, и себя не раскрыть, как с цветами этими, – он кивнул на благоухающий букет. – Да еще слух идет, что мозги у этого залетного важняка набекрень, я таких сломанными куклами называю...

– Куклами?

– Ну да. Снаружи они все скорректированы, переделаны-перекрашены. А внутри – пустота... Да и черт бы с ними, но когда они этот свой ген несовместимости души и тела в мир людей отправляют, что там с бедными одухотворенными существами происходит... Стыд и срам!

– А темных ты почему-то не жалеешь...

– Так у этих какая душа? Им вообще без разницы. А людям эта несовместимость много страданий приносит! Только взгляни на переплетение их энергий: тело – одно, сущность – другая... И ты сам знаешь, как эту аномалию силой Темного Запределья под общие стандарты подгоняют, называют

черное белым, адаптируют в людском обществе, подают таким образом, чтобы выглядело абсолютно естественным. А что в этом естественного? Свобода волеизъявления? Свобода быть такими, какими захотят? А чего они хотят – сами понять не могут, замутнено их сознание донельзя. Человек на земле рожден для познания, для любви, для продолжения рода. А все эти неугомонные, вечно экспериментирующие со своей сутью трансы из нормальных божественных стандартов, как тесто из кастрюли, вылезти пытаются.

– Да, – развел руками младший брат. – Во многих странах людского пространства тебя не просто старомодным назовут – тебя там засудят за инакомыслие и ущемление прав и свобод меньшинств! Хотя, если посмотреть, они уже там в большинстве.

– Да мне без разницы! – отмахнулся Нерц. – Я знаю хозяев тех бесов, что у всех этих... малосознательных элементов в сознании орудуют. Ведь всё дело в том, что по-настоящему несовместимых тел и душ людских – всего-то процентов пять, ну от силы семь на земле. Их придется оставить в покое. Но остальные-то – двинутые с замутненным сознанием, они же могут вернуться к сути своей!

– А если эти «остальные» не захотят?

– Так пусть хотя бы попробуют!

– Да как?

– Пусть хотя бы подумают: природа (окружающий человека мир, при роде находящийся) – это же целостная самовос-

производящаяся система. Представь, что бы стало, если бы те же крестоцветные вдруг перестали опыляться? Или тигры с жирафами отвернулись от своих самок и друг к другу принюхиваться начали? Нонсенс! Тем более что рано или поздно эти виды будут обречены на вымирание.

И не надо говорить, что у людей-де – душа и поэтому у них есть право выбора. Если выбор лежит в одной, завуалированной лжетолерантностью плоскости, то в человеческом обществе однозначно происходит деградация...

– Вряд ли ты своими душеспасительными речами этот вопрос решить сможешь, – покачал головой младший Ветер.

– У тебя есть что предложить? – спросил его Нерц, наливая из графина искристое цветочное вино.

– Так если у того, с кем ты встречаешься, мозги вытек-ли, не лучше ли для начала их ему на место вставить? Тогда и встреча пройдет как надо, – посоветовал Бродяга, попутно с помощью изумрудного перстня создав себе очередную порцию мясной нарезки. – А то, я смотрю, посредством имеющихся в твоём распоряжении артефактов можно всё что угодно создать, не только еду.

– Братишка! – оживленно откинулся на подушки Смерч. – Да ты у меня просто клад! Но эти артефакты, – он кивнул на вместительную шкатулку с драгоценностями, – всего-навсего игрушки. Видишь ли, чтобы исправить замутненное сознание, совсем другие механизмы воздействия потребуются... И я думаю, они существуют! Через часок заскочу к ма-

тушке, а там и до встречи с чиновником недалеко. Поглядим, кто кому сюрприз устроит! – лукаво улыбнулся он.

Непринужденно беседуя, они одновременно и отобедали, и отужинали (оба ведь за весь день ничего не ели). Затем Нерц-Андрей стал собираться на неофициальную встречу с важной чиновной шишкой. Но сначала ему зачем-то понадобилось к приемной матери-княгине, с которой он в последние годы общался раза два. А тут, когда рядом брат, вдруг дважды за день решил навестить старую ведьму...

В общем, у Сашки оказалась куча свободного времени, и, на всякий случай вновь приняв девичий облик, он расположился в мягком кресле. Устроился удобнее, прикрыл глаза и погрузился в воспоминания о последних минутах пребывания в своей квартире...

Огромный волк, скаля зубастую пасть, мысленно-ментально поприветствовал его и одарил неподражаемым всепроницающим взглядом.

– Привет, – хрипло отозвался Сашка. Он не то чтобы испугался или удивился голосу в своей голове. Он всегда знал, что в мире всё не так, как считает большинство. Но, непосредственно столкнувшись с чудом, немного растерялся.

«Говори со мной мыслями, – продолжил лохматый гость. – Так быстрее».

«Хорошо, – подумал человек. – Ты откуда прибыл ко мне, Нуби?»

«С луны Лели. Наконец создан артефакт, с помощью которого возможно пройти сквозь межпространственные двери. Ты – один из четверых. Без тебя не восстановить Сияющее Сознание».

«Ты о чем это? – Сашка в недоумении уставился на белогривого красавца. – Я лишь хотел брата найти да родителям помочь».

«Одно другому не мешает. Ведь твой брат – тоже один из четверых», – загадочно улыбнулся гость, сверкнув огромными клыками.

«А родители?»

«Родителей вернуть сможешь только тогда, когда Силу обретишь и брата встретишь», – вздохнул необычный собеседник.

«Так расскажи, как ее обрести, как брата отыскать, родителей спасти от той злобной тетки... А ты вообще кто? Волк?»

«Лунный волк. Я твой проводник и наставник».

«Вот тебе раз! – развел руками Сашка. – Проводник... А для чего я тогда эту вашу инструкцию вдоль и поперек перечитывал?»

«Для общего развития, – последовал невозмутимый ответ. – Мало ли что случиться может. Впоследствии тебе самому придется действовать, решения принимать. Должен же ты знать границы дозволенного... Ну что ж, давай тебя просканируем, посмотрим, кто ты у нас на самом де-

ле...»

Нуби освободил место в центре сферы, и Сашка вступил в сияющий круг, с удивлением себя оглядывая. Вместо футболки и спортивных брюк на нем вдруг оказались сверкающие доспехи. Гарнитура на голове переливалась, приобретая очертания то золотого нимба, то отливающего полированной сталью шлема с искусно выполненным забралом. Кроме того, вся эта искристая композиция прикрывала широкую грудь парня.

«Вау! – волк даже привстал на задние лапы от удивления. – Я, конечно, ожидал увидеть нечто подобное, но чтобы крылья! Да тебе лет по меньшей мере тысяч двенадцать!»

«Сколько? – не понял Сашка, удивленно глядя через плечо на огромные белые крылья. Он то раскрывал их во время разговора, то складывал за спиной. – Мне всего-то двадцать пять от роду».

«Это тебе в нынешнем воплощении двадцать пять, – мысленно ответил Нуби. – Кто же виноват, что, обретая человеческий облик, вы здесь, в мире людей, все свои прошлые жизни и свершения напрочь забываете? Давай, Воин Света, открывай закрома памяти, принимай информацию».

Золотой нимб засиял ярче, и Сашка вспомнил свой путь. Но радоваться не спешил, завис в замешательстве.

«Что молчим, защитник планеты Земля? – с интересом склонил волк голову набок. – Странная какая-то реакция

на осознание собственного "я". Имя свое хоть восстановил в памяти?»

– Бродяга-Ветер, – словно прислушиваясь к давно забытым звукам, вслух произнес Сашика. – Даже стыдно признаться как-то. Я – и вдруг защитник планеты... Я же всегда был изгоем, объектом для насмешек. Меня зачастую придурком-потеряшкой называли.

«Вспомни сказки об Иванушке-дурачке – всё на свои места и встанет, – Нуби царапнул когтями по паркету. – Темные всегда из высших норовят недотеп сделать, чтобы те в мире людей надолго застряли, не пытались даже свою светлую суть вспомнить, погрязли в бедах, обидах и горестях...

Что ж, идем дальше. Как я вижу, родителей своих ты только вместе с братом спасешь. Тут ваши объединенные усилия потребуются. Но отца пока трогать не стоит, чтобы не подвергать еще большей опасности... А мама, как я понимаю, сейчас с тобой?»

«Если можно так выразиться», – Сашика достал из кармана кожаный бумажник и, развернув, показал гостю обгоревшее снизу фото.

«Это зеркальное заклятие», – качнул головой Нуби, внимательно рассматривая изображение.

«Скорее фотографическое», – поправил его Сашика.

«Ну, мне-то видней, – ответил волк. – Я таких заклятий на своем веку много встречал. Темные ими часто пользуются. Отзеркаленный образ отправляется в отраженное или

перенесенное на бумагу изображение. А физическое тело занимает какая-нибудь нежить. В теле твоей мамы сейчас... – он глубоко втянул ноздрями воздух, – рептилоидный дух орудует. Изгнать его можно. Хотя и сложно это, но вдвоем вы справитесь. Нужные артефакты я тебе предоставлю... Так, о чем еще узнать желаешь?»

«О брате, конечно! Где он, что с ним?»

«Ну, давай посмотрим», – спокойно подумал волк.

Парень обрадовался. Что ни говори, но за все долгие годы поисков этот лунный зверь – единственный, кто ни на миг не усомнился в существовании брата, не пытался доказать, что Сашка сошел с ума... Он, да еще мама в тот злополучный вечер...

Капли-клавиши на браслетах весело замигали, засияли, заставляя Сашкины руки совершить какие-то мудреные плетения. Он раскрыл ладони, создавая перед собой своеобразный экран, и – увидел! Увидел, как его уже взрослый брат воюет с армией разношерстных бесов!

«Ага, – удовлетворенно щелкнул клыками волк. – Перед взором нашим – твой старший брат Вольный Ветер, а ныне – Темнейший князь (и прочее, и прочее), бывший в течение одной тысячи двухсот тринадцати лет обращенным в мерзкое существо, кичащееся своей фамилией и титулом, и наделавший за это время много всяких гадостей».

«Какие тысяча двести сколько-то там лет обращения-заточения? Он же всего пятнадцать лет назад про-

нал!»

«Это у тебя здесь пятнадцать лет прошло, а у него там, в Темном Запределье, большие тысячи. А все прожитые до темного обращения десятки тысяч лет, как и десять годков человеческой жизни, у него просто-напросто из памяти выбили... Сволочи, конечно... Но не о них сейчас речь, – продолжал Нуби. – Когда же вы, люди поймете, что время нелинейно, что в разных пространствах оно по-иному течет? И из одного пространства-времени можно как на сотни-тысячи лет вперед, так и назад попасть. А можно вообще в параллельные или иные времена переправиться».

«Иные? – не понял Сашка. – Это как?»

«Это так, как в инструкции было написано: в ином пространстве-времени всё совсем не так, как у тебя. Даже вообразить из своей трехмерности не пытайся. Высшие измерения всё равно пока не осилишь сознанием. Всё зависит от того, насколько душа активна и как далеко она может "забраться" по нисходящим или восходящим временным потокам. Ну а если уж действие совершается извне, как в случае с твоим братом, то его, так сказать, приемный отец господин Черный Смерч старший очень даже преспокойно тогда неокрепшее человеческое сознание в свое пространство-время перенес.

Как я понимаю, в данный момент твой брат уже преобразился. Видимо, влюбился по-настоящему. Иначе он так быстро не смог бы суть свою восстановить. Обрати вни-

мание, воин: сейчас ему грозит неминуемая гибель. Как поступишь?»

«Ты издеваешься? – Сашка сжал кулаки. – Мне срочно нужно брата спасти, а ты тут разглагольствуешь! Чего и где мне нажать надо?»

«Еще одно замечание, прости за нескромность, – почесал за ухом лохматый проводник. – А чем спасать будешь?»

«Сейчас!» – Сашка сконцентрировался, поднял руки и попытался сплести узор заклинания.

Как ни странно, у него что-то вышло – в руке оказался пластмассовый меч с примотанным к рукоятке маленьким фонариком.

«Да, это уже кое-что, – с усмешкой качнул головой волк. – Давай мы лучше вот это оружие попробуем...»

Он неожиданно рванулся вперед, распахнув клыкастую пасть, и с размаху врезался в грудь Сашки. Огромная морда, как нож в мягкое масло, вошла в стальные доспехи. Волк уперся лапами и вытянул на свет сияющий меч с ярким алмазом на конце рукояти. Парень даже удивиться или возмутиться такому вторжению в собственное тело не успел. Только взял из зубастой пасти оружие и как-то привычно, уверенно взмахнул им над головой, чуть не сбив люстру. А волк, как ни в чем не бывало, уже вновь посылал ему мысленные наставления:

«Запомни: как рядом с братом появишься, ему тоже меч понадобится. Иначе вам эту черную свору не победить. И,

пока летишь, слейся с информационным полем планеты. За три минуты перелета очень многое для себя почерпнешь. А после я жду тебя на луне Леле. Тебе еще многому научиться нужно. Например...»

«Ладно, ты мне всё потом в подробностях расскажешь, – прервал его Сашка. – Мне сейчас брата спасать надо. Как тут... куда нажать-то?»

«Да никуда не нажимай, просто лети. Забыл, что ли, как это делается?»

«Как ракета или крыльями махать надо?»

«Крылья тебе не для размахивания. Это – энергетический контур и защита твоя».

«Да как лететь-то тогда, если не на крыльях?»

«Вот непонятливый! – качнул головой волк. – Видишь, где твой брат, чувствуешь его энергию? Вот и лети. Мыслью к нему лети...»

* * *

Ночное небо над столицей Темного Запределья сплошь было усыпано звездами. Нежить, прикрываясь от звездного света зонтиками, преспокойно гуляла по проспекту перед шикарным особняком, где разместился с многочисленной свитой приезжий инспектор.

Юный князь прибыл с визитом в точно назначенное время. Пройдя соответствующий контроль и очутившись в покоях Вольдемара, Смерч первым делом заглянул в ванную

комнату, где поставил на подзеркальный столик маленький тюбик зубной пасты. Немного подумал и, щелкнув пальцами, создал небольшой вихрь и распылил по отделанному дорогим кафелем помещению серебряные и золотые искорки. Мановением руки разместил частицы света во все склянки, тюбики и флаконы. Улыбнулся и вышел в гостиную.

Пухлый чиновник уже ждал его с двумя бокалами красного вина в руках. Нерц определил, что шелковый халат тот натянул на голое тело.

– На брудершафт? – без лишних расшаркиваний предложил жадный до запретных забав прельститель.

– Не откажусь, – потянулся за вином Нерц.

Когда они выпили и Вольдемар сунулся к нему со своими мокрыми губами, Смерч, не сумев скрыть брезгливого выражения, уклонился от поцелуя.

– Что не так? – полуобиженно-полунадменно дернул плечиком отверженный любовник.

– Демарчик, ты опять человеческую пищу ел? – как бы извиняясь, погладил его по руке гость. – Ты же знаешь, я чересчур чувствителен ко всем этим людским специям.

– Ой, прости, не удержался от острого соуса. Слишком уж у них всё аппетитно, заманчиво и вкусно! – всплеснул ручками хозяин. – Я быстренько всё исправлю. А ты не скучай, сладкий мой! – он проворно спрыгнул с дивана и посеменил в ванную, по пути как бы невзначай распахнув халатик.

– Вот мерзость! – передернулся Нерц.

Убедившись, что дверь ванной комнаты плотно закрыта, князь расстегнул рукав блузы и явил свету богато инкрустированный браслет. Немного подумав, нажал на зеленый переливчатый камень, и рядом на диванчике с бесцеремонным видом раскинулась его точная копия. Наглая, развязная, обожающая пить-гулять-развратничать. Ни дать ни взять – прежний князь Темнейший во всей красе.

«И это – я...» – Нерц несколько секунд смотрел на клон. Но, представив, что может ждать его копию этой ночью в случае неудачного эксперимента с искристым сиянием, передернулся от отвращения и вернул свое подобие обратно в камень.

Вместо этого, нажав поочередно три перламутровые полубусины, он вызвал в мир трех прекрасных дев, убедительно откровенных: яркий маникюр и макияж, пышные прически, вызывающие наряды. И были они, если так можно выразиться, божественно прекрасны: точеные фигурки, отсвечивающая перламутром кожа, изящные движения и нежные голоса. Они кого угодно могли свести с ума и заставить отринуть все обязательства, забыть даже имя свое. Девы с вожделением потянулись к хозяину. Но тот, сделав предупредительный жест, призвал их отстраниться и внимать его приказу.

– Девочки, у меня к вам особое поручение на эту ночь, – начал он обрисовывать план действий. – Сегодня вашим клиентом будет чиновник из мира людей, давно известный вам Вольдемар фон...

– Нерчик, – растерянно проворковала одна из девиц, неуверенно переступив длиннющими ногами, – как же мы его ублажать-то будем? Ведь он же... сладенький... он же, едва взглянув на нас, тут же от отвращения погибнет. Он же в нас только конкуренток и увидит...

Две другие красавицы согласно закивали, сконфуженно отступая назад:

– Может быть, ты кого-то другого позовешь?

– Девчули, не тушуйтесь. Если бы вы знали, чем он там свои зубы начищает, вы бы так не говорили, – загадочно улыбнулся Смерч. – Ваша задача – вознести этого чиновника небо этак на седьмое. Об оплате не беспокойтесь. Все ваши материальные желания, как всегда, будут удовлетворены по первому требованию.

– Так уж и все? – глаза красоток алчно загорелись.

– Вы же меня знаете! Деньги, яхты, бриллианты – всё по тарифу, всё к вашим ногам! Всё, кроме сердца! – добавил он почему-то. – А если захотите, освобожу и выдам вас замуж. За кого пожелаете! Хоть за принца, хоть за президента в любом мире, в любом пространстве!

– Мы и не сомневались в твоих способностях! Но зачем нам свобода? Нам и под твоим крылышком хорошо. Ты же у нас самый-самый! – закружились вокруг него соблазнительницы, тут же забыв о возможных трудностях и заливисто смеясь.

В этот момент из дверей ванной комнаты появился Воль-

демар. В его взгляде сквозила какая-то неуверенность и, если можно так выразиться, задумчивость.

– Ты знаешь, князь, – начал было он, – я тут подумал... Наверное, не стоит нам... – Завидев посреди своих покоев трех прелестниц, он осекся, замер на месте и вдруг совершенно неосознанно принял позу гончей, учуявшей след.

– Друг мой дорогой, – наблюдая за его реакцией на девушек, почти пропел Ветер, – а я тут решил, что тебе просто необходимо познакомиться с этими очаровательными созданиями. – Он почти силой подтолкнул к остолбеневшему инспектору дивных дев.

Те в нерешительности остановились, не зная, как поступить. А Вольдемар, глядя на пышную грудь замершей рядом с ним красотки, судорожно сглотнул, потом вдруг охнул, присел на диванчик, прикрыв круглые колени подушкой.

– Что это? – в недоумении просипел он.

– Демарчик, – лукаво улыбаясь, хлопнул его по плечу князь. – Сейчас тебе девочки всё подробно расскажут: что это и как этим пользоваться по прямому назначению. Наслаждайся. Ты же хотел новых ощущений? А я с твоего позволения откланяюсь. Дела, сам понимаешь!

Чиновник, попав в жаркий плен к весело щебечущим красоткам, оторопело приоткрыл рот, промышчал что-то нечленораздельное вслед Нерцу, проводил его непонимающим взглядом. Но спустя миг уже забыл о госте, расслабленно погружаясь в негу певучих голосов, волнующих ароматов и но-

вых, неизведанных дотоле волшебных переживаний.

Смерч подмигнул на прощание девам и вышел в цветущий сад. А затем «заскочил невзначай» через окно второго этажа в кабинет инспектора и, окинув взглядом папки с документами, просканировал их содержимое кристаллом всепроницания.

«Вот скотина кругломордая! На испуг меня взять хотел. Ничего у тебя на меня нет. Одна только похоть. Ну, сейчас красотули мои из тебя все соки выжмут. Они тебе покажут, что это значит – быть настоящим мужиком!»

ГЛАВА 36

Когда у дома на высоком холме заискрился серебристый портал, Клавдия уже приготовилась к торжественной встрече гостей. Что Нина с Сергеем вернутся в свое пространство именно в этот утренний час, волчица почувствовала заранее.

Радостно взвизгнув и, словно щенок, бросившись к друзьям, грозная охранница позабыла обо всем на свете.

«Приветствую!» – глаза Клавдии сияли огнем. – Прибыли наконец!»

Она пристально оглядела и Сергея, и Нину, проверила уровень Света у каждого в душе, определила значимость внутреннего потенциала человека и Хранительницы, сопоставила данные с изначальной матрицей, заложенной в Безбрежное Сознание Великого Края. С нетерпением дожда-

лась результатов проверки, удовлетворенно кивнула и без долгих разговоров повела друзей к накрытому столу.

Внимательно проследила, чтобы каждый из возвратившихся к родному очагу ни в чем не нуждался, ел досыта. А когда человек и Хранительница уже сидели на широкой террасе, угощаясь горячим травяным чаем, волчица, нетерпеливо перебирая лапами, помыслила:

«Ну, рассказывайте! Мне Рыжюля передавала, что вы спаслись!»

– Так она жива?! – радостно воскликнула Нина. – Хвала Высокому Небу!

«Вы же точно на луне были? – Клавдия, быстро кивнув, перешла к очень важной для нее теме. – Я не ошиблась, не запуталась в ваших звездных дорогах? Я права?!»

Утомленная долгим переходом Нина в общих чертах передала помощнице информацию, пообещав более подробно рассказать обо всем после отдыха. Но восточку от белогривого красавца Нуби Клавдия должна была получить немедленно. И подруги, отправив Сергея прогуляться, погрузились в девичьи думы-разговоры.

* * *

Доктор спустился к реке. Как-то вдруг оказался на тропе, по которой бегал по утрам. Сам не заметил, как вышел на широкий каменный уступ, откуда часто любовался на укутанный в туманную дымку бескрайний лес.

Недоумевая, как пешком за три минуты одолел расстояние, на которое во время пробежек уходило почти полчаса, мужчина вдруг услышал:

– Ну, здравствуй, мой девятый ученик.

Обернувшись, Сергей заметил справа белесое облако, быстро обретающее очертания такого знакомого человека!

Спустя полминуты рядом стоял профессор Никитин – его всегда веселый и немного чудаковатый наставник.

– Григорий Андреевич, – с сомнением спросил Сергей, – это вы?

– Он самый! – тот задорно глянул на своего студента, который и сам уже имел ученую степень.

– Откуда вы здесь? – доктору не терпелось удостовериться, настоящий ли перед ним профессор. И он немного суетливо потянулся к собеседнику с рукопожатием, усиленным распознающим заклятьем.

– Живу недалеко, – крепко сжал руку своего последователя преподаватель, семь лет назад покинувший мир людей.

– И давно? – удостоверившись, что перед ним не перевертыш, Сергей радостно разглядывал своего куратора. Тот выглядел помолодевшим, свежим, исполненным сил. Пронзительно-серые глаза его словно излучали звездное сияние.

– Почти полторы тысячи лет, – лукаво подмигнул ему учитель. – В гости не зайдешь?

Кивнув, Сергей с удивлением огляделся по сторонам. Ни обрыва, ни тайги внизу. Вокруг – безбрежное море. Доктор

непроизвольно поежился: как-то странно стоять на водной глади. Кажется, что вот-вот бултыхнешься в воду...

Отследив его мысли и озорно улыбнувшись, профессор вернул назад горный пейзаж. Утесы и ущелья, пропасти и отроги простирались вокруг. Густой сосновый лес, дикая таинственная природа.

– И как вам здесь? – с облегчением взрыхлив носком туристического ботинка глинистую почву, спросил учителя доктор.

– Безмятежно, – вдохнув полной грудью, улыбнулся тот. – За полтора тысячелетия уже и забыл, что на свете существуют интернет и телефонная связь. А твое присутствие, твои энергии вдруг обо всем этом напомнили.

– Но вы же всего несколько лет как... – на миг призадумался Сергей. – Значит, тоже по временным протокам путешествовать умеете?

– Хранительница тебя хорошо подготовила, – улыбнулся наставник.

– Не скучаете по миру людей? – снова задал вопрос Сергей, разглядывая вековые пихты, сосны и кедры, возносящиеся к небу на высоту до двухсот метров. Таких высоких деревьев он не встречал никогда.

– Как сказать... – пожал плечами профессор. – Я сроднился с многовековой тайгой, живу среди первозданной природы, наполненной любовью и волшебством. Кстати, это не то Запределье, в котором ты сейчас обитаешь.

– Что?! Разве Светлых царств Запределья несколько?

– Больше, чем ты можешь себе представить. Там – твое. Здесь – мое. Как оказалось, в мире Света у каждого свое пространство души.

– И что вы здесь делаете? Научную деятельность продолжаете?

– Часами наблюдаю за полетом птиц, восхищаюсь красотой нашей планеты. Просто живу, – пожал плечами Григорий Андреевич. – Отвлекся я от суеты.

– Восстановление человеческого здоровья – это суета? – не понял Сергей. – Зачем же вы тогда столько сил и времени потратили, чтобы равнодушных и прогрессивных по всему миру выискивать? Даже в Израиль уезжали и там очень талантливого ученика воспитали.

– Я не уехал тогда, а сбежал... – вздохнул профессор. – Дарованные мне свыше знания я искренне хотел применить на деле. Больше тысячи методик по работе с патологиями различных органов должны были принести огромную пользу миру людей. Собранное воедино, изложенное в трех томах целительное искусство Великого Света помогло бы человечеству забыть многие недуги, оставить далеко позади оперативное вмешательство при различных заболеваниях опорно-двигательного аппарата. Ну, хотя бы при том же артрозе тазобедренного сустава...

А что говорить о мышечных болях, о невралгиях, способных затронуть любой нерв в организме. Мы с тобой не раз

обсуждали тот факт, что причина большинства наших болезней кроется в нарушении адаптационных возможностей организма. Мне тогда хотелось на весь мир кричать, что сотни-тысячи недугов вполне реально без хирургического или медикаментозного вмешательства излечить... Но по вполне понятным теперь причинам никто из власть имущих моего голоса не услышал...

Да что говорить! Ты сам знаешь, что нашими методами не только физические недостатки выправить можно. Вполне реально помочь расстаться с розовыми очками человеку, не желающему замечать негативных факторов внутри и вокруг себя. Всего за пять-шесть сеансов избавить пациента от уныния или от излишней вспыльчивости без каких-либо лекарственных препаратов. Только мануальная терапия, воздействие на нервные узлы и окончания. И – знания! Данные свыше, пришедшие из глубин Вселенной.

Но тьма решила, что я, образно говоря, полез не в свой огород. Кто-то из мрачных владетелей прикинул, сколько может потерять от того, что люди перестанут болеть, страдать, тратить уйму денег на лекарства. К вассалам, управляющим массовым человеческим сознанием, поступил соответствующий приказ, и по цепочке, от большого к малому, от правительств и корпораций к каждому самостоятельно мыслящему существу потянулись черные нити... На кого-то надали, кого-то припугнули, кому-то пообещали звание или деньги. И в один прекрасный (вернее, ужасный) вечер мне

позвонили. И прямо сказали, чтобы не смел обнародовать свои труды. Да еще вежливо так напомнили, что у меня же все-таки внуки...

И что мне оставалось? Бросить дело всей жизни я не мог, остановиться на полпути не имел права. Но и идти наперекор отлаженно работающей системе не видел смысла. Не было в те годы у матери-планеты достаточного объема светлой, не подверженной влиянию мрака энергии. Я только сейчас окончательно это осознал.

А тогда решил увезти от греха подальше семью и оставшиеся двенадцать лет своего земного воплощения посвятить новым ученикам. Кстати сказать, когда я вернулся из добровольной ссылки (вернее, когда мне соответствующие силы позволили вернуться), наши с тобой пути пересеклись. Великий Космос устроил эту встречу и свел меня с моим последним, девятым учеником. В той жизни... А теперь я готовлюсь к новому воплощению, чтобы стать уже твоим девятым учеником.

– И колесо истории не перестает вращаться... – даже не удивился такому повороту Сергей, улыбнувшись будущему последователю. – А где вы живете?

– Здесь.

– Прямо на этой тропе?

– Прямо в этом пространстве. И... везде.

Оба вдруг оказались посреди пшеничного поля. Спелые, налитые колосья, переполненные великой силой жизни,

плавно покачивались, клонились к земле.

– А сейчас вы с какой целью меня в гости позвали? – Сергей с восхищением оглядел бескрайнее, волнующееся от легкого ветерка золотое море.

– С той же, что и в мире людей. Знания передать, дру мой ситный.

– Как-то долго вы собирались, Григорий Андреевич, – озадаченно покачал головой доктор.

– А к великой цели короткие пути не ведут, – улыбнулся в ответ профессор. – Ты именно сейчас готов услышать и понять то, что я столько столетий готовился тебе открыть. Мы оба долго шли к этому разговору. Но сначала ответ мне: что означает слово «интеллигенция»?

– Интеллигенция – всего лишь прослойка, – без долгих размышлений отозвался Сергей. – Образованная, умственно развитая небольшая часть жителей. То есть интеллигентным человеком в пространстве людей считается тот, кто получил высшее образование. В некоторых случаях, вне зависимости от полученного диплома, – просто высокодуховный, разумный человек.

Но нам, жителям Светлого Запределья, известно больше. Мы знаем, что изначально этим словом обозначалось высшее состояние человека как разумного существа, свободного от воздействия всякой грубой, телесной материи, бессмертного и способного сознательно влиять на происходящее вокруг. И если сопоставить всё, что я узнал, время от вре-

мении оказываясь в своем Запредельном мире, в своем пространстве души, то каждое пробудившееся Сияющее Сознание отлично понимает, что насыщенно-величественно-многогранные духовные миры Хранителей действительно являются прослойкой между давящей тьмой и сердцами и помыслами людей.

Профессор удовлетворенно кивнул:

– Сравнение, конечно, не вполне изящное, но мы – словно пузырьки пены в ванной, не позволяющие прохладному воздуху быстро остудить горячую воду. Но если не прилагать определенных усилий, не следовать своему предназначению, то со временем пена оседает.

Исчезнет аванпост отступившего в тень светлого стража, прогнется защитный барьер, порвется цепь взаимозависимостей. Схлопнется один пузырек сияющего пространства, за ним – другой. Находящимся рядом стражам приходится растягивать оборону, прикрывая светом своим пробитую защиту. Истончается матрица светлого мира, и пространство людское становится уязвимым для проникновения мрачных сущностей. Поколение-другое-третье – и вот уже ничто не препятствует тьме беззаконно и безнаказанно орудовать в сознании людей.

Неподвижными остаются только две силы, преисполненные величия, утвердившиеся на своих незыблемых поста-ментах. Обе спокойно смотрят в себя (созерцая) и вокруг (наблюдая). И только на границе этих сил происходит извеч-

ная война. И каждому существу дается выбор – либо вверх, либо вниз по спирали двигаться.

– Вниз, конечно, легче, – продолжил мысль Сергей. – Но к Свету карабкаться, как бы сложно ни было, необходимо каждому. Задержался на полпути, расслабился, перестал расти над собой вчерашним – сразу вниз покатился. И так всю жизнь – сплошное движение.

– Верно, верно, – поддержал профессор. – Ты в мире людей свою работу выполняешь. Она очень трудна, потому как Мать-Земля и особенно мир человеческий, расположенный на самой границе великих разнонаправленных сил, чрезвычайно уязвимы. И если раньше можно было отсрочить, отложить на неопределенный срок принятие решения, то сейчас уже не получится переждать или спокойно в сторонку отойти. Именно теперь для каждого из нас время выбора настало. Темные силы опасаются, что могут потерять такой солидный источник пропитания, и поэтому активизировались. Еще крепче опутали души и сердца человеческие своими липкими нитями. Редко кто из людей сейчас способен устоять перед соблазнами.

– И верно, в сложное время люди движимы только одной мыслью: где найти спасение? А как страх перед надвинувшейся смертью проходит, так снова возвращаются к разрушению своего тела, своего сознания и жизни. Но не могу же я помогать только праведным. Я всех принять готов. Хватило бы сил... здоровья и знаний...

– И это – не твое единоличное желание, ты по пути предначертанному следуешь. У тебя судьба такая – людей спасать. Раздавать страждущим искры своего Света. Вне зависимости от того, что творится у каждого в душе... А знания, когда они действительно необходимы, сами приходят. Главное – уметь слышать Голос Вселенной, иметь способность принять информацию и усвоить ее...

Друзья и коллеги говорили долго. В процессе разговора оказывались то у излучины реки, то в просторной, наполненной гулким эхом пещере. Прогуливаясь по белому, тихо шуршащему песку, взбирались на крутые барханы, озаренные сиянием незнакомых доктору созвездий. Много узнал Сергей за это недолгое путешествие по межмирам. Но главное, о чем шел разговор, – это Троелуние...

* * *

– Ты будешь в ответе за всё, что произойдет в то знаменательное утро! – с нажимом повторил Григорий Андреевич. – Именно ты! Слушай сердце свое, иди к цели не сворачивая. А друзья и соратники тебе обязательно помогут.

Но если ты это испытание пройти не захочешь, отмахнешься или откровенно струсíš, то называйся ты хоть доктором, хоть ученым, хоть народным целителем – верить тебе не будут, учение твое прахом пойдет. И даже к Создателю бесполезно обращаться, потому что он тоже, заранее зная обо всех трудностях и испытаниях, принял предназна-

ченный только для него груз ответственности.

Но ноша его станет в разы тяжелее, если ты откажешься внести свою лепту в общее дело. Вот уж ему-то точно жаловаться будет некому. И в случае поражения перекладывать вину не на кого. Он будет стоять до конца за тебя и твой мир.

А вот выстоит ли в одиночку? Справится ли без поддержки? И если не выстоит – исчезнет и это светлое царство Запределья, и твой мир человеческий сгинет под натиском мрака. И, как бы ты потом ни сокрушался и ни пытался всё исправить, некому уже будет слушать того, кто отринул предначертанное...

– И что мне делать? Как правильно использовать те минуты, когда три луны сойдутся? Инструкция есть? – с ощущением огромной ответственности спросил Сергей.

– Троелуние, те восемь минут, когда спутники выстроятся в ряд, достойно прожить надо. Именно достойно и размеренно. Только в успокоенном, лишенном страстей сознании твои ипостаси объединиться смогут. Звезды влюбленные, частицы души твоей обязательно воссиять должны. Завтра уже они, все четверо, будут рядом с тобой. Нина и Арина – земля и вода. Это душа бессмертная, жизнь твоя.

– Одна – жизнь, а другая – душа? Или у меня две души? Нет, две жизни! – заторопился вдруг доктор, желая как можно скорее получить необходимую информацию.

– Не будь сорокой, не тараторь без умолку, – осадил взволнованного Сергея учитель. – И не забывай, что изначально

Воительница и Хранительница составляли единую сущность – Инарину. Объединятся девы твои перед истинным слиянием... А еще две части твоего естества – это Солнечный Ветер и Бродяга-Ветер. Огонь и воздух – твой несокрушимый дух.

– Тогда их не четверо? Трое всего?

– Четвертая ипостась – это великая сила природы.

– И где ее искать?

– Искать не нужно. Она всегда рядом, – лукаво улыбнулся профессор, обводя взором теперь уже высокие горы, уступами уходящие вверх, упирающиеся снежными шапками в лазурное небо. – Она и без рукопожатий и знакомств – важная часть души твоей. И при слиянии место свое непременно займет...

– И что будет после слияния?

– Если успеете вовремя объединиться и воссиять – отразится свет звезд влюбленных от триединого лунного диска. В этом случае всё будет хорошо и у тебя, и у мира твоего. И у Запределья сказочного многомерного. Будут в подпространствах светлые силы множиться, человеческие миры изнутри поддерживать...

– Значит, всё решат восемь минут абсолютного спокойствия во время слияния...

– Всё в твоих руках, – подытожил профессор.

Сергей вновь задумался над словами учителя.

– Всё о количестве Света в мирах переживаем, а о том, как помочь планете от тьмы освободиться, так и не погово-

рили, – вздохнул он. – Ведь живым существам вовсе незачем наблюдать за извечным противостоянием разнополярных сил. Большинству неинтересно то, что далеко от понимания.

К примеру, людям просто необходимо жить спокойно, в достатке, быть уверенными в завтрашнем дне. И что же я, получив солнечное сознание, могу еще сделать для своего мира, кроме как здоровье людям возвращать?

– Чтобы все миры планеты нашей начали возрождаться, необходимо всего десять-двенадцать процентов людей, апеллирующих в своем сознании к высоким «небесным» идеям. Процесс длительный, но когда-то светлая энергия человечества достигнет допустимого минимума. И с этого момента начнется необратимое восстановление планеты, осознания и мира.

– Восстановление осознания? То есть понимания, что против тьмы ее же методами бороться нерационально. Знаю, – согласился Сергей.

– Вот именно, – кивнул профессор. – Но не только это. Игнорировать силы мрака уже не получится. Необходимо осознанно себя культивировать, сосредоточить столько чистой энергии в душе, чтобы тьму в себя принять, растворить, преобразовать в Чистый Свет. Пока на это способно только высшее существо – Создатель. Но в ближайшее время всё изменится благодаря ищущим, светлым личностям. Большую часть из них составляют Хранители, во многих мирах Вои-

нами Света именуемые.

И самое большое воинство Запредельного мира Вера возглавляет. Правда, пока что эти силы в подполье находятся, ждут заветного часа. Скоро, очень скоро неудержимая мощь вырвется на свободу. Все уже готовы. Одно только человечество ждет, чтобы Земля из пространства извечного противостояния выбралась, на светлом пути утвердилась и вздохнула свободно.

– И сколько же надо Хранителей, чтобы ход событий изменить, чтобы планета смогла наконец в себя прийти?

– А работа давно идет по всей земле. И таких, как мы с тобой, в каждом светлом мире немало. И в людском пространстве Хранителей предостаточно, не один я у вас такой – вечно странствующий наставник...

У меня вот девять учеников при жизни было. И к каждому из вас придут еще по девять преемников. И у любого из них тоже по девять воспринявших Знания Вселенной будет... Теперь уже от ваших усилий зависит, когда наступит тот час, чтобы на планете двенадцать процентов человечества Хранителями стало...

– И где же мне учеников-то найти? – вздохнул последователь Великого Учения.

– Ну, пятерых ты уже нашел, – с улыбкой ответил профессор. – И еще трое в мире людей к тебе присоединятся... И, если всё получится, мы с тобой еще не раз о многом поговорим, когда снова встретимся...

– Обязательно получится, иначе и быть не может! – спокойно глядя в глаза учителю, ответил доктор.

В пространстве разлился хрустальный звон. Легкий ветерок пробежался по верхушкам деревьев, прошелестел в густом подлеске и, сникнув у ног целителей, словно растворился в зеленой траве, притаился, затих.

Оглядевшись, профессор с легкой грустью произнес:

– Вот и закончилась наша встреча. Тебе пора возвращаться, – наставник одарил Сергея лучезарным взглядом, ободряюще улыбнулся, крепко пожал на прощание руку...

Спустя мгновение доктор снова оказался на широкой каменной площадке. Перед взором его, на сколько хватало глаз, простирался величественный хвойный лес, окутанный сизой дымкой тумана.

ГЛАВА 37

– Тихо ты, не греми так, а то злобную мать разбудишь! – шикнул на старшего брата Сашка. – А у нас еще не готово ничего.

– Какая она нам мать?! – дернул плечом Нерц, не забывая при этом с помощью нефритового перстня «выводить» из подпространства изящный янтарный постамент. – Сам кольчугу сними, а то звенишь, как индийская танцовщица.

– Нашел танцовщицу... – беззлобно огрызнулся младший, аккуратно устанавливая у стены своей детской комнаты

большое зеркало в усыпанной бриллиантами раме. – Иди уже положенные слова проговаривай да силу магических кристаллов в нужный диапазон выводи.

Вольный Ветер скинул плащ, снял перчатки из драконьей кожи и поочередно сплел несколько старинных солнечных заклятий, направляя их в заколдованное древними пифиями стекло. Залежавшееся в запасниках подпространства зеркало, ощутив призывные вибрации, встрепенулось, вспыхнуло яркими искрами, запестрело солнечными зайчиками. Благоклонно приняло от светлого колдуна информацию, радостно согласилось с поставленной задачей и, смахнув с отполированной поверхности слой пыли, возбужденно приготовилось к охоте на злобную сущность.

Договориться с волшебными камнями, вживленными в старинное серебро, и настроить их сияние на нужную волну Нерцу также не составило труда. Вплетая в магические узоры чудесную силу древних рун, он шептал сложные заклинания, тщательно настраивая видимое излучение каждого бриллианта в определенном диапазоне энергий.

Оглядел результаты своего труда и остался доволен.

Немного погодя, словно что-то вспомнив, спросил младшего брата:

– Слушай, что ты там про отца вчера говорил? Насчет съедаемой энергии... В вашем мире всё так же, как у нас, происходит?

– Конечно, – ответил тот. – Энергии-то везде одинаковые.

Ты же сам только что в человеческом пространстве светлое заклятье сплетал. И нежить в любом подразделе мира одними и теми же методами пользуется. Ментальная сила нашего отца для вселившегося в мамино тело духа является источником существования. Эта дракониха почти всю энергию из подневольного человека вытягивает.

– Вампиры – те еще гады, – кивнул Нерц. – Вокруг каждого живого существа – сияющая аура, очень вкусная субстанция, лакомый кусок для любой нежити. Многие энергетические паразиты прицепляются к естеству человека и «едут» на нем всю жизнь, не напрягаясь и не причиняя своему носителю особого вреда. Разве что, когда каких-нибудь деликатесов захотят, добавляют одну-другую неприятность. А в основном им и обычных всплесков отрицательных эмоций хватает. Люди сами не умеют внутреннюю энергию контролировать, без конца вокруг себя негатив распыляют.

Но драконы-захватчики, подобные твоей лжемамаше, очень кровожадны. Мало того что, вселяясь в живые организмы, полностью вытесняют из тела суть человеческую, так еще почти всю энергию вытягивают из тех, кто рядом с занятым ими телом живет. Десятилетиями жируют, сживая со свету одного несчастного родственника (или соседа, а то и друга) за другим. Почти весь свет съедают из добычи своей, как короеды прогрызают энергетическую оболочку, оставляя сияние жизни только под самыми подошвами поработанного существа. Чтобы не прервалась связь с биополем Мате-

ри-Земли. Берегут, так сказать, источник пропитания, потому что не хотят на поиски новой жертвы силы тратить.

– Поэтому папа такой заторможенный, – вздохнул Сашка. – Ведь на его сознании столько лет очень мощный вампир паразитирует. А как перестанет из него силы рептилия тянуть, так он и наполнится светом. Постепенно, конечно, но оживет – и всех нас вспомнит.

– Тебя-то точно вспомнит, а вот меня... Знаешь, ты, если желаешь, здесь оставайся до Троелуния. А мне как-то не по себе...

– С родителями он встретиться не хочет... Как такое вообще возможно? У тебя что, сердца нет? – возмущенно шептал Сашка, старательно рисуя на полу большую окружность. – Ладно, это потом. Сначала давай всё как надо делаем... И не такие вопросы решали. Скорее бы солнечные лучи до окна добрались...

– Ты помнишь, что с этой нежитью разговаривать нельзя? Иначе, если она нашей запредельной энергии отведаст, из круга запросто вырваться сможет... Поэтому молчи! Что бы ни случилось, рта не раскрывай.

– Да помню я, что ты меня всё время наставляешь, как маленького?

– А какой ты? – подтрунил над ним старший Ветер. – Ладно, не отвлекайся, давай еще раз преломление рассчитаем. Так, угол падения равен... Она проснулась, почувствовала тебя! Сюда идет! Приготовься...

– Неужели блудный сын вернулся? – дверь комнаты с грохотом распахнулась. Громкоголосая неряшливая мать, недосужившись привести себя в порядок и накинув поверх пижамы лишь мятый халат, застыла на пороге.

Сашка молча встал, глядя на нее гневным взором. Адская сущность, забыв заготовленные ругательства, в страхе попятилась от сияющего воина. Яркий Свет, исходящий от естества богатыря, злобная тварь вынести была не в силах.

Она отступила назад, попыталась скрыться от нестерпимо жаркого пламени. Но в коридоре уже стоял молниеносно рванувшийся к ней за спину старший Ветер, не давая сбежать. Нерц молча подтолкнул женщину с растрепанными волосами и опухшим от сна лицом к начерченному в середине комнаты кругу. Она вызывала у князя лишь неприязнь. Смерч недоумевал: неужели эту дурно пахнущую, неопрятную бабу Сашка когда-то так любил?

Дракониха хотела позвать отца, но не решилась. Зыркнула по сторонам затравленным взглядом, пытаясь найти выход из ситуации. Но, еще раз оглядевшись, вдруг явственно поняла: время ее истекло. Полстены детской комнаты занимало старинное зеркало в массивной серебряной раме, богато инкрустированной магическими кристаллами. Сквозь распахнутые занавески вот-вот должны были пролиться лучи восходящего солнца. На пути их следования на янтарном, искусно выполненном постаменте стояла фотография женщины, в тело которой так нагло вселился незванный дух.

Схема освобождения от зеркального заклятия была проста: солнечные лучи, пройдя сквозь снимок на портале-постаменте, должны сорвать с человеческой души оковы проклятья, выволить ее из фотографии и, поместив в магическое зеркало, очистить от тьмы. Всё это произойдет в доли секунды. И душа, отразившись в волшебном стекле, вернется в собственное тело, много лет служившее сосудом для враждебной сущности. Траектория движения, место встречи души и духа внутри зеркала, нужный угол отражения – всё это было выверено братьями с точностью до миллиметра. Только оккупировавшей тело нежити из волшебного зеркала уже никогда не выбраться...

Понимая это, тварь судорожно упиралась, царапая невесть откуда взявшимися когтями напольное покрытие. Но зеркальное заклятье, которое она с коварной улыбкой применила к маме в ту злополучную ночь, имело обратную силу. И рассвет неотвратимо приближался...

Лжемать втолкнули в очерченный мелом круг, который тут же превратился в грозно гудящий энергетический барьер. Не сбежать... Дракониша, всё еще надеясь на чудесное избавление и в панике спасая свою суть, рванулась было вверх. Но тело плохо слушалось, разум рептилии затуманился: волшебное зеркало влекло, манило, жадно тянуло к себе всё ее естество. Еще минута, и солнечный свет выгонит огромную ящерицу из человеческого тела...

Дико сопротивляясь накатывающему наваждению и вы-

свободив длинный хвост, гнусная оккупантка хотела сбить с янтарного постамента фотографию, в которой томилась душа женщины. Но нет, не удалось! Не прорваться сквозь сияющий контур... Злобная нечисть невероятным усилием вырвалась из объятий волшебства, огляделась, приходя в себя, и заскрежетала зубами от ярости.

– Спаси меня, умираю! – из последних сил ринулась она к замершему у стены младшему сыну. – Я не выдержу расслоения, погибну!

Сашка, забыв о поставленной задаче, видя перед собой только искаженное страхом и отчаянием материнское лицо, рванулся было на помощь. Но брат удержал, не позволил влить в процесс хоть каплю энергии извне, не дал подпитки рептилоиду.

– Я убью ее! Не отпустите – не видать вам больше матери! – адский огонь полыхнул в широко распахнутых глазах злобной твари, и чешуйчатый хвост обвился вокруг человеческой шеи, сдавил что есть силы.

Женщина повалилась на пол, захрипела, конвульсивно задергалась, лицо ее побагровело. Младший Ветер в ужасе схватился за голову, упал на колени. Андрей, крепко стиснув плечо брата, пристально наблюдал за всё ярче сияющими солнечными лучами над соседним домом.

Он сосредоточился, словно подгоняя время, заставляя его как можно скорее спасти его... ЕГО маму! И вспомнил! Вспомнил ласковые руки, такой родной запах, тихую колы-

бельную песню. Он прямо ощутил-почувствовал себя там, в раннем детстве, когда мама качала его на руках и нежно смотрела своими голубыми, как незабудки, глазами прямо в душу...

И Нерц, мыслью рванувшись навстречу Солнцу, неимоверным усилием воли заставил время ускориться. Сияющий солнечный диск, с радостью откликнувшись на пламенный призыв, споро преодолел оставшееся расстояние и вырвал из несчастной жертвы чешуйчатую сущность. Та, стрелой пролетев сквозь яркий свет, оказалась в зеркальной тюрьме. А женское тело осталось лежать на пыльном, исцарапанном страшными когтями полу. Неподвижное, бездыханное.

Сашка ринулся к фотографии. Схватил ее с пьедестала, протер от слез глаза, всмотрелся в снимок. На фото – только белая скамья, море и пальмы. Он обернулся.

Андрей уже был рядом с мамой. Положив голову женщины себе на колени, он гладил ее по спутанным волосам и тихо шептал слова той самой колыбельной, которую так неожиданно вспомнил спустя тысячу двести тринадцать лет забвения.

В комнату заглянул отец, разбуженный громкими криками. Посмотрел ничего не понимающим взглядом на распростертую на полу жену и неведомо откуда появившихся в доме высоких парней в странных одеждах. Кивнул каким-то своим мыслям, прошел на кухню, включил там чайник.

– И долго он в беспмятном состоянии будет? – осипшим

голосом спросил брата оторопевший Андрей. Даже во время обряда извлечения сути он так не волновался, как теперь, увидев того, кого мог бы всю свою человеческую жизнь называть... папой.

– Не знаю. Посмотрим, – пожал плечами Сашка. Затем, окинув придирчивым взглядом себя и брата, мановением пальца преобразил рыцарские доспехи и латы из драконьей кожи в обычные рубашки, джинсы и кроссовки.

Оглядев себя в непривычном одеянии и молчаливо согласившись с выбором Александра (некогда было препираться по поводу одежды: не набедренная повязка, и ладно), князь с напором произнес:

– Но нам же скоро улетать! Кто за мамой приглядит?

Младший Ветер открыл было рот, но вдруг со стороны кухни послышался звон разбитой чашки. Отец вбежал в комнату, присел рядом с женой, схватил ее за руку, проверяя пульс.

Облегченно перевел дух и, обратившись к Александру, с волнением проговорил:

– Давай, сынок, ее на твою кровать положим. Неудобно как-то на полу...

Нерц легко поднял маму с пола. Младший Ветер осторожно принял беспамятную женщину из рук всё еще стоящего на коленях брата и перенес на постель, укрыл покрывалом:

– Пусть она немного поспит.

А старший брат, поднявшись, незаметно взял с подокон-

ника янтарную фигурку величиной со спичечный коробок и карманное зеркальце, украшенное разноцветными стразами, и положил оба предмета в нагрудный карман.

– Может, пока позавтракаем? – немного скованно обратился он к растерявшемуся сублильному седовласому мужчине.

Отец молча перевел взгляд с одного парня на другого, осмотрел потолок, стены, медленно исчезающие царапины на светлом полу. Он словно впервые за долгое время оказался в этой комнате. Со всё возрастающим интересом оглядел двухъярусную кровать, яркий спортивный уголок, два письменных стола с компьютерами старой модели, дипломы и грамоты в рамках на стене.

Мужчина внимательно вчитался в имена на многочисленных спортивных наградах и вдруг ровным спокойным голосом спросил:

– Саша, ты кого к нам привел? Лицо такое знакомое... Это друг твой?

– Я твой сын. Старший, – ответил за брата Андрей.

ГЛАВА 38

Два крылатых воина приземлились на краю зеленой полянки. Оба с волнением смотрели на вершину холма, на освещенный закатными лучами красивый дом, за которым раскинулся большой яблоневый сад. Другой холм, словно

прикрывающий собой окрестности от бурных ветров, густо зарос сосновым бором, а дальше и выше простирались величественные отроги горной гряды.

– Красиво как! – Александр резко втянул прохладный, напоенный ароматом трав и цветов воздух. Вдруг кровь прилила к сердцу, ринулась в голову, заполняя сознание жаркой, сметающей всё на своем пути волной.

– Ты чего? У тебя уровень адреналина прямо зашкаливает. Тише, брат! Дыши ровней, – хлопнул Бродягу по плечу старший Ветер.

– Я чувствую... Нет, я твердо знаю, что моя судьба там, под той березой, – осипшим от внезапного душевного смятения голосом произнес Сашка.

– Да ты что?! Тогда идем скорее знакомиться, – улыбнулся в ответ князь. Он и сам беспокоился: ведь там, под сенью березовой кроны, скорее всего, уже находилась и Антонина. Но, не желая раньше времени выдать себя, тщательно скрывал нетерпение.

Почувствовав появление гостей, к столу под березой подошла Нина. Сашка при виде ее приосанился, заторопился, стараясь поближе разглядеть белокурую красавицу, о которой так много слышал. Неожиданно с ветки на плечо девушки спрыгнула рыжая белка. Из-под стола выглянула белая волчица. Все они с интересом разглядывали приближающихся парней.

– Ну и кто из них – твоя судьба? – поддел Сашку брат.

– А тебе непонятно? – парировал тот. И добавил: – Если честно, я уже готов влюбиться. Впервые в жизни...

– Не торопись, влюбиться всегда успеешь.

Когда братья прошли половину пути, белка вдруг непроизвольно дернулась, схватилась за усы и замерла.

«Вот это мужчина!» – только и пронеслось в общем сознании подруг.

«Чего?» – не поняла Клавдия. – *Хозяйка, ты слышала, что наша рыжая чувствует? Разве бывает такое?»*

«А почему бы и нет?» – оценив состояние Рыжули, вопросом на вопрос ответила Нина. – *Они же существа разнопространственные. Физические тела вполне могут не соответствовать духовному потенциалу. А при ближайшем рассмотрении эти самые потенциалы у них могут и совпасть... Скорее всего, уже совпали...»*

«Во дела... – протянула волчица, сочувственно глядя на подругу. – *Ну и угораздило же тебя... Такое, наверное, раз в тысячу лет случается».*

«Об этом потом подумаем, – прервала ее рассуждения Нина. – *Отключаем ментальные переговоры. Не хватало еще перед гостями опростофилиться. Улыбаемся, здороваемся...»*

«Вообще-то не опростофилиться, а опростоволоситься», – мельком подумала Клавдия.

А белка, ничего не ответив подругам, в растерянности перебирила лапками пышный хвост. Она просто остолбенела,

оцепенела от нахлынувшей на нее лавины чувств...

Гостей пригласили за стол.

– А вот и наш Человек-Сергей! – Нина с волнением представила братьям вернувшегося с реки доктора и усадила его во главе стола.

Нерц-Андрей всё искал глазами Антонину, но спросить не решался. Хранительница, чувствуя исходящую от него энергию, откликнулась на его душевные метания:

– Спит она. Пока от тьмы в душе не освободится, так и будет в капсуле с вечера до утра лежать. Нельзя ей еще наружу в темное время суток. Как раз завтра поутру проснется Антонина от осторожного сна... С утра и пообщаетесь... А как солнышко к закату клониться начнет, придется ей снова в кокон укладываться, чтобы не навредить никому.

Смерч заметно погрузтел, потерял аппетит и раза два даже пропустил обращенные к нему вопросы.

А Сашке и подавно кусок в горло не лез. Окрыленный неведомым дотолем чувством, он не мог отвести взгляда от голубоглазой хозяйки дома. Человек-Сергей, ощутив эмоции младшего Ветра, весь как-то напрягся. Нет, держался он вполне прилично, но Бродяга каждой клеточкой чувствовал дух соперничества. Да еще какой! А в довершение всего с ветки дерева настырная белка так и буравила его своими круглыми глазками. Она, конечно, пряталась в листве, но энергию ее любопытную воин чувствовал всем телом... Что это?

* * *

После ужина, собравшись на широком крыльце, три ипостаси, окружив своего человека, негромко рассуждали о том, легко ли быть этим самым человеком. Удобно ли жить, если не умеешь летать, перевоплощаться, не обладаешь великой физической силой и невероятными познаниями в волшебстве.

– Но, если вспомнить сказки, что остались в человеческом мире от стародавних сказителей, много было людей с этими невероятными возможностями, – пришло вдруг в голову Сергею.

– Только с течением времени позабыли люди знания эти. Убедили их темные в несостоятельности человеческой сути. А мысль – всеильна... – Нина, примостившись на широких перилах террасы, грустно ему улыбнулась.

– Вот бы вспомнить всё, что в веках отложилось, понять забытую человечеством Истину Изначальную! – мечтательно произнес Сергей.

– А всё уже приготовлено, – отозвался Андрей. – Мой братишка – кладезь зашифрованных знаний, переданных для вас Светлой Силой еще в мире людей. Вот в День Трех Лун объединитесь с ним – Истина в полном вашем распоряжении будет.

– И Сила Ветра, и Сила Огня, – промолвил Сашка. – И знания многих поколений людей... Вот только нас как лич-

ностей уже не станет...

– Кто тебе сказал, что это плохо? – отозвался старший Ветер. – Мы же как раз для этого встретились... Умей ценить то, что есть сейчас.

– И что сейчас есть у тебя?

– Чувства! Я столетиями жил без души, без ее искренних порывов! Столько жизней загубил походя. Не глядя, не вдаваясь в суть вещей, стремился к обладанию всем и вся, только бы больше-выше-богаче! Только бы было чем покрасоваться, чтобы злые завистники желчью исходили, зеленели от досады и собственной несостоятельности! Хоть и не признавался в этом самому себе, а всё больше власти хотел, всё жарче и жарче этот огонь разгорался, суть мою, меня самого пожирал, превращая в дракона...

А потом... Потом я вдруг понял, что без любви все мои достижения не стоят выеденного яйца. И пусть осталась всего неделя до слияния, но в эти семь дней я могу любить... Любить жизнь, окружающий мир, любоваться этим невероятным, умопомрачительным закатом, дышать полной грудью и... чувствовать всю красоту природы вокруг... Это дорогого стоит! – с воодушевлением закончил свою возвышенную речь Андрей, с теплом в душе думая об Антонине, которая была рядом, лежала сейчас в спальне Нины, защищенная от тьмы силой обережного кокона. Ему так хотелось просто побыть подле девы, увидеть, что она жива и невредима... Что у нее всё в порядке.

– Да, мы умеем любить и ненавидеть. Но как это – по-настоящему быть человеком? Вернее, как это – быть настоящим человеком со всеми его душевными метаниями и слабостями? – спросила Нина.

– Можно подумать, у нас в нашем нынешнем состоянии этих метаний никогда не бывало, – многозначительно глянул на брата старший Ветер.

– Странно, что вы заинтересовались этим вопросом, – покачал головой Сергей. – Не спешите удивляться, но быть человеком гораздо труднее, чем вам кажется.

– А мне так хочется почувствовать себя смертной, – мечтательно произнесла Нина, – познать радость рождения, стать по-настоящему воплощенной в мире людей. И не наблюдателем быть, а прямым участником становления собственной личности.

В детстве и юности познавать новый, неведомый дотоле (а вернее, позабытый) мир, опробовать море соблазнов, преодолеть горы препятствий и, наделав кучу ошибок и набив шишек, поверить в свои силы и суметь выстоять, с достоинством принять все уроки судьбы.

И как это невероятно волшебно – ощутить взаимное притяжение с другим существом и, объединившись, дать возможность новому, самому родному на свете сознанию воплотиться в мире людей. С пониманием важности каждого момента следить за взрослением своего чада, помогать ему развиваться – и самому тоже расти, расти вместе с ним...

А позже, набравшись опыта, переосмыслив прожитое, тихо угаснуть, вновь стать частицей Света и отправиться на встречу Создателю, чтобы в дальнейшем вновь пережить опыт воплощения. Разве это – не счастье?

Заряженные энергией юной Хранительницы, собравшиеся задумались над ее словами, затихли.

– Мне хоть немного довелось так пожить. Брат говорит, целых десять лет я в мире людей просуществовал. А потом кому-то взбрело в голову ради могущества и владычества отнять у меня это счастье... Счастье быть человеком... – вздохнул старший Ветер.

– Ага, счастье, – невесело усмехнулся младший брат. – Побыл бы ты в моей шкуре – не мечтал бы о подобном человеческом опыте...

– У вас такие возможности, а вы вдруг хандрить принялись... Может быть, не стоит вздыхать о том, что недоступно? – тихо сказал Сергей, глянув при этом на Нину, которая выглядела уже двадцатилетней юной красавицей с горящим взглядом ясных глаз, рассуждала обо всем со всепобеждающей детской непосредственностью и неизбывной радостью.

Во время пребывания на луне Леле он вроде как всё решил: запретил себе думать о Нине как о женщине, представил ее своей Жизнью, сделал соответствующие выводы. Но теперь, когда рядом вдруг оказался незванный воздыхатель, в душе человека зародилось противостояние.

Но он изо всех сил сдерживал чувства, постоянно напо-

минал себе, что не стоит ревновать одну часть своего естества к другой. Это всё равно что обижаться на левую руку, которая не умеет писать и не благодарит правую за то, что та такая замечательная и работоспособная...

Но в душе покоя по-прежнему не было...

* * *

Улучив момент, когда Сашка остался один, Рыжуля, сильно оттолкнувшись от гибкой березовой ветки, совершила длинный изящный прыжок через весь двор и приземлилась на крыше особняка. Неслышно спустилась по резному столбику на открытую террасу и примостилась на широкой скамье рядом с сияющим воином. Притихла, словно прислушалась к его внутренним энергиям.

«Я тебя чувствую, воин. Великая сила кроется в твоём сердце. Великие знания даны тебе Священным Огнем. И великие дела совершишь ты во имя Добра и Справедливости».

– Великие слова говоришь ты, замечательная Хранительница талисманов, – в тон ей ответил Сашка. – Только мне бы еще великой веры в себя... – Он склонился к белке и заговорщицки произнес: – А то все вокруг твердят о том, что я – Воин Света, а самому мне что-то мало в это верится... Хоть и свершаю уже славные дела, но всё кажется, что это случайно со мной происходит... или сон всё это...

«Не сомневайся в себе, – вспрыгнула на протянутую руку воина Рыжуля. – Мы все в тебя верим. А для того, что-

бы и ты в себя поверил, необходимо знать, ради кого в самый трудный час, во время самого страшного испытания ты можешь совершить то, на что в обычное время не решился бы».

– И ради кого я способен на подвиги? – задумался Сашка. – Ради любимых?

«На это любой искренне любящий из мира людей способен, – ответила собеседница. – Матери и отцы совершают ежедневный подвиг ради детей своих. Люди ради любимых больших высот добиться могут. И всегда превосходят тех, кому не для кого стараться... А в час испытаний совершают такое, на что в обычное время не отважились бы...»

– Так ради кого же?

«А что тут рассуждать да гадать? – Рыжуля всё пристальнее вглядывалась в его глаза своими черными бусинками. – Ради мира, хранящего твоих близких. Ради человека своего, несущего в мир этот и во все пространства Свет Создателя и готового пожертвовать собой во благо тех, кого к Свету ведет».

– А ты мудрая, Рыжуля Авдеевна, – покачал головой Сашка. – Очень хотелось бы дружить с тобой. – Он с удивлением ощущал всё ярче разгорающийся в душе Свет, который словно распирал изнутри грудную клетку, заполонив всё естество воина волшебным сиянием.

Белка, прислушавшись к бушующим у него в груди энергиям, немного помолчала, глубоко вздохнула, подняла к

небу глаза, изо всех сил стремясь сдержать эмоции. Сашка чувствовал, что она тщательно скрывает от него свои мысли. Но сквозь ментальный заслон к нему прорывались ее боль и отчаяние.

«Значит, будем мы с тобой друзьями... Друзьями навек»,
– белка, сидя на широкой ладони человека, ухватила его за большой палец. По мордочке скатилась крупная слезинка.

– Чего же ты плачешь, Рыжуля?

«Это я от радости, – сдавленно ответила та. – С таким богатырем познакомилась, с таким существом подружилась!»

Белка, склонив голову, вытерла вновь набежавшие слезы и, вспрыгнув на ветку дерева, затерялась в густой листве.

Сашка проследил за ней взглядом и горько вздохнул: «Бедная белочка... А уж я-то какой бедный... Дурак влюбленный. Только не смотрит на меня Нина. Словно и не замечает вовсе».

К нему подошел старший брат и с сомнением в голосе произнес:

– Гляжу я на вас и в который раз понимаю, что в мирах наших всё ой как запутано. Когда русалочьему сыну суть возвращал, всё казалось простым и понятным. А сейчас даже ума не приложу, что же для Рыжули сделать можно...

– А что тут сделаешь? – с отчаянием произнес младший Ветер. – Весь арсенал переданных мне сведений готов обменять на один простой ответ: как решить эту головоломку?

Как помочь белке избавиться от этого наваждения...

– Ну, такими вопросами не только ты задаешься. И хотя знаний у тебя – как в моих сокровищницах бриллиантов, но вот опыта в общении с противоположным полом – никакого.

– Что? – не понял Сашка.

– Надо еще научиться подаренные тебе премудрости на практике применять... А вообще, я рад, что у тебя такие чувства к Нине. Вон какое сияние от тебя исходит – целое царство осветить можно... Любовь такой силы испытать не каждому дано. Ты же хотел влюбиться по-настоящему?

– Так любовь вообще-то взаимной быть должна! – светлый воин с размаху ударил по витой колонне. Резной столб жалобно завибрировал.

– Строение-то здесь при чем? – осадил его Андрей. – Кто тебе сказал про обязательную взаимность? В Темном Запределье целые корпорации на энергии неразделенных чувств работают. И прибыль их год от года только растет... Ну и что ты теперь делать собираешься?

– А что мне делать? Что ты прикажешь мне делать? – сжал кулаки Бродяга. – Попробую как-то помочь зверушке – найти таких, как она. Надеюсь, обретет наша Рыжуля счастье свое.

– А о своем счастье задуматься не хочешь? Сам со златовласой Хранительницей наедине хоть попытался поговорить? Ты не забыл, что нам через неделю предстоит сделать? Время уходит – как бы совсем тебе шанс свой не упустить.

Если я не ошибаюсь, на нее наш Человек-Сергей заглядывается.

– А что я сделаю, если она даже не смотрит на меня?

– Слушай! – вскочил Андрей со скамьи. – А может, всё же решишься побороть робость свою, с Ниной сблизиться как-то? В конце концов, выяснишь, есть ли у тебя шанс на взаимность. А то всю неделю так и будешь в уголке вздыхать...

– Попробовать, что ли? – задумчиво склонил голову Сашка. – Может быть, увидев меня с Ниной, Рыжуля забудет про свои чувства ко мне и обретет счастье с кем-то другим? Но...

– Что опять?

– А чувства Человека-Сергея? Ему ведь тоже Нина нравится! Разве можно у друга девушку отбивать? Не по-мужски это как-то...

– Чувства... опять чувства... – потер подбородок Андрей. – Но, если подумать, им же всё равно вместе не быть...

– Нам всем вместе не быть... – с горечью ответил Александр. – Быть вместе с той или с тем, к кому душа тянется, ни один из нас не в состоянии... Но мы-то с тобой и с девами к слиянию идем. А наша Хранительница талисманов что, совсем одна здесь останется?

– С Клавдией.

– Нет, та к своему ненаглядному волку вернется. А белке что, одной век вековать?

– Ну так сосватай ее за кого-нибудь. Время пока есть...

– Еще чего!

– Да теперь-то чем ты недоволен?

– Не знаю... Отстань.

* * *

Сашка пригласил Нину прогуляться. Видя, как они неспешно спускаются по тропинке к реке, Рыжуля всхлипнула, вскарабкалась на самую верхушку березы и затерялась в густой листве.

«Подруга, ты где?» – подошедшая Клавдия отправила ей мысленный посыл.

«Нет меня!» – последовал ответ.

«Слезай давай. Поговорим».

«Ты меня и оттуда хорошо чувствуешь».

«Вот именно – чувствую, – отозвалась волчица. – Иди уже ко мне, выговорись. Всё полегче станет...»

Они сидели под березой, молча общались, понутив головы.

«Я всё понимаю, – мысленно шептала белка. – И разницу в потенциалах, и в физическом строении. Но душу-то мне куда деть? Она же рвется на части от неразделенных чувств! Как унять эту боль? Как заглушить зов сердца?»

«Ну, это ты зря говоришь. Слышала же Хранительницу: духовные потенциалы у вас очень даже совпадают. Я тут вот что подумала, – покрутила головой Клавдия, – сдается мне, что вовсе не к младшему Ветру душой тянется наша хозяйка».

«А мне что с того? Если Нина его отвергнет, так он что, на белку внимание свое обратит? Я же чувствую, какая любовь в душе у него разгорается! А кого он любить здесь может? А?! Только хозяйку нашу, только ее! – с надрывом воскликнула Рыжуля. – Что мне делать? Что?! Разум твердит одно, а сознание о какой-то надежде всё время шепчет... Какая тут может быть надежда? На что надеяться? На то, что человеческая ипостась себя белке посвятит? Кто я для него?.. Домашний питомец, которого только в клетку посадить и с руки семечками кормить?! Я с ума сойду от этих переживаний!»

«Тогда не думай о нем, забудь! Обрати свой взор на подобных себе. Наверняка в других пространствах сохранились еще белки осторожные. Тогда и влюбишься по-настоящему, семью создашь, род продолжишь. Ты же, как-никак, перед родом свои обязанности выполнить должна».

«А-а-а, не могу! – навзрыд заплакала Рыжуля. – Я хочу только его! А если не с ним, тогда вообще никого никогда рядом со мной не будет! Не может быть! Просто не может!!! А как мне вести себя с ним? Как? Разве возможно такое?!»

«Ну, успокойся, чего расклеилась? – пыталась уgomонить ее Клавдия. – Ты же у нас всегда такая сильная, неунывающая».

Белка, всхлипнув последний раз, вскарабкалась на спину волчицы, уткнулась носом в пышный загривок. Она еще

немного повздыхала и, свернувшись клубочком, затихла.

«Ничего, хорошая моя, справимся, – отправляла ей свет своей души Клавдия. Шерсть ее излучала волшебное сияние, сконцентрировав вокруг Рыжули целое облако сверкающих кристаллов. – Кто из нас в переплет не попал? Выживем, пробьемся. Ты только знай, что я никогда тебя не оставлю. Я – с тобой...»

С крыльца за собеседницами наблюдала Нина. Она так остро почувствовала переживания рыжей подруги, что не смогла больше ни минуты оставаться рядом с младшим Ветром и попросту убежала от него. И сейчас Хранительница, опираясь на резные перила, от всего сердца поддерживала белку своей энергией. Но вмешиваться в разговор не спешила. Ее тоже мучил вопрос: «Ну почему, почему нельзя быть вместе с тем, кто так искренне и преданно любит?»

* * *

Поутру, лишь только взошло солнце и обогрело всех животворящим теплом, Антонина вышла из кокона. Она спустилась с крыльца во дворик, с осторожностью огляделась, прислушалась к течениям внутренних энергий и присела на скамью у калитки.

«Привет, красавица моя! С прибытием на Светлую сторону, – запрыгнула на голубой заборчик белка. – Как чувствуешь себя?»

«Доброе утро, спасительница, – улыбнулась дева в от-

вет. – *Как-то странно ощущать себя без бушующего внутри жадного пламени».*

«А ты другой огонь зажги, солнечный! – затараторила в ответ Рыжуля. – Человек-Сергей тебя в горы отведет. Там всё и случится!»

«Что случится?» – подошла к ним Нина в сопровождении Клавдии.

«Обращение!» – радостно всплеснув лапками, воскликнула рыжая непоседа. – *Обращение и возвращение сути изначально!*»

– Здравствуй, родная моя! – Нина, сжав руки, остановилась напротив Воительницы, не зная, как поступить.

– Здравствуй, – коротко бросила белокурой Хранительнице Антонина. Она не поднялась со скамьи, не кинулась в объятия своей половинки. Напряженно следила за ней взглядом прищуренных глаз.

«Что-то такая долгожданная встреча происходит совсем не так, как я себе представляла», – покачала головой Клавдия.

– А кто сказал, что встрече этой рады все здесь присутствующие? – вдруг враждебно спросила Антонина.

– Что? – удивленно протянула Нина.

Белка и волчица с недоумением воззрились на Воительницу.

– С твоей стороны три луны сияет. Сколько лунных дорожек можно было сплести? – с напором произнесла амазон-

ка. – Что-то я не замечала вашего жгучего желания на ту сторону вернуться и меня от тьмы освободить... Хоть как-то помочь... – Дева, скрестив на груди руки, отвернулась от своей половинки.

– Так я и плела! Вон сколько их – целый амбар за восемьсот-то лет! – с волнением ответила Нина. – Только дорожки эти сквозь глухую стену забвения к другим пространствам пробиться не могли. Предводитель к Светлому Запределью все пути перекрыл, все ходы запечатал. Чего я только не предпринимала, какие тропы нехоженные не исследовала – всё без толку, – развела она руками. – Только и осталось у нас, что моя полянка, река да каменные горы вокруг. Остальное пространство Жеглард захватил, темным пологом накрыл. Всех окрестных Хранителей заморозил. Мы с Клавдией да Рыжулей остались. Прочие либо в темень безвозвратно канули, либо в приграничье спрятались, голову поднять боятся.

– А что с Высоким ледником? – обернулась Воительница. – Еще есть возможность туда пробиться?

– Вспомнила наконец, – грустно улыбнулась Хранительница. – Высокий ледник медведи охраняют. Граф со своими войсками туда не сунется никогда. Да и не с руки ему с Ледяным Духом силой мериться. Он к Повелителю Льдов свои методы воздействия норовит применить: столетиями к сотрудничеству склоняет, дарами да подношениями задабривает, всё в соратниках его надеется увидеть. Но дух всегда

сохранял нейтралитет. И хорошо. Иначе как Санию человека нашего от жизни к жизни осветлять, к Свету возвращать?

– И как же вы справляетесь? – Антонина вдруг поняла, что не только ей трудно пришлось. Перед глазами у нее возникла картина, где она, безрассудно взмахнув страшным хлыстом, чуть не убила Нину в пещере Жегларда. А та, хоть и двинуться от увечий не могла, но была в сознании. Однако сейчас, стремясь к объединению, ни словом, ни взглядом не напомнила Воительнице об этом страшном инциденте.

– Пока ты в темной пещере была, наш Человек-Сергей не мог свою миссию выполнить, – продолжала белокурая красавица. – Сознание его не было цельным. Конечно, без тебя трудно нам приходилось. Но мы держались, Свет в сознании человека нашего восемьсот лет хранили... А теперь и ты с нами. С нами же? – Нина с надеждой взглянула в ее зеленые глаза.

Она порывисто шагнула к амазонке, открывая свое сердце, всей душой потянувшись навстречу.

И, глядя на эту нежную красоту, на открытость и добросердечие своей половинки, воинственная дева оттаяла. Ей вдруг невероятно стыдно стало за свою резкость. Она стремительно поднялась, подошла к Нине и взяла ее за руки. Заглянула в глаза и обняла. И, сама того не ведая, вдруг заплакала. Слезы градом катились по ее щекам:

– Какая же я эгоистка! Прости меня! В своих страданиях погрязла, совсем не задумывалась, как тебе тут одной при-

шлось. Ты же у меня такая хрупкая, такая ранимая... Кто же о тебе все эти столетия заботился?

– Да мы что, мы справились... – прижалась к ней Нина, сама прослезившись и радостно, с облегчением улыбаясь. – Клавдия да Рыжуля помогли мне. Без них я бы точно...

– Женские слезы... – тихо послышалось с крыльца. – Может быть, нам попозже подойти, когда наши милые дамы успокоятся?

Девушки обернулись. На крыльце, не успев вовремя ретироваться, стояли смущенные братья.

* * *

До Троелуния оставалось всего семь дней, а поговорить с Антониной наедине старшему Ветру так и не удалось... Вслед за братьями на крыльцо вышел Сергей и, в очередной раз просканировав сознание Антонины, забеспокоился, стал спешно собираться в Синие горы.

Нерц, отчаявшись, отправился в Ветренный Замок. Ему необходимо было завершить все свои дела и помочь матушке перенастроить оборудование в подземных лабораториях, чтобы светлые души спокойно возвращались в миры и без его участия.

Сашка не знал, куда себя деть, и, чтобы не встречаться с Ниной и не травмировать этим Рыжулю, принялся оттачивать искусство боя. Он целыми днями пропадал на заливном лугу у реки, стараясь как можно реже приближаться к дому.

Ему и к столу приходиться не было нужды: подаренный братом изумрудный перстень, воплощающий любые замещения, за просто создавал ему пищу.

Белка в ответ тоже решила действовать – собралась в западную часть Светлого Запределья, «чтобы навестить дальних родственников» (на самом деле – чтобы не видеть Бродягу, не бередить израненную безответным чувством душу). Благо волчица отговорила ее от столь необдуманного шага. Нина и Клавдия упростили Рыжулю отвлечься от мрачных дум и познакомить их с новыми друзьями, поселившимися в Светлом озере. Вместе они навестили Ефима с Нежданкой и подружились с бравой щукой.

ГЛАВА 39

Стоило Нерцу появиться в своем дворце, как ему снова вручили послание. Из мира людей прибыл важный курьер и с невозмутимым видом передал прямо в руки князю большой пакет с гербовой печатью.

Дождавшись момента, когда молодой хозяин Замка Ветреных Земель, быстро пробежав глазами по строкам, дочитает сообщение до конца, посыльный с поклоном осведомился:

– Что передать моему господину, Ваше Темнейшество?

– Сообщите, что буду. Непременно буду. Точно в назначенное время, – последовал ответ.

Посыльный откланялся, а Смерч заново перечитал пись-

мо. Его приглашал Вольдемар. Вернее, сам господин фон Шауб назначил ему встречу в Главном министерстве Тьмы в мире людей. Нерц задумался, совершенно по-новому вспоминая подспудное вторжение, поэтапное вклинивание темнопостранственного зодчества в материальные миры планеты...

* * *

Находится министерство Тьмы в изнанке пространства, и прицепилось оно к миру людей так хитроумно, что имеет физическое воплощение практически в каждом государстве. На месте выхода черных энергий в «подведомственных странах» выстраивались сначала замки, затем промышленные районы, а в новом столетии воздвигаются уже строгие офисные здания с отражающими солнечный свет черными стеклами.

Проникающая в мир людей тьма поначалу лишь сочилась грязными каплями. Но, набрав за века силу, потекла в растленные души мутными ручейками, а в последние годы нагло, почти не скрываясь, ринулась в умы людей сплошным потоком. Непроницаемые небоскребы и небольшие, в три-пять этажей зеркальные кубы плотной сетью покрыли поверхность Земли за каких-то десять-пятнадцать лет. Переходя с этажа на этаж, шпионы Темного Запределья и служащие-земляне (ведающие от тьмы) могут попасть из одного государства в другое за считанные минуты. За дымчатым

стеклом плетутся всё новые интриги, воплощаются заговоры, вершатся судьбы.

Три процента из всех живущих на Земле – ведающие. Они во все времена знали о том, что происходит на самом деле, поэтому и про негласное вторжение темных им прекрасно известно. Но подавляющая их масса – это двести миллионов прислужников тьмы. А остальные – Идущие-к-Свету. Их и с самого начала было раз в пять меньше, а со временем и во все поредели их светлые ряды... И вот эта жалкая горстка, распределив свои силы, стойко хранит тайны древних, держит в узде более чем двухсотмиллионную армию... нет, не людей, уже полубесов.

«Избранные» люди в бесконечной гонке за деньгами и призрачной властью запросто отдают для мрачного преображения свою изначальную, светлую суть. Завербованные тьмой ведающие бездумно выполняют приказы извне и без лишних рассуждений претворяют в жизнь замыслы чуждых правителей. Планета, преданная своими детьми, всё крепче опутывается паутиной зла.

Человечество (точнее, девяносто семь его процентов) и не догадывается о таком наглom вторжении в умы и судьбы жителей Земли. Им, мятущимся, загруженным тяготами повседневных проблем, незачем отвлекаться на размышления о том, почему в их жизни всё так печально. Они просто живут, борются, влюбляются, страдают, решают насущные вопросы, и нет у людей ни сил, ни времени на что-то иное.

А ряды ведающих – тех, кто реально мог бы сделать жизнь людей лучше, – темнеют с каждым столетием. Легионы мрака, обманом запустив жадные щупальца в нестойкие сердца, правят на Земле почти безраздельно. Почти. Потому как полной власти до сих пор добиться не сумели. Есть несколько стран, руководимых «глупыми и недальновидными» вождями, которые ну никак не могут уразуметь, что страсть, власть и деньги давно правят на планете людей. Но главы этих государств слушают голоса скрытых вдали от цивилизации последователей Света Изначального, которые и руководят до сих пор обороной Земли. И никакие черные планы не могут разобщить оставшихся светлых ведающих, самоотверженно сберегающих крупницы наследия когда-то Великого Государства Земли.

Всего-то тридцать шесть тысяч светлых осталось из первоначальных сорока миллионов...

Еще четыре тысячи невероятно сильных запредельщиков, воплощающихся в образах Человеков Земли, призваны были сквозь века держать оборону – каждый на своем уровне. Каждый в своей ячейке – опорном пункте, что накрепко связывает духовной нитью запредельное и человеческое пространство. Но, благодаря стараниям Черных Предводителей, почти все ячейки изначальной матрицы опустели, потухли. Лишь девять продолжают сиять Светом Запредельным, сберегая планету людей. Всего девять...

Однако сила Человеков, что объединяют миры и направ-

ляют Идущих-к-Свету, до сих пор необычайно велика. И пока хоть один Светлый Человек на посту – какой бы многочисленной ни была армия мрака, захватчикам ничего не остается, как ждать своего часа, целенаправленно расшатывая Светлые Устои в умах и душах мятущихся людей, и с вождением наблюдать за работой Черных Предводителей. А еще – следить за чашами Весов Двух Сил...

«Да-а... – вздохнул Нерц-Андрей. – Черные Предводители, такие как маркграф Жеглард, уже многие века охотятся за Человеками... Сколько их осталось на Земле, Человеков настоящих?.. И как нам зажечь угасшие ячейки матрицы?»

* * *

Князь вернулся мыслями к отправителю приглашения: чиновник, обладающий черной печатью – знаком могущества, сравнимого разве что с властью самого... Недаром говорят, что старый фон Шауб служит только ширмой, а настоящим отцом Вольдемара является... Да об этом даже думать запрещено!

Если покопаться в родословных, тщательно скрываемых от любопытных глаз обывателей, получается следующее: Всевластительный Господин дал Нерцу право продолжить дело Темнейших Черных Смерчей, ведущих род свой от одного с Повелителем Тьмы корня. И, если учесть, что сам старый Смерч являлся двоюродным племянником Наипугающего Правителя, а тот, успев в свое время поразвлечься с

речной русалкой, дал возможность Вольдемару воплотиться в Запределье, юный Смерч и русалочий сын были родственниками. Дальними, но всё же...

Может быть, поэтому Вольдемар решил помочь? Хотя Ветер прекрасно понимал, как «дорожат» темные родственными связями. Что же подвигло зеленомордого на такой поступок? Надежда на большой «откат»? Вряд ли... Тогда что? Не благодарность же за ночь с тремя красавицами... Это чувство темным вообще незнакомо.

Князь еще раз проанализировал данные: Вольдемар фон Шауб, чиновник высшего ранга, имеющий неоспоримое, решающее право голоса едва ли не во всех комитетах и являющийся членом правлений почти всех конгломератов, входящий в состав директоров практически каждой перевалившей по своей прибыльности за сто миллиардов годового дохода фирмы... Не сам, конечно. Через тщательно отобранных соответствующими службами доверенных лиц.

И хотя старт головокружительной карьере отпрыска Всетемнейшего был дан по указке свыше, но что и говорить – мозгом Вольдемар обладал явно незаурядным. Если можно так выразиться, это был самый настоящий зеленокожий Эйнштейн, только в политической сфере... Наипугливший господин по праву мог гордиться достижениями порожденного им ублюдка. И обладатель черной печати в своих темных делах до сих пор готов был превзойти любого, шагать по головам, не замечая препятствий и презрев любые возра-

жения, – лишь бы добиться цели. А тут вдруг такой неожиданный поворот...

Из письма следовало, что на обсуждение чиновников темного и людского правительства (которые в особо важных случаях объединялись, включая в себя почти всю верхушку представителей земных государств) выдвигался новый проект князя Темнейшего. Проект этот, сообразно высокому положению изобретателя и огромным связям чиновника по особо важным поручениям фон Шауба, в реестре заявок на патент неожиданно оказался под первым номером и отличался пышным и в то же время расплывчатым названием: «Возвращение изначальной сути определенной прослойке человеческого общества».

Юному Смерчу предстояло выступить перед собранием и доказательно обосновать рациональность своего открытия, успех предприятия в Темном царстве и его пользу для правящей верхушки людских государств. Кроме того, для большей убедительности Нерцу, со всем уважением и признанием его высокого статуса, а также заслуг в исследовательской деятельности, рекомендовалось обдумать создание общества или товарищества по интересам.

* * *

В человеческом мире жизнь текла своим чередом.

Величественное здание министерства встретило князя Темнейшего и его блестящую свиту поклонами и расшарки-

ваниями. Любому чиновнику хотелось иметь такого важного господина в соратниках и соучредителях. Ну, на худой конец, просто в акционерах. А если не его самого, то хотя бы кого-то из его подчиненных... Потому как, невзирая на запрет для госслужащих иметь бизнес, участвовать в нем или управлять делами от имени родственников, КАЖДЫЙ из власть имущих зарабатывал как мог. А могли они... очень многое. Чем больше власти, тем больше денег. И наоборот.

В коридорах высоких инстанций в руки помощников Нерца пытались сунуть кто визитку, кто предложение о сотрудничестве, а кто и просто подношение! Как добиться аудиенции у важного сановника, подчиненных князя спрашивал чуть ли не каждый второй. Но, властным взглядом отшвырнув от себя лебезящую чиновничью братию, Нерц с высоко поднятой головой проследовал в зал заседания.

Он знал всё, о чем говорят в правительственных коридорах, внутри всевозможных фракций и течений, в министерствах, в средствах массовой информации. Да что ему досужие разговоры – он насквозь видел души каждого встреченного на пути карьериста, службиста и формалиста! И ему не было дела ни до одного из этих напрочь прогнивших, жаждущих только власти и денег чинуш.

Проект молодой князь представил блестяще. В ораторском искусстве равных ему в мире людей попросту не было. Ему аплодировали. Чиновники уже подсчитывали в уме барыши от такого завидного предприятия. И, конечно же,

сразу выстроилась очередь из желающих принять участие в финансировании проекта. Но всех подвинуло Объединенное Темное Государство, обозначив свое непререкаемое желание стать единственным соучредителем влиятельного изобретателя. Князь милостиво соизволил пойти навстречу, оставив за собой право согласовывать все действия с господином фон Шаубом. По инстанциям тут же полетели приказы, постановления, распоряжения о выделении средств, предоставлении ресурсов, наборе специалистов...

По окончании заседания Величайшего Совета два влиятельных господина невозмутимо вышагивали по богатым коврам высочайшего ведомства, обсуждая детали предприятия, отдавая распоряжения следующим за ними по пятам помощникам, справедливо полагая, что отведенное на подготовку проекта время нужно использовать для подбора и обучения персонала, а не тратить его на пустые дискуссии в кулуарах власти. Тем более у обоих не было ни времени, ни желания выслушивать лицемерные поздравления завистников.

Затянув знатного вельможу в переговорную, где не имелось камер наблюдения, важный чиновник мгновенно преобразился и, тут же забыв о проекте, вывалил на князя переживания и ощущения от последних дней и ночей:

– Нерц! Ты себе не представляешь! Я – мужик! Я такой... такой! Мужик я! Ничего подобного от самого воплощения не испытывал! – он в исступлении тряс руку князя. – Я тебе

по гроб... по... в общем, вечность обязан буду! Я вообще... да я тебя... ну, ты понял! – он хлопнул Смерча по плечу и едва не обнял его от избытка чувств. Сдержался, помялся немного и вновь ринулся к нему, раскинув руки.

– Я действительно рад! – ответил Нерц, улыбаясь. И, ловко увернувшись от объятий новоявленного мужика, с поклоном нежно поцеловал руку Анжелике, только что впорхнувшей в переговорную.

Во взоре Вольдемара плеснулась ревность, но красавица обернулась к нему с такой нежной и очаровательной улыбкой, взглянула в его глаза с таким обезоруживающим обожанием, что чиновник, забыв обо всем, растянул рот чуть ли не до ушей:

– Дева моя дивная!

Затем взял себя в руки и, глянув на часы, важно сообщил:

– Назначенное время подошло. Ну, вы тут беседуйте пока, а я – за высочайшей резолюцией! Лично прослежу, чтобы всё оформили как полагается...

Рыжеволосая красотка в искристом обтягивающем платье и роскошной собольей шубке выглядела сногшибательно. Она словно из спа-салона явилась, а не с многодневно-многоночной оргии.

– Ты молодец, Анжелика, – почему-то с грустью улыбнулся ей Нерц. – Исполнила все мои пожелания в отношении клиента в точности. Теперь скажи, чего сама желаешь.

– Послушай, Нерчик, – она смущенно взяла его за рукав. –

Может, ты и вправду меня отпустишь? Знаешь, мне впервые за столетия вдруг захотелось тепла, домашнего очага, сильного мужчины рядом. Нормальной семейной жизни... Вольдемар, конечно, не красавец. Но он смешной, нежный и ласковый. И такой заботливый... Честно! Ты же говорил, что отпустишь, если попрошу.

– Отпущу... Отпускаю... – Ветер с доброй улыбкой обвел вокруг шеи девушки витиеватым заклятием. Три острых шипа вышло наружу. Нерц осторожно, чтобы не навредить Анжелике, вынул их, собрал в одну хищную живую иглу – и развеял амулет подчинения и обожания в пространстве. Потом немного подумал, словно что-то вспоминая.

– Это еще не всё. Снимай шубку.

Она безропотно, будто и не освобождалась от действия заклятия, подчинилась. Сшитое по последней моде платье без рукавов выгодно подчеркивало точеные руки девушки. Смерч нежно провел пальцем по ее предплечью, полушепотом произнес несколько слов. Татуировка в виде змеи, хищно обвившей руку красавицы от запястья до плеча, осыпалась на пол черной пылью. Обряд освобождения прекрасной девы от любых чар состоялся. О том, что обряд этот светлый, Нерц предусмотрительно рассказывать не стал. Но Анжелика вдруг загадочно улыбнулась, словно что-то вспомнила. Она радостно взглянула в черные глаза юноши и сказала:

– Люблю ветер, обожаю свободу.

– Теперь твоя судьба полностью в твоих руках, – немного

озадаченный ее словами, проговорил князь. – Желаю тебе... простого женского счастья. Я знаю, для вас, представительниц прекрасного пола, это очень важно, – кивнул он с грустной улыбкой и помог деве надеть шубку.

Издали почуяв приближение фон Шауба, предусмотрительно отошел от девушки и уселся в кресло.

* * *

В переговорную, шумно отдуваясь, ввалился Вольдемар: – Вот твой патент! – он торжествующе поднял над головой черную кожаную папку. Даже потряс ею для убедительности. – Теперь ты – первый производитель восстанавливающего изначальную ориентацию бальзама. Как тут у людей говорят: долг платежом красен? Я тебе за встречу со своей ненаглядной Анжеличкой сполна отплатил!

– Да, я так думаю, теперь твоя жизнь на сто восемьдесят градусов повернулась, а не только с Анжеликой свела, – весело улыбнулся Ветер, забирая из бледно-зеленых рук ценную бумагу. – А как же приемлемое и даже рекомендуемое сверху (вернее, снизу) разложение душ людских?

– У нас там решили, что твое открытие – проект успешный! – воодушевленно изрек бывший содомит. – В общем, мысль такая: вольнодумство необходимо искоренять! А у морально разлагающихся – ни стремления трудиться, ни веры в устои государства, ни слепого подчинения правительству. Поэтому принято решение: инакомыслящих либо в пе-

ределку, либо – к ногтю! А нормальный гетеросексуальный человек твердо знает, что необходимо трудиться-плодиться-размножаться опять же на благо государства. Маленькие такие винтики, кирпичики для строительства «светлого» будущего под началом сильных мира сего. А кто эти избранные? Конечно же, наши ставленники! – чиновник расплылся в самодовольной улыбке.

– Это как же вы мое открытие под свою систему подвернули?! – недоуменно воскликнул Смерч.

– А как ты хотел? – водянистые глаза Вольдемара подозрительно сузились. – Уж не на светлую ли сторону со своими изобретениями перейти решил? Смотри! Ты из-за своих радикальных методов и так уже под наблюдением у кого следует! Слишком свободно мыслишь. Как бы тебе это боком не вышло!

– Да ты что? – глянул на него округлившимися глазами князь. – Я – и на свет?! Да передо мной, благодаря твоему посредничеству, такие перспективы развернулись! – Смерч убедительно дал понять чиновнику, что желает немало заработать на своем открытии. Он, конечно же, знал, что за продвижение нового проекта Вольдемар получил огромную сумму, но благополучно затерял этот документ (а с ним и все выделенные средства) в своих обширных карманах.

Но Нерцу было всё равно, ведь он спокойно мог купить не только в одночасье перекинувшегося фон Шауба, но и все правительства, вместе взятые. Ему интереснее было видеть,

как сломанные куклы с извращенным сознанием становятся нормальными (с его точки зрения) людьми. И неважно пока, кто на этом нагреет руки. Потом и этот вопрос можно будет решить.

«У меня на сей счет собственные соображения имеются, – думал он, глядя сквозь ярко выражающего свои эмоции собеседника. – Если есть хоть малая предпосылка того, что замутненное сознание с моей помощью сможет вернуться в нужное русло, я буду только рад. А нет – я никого не принуждаю, пусть в следующей жизни на низшей ступени бытия воплощаются. Но если я могу помочь каждому с выбором естества, то не стану стоять в стороне».

Вольдемару вновь потребовалось бежать, решать какие-то важные вопросы. Галантно облобызав руку своей незабвенной, он удалился. Но, желая знать, что без него делает его желанная-благочестивая, он оставил незаметного (как самонадеянно решил) паука-соглядатая.

Перед его взором дева со скучающим видом разглядывала свежий маникюр, а повернувшийся к ней спиной Нерц читал полученный от Вольдемара документ. Со стороны казалось, что они вообще не обращают друг на друга внимания, занятые каждый своим делом. Но не тут-то было...

*«Анжи, – на ментальном языке обратился к девушке князь, – ты же понимаешь всю суть Вольдемара. Зачем он тебе? Ты точно **этого** хочешь? Я же освободил тебя от любых притязаний, от любых обязательств. Ты можешь*

делать всё что угодно, не стоит с этим... красавцем оставаться! Ты же как-никак богиня! Пусть чувственных удовольствий и сладострастия, но богиня же!»

«А ты думаешь, он своим умом дошел до того, чтобы тебе в получении патента помочь? Это же пусть качественно завуалированное, но настоящее высветление падших душ! Кто кроме него смог бы твое изобретение сквозь все чиновничьи препоны протолкнуть?»

Смерч щелкнул пальцами, и перед взором наблюдающего за ними паука повис морок, скрывающий истинное видение. Затем князь порывисто встал и, пристально всмотревшись в прекрасные зеленые глаза собеседницы, воскликнул:

«Так ты – не богиня! Ты – сама Любовь!»

«Ну да, – белозубо улыбнулась в ответ дивная дева. – Наконец-то догадался. Не всё же тебе одному темный мир высветлять. Я тоже желаю поучаствовать. Может быть, с моей помощью этот зеленокожий потомок русалок тоже когда-то на свет взглянет. Судя по его обращению в гетеросексуальную сущность, у него есть все шансы идти дальше-выше...»

Нерц, порывисто обнял Анжелику:

«Ах ты, моя Мата Хари! То-то я поначалу удивился, что Демарчик мне помогать взялся. А тут всё просто: Любовь правит миром!» – констатировал он.

«Ради своих любимых мужчины еще не на такие подвиги способны», – серьезно ответила дева.

«А как тебе вообще эта зеленая физиономия рядом? Ты, случайно, во время близости с ним меня не представляешь?»
– Нерц внимательно всмотрелся в ее прекрасные глаза.

«Не льсти себе! – с лукавой улыбкой ответила дева и долгим глубоким взглядом посмотрела на князя. – Ты знаешь, мой ветреный господин, когда Вольдемар настоящий, он такой красавец!»

«А сейчас он не настоящий, что ли?»

Собеседница взяла его руку, прижала к своей щеке, прикрыв глаза. Прислушавшись, подумала:

«Мой благоверный возвращается. Ты его, пожалуйста, по ветру не развеивай».

«Тебя так волнует его судьба?»

«Меня волнует судьба всей планеты, – помыслила в ответ красотка. – Чтобы в государствах земных что-то изменилось, необходимо у каждого из власть имущих душу пробудить, засиять ее заставить. Понятно, что единым махом этого не сделать. Но начинать-то с чего-то надо... Сначала один к небу глаза поднимет, за ним еще кто-нибудь рассвет увидит. Так, глядишь, потихоньку из маленьких искорок и новое солнце возродится».

Вольдемар вернулся в переговорную, и общение стало многополевым. Снаружи – непринужденная болтовня избалованных судьбой мажоров, а на ментальном уровне...

«Трудно тебе одной будет. Чем помочь?»

«Нет, что ты! Помощь не требуется. Я себя осознаю».

Осознаю, как никогда раньше. Мне теперь любые преграды ничем».

«Наверное, весь век буду себя корить, что в плену тебя держал, а в пространстве людском только отблески твои проглядывали. Любовь! Нерушимая! Представляю, что будет, когда Любовь всех воскресших души объединится и полностью проявится во всех мирах!»

«Ой, что будет! – радостно откликнулась Анжелика. – Любовь озарит весь род людской, жизнь станет настоящей. Мир в глазах человечества засияет всеми красками радуги. Ощущения у людей от общения, от соприкосновения с природой, от запаха трав и цветов, от свежего ветра, от такого огромного синего неба, от прекрасных открытий будут во сто крат сильнее и чище, сделаются просто необыкновенными! Полной грудью начнут дышать они, настоящей жизнью жить!»

Люди станут столько силы, столько счастья и энергии получать от общения с такими же, как они, проснувшимися! А от мира людей и все другие миры и пространства нашей планеты засияют яркой радугой. Ты еще Искренность и Сострадание освободи, а уж мы-то не подведем!»

Распроставшись с Любовью и ее подопечным, Смерч стремительно направился к выходу. Он уже не сомневался, кому принадлежат волшебные эманации, которые так любезно подарил ему дядюшка на очередной юбилей.

«Здорово придумал, сволочь желтоглазая, – размышлял

он, шагая по широким, устланным богатыми коврами коридорам. – Не зря же подлый дядюшка мне хвастался, что тщательно собирал с поля боя частицы души Антонины. А я даже подумать не удосужился, что он с ними во время своих экспериментов делал! Три таких великих, таких прекрасных чувства в блудниц превратил... Сам-то давно не в состоянии, так нашел, кому подсунуть! И наверняка наслаждался своими успехами в преобразении и растлении светлой сути, извращенец старый, когда я ему о своих приключениях с девами рассказывал. Подыскал себе добросовестного исполнителя сладострастно-развратных дел! А я-то... с удовольствием...» – Он стиснул зубы и вдруг резко остановился, нашел ментальную дорожку к сознанию прекрасной девы:

«Вот я кретин! Я поначалу совсем не подумал, чьей души ты великая суть! Так тебе же к Антонине надо. Скоро Троелуние».

«Я знаю. Я всё успею», – последовал ответ.

«А с Вольдемаром как быть?»

«Он меня отпустит».

«О чем ты говоришь?! Он же нежить, способная заботиться только о собственном удовольствии!»

«Уже нет, – издалека ответила Анжелика. – Слишком много света в нем, чтобы нежитью стопроцентной быть».

«Он не согласится, он же влюблен в тебя без памяти!»

«Поэтому и отпустит».

Нерц немного помолчал, вздохнул и помыслил:

«Ну, если что, я всегда с тобой. Что бы ни случилось».

«Конечно, – засиял в общем сознании ответ. – А я всегда в твоём сердце».

* * *

Ментальная связь прекратилась. Нерц уже летел всё выше и выше к звездам, без конца прокручивая в голове слова прекрасной девы по имени Любовь. Он так увлекся, что подсознанию, которое всё это время безрезультатно пыталось пробиться сквозь мечтательное настроение князя, пришлось от души стегнуть его изнутри широким хлыстом: «Стоп!»

Опомнившись, Ветер огляделся, ощутил присутствие Хаоса и замер на месте. Так близко к Абсолюту он не был никогда! Жизнь и смерть, конец и начало, правда и ложь, созидание и разрушение глянули на него своим безбрежным оком. Столько мощи! Столько власти! Столько всепоглощающей первородной силы!

– Так вот он – Прародитель всех Князей Тьмы! – юный князь с трудом удержался от соблазна окунуться в это великое, это безграничное начало, раствориться в нем до единой капли, слиться с невероятным, беспредельным чуть подрагивающим пространством. Но что-то удержало его, отдернуло назад, вернуло к жизни, заставило мыслить ясно и трезво... Любовь.... Снова любовь...

Он недолго пробыл в запредельной выси, но что-то в нем изменилось. Что он там понял-увидел, что почувство-

вал? ВСЁ! Однако Нерц, со всей ответственностью восприняв действительность, отринул жажду власти. Просто сказал «нет» вторгающейся в сознание разрушительной силе. И та отступила. Дрогнув, оставила его суть, не смогла проломить выставленный ментальный заслон. Потому что ничто не может превозмочь силу мысли, озаренной Светом.

И пришло осознание. Осознание собственного «я». Осознание верности выбранного пути.

Сложив широкие крылья, Смерч всё быстрее мчался к земле, прорывая пространства и лихорадочно размышляя:

«Надо вернуться к тому, с чего начал. Надо расставить всё по местам. Что я упустил? Что? С матушкой встретился, крылья обрел. С проектом всё сложилось, с братом все дела наметил, с бесами-отступниками план действий разработал. С девами вопрос решил – всех отпускаю. С человеком еще встретиться необходимо... Но это после, в самом конце...

Что же еще?.. Нашел! Все подарки дядюшки были в том браслете. И девы, и моя точная копия, с которой я так безрассудно предавался разгульным забавам. Если девы – эманации Антонины, то кто же тогда мой двойник?»

* * *

Черному Замку маркграфа Жегларда требовалось много света. Неживого, белого, холодного света. Паровые котлы производили электричество днем и ночью. И для освещения, и для работы подземных лабораторий, где хозяин тво-

рил свои темные страшные дела. А еще Предводитель любил, чтобы в покоях всегда было тепло.

«Надо же! Нежить, а тепло и комфорт ему подавай!» – мысленно буркнул про себя Молчан – хмурый широкоплечий кочегар-полукровка, подбрасывая в топку очередную лопату древесного угля. Он полностью соответствовал своему имени – угрюмый, необщительный, замкнутый. Он не любил окружавшую его нежить, презирал загнанных в рабство людей. Все они были ему неинтересны – вечно жалующиеся на судьбу и грызущиеся между собой обыватели.

Его отец тоже был кочегаром. Поверженный в давней битве богатырь, утративший после тщательной ментальной обработки былое величие. Жеглард пленил воина обманом, вынул из его естества всё, что мог, – и силу воли, и стремление к свету, и боевой дух. Могучему человеку оставили... нет, не жизнь, а лишь возможность существовать. Сделали из него сильное выючное животное, чтобы не сопротивляясь тянул свою лямку.

Мать Молчана, развеселая бесовка, обладавшая недюжинными знаниями в приготовлении различных запретных снадобий, без труда приворожила к себе статного человека с потухшим взглядом. А когда на свет появился ребенок смешанных кровей, так же запросто спихнула малыша на попечение безвольного мужлана (как она со временем стала называть своего избранника) и с невероятным рвением набросилась на очередную бесхарактерную жертву.

А в новоявленном отце вдруг что-то проснулось – искрой вспыхнуло в опустошенной душе при виде отчаянно ревущего младенца. Низложенный богатырь, точно пушинку, поднял хрупкое тельце на руки и в порыве нежности прижал малыша к широкой груди, пытаясь защитить от всего мира, и... вдруг вспомнил всё, что было с ним прежде. Но, к своему стыду, ничего уже не мог изменить.

Эта безысходность съедала остатки его души не менее жадно, чем огонь. И он до самой смерти бездумно кидал и кидал в жаркую топку тяжеленные лопаты с углем, отдавая яркому пламени боль и тоску по утраченной жизни, что некогда была наполнена светом и смыслом. В редкие минуты отдыха, глядя на пляшущие огненные языки, он рассказывал вечно чумазому сынишке о бесконечном степном просторе и выстроенных человеческой мыслью белокаменных городах, о свершениях таких загадочных и далеких людей и о великих битвах за правое дело.

«Что же это такое – правое дело?» – никак не мог взять в толк кучерявый малыш с такими же, как у отца, синими глубокими глазами.

...Вдруг мысли молодого кочегара прервал неясный шум. От кучи мусора, принесенного из верхних палат, послышалось: «Ух ты! Какая находка!»

Молчан обернулся. Хрупкая девушка в потертом переднике раскладывала на каменном полу рваные вязаные носки. Видавший виды платок соскользнул с русой головы, худень-

кие руки ласково гладили пушистую пряжу.

– Дунька! Ты что там делаешь? Разве не знаешь, что это из господских покоев?! Приказано сжечь было! Не трогай!

– Я и не трогаю ничего, – хитро глянула на него юная прачка, поправляя тугую косу.

– А это зачем взяла?

– А кто узнает, что взяла? Ты же никому не расскажешь? А я носочки эти распушу да тебе новый жилет свяжу. Твой-то совсем поистрепался, – Дуня заботливо оглядела его коренастую фигуру. – Нет, еще прознает кто, откуда обновка... Лучше я тебе от греха подальше носки новые спворю. Крепкую нить добавлю да и свяжу. Вон какая шерсть добротная, мягкая.

– Увидит кто – нам обоим головы не сносить.

– А кто увидит? Я их в свою корзину положу, тряпьем накрою – да и на речку полоскаться. А потом высушу да ниточки в клубочки смотаю. А в клубках вся шерсть одинаковая. Никто и не узнает, где я ее взяла, – девушка белозубо улыбнулась, глядя на кочегара снизу вверх лучистыми глазами.

– Ты платок-то пониже повяжи да взор на слуг господских не подымай, в землю больше смотри, – истопник подошел к девушке и провел черной от сажи рукой по ее лицу, чтобы лишний раз не глядел никто на замарашку.

«И как она смогла тут выжить с таким-то сияющим взглядом? – подумалось Молчану. – Как ее в лабораториях своих наш Предводитель на части не разобрал?» От одной этой

мысли у него непроизвольно сжались кулаки, и он стремительно отвернулся к огню.

Дуня, глядя на его широкую спину, в сотый раз подумала: «Красивый какой, синеокий... Куда мне до него... Такой статный парень никогда не посмотрит на невзрачную хромоножку».

Тяжело вздохнув, она спрятала носки в тряпье, затем повязала голову платком и, прихрамывая, направилась на нижний двор, где в пределы замка сквозь густую решетку в стене втекала неширокая быстрая речушка.

В этом месте ни один темный не появлялся. Как ни старался Жеглард занавесить всё небо над своей цитаделью грозowymi тучами, в самой дальней части его владений, как раз рядом с весело журчащей водой, маленький клочок освещенной солнцем земли в любое время года упрямо заявлял о своем намерении быть. Избавиться от солнечного пятнышка никак не удавалось, а другого места с открытой проточной водой не было. Поэтому белье в замке стирали только рабыни из людского племени.

И сейчас каменную площадку у реки всю заливало полуденное солнце. Устроившись у небольшой заводи, Дуня, стараясь вымыть из носков въевшуюся многолетнюю пыль, выложила их в выдолбленное в камне объемное углубление. В этом своеобразном корыте уже успела нагреться предварительно налитая кем-то вода. Сама же девушка с тяжелой корзиной в руках спустилась по каменным ступеням к реке.

Выполоскав тряпье в проточной воде, она с трудом поднялась наверх – и удивленно ахнула: ни носков, ни воды в корзине! Ну вот ни капельки!

Озадаченная прачка, прикрыв ладошкой рот, оглядела неширокую залитую солнечным светом площадку, всмотрелась в заросли колючего кустарника, карабкающегося по отвесным скалам. Никого. И кто же мог украсть украденное ею?

ГЛАВА 40

Вернувшись на Темную сторону Запределья, юный князь в первую очередь решил разобраться со своим двойником – узнать, кто он на самом деле.

Смерч промчался по небесным просторам, остановил взгляд на горном пике, гордо возвышающемся над белым морем облаков. Спланировал на снежный утес, огляделся. Вызвал из браслета Симбаллера и обрушил на него всю мощь полуденного солнца.

– Говори! Кто ты, откуда? – Нерц пристально смотрел на вжавшуюся в снег сущность, от которой во все стороны растекались мутные потоки тьмы.

– Я – это ты... Я – часть тебя, – с трудом прошептала его копия. Солнце жгло ее немилосердно.

Смерч потянул из двойника энергию ощущений: «Честь или Честность – не могу понять. Чьи это ипостаси? – Он

слегка ослабил солнечное давление, прислушиваясь к издаваемым двойником энергиям. – Мои?! Ничего себе!»

Скорчившись на белом снегу и словно истончаясь под испепеляющими лучами, клон глянул на него сквозь жгучую боль прищуренными глазами, прикрываясь от слепящего солнца ладонью:

– Так быстро, так ярко... я не выдержу смены потенциала... Господин, пощади!

– Ладно, привыкай к новой жизни. – Загородив его от света снежной стеной, Ветер с интересом разглядывал свое зеркальное отражение. Раньше всё было просто: вместе они совершали немало гадких деяний. Но теперь? Теперь-то они разные... И Честь какая-то не совсем... честная, что ли? Может быть, это потому, что еще не закончилось высветление? Нерц с сомнением смотрел на второго себя.

Двойник, немного освоившись, присел на снег, предварительно подстелив плащ из драконьей кожи. Морщась от яркого света и поеживаясь от холода, он отвечал на вопросы хозяина легко, без запинки, словно заранее готовился к этому разговору.

– А как ты у дяди оказался?

– Это я хорошо помню. Тебя обратили, расщепили на чувства и эмоции. Уничтожить нас невозможно. Поэтому твой приемный, так сказать, отец меня Предводителю для опытов отдал. В уплату за ингредиенты. Вот господин... граф Жеглард из меня ловеласа и собутыльника для тебя сделал. Об-

ращенная Честь – очень хороший подарок, ценный! – он с грустной иронией усмехнулся.

– Ну ладно, время не ждет, – Ветер протянул руку, – давай уже объединяться. Нам еще столько сделать предстоит!

Двойник, жадно схватившись за его пятерню, словно вслушивался в ощущения Ветра: почему-то медлил, не спешил сливаться с ним в единую сущность.

– Так ты сбежать задумал? – не поверил клон в то, что успел считать с сознания Нерца через одно только прикосновение.

Нерц отшатнулся, попытался вырваться из крепкого захвата, но не смог. Жадная сущность тянула из него энергию с невероятной скоростью, заглатывая эмоции, знания, силы, словно голодная акула.

Двойник, не выпуская кисть князя, медленно поднялся. И вдруг, сделав стремительный шаг и судорожно схватив Смерча за вторую руку, страстно зашептал:

– Уйдешь ты из Запределья в человеческий мир, а кто узников темниц к свету возвращать будет? Давай не объединяться, а делиться. У нас двоих теперь столько силы! На тысячу миров хватит. Ты в пространстве людей будешь вахту нести, а я здесь останусь – свое дело делать!

– Силой делиться?

Нерц вдруг задержал взгляд на обуви двойника. Сапоги из драконьей кожи... Как и плащ, на котором тот до этого сидел и почему-то ухмылялся. Плащ не давал снегу вытянуть из

существа тьму... Как Симбаллер смог за мгновения столько узнать? Почему он так коварно улыбается?!

– Кто ты?! – воскликнул Ветер, вырвавшись.

Он взвился в воздух и движением пальцев создал вокруг своей копии крутящийся вихрь.

Но за секунды напитавшаяся энергией Ветра сущность без труда разрушила ревушую стену, легко поднялась над снежной пустошью, не страшась уже и солнечного света. Симбаллер нагло усмехнулся: что ему – солнце?! Ведь он, будучи частицей Нерца, не обязан сидеть во тьме. А делать черные дела в обличии князя солнечный свет распоясавшемуся клоуну ничуть не мешал.

– Я такой коварный, такой вероломный и двуличный... Я притворюсь кем угодно, сделаю что угодно для достижения своих целей, для воплощения своих черных замыслов! А если планы моего истинного господина Жегларда совпадают с моей уже давно вынашиваемой мечтой – то это даже лучше! Это – двойной сюрприз для тебя, так долго ненавидимого мною чистоплюя!

Взбунтовавшийся шут расправил черные крылья и завис напротив вчерашнего собутыльника и господина:

– Я столетиями искал лазейку в твой разум. Но ты постоянно был настороже, не поддавался моим чарам. Ты всегда был первым, непревзойденным, непобедимым... А это неправильно. Очень неправильно... Ты – ветреный, пустой, самовлюбленный павлин. А первым в нашем тандеме непре-

менно должен быть я!

Ведь это я придумывал самые подлые развлечения, это я со вкусом наблюдал за страданиями наших жертв... А ты!.. Ты нос от моих предложений воротил! Ты даже оценить величия моих изобретений не в состоянии. Ты всегда только пользовался мною да от излишней жестокости предостерегал!

И я решил: зачем эта стесняющая связка, эта удавка, не дающая мне расправить крылья? Должен ли я прятаться в твоей тени? Нет! Потому что это я! Именно я должен быть всегда первым! Единственным! Лучшим... Но пока пусть никто из твоих так называемых друзей об этом не узнает! – гнусно улыбающееся чудовище вперило взгляд черных глаз прямо в душу князя, стремительно вытягивая из него информацию обо всем, что произошло за последние дни.

Нерц с ужасом обнаружил у себя на руках черные браслеты, лишаящие его силы, сковывающие эмоции, забирающие волю. В этот раз, пользуясь большими переменами в судьбе князя, злое Коварство выбрало подходящий момент, чтобы найти путь к опрометчиво открытой душе бывшего хозяина. Цинично усмехаясь, злобная тварь сковала Ветра по рукам и ногам и, взлетев над широкой пропастью, бросила с высоты на острые скалы.

Ошалев от невероятного количества полученной энергии, лже-Нерц громко захохотал, вызвав тотальный сход снега в окрестных горах. Мегатонные лавины стремительными

потоками обрушились с белых вершин, похоронив под своей многокилометровой массой прекрасное крылатое существо.

Коварство, широко расправив плечи, с нескрываемым превосходством оглядывало Синие горы, ощущая себя при этом повелителем Вселенной. Столько силы! Столько власти в его руках! Да он теперь всех...

Неожиданно за ним забурилась-заискрилась воронка портала, и властный голос сбил с новоявленного героя всю спесь:

– Ты ничего не забыл?

– Иду, мой господин, – подобострастно склонившись и вжав голову в плечи, Коварство шустро юркнуло в серебристую окружность.

* * *

– Я всё сделал! По вашему методу сознание его замутил, Честью представился. Так качественно обратился, он даже сути моей не смог распознать! Я же хороший ученик, господин? – лебезил перед хозяином тщедушный лже-Нерц. – Всё, как вы учили: дождался, пока он сам руку предложит, потянул из него информацию. Всю до капли силу забрал и избавился от неудобного вам племянника. Я готов занять его место, только прикажите, господин граф!

– А не много ли ты берешь на себя?! Ты – жалкое подобие его ветреного величия! Ты со своими непомерными амбициями мне чуть всё дело не испортил! Что есть в тебе от племянника моего, чтобы пытаться занять его место? Лишь

малая часть зла, рожденного детскими страхами, обидами и отчаянием? Остальное всё я тебе предоставил: тьмой напитал, злобную суть выпестовал, кровожадную мерзкую тварь взрастил. Ты всем обязан моему могуществу! Помни об этом и не зарывайся. Иначе вновь станешь бесформенной кровавой кляксой на накрахмаленном манжете.

– Господин, я так старался! Я выполнил все ваши задания, я надеялся...

– Надеялся? – Жеглард недоуменно приподнял бровь. – Тебе знакомо чувство надежды? Не смей меня! Быстро в аппарат и информацию сюда! В противном случае ты знаешь, что будет! Это я тебя Коварством сделал, напитав благородной энергией мрака. И я без лишних сомнений заберу всё обратно. Только дай мне повод.

– Господин граф, я и так всё расскажу! Зачем же мне в этот страшный реактор? Не лишайте меня силы! Я верный ваш раб, любое желание...

– Вперед! Без рассуждений, – повелительно указал Предводитель на распахнутую дверь большого автоклава.

Сгорбленный, потерянный клон князя с потухшим взглядом побрел в аппарат. Прозрачная дверь за ним захлопнулась, внутри большого цилиндра вспыхнуло синее пламя. Граф и не собирался оставлять Коварство у себя в услужении. Двойник Нерца выполнил свою часть дела. Больше в нем надобности не было...

Спустя некоторое время Жеглард закончил эксперимент

по разделению сути. Он торжествовал. Вытянув из подопытного клона энергоинформационный контур юного князя, граф узнал обо всех планах своего племянника. Даже был слегка озадачен масштабами задуманных им действий. Не ожидал от Нерца такой предусмотрительности и изворотливости, всегда считая его порывистым и поверхностным. Ах, какие планы! Какие несбыточные надежды!!!

– Да, недооценил я тебя, злонравный ты мой, недооценил... – бормотал себе под нос озадаченный дядюшка. – Есть чему поучиться! Ловко ты скрывал от меня свою суть изначально... Но ничего, теперь вы все у меня в руках! И ты, и человек со всеми своими запчастями, и даже сам Всетемнейший! Посмотрим теперь, кому достанется трон, кому станет поклоняться весь Мрачный Двор!

Он цедил и цедил из подопытного существа знания, силу, эмоции. Заготовленных заранее емкостей не хватило. Подручные несли в лабораторию из кладовых всё новые и новые сверхпрочные контейнеры для невероятного количества светлых энергий, яростно пульсирующих в тисках магнитных полей.

Жеглард собрал воедино великую силу Светлого Воина, сосредоточил ее в блестящем фиолетовом топазе. Вдоволь налюбовавшись игрой электрического света на тщательно отшлифованных гранях, приказал сделать массивный золотой перстень, по кругу обравив искристый камень черными аметистами-стражниками. Затем поднялся в свои покои,

кликнул подручного и приказал привести нотариуса.

Спустя три минуты в черной зале появился низенький лысоватый господин Леннарт-Йохан Шмутсгервассер в аккуратном сюртучке, с пухлой папкой в руках и чернильницей на шее. Он то и дело поправлял цепкими худыми пальцами круглые очки с толстыми затемненными линзами, от которых его испуганные водянистые глазки казались еще меньше. На испещренном рытвинами крючковатом носу восседала большая бородавка. На выпирающем животике, обтянутом темно-синим атласным жилетом с перламутровыми пуговицами, блестела внушительная золотая цепочка карманных часов.

Он не вполне был нежитью. Вернее, не совсем темной нежитью являлся. Давным-давно его пра-пра-какая-то там бабка, будучи еще совсем молоденькой болотной феей, заметила симпатичного юношу, трудившегося на торфопроизводствах. Околдовать человека ей никакого труда не составило. А вот избавиться от светлого присутствия в нескольких последующих поколениях достопочтенному роду Шмутсгервассеров не удавалось до сих пор. Видимо, непростой был тот соблазненный парнишка...

Но связи и деньги делают свое дело во всех пространствах... Отец развеселой феи, владетель Гнилых болот, воспользовался влиятельным положением, своевременно выдал свою дочку за мелкопоместного дворянчика, отпрыска когда-то великого, но давно разорившегося семейства.

Родившемуся ребенку дали звучную болотную фамилию, воспитали в лучших традициях Темного Запределья. Стоит ли говорить – мастерски скрыли изначальную его суть. Но... на протяжении уже пяти поколений все мужчины в роду Шмутсгервассеров носили затемненные очки и, пока никто не видит, любовались рассветом.

Одарив дочь богатым приданым и сверх того не менее щедро вознаградив зятя за стоворчивость, покрытый тиной аристократ предоставил во владение молодому семейству еще и доставшуюся ему за долги захудалую нотариальную контору.

Зять владельца Гнилых болот, помня свое нищенское существование, прикрытое только громкой фамилией, оказался более чем расчетливым. Он не стал надеяться на приданое жены и полученные от тестя деньги – распорядился дарованной фирмой очень даже рационально и в кратчайшие сроки поставил дело так, что конторка стала приносить немалую прибыль. Однако предприимчивому нотариусу хотелось большего: чтобы вверенное ему частное заведение со временем приобрело статус государственного нотариата.

Дабы досконально изучить дело, которое передавалось из поколения в поколение, каждый из отпрысков теперь уже знатного и богатого рода обязан был три столетия отработать в должности нотариуса – от мелкого служащего до владельца конторы...

...Потирая в предвкушении руки, Предводитель разло-

жил перед прибывшим нотариусом гербовую бумагу:

– Заверяй.

– Но, господин! – стряпчий недоуменно поднял на него взгляд. – Это же завещание молодого князя Нерца Темнейшего, передающего вам по наследству все свои земли, доходы от всех предприятий, банковские счета и даже Ветреный Замок.

– И что? – надвинулся на него Предводитель.

– Меня за должностное преступление лицензии лишит могут! Наследственные дела так не ведутся!

– А так? – граф, зная слабость Леннарта-Йохана к драгоценным камням, придвинул к нему раскрытую шкатулку, доверху наполненную сияющими бриллиантами.

– Детские слезы! – алчно выдохнул адвокат. – Но...

– Что – «но»? – впился в него магнетическим взглядом Жеглард, с помощью черных артефактов разжигая в естестве служащего неумемную алчность.

Благодаря полученным от давнего предка частицам Света господин Шмутсгервассер стоически выдержал испытание жадностью и, глубоко вздохнув, принялся увещевать Предводителя:

– Господин граф, я... я не вижу здесь самого господина Нерца. Даже если он вдруг неожиданным образом погиб, в любом случае вы обязаны представить неоспоримое доказательство его кончины. А как же темнейшая княгиня? Наследница первой очереди – она. А вы ее законных прав ли-

шить хотите...

– Хочу, – спокойно ответил хозяин Черной Цитадели, нагло глядя прямо в глаза нотариусу. – И сделаю это. А ты в любом случае поставишь здесь печать и заверишь бумагу своей подписью. Даже, – он коршуном навис над маленьким служащим, – если мне придется тебя заставить... – И красноречиво оскалится, сверкнув острыми клыками.

– Но, граф! – вжавшись в кресло, пролепетал его пленник. – Я не могу засвидетельствовать верность подписи господина Нерца, я не уполномочен... Это – нарушение интересов прежде всего самого Вседержителя и молодого князя Темнейшего, нарушение интересов государства! При Мрачном Дворе об этом в любом случае узнают... Как же моя карьера, мой послужной список? Столетиями моя семья зарабатывала этот высокий статус. Я не могу в один миг всё разрушить. Кроме того, как я уже говорил, моя карьера напрямую зависит...

– Думаю, – Жеглард поднялся и размеренно направился к стряпчему, – дальнейшая карьера тебе не грозит. – Остановившись у него за спиной, резко вскинул руки и, пронзив голову бедолаги синей молнией, заставил быть сговорчивым с помощью одного из заклятий Высочайшего Уровня.

Затем развалился в кресле и принялся наблюдать, как шустро работает нотариус, которому до следующего заката уже не дотянуть... Ни один из темных не в силах вынести Заклятия Синей Молнии!

Граф с удовольствием взглянул на два колдовских перстня, украшающих указательные пальцы его рук. Массивные артефакты с огромными агатами давали Предводителю невероятную власть. С их помощью можно было использовать два мрачных заклятия Высочайшего, Наипрашнейшего Уровня.

Заклятие Синей Молнии заставляет жертву беспрекословно выполнить всё, что от нее требуется, а затем осознанно лишить себя способности к существованию. Тихо согнуться, раствориться в пространстве в течение нескольких часов. Коварство данного заклятия заключается еще и в том, что жертва никому не может сообщить о своем бедственном положении, только исполнить приказ. И, стоит обреченному уйти в небытие, о нем сразу же все забудут, словно и не было его никогда.

Заклятие Радикального Подчинения порабощает все основные двигательные функции, речь и мимику, оставляя при этом жертве осознание происходящего, все внутренние протесты и душевные метания. Графу особенно нравилось это гадкое заклятье. Еще бы: лишенный всякой воли горемыка по приказу убивает, разрушает, лжёт, при этом осознавая, что творит, и всё более ужасаясь нарастающим масштабам содеянного. Но уже ничего не может изменить. Только исполнять, страдать, всё более разрушая свою психику... В конце концов жертва сходила с ума, а граф забирал обезумевшую душу в свою лабораторию.

Но вот как подчинить себе третье Наистрашнейшее Заклятие? Третье и самое важное – Заклятие Раствления! Ведь с его помощью можно уничтожить даже самого... и всех, в ком есть хоть капля высочайшей черной крови... Тогда уже никто и ничто не помешает маркграфу Жегларду воплотить свой коварный замысел...

Отправив восвояси ставшего бесполезным юриста, злой гений еще раз просмотрел бумаги, дающие ему невероятные права, и похвалил себя за предприимчивость: «Да, всё идет именно так, как я задумал. Всё, что принадлежало моему племяннику, теперь мое. Всё, кроме титула... Но немного осталось... Придет время – и титул, и трон перейдут в мои руки».

Дождавшись искусного ювелира, с низким поклоном передавшего ему драгоценный амулет, граф торжественно надел перстень на указательный палец правой руки и самодовольно огляделся: теперь ему не страшен ни Сумрачный Лорд, ни инспектор со своей черной печатью, ни сам Вседержитель! Осталось только светлые заклатья освоить... А для этого понадобится одна маленькая рыжая бестия...

ГЛАВА 41

– Ну, моя хозяйюшка, счастливо оставаться. Мы скоро вернемся, вы тут даже заскучать не успеете, – Сергей долгим взглядом посмотрел на Хранительницу, пожал протянутую

ему изящную руку.

Нина только грустно улыбнулась и вздохнула.

– Ничего не скажешь на прощание?

– Возвращайся... возвращайтесь скорее, – дева еще раз вымученно улыбнулась.

Только бы никто не увидел, как ей плохо... Отчего-то вдруг голова закружилась. Что это? Такого никогда с ней не было... Словно что-то треснуло в душе, и по нутру растекается обжигающее, мерзкое, тягучее чувство...

Белка с волчицей решили проводить человека, влекущего за собой обережный кокон. По пути они непрестанно инструктировали его:

«Помни, не забудь: создавая порталы, ни на что не отвлекайся. Солнечный свет всегда с тобою быть должен, во время любых испытаний. Без него можешь в беду попасть. И сам пропадешь, и Арину не вернешь. Не расслабляйся ни на миг».

«Не переживайте, подруги, – улыбнулся им Сергей. – Я уже был в тех горах».

«Был, да! Но только по-иному был! – ответила белка. – С Ниной ты в Синие горы через зеркальный портал из пещеры Жегларда вышел. Сейчас тебе с Антониной через Железное плоскогорье пройти придется, а потом уже портал выстраивать. И всё это – за пределами Светлого пространства».

«И какой смысл в одно и то же место разными дорогами

идти?»

«Место назначения – одно, но теперь совсем другие энергии на вас будут воздействовать. Невозможно из плена тьмы Воительницу нашу освободить, если не той дорогой пойдешь», – объяснила Клавдия.

Друзья подошли к краю поляны. Белка, обследовав сплошную стену вековых деревьев, проникла в пространство артефактов, поколдовала там немного и выровняла координаты, словно переключая кнопки на невидимом пульте.

Обернулась к Сергею:

«Я сейчас могу только в этот мир тебя отправить, – словно оправдываясь, объяснила она. – Выход – на самом краю Плоскогорья, а его разнополярные энергии экранируют любое волшебство. Только человеку можно там находиться без вреда для собственной сути. Любое запредельное существо там просто с ума сойдет».

«А Антонина как же?» – спросил Сергей.

«Ее светлый оберег защитит, он и не с такими энергиями справляется. Главное – не открывай его до самой встречи с Ледяным Духом», – ответила Клавдия.

«Тебе необходимо пересечь Железное плоскогорье до заката. Смотри на солнце постоянно, оно с пути сбиться не позволит. Ни в коем случае не отвлекайся на всполохи²⁸. А как дойдешь до Острого мыса, там уже окажешься вне зоны действия всех этих полярных сияний. Там и заночуете,

²⁸ Всполох (устар.) – вспышка, отблеск северного сияния.

– инструктировала Рыжуля. – *Оттуда один за другим три портала выстроить тебе придется, через темные земли. Темные – в прямом смысле. Ни капли солнечного света там не будет, одна серая мгла. На этот случай мы предусмотрели вот что*», – белка вынула из подпространства серебряную сферу на удобной ручке.

«*Погремушка?*» – удивился Сергей.

«*Светозарный источник!*» – поправила Клавдия.

Белка же от возмущения потерялась в мыслях.

«*Как пользоваться, подскажете? Или опять самому догадаться?*»

«*Как с Солнцем общаешься, так и с Источником взаимодействуй*», – обиженно буркнула Рыжуля.

«*Просто представь, что это – такое маленькое всеобъемлющее светило*», – ответила Сергею белая волчица.

Махнув лапкой на свои обиды по поводу незнания человеком осторожной силы, белка вновь принялась его напутствовать:

«*Сначала в Бледную падь попадешь, там каменные деревья захотят из тебя жизненную силу вытянуть. Не поддавайся. По-быстрому строй новый переход, больше пяти минут там не задерживайся. Портал выведет в Болотные топи. Там важно на гать²⁹ попасть. Выйдешь из воронки в другом месте – новый проход построить не успеешь.*

²⁹ Гать – настил из бревен или хвороста для проезда, прохода через болото или топкое место.

А последний переход, через Вьюжный край, самым трудным будет. Там такая снежная круговерть, что правильно создать портал не каждому удастся. За четверть часа не управишься – замерзнете оба, – предупредила на прощание Рыжуля и, вспрыгнув Сергею на руки, нацепила ему на оба указательных пальца по массивному перстню. – Это тебе сквозьпространственный компас и оружие».

«Какое?»

«Смертельное для всякой нечисти».

«Я спрашивал про вид оружия».

«Да любой. Захочешь – гранатометом будет, а если кого на куски покромсать понадобится – мечом двуручным станет... Забыл, что ли? Что представишь, то и ощутишь. В общем, теперь всё в твоих руках...»

«Кто бы сомневался», – вздохнул Сергей.

Снова поколдовав с подпространством, белка вынула оттуда лунную дорожку и, нацелив ее на бледнеющий в рассветном небе серп луны Фатты, выстроила маршрут на Темную сторону.

Погладив по загривку Клавдию и пожав лапку Рыжуле, человек шагнул на развернувшийся перед ним путь, аккуратно придерживая плывущий рядом бережный кокон.

* * *

Нина, стоя на высоком крыльце и стараясь не обращать внимания на подкатывающую к горлу тошноту, провожала

взглядом Сергея и неразлучных подружек. Она в который раз с надеждой посмотрела на заключенную в капсуле половинку: «Скорее бы! Скорей бы разбудил человек Арину, вернул ее на Светлую сторону. Как было бы хорошо вновь стать с Воительницей единым целым...»

Вдруг тошнота усилилась, затем что-то кольнуло Хранительницу изнутри. В самое сердце... Она вгляделась пристальнее и, заметив, как осторожно придерживает осторожный кокон восходящий к луне мужчина, как внимательно смотрит он на спящую деву, уловила в своей душе вибрации недовольства.

«Как же так? – Нина с недоумением прислушивалась к нарастающему возмущению. – Я привыкла к тому, что это я – хорошая, умная, справедливая и всегда всё знаю. Это я, согревая жаром своего сердца, пронесла юное сознание человека через пространства. Я поддерживала и обучала его сквозь века. Соответственно, мне, Хранительнице Сияющего Сознания, он должен беспрекословно подчиняться, слушаться меня и любить беззаветно».

Пространство за Сергеем закрылось. Путник ушел в другой мир...

Нина не понимала, что творится у нее в душе. Она раньше никогда такого себе и не представляла... Но, вопреки здравому смыслу, в голову беспардонно лезли всё новые умозаключения. И, сминая все разумные доводы, затопили сознание:

«А получилось так, что теперь Сергей смотрит не только на меня. Он уже не настолько предан, он отвлекся от своей Хранительницы. Он жалеет Антонину, проводит с ней больше времени, чем со всеми остальными своими ипостасями, помогает ей вспомнить всё, что было раньше...

А если он проникается к Антоньке самыми добрыми чувствами? Вон и в Синие горы сам с ней пошел! А эта стерва рыжая только рада... Понятно, что без него ей к свету не вернуться, но всё же... Ведь, если женщина слабая, в мужчине просыпается защитник... И что, мне всё это терпеть придется?!» – сердце словно кипятком обварило.

Нина тряхнула головой, присела на лавку и попыталась мыслить трезво. Но внутри всё кипело:

«Я понимаю, человек хочет позаботиться о ней... А обо мне? Ведь это в меня он влюбился, не в нее... Но теперь... теперь всё может измениться...»

В сердце светлой Хранительницы тугой пружиной развернулась Ревность, разгорелась жарким пламенем. И в глазах забывшей себя девы полыхнула тьма.

Вернувшиеся к дому лохматые подруги не узнали побледневшую, напряженно пытающуюся что-то доказать самой себе хозяйку. Нина то бормотала бессвязные слова, то, пытаюсь спорить с собой, возражала каким-то мыслям, то просто кричала, глядя в пустоту: «Нет! Этого не может быть! Это невозможно!!!»

«Не заболела, часом?» – забеспокоилась Рыжуля.

«Хозяйка, давайте мы вас в дом отнесем, – предложила Клавдия. – Полежите, отдохнете».

Хранительница не ответила. Она, сжав голову руками, отвернулась от них. Затем присела на ступеньку, пробормотав: – Вы знали! Вы видели, что между ними происходит...

«Чего?» – открыла рот белка.

– Вы предали меня! – громко вскрикнула Нина и без чувств рухнула на расстеленный у крыльца пестрый домотканый коврик.

Спустя миг рядом оказался младший Ветер. Склонился над девой, внимательно осмотрел.

– Она не больна, – успокоил он взволнованных помощниц. – Это обморок. От избытка чувств, я думаю.

Нину отнесли в дом, уложили на кровать в светлой горнице. Но дева не приходила в себя до самого заката. Потом, на миг очнувшись, что-то попыталась им сказать, объяснить, но... не удалось. Ее вновь скрутила неведомая сила и заставила вернуться во тьму.

Всю ночь она бредила, выкрикивала какие-то несвязные обвинения, плакала и грозилась отомстить... Под утро сжалась в комок и словно застыла.

Осунувшийся после бессонной ночи Сашка, глядя на белку, водрузившую себе на нос миниатюрные очки всепроникновения, с недоумением вопрошал:

– Откуда в ней Ревность?

«А я знаю?» – озабоченно произнесла та в ответ. – *Крепко*

засела в душе, зараза! Просто так не выковырять».

– Ну, хоть кого к кому она ревнует, тебе известно?

«Тебе самому это должно быть понятно, кладезь премудростей!» – в сердцах подумала белка и отвернулась.

«Я вижу... – после недолгого молчания помыслил богатырь. *– Она ревнует Сергея к своей иностаси...»*

«Что?» – недоуменно вскинулась Рыжуля. *– А я-то думала...»* – Она прикусила губу и прикрыла лапкой мордочку.

ГЛАВА 42

Ледяной Дух откровенно скучал. Долгое время в его владениях ничего интересного не происходило, даже медведи со своей страшной ношей всё реже стали наведываться на солнечные склоны Синих гор. Хорошо еще, что на днях Великий Предводитель прислал в подарок дорогое выдержанное вино.

Глядя сквозь прозрачные витражи ледяных окон на бесконечный снежный пейзаж, расцветенный закатными лучами, Дух расположился в большом уютном кресле и, вытянув ноги, потягивал из высокого бокала ароматный напиток.

Достав из потайного кармана своих элегантных одежд острый шип, на кончике которого застыла капелька крови, Дух размышлял: «Вот если бы ее разморозить – ощутил бы я в этой капле жизнь прекрасной Нины? Смог бы почувствовать ее невероятную энергию, ее истинную суть? А может быть,

возродил бы из этой частицы новую юную деву. Свою, единственную... ледяную и в то же время живую красавицу... И была бы в моем снежном дворце хозяйка...»

Небо над гротом покрылось звездами. Они мерцали в темной синеве, словно окна далеких уютных домов. А за окнами этими – целые миры, в которых общение, смех, радость...

«А вино-то темное, настоянное на страданиях невинных существ... – отпив очередной глоток, определил Хранитель Ледяного Простора. – Да... сейчас кому-либо из светлых ой как опасно со мною рядом находиться... Но кто ко мне придет? И когда еще придет? Один я, совсем один...»

С каждым новым глотком заключенная в вине тьма всё больше влияла на рассудок Духа, мысли его становились всё черней, всё порочней. Полуночные звезды уже не влекли его теплом тысяч домашних очагов. Теперь они казались ему яркими отблесками насмехающегося над ним неба: «Не покидать своего поста, не терять бдительности, сквозь века хранить совершенство и... влачить одинокое существование...» В бессильной ярости Ледяной Господин заскрежетал зубами.

Неожиданно прямо перед Духом возник портал, и в залу шумно ввалился занесенный снегом человек, влекущий за собой обережную капсулу.

– А вот и гость пожаловал! Как раз к ужину, – сверкнул острыми клыками преобразившийся хозяин ледяного грота.

– Приветствую тебя, Господин Гор, – скинул заснеженную

аляску Сергей. – Нам очень твоя помощь нужна.

– Помощь? – надменно вскинул бровь Дух. – Разве я кому-то обещал помощь? Никогда! Ни за что!

Сергей слегка оторопел от такого «гостеприимства»:

– Ты уж извини, что мы так бесцеремонно к тебе ввалились, Ледяной Господин. Но медлить нам нельзя. Антонина может этой ночи не пережить.

– Мне до ваших проблем дела нет, – отмахнулся Дух. – У меня и без вас забот хватает...

– Ты весь в заботах? – доктор в недоумении обвел взглядом огромный пустой зал. – Судя по всему, ты тут просто пьянствуешь, вместо того чтобы путников достойно встретить.

– Достойно?! – Дух даже привстал с кресла. – А достойно обращаться ко мне только тогда, когда именно вам это требуется? Достойно не вспоминать о моем существовании веками?! А вы ни разу не задавались вопросом, что мне тоже необходимо делиться с кем-то своими мыслями, слышать доброе напутствие, чувствовать на себе чей-то ласковый взгляд и познавать радость сотворчества?..

– Мне кажется, что твои возмущенные вопросы не по адресу, – спокойно ответил Сергей. – Пообщайся с родней, заведи друзей, наконец.

В ответ Дух заливисто расхохотался, прикрыл глаза и сквозь длинные ресницы с интересом воззрился на человека:

– Как же ты наивен...

– А ты чересчур эгоистичен... Если не хочешь помочь Антонине, тогда верни мне то, что передали тебе прислужники Жегларда, – рассердился Сергей. – То, что по праву принадлежит мне!

– Сила и Воля нужны? Так пойд и возьми! – на прекрасном лице нерадушного хозяина, без труда отследившего душевные метания человека, змеилась злобешая улыбка.

Дух коварно оскалится, слегка повел пальцем – и дальняя стена грота распахнулась проявившейся вдруг на ледяном фоне ажурной дверью. Сияющие в ночном небе звезды с любопытством заглянули внутрь сказочного дворца.

– Ты пойдешь на склон, возьмешь то, что было твоим изначально. Принесешь сюда, отдашь мне! – властно приказал Дух. – А за это я тебе верну вот эту штучку. – Он вынул из широкого рукава мавкин подарок – пропитанный ктарром шип. – Или не отдам... Ты же без Воли своей мне совсем не страшен. А сейчас ночь. Знаешь, что я могу с тобой ночью сделать?

– Янус двуликий, – вспомнил Сергей.

– Он самый, – кровожадно ухмыльнулся Дух.

– Если у меня Силы и Воли нет, чем же я тогда бесов в гранитной пещере обездвижил? – попытался осадить его человек. – Не боишься со мной связываться?

– А это, так сказать, остаточный потенциал был. По инерции еще ты двигался... Или попросту не знал, чего лишен... И не суетись, – Дух мягко встал и осторожно, чтобы не спуг-

нуть жертву, направился к высокому окну. – Суета – один из главных барьеров, преграждающих человеку путь к познанию своего «я»... Ой, – осекся вдруг Дух, сообразив, что сболтнул лишнее.

Но человек был занят другими мыслями:

– Мы же почти друзьями расстались в прошлый раз...

– Раз на раз не приходится! – певуче ответил хозяин, мягко ступая по прозрачному полу, аккуратно обходя человека, вдыхая его энергию, предвкушая скорую расправу.

Вдруг взгляд его упал на бережный кокон. Хозяин Гор склонил голову, обдумывая дальнейшие действия:

– Снова кокон, снова дева... Прекрасная... Сильная и властная... И почти что темная... – Он движением руки искажил видение, и Сергей разглядел в капсуле Светлану, свою так горячо любимую когда-то жену.

Дух склонился над Воительницей, призывно улыбаясь. Та открыла глаза, с интересом всмотрелась в лицо ледяного красавца, улыбнулась в ответ. И поднялась навстречу очаровавшему ее незнакомцу. Хозяин Гор обнял ее и страстно поцеловал.

Увидев, что женщина ответила на поцелуй, прильнув к Духу всем телом, Сергей потерял самообладание – а ведь именно оно помогало ему до последнего момента сдерживать амазонку от неминуемого падения в пропасть – и ощутил, как Антонину окончательно заволокла, поглотила тьма.

Опустошенное человеческое сознание Ледяной Господин

заточил в стеклянный лабиринт и приставил к нему двух неразлучных врагов – беса сомнения и беса самомнения, которые без размышлений принялись рвать сущность Сергея на части. Для пушшего эффекта Дух запустил внутрь зеркальной ловушки и кривого-косоного-хромого полубеса полумер, который, поселяясь в умах людей, с завидным постоянством одобрял все мысли и действия, поддерживал благие намерения, но умел заронить в сознание мутную капельку пассивности, с помощью которой все хорошие дела откладывались «на потом».

– Ты такая страстная, дева моя, – шептал на ушко Антонине Дух. – Не торопись, красавица, у нас еще вся ночь впереди... – Жадно обнимая такую желанную женщину и коварно усмехаясь, он с наслаждением глядел на Сергея, ополоумевшего от осознания своего бессилия, от мысли, что вверенную его заботам Воительницу может походя, мерзко использовать и так же бездумно, как сломанную куклу, выбросить очарованный злом Дух.

Сергей с ужасом наблюдал, как в объятьях Ледяного Господина коварно улыбается Светлана, страдает от отвращения Нина, страстно отвечает на ласки Духа Антонина. Как это происходило, как получалось увидеть три жуткие сцены одновременно – представить было невообразимо. Но представлялось четко, во всех подробностях...

Бесы, наслаждаясь хаосом сумбурных мыслей, подсовывали в воспаленное сознание человека одну за другой гад-

кие, откровенно омерзительные картины, а полубес полумер всё никак не давал принять хоть одно стоящее решение.

Стеклянный лабиринт, по которому в поисках выхода бежал и бежал Сергей, никак не заканчивался, отражая в каждом новом зеркале всё более жестокие и извращенные видения. Наконец доктор сдался – упал на колени, сжал руками виски. Он ничего не смог сделать, он не спас Антонину. Теперь она навсегда, навсегда останется... СТОП! Где-то уже такое происходило! Когда? С кем? Но ответа не было...

За три часа до рассвета в ледяной грот пожаловал сам граф Жеглард. Взглянув на зловещие плутающего в лабиринте мысли неподвижного человека, на заполоненные тьмой глаза амазонки, он злорадно ухмыльнулся и не стал отвлекать Духа от приятного времяпрепровождения.

Зачем напрягаться? Все дела надо вершить чужими руками, как в случае с Коварством... Через трое суток человек совсем потеряет рассудок. Ледяному Господину этот молодец не нужен. Тот отдаст безвольное существо за пару ящиков того самого вина, что пил на закате. Кстати, чем больше вина из Причерногорских виноградников выпьет Дух, тем стоворчивее будет, тем скорее перейдет на сторону графа... А Антонина, судя по всему, не выйдет из этой ночи прежней. Свет ее после связи с Духом померкнет навсегда. И забрать ее в свою цитадель после всего произошедшего не составит большого труда...

Предводитель добился своего: трое злейших его врагов

обезврежены. Пришло время разобраться со златокудрой Ниной и каким-то там новоявленным младшим братом. Кто еще остался? Белки да собаки? Пустяки! Все свое получают...

* * *

Друзья договорились дежурить у постели впавшей в оцепенение Нины по очереди. Помочь Хранительнице они пока ничем не могли. Исправить положение способен лишь человек. Оставалось только ждать его возвращения... Сашку помощницы обоюдными усилиями отправили спать. Он немного поспорил, но потом всё же спустился вниз...

Белка пристроилась на подушке рядом с хозяйкой. Клавдия обходила окрестности – несла дежурство... Теперь стоило быть как можно бдительнее. Она догадывалась, каким путем попала в душу Нины жгучая Ревность. Волчица задумалась: внутреннее чувство ей подсказывало, что в тот день, когда человек и Хранительница вернулись в Светлое Запределье, хозяйка изменилась. Но, списав это на злоключения в пещере Жегларда и усталость от долгого перехода, обрадованная после вынужденной разлуки белая собака не стала утруждать Нину и доктора длительным карантином с исполнением всех положенных ритуалов. А надо было... ох как надо... Тогда бы и не лежала дева в своей горнице почти бездыханная...

Посетив скалистый обрыв и в который раз оглядев окрестности, Клавдия собралась обратно, к холму. Но, обратив

взор на дом, с недоумением заметила сияющие искорки у окна второго этажа. Маленькие светлячки кружились вокруг особняка, беспрепятственно проникали в комнату, где в осторожном коконе спала Нина. «Что-то не так!» – собака ринулась к дому, по пути на ментальном языке взывая к Ветру и Рыжуле.

Белка откликнулась сразу:

«Что?! Где? Ох ты! Чтоб вас всех... Стоит только глаз прикрыть! Налетели тут...»

Проснувшись от зова Клавдии, она прямо-таки остолбенела от невероятного количества слетевшихся к сияющей капсуле светлячков. Их холодный свет словно разъедал прозрачную оболочку. Насекомые сплошным ковром облепили кокон. Злые искры стремились пробиться сквозь хрусталь и вырвать деву из-под защиты.

«Вы что, серьезно решили разрушить нерушимое?» – белка потянулась было за амулетом, чтобы отправить незваных гостей восвояси, как вдруг оберег распахнулся и дева, словно ожидая этого момента, резко поднялась.

Грозно глядя прямо перед собой, она без конца водила руками в пространстве. На кончиках пальцев искрилось злое (злое!) волшебство.

Белка резко отпрянула в сторону, едва лишь увидела боевые плетения темных.

Ворвавшегося в комнату Ветра тут же отшвырнуло к стене кровавым заклятьем. Но белые крылья отразили страшный

удар – невредимый Воин поднялся на ноги и, сжимая в руках сияющий меч, застыл в нерешительности. Он не знал, что делать дальше. Он просто не мог напасть на девушку...

«*Что стоишь, хватай ее! В кокон укладывай!*» – завопила белка.

Она совсем забыла про общее ментальное пространство, не додумалась отключить мысленную дорожку к сознанию Нины. В ответ та, коварно улыбнувшись, одним ударом разнесла свой оберег в пыль.

«*Не может быть... – охнула белка. – Не может Хранитель свой оберег уничтожить... Разве что это не она, а та дрянь, что в душе поселилась!*» – догадалась Рыжуля.

– Какой сообразительный зверек! – не своим, а каким-то приглушенным мужским голосом ответила Нина. – Долго же я ждал встречи с тобой, незабвенная моя Рыжуля Авдеевна.

«*Жеглард! – вскинулась белка. – Какого... ты тут командуешь? Быстро отпусти хозяйку!*»

– А не то что?

«*Да хоть что! – воинственно вздыбила она шерстку на загривке. – Я на тебя всегда управу найду! У меня духа хватит!*»

– Правда? Давай попробуем, испытаем дух твой на прочность... А для начала я тебе кое-что покажу.

«*А не пошел бы ты?!*»

«*А ты не отказывайся, – ехидно проворковал у нее в голове голос Предводителя, – может, и не покажет тебе*

больше никто кончину твоих родственников...»

Рыжуля осеклась на полумысли. Перед взором ее пронеслась картина: вот идет через черную залу Жеглард с железной клеткой в руках, вот размахивается, остановившись перед ярко пылающим в камине огнем... Лапки извечной противницы графа задрожали, заготовленное заклятье извлечения рассыпалось в воздухе.

«И как, понравился тебе мой подарочек? – торжествовал бесцеремонно разместившийся у нее в голове Предводитель. – Всё! Помашу ручкой папе с мамой... Были белки – и нет их больше! А кто виноват? – он мстительно усмехнулся. – А виновата одна слишком любопытная зверушка...»

Белка, в один миг растеряв воинственный пыл, молча сидела перед одурманенной хозяйкой, смотрела в заполоненные мраком глаза, внимала каждому слову. Маленькая ворожея будто окаменела, застыла от осознания собственной вины, безысходности и отчаяния.

А над ней, выворачивая наизнанку тело дивной Хранительницы, разрастаясь, заполняя естеством своим всю комнату, воплощался огромный огнедышащий монстр. Вот страшная когтистая лапа, проломив кровать, утвердилась на скрипнувшем от огромного веса паркете, вот открылись и глянули вокруг безжалостные желтые глаза. И уже готовы к страшному удару мощные, покрытые крепкой чешуей руки-клешни...

Белой молнией влетела в комнату Клавдия. Не снижая

темпа, с размаху кинулась на готового к бою врага. Но страшное звероподобное существо без труда отбило удар, попутно вонзив в белое брюхо острый шип неведомо откуда возникшего чешуйчатого хвоста. Воплощенный демон смачно смял белоснежную волчицу в огромной горсти, не торопясь приподнял окровавленную, но всё еще пытающуюся вывернуться из страшных тисков Клавдию, швырнул на пол. Затем придавил своей громадной тушей, с удовлетворением вслушался в хруст проломившихся под невероятной тяжестью ребер.

– Ну что ж, будем прощаться, великая лунная волчица, – прорычало злобное чудище, нагло ощерив зубастую пасть.

Монстр размеренно, по очереди переломил ей каждую лапу, с вожделием вслушиваясь, вбирая в себя всё новые энергии боли и ужаса. Наконец, насытившись и пошевеливая в предвкушении страшными, отливающими зеленым огнем клешнями, нацелился сломать Клавдии шею.

Серебристым потоком, звонким ручейком вытекали из сознания Рыжули неисчерпаемые силы целого рода обережных белок. Преломляясь под воздействием безысходного горя, суть волшебства теряла свое сияние и беспрепятственно перетекала в темную сущность... Сашка, прочувствовав состояние белки, ее невыразимое горе, впал в транс. Он всё видел, слышал – но ни на что не мог отреагировать. Стоял у стены, словно истукан.

– Как же взаимозависимы эти влюбленные! – торжество-

вал Жеглард. – И совсем неважно, кто и в кого влюблен. Главное – идентичная энергия! Поработил одного – и тут же зацепил в свои сети другого...

Волчица, понимая, что помощи ждать неоткуда, и предвидя скорый конец, отчаянно взывала. Вой ее эхом отозвался в пространствах, устремился в космос, достиг луны. В ответ пришел настолько мощный импульс, что без промедления вырвал Светлого Воина из состояния прострации, вспыхнул в ветреном сердце с такой силой, что Сашка всем существом своим ринулся на помощь Клавдии.

Он почти не соображал, где враг, которого надо сокрушить. С каким-то непостижимым остервенением взмахнул он мечом – и рассек пополам обернувшегося драконом Жегларда.

Пространство раскололось на части, десятки огненных вихрей заметались по дому, выжигая всё на своем пути, оставляя только тучи серого пепла...

* * *

Черный лес поражал своей бесконечностью. Вокруг небольшой прогалины, на которую неведомым образом попали три подруги и соратницы (вполне возможно, уже бывшие соратницы) теснились деревья без листьев и коры. Облезлыми шершавыми исполинами нависали они над покрытой серым лишайником поляной. Могучие каменные стволы, неустанно переплетаясь, судорожно стремились ввысь,

заслоняя друг от друга небо в неумемном порыве вырвать у конкурентов хоть каплю энергии. Но ни энергии, ни солнечного света не было в этом месте. Сизая мгла окружала прогалину, нагоняя на каждого, кто попадал в этот мир, невыразимую тоску, погружая всё естество в бесконечный мрак. Пространство-вампир, где даже время течет в обратную сторону, забирая у нечаянных пришельцев энергию, жизнь, свет.

Нина, скорчившись на земле, тихонько подвывала. В ее сознании, как и в окружающем мире, не было тепла и радости. Одни неумемные порывы ревности, разбивающиеся о гранит отчаяния. Горе! Сплошное горе заполонило всё естество девы. Не было выхода из этого тупика. Не было стремления изменить хоть что-то. Лишь невыносимая тоска, разрывающая сердце, съедающая душу, превращающая внутренний мир в безжизненную пустошь.

Рыжуля, присев рядом на расколотое дерево, даже не попыталась освободиться от морока. Ментальная связь с младшим Ветром, возникшая во время атаки Жегларда, оборвалась, осознание собственной неполноценности навалилось на маленькую белку с удвоенной силой. Она в недоумении водила отрешенным взглядом по сплошной стене сплетенных ветвями деревьев:

«Их больше нет... Я уже в который раз мысленно прощаюсь с ними. Казалось, вспыхнула искра надежды, а тут – всё... Всё, нет их больше... ни в этом мире, ни в каком-либо другом... И не возродятся они уже никогда после темного

огня... Никогда... Это всё вы виноваты... – вскинулась она, обернувшись к похожей теперь на тряпичную куклу Хранительнице. – Вы все! Мне своих спасать надо было! А я! Я всё о других, об абстрактных каких-то великих целях думала... Не своих – чужих... Вот и додумалась, вершительница дел добрых! Теперь уж точно совсем одна осталась!»

«Рыжюля! Опомнись, что ты несешь?!» – Клавдия пыталась встать, но перебитые ноги не слушались. Из-под брюха на мелкий острый щебень, покрытый рваными клочьями мха, уже натекла большая кровавая лужа.

Однако, не обращая внимания на увечья, волчица всё пыталась вернуть из небытия сознание подруг:

«Хозяйка, в себя придите. Так недолго и в нежить превратиться. Мы же сейчас не на своей территории, подпитки от Матери-Земли нет, солнечного света нет. Кто нам поможет, если вы обе своими энергиями всё большую тьму сюда призываете?»

«И что будет? Какая разница, убьют нас или сами погибнем?» – обернулась к ней зареванная белка. – Да пожалуйста! Я хоть сейчас в пасть к тьме отправлюсь. Пусть подавится!» – она отвернулась, даже не взглянув на страдания подруги, на расплюсченную гибельной тяжестью страшных мыслей Нину. Вновь погрузилась в пучину отчаяния, принялась снова и снова жалеть себя.

«Рыжюля... я скоро умру, слышишь меня? – Клавдия всё пыталась достучаться до подруги. Ее прерывистое дыхание

порой переходило в хриплый утробный звук, огромные клыки окрасились кровью. – *Вспомни себя, не сдавайся. Помоги хозяйке заново суть обрести. Теперь только ты сможешь ее поддержать...*» – Она судорожно сглотнула, пытаясь преодолеть смертельную слабость, но из пасти тонкой стружкой потекла алая кровь.

Восстановить свой организм волчица оказалась не в силах: солнца и луны в этом мире не было. Осознав всю безысходность своего состояния, Клавдия в последний раз обратилась к несчастной ворожее:

«Рыжая, услышь меня, наконец, почувствуй... Эх, белка, где же сознание твое сейчас плутает?.. Я всё понимаю: детские травмы и прочее... Но ты же такая сильная... Очнись, приди в себя!»

Но Рыжуля, погруженная в свое горе, никак не отреагировала на слова подруги.

Немного отдышавшись, белая волчица потянула носом промозглый сырой воздух:

«Эх, хоть бы в последний раз на небо взглянуть, к луне обратиться. Избранный мой, не вернусь я к тебе, не исполню обещанного...»

Она в последний раз взглянула на хозяйку, затем с трудом повернулась к застывшей белке:

«Ты уж прости, подруга моя, что оставляю вас в такую минуту... Без меня теперь...» – Огромная голова волчицы безвольно упала на искалеченные передние лапы.

* * *

Сашка вскочил на ноги. Ночное небо, слабо подсвеченное искрами далеких звезд, не давало достаточно четко обозреть пространство, где он так неожиданно оказался. Поблизости шумела бурная река, очертания высоких гор почти сливались с черным небосводом. Вихрь, перенесший его в иной мир, застыл чуть поодаль, слабо покачиваясь, словно дерево на ветру. Бродяга почувствовал, что связывавшая его с Рыжулей нить ментального взаимодействия оборвалась. Оцепенение схлынуло. Он поднял меч, выпрямился и огляделся по сторонам.

Когда глаза привыкли к темноте, богатырь заметил на каменной россыпи распластанное тело. Ринулся вниз, перевернул subtilного мужчину, взгляделся в лицо: это и есть граф Жеглард? Инстинктивно отбросил от себя бездыханного врага, быстро вскочил, словно желая как можно дальше отстраниться от этого мерзкого существа, даже руки о кольчугу вытер, забыв, что в перчатках.

«Он, несомненно, мертв!» – возникла в голове догадка.

«*Я всегда мертв!*» – граф, воспользовавшись ментальной связью, ворвался в сознание Ветра.

Тот с отвращением оборвал мысленную нить, отпрянул от медленно поднимающегося с земли существа и со всё возрастающей жадой мести произнес:

– Ну, готовься, нежить! Теперь тебе точно конец придет!

– Нет-нет! Это нечестно! Ты своим взглядом во мне дыру прожечь норовишь, – Предводитель прикрылся краем плаща из драконьей кожи. – Я за справедливый бой, без каких-либо преимуществ! В глаза мне не смотри... Или ты не желаешь сравнять наши шансы на победу?

– Я-то как раз за честный бой, – затемнил с помощью гарнитуры свой взгляд Сашка. – А вот ты всегда обмануть норовишь...

– Отчего же? У нас здесь всё как на ладони. Ты один, и я один, – ухмыльнулся в ответ Жеглард. – Будем драться. И еще неизвестно, чья возьмет. А может, ты подумаешь и на мою сторону перейдешь? Столько земель завоюешь, столько богатств награбишь! Сокрушительная слава будет греметь о тебе, великом воине, по всей округе!

И я! Я всегда буду рядом. Поддержу советом, а если понадобится – и помогу освоиться в моем мире! Решайся же! Что держит тебя? Все, кого ты любил, тебя предали. Теперь только ты и я! – Он протянул воину руку, затянутую в тугую перчатку из драконьей кожи. – Тебе только стоит сказать мне «да» – и всё закончится.

– Ты, как обычно, несешь чушь, – Сашка встал наизготовку, подняв меч, и его фигуру окутал сияющий защитный контур. – Прими бой и умри. Ты ответишь за всех, кто был мне дорог.

– Откуда тебе знать, как я обычно общаюсь с врагами? Ты же меня впервые видишь, судишь обо мне только по чужим

рассказам. А сам разве не хочешь убедиться в моей лояльности? – Жеглард отследил ментальную реакцию воина и пожал плечами: – Ну, нет так нет... Что ж, в искусстве боя мне не найти равных уже много столетий.

– Посмотрим, чья возьмет, – процедил сквозь зубы Сашка, принимая боевую стойку.

Предводитель вынул из ножен длинный черный меч. А вокруг него самого в невероятном танце закружилось облако светлячков. Жеглард немного помедлил и вновь попытался склонить чашу весов в свою пользу. Слишком уж велик и могуч был противостоящий ему богатырь. Так хотелось захватить его без боя, получить добровольное согласие Светлого Сознания...

И граф, вооружившись страшным артефактом, решился на последнюю попытку обращения светлой сути, вложив в заготовленный заговор Обещания огромную мрачную силу, которая непременно должна сковать стальным обручем огненное сердце:

– Но не думаешь ли ты, что совершаешь большую ошибку, отказавшись от моего такого заманчивого предложения? В последний раз спрашиваю. Обещаю...

– Бейся уже! – Бродяга, отмахнувшись от ночного насекомого, сделал пробный выпад, но удар пришелся лишь в развевающийся плащ Жегларда. Скользкий и верткий злодей был настороже и, без труда уклонившись от сверкающего лезвия, нанес ответный удар.

Бой закипел. Мечи звенели без конца, выбивая яркие искры, соперники сражались ожесточенно и уверенно. Ни один не уступал другому в силе и ловкости.

Но спустя некоторое время Предводитель понял, что ему не выстоять против ярости атакующего Бродяги. И он потихоньку стал отступать, заманивая разгоряченного противника в подготовленную заранее ловушку.

Схватка переместилась с заливного луга в предгорье. Повсюду из земли торчали гранитные валуны, достигающие порой трехметровой высоты. И Сашка даже не заметил, как из темного подлеска и из многочисленных пещер к ним потянулись неясные тени, свиваясь в клубки и обретая физическую форму. Страшные твари притаились за камнями, выжидая жертву и обеспокоенно поглядывая на светлеющий восточный край неба. Они могли бы сбежать, но боялись мести господина. Тот приказал во что бы то ни стало ликвидировать Сияющего Воина до рассвета.

Предводитель, уже не так уверенно отбивающий удары Сашкиного меча, вдруг отскочил в сторону с криком: «Убить его!» Сияющий клинок высек искры из серого гранита, где мгновение назад стоял Жеглард, который теперь улепетывал с места сражения за грядой камней.

Сашка с удивлением воззрился на столь поспешное отступление с поля боя. Даже растерялся немного. И в момент, когда воин замер, на спине его угнездились целое облако светлячков.

Вдруг откуда-то сбоку налетел огромный бес в образе звероящера – сбил парня с ног, пролетел по инерции еще несколько метров. Пытаясь затормозить, взрыл огромными когтями землю, оставляя на ней глубокие борозды, расшвыривая во все стороны крупные камни. Хищно раскрыв пасть, развернулся для прямого удара.

Защитное поле обережного кокона вдруг исчезло, гарнитура слетела с белокурой головы, оставив незащищенной грудь и шею. Сашка вскочил, увернувшись от страшного шипастого хвоста, перекатился по земле, подобрал по пути свой меч. Но тут на спину ему прыгнул костистый монстр и острыми как бритва когтями полоснул воина по шее, вскрывая яремную вену. И сейчас же, обезглавленный, покатился по траве.

В следующий миг подбежавший звероящер рванул зубами легкую броню, сминая стальные кольца кольчуги, раздирая в клочья мышцы, выворачивая из груди ребра. Юноша из последних сил взмахнул мечом – и рассек чудовище пополам.

Истекая кровью, недвижимо стоял он над поверженными бесами. Энергоконтур белых крыльев моментально завернул богатыря в свое поле, не давая душе покинуть тело, и занялся восстановлением организма.

До рассвета было еще около получаса, Солнце не могло помочь воину, но Мать-Земля щедро делилась с ним своей энергией. Золотые искорки бежали снизу вверх по ногам, по позвоночному столбу, стремительно разливаясь над головой

чистым светом, окутывая Бродягу всё большей энергетической защитой, исцеляя кровавые раны.

Выглянув из-за большого камня, Жеглард убедился, что ему уже ничто не угрожает: воин обездвижен. Предводитель заранее позаботился о том, чтобы разрушить в теле Бродяги обережный кокон. Многие годы изучая возможности тела Антонины, он понял наконец, в чем сила оберега. Более того, он нашел способ уничтожить хрустальную защиту любой из светлых ипостасей.

Непробиваемый обережный кокон оказался очень даже уязвимым для... хитрости. Долгие ночи и дни потребовалось Жегларду просидеть в лаборатории, чтобы разобраться в переплетении энергий внутри кокона. Он выяснил, что конструкция держится на магическом штыре-основании, на своеобразном энергетическом столбе, дублирующем позвоночник. Именно на нем крепятся все уровни брони. Злобно-му ученому не терпелось узнать, как, каким образом можно уничтожить, пробить защитную преграду. И он нашел! Нашел исходную точку... Изначальная сила держала в равновесии все энергии оболочки, оберегающей носителя. Но если нащупать эту базовую точку и прицельно бомбардировать ее пучком черной энергии – вся сборка рассыплется, не станет единой системы!

Против чего не выстраивал защиту кокон на скалистом обрыве и в темной пещере? Против того, что не угрожало его хозяйке. От чего не защитят Воина и Хранительницу обе-

реги? От крошечных, не сулящих вреда существ... И, проследовав по проверенному пути, Жеглард собрал миллионы светлячков и стал начинять их тьмой. Насекомые гибли в страшных муках. Но разве это кого-то останавливало? Ужасные эксперименты не прекращались. И вот в одну из ночей очередной подопытный жучок не выдержал истязаний и впустил в себя каплю тьмы.

Ободренный успехом Предводитель стал клонировать маленькое тельце, с каждым разом увеличивая в нем уровень отрицательного заряда. И наконец настало время, когда жестокие опыты были закончены. Две тысячи начиненных тьмой и не переставших сиять холодным зеленовато-белым огнем светлячков, способных выжечь, разрушить силу хрустальных оберегов, ждали своего часа в тайном хранилище Предводителя... И вот это час настал. В одну ночь златокудрая Нина и Бродяга-Ветер лишились своих энергетических контуров.

Изящно поигрывая черным мечом, торжествующий Жеглард прошелся вокруг погруженного в целительный сон богатыря и с удовольствием всмотрелся в бледное лицо:

– Где тот взгляд, что чуть меня не убил? Уже и не видишь меня? Где та защита, которая делала тебя непобедимым в бою? Выжжена, разрушена, растоптана! Глупый мальчишка! Возомнил себе, что можешь меня сокрушить! И – без капли хитрости?! Глупец!

Предводитель широко размахнулся и одним движением

перерубил Бродяге ноги чуть ниже колен. Бездыханное тело рухнуло на молниеносно развернутый графом черный плащ, зависший в полуметре над землей и перекрывший организму воина последнюю возможность для восстановления. На зеленую траву изливались всё новые и новые потоки алой крови.

Жеглард с удовольствием вдохнул ее запах, хитрым плетением забросил обрубки ног поверх Сашкиного тела и победно расправил плечи:

– И еще минус один! Ну, кто на сей раз даст тебе силы? Ни солнце, ни земля, ни друзья, ни любимые – никто не поможет. Ума не приложу, как же вы теперь пространство людей спасете? – глумливо склонился граф над поверженным воином. – Ну что ж, мой юный враг! Я несказанно рад такой развязке. Самоуверенные простаки – легкая добыча.

Злодей вынул из подпространства темный артефакт – антрацитового паука – и заключил в него душу Бродяги, отделившуюся от тела сияющей звездочкой.

ГЛАВА 43

«Каменную дверь пронзи. Имя вслух произнеси!» – откуда-то издалека пробивалось в сознание.

Что это? Чьи это слова? Звонкий голосок, голубые миндалевидные глаза... Но проснувшуюся было надежду заволокло сонное марево. Это только воображение, никогда он

не видел такой девочки...

«Девочки? Неужели это...» – что-то промелькнуло и... угасло.

«Не бывает таких. Вообще...» – по-хозяйски завозилось в душе сомнение.

«Будет пусть неведом страх. Жизни свет в твоих руках...» – не унимался, рвался к сознанию Сергея юный переливчатый голос.

«Да! В моих руках! В моих!» – развернулось было сомнение.

Но серебристое сияние, рыбкой пробившись сквозь серую муть, вмиг разметало потоки самодовольства и надменности. В сознании человека возникли ярко-рыжие, почти красные волосы, перепонки меж пальцев рук, теплое крепкое рукопожатие и опять тот же звонкий и уже сильно рассерженный возглас:

«Мы, мавки, зря никого не одариваем. И просто так в чужое сознание не лезем, не вышивыриваем оттуда всякую нечисть... Да ты очнешься уже когда-нибудь?!»

Сергей вскинул голову так резко, что шею заломило. В сознании не было бесов. Ни одного.

«Маленькая Плиона постаралась!» – догадался он и отправил ей благодарственную мысль.

«Нечего благодарить, – тут же пришел ответ. – Кругом опростоволосился: шип потерял, деву-Воительницу на потеху Духу предоставил, да и сам уже сдаться был готов...»

Стыдно! А еще – человек!»

«Какой я человек? Что я могу без силы воли?»

«Ты что, от бесов еще не освободился?! Рассуждаешь точно слизняк! Как дам больно! Кто тебе вообще сказал, что у тебя всё отняли?»

«Нина».

«А она откуда знала?»

«Знала, и всё».

«А ты не думаешь, что ей в сознание тоже бесов подсунули?»

«Да ты что?! Она бы заметила...»

«Ну ты же не заметил, – донеслось сквозь плеск воды. – А я проверяла. Внутри ее сознания такая зараза черная сидит. И скоро наружу вырвется!»

«Откуда же ей там, в Светлом Сознании, взяться?»

«Как откуда? В пещере же ее пытали, силы почти совсем лишили. Вот и подсунули, воспользовавшись тем, что она остатки своей энергии на поддержание твоего естества тратила. И даже не заметила, как в ее сущность тьму внедрили... Не почувствовала ее от боли своей».

«И что теперь? Моя Воля при мне? Ну и прекрасно! А... это точно? Иначе как я свои ипостаси спасать буду?»

«Самого спасать пришлось... Я вижу, что у тебя веры в свои силы совсем не осталось. Давай уже просыпайся, человек! Верни себе былое величие! Дядька мой, Герцен, проживая одну из своих жизней в вашем мире, сказал: "Много мо-

жет воля человека, ее сила страшна, ей почти нет предела, стоит ей быть чистой, беззаветно отдающейся делу и чувствовать внутри себя океанские течения". Вот именно – океанские! Почувствовал внутри Волю чистой? Давай, вперед, носитель Света! Я в тебя верю! Не подведи меня!!!»

Плеск волн стал громче, и голос мавьей царевны затих, слился с шумом моря.

Сергей открыл глаза. Он лежал внутри зеркального лабиринта, предрассветное небо заглядывало в высокие окна. В ледяном гроте он был один.

Встать сразу не получилось. Зато получилось представить, сказать себе, что стеклянной тюрьмы просто нет. И лабиринт исчез как по мановению волшебной палочки. «Или с помощью навыков ментального строительства, примененных со знаком минус», – устало подумал доктор.

Приподнявшись на локте, он еще раз оглядел просторный зал, высокие своды которого терялись в посеревшем перед восходом солнца небе, собрался с силами и сел. Руки и ноги не слушались, тело ныло, но Сергей заставил себя подняться и направился вдоль стены, пытаясь отыскать выход.

Поначалу он повсюду натыкался на искусно выполненный ажурный ледяной заслон. И вдруг... арка, открывающая длинный холл со множеством коридоров, винтовых лестниц, ведущих на разные этажи дворца, весело бегущих к балконам и террасам, огражденным изящными балюстрадами.

За одним из поворотов человек обнаружил крепкую ка-

менную дверь (среди царства льда?!). Попытался открыть, истратил на это занятие последние силы, обозлился, пнул массивную створку и понял наконец, что это совсем не та дверь, о которой в своем предсказании говорила Плиона. Ведь каменная дверь – это сердце Антонины. Закаменевшее, лишенное света и любви. Сердце сначала надо очистить от тьмы синегорским снегом, а потом проколоть шипом, на котором замерзла капля крови Нины. Именно эта капелька и вернет к жизни Воительницу.

Сергей вдруг вспомнил о подаренном белкой оружию. И, словно отозвавшись на его мысли, на указательном пальце правой руки ярко засиял багровый перстень.

Легко обратив его в огнемёт, доктор огляделся воинственно:

– Где шип?.. Где этот отмороженный соблазнитель?!

– Я здесь, – послышался вдруг откуда-то сдавленный голос.

Сергей резко обернулся. Из бокового коридора к нему, опираясь о стену, брел Дух, прижимая к сердцу левую руку. Сквозь стиснутые пальцы на дорогие одежды хозяина ледяного грота сочилась кровь. Поначалу она была почти прозрачная, невесомая, легким облаком растворялась в воздухе вокруг мужчины. Но с каждым шагом обретала вес и цвет, заливала широкую, едва прикрытую искристой шелковой блузой грудь, расплывалась на ней розово-алым пятном, и вот уже крупные темно-красные капли звонко падают

на зеркальную поверхность, застывая на ней яркими многогранными рубинами.

Дух поднес окровавленную руку к лицу, словно не веря в происходящее, словно спрашивая себя: «Что это? Как такое могло случиться?» Он всё так же удивленно воззрился на Сергея, улыбнулся какой-то жалкой, нелепой улыбкой и осел на пол. Из груди его жадной спицей торчал мавкин подарок.

– Вот что бывает, когда на чужое заришься! – Сергей, вернув огнемёт в подпространство, склонился над Духом и привычным движением проверил пульс.

Да, у медленно заваливающегося на бок существа прощупывался пульс. Неровный, слабый. Но он был!

Сергей погасил в душе былую неприязнь, отринул все сомнения и принялся возвращать умирающего к жизни... В голове у него всё опять перемешалось: «Духа – к жизни! Да ладно... Всё! Хватит! Пульс есть – значит, и сердцебиение присутствует. Долг врача – сберечь жизнь!»

Доктор собрался, взглянул в выходящее на восток окно. Благо из-за горизонта выглянуло солнце. Одним резким движением Сергей вынул острый шип из полуоттаявшего сердца Духа («Его и духом-то теперь не назовешь... как же к нему обращаться?»), воззвал к восходящему светилу и, вмиг наполнившись животворящей энергией, поднялся на ноги.

Он создал подобие стола, призвал почти бездыханное тело на операцию и влил в энергетический образ мужчины порцию солнца. Хотя бы для того, чтобы слегка поддержать...

Дух (пусть пока будет так) вытянулся на столе и затих. Сергей прислушался к течению энергий в ледяном теле, отметил возрастающий потенциал и добавил еще немного света.

Врач, объединившись с Вселенской Благодатью, без труда залечил проникающее ранение, изгнал из грудной полости остатки крови, срастил сосуды, запечатлел солнечную энергию внутри тела, которое всё сильнее наполнялось жизнью.

Холодное каменное сердце окончательно оттаяло и вдруг очнулось, судорожно затрепетало, радостно забилося в груди, насыщая естество Господина Гор животворным сиянием. Вот беломраморная кожа порозовела, ресницы дрогнули – и с полуоткрытых, уже наполненных жизнью коралловых губ сорвался первый вздох. Солнце радостно поприветствовало новое живое существо, одарило его напоследок светлым благословением и, поцеловав Сергея в лоб, вернулось к своим делам.

...Двое мужчин смотрели друг на друга со смешанными чувствами. Красавец в окровавленной блузе оглядывал себя, ощупывал лицо, грудь, руки и не верил своим глазам:

– Я что, живой?

– Ну да, тебе же Солнце сказало...

– Такого не бывает.

– Как видишь, сердце у тебя бьется. Значит, ты живой, – ответил Сергей. – Как же тебя теперь называть? Не Духом же...

– И не человеком, – огрызнулся тот. – Ты оживил, тебе и

имя придумывать...

– Назови его Мериах, – из глубины коридора, кутаясь в шелковую простыню, появилась Антонина.

– Что? – возмущенно обернулся к ней Хозяин Гор. – Это ты мне так отомстить решила за неудавшееся соблазнение?

– За что отомстить? – хитро улыбнулась ему дева. – За соблазнение или за то, что оно не удалось? А Мериах – вполне подходящее имя. – Она обернулась к Сергею: – На малайском в вашем мире это значит «Оживленный».

Доктор бросился к амазонке, схватил ее за руки, взгляделся в лицо. Смеющиеся зеленые глаза, светлая улыбка. Ни тени, ни малого отголоска мглы во взоре.

– Расскажи, что произошло? Я же видел, чувствовал, что тебя тьма без остатка забрала...

– Было, было... Каюсь, – проворковала дева. – Но я намеренно себя мраку отдала.

– Что? – не понял Сергей.

– Я просто уже не в силах была противоборствовать, – пояснила красавица. И, предвосхитив возмущенные вопросы, продолжила: – Представь себе водоворот. Невероятная мощь захватывает тебя и тащит против воли туда, откуда нет возврата. Если сопротивляться, бороться с водным потоком, то довольно скоро иссякнут силы, закончится воздух – и тебя утянет вглубь.

Но если знать, что у этой мощи есть свой предел, что рано или поздно, достигнув дна, водяная воронка потеряет свою

силу и течение само спокойно вынесет тебя на поверхность, – стоит ли упорствовать? Не лучше ли отдаться на волю потока? Только воздуха в легкие побольше набрать не забудь... И в определенный момент хорошенько оттолкнись от дна.

– Так ты справилась?!

– Как видишь...

Человек вдруг непроизвольно сжал запястье Антонины:

– У тебя сердце бьется...

– Что? – дева схватилась за шею, нащупала пальцем яремную вену. Замерла, прислушиваясь и не веря в свои ощущения. – Как такое возможно? Ведь я же знаю, что снять наложенное на меня графом Жеглардом заклятье только солнечный поцелуй способен!

– Что, прости? – не понял Сергей.

– Ну, как в сказке: поцелуй истинной любви пробудил деву и заставил сердце биться, жизнь – вернуться в тело, и так далее... – Она обернулась и с подозрением уставилась на Мериаха.

Тот с невозмутимым видом рассматривал расцветенные лучами восходящего солнца стропила прозрачного купола.

– Это точно не его работа... – покачала головой дева. – Я бы знала. Я бы почувствовала...

– Ну, с этим мы чуть позже разберемся. Главное, что ты жива и здорова. У меня вот какой вопрос из головы не выходит: как ты его, – Сергей повернул Антонину к себе и кивнул на Ледяного Господина, – шипом проткнуть умудрилась?

– И мне тоже очень интересно, как ты на такое злодеяние отважилась? – тут же вскинулся тот. – В моем же собственном доме! В то время, когда я меньше всего ожидал такого... коварства!

– Да легко, – не обратив никакого внимания на возмущение владыки Синих гор, пояснила дева. – Вынырнула из объятий мрака, а тут он со своими... Я в себя прийти не успела еще, сил недостаточно было для достойной самообороны. Духа отталкиваю, а он настойчивый, распаленный. Не отпускает от себя. Вдруг чувствую под рукой что-то такое... тонкое и твердое. Решила, что оружие подходящее, незаметно из кармана на груди у него достала. Правда, без поцелуя не обошлось, – слегка скривилась она.

– Скажи еще, что не понравилось? – напряг мышцы Хозяин Льдов. – Полночи со мной развлекалась, а тут целомудрие изобразить решила, – процедил он сквозь зубы, с недоумением глядя на растрепанную, кутающуюся в простыню девушку.

– Вот я, не раздумывая, и воткнула в него эту штуку, – будто бы не расслышав слов новоявленного Мериаха, ответила амазонка.

Сергей покачал головой и с улыбкой облачил деву в бархатное синее платье, создал из света сверкающие серебром сапожки, набросил на высокие плечи меховую накидку и витиеватым движением собрал растрепавшиеся волосы в высокую прическу.

– Да я бы и сама... – смущенно пробормотала Воительница, комкая в руках и не зная куда деть ставшее бесполезным ночное одеяние. Наконец взяла да и развеяла простыню в воздухе, понадеявшись, что хозяин простит ей этот вандализм. – Но в любом случае спасибо тебе, Человек-Сергей, за заботу.

– Это я свои навыки проверяю, – ответил ей доктор. – Я же ночью поверил одурманенному ядом Духу. Решил, что Сила и Воля мои на снежном склоне покоятся. Представляешь, что бы было, если бы силой мысли я сам их туда отправил, а потом бы нашел и собственноручно Духу, поглощенному тьмой, отдал? И считал бы, что это правильно. Я уже понял, что ничего не терял. Всё это мракобесие – происки господина графа...

Он обернулся к Мериаху:

– Могу ли я задать вам вопрос, Повелитель Льдов?

– Отчего же так официально? – развел тот руками.

– Ну, просто вчера в наших отношениях всё было так неоднозначно...

– Вчера мой разум был слегка... скажем так, омрачен... большим количеством выпитого...

– Ага, я так и подумал, что неслучайно ты меня поглотить решил, – кивнул Сергей. – Вино, наверное, непростое... А откуда оно, если не секрет?

– Подношение от графа Жегларда.

– Кто бы сомневался! – всплеснула руками Воительница.

ца. – Пьет всякую гадость, а потом на людей бросается... и не только... Пора бы уже и гостеприимным хозяином стать.

– Могу ли я предложить вам прийти в себя после столь хлопотной ночи? – Владыка Синих гор с полупоклоном указал гостям на раскрывшиеся в сплошной стене двери в роскошные покои со спальнями, ванными комнатами и прочими атрибутами уютного жилья. – А через полчаса жду к завтраку.

Новонареченный Хранитель Ледяного Простора, Повелитель Синих гор Светозарный Мериах с помощью мавкиного амулета превратился в элиава³⁰. Одним взмахом руки он сменил окровавленную одежду на чистый и свежий, еще более изысканный наряд, развернулся на каблуках и, скрестив руки за спиной, отошел к окну. Немного подумал, улыбнулся своим мыслям и, создав ажурный балкон, вышел сквозь распахнувшиеся створки высокой двери наружу.

Ему было о чем поразмышлять. Так неожиданно свершилась, сбылась его давняя мечта стать живым... Однако он еще не до конца осознал, хорошо это или плохо... Одно дело – мечта, и совсем другое – ее воплощение, включая все плюсы и минусы. Хотя ему-то смещение потенциала ничуть не мешает. Силы своей он не потерял, бессмертия в веках не утратил (если только кто-нибудь еще раз не захочет про-

³⁰ Элиавы – потомки межвидового скрещивания мавок и эльфов, живые существа, по сути своей приближенные к людям, но обладающие огромным магическим потенциалом.

ткнуть его чем-нибудь острым). Впереди – жизнь! Вечная, наполненная мощью, новыми, подаренными чудодейственной силой мавьего шипа возможностями и... одиночеством.

«Эх, юная царица Плиона, – подумалось ему. – Знала ли ты, одаривая человека могуществом мавьего рода, о таком непредвиденном повороте событий? В твоём царстве, может быть, обратившейся с помощью ктарра нежити предостаточно. А в этих просторах я такой один...»

На балкон вышел Сергей, вдохнул полной грудью морозный воздух, оглядел заснеженный простор:

– Красота!

– Что-то ветер расшалился, – Мериах отвлекся от размышлений и пристально вгляделся в прилетевшие откуда-то и задорно кружащиеся вокруг белые пушинки. – Я чувствую присутствие чего-то нездешнего. Но не могу определить, что это. И... оно мне неподвластно. Только ты, человек, сможешь этот дар стихии принять.

Сергей вскинул руку и поймал в ладонь три небольших пушистых перышка.

– Белые перья Памяти, – понял он. – Отправлены сюда из мира людей с помощью объединенной силы Лунного и Земного воинств... Чья же Память ищет безвозвратно утерянное?

– Ты их поймал, а теперь и мне можно к ним прикоснуться. Разрешишь взглянуть?

Элиав осторожно взял перышки, проник в их суть внут-

ренным взором и по-мальчишески присвистнул. Затем, развернувшись, стремительно пошел навстречу появившейся в зале Антонине:

– Красавица моя, теперь я знаю, чем тебя отблагодарить и за ночные ласки, и за чудесное оживление!

– Да неужели?! – с недоверием глянула на него амазонка.

Не обращая внимания на сквозившую в словах девы иронию, Ледяной Владыка раскрыл перед ней ладонь и заговорщицким тоном произнес:

– Это твое... Это – часть тебя!

Антонина нерешительно приблизилась, словно не веря своим глазам:

– Память? Моя Память?! – она вся подобралась, вскинула руки и одним резким движением, как порывом ветра, смахнула с раскрытой ладони Мериаха перья.

Белые пушинки взвились в воздух и закружились вокруг Воительницы в волшебном танце, словно радуясь долгожданной встрече. Затем, рассыпавшись на солнечные искры, влились в тело девы и засияли в ее лучезарном взгляде, в солнечной улыбке, в искристом звонком смехе всеми цветами радуги, всеми звуками невероятно красивой, почти запредельной мелодии ликования.

В порыве благодарности Антонина обняла Хозяина Гор. Затем слегка отстранилась и с чувством произнесла:

– От всего сердца спасибо за такой бесценный подарок! – она прямо-таки светилась. – Столько восторга, столько тор-

жества!

Сергей, молча наблюдая эту сцену, от души порадовался за свою ипостась и отправил Мериаху ментальный посыл:

«Ты к Антонине с этими перьями со всех ног бросился. Визжу, очень хотел произвести на нее впечатление. И что из этого следует?»

«Что?» – тоже мысленно спросил его элиав.

«Скажи мне: неужели, обретя жизнь, ты потерял внутренний покой и стремление к равновесию сил?»

«Я не знаю... Мне кажется, это просто порыв... души».

«Вот и я о том же. Ты стал действовать по зову сердца».

«Если я правильно понимаю, в этом и есть смысл человечности?»

Сергей улыбнулся, хлопнул его по плечу, а деву крепко обнял. Затем, оставив обоих, отправился на заснеженный склон.

– Милая моя, – проследив за его удаляющейся фигурой и слегка наклонившись к Антонине, решился спросить элиав, – я при человеке не стал уточнять... Ты действительно ничего не помнишь?

– Действительно! – отстранилась красавица. Лицо ее стало серьезным.

– Я понимаю, – продолжал Мериах, – сознание твое этой ночью во тьме блуждало. Но тело-то... – Он легонько прикоснулся к ее плечу, провел пальцами по шее.

И дева вздрогнула, потянулась навстречу ласке.

– Вот видишь... – словно извиняясь, проговорил хозяин Синих гор.

– Ничего не помню, ничего не было! А... если и было, то не по моей воле! – словно испугавшись себя самой, скороговоркой произнесла Антонина. Щеки ее заливала краска стыда.

– Ну уж... Да уж... Против воли... Если честно, ведь это ты мою добродетель всю ночь пыталась приступом взять, – смутившись в ответ, пробормотал элиав. И вдруг как-то робко спросил: – Ты не останешься со мной?

– Ты, конечно, славный и всё такое... – начала было девушка.

– Понял, можешь не продолжать, – вскинул на нее синеокий взгляд Мериах. – Насильно, как говорится...

– А Человек-Сергей где? – прервала его амазонка.

– На склоне, – указал Ледяной Правитель на распахнутые позади собеседницы ажурные, словно сотканые из мириад искристых кристаллов, высокие двери.

– И что он там забыл? – Воительница сорвалась с места и ринулась сквозь широкий проем на снежное плато, проваливаясь в глубокий снег и спеша убежать от неудобного разговора.

Мериах вздохнул, глядя вслед смутившей его покой красоте, и легким жестом облек стройное девичье тело в теплый комбинезон. Отороченный мехом капюшон уберегал ее лицо от порывов холодного ветра.

Дева издали заметила на краю обрыва человека в ярко-синем костюме альпиниста.

– Ты почему ушел, меня с этим... оставил?

– Вам надо было ответить друг другу на все вопросы. Да и мне не мешает мысли по полочкам разложить...

– И что надумал? – Антонина уселась рядом с ним на край скалы и надела пушистые варежки из овечьей шерсти, предусмотрительно намысленные для нее человеком.

– Я вот думаю, что не всё мавкино предсказание верно понял. В нем говорилось, что я дважды сердце разбудить должен был. С Нининым сердцем всё получилось. Я решил, что по этой же схеме и тебя к жизни вернуть смогу. Но только вот второе разбуженное шипом сердце, как оказалось, совсем не твое...

И он вслух прочитал предсказание юной царевны:

Ты беги-беги-беги. Не страшны тебе враги.

Крепко узел ты скрепляй, мыслью нечисть истребляй.

Только в черные глаза не гляди, не ускользай

В чарах огненной луны с оборотной стороны.

Здесь всё получилось: я бежал спасать Нину, завязал на шею медведя концы кушака-амулета. Когда нас похитили и заточили в пещере, мыслью обездвижил монстров, не смотрел в твои заполоненные тьмой глаза и не поддался чарам огненной луны... Со второй частью пророчества поначалу

тоже всё нормально было... – Он не стал вдаваться в подробности о том, что произошло на луне Леле. – Но дальше наперекосяк пошло... Только с возвращением тебе Памяти получилось...

И Сергей продекламировал:

Память в мире грез найди, сердце дважды разбуди.

Каменную дверь пронзи, имя вслух произнеси.

Будет пусть неведом страх. Жизни свет в твоих руках.

Грань небес не перейдешь, не решишься – не спасешь.

– Так никто и не говорил, что шип мне предназначался, – немного поразмыслив, ответила дева. – Было сказано: дважды разбуди.

– Но второй раз не я будил сердце, а ты...

– Но я же – часть тебя. Может, поэтому...

– Если честно, у меня ум за разум заходит. Получается, что вы с Владыкой Гор без моей помощи друг друга расколдовали. Ты, проткнув каменное сердце Духа, влила в него частицу жизни, оставшуюся в застывшей на кончике шипа крови Нины... Но какая сила разбудила твое сердце? – он еще раз проверил пульс амазонки. – Неужели ласки Господина Синих гор настолько были наполнены страстью, что заставили пробудиться твою изначальную суть? Ты не влюблена в него, случайно? Не он ли вернул тебя к свету – солнечным, как ты сказала, поцелуем?

– Еще чего! – с досадой дернула плечом девушка. – Даже и не заикайся больше об этом... – И перевела разговор на другую тему: – Подожди! В твоём предсказании говорилось не о нескольких сердцах, а об одном! По всему видно, что тебе во второй раз придется Нину к жизни возвращать!.. А не пора ли нам? Что-то загостились мы тут...

– Не... может быть! – недоверчиво смотрел на нее Сергей. И вдруг вспомнил, как, мысленно общаясь с Плионой, узнал о заложенной в сознание Нины угрозе. – Подожди... раз мы здесь оказались – может, напоследок проверим, нет ли тут того, о чем еще в предсказании царевны говорилось?

Доктор призадумался.

– «Каменную дверь пронзи...» – вновь пробормотал он. – А ведь где-то здесь я видел дверь. Каменную. Только вот открыть не смог...

– Может, посмотрим? – в глазах амазонки вновь загорелся огонек авантюризма.

Она резко поднялась и с изумлением воззрилась на растекающиеся от ее ног мутные потоки.

– Тьма? – дева замерла. – Этого не может быть! Ведь сердце, мое сердце ожило! И Память вернулась! Я не должна!.. Это невозможно!.. – голос ее вдруг прервался.

Поначалу, углубившись в давние слои памяти, вспомнив все свои светлые дела и достижения, дева готова была петь от восторга. Но суть ее, добравшись до воспоминаний о событиях, случившихся после объединения с графом Жеглар-

дом, осмыслив всю глубину падения, застыла от осознания проявленной злобности, забурлила мутной рекой самобичевания.

– Опять началось... – пробормотал про себя Сергей, глядя снизу вверх на закатившую глаза Антонину. – Когда уже ее злоключениям конец придет?

Амазонка, перед мысленным взором которой проносились властные приказы Жегларда, просто ополоумела от всего того, что так безжалостно воскресила ее память. Снова и снова прокручивала она в голове картины, где с упоением рвала на части неугодных Предводителю, без раздумий сметала с лица земли целые поселения, уничтожала всё живое на своем пути. Она с дрожью в душе наблюдала за молящими о пощаде жертвами ее злодеяний, взирала на их искаженные ужасом лица, на истекающие кровью растерзанные тела.

Сердце, ожившее сердце, уже не скованное тьмой, рвущееся из ее груди, дико вопило, кричало от безысходного горя и отчаяния, от обиды на свою доверчивость, от раскаяния за совершенные преступления. За то, что не смогла она, не сумела, даже не подумала хоть раз остановиться, не следовать циничным приказам хозяина, не совершать кровавых дел.

Сергей, глядя на ее мучения, в растерянности опустил руки. Но тут в голову ему пришел недавний разговор под березой. Как обычно, шустряя белка, прыгая со стола на нижние ветки дерева и обратно, делилась с ним опытом...

«Чтобы спасти Антонину, присказка хорошая нужна».

«Присказка? – не понял человек. – При чем здесь сказки-загадки?»

«Ну, когда, к примеру, сердце ее оживить решишь, или эмоцию какую вернуть захочешь, или лед в душе размораживать будешь – стишок такой надо читать».

«Что-то похожее на мавкино пророчество?»

«Да нет, у мавок свои предсказания. А это совсем другой стишок, снимающий проклятие, наговор или морок. Я тебе сейчас пример приведу».

Она картинно отставила заднюю лапку, ухватилась за ручку узорчатого серебряного подстаканника и с выражением продекларировала:

«Простите-простите-простите.

Сердца свои раскрепостите, обиды и злость отпустите.

Несчастья и беды растают.

И, словно в преддверии рая, пусть в душах Любовь расцветает.

Прощайте-прощайте-прощайте.

От мира мечту не скрывайте, всем Света Любви пожелайте...»

Затем с умным видом расправила усы и продолжила:

«А если вдруг не знаешь, как снять морок с помощью чудесных амулетов и древних заговоров, можно свое стихотворение придумать. Главное – четко осознать, от чего ты должен избавиться. Или избавиться кого-то... И про силу мысли не забывай, а еще о жарком сердце своем...»

Сергей видел, что Антонине просто необходимо в короткое время освободиться от разъедающей душу горечи. Иначе беды не миновать... Он чувствовал, что Воительница, преисполнившись раскаяния, уже собирается искупить вину путем... Об этом вообще думать нельзя! Он решил, что следует оставаться под солнечными лучами как можно дольше. Что-то говорил ей, отвлекал от черных мыслей... А сам всё пытался сочинить-придумать хоть что-то, чтобы спасти деву от разрыва сути.

«Я что, поэт? – какой-то частью сознания недоумевал он. – Как же мне сочинить для моей бедной ипостаси хотя бы небольшой стишок самопрощения? Ну, хоть четверостишие... Она злу служила... А я? Я ведь тоже частью системы был, тоже служил, приказы выполнял... И от воспоминаний о тех временах на душе до сих пор мерзко...»

Сергей взял деву за руки, взглянул в расширенные от ужаса из-за осознания своих преступлений глаза. И, когда взгляды их встретились, когда он всем сердцем прочувствовал терзания девушки, душа его откликнулась на эмоции Антонины так стремительно и горячо, что доктор сам не понял,

как в объединенном сознании родилось:

*«Я прощаю, прощаю себя от души.
Я прощаю себя и на чудо надеюсь.
Неосознанно злу довелось мне служить.
Я прощаю – беру на себя эту смелость.*

*Я отрину сомненья, не стану растить
В своем сердце отчаянье, стыд и страдание.
Я – прощаю! Принять хочу и... отпустить
Горечь всех предназначенных мне испытаний.*

*Одолов беспросветную тьмы глубину,
Боль развею по ветру, лишь опыт оставив.
Только опыт способен загладить вину.
Только жизнь, продолжаясь, ошибки исправит».*

Солнечный водоворот кружил и вихрился, подхватывая искристые снежинки. Небо звенело от рвущихся ввысь энергий. В обновленном внутреннем мире Антонины рушились каменные оковы, освобождая гордое сердце и сияющую душу от боли раскаяния.

И дева простила себя. В первый раз за многие столетия отдалась чувству, которое так долго вызывало в ней холодное презрение и которое она так долго не допускала до своей извращенной сути.

Возникшая в естестве Антонины радость прощения подняла Сергея на небывалую высоту. Он вдруг почувствовал не только утоление всех своих печалей и горестей, но и невероятное, неизведанное дотоле душевное спокойствие, граничащее (как ему показалось) с пребыванием «у Христа за пазухой».

– Теперь мы пойдем вниз, в свое пространство, – сказал Сергей. – Только посмотрим сначала, что там за каменная дверь такая...

ГЛАВА 44

– Может, не пойдем? – Антонины попыталась отговорить его от возвращения в ледяной дворец.

– Мы ненадолго. Задерживаться не будем. Ведь нас Нина уже заждалась, – успокоил деву Сергей.

Но, как бы они ни торопились, от завтрака отказываться не стали. Тем более что за столом царил почти непринужденная атмосфера. А хозяин, в утреннее время всегда находившийся в наилучшем расположении духа, готов был раскрыть пред гостями чуть ли ни все свои секреты.

– А откуда в ледяном дворце взялась дверь из камня? – неожиданно спросила Мериаха Воительница, глядя ему прямо в синие очи.

Тот замер на секунду, пытаясь не утонуть в ее лучистом взгляде, а потом, собравшись с мыслями, без утайки ответил:

– Господин граф попросил укрыть ее от постороннего взора.

– А что за этой дверью? – задал вопрос доктор.

– Не знаю, – честно ответил хозяин. – Я отнюдь не любопытен.

– Да ладно! – воскликнула амазонка. – В полном одиночестве сидеть целыми тысячелетиями на вершине горы и даже не полюбопытствовать: а что же это у меня под боком происходит? Не очень-то правдоподобно, – она хитро прищурилась. – А давай посмотрим?! Проверим, что там. Этот Жеглард столько раз нашей доверчивостью и недалевидностью пользовался. В конце концов, это из-за его вина ты нас чуть со свету не сжил... Должок за вами, господин...

Мериах задумался. Сергей понимал, что от ответа владыки Синих гор очень многое зависит. И предусмотрительно промолчал – не стал подливать масла в огонь, наседать на хозяина ледяного грота, принуждать к скорому принятию решения. Он намеренно вернул разговор в прежнее русло, нахваливая вкус изысканных блюд и любуясь раскинувшимися за окном горными вершинами.

– Решено! – вдруг поднялся из-за стола Хранитель Ледяного Простора. – Мы идем к каменной двери.

– Я готова! – Антонина незаметно оглянулась на солнце, прикидывая, сколько еще осталось до полудня (ведь тогда Хозяин Льдов может стать уже не таким сговорчивым).

Дева вскочила и поспешила за провожатым. Сергей по-

следовал за ними, на ходу прикидывая, чем бы эту дверь открыть, если у Мериаха не окажется ключей.

Как и следовало ожидать, их у бывшего Духа не было. Сообщники полукругом выстроились у двери, разглядывая узор на грубом камне, негромко переговариваясь и предлагая различные версии в отношении спрятанного за дверью чуда (или зла, или еще чего, неведомого)...

– Если нет ключа, может, отмычку изготовить? – предложил Сергей.

– Здесь нет замочной скважины – слепок не сделать... – ответил Элиав.

– И с петель ее не снять, нет их тут, – покачав головой, добавил доктор.

– Откуда у вас обоих такие познания? Вы, случайно, домушниками в прошлых воплощениях не были, господа хорошие? – Антонина смерила мужчин подозрительным взглядом.

– А это что за отверстие? – не обратив внимания на слова девы, Мериах указал длинным пальцем в самую середину двери.

– Может, просто не очень качественно зашлифованная трещина? Или стык между камнями?

– Между какими камнями? Это же монолит!

– Ну, раз монолит, мы его проткнем! – и Сергей, недолго думая, достал из невидимой чужому глазу, спрятанной на груди камышинки острый шип и сунул в круглое отверстие.

Раздался легкий щелчок – и монолит, разломившись снизу доверху ровно посредине, легко разошелся в стороны двумя каменными створами. За дверью оказался... сейф. Обычный стальной сейф с кодовым замком и усиленной защитой.

– Да, – потер кончик носа владыка Синих гор, – здесь без подсказки не обойдешься.

– Почему это? – выступила вперед Антонина. – Десять цифр... Тридцать шесть в десятой степени комбинаций... Да... Даже при наших возможностях месяца три с сейфом этим провозимся...

– Да вы детективы не смотрели, – пробормотал Сергей, внимательно разглядывая кнопки. – Я вижу отпечатки на тройке, шестерке и девятке. Что получается? Код из трех цифр.

– Хорошая подсказка, – покачала головой дева. – Но что если цифры в коде повторяются? Тогда их может быть и четыре, и пять – да сколько угодно...

– Думаю, всё проще, – с улыбкой ответил ей Мериах. И воссоздал образ последнего визита Жегларда к его железной сокровищнице.

В призрачном голубом сиянии граф, предварительно осмотревшись по сторонам, с помощью кода открыл сейф и спрятал в нем небольшую отделанную перламутром шкапулку. Проследив за движениями Жегларда на переданном образе, взломщики без труда нашли ответ на свои вопросы и открыли дверцу. Внутри негоряемого ящика была только

деревянная, искусно инкрустированная коробочка.

Открыв ее, Антонина ахнула:

– Имянаречение!

– Это же не вещь, это – просто обряд! – не понял Сергей ее благоговения.

– Это в твоём мире обряд, а у нас – не вещь, а артефакт. – Она с нескрываемым восторгом смотрела на сияющую на красной бархатной подушечке большую каплю.

Капля переливалась и словно дышала, жила какой-то своей, загадочной жизнью и не обращала на присутствующих абсолютно никакого внимания.

– Чтобы безболезненно для всех провести процесс имянаречения, надо быть твердо уверенным в своей правоте, знать сущность обряда и язык существа, которому ты собираешься подарить имя, – наставительно произнес элиав.

– Ну, с языком проблем не будет. Зачем нашей Воительнице прежнее имя, сомнений не возникает ни у кого, – вслух размышлял Сергей. – А вот сущность обряда знает здесь кто-нибудь?

Антонина и Мериах в ответ только руками развели.

– Сущности обряда не знаем... – продолжил рассуждения человек. – Поэтому его проведение может оказаться болезненным... – Он повернулся к Воительнице: – Очень больно тебе будет в случае неудачи?

– Это как родиться, – ответила дева. – Или родить. Но так или иначе придется рискнуть.

– А кто обряд проводить должен?

– Либо глава рода, либо близкий родственник.

– Ни того, ни другого у нас нет.

– Как нет? – удивилась девушка. – А ты кто?

– Я – часть тебя, – ответил Сергей. – Вернее, это ты – часть

меня...

– Подойдет, – ободряюще хлопнула его по плечу Воительница. – Родня, одним словом.

– А говорить-то что надо?

– Тебе же сказали: мы не знаем. Главное – верь в то, что праведное дело сотворяешь.

– Отличная инструкция! – возмутился Сергей. – Пойди туда – не знаю куда. Сотвори то – не знаю... Сотворяешь... – пробормотал он. Подумал и, мысленно проследив за звучанием сказанных девой слов, оживился: – Со-Творить надо в содружестве с высшей силой. Я попробую. Только синегорского снега можно попросить?..

– Так может, на склон отправимся? – предложил Мериах. – Там этого снега – завались.

– Ты на него дурно влияешь, – повернулся к Антонине Сергей. – Он уже по-человечески разговаривать начал.

– А разве это плохо? – парировала та. – Хоть на человека стал похож...

Элиав слегка улыбнулся и создал короткий проход на солнечный склон.

* * *

Полуденное Солнце, почувствовав вибрации определенной высоты, исходящие от собравшейся на склоне троицы, тут же приготовилось к новому обряду. На небе не было ни облачка, даже холодный горный ветер притих в ожидании чудесного действия.

Облаченная по такому случаю в белые одежды Антонина, распустив огненную гриву волос и расправив плечи, стояла по колено в снегу. Перед ней, вооруженный силой Солнца, замер Сергей со шкатулкой в руках. Он начал речь:

– Именем Неба синего, именем Солнца сияющего, именем Вселенной бесконечной нарекаю тебя, дева-Воительница, славным именем Арина. Да будет имя это с тобой неразлучно до самого великого слияния со своей половиною. Да станешь ты достойно носить имя свое во всех веках, во всех пространствах. Да прославишь ты его великими деяниями, да пребудет в имени твоём сила твоя и слава во веки веков. Аминь.

Радужная капля ни на сантиметр не сдвинулась с места. Проиgnорировав слова Сергея, она просто наслаждалась своим естеством.

Антонина же со стоном согнулась пополам, схватившись за живот, а побледневшее лицо ее исказилось невероятной мукой. Видя это, доктор растерянно отступил.

Отдышавшись, Воительница сжала кулаки и проговорила:
– Я готова. Давай еще раз.

Подошедший элиав тихо шепнул человеку на ухо:

– Верь в себя. Пусть сейчас получится. Третьего эксперимента над ее сутью я не допущу. При всей своей силе и целеустремленности, она просто не переживет такого испытания.

Солнце жарко светило человеку в затылок, словно призывая что-то изменить в обряде. Тот потоптался на месте, обошел вокруг Воительницы и замер.

– Ну давай, решайся! – поторопила его Антонина. – Тут уже выбора нет: или всё, или ничего.

– Но в случае неудачи... – начал было Сергей.

– Я знаю, что будет. Не медли! – со всё возрастающим нетерпением проговорила Антонина. И, чувствуя его нерешительность, вдруг взорвалась: – Думаешь, мне самой легко? Думаешь, я выбрала себе такие душевные перевертыши?! Да мне порой хочется послать всё к черту и стать... слабой женщиной, чтобы рядом оказался кто-то сильный, кто решит все вопросы, спасет меня и вынесет из бурь и невзгод на руках. И самое главное – скажет, что я под защитой! Что никогда ничего плохого со мной не случится! А приходится... вот! – эмоционально взмахнув рукой, закончила она гневную тираду.

Выслушав этот пламенный спич, Сергей в который раз задумался. Да, он, безусловно, рисковал. Брал на себя ответственность за естество девы. Что случится с ней после произнесенных им слов? Выживет ли она? В данной ситуации о врачебном долге речи вообще не шло. Здесь всё было по-

иному. И судьбы всех его ипостасей, судьба его самого, судьба мира людей напрямую зависели сейчас от одного его решения: проводить этот обряд или нет... Но как же его не провести, если только так можно вернуть Арину...

Человек собрался с мыслями и, определив прямую линию между Солнцем, челом девы и шкатулкой, вновь всей душой своей обратился к светилу, произнося каждое слово от самого сердца:

– Солнце, жизнь дарующее, обрати свой свет на девушку, раскрывшую перед тобой естество свое. Столько бед перенесла она, столько невзгод на нее обрушилось... Но не сломили ее испытания, выстояла она, справилась. И не разучилась радоваться свету твоему и красоте мира окружающего. Подари же ей имя настоящее, Ариной означенное, с момента разделения сути данное. Пусть получится у нее имя это с честью нести до самого объединения, слияния в суть единую. Я верю в нее. Поверь и ты, прошу тебя.

И, собрав внутри себя всю данную Солнцем благодать, он с чувством обратился к сияющей на бархатной подушке субстанции:

– Арина, вернись к сути своей!

Во время этого искреннего обращения человека к Солнцу сияющая капля словно ожила, потеряла всё величие и самолюбование. Она тихо лежала на атласной подушечке и будто прислушивалась к каждому слову Сергея. Под конец налилась синевой, поднялась, несколько раз перевернулась в

пространстве – и пульей вонзилась деве в затылок. Та, беспомощно вскинув руки, осела. Она бы рухнула лицом в снег, но элиав, молнией метнувшись к девушке, вовремя подхватил обмякшее тело. Сергей откинул шкатулку в сторону и ринулся на помощь.

– Что случилось?

– Обряд не совсем верный, – сверкнул синими глазами Мериах, внимательно всматриваясь в лицо амазонки. – Но всё же ты справился со своей миссией. Теперь всё от жизнестойкости нашей красавицы зависит.

– Кто бы научил еще обряду этому, – Сергей пытался нащупать пульс.

– Уже неважно. Дело сделано. Остается только ждать.

– Пульс отсутствует! – душа у Сергея сжалась.

– И хорошо, – невозмутимо ответил Мериах. – Пусть артефакт старое имя изгонит, в теле утвердится, освоится. Тогда и жизнь в деве нашей возродится. И станет она вновь Ариной, славной Воительницей и защитницей, важной частью твоего Сознания. – Повелитель Синих гор положил бездыханное тело на снег, отступил на шаг, предоставив Солнцу делать свою работу.

Полуденные лучи прожигали деву насквозь, заставляя прежнее имя уйти, покинуть естество амазонки, навсегда забыть дорогу назад. Сергей даже не удивился, когда возникшее вокруг ее тела радужное сияние постепенно сменилось грязно-серыми разводами. Снег, впитывая непрекращающи-

еся потоки грязи и мути, покидающие душу амазонки, снова и снова проступал снизу девственно-белым покрывалом («Мериах помогает», – догадался Сергей).

Искристые снежинки, не страшась смертельных эмоций, без труда вобрали в себя весь цинизм и беспринципность, весь мрак данного злобным Предводителем имени, освобождая изначальную суть Арины от скорби и ярости. Постепенно лицо девы порозовело, на щеках проступил румянец.

Наконец она глубоко вздохнула, открыла глаза и произнесла:

– Небо какое синее...

– Как ты? – склонились над ней взволнованные мужчины.

– Все такие молодцы... И солнышко, и синегорский снег... И вы оба. Без вас я бы ни за что не справилась. А капля – та еще падла. Такой фортель выкинула! Я б ее...

– Узнаю знакомые нотки в голосе, – проверяя пульс, улыбнулся Арине Сергей. – Очень мне твой новоявленный лексикон одну бабульку напоминает...

Он обернулся к Мериаху и тихо спросил:

– Она что, теперь так и будет разговаривать?

– Нет, конечно, – ответил тот. – От шока оправится, и речь ее в прежнее русло вернется.

– Это радует, – с облегчением вздохнул человек. – Двух базарных бабок рядом я бы не выдержал.

Элиав поднял отброшенную Сергеем шкатулку и легким движением «выжал» из снега мрачную сущность данного

Жеглардом имени. Сгустившаяся черная капля, переливаясь лоснящимися боками, упала на красный бархат, застыла в полном ощущении своего безупречного совершенства и занялась самосозерцанием.

Человек и элиав, поглядывая на приходящую в себя Арину, завернутую в меховую накидку, тихо переговаривались.

– И куда мы теперь этот артефакт денем? – спросил Сергей, кивнув на блаженно нежащуюся в солнечных лучах каплю.

– В сейф вернем, – замыкая шкатулку, хитро усмехнулся Мериах.

– А если Жеглард это имянаречение в дальнейшем вновь применит, заставит еще кого-то плясать под свою дудку?

– Не применит уже... Он же думает, что в шкатулке имя Арины запечатлено. Считает, что злое колдовство обращающего заклятия всё еще действует. Граф, понадеявшись на мой нейтральный статус и хроническое отсутствие любопытства, эту шкатулку без дополнительных заклятий мне на хранение передал. А теперь в работу его секретного оружия свои коррективы внесла, скажем так, наша любознательность...

– Но он когда-нибудь всё равно узнает о том, что мы сделали.

– Ему же хуже, – усмехнулся владыка Синих гор. – Как откроет эту шкатулку, без лишних слов новое имя обретет. Только темным до кончиков ушей ему уже не быть после это-

го. Синегорский снег не только Санию высветлить может – ему ничего не стоит коварный мрак имянаречения в солнечный свет обратить...

Элиав в качестве прощального подарка вручил человеку светящийся сосуд с силой Северного Ветра и напомнил:

– Как начнете последний переход между пространствами – открой этот сосуд прямо в портале, чтобы ветер временные грани стер, пространственные слои уравнил.

– Зачем? – удивился доктор.

– Время сместить необходимо. Вам в Бледной пади за час до рассвета надо очутиться.

Он пожал протянутую Сергеем ладонь, с нежностью взглянул на прекрасную деву и мановением руки создал сияющую воронку портала.

ГЛАВА 45

– Ты что это себе позволяешь?! – звонкий голос, солнечными лучиками прорвав мрачную завесу, вывел белку из состояния протрации. – Подруга при смерти, а она сопли по морде размазывает, себя жалеет! Быстро приходи в чувство, доставай амулеты и делом займись! Спасай уже Клавдию!

«Клавдию?» – словно издали донеслось до белки это имя.

С трудом сообразив, о ком идет речь, приняв в сознание свет еще двух-трех пляшущих перед мысленным взором искорок, она медленно спросила:

«А где Клавдия?»

Обернулась на голос, пытаясь прийти в себя. Увиденное отрезвило ее окончательно.

«Клавдия! – Рыжуля ринулась к волчице. – Не смей умирать, собака ты такая! А хозяйка?! – белка метнулась к почти бездыханной Нине. – Хозяйка-то почему умирает?! Как же это случилось?! Так это всё – Жеглард!»

Весь морок с ее естества как рукой сняло. Вспомнив, что произошло в горнице Нины, ошарив от осознания, что может в одночасье потерять подруг, белка действовала быстро и решительно: вынула из подпространства нити жемчуга, обмотала ими Хранительницу, одновременно с этим приговаривая:

«Не обережный кокон, но всё же подмога. От разрушения ее психику какое-то время защитит».

Затем она вскочила на длинную собачью морду, чутко прислушалась, определила, что Клавдия без сознания... Но – жива!

«Ага! – воскликнула белка. – Врешь, подлый граф, нас так запросто не убить!»

Присев над разорванным животом волчицы, Рыжуля вынула из подпространства маленькую дудочку, глубоко вдохнула, но затем в недоумении развела лапками:

«Это... Я заклятие забыла... Свет призвать не знаю как... А где ж я света солнечного раздобуду в этой безысходной мгле?»

Сергей протянул ей амулет, ту самую «погремушку» – светозарный источник. Белка с радостью схватила ее, придав форму кольца и, надев на конец дудочки, заиграла. Нежная мелодия полилась над округой. И вся кровь, что потеряла за это время Клавдия, что пролилась на серый лишайник, впиталась в сухую безжизненную землю, – вся эта кровь собралась, очистилась, засияла и вернулась обратно в тело. Благодаря светлому оберегу организм волчицы без труда залечил внутренние повреждения. Друзья с воодушевлением следили, как затягивается глубокая рваная рана на ее животе.

А белка всё играла и играла. «И как ей резцы не мешают?» – непроизвольно подумал Сергей.

«Я вообще-то тебя слышу!» – возмущенная мысль Рыжули «боднула» его сознание.

«Прости, не отвлекаю», – извинился он.

Процесс заживления перекинулся на конечности Клавдии: исковерканные лапы потянулись в изначальное положение, сухожилия залечивались, переломанные кости срастались, разорванные сосуды восстанавливались. И вот серебристая лунная шерсть снова излучает волшебный свет, сердце бьется четко, дыхание – ровное и спокойное. Только глаза почему-то не открывает волчица.

«Клавка, просыпайся уже... – белка потеревала ее за ухо. – Ты нас и так сильно напугала».

– Ничего не понимаю, – склонился над недвижимым те-

лом Сергей. – Пульс есть, жизнь внутри присутствует.

– А сознание проверяли? – спросила вдруг Арина, пристально вглядываясь в сплетенные над ними ветви каменных деревьев.

– Что? – не понял Сергей.

«Сознание надо позвать! – Рыжуля с благодарностью взглянула на деву. – Вот я твердолобая! Голова – что твой орех!»

Белка сдернула с дудочки сияющее кольцо, отправила музыкальный артефакт обратно в подпространство, а светозарному источнику придала форму диадемы и нацепила волчице на голову. Посидела немного, вспоминая заклятье, походила вокруг подруги, пытаясь найти в подсознании нужные слова... Ничего на ум не приходило.

«Как же это я? – в растерянности глянула она на Сергея. – Неужто не осталось больше у меня Силы? Неужели все пласты обережных знаний Жеглард из меня выкачал?»

«Ничего, не расстраивайся, Рыжуля, ты всё вспомнишь со временем, – человек ободряюще ей улыбнулся. – А пока я помогу тебе. Не зря же меня Нина в свое время правильно врать³¹ учила, поведала мне особые заговоры, необходимые на тот случай, если солнечного света рядом не будет».

Он прикрыл глаза, припоминая заклинание, затем резко поднялся и, используя поток внутренней силы, обратился к сознанию Клавдии:

³¹ Врать – лечить словом.

«Свет Первозданный, вернись благодатью своей к той, что верой и правдой служит тебе и помыслам великого нашего Создателя».

В сплетении ветвей появились голубые всполохи, освобожденные волшебным заговором из захвата каменных вампиров. Словно нехотя светящиеся искры спустились к голове волчицы и сгрудились над призывно сияющей короной.

«Свет Первозданный, войди благодатью своей в ту, что несет в себе искреннюю Любовь и чистую Веру».

Искры вошли в тело. Клавдия открыла глаза, оглядела сгрудившихся над ней соратников. Во взоре ее сначала промелькнуло удивление, сменившееся затем непередаваемой радостью. Она попыталась подняться, но не смогла даже повернуть голову: всю энергию из нее вытянула Бледная падь.

Чтобы не дать подруге вновь погрузиться в беспомощность, Рыжуля, судорожно стиснув лапки, вспомнила нужный заговор, «завалившийся» в глубины подсознания, и преобразила диадему в ошейник. Воззвав к амулету, она «включила» в нем плавно нарастающий режим энергетической подпитки, постепенно, по каплям восстанавливающей силы волчицы.

«Сколько вы уже здесь?» – с беспокойством оглядевшись вокруг, обратилась к белке Арина.

«Не знаю, не помню, – растерянно развела та лапками. И вдруг встрепенулась, подалась навстречу Воительнице, впитала в себя часть ее сути. – Да ты у нас Светлая теперь!» – И радостно улыбнулась, словно наполнившись исходящим

от девы животворящим светом и теплом.

Ментальное взаимодействие в один миг «рассказало» белке о том, что, возвращаясь домой, Арина и Сергей выстроили порталы в обратной последовательности, и конечный переход пролегал через Падь, куда вихрь забросил Нину с помощницами. Напоенная до отказа солнечной энергией Арина без труда вывела из оцепенения Рыжулю, одним махом освободила от наложенного Предводителем заклятия и вдохновила на спасение клыкастой подруги. А вот белокурой деве требовалась более серьезная помощь. Ее так просто излечить не удавалось...

Обследовав Нину, Сергей поднял ее с лишайника, жадно светящегося от украденной у девы энергии:

«В этом смертельном пространстве больше ни минуты нельзя оставаться. Срочно открываем портал, иначе погибнет Хранительница наша».

«А как? – растерянно спросила белка. – У меня доступа к защитным амулетам практически нет. Ты же видел, как я подтупливаю: Жеглард почти все заклятья из моего сознания вытянул. Сколько осталось? Раз-два и обчелся... Все известные мне дороги из Бледной пади ведут через тоннели лишь на Темную сторону... А в Светлое пространство путь проложить можно только через Железное плоскогорье. Но там нас, запредельных, без защитных талисманов одно лишь безумие ждет... А самая действенная защита – хрустальный оберег – только у Воительницы нашей имеет-

ся...»

«*Защита есть, но не для меня, – Арина, распахнув свою капсулу, знаком предложила Сергею уложить Нину в сияющий кокон, прислушалась к течению энергий и удовлетворенно кивнула: оберег принял в себя естество девы, занялся если не восстановлением, то хотя бы поддержкой организма. – И в этом вампирском месте задерживаться нельзя... Что же делать?»*

Подумав, амазонка решительно расправила плечи и принялась выстраивать межпространственный переход.

«*И куда мы отправимся?»* – взяв на руки обессиленную Клавдию, спросил Сергей.

«*В замок Жегларда».*

«*Что?! – заверещала белка. – К этому монстру?!»*

«*А как иначе ты Нину от наложенных Предводителем заклятий спасешь? Как Клавдии силы вернешь? – вопросом на вопрос ответила дева. – Я знаю, как в лабораторию проникнуть. Знаю, как Нину от Ревности освободить. А дальше – посмотрим!»*

«*Авантюристка ты»*, – покачал головой Сергей, но возражать не стал, доверяя интуиции Арины.

«*И тебе бы не помешало рассудительность свою на время оставить»*, – не отвлекаясь от построения портала, ответила та.

* * *

Минуту спустя все пятеро оказались посреди черной за-
лы. При виде Воительницы стража вытянулась, отдала честь.
Вбежавший дворецкий склонился в приветствии:

– С прибытием, грозная госпожа! Вы вернулись с трофея-
ми? – прислужник с любопытством взглянул на распластан-
ную поверх прозрачной капсулы волчицу, рядом с которой
сжалась в комок маленькая белка. Он с брезгливым выра-
жением возрился на человека, но опомнился и, с еще боль-
шим подобострастием согнувшись перед амазонкой, осме-
лился спросить: – А где же господин граф? Он за вами от-
правился, обещал тьмой вас заново напитать. Как вижу, у
него всё получилось, и вы снова в строю...

– Господина дела задержали, – Арина надменно глянула
на дворецкого (отчего тот весь сжался) и незаметно с облег-
чением выдохнула. Стычка с Жеглардом и мастерски обу-
ченной, вооруженной до зубов охраной замка откладывалась
на неопределенный срок.

– Что прикажет госпожа? Не желаете ли отдохнуть, под-
крепиться? – еще ниже склонился рогатый прислужник.

Он собрался было позвать конвойных, чтобы распре-
делить по темницам захваченных Воительницей светлых, но
амазонка его остановила.

– Ничего не нужно. Ступай! – властно приказала она. –
Пленных сопровожу сама!

– Как изволите... – ответил слуга, избегая обжигающего
взгляда девы, и с поклоном удалился.

Подгоняя «пленного» Сергея, влекущего за собой хрустальный оберег с неподвижными подругами, Арина направилась на нижние этажи, к темницам. Однако по пути, незаметно вынув точную копию заветного ключа из тщательно скрытой от постороннего взгляда капсулы, она свела воедино расслоенное пространство коридора и открыла прямой проход к исследовательскому центру Жегларда. Вот и шестая лаборатория... Мановением пальца отключив все записывающие устройства, дева подошла к пульту возле похожего на прозрачный цилиндр аппарата и обернулась к друзьям:

– Ну всё. Здесь нас никто не услышит. Надо половинку мою в этот агрегат поместить, он изначально на мои параметры настроен. И делать почти ничего не нужно: слегка данные подкорректирую, настройки чуть смещу, полярность заряда изменю – и этот магическо-электрический прибор свободно из нашей девы Ревность вытянет.

– А ты знаешь, как он работает? – осторожно спросил Сергей, аккуратно укладывая Хранительницу внутрь стеклянного сооружения.

– Еще как знаю, – горько усмехнулась амазонка. – Мой черный господин во время экспериментов так любит комментировать свои действия...

Дева глубоко вздохнула и включила аппарат. Тот натужно загудел, и обмякшее тело Нины, напившись магическим электричеством, замерцало синими искрами, распрямилось, зависло в центре прозрачного цилиндра. Обзорный экран за-

светился, на пульте замигали разноцветные кнопки. Арина внимательно разглядывала на большом мониторе трехмерную модель своей ипостаси, над которой слабо мерцал тысячелепестковый лотос:

– Так, что мы имеем? Эта бледная зараза вкупе с Ревностью из половинки моей почти всю жизнь высосала. А что мы можем этой беде противопоставить?

– Давай сначала Ревность обезвредим, – предложил человек, наблюдая за действиями Воительницы.

– Не возражаю, – кивнула та и развернула проекцию внутренних емкостей Нины.

В самой середине сердечной чакры Хранительницы нагло развалилась непрошенная гостья. Она впилась своими щупальцами во все энергетические центры, обвила-опутала органы крепкими нитями зла, захватила, подмяла под себя все чувства девы, затянула ее в летаргический сон.

«Как расстаралась эта Ревность! – воскликнула белка. – Не иначе как Завистью стать планирует! Давай я ее заклятьем извлечения шарахну! Его-то я хорошо помню...»

«Не торопись, Рыжюля, мы ее сейчас по-другому нейтрализуем», – улыбнулась Воительница и, подкрутив ручки потенциометров, заставила Ревность сдать позиции.

Пользуясь навыками и оборудованием Жегларда, Арина без особого труда использовала знания, подслушанные во время экспериментов над своей сутью. Она в определенной последовательности выполнила все манипуляции, необходи-

мые для извлечения чувств из заключенного в аппарате объекта, только сменила полярность заряда, отправленного наглой отрицательной эмоцией.

Получив приличную дозу Света, Ревность в мгновение ока потеряла всю самоуверенность, жалко пискнула, завибрировала, а затем свернула свои нити и щупальца, расслоилась и трусливо отступила, потекла из души прекрасной девы в заранее приготовленную герметичную емкость.

Арина в очередной раз пробежалась по кнопкам и с удивлением воскликнула:

– Да что вы, господин граф?! Неужели всё это хранилось у меня под боком?

– Что там? – Сергей с Рыжулей подвинулись ближе, приотрелись внимательнее.

– Там – всё! Всё, что отнял у меня Предводитель, – взволнованно объяснила амазонка. – Все эмоции и чувства, потерянные во время битвы на скале... Я была уверена, что они уничтожены безвозвратно, а они здесь томятся... Любви только нет...

Недолго думая, Воительница, высвободив из-под высокого воротника своего серого платья неприглядное на вид ожерелье, быстро перекачала в его бусины энергию своих потерянных когда-то эмоций, заключенных в многомерных хранилищах аппарата Жегларда. Наполнившись лучистым содержимым, украшение засияло всеми цветами радуги, озарило темное помещение Светом.

Однако такого яростного всплеска враждебной энергии окружающее пространство, издавна привыкшее к вибрациям мрака, стерпеть не смогло: на пульте вспыхнула красная кнопка, на обзорном экране возникла надпись, предупреждающая, что объект исследования подлежит ликвидации через шестьдесят секунд.

– Что?! – воскликнула Арина. Пальцы ее вновь запорхали по кнопкам, но цифры неумолимо приближали трагедию: сорок секунд, тридцать, двадцать...

«На фига ты, не окончив одно дело, на другое перекинулась?! Вытаскивай скорее хозяйку из этой банки!» – что было сил вопила в общем сознании белка.

– Я пытаюсь, но здесь кодовый замок, нескончаемые шифры – боюсь не успеть! – растерянно оправдывалась дева, вместе с тем прилагая все силы, чтобы вызволить из агрегата свою половинку.

«Скорее!» – верещала Рыжуля. – *«Время на исходе!»*

Отстранившись от охватившей «девчонок» паники, Сергей молча подошел к толстой перегородке цилиндра, отделявшей его от самого дорогого существа на свете. Мысли его неслись с такой скоростью, что время, казалось, замерло на месте... Слушая гулкие удары своего сердца, мужчина пристально всмотрелся в запрокинутое лицо Нины, оглядел ее неподвижное, выгнутое от напряжения тело... Словно во сне представил себе, что нет никакой преграды между ним и его... Жизнью. Протянув сквозь стекло руки и нежно об-

хватив деву, достал ее из агрегата, прижал к груди.

Мгновение спустя жаркое пламя загудело в прозрачной камере, моментально подняв внутреннюю температуру на тысячу градусов. Воительница и белка ошеломленно смотрели то на раскаленный добела аппарат, то на Сергея с Ниной в руках.

Рядом с четырьмя друзьями вдруг оказалась и Клавдия. Светозарный источник у нее на шее ярко сиял. Ткнувшись носом в безвольно повисшую за плечом Сергея руку хозяйки, волчица восхищенно подумала:

«Вот на что способна всесильная мысль человеческая! Ни замки, ни расстояния, ни даже магия не в силах ее остановить!»

«О! Клавдия! Ты очнулась?!» – радостно завопила в общем сознании белка и, вскочив на подлокотник кресла у самой собачьей морды, придирчиво всмотрелась в карие глаза. – *Когда успела-то?!»*

«Да успела вот, – пружинисто переступила та с лапы на лапу, проверяя, как работает восстановленное тело, отследила течение внутренних энергий. – Хвала Создателю, что человек с Ариной вовремя появились... – она многозначительно посмотрела на белку. – А то так бы и загнулись мы с вами, подруги дорогие, в той мгле...»

Белка прикусила губу, примолкла, затем порывисто обняла Клавдию, зарывшись в ее густую шерсть:

«Родная ты моя...»

Клавдия, прочувствовав торжество момента, забыла все претензии и радостно слилась с энергией Рыжули. Но Арина, спрятав под наглухо застегнутым воротником нестерпимо сияющие драгоценные камни, не дала помощницам времени на проявление дружеских чувств:

– Надо торопиться. Забыли, что ли, где находимся? В лагере врага ни на миг нельзя расслабляться! Дома будем обнимашки с поцелуями устраивать. Так, какие у кого предложения?

«Рвать когти!» – воскликнула радостная белка, снимая с подруги волшебный ошейник и отправляя его в подпространство. – *Теперь, когда Клавдия в строю, мы с вами, мои воительницы, всю стражу графью в ключья разнесем! Нам бы до владений нашего новообращенного князя Нерца-Андрея добраться, а оттуда мы уж наверняка без всяких многоходовых переходов на Светлую сторону попадем».*

– Откуда знаешь? – удивился Сергей.

«Чутье подсказывает!» – загадочно улыбнулась белка.

– А если серьезно? – склонилась над ней амазонка.

«Кони там! Жеребец и две кобылы. Красивые... крылатые...» – мечтательно протянула Рыжуля. – *Если такого скакуна оседлать, на нем сквозь тайные коридоры в любой предел без особого труда проскочить можно».*

– А чего же Нерц сам на них не летал сквозь пространства? Зачем нужно было с помощью Потапыча замороченного в Светлое Запределье проникать, когда мы с Жеглардом

Нину и Человека-Сергея похищали? – удивилась Арина.

«Ну, незнание нужной информации не избавляет владельца от... владения чудом...» – пожалала плечиками довольная белка.

– А ты-то откуда об этом чуде узнала? – никак не мог понять Сергей. Он так и стоял посреди лаборатории с Ниной в руках, ни на миг не выпуская драгоценную ношу.

«А вот! – рыжая попрыгунья выставила на всеобщее обозрение длинный конский волос. – На столе обнаружила, информацию считала».

– И о том, что в конюшне Ветра нашего не один, а три волшебных пегаса стоят, тоже тебе волос из хвоста черного коня подсказал?

«Ну, во-первых, не из хвоста, а из гривы... Видимо, наш князь бывал в этой лаборатории не раз. Вот и принес нечаянно на одежде своей, – без тени сомнения ответила Рыжуля. – А тут всё черное, стол этот с кнопками – черный. И волос, на стол упавший когда-то, тоже черный. Никто его и не заметил до сих пор. Кроме меня, конечно... Пользуясь очками всепроницания и отследив звездный путь скакуна, которому этот волос принадлежал, я всё и узнала...»

«И когда успела? – озадаченно подумала Клавдия. – Ты же в общем сознании без конца верещала. Даже меня своими воплями на ноги поставить смогла...»

– Тихо! – чутко прислушавшись, воскликнула Арина. – Ощущаете вибрацию? Кто-то сюда межпространственный

путь выстраивает. Так! Сосредоточились все, распределяем силы: я и Сергей – спасаем Нину, а вы, подружки...

Но тут воздух посреди лаборатории всколыхнулся, замерцал, закрутился каплями жидкой ртути.

«Сами знаем, что делать, без командиров обойдемся!» – огрызнулась белка. — *Сейчас мы этого "кого-то" в клочья порвем!»* – Она воинственно вздыбила на загривке шерсть, шустро перескочив на спину Клавдии.

Белая собака, оскалив клыкастую пасть, в один миг превратилась в огромную волчицу и хищно ринулась в сияющий расплавленным серебром водоворот.

Дверь лаборатории загудела от мощного удара. Оглянувшись, Арина воскликнула:

– Распознал-таки дворецкий мой обман! Думаю, это стража сюда прорывается... Возвращайтесь домой наикратчайшим путем – через Бледную падь. – Арина спешно принялась выстраивать портал. – На Железном плоскогорье моя осторожная капсула сознание Нины от всполохов защитит.

– А ты? – бросился к ней доктор. – Разве нельзя по-иному отсюда выбраться?

– Можно, но рисковать не будем. Половинка моя сейчас не в том состоянии, чтобы с боем сквозь армии Жегларда прорываться, – Воительница заботливо поправила на Нине нити осторожного жемчуга, погладила неподвижную деву по щеке, вздохнула. Затем аккуратно закрыла хрустальную крышку и тщательно проверила герметичность замков. – Бегите!

– Подожди! – воскликнул Сергей. – А ты как же? А если ты, здесь задержавшись, страдаешь?!

– Если, прикрывая ваш отход, я умру, вы все в мирах останетесь, суть ваша сохранится. Пусть неполной сделается душа твоя, но жить ты будешь. И остальные ипостаси выстоят. Но если пострадает Нина, ты вслед за ней лишишься не только жизни, но и сути своей. Погибнешь ты, и пространство твое вмиг исчезнет, схлопнется. И матрица миров опять испытает деформацию. Я не могу этого допустить. Так что – уходите. Если Создателю будет угодно, я вырвусь из этого капкана и к вам позже присоединюсь.

– Так не должно быть, – не сдавался доктор. – Вместе бой примем. Не могу же я за женской спиной прятаться. – Он огляделся, прикидывая, как бы надежнее укрыть Хранительницу.

– Не дури! – воскликнула Арина. – Не забывай о предназначении своем, человек!

Сергей застыл в нерешительности. Вновь перед ним стоял выбор. Тяжелый выбор. Он сжал кулаки, чертыхнулся. В который раз взглянул на Нину, затем снова обернулся к Воительнице:

– Как же я тебя тут...

– Главное – Нину спаси, – амазонка крепко обняла человека. – А я справлюсь. Ты же меня знаешь...

Громовые удары в железные створы не прекращались. Арина, проследив, как Сергей с обережной капсулой скрыл-

ся в переходе, отсчитала десять секунд – и разорвала связь между пространствами, скрыла от чужого взора звездный путь беглецов.

С сомнением глянула на выходное отверстие тоннеля, в котором исчезли Клавдия с Рыжулей – может, на помощь подругам отправиться? Но по слабому мерцанию звездной окружности определила, что силовые поля внутри медленно восходящего и по диагонали смещающегося к потолку межпространственного коридора нестабильны. Шагнув в портал, Воительница могла оказаться вовсе не рядом с соратницами, а в любом из миллионов темных подпространств.

Решительно подняв проявившиеся в руках огненные мечи, дева обернулась к рассыпающемуся в прах дверному проему. И вновь она одна перед надвигающейся опасностью. И опять смотрит в глаза смерти, не сгибаясь и не отступая назад. Пусть будут подальше от поля битвы ее близкие. Воительница защитит, прикроет, спасет их даже ценой собственной жизни. Видимо, это ее судьба – всегда быть барьером между двумя противоборствующими силами...

Приготовившись дать достойный отпор неведомому пока врагу, она крепче сжала мечи и глубоко вдохнула, ожидая нападения. Но, взглядевшись в прорисовывающийся сквозь клубы пыли силуэт, удивленно воскликнула:

– А ты здесь откуда?

Занесенное для удара оружие дрогнуло в ее руках.

ГЛАВА 46

Взглянув на светлеющий за восточным предгорьем край неба, граф Жеглард зябко поежился: скорее бы очутиться в том долгожданном моменте, когда уже не придется, словно жалкой крысе, скрываться от этого вездесущего солнца! Ну ничего! Придет время, и замысел Отца всех Темных Владык воплотится, и это неумное светило перейдет наконец в инфракрасную фазу!

Предводитель ухватился за тесемки плаща, собираясь унести в свое логово и душу, и тело поверженного им Светлого Воина, мановением руки создал проход в Черный Замок. Немного помедлил, оглядывая место недавней битвы, коварно улыбнулся и сделал шаг к мерцающей жидкой ртутью окружности. Но тут из разверзшейся воронки портала навстречу ему ринулась белая молния – смяла, сбила с ног, навалилась всей тяжестью, стремясь перегрызть горло. Помочь Предводителю было некому, бесы в панике разбежались. Неизвестно, чего они больше боялись – рассвета или белой волчицы. И то и другое несло им неминуемую гибель.

– Ты же сгнула в буйстве вихрей! Ты же искалечена была, обескровлена! Откуда ты здесь, почему не сдохла?! – отбиваясь от страшного натиска, вопил истошным голосом забывший про ментальное взаимодействие граф. – Остановись, давай поговорим!

Но Клавдия и не думала с ним беседовать. В тот момент она страстно желала только одного – вытрясти из проклятого Предводителя его злобный дух!

Следом за Клавдией из портала выскочила Рыжуля. Она окинула взглядом поляну и замерла, увидев на плаще растерзанное тело Бродяги. Подскочила ближе, не веря своим глазам, и истошно завопила, по-бабьи схватившись лапками за голову. Потом развернулась, гневно сияя бусинками глаз. Вскинулась, рванулась к Жегларду, в неумном порыве стремясь уничтожить того, кто посмел так поступить с ее... с ее... другом! Но, внезапно заметив в траве антрацитового паука, споткнулась на бегу, остановилась и как-то боком подскочила к артефакту. Склонилась над ним, проверяя, чем заполнено жадное до жизни волшебное существо. Восемь глаз хищника ярко сияли желтым огнем.

«Режим хранения, – определила белка. – Хорошо, что не красные у него глаза. Это бы означало поглощение жертвы. Тогда бы уже никто не смог спасти заключенную в пауке душу».

Водрузив на нос очки всепроницания, Рыжуля проникла в суть темного создания, всё еще надеясь, что внутри кто-то другой, не ее любимый... «Бродяга, милый ты мой!» – горестно всхлипнула она и, без капли страха схватив черный амулет, ринулась к мертвому телу белокурого воина.

«*Не смей!*» – мысленно закричала ей Клавдия, выпустив горло Жегларда.

Тот с размаху нанес схватившей его хищнице сокрушительный боковой удар, вскочил и скрылся в воронке портала.

Но волчицу уже не волновал побег злейшего врага.

«Ты что это, дура рыжая, делаешь? – подбежавшая Клавдия всё еще не верила своим глазам. – Разве не знаешь, что это за артефакт? Он за спасение поглощенной души равноценную плату потребует!»

«Будет ему плата... Главное – чтобы душу Александра моего сколько надо рядом с телом продержал, пока я его не восстановлю, пока для жизни годным его не сделаю», – белка, быстро перебирая лапками, взбежала на растерзанную грудь Бродяги.

Она вырвала из подпространства жемчужную сеть и накрыла ею вывороченные ребра. На горло юноши плеснула из фигурной склянки сияющей золотой жидкостью. Перескочила на колени воина, хитрым плетением заставила отрубленные конечности занять изначальное положение и наполнила кровавые раны искрами утренней росы. Затем призвала на помощь Хрустальный Свет взошедшей на небосклоне Венеры и создала колыбель, чем-то напоминающую обережный кокон, после чего мановением лапок перенесла бездыханное тело в сияющую нежным светом тягучую субстанцию.

«Ты соображаешь, что делаешь?! – снова накинулась на нее подруга. – Где ты сейчас душу раздобудешь, чтобы жажду артефакта утолить? Да ты вообще вправе ли чужими жизнями и душами распорядиться?!»

«Три минуты! Только три минутки у нас и осталось! – не обращая внимания на Клавдию и сжав у груди маленькие лапки, шептала Рыжуля, придирчиво наблюдая за восстановлением человеческого организма. – Скорее, помощник мой волшебный! Торопись, мой хороший! Нам очень, очень нужно успеть!»

Собака стгоряча цапнула ее за хвост:

«Ты меня слышишь?»

«Слышу! Да! Я тебя хорошо слышу!» – повернула к ней зареванную мордочку белка. – Я свою жизнь и душу артефакту отдам. Вот только вздох Бродяги уловлю, биение сердца различу и... отдам».

«Сдурела совсем! – вскинулась Клавдия. – Это же черный (черный!) артефакт! Тебя, добровольно ступившую во мрак, из лап паука уже никто и никогда не достанет! Никакая сила не сможет помешать распаду твоего естества. Ты же растлишься, в небытие уйдет душа твоя! И уже никогда переродиться не сможешь!»

«Есть одно средство – любовь родительская... Но, видимо, не судьба...» – грустно качнула головой Рыжуля.

«Да разве так можно?! Я тебе этого не позволю. Он уже сделал шаг в небытие. Ты не в праве его жизнью или смертью управлять!»

«А кто в праве? Кто? – взъярилась в ответ несчастная ворожея. – Зачем мне жизнь, если его не будет в этом мире? Зачем?! Я совсем одна на свете осталась! Тут он появил-

ся... Хоть видеть его могла, любоваться, общим воздухом с ним дышать! А теперь... Теперь что? И, в конце концов, это не я – одна из четверых, а он. Он! Ему жить, ему Сияющее Сознание в мир людей возвращать!»

Белка перевела дух и уже спокойно добавила:

«Не мешай, Клавдия. Это моя добровольная, осознанная жертва».

Она внутренне подобралась и, пристроив темный артефакт на большом плоском камне, обратилась к стерегущему свет души пауку:

«Слышишь ли ты мой зов, алчного зла амулет?»

Дух, что в себе хранишь, чем без конца дорожишь, ты отпусти на свет.

Пусть поглощенный тобой узник покинет плен.

Вечную душу свою, светлую сущность свою я предлагаю взамен.

Зная, что ждет меня пропасть небытия,

В жертву себя приношу. Место добычи твоей займу добровольно я.

Вместо другого я в омут забвенья шагну.

Только верни того, кто очень дорог мне, кто у тебя в плену».

Антрацитовый паук, засучив лапками, откликнулся на призыв. Просканировав суть белки, он удовлетворенно проскрипел:

«Равноценный обмен! Хозяин будет очень доволен... Именно эту душу он так долго желал поработить. А тут – сама, добровольно...»

Он мерзко хихикнул, ярко-желтое свечение его восьми глаз сначала стало зеленым, потом померкло, и талисман распахнулся.

Вырвав из лап смерти драгоценную душу, Рыжуля одним махом подскочила к недвижимому воину и в последние отмеренные Господином Времени секунды вернула сущность Сашки в восстановленное тело. Чутко прислушавшись и определив, что сердце возвращенного к жизни Ветра бьется ровно и спокойно, маленькая ворожея прикоснулась к исходящему от богатыря свету своей энергией, стараясь запомнить, запечатлеть его в израненном болю сознании.

«Пора!» – проскрипел голодный паук. – *«Твое время на исходе...»*

«Успеешь, жадная тварь!» – вскинулась на него волчица.

«Угомонись, Клавдия, – белка вспрыгнула ей на спину. Вытянулась, как она всегда любила это делать раньше, запустила лапки в густую шерсть. – Ты береги моего любимого. Расскажи ему потом о моих чувствах... Нет, лучше не говори ничего. Не хочу. Пусть он с честью исполнит свое предна-

значение. И ничто, никакие грустные воспоминания не омрачат его счастливой улыбки».

«Что же это такое творится-то, а? Что же ты наделала?! – вне себя от горя помыслила ее подруга. – Всех нас оставила, бросила...»

«Не отвлекай. А то забуду, что еще сказать хотела, – перебила Рыжуля. – Нашим всем от меня низкий поклон передай. А тело мое под березой похорони, на солнечной стороне. Дом наш разрушен, вы все это место покинете. Но я надеюсь, что у запредельного пространства воспоминания о наших добрых делах останутся, пока плоть моя не истлеет... Хотя бы так я с вами рядом буду... И спасибо тебе за всё. Если я хоть что-то смогу в памяти сохранить, то никогда не забуду, что ты – подруга моя. Лучшая. Самая...»

Она спрыгнула на землю, решительно подскочила к пауку и, поднявшись на задние лапы, шагнула прямо над распахнутыми створками амулета. Маленькое тельце ее, переступив за невидимую грань и словно споткнувшись на бегу, потеряло ориентиры, упало на четвереньки, движимое инерцией. Но лапки, уже лишённые жизненной силы, подогнулись, глазки-бусинки закрылись, и – всё... Не стало больше Рыжули Авдеевны...

Светлый дух белки с недоумением отследил падение собственного тела.

«Вот я неуклюжая! – глядя на себя со стороны, инстинктивно поморщилась она. – Не могла из жизни как-то по-

изящнее, что ли, уйти?»

Но тут навалился мрак – сковал ее естество, заставил забыть обо всем, кроме всепоглощающей боли.

«Этот антрацитовый гад знает свое дело...» – пронеслась под конец короткая мысль и угасла...

Клавдия, проследив за последним шагом Рыжули, припала на передние лапы, тихо заскулила от осознания свершившейся несправедливости, которой она никак не смогла помешать. Волчица вся сникла, сжалась, сгорбилась. Затем медленно подняла голову к небу и, не в силах сдержать рвущуюся наружу боль, протяжно завывала.

ГЛАВА 47

Опустив меч, дева в растерянности глядела на Нерца, остановившегося перед разможенной дверью лаборатории. Клубы пыли почти осели, а эти двое так и стояли, не решаясь начать разговор. Арина всё смотрела и не могла поверить, как у этого существа, еще вчера мерзкого, может быть такой взгляд... Такой огненный взор! И такой... влюбленный, что ли?

Нервно кашлянув и прервав наконец молчание, юный князь протянул руку:

– Пойдем. Я тебя отсюда выведу.

– Да я и сама могу, – дернула плечом девушка. Она немного поколебалась, а затем, сделав несколько шагов вперед,

робко взяла Нерца за руку.

По длинному коридору оба молча вышли на высокое крыльцо. Никто из слуг графа не посмел им воспрепятствовать. Огнедышащий жеребец всхрапнул, почуяв исходящую от Арины энергию, и радостно заржал.

– Это он тебя так приветствует? – удивился Ветер. – А ведь впервые видит... Обычно он даже приставленных к нему конюхов укусить норовит.

– Ну, видимо, какие конюхи, такое и обращение, – в тон ему ответила Воительница. – А конь твой и впрямь радуется. Знает, что мы в Светлое Запределье сейчас отправимся. Крылатый жеребец нас сквозь межпространственные барьеры запросто перенесет. Он это умеет, как оказалось.

– Не думал, что ты об этих лошадях больше моего знаешь, – удивился спутник Арины. – Только... сейчас ты одна полетишь. А у меня тут еще кое-какие дела имеются. Не волнуйся, я скоро к тебе присоединюсь, я до Троелуния обязательно успею здесь всё закончить. Может быть, тогда спокойно поговорить сможем, а то всё никак не получается...

– Поговорить? – удивилась дева. – О чем?

Нерц вздохнул, немного подумал, но так ничего и не ответил, замер в растерянности. Нужные слова никак не приходили на ум.

– Ты что, язык проглотил? – Арина, видя несвойственную князю робость, лукаво улыбнулась.

Немного помявшись, тот решил спасти положение – ска-

жем так, математическим путем – и, вычислив в уме время и дальность полета (в этом направлении его застопорившийся было мозг заработал хорошо), сообщил:

– На закате в Светлом Запределье будешь. Там и поговорим. Ты только дождись меня...

За их спинами в дальнем углу большого вестибюля зыбким маревом проявилась-задрожала окружность межпространственного перехода, утратившая стабильность силовых полей и медленно «восходящая» из лабораторий исследовательского центра сквозь каменный пол замка. Стоило сверкающей воронке отделиться от мраморной поверхности, как она ярко заискрилась, и на темно-зеленый ковер из почти схлопнувшегося портала вывалился Предводитель. Одежда его была растерзана, на шее и руках запеклась черная кровь. Пытаясь прийти в себя, он в полнейшем недоумении и бессильной злобе наблюдал за тем, как Нерц помогает амазонке сесть в седло и, не страшась рассветных лучей, из-под руки наблюдает за взвивающимся в небо чернокрылым жеребцом, уносящим ввысь Прекрасную Воительницу.

В голове у Жегларда метались сумбурные мысли: «Как! Как такое могло произойти?! Как зловредный племянник смог выбраться из-под многотонной многокилометровой лавины?! Откуда он здесь? И почему с этой перекинувшейся, вернувшейся к сути своей девкой?.. Тьма возьми, он же мог догадаться о моей причастности ко всему! Надо срочно бежать...» В тщетных попытках подняться граф судорожно за-

скреб руками по мраморному полу.

За спиной у Предводителя в слабо пульсирующую, постепенно сжимающуюся воронку портала неслышно проникло семейство шустрых белок. Но граф этого не заметил. Он видел только одно: строптивая дева вновь сбегала, оставляя злобного гения без поддержки, без своей великой всепокрушающей силы. Непобедимая амазонка уносилась в утреннее небо, разбивая в прах мечты Жегларда о невероятной и такой вожденной власти на троне свергнутого в небытие Всетемнейшего правителя.

* * *

Пропахшая гарью недавнего пожарища Солнечная долина пережила страшную ночь. Вспыхнувший дьявольским пламенем дом Хранительницы Нины с полуночи до полудня обильно поливали ливневые дожди, изо всех сил борясь с магическим пламенем, сберегая яблоневый сад и светлый сосновый лес от жадного огня. От дома остались лишь дымящиеся головешки, но всё прочее удалось отстоять. Осиротевшее пространство словно притихло, с трепетом ожидая, что вот-вот появится хозяйка и всё наладится, жизнь под раскидистой березой вернется в свое размеренное русло.

Долгий пасмурный день наконец подошел к концу. Ветер разметал зареванные тучи, и розовый вечер беспечно раскинулся над уютной долиной. Солнце уже скрылось за высокой, сплошь покрытой величественными соснами горой.

Над полноводной широкой рекой сгустилась легкая туманная дымка, неторопливо заволакивая дальний берег и каменистые предгорья и заставляя отдаленные лесные голоса звучать гулко и торжественно.

На безоблачном, медленно темнеющем небосклоне постепенно прорисовался серп убывающей луны. Вслед за ним кое-где показались веснушки чересчур любопытных, нетерпеливых звезд, окунувшихся отражением в мягко колышущуюся водную поверхность.

Вдруг спокойные волны заходили ходуном. В одно мгновение над рекой проявилось транспортное средство, издревле используемое русалками Запределья для переноса наземных существ сквозь водные пространства. Серебристая сфера поднялась из реки и зависла над ладными деревянными мостками. Во все стороны разлетелись искристые капли – и воды схлынули, высвободив зеленокожего мужчину с прекрасной девушкой на руках.

Опустив Анжелику на твердую поверхность, Вольдемар огляделся. Широкая тропинка, бегущая от реки через цветущий прибрежный луг, терялась в густых зарослях серебристой ивы и шиповника. На небольшом отдалении, почти скрываясь за тихо шелестящей зеленой листвой кустарников, белела крепкая лестница, ведущая на невысокий холм, на вершине которого над обгоревшими останками жилья вился легкий белесый дымок.

Преодолев несколько пространственных переходов,

странники прибыли к дому Златовласой Хранительницы Нины. Вернее, к тому, что от него осталось... Высокая береза печально качала тонкими ветками над обгоревшими развалинами и словно что-то шептала про себя, убаюкивая боль утраты. С одной стороны дерево покрывали страшные ожоги, листья были скрученными, почерневшими.

Путники удивленно оглядывали пожарище и недоумевали. Как смогла береза выстоять, не вспыхнуть, словно свеча, от жара горящего дома? Что сберегло ее от неминуемой гибели?

– Значит, здесь твое место? – задал вопрос Вольдемар, угрюмо рассматривая медленно погружающиеся в темноту окрестности и с тревогой вдыхая запах дыма. – Как-то не хочется мне тебя оставлять на этом неприглядном берегу...

– Да, именно здесь мое место, – ответила дева, внимательно оглядывая цветущую лужайку, вдыхая вечернюю прохладу, приправленную горечью дыма и расставания.

– И ты уйдешь? Навсегда? – с надрывом проронил мужчина, словно пытаясь образумить, уберечь, отговорить спутницу от неверного решения.

– Да, – последовал такой же лаконичный ответ.

– И что мне останется? – он резко обернулся и порывисто прижал Анжелику к груди. – Все последующие дни и ночи напролет вспоминать о тех светлых минутах, что ты мне когда-то дарила?

– Ты познал Любовь настоящую, – с искренней нежностью

в голосе ответила дева, немного отстранившись и погладив его по щеке. – Как же теперь можешь говорить о безрадостном существовании? Ты, Светом Любви озаренный... Вот и живи с этим чувством в душе.

– В душе? Откуда она у меня?

– Так от любви же! – ласково улыбнулась красавица и, привстав на цыпочки, нежно поцеловала его в щеку.

– Всё равно: не хочу, не могу тебя отпустить! – не соглашался Вольдемар. – У меня словно сердце из груди вырвали! К чему мне дворцы и усадьбы, высокие звания? Зачем богатства несметные, если некого будет радовать, если не станет тебя рядом со мной? Ради чего, для кого я буду добиваться заоблачных высот, стремиться ввысь по карьерной лестнице? Кто сможет с твоею искренностью, с твоей беззаветной радостью гордиться моими достижениями? Всё тлен, всё мусор и бесполезное тщеславие! А я тебя хочу! Я с тобой рядом быть должен!

– Родной мой, хороший! – ухватила его за руки девушка, пытаясь привести в чувство. – Мы с тобой уже обо всем договорились. Заранее. Ты же знаешь, что мне просто необходимо быть с Ариной. Без меня ей не справиться.

– А я? Как же я? Обо мне ты подумала?! – плечи Вольдемара мелко затряслись, по щекам покатались крупные слезы. Но, тут же взяв себя в руки, он глубоко вздохнул и торопливо проговорил: – Ты не считай меня слабаком... Нет, я не только о себе забочусь. Я всё понимаю... Я сделаю, как

ты хочешь. Но мне так... больно!

– И мне тяжело с тобой расставаться, – обняла его Любовь. – Но, пожалуйста, очень тебя прошу, не смотри на всё происходящее с позиции жертвы. Жизнь – она длинная. И когда одна дверь закрывается, обязательно откроется другая. Тебя впереди ждут великие события...

Горестный вздох вырвался из груди Вольдемара. Он смотрел на свою так горячо любимую, такую прекрасную, такую родную женщину. Не мог наглядеться и не мог до конца поверить, что еще минута – и не будет ее рядом. Больше не будет. Никогда...

– Ты ж моя умница... Красавица моя, – он нежно прижал ее к груди и замер, стараясь удержать мгновение.

– Пора, – с легкой улыбкой ответила дивная дева. – Не грусти, родной мой. Поверь, ты сейчас даже не догадываешься о том, что будет с тобой дальше.

– И куда мне теперь? – с отсутствующим взглядом, словно собираясь отринуть весь мир, спросил Вольдемар.

– Навести своих сородичей для начала. – Анжелика вложила в широкую руку спутника богато украшенный медальон.

– Хорошо, – он снова обхватил деву за талию, никак не решался выпустить любимую из объятий. Тянул время, словно надеясь, что... а вдруг! Вдруг! Случится чудо! И она не уйдет, никогда не покинет его...

– Давай лучше я тебя провожу, а то так мы с тобой до рас-

света прощаться будем, – красавица легонько подтолкнула Вольдемара к воде и проследила, пока тот, спрыгнув с мостков, не окажется по пояс в реке. Мужчина в нерешительности остановился, обернулся к той, кого должен был добровольно отпустить...

Дева на прощание отправила ему воздушный поцелуй и, вздохнув, подняла глаза к темному небосводу. Она словно искала среди звезд кого-то. И – увидела!

В безоблачной чернеющей выси появилось призрачное сияние...

...Целый день летел крылатый жеребец по лишь ему одному ведомым коридорам межвременья, чтобы доставить прекрасную амазонку в Светлое Запределье. Успешно определив места, где разнополярные энергии уравнивают друг друга и угасают до абсолютного нуля, чернокрылый конь без труда преодолел межпространственные барьеры. Благодаря чутью небесного скакуна Воительница оказалась на Светлой стороне. В предвкушении долгожданной встречи со своей половинкой и новыми друзьями она склонилась к густой гриве стремительно летящего коня и пристально всмотрелась в проплывающие внизу леса и реки. Вот и Высокий холм. Но... что это?!

Арина с изумлением воззрилась на останки сгоревшего дома, который совсем недавно радовал своих обитателей теплом и уютом. Сердце девушки сжалось... Но вдруг ее мироощущение перевернулось. Воительница обратила взор к

реке. Голова девы закружилась от чувства невероятного счастья. Сердце радостно забилось, словно подсказывая Арине, что сейчас, именно сейчас произойдет что-то невообразимо прекрасное.

Крылатый конь с воинственной всадницей на спине сделал круг над прибрежным лугом. Он легко приземлился, резво проскакал по высокой траве, замедляя бег. Амазонка, спешившись и мановением пальца разнуздав жеребца, с благодарностью обняла сильное животное, пустила его на луг и стремительной походкой направилась к берегу. Нежно улыбувшись, Любовь медленно пошла ей навстречу.

А Вольдемар, безвольно опустив руки в прозрачную воду, с болью в сердце наблюдал, как покидает его та, что пробудила в нем такие сильные, такие великие чувства! Слезы душили влюбленного инспектора, застилая взор, размывая изображение. Он смотрел сквозь эту рябь... и за дрожащими бликами различил радужный мост. Две девушки шли по нему навстречу друг другу. Над ними стогранным изумрудом вспыхнула яркая звезда. В ее всепоглощающем свете тела прекрасных дев казались призрачными, невесомыми. Жадно стремясь объединиться, они не замедлили шаг, словно каждая из них вошла в свое зеркальное отражение.

Звезда полыхнула еще ярче, загорелась яростным огнем. А когда свет ее ослаб настолько, что можно было различить окрестности, на мосту стояла только одна красавица. Радужное сияние исчезло, мост растворился в пространстве.

Немного помедлив, дева осмотрелась по сторонам и направилась к реке.

Вольдемар не поверил своему счастью! Он, взрывая вокруг себя мутные буруны, ринулся к берегу. Вскочил на деревянный настил, всмотрелся и...

И потерянно отступил: к нему шла другая... Не Анжелика... Не она...

– Здравствуй, русалочий сын, – спокойно обратилась к мужчине Арина.

– Здравствуй, – тот жадно вглядывался в лицо амазонки, стараясь уловить в образе этой чужой девушки хоть какие-то черты своей любимой.

И она улыбнулась. Той нежной обворожительной улыбкой, от которой у Вольдемара всегда захватывало дух и подгибались колени. Но – это всё. Больше ничего от его прежней Анжелички...

– Ты растерян? – внимательно вглядываясь в бледно-голубые глаза собеседника, спросила дева.

– Еще бы, – беспомощно ответил он, отступая назад.

– Почему? Вы ведь обо всем договорились, всё обсудили.

– Умом-то понимаю, но сердцем... Наверное, понадобится время, чтобы всё это принять, – потерянно вздохнул Вольдемар.

– Я вижу боль твою, – тихо ответила Арина. – Но не отчаивайся. Ты же сильный, ты – настоящий мужчина. Обрати свои мысли на что-то другое... Знаю, что Любовь подарок

тебе оставила и попросила давно забытую родню навестить. Ты же из местного русалочьего рода. А их заводь отсюда совсем недалеко. Может быть, кому-то из родственников помощь твоя необходима, защита или забота? Любовь – она ведь не только плотской бывает...

– А какой еще она может быть? – недоверчиво вскинул на нее взгляд обессиленный от треволнений чиновник.

– Вот там и узнаешь, – девушка протянула ему сильную руку, крепко сжала мокрую ладонь зеленокожего мужчины и, попрощавшись, направилась по тропинке к дому.

Вольдемар постоял, вздохнул, огляделся. Теперь, когда рядом не стало любимой женщины, мир вокруг показался ему серым и неприглядным, абсолютно пустым...

Он помедлил еще немного, а затем, отбросив последние сомнения, рванулся и с размаху плюхнулся круглым животом в волны реки. Мощно загребая руками и ни разу не обернувшись назад, направился в сторону русалочьей заводи.

ГЛАВА 48

Проводив Арину, князь отвлекся от восторженных мыслей и тут же ощутил присутствие злобных энергий. Он стремительно развернулся, взгляделся внутрь темного холла.

Заметив Жегларда, в бессилии растянувшегося на полу широкого вестибюля, быстро подошел к нему, сгреб в охапку, жестко впечатал в стену. Пристально всмотрелся в чер-

ные глаза. Под гневным взглядом Солнечного Ветра граф весь сжался, съежился в ожидании удара, затем отчаянно задергался, словно его выжигало изнутри жаркое пламя.

Черный Предводитель, тысячелетиями нагонявший на всю округу страх и ужас, был настолько жалок, что ударить его у Нерца не поднялась рука, до того было противно. Не разжимая хватки, он стремительно повлек изрядно потрепанного Клавдией дядюшку за собой – пронесся по широким галереям, влетел в черную залу. Здесь Смерч отшвырнул графа к дальней стене, и тот зарылся лицом в остывшую золу камина.

Твердым шагом Ветер подошел к распластавшемуся на полу Предводителю и... в нерешительности остановился. Что удерживало его от расправы? Веками ему не было дела до тех, кто истекал кровью от его разящих ударов. Живых он лишал жизни, нежить отправлял в небытие... Что теперь-то не так?

Он словно к чему-то прислушался, прошелся по зале. Затем, приняв определенное решение, остановился перед большими каминными часами, распахнул черные крылья (их истинный цвет он предусмотрительно скрыл оборотным заклетьем) и, воспользовавшись волшебством энергоинформационного контура ветренных сущностей, перевел стрелки на восемнадцать часов вперед. Солнце за окнами стремительно переместилось по небосклону, и наступил вечер. Нерц снял с руки два янтарных браслета и отправил их куда-то через

подпространство.

– Дражайший племянник, за что? – слабо проблеял Желгард, пытаясь подняться и придать себе подобающий вид. – Что случилось? К чему это грозное молчание, почему я отвержен, вывалян в золе и заклеямен позором на глазах у собственной челяди? – судорожно пытаюсь привести себя в порядок и прикрываясь лохмотьями рассыпающегося в прах сюртука, он оглядел жмущихся по углам охранников взглядом затравленного кролика.

Свирепая стража, несмотря на внушительную экипировку и многолетнюю выучку, никак не решалась выступить на защиту своего господина. В дальнем углу залы граф заметил испуганного советника, притаившегося за широким диваном. Но никто, совсем никто не находил в себе смелости прийти на помощь хозяину. Слишком силен и непредсказуем был юный князь Темнейший. Да и о его родстве с самим Вседержителем никто из присутствующих забывать не смел...

Нерц молчал, задумавшись. Время от времени поглядывал на большие часы над камином, словно кого-то ждал...

Жалкое подобие былого величия, подобрав полы растерзанного сюртука и молитвенно сложив руки, на коленях поползло к племяннику. Краем глаза Ветер наблюдал, как дядя направляется к нему не по прямой линии, а как-то странно, дергано, отклоняясь от наикратчайшего пути и при каждом шаге делая едва заметное движение в сторону большого ду-

бового стола.

«Что он там прячет? – пронеслось в голове у князя. – Не иначе как очередную пакость замыслил!»

– Племянник, родная черная кровь, я знаю, о чем ты думаешь, – продолжал подбивать дядя. – Но прошу тебя, пощади. Мы же вместе сквозь столетия прошли. Я же тебя воспитывал, я для тебя так старался. Не погуби, не предавай растлению...

– Не обессудь, дядя, – хмуро ответил Смерч. – Я должен тебя нейтрализовать. Ради ма... Ради всех, кого ты поработил...

– Поработил?! – воскликнул Жеглард. – Да кого я тут поработил?! Людишек? Ты сам на них посмотри: все при деле, все в услужении. Каждый свою работу знает. А иначе разве можно? Иначе разбредутся все, словно овцы по лесу. И если не я, то кто же еще этими безвольными существами управлять способен?! Они без пастуха не могут. Ума у них на это не хватает. Да они все рождаются лишь для того, чтобы приказы таких, как мы с тобой, исполнять! А нежить во все времена болью и кровью живых питалась. Тебе ли меня в этом обвинять? Чем ты сам от меня отличаешься?

– Да почти ничем, – вздохнул Ветер. – Те же руки-ноги-голова. Но только мыслю я теперь иначе. И за ошибки и грехи свои сам отвечаю. А ты ответишь за свои преступления.

Граф, добравшись наконец до стола, с грохотом опрокинул золотой канделябр и отвлек этим внимание племянни-

ка. А сам дернул за невидимую чужому глазу нить, вырвав из подпространства золотой перстень, увенчанный сияющим топазом в оправе из жадно горящих аметистов.

Нерц с изумлением наблюдал, как из-под стола поднимается преобразившийся Предводитель: новые одежды сияют золотыми позументами, черные волосы отливают синевой. Жеглард торжествующим взглядом озирает большую залу, словно возвышаясь над сжавшейся по углам прислугой:

– Ну, кто тут ринулся спасти своего господина? Ни один! Всех в подпространствах развею! – Он гневно сверкнул горящими очами, с видимым усилием сдержался. – Но... чуть позже.

Повелительным жестом граф указал на племянника:

– Схватить!

Стража в замешательстве отделилась от стен, выползла из-под гобеленов, замерла. Каждый из солдат ждал, что кто-то другой первым сделает шаг навстречу небытию и падет под сокрушительным ударом князя.

– Ваша милость... – нерешительно промямлил плешивый дворецкий. – Как же нам на наследника трона напасть? Разве ж мы отважимся на такое? Да и не совладать нам с мощью Его Темнейшества, хоть скопом навалимся – не одолеем...

– Молчать! – грозно рявкнул Жеглард. – Исполнять немедленно! – Он повернулся к зубастой охране: – Чего стоите?! Вперед!

Но, чувствуя явный перевес сил на стороне незваного го-

стя, охранники не двинулись с места.

– Я рад, что все проявили достаточное благоразумие, – обратился к притихшей прислуге Нерц. – И во избежание кровопролития попрошу всех удалиться. А нам с вашим господином есть о чем побеседовать.

Челядь, бросая робкие взгляды на хозяина, в бессильной ярости стиснувшего кулаки, потянулась к выходу из залы.

– Предатели! Ну, погодите у меня! Каждого запомню... С каждым!.. С каждым отдельно разделаюсь! – сквозь зубы цедил Предводитель.

Он был до такой степени взбешен нерешительностью слуг – даже забыл, что ему самому угрожает растление. Желая хоть чем-то отплатить юному князю за позорное унижение в глазах подчиненных, он с гадкой улыбкой произнес:

– Ну, ничего... Ничего, мой злонравный племянник, тебе еще не раз придется вспомнить меня. Хотел бы я, пусть и напоследок, увидеть твоё отчаяние, твою безудержную ярость, насладиться твоим бессильным гневом!

– И чем же ты меня собираешься «порадовать» в очередной раз? – осведомился Ветер.

– Сюрприз у меня не один, – мстительно ослабившись, почти проворковал дядюшка. – Ты тут праведный гнев радугой по всей зале распыляешь, а того не ведаешь, что в это самое время брат твой сражен, расчленен мною на поле битвы, а дорогая твоему живому сердцу Воительница в объятьях другого этой ночью побывала. Да не просто какого-то

среднестатистического мужика, а во власти одурманенного тьмой Духа!

А ты, дурак влюбленный, с нее пылинки сдувал, на коня подсаживал! Какой толк в том, что ты суть свою изначально вспомнил, что мерзкие светлые чувства в душе твоей пробудились, если твою благоверную к Свету и Любви уже ничто не вернет? Стоит только ей границу Светлого Запределья пересечь – ослепительная энергия того пространства ее в один миг уничтожит. Без какой-либо возможности воплотиться вновь... А конь твой чернокрылый, как я понимаю, летает очень быстро...

И кого на этот раз спасти помчишься? Что выберешь? За любимой по межпространственным лабиринтам ринешься или отдашь душу свою за брата? Которого еще найти надо, потому что он в неведомом тебе мире бездыханным лежит! А естество его в черном артефакте заключено. Не достать, не спасти без жертвы равноценной. Каким бы стремительным ты ни был, успеешь только одному из них помочь. И всю оставшуюся жизнь (если выживешь, конечно) будешь себя корить за то, что не спас второго.

Нерц сжал кулаки, сердце его зашлось. Но лишь на краткий миг. Зная то, о чем дядюшка и не догадывался, минутной своей слабости не показал, постарался сохранить невозмутимо-пренебрежительный тон:

– Не беспокойся, дядя. Как бы тебе ни хотелось мне насолить, но я всё успею. И самое главное – спокойно закончу все

дела здесь, с тобой, а потом исправлю всё то, к чему ты успел свою когтистую лапу приложить. Ты же так долго изучал особенности светлых. Казалось бы, должен знать о нас всё. Однако до сих пор не удосужился понять, что ветреные сущности, обладающие энергетическим контуром крыльев, могут по временным протокам, как и по разнополярным пространствам, в любом направлении перемещаться. Ты же видел, как я часы перевел, время твоего страшного суда приблизил. Если понадобится, я к месту определенных событий прибуду задолго до устроенной тобой трагедии...

– Ах ты, щенок! – Жеглард совсем не ожидал такой развязки. – Да ты!.. Да я!.. Я бы с огромным интересом тебя в своих лабораториях на энергии расчленил! – кровожадно оскалился граф, незаметно сплетая сокрушительное заклятье. – Столетия у меня под носом светлый находился! Ну ничего! Будет еще у меня возможность с твоими сущностными программами поэкспериментировать... Уж я-то найду способ выкрутиться. Дай только срок!

– А срок вышел, дядя, – спокойно ответил Смерч, взглянув на каминные часы. – Настало время отвечать за свои преступления...

Послышались уверенные шаги. Предводитель тут же сбросил с пальцев уже готовое боевое плетение. В просторную залу стремительной походкой вошел молодцеватый Вольдемар фон Шауб. Мокрые волосы его были аккуратно зачесаны назад, мундир застегнут на все пуговицы, сапоги

ярко начищены. По всему было видно, что чиновник настроен решительно. Вслед за инспектором в залу вплыли пухлые папки с докладами, реестрами и донесениями. Когда инспектор остановился, рядом с ним из подпространства вынырнул секретарь-самописец – свиток пергамента, фиксирующий все действия и слова обвинителя и обвиняемого, а также свидетелей и нечаянно привлеченных к делу.

Перед взором Вольдемара распахнулся самый толстый талмуд. Страницы одна за другой запорхали, словно яркие бабочки. Еще две папки, поднырнув под руки высокопоставленного служащего, передали ему свою информацию. Вольдемар, за секунды вникнув в суть многотомных дел, хищно улыбнулся и, презрительно оттопырив нижнюю губу, сверху вниз глянул на хозяина замка и торжественно провозгласил:

– Граф Жеглард, вы арестованы за вопиющее нарушение – извлечение сути светлого естества без лицензии Грозного Комитета и призывание светлой силы себе в услужение. Кроме того, вас ждет извечный срок за предательство интересов Мрачного Двора и покушение на достославного отпрыска великого рода Черных Смерчей. Вы вознамерились уничтожить племянника самого Вседержителя и наследника трона князя Нерца Темнейшего. Вы, презрев интересы своей сестры, княгини Владелины, решили преступным путем завладеть землями и имуществом княжеской семьи!

– Не докажете! – сузил желтые глаза Предводитель. – Ничего не найдете!

– А мне и не придется искать, – поднял руку Вольдемар. – Князь любезно представил нам все доказательства. – На запястье чиновника красовались два янтарных браслета. – На этих, так сказать, безделушках, сохранилась запись разговора, где вы грозились развеять собственного племянника в прах за похищение девы Антонины.

– А как вы объясните Вседержителю тот факт, что мой племянник уже не в первый раз похищает у меня Светлую Воительницу, на работу с которой я получил высочайшее разрешение?

– А это смотря как представить Всетемнейшему информацию... Ну, не сдержался юный князь, воспылил страстью к светлой деве, решился на похищение. А подобные, так сказать, мероприятия только приветствуются в наших землях.

И заметьте: ваш племянник не просто так ее похищал, а с определенными намерениями – для растления и последующего обращения сути. Тем более что красавица эта по вашему, граф, недомыслию до сих пор светлая, до конца не обращенная. Вот юный князь и решил ваши недоработки, так сказать, исправить. На мой взгляд, весьма похвальное предприятие.

И стоит ли теперь заострять внимание на том факте, что сам Мрачный Господин живую бессердечную красавицу к себе приблизить хотел?.. Окончательное решение этого вопроса, как всегда в таких случаях, остается на усмотрение самого Темнейшего и его любимого племянника. Уж между

собой-то они запросто договорятся. Не нам с вами вмешиваться в дела семейные...

И, к слову сказать, действия юного наследника никак не умаляют ваших, граф, преступлений. О чем и составлен рапорт на имя Его Вседержительной Мрачности.

– Какие преступления, инспектор? Господин Нерц перед вами, цел и невредим. На его владения никто не покушается. Ни в одной нотариальной конторе, ни в одном государственном реестре – нигде не говорится о дарственных или завещаниях, оставленных молодым князем. Ни на мое имя, ни на чье-либо другое! Я, как бы гадко это ни звучало, чист перед Величайшим. А всё остальное – навет и клевета! Нет очевидцев! Без них все ваши обвинения – пустые слова! Даже страшная черная печать бессильна без доказательств. Где свидетели?!

– Свидетелей требуете, граф? – грозно надвинулся на него Вольдемар. – Извольте!

По щелчку пальцев чиновника в залу, мелко семеня, вошел нотариус, испуганно склонился.

– Не может быть! – прошептал Жеглард.

Он был уверен, что стряпчий давно сгинул в страшных муках. Он даже соглядатая не отправил вслед за составившим завещание служащим – настолько не сомневался в своих силах. Ведь раньше Заклятие Синей Молнии осечки не давало: колдовства Предводителя, наложенного злейшим образом, никто из темных вынести не мог. Разве что... опять

не темный в мрачных рядах?! Да сколько же их тут?!

– Черная печать ждет твоего свидетельства, – инспектор, глядя на сжавшегося нотариуса, протянул вперед руку с распознающим любую ложь амулетом.

– Клянусь, что всё было именно так, как я изложил в до-несении! – несколько раз кивнул господин Шмутсгервассер и, чуть помявшись, с опаской приложился лбом к печати. Страшный артефакт не испепелил служащего и, вспыхнув зеленоватым светом, подтвердил истинность слов маленького клерка.

– Свободен! – соизволил отпустить свидетеля фон Шауб.

И, отправив грозный артефакт в подпространство, развернулся к Предводителю:

– Что теперь скажете, граф? Есть еще какие-либо возражения, свидетельства в свою защиту, пожелания? Или вы без лишних разговоров признаете свою вину и примете заслуженное наказание?

– Да что вы, ваше зеленейшество! – с издевкой парировал Предводитель. – Думаете, я так испугался вашего могущества? Да у меня на вашу черную печать свой артефакт имеется!

От этих слов Нерц подобрался, внутренне приготовившись к любой подлости со стороны коварного родственника. Инспектор же, уверенный в своей неприкосновенности, только презрительно скривился.

– Как жаль! – скорбным голосом продолжал Жеглард. –

Как мне жаль, что завтра все источники информации будут трубить о безвременной кончине такого важного сановника от руки перекинувшегося на светлую сторону князя. Как долго будут петь вашей памяти хвалебные песни и почитать меня! Меня – героя, расправившегося с коварным убийцей и предателем интересов того самого опостылевшего мне Мрачного Двора, о котором вы так печетесь!

– Как вы смеете! Это уже крамола!³² – гневно воскликнул фон Шауб.

– Еще как смею! Посмотрю я, как спустя каких-то две ночи весь Мрачный Двор сапоги мне в исступлении целовать будет, Властителем величать! Только вы, господин ублюдок, этого уже не увидите, – с пафосом провозгласил Предводитель и направил на Вольдемара увенчанное топазом кольцо. Громко и четко произнес Заклятие Раствления.

Раздался оглушительный грохот. Чиновник сам не заметил, как между ним и Жеглардом оказался Вольный Ветер, прикрыл от удара. Мощное проклятье отразили огненные крылья. Стражи-аметисты на золотом перстне Предводителя разлетелись в пыль. Фиолетовый камень, в момент утративший всю закачанную в него силу, покрылся сетью мелких трещин.

– А вот этого я не предусмотрел, – растерянно отступил граф. – Огненные крылья! И где он смог их раздобыть? Зловредный племянник, тьма тебя возьми! Так ты у нас, оказы-

³² Крамола – мятеж, государственный заговор.

вается...

– Дядя, ты совсем рехнулся! – воскликнул Нерц. – Кто же светлым заклятьям дорогу растления показывает?! Сильнейший амулет собственными руками нейтрализовал! Чуть всю силу не погубил!

Жеглард в припадке бешенства выхватил из рукава длинный кинжал, кинулся было на племянника, но огненный взор Нерца приковал его к месту. Граф с воплем схватился за лицо, спрятал в ладонях обожженные Светом глаза.

– Ты как? – шепотом спросил князь поднимающегося с ковра и едва пришедшего в себя Вольдемара. – Держишься?

– Да ничего, только поджилки трясутся, – так же тихо ответил чиновник. – А как это ты его... Неужели в амулете том твоя сила заключена была?! – догадался инспектор.

– Дяде только треть моей энергии украсть удалось. Сейчас она освободилась, растворилась в пространстве и потихоньку ко мне возвращается.

С облегчением выдохнув, инспектор поднялся, изобразив на бледно-зеленом лице дикое возмущение (хотя и изображать-то ничего не требовалось: страх чиновника перерос в плохо скрываемую ярость). Он прошелся по зале, с гневным видом воззрился на потрясенного, в один миг растерявшего всю самоуверенность и упавшего на колени Жегларда, взглядом заставил кинжал отправиться в хранилище улик. Затем достал из подпространства черную печать, приложил мрачный артефакт к высокому лбу Предводителя и проце-

дил сквозь зубы:

– Обездвижить!

Тут же тело графа выгнулось дугой, и он замер в неестественной позе, словно его только что вздернули на дыбу³³.

– Что мы имеем? – продолжил фон Шауб. – Достоправный Темнейший князь, рискуя собой, спас от неминуемого безвозвратного растреления чиновника Мрачного Двора, самого инспектора по вопиющим нарушениям. И кто преступник? Всё тот же Черный Предводитель. К слову сказать, уже бывший Предводитель... Добавим к предыдущим обвинениям еще и крамолу, а кроме всего прочего – злостное покушение на темную сущность высочайшего ранга, обладающую невероятными полномочиями, и повторное (при свидетелях) покушение на князя Нерца Темнейшего!

Да, граф, не ожидал я от вашей изворотливой сущности таких явных ошибок и просчетов, – владелец черной печати, покачиваясь с носка на пятку и заложив руки за спину, воззрился на жертву, еще минуту назад считавшую себя охотником. – За такое возмутительное предательство интересов двора и самого Темнейшего Владыки я лишаю вас права голоса, как и всех остальных прав. Я лишаю вас и самого голоса, и возможности выражать свои мысли и чувства.

Так... Что касается всех владений, угодий и, соответственно, накоплений... Последние отходят в государственную казну, в ведение досточтимого казначея Адольфа фон

³³ Дыба – орудие пытки.

Шлюндта...

«Это двоюродный дядя Вольдемара», – отметил про себя Смерч.

– ...При этом не забудем особо отличившихся при задержании преступника. Наградим, так сказать, за лояльность и сообразительность. Частному нотариусу господину Леннарту-Йохану Шмутсгервассеру, несмотря на сомнительное происхождение, даруется высочайшая милость Вседержителя. Отныне его конторе, которая многие века находилась под неусыпным надзором наших соглядатаев и ничем «светлым» себя не запятнала, присваивается статус государственного нотариата! Со всеми регалиями и полномочиями, соответственно. Приказ отправить по инстанциям! – Чиновник обратил взгляд на споро проявляющиеся на пергаментном свитке письма, сверил номера и даты, поставил подпись, приложил к возникшей перед ним гербовой бумаге черную печать.

Свидетельство государственного нотариуса тут же растворилось в пространстве, чтобы через миг появиться перед удивленным взором маленького стряпчего.

А Вольдемар невозмутимо продолжал:

– Одна пятая часть владений, включая Черный Замок и все прилегающие к нему угодья, отходит (за проявленный героизм и всё остальное) доблестному князю Нерцу Темнейшему. Две пятых части владений переходят государству, в ведение ресурсного комитета под предводительством Валь-

тера фон дер Вогельвальда...

«А это – дед Вольдемара по материнской линии, "неведомым образом" получивший высокий пост при дворе», – кивнул сам себе Смерч.

– ...А оставшиеся две пятые части – самому Вседержителю. Дела в новых владениях Повелителя поручено вести главному камергеру Его Темнейшества маркизу Огюсту дер Шварц-Химмелю...

«Ну куда же без кузена...» – мысленно развел руками Ветер.

– Ну ты и проныра... – шепнул он на ухо русалочьему сыну.

– Подожди, я еще не закончил, – дернул плечом тот.

И громко провозгласил:

– Силой, данной мне Великой Тьмой, я накладываю свою печать на уста, на рассудок, на владения графа Жегларда. Я снимаю с него все дарованные Повелителем полномочия, лишаю званий и титулов и отправляю преступника отбывать наказание сроком... в общем, безвременно... в Дальний Предел на окраине Древнего Сумрака.

Имеете что-либо сказать, осужденный? – обратился Вольдемар к графу. И тут же сам себе ответил: – Не имеете... Приказ чиновника по вопиющим нарушениям исполнять... нынешнего числа сего года... Время пошло!

Граф с запечатанными устами и лишенным всякой осознанности взглядом стал медленно растворяться в воздухе,

постепенно перемещаясь к месту своего заключения.

Потирая руки, русалочий сын подписал все необходимые реестры, приложил к документам печать и с нескрываемым удовлетворением закрыл очередное дело.

Затем обернулся к Нерцу, хлопнул его по плечу:

– Ну что, мой непонятно какой князь, доволен новым приобретением?

– Непонятно какой – это не темный и не светлый? – вопросом на вопрос ответил Смерч. – Да не очень, если честно сказать... Всё же он мой дядя, хоть и сволочь последняя...

– Да ладно тебе, забудь о нем! Не каждый день земли да замки во владения получаешь.

– Да мне не замок важен, а справедливость.

– А справедливость, дальний мой родственник, вещь очень даже опасная и в Темных землях весьма редко встречающаяся. Ее каждый по-своему представляет. Вот дядя твой нас такими несправедливыми посчитал. Пока мог думать... А как в рапорте моем про твои приключения с Воительницей сказано, помнишь? Разве не справедливо я охарактеризовал твое к деве стремление? А главное, как подал информацию! – он лукаво улыбнулся и многозначительно глянул на князя.

– Крючоктворство, – невесело усмехнулся Нерц. – Правда всегда одна. На каком золоченом блюде ее ни подавай, какими соусами ни приправляй, суть ее неизменной остается.

– Ну, об этом мы еще с тобой не раз поспорим. Смотря

с какой стороны все события обозревать. Ты еще со своей справедливостью к Вседержителю отправься. Хоть он и по-такает тебе во всем, но это уже перебор! Посмотрим, что он скажет на такое вольнодумство, – глядя куда-то вдаль, рассеянно ответил Вольдемар. Он прикрыл глаза и к чему-то прислушался.

– А ты никак сообщение сверху получил? – догадался Ветер.

– Не просто сообщение, – открыл глаза чиновник. – Напутствие. Тебе адресованное.

– Значит, Великий Князь знает о том, что я задумал?

– Он знает всё... И отпускает тебя, – ответил русалочий сын. – И еще добавил, что сквозь жизни будет наблюдать за твоими приключениями. Очень уж они интересны ему. А на пути в Вечность вы с ним еще не раз встретитесь... И неизвестно, на какой стороне ты в конце концов окажешься. Ведь кровь, как говорится, не вода... Как видишь, милость его к тебе столь же безгранична, как и власть над темным миром.

– Всё внутри каждого из нас – и свет, и тьма, и способность отличить одно от другого, – задумчиво произнес Смерч.

Как бы то ни было, он ощутил благодарность к Темному Повелителю. И задумался: а знакомы ли Вседержителю подобные же «положительные» чувства или им движет один только интерес?

– Но ответь мне вот на какой вопрос, – добавил он. – По-

чему Всевластительный так лояльно к нам с тобой относиться? Почему не накажет за чувства к светлым девам?

– Так мы ничего и не нарушаем, – Вольдемар хитро сощурился, и улыбка у него получилась светлая, почти мальчишеская.

– То есть как? – не понял Ветер.

– Мы с тобой действуем в рамках Мрачного кодекса. Статья «О расширении горизонтов познания», которую я сам не так давно предложил Темному Господину на рассмотрение. Она одобрена и величайшим повелением утверждена.

– Но это же... – удивленно отступил Нерц.

– Знаю-знаю, – почти пропел хитрый чиновник. – Но не забывай, что Величайшего обмануть не так-то просто. Он тоже из этого попустительства (если можно так сказать) немало выгоды извлек.

– И какая Вседержителю польза от вторжения Света в темные миры?

– Ассимиляция, – поднял вверх указательный палец инспектор. – Мы с тобой, влюбившись, смогли беспрепятственно со светлой силой контактировать.

– Так мы и посветлели от этого. Оба!

– Ну да, посветлели... – согласно кивнул русалочий сын. – А теперь посмотри на это с обратной стороны: девы-то наши сколько своего лучезарного Света потратили, чтобы нашу тьму нейтрализовать?

– Так любви все препоны – нипочем!

– Это ты про Истинную Любовь? – изогнул белесую бровь Вольдемар. – А ты загляни в людские миры... Любовь между людьми имеет свойство когда-то заканчиваться, а то и, замутненная ревностью или жаждой обладания, способна превратиться в... такую дрянь, что бывшие влюбленные глотки друг другу готовы перегрызть. А теперь переведи чувства в цифры и... вычисли коэффициент взаимозависимости. По всему получается, что именно мы в выигрыше. И со временем условия диктовать будет как раз таки Повелитель! Уж он-то выждать умеет...

– Ну, это мы еще посмотрим, – процедил сквозь зубы Нерц, предусмотрительно отвернувшись в сторону.

Вслух же произнес:

– А я смотрю, ты чему-то несказанно рад. Неужели новому рыцарскому ордену и очередному бриллианту на погонах?

– Пустое! – отмахнулся чиновник. – Я что тебе сейчас покажу! – И, раскрыв богато инкрустированный речным перламутром медальон, предъявил Нерцу искусно выполненную гравюру... Анжелики?

– Красавица наша, – нежно улыбнулся Ветер. – Только она отчего-то зеленокожая. У твоего художника нужная краска закончилась?

– Да это же русалка! – с возрастающим воодушевлением ответил Вольдемар. – Ты представляешь, я сам видел, как моя Анжелика с девой Ариной воссоединилась. Теперь у Во-

ительницы в душе Любовь живет. Любовь настоящая! А перед тем, прощаясь, моя дева дивная этот медальон мне в руки вложила и в русалочью заводь отправила.

Я сначала подумал, что Анжелика мне такой подарок на память оставила... Но, когда медальон раскрыл, на гравюру взглянул, так и обомлел... И тут же оказался в своем дворцовом бассейне, воды наглотался от неожиданности! Понял, что за талисман в руках у меня... Как бы не прознал кто-нибудь здесь о его свойствах... Хотя Вседержитель наверняка уже знает, от него ведь ничего не скроешь... Смотрит с интересом, наблюдает за нами, как за подопытными кроликами...

Ветер с пониманием кивнул, невесело улыбнулся, обдумывая нечаянно раскрытую Вольдемаром тайну. Но тот, не замечая задумчивого состояния собеседника, с воодушевлением продолжал:

– В общем, только я с мыслями собрался и решил просьбу Анжелички исполнить да к новому воплощению красавицы моей мчаться, как ты ко мне в голову залез. Суд, видишь ли, справедливый тебе понадобился. Где и когда ты в нашем Запределье такой встречал? Всё и всегда у нас делается исходя из интересов Темного Господина. Или с его высочайшего соизволения.

Само собой, я сначала разозлился, что твой внезапный призыв меня от очень важного мероприятия отвлек. А теперь думаю: с чего мне жаловаться? Это дело очень прибыль-

ным и для меня, и для семьи в целом оказалось! Сейчас приведу себя в порядок, и – навстречу мечте!

– То есть вот этой неожиданной-негаданной принцессе? – улыбнулся Нерц, указывая на портрет в медальоне.

– Именно! – с азартом ответил Вольдемар.

ГЛАВА 49

Бродяга-Ветер ощутил прикосновение к своей душе. Такое доброе, родное, настоящее. Оно потянуло его естество из Великой Бесконечности, заставило встrepенуться от странного засасывающего сна. Недолго поплутав в лабиринте небытия, воин наконец нашел нужную дорогу, потянулся за чистым, влекущим к Свету чувством. Пришло осознание собственного «я». Богатырь еще немного понежился в теплых волнах любви и открыл глаза.

В уши рванулся протяжный волчий вой, разрывающий сознание ощущением невосполнимой утраты. Сашка вскочил, огляделся. Над слабо освещенной восходящим солнцем залитой бурой и черной кровью поляной возвышались покрытые хвойным лесом горы. В воздухе застыло ощущение потери. У края леса слабо покачивался потерявший ориентиры вихрь, с тихим гудением загребающий в свою воронку сухие травинки, опавшие листья и мелкий щебень. Вдоль поляны медленно перемещалось слабо мерцающее отверстие портала, утратившего стабильность силовых полей и, казалось,

уже не способного соединить меж собою пространственные слои.

Хлопья зеленоватого света сползали с доспехов Сашки, сбиваясь в сияющее облако, мягко волнующееся у ног богатыря. Рядом с воином, сломленная невыразимой болью, замерла Клавдия. Чуть поодаль юноша увидел недвижимое тело маленькой рыжей непоседы.

Всё повторилось. Только теперь Бродяга, не веря своим глазам, взирал на бездыханную белку, растянувшуюся на примятой траве.

Волчица подняла с земли тельце подруги и аккуратно положила в тягучий свет Венеры, нежно сияющий у Сашкиных ног.

«Ворожею уже не вернешь, – помыслила она, отрешенно глядя в исполненные ужаса глаза воина. – Светлый ее дух злой паук поработил. Навечно».

– Вот уж нет! Не бывать этому! – воскликнул Сашка.

Он ринулся на антрацитового поглотителя, взмахнул сияющим мечом. Но закаленное магией Света лезвие только высекло искры из черного артефакта.

Паук мерзко хихикнул с ощущением собственного превосходства: с его волшебством не справиться даже оружию светлого воинства. Обережная белка могла бы, да... Могла бы уничтожить талисман, но не освободить заключенного узника. Свои жертвы паук отпускает только добровольно... Но что теперь-то об этом рассуждать, если ворожея сама сдалась

на волю амулета? И родни у нее не осталось, никто своей любовью не спасет эту наглуую рыжую, везде сующую свой нос воительницу-хранительницу...

Бродяга в бессилии упал на колени перед злобным талисманом:

– Чего ты хочешь?

Тот молчал, помигивая глазками, словно прикидывая, как дорого он может продать светлую душу. Затем прогнусавил:

«Что-то я не сообразил поначалу, не разобрал ценности твоей. Но сейчас вот думаю: уж не продешевил ли я, отпустив на свободу естество твое, крылатый воин? Как я не удосужился в сути твоей обнаружить зашифрованное послание Вечности?» – нежить, мигнув поочередно каждым из восьми желто-оранжевых глазков, просканировала сознание Сашки, вновь убеждаясь в верности своего предположения.

– Чего ты хочешь? – вновь повторил Бродяга.

«Ну да ладно! Всё складывается как раз в мою пользу. Я, воин, обмен равноценный тебе предлагаю. Отдашь послание – отпущу светлый дух обережной белки на свободу. Не весь, конечно. Я тут самые лакомые кусочки ее естества уже поглотил, энергией вкусной напитался. Но жить она будет... Так что меняйся скорее со мной, пока я не передумал. Пока хозяин далеко, я сам могу воспользоваться силой Матери-Вселенной».

«Еще чего! – вскинулась Клавдия. – Да ты понимаешь, темный, о чем просишь?! Это светлая сила, тебе непод-

властная!»

«Откуда ты знаешь, какая власть мне дана? – огненно-рыжие капли паучьих глаз жадно блеснули. – Я уже воспользовался вашей белкой, вобрал в себя ее энергию духовную. И теперь в состоянии любой свет в темное могущество обратить.»

Истина изначальная мне не только дорогу к новому воплощению откроет. Что мне какой-то граф! Обретенная сила сделает меня выше и могущественнее Всетемнейшего Повелителя! Я сам буду править всем Запредельем!»

«В паучьем обличии? – оскалилась лунная путешественница. – Да кто тебя примет в темном царстве?! Для магов-арахнидов, наделенных силой Вселенной, место лишь в особом подразделе пространства. Будешь рядом с джиннами обитать. В маленьком таком закутке...»

«Ха! Насмешила... – злыдень презрительно глянул на Клавдию и засучил лапками. – Обличий у меня теперь будет столько... Отдавай, не сомневайся, богатырь. Я уже понял, что эта зверушка для тебя значит...»

Наблюдая за сомнениями и внутренней борьбой воина, паук заторопился:

«Вот смотри. Смотри на нее, пока совсем в небытие не соскользнула!» – и высвободил из оков тьмы суть Рыжули, при этом крепко удерживая ее в своем поле.

Бродяга в нерешительности схватился за подбородок, затем сжал кулаки, незаметным движением потянулся к мечу.

«Вижу-вижу!» – нагло ухмыльнулся злой талисман. – Не старайся, не получится у тебя без моего добровольного решения белку освободить... Отдай то, что не было твоим изначально! Отдай знания истинные, пришедшие к тебе из глубин веков».

«Не смей!» – забила в тугих тисках явленная миру суть белки, мгновенно осознавшая происходящее. – Ты не имеешь права! Ты должен передать это послание лишь нашему человеку!»

«И что, мне теперь пожертвовать твоей жизнью ради знаний?» – поднялся в раздумье Бродяга.

«Ты долг свой исполнить в первую очередь обязан! И неважно, чем придется поступиться при этом!» – сумбурные мысли белки вихрем рвались сквозь ментальный заслон, выставленный восьмипалым злодеем.

Паук, торопясь во что бы то ни было завладеть великой силой, создал перед собой магическую сферу, перенес туда естество Рыжули:

«Клятву священную даю, богатырь: как только знания истинные окажутся у меня, защитный барьер спадет. Делай потом с этим духом всё что захочешь.

Только уговор: сначала мне, а потом тебе. Передашь знания, а уж после можешь свою зверушку к жизни возвращать. Свет Венеры пока еще хранит ее тельце, но скоро, уже очень скоро точка невозврата обозначится. А еще время на передачу энергии понадобится нам», – всё скрипел и

скрипел паук, не обращая внимания ни на отчаянные беличьи воззвания, ни на возмущенную волчицу.

– Все знания Вселенной не стоят одной живой души, – решил наконец Сашка и сделал шаг навстречу раскрывшемуся для принятия Истины амулету.

* * *

В следующий миг рядом с Бродягой и артефактом в серебряном круговороте почти схлопнувшегося, но в последний момент внезапно вспыхнувшего портала замелькали рыжие тени, и на травянистую прогалину высыпало беличье семейство.

«Надо же! Прорвались! Успели!» – бойкая рыжая мамаша, быстрым взглядом оглядев присутствующих на поляне, невероятным образом проникнув в суть каждого, обернулась к Бродяге:

«Стоять, не двигаться! Знания хранить, при себе держать!»

– Вы кто такие? – удивленно воззрился на белок Сашка, помимо воли считывая энергию, определяя характерное сходство этих пушистиком с маленькой ворожеей.

«Молчи! Отвернись! Ни словом, ни взглядом к артефакту!» – воскликнула самая крупная белка. («Вернее, белк, – подумалось Сашке. – Или как его там назвать-то можно, самца белки?»)

Трое бельчат, считав мысли юноши и дружно засмеяв-

шись, вспрыгнули на руки воина, словно предостерегая его от поспешных действий.

«Рыжуля! – повела длинным носом Клавдия. – Это же твои ро...»

Паук вдруг вскинулся, спешно потянул к себе сияющую сферу, но Авдей Шустрый (а это был именно он), взмахнув пышным хвостом, высоко подпрыгнул и звонким свистом лишил артефакт власти над своей рыжей дочерью. Схватив антрацитового злодея, грозный белк нацелился вырвать у паука и все восемь глаз, и столько же лап в придачу.

Оторопевший от такой кардинальной смены власти и осознавший свое незавидное положение паучишка съежился, суетливо забормотал:

«Ой, молчу-молчу, не двигаюсь. Это всё мой господин! С него и спрос за злодейство подлое. А я – что? Я службу несу, приказы исполняю. Ничего личного. И дочку вашу отпускаю. Прошу принять к сведению и запротоколировать – абсолютно добровольно...»

Но еще до позорной капитуляции злобного врага мать Рыжули подскочила к сфере, острыми коготками полоснула по гудящему заслону, вырывая из магического капкана огромные ключья энергии. Ловкими движениями лапок она разматала по ветру страшную тюрьму и освободила суть дочери, прижала сияющую звездочку светлого духа к сердцу, замерла на миг, наполняя израненное естество жаром души своей, исцеляя маленькую ворожею светом материнской любви.

ГЛАВА 50

Яростные всполохи метались вокруг. В голове гудело, ноги отказывались слушаться. Но Сергей всё брел и брел, ориентируясь лишь по сквозьпространственному компасу. Магнитные аномалии не могли повлиять на магический артефакт, и эта путеводная звездочка привела доктора к самой границе Темного Запределья. Как бы ни сопротивлялись враждебные силы, путнику удалось преодолеть и Бледную падь, и Железное плоскогорье. Отступившее потрескивающее сияние, словно осознав тщетность своих усилий, стихло, сникло, растворилось в небесном просторе молочной пеленой.

Покачивающаяся на ветру лунная дорожка, слегка занесенная межпространственной пылью, радостно вспыхнула легкими искорками навстречу прибывшим. Без особых треволнений Сергей перешел на Светлую сторону Запределья. Он свернул дорожку в тугой рулон, пристроил ее на крышке обережной капсулы, в которой покоилась погруженная в странный сон девушка, и поспешил на Высокий холм.

Там, на вершине, их встретила только береза. Обгоревшие ветви, скрученные, почерневшие листочки. Раненое дерево тихо прошелестело приветственную песню, приглашая гостей отобедать. Стол и две широкие лавки возникли словно сами по себе, но Сергей видел, как трудно было Светлому

Духу Высокого холма творить чудеса.

– Ты не трать силы, восстанавливайся, – погладил человек покалеченную березу. – Мы справимся... Что же тут произошло? – он с беспокойством оглядел на стволе повреждения от огня.

Береза печально шелестела в ответ, нежно обнимая человека, аккуратно прикасаясь к его лицу хрупкими, обожженными злобным пламенем веточками. Не выдержав ее боли, Сергей крепко обнял толстый ствол обеими руками, собрал все силы – и влил их в Духа Светлого пространства. Закрыв глаза, он делился с могущественным Хранителем своей жизненной силой.

И береза воскресла. Встрепенулась, словно женщина под ласковым взглядом любимого, веточки ее расправились, ожили, и на них споро принялись распускаться молодые листочки. Сергей погладил освободившийся от ожогов ствол, улыбнулся, огляделся вокруг. Ни души. Только сизый пепел вьется над развалинами сгоревшего дома.

Дом. Ставший таким родным, откликающийся на каждый душевный позыв, на любую мысль, умеющий понять, принять, обогреть. И... нет его. Сергей недоумевал: как же могло такое случиться? Здесь, в самом сердце живого, светлого мира? Но ответ на эти вопросы еще предстоит найти. И он найдет. Но сейчас главное – разбудить Нину.

Просканировав пространство, человек еще раз убедился, что опасность никому не угрожает. Покачивающийся рядом

кокон доктор пристроил на одной из лавок. Провел над оберегом рукой, проговорил открывающее заклятье. Капсула распахнулась. Сергей достал недвижимое тело Нины, уложил на широкий стол, проверил пульс, внимательно осмотрел девушку.

Она была невероятно прекрасна. Казалось, что сквозь закрытые веки струится мягкий свет. На нежных губах играла легкая улыбка, будто дева только что почувствовала-ощутила, какое чудо сотворил человек для Светлого Духа, оберегающего ее пространство, вернув к жизни почти погибшее дерево. Невесомо-торжественно лежала Хранительница на белой скатерти, словно спящая красавица, столетиями ожидающая своего прекрасного принца.

«А ведь это идея! – озарила сознание доктора внезапная мысль. – Сейчас поцелую ее, и дева моя воскреснет. Плиона же говорила в своей присказке-загадке: *"Не решишься – не спасешь"*. На этот раз точно без шипа обойдемся. И неважно, что Нина меня не любит. Я-то люблю. Вот и пусть мой солнечный поцелуй ее к жизни вернет, из бездны забвения вытащит. А там – будь что будет...»

Он склонился над Ниной, с трепетом вдохнул аромат ее волос, провел рукой по щеке, по нежной шее, задержался взглядом на полуоткрытых губах... Решился. Сердце от волнения готово было выскочить из груди. Словно он не взрослый, опытный и уверенный в себе мужчина, а прыщавый восьмиклассник, в первый раз, тайком, собирающийся при-

коснуться к неведомому, запретному, желанному...

Казалось, время остановилось. Сердце Сергея гулко колотилось уже где-то в горле. Он склонился к своей любимой в предвосхищении невероятного откровения... Но тут ветви березы предостерегающе вздрогнули, что-то сильно ударило человека по затылку. И мир вокруг, радужно вспыхнув, исчез, погрузился во тьму.

Когда доктор открыл глаза и сфокусировал взгляд, то увидел, что над ним, склонившись, стоят две девушки. Обе внимательно изучали ауру распластавшегося на траве («Ага, уже и трава проросла сквозь серый пепел!») Сергея и тихо переговаривались. Убедившись, что с человеком всё в порядке, красавицы помогли ему подняться и усадили на скамью.

– Живой? – участливо спросила Нина, приложив к затылку пострадавшего большой кусок нетающего льда.

– А что с ним сделается-то? – усмехнулась Арина. – От сияющего артефакта еще никто не умирал.

– От какого артефакта? – осмотрелся человек.

Вместо ответа Воительница протянула ему свиток с изображением крылатого воина.

– Эта штука из меня сознание выбила, – догадался доктор, ощупывая большую шишку на темени.

– Дух пространства знал, что делает. Именно таким образом нужно было меня к жизни возвращать! – наставительно произнесла Хранительница. – Иначе бы я ни за что не проснулась. А так – твое вырвавшееся на свободу сознание

соединилось с моим и вывело меня из странного сна. Потом уже я тебя обратно в твое тело отправила...

– А почему сон – странный?

– Не я называла, – сердито дернула плечом Нина. – Главное, что проснулась. И заметь: никакие поцелуи меня бы не разбудили. Так что не стоило...

– Ну, вы тут воркуйте, – Арина пристально оглядела раздосадованного доктора, с неодобрением посмотрела на Хранительницу. – А я по берегу пройдуся.

Нина проследила, пока стройный силуэт ее половинки не скроется в прибрежных зарослях, и уже открыла было рот, чтобы в который раз достать своими нравоучениями Сергея...

Но вдруг над ними возникла вихревая воронка. Теряющий силы смерч вывалил из своего жерла разномастных и разнокалиберных пассажиров – и сник, растекся по холму, растворился в пространстве.

Нина с недоумением оглядела вновь прибывших и, позабыв про Сергея, с радостью кинулась обнимать лохматых помощниц. Доктор пожал руку белокурому воину и с интересом принялся рассматривать весело щебечущее беличье семейство.

– Как же вы пространства-то преодолели?! – со слезами радости спрашивала хозяйка своих подружек.

«А мы смерч оседлали!» – размахивая лапками, с воодушевлением принялась рассказывать Рыжуля. – *Задали ему*

задачку возвращения в точку начала. Вот он и вернулся туда, где возник».

– Так без колдовства арахнида такие переходы не совершаются! – опешила Нина. – Где ж вы такой артефакт раздобыли?!

«Да был там один... гад предприимчивый, – сверкнув глазками, ответила белка. – Теперь не будет за чужими душами охотиться... Скажем так, мы ему обрисовали определенный алгоритм действий, после которых он рисковал остаться либо без лапок, либо вовсе без головогруды...»

В общем, испугавшись такого количества обережных белок, злобный артефакт быстренько переквалифицировался в светлые маги и без долгих рассуждений справился с поставленной задачей – перенес всю нашу компанию сквозь пространства, заколдовав заблудившийся вихрь.

Кстати, сейчас я вас с семьей познакомлю! Вы же о них столько слышали!» – Рыжуля махнула хвостом, что-то радостно пискнула своему семейству, и все белки тут же предстали перед Хранительницей, степенно поздоровались, раскланялись. Они вели себя культурно и сдержанно – не в пример непоседливой дочери и сестре.

«Хозяйка, – опомнилась вдруг Клавдия, – вы почему нас не проверили? Почему все инструкции позабыли?! Мы же из темных земель прибыли! Вдруг на себе какую-нибудь черноту принесли...» – Лунная красавица с напором взглянула в ясные глаза Нины.

– Так я сама не больше получаса как здесь оказалась. Только что в себя пришла...

«Значит, пусть Светлый Дух со всех нас информацию считывает», – резюмировала рассудительная волчица и первая ступила в возникшую рядом с березой сияющую окружность.

ГЛАВА 51

Без труда преодолев пределы пространств, Нерц неслышно опустился на краю заливного луга рядом с примостившейся на поваленном дереве Ариной. Он издалека почувствовал притягательную энергию прекрасной амазонки. Обрадовавшись, что дева наконец-то одна, решил этим воспользоваться и не откладывая поговорить с ней по душам.

Арина только что обрела Любовь и встретила со своей половинкой и своим человеком. Приходя в себя после чудесного воссоединения, она решила немного побыть наедине с собственными мыслями и ощущениями. Как вдруг из темноты выступил крылатый воин в доспехах из драконьей кожи.

– Приветствую прекрасную леди, – склонился князь перед амазонкой.

– Надо же, какие мы галантные, – смущенно и в то же время обрадованно улыбнулась та. Но, следуя этикету, встала с бревна и присела в глубоком реверансе, словно поддерживая негласную игру. – Не желает ли князь проследовать на Вы-

соких холм и с высоты обозреть пространство? Насладиться, так сказать, пейзажем?

– Скорее, ужаснуться содеянным графом Жеглардом... – с горечью ответил Нерц, вспомнив увиденные с высоты останки сгоревшего особняка. – Но... что это? – он с удивлением воззрился на пасущегося у берега крылатого скакуна и поневоле залюбовался прекрасным созданием.

Арина, проследив за взглядом Ветра, улыбнулась:

– Узнаешь своего любимца?

– Так он же белый как снег! – с недоумением воскликнул Андрей. – Даже не белый, а сияющий! Как же он за такой короткий срок масть сменить умудрился?!

– Так кормить правильно надо было, – усмехнулась амазонка. – Ты бы ему хоть раз росистой травы приказал дать, тогда бы и увидел, что это за конь... Кто же крылатого скакуна мертвечиной пичкает?! Хотя в твоём царстве он только так и выжил, только так сумел сохранить свое естество...

Это Сияющее Вдохновение ваши ученые давно бы на части разобрали, узнай они о его сути светлой... Неймется им. Нет чтобы просто дивной красотой наслаждаться. Куда уж там... Как дети малые: обязательно надо кукле голову оторвать, чтобы посмотреть, что там у нее внутри... – Она перевела взгляд с крылатого коня на черноглазого юношу и как-то смущенно произнесла: – Ты поговорить хотел... О чем?

У Нерца сразу сбилось дыхание, участился пульс.

– Я... это... В общем...

Арина, прислушавшись к биению сердца оторопевшего воина и наблюдая метаморфозы существа, отринувшего многовековые принципы мрачного поглощения, с воодушевлением отследила нарастающий светлый потенциал в душе Смерча. «Живой! Живой!!!» – с радостью отметила она, совершенно по-новому глядя на черноглазого красавца. Но виду не подала.

– Забудь, – засмеялась девушка, понимая, что искренние светлые чувства новообращенный Ветер пока не может выразить словами. Она просто решила помочь Нерцу сохранить лицо. – А то еще в обморок упадешь у меня на глазах. Идем лучше к остальным. Все только нас с тобой и ждут.

Она быстро повернулась и почти побежала по дощатым ступенькам на холм.

Князь перевел дух и последовал за ней, хотя его и одолевали не слишком приятные мысли. В самом деле, сколько можно-то! Когда уже Воительница перестанет над ним подшучивать? Когда увидит в нем соратника и своего... мужчину?!

Наверху, за дубовым столом под раскидистой березой, собралась дружная компания: Клавдия с Рыжулей на спине устроилась справа от белокурого воина. Над ними на ветках дерева разместилось беличье семейство. Сергей сидел рядом с Ниной, с интересом изучая разложенный на белой скатерти манускрипт, так неожиданно и коварно разрушивший планы доктора разбудить Хранительницу поцелуем. Свет дале-

ких звезд не мог осветить пространство, но листья березы излучали легкое сияние, ласково освещая человека и его соратников.

Вновь прибывших тепло приветствовали и пригласили за стол. Но бдительная Клавдия не забыла проверить суть Нерца на наличие темного присутствия в новообращенной душе. Просканированный на сто рядов князь почти светился от бушующих вокруг энергий и прикованного к его естеству дружеского внимания.

Когда обряд был завершен, Смерч с интересом склонился над древней рукописью:

– А что это у вас тут переливается?

– Да вот, разглядываем солнечные блики на водной поверхности, – развела руками обескураженная Нина. – Полчаса как над этой загадкой заклятья творим, а она на каждое магическое воздействие только сияет восторженно.

«Что бы это значило, никто из нас не выяснил, – огорченно пискнула Рыжуля. – А ведь мы не вчера родились, нам такие заговоры ведомы... А тут – абсолютное фиаско!»

Сергей с изумлением взглянул на непоседу, всегда не в меру острую на язык и вдруг ставшую такой интеллигентной. «Наверняка влияние родителей», – улыбнулся про себя доктор.

«Нашему роду такое волшебство неизвестно», – поддержал дочь Авдей Шустрый.

– И мы с Ниной здесь бессильны, – покачала головой Во-

ительница.

Нерц удивленно приподнял бровь:

– Неужели никто из вас не знаком со светописью Жемчужного Королевства? Матушка моя, к слову сказать, этот язык в совершенстве знает. Только вот меня научить не успела... Позвольте, друзья мои, я полюбопытствую...

Смерч слегка приподнял край загадочного артефакта – и с удивлением воззрился на свой фамильный герб. Герб Солнечного Ветра. На обратной стороне пожелтевшего пергамента четко обозначен крылатый воин, словно оттиск сияющей печати. Точно такой же красовался на нефритовом перстне, подаренном старшему Ветру матерью-Верой, и на пламенном послании, не так давно полученном князем от Деркача. Нерц мысленно поблагодарил матушку за помощь.

А внутренняя поверхность манускрипта, освещенная нежным сиянием Духа Светлого пространства, представляла собой нечто весьма таинственное: то застывала темным зеркалом, то вдруг вспыхивала дрожащей рябью, на которой весело принимались плясать озорные искорки.

– Что ты сказал?! – воскликнул Сашка в ответ на слова брата. – Разве это не солнечные зайчики на воде?

– Ну, для кого зайчики, а для кого солнечные руны, – пожал плечами Смерч.

– И кто эти руны разобрать может? – подался вперед Сергей.

«Так Ефим с Нежданкой же!» – вскинулась обрадованная

белка. – *Я сама у них на внутренней поверхности раковины такие сверкающие орнаменты видела, да только два плюс два сложить не удосужилась!*»

Недолго думая, она создала портал к Светлому озеру, и спустя три минуты волшебная капсула с раковиной-жемчужницей красовалась на столе.

«Ну, что там?! Читайте уже!» – суежилась вокруг новых гостей Рыжуля.

«Так неведомы мне письма этикие. Не обучен я грамоте!» – всколыхнулся в прозрачной емкости моллюск, с недоумением разглядывая маленькое искристое озерцо на столе и внутренне негодуя, отчего эта неугомонная вездесущая непоседа посмела так бесцеремонно нарушить сон его ребенка. – *Это всё дочь моя странными узорами жилище разукрашивала».*

Нежданка, сонно щурясь, вынырнула из-под мантии отца, оглядела собравшихся за столом, скромно поздоровалась. Выяснив, что от нее требуется, малютка подкатилась к краю мерцающего пергамента и принялась молча шевелить губами, разбирая старинную солнечную вязь.

– Знакомы тебе знаки эти? – с надеждой спросил человек.

«Здесь говорится... я не всё могу понять, но, если повернуть этот документ чуть правее...»

Сашка без промедления дернул за край пергамента.

«Ага, вижу!» – обрадовалась маленькая жемчужинка и стала складывать сияющие блики в слова. – *Ой, это стихи! Об-*

ращение к светлым личностям...»

Она оглядела столпившихся вокруг стола друзей, глубоко вдохнула и продекламировала:

«Приветствую вас, о герои!»

*В стогранный дворец нерушимый Свет Радостный путь
вам откроет.*

Ага, это, значит, я, – сделала она заключение. – А дальше говорится о том, что на пути вашим душам предстоят испытания. Какие-то внутренние препоны... Я такого слова не знаю, но тут так написано», – она оглядела друзей своими круглыми глазками.

«Дальше читай, малышка!» – схватила за усы Рыжуля.

«Тут что-то про силу духа сказано, – продолжила разбирать солнечные знаки Нежданка. – А, вот!»

И, преодолев все соблазны,

Вы встретитесь с Солнцем рассветным и силой наполнитесь сразу».

«Значит, должны победить своих внутренних врагов!» – обрадованно воскликнула Хранительница, сжав руку Сергея и с воодушевлением заглянув в глаза человеку.

Тот с облегчением вздохнул.

«Дальше что?» – поторопила сияющую кроху Воительница.

ца, сверяясь со звездным горизонтом и определяя оставшееся до рассвета время.

Та, старательно разбирая светящиеся знаки, продолжала:

«Пусть к сердцу откроются окна,

Пусть небо звенит от энергий, и мир из чудес станет соткан.

И свет, что влюбленные звезды

Несут в себе сквозь расстоянья, развеет все беды и грозы,

Взлетит – три луны озаряя,

Разрушит все мрачные планы, вернется – пространства спасая.

Но если...»

«Что – если?!» – напряглись все.

«Тут сказано, что с того момента, как только взойдет солнце... Ага, солнце взойдет... В общем, пока из двух дев не станет одна дева, видеть их никому нельзя. Иначе получится два каменных столба и вода... Нет... – она чуть подумала. – Получится скала с водопадом...»

«Это как?»

«Я не вижу другого значения. Руны так сказали... И вот – амулеты для слияния в дар приносят...» – Над искрящейся поверхностью манускрипта материализовались талисманы воссоединения – два изящных серебряных браслета, бо-

гато инкрустированные сияющими бриллиантами.

«Значит, объединения не избежать... – сделал вывод младший Ветер, забирая из поля артефакта браслеты. – Как раз на рассвете девы наши станут единой сущностью». – И он с нескрываемой печалью взглянул на Нину.

«И действовать придется сообразно обстоятельствам, так как четких инструкций нет, – сделал вывод Сергей. И вновь обратился к жемчужинке: – А больше ничего не говорят тебе руны?»

«Говорят: быть спокойными и верить в себя. И больше ничего», – задумчиво протянула Нежданка.

«Верить в себя...» – эхом отозвался влюбленный князь. И, крепко ухватив Арину за руку, направился к берегу реки.

Сашка, проводив брата глазами, обернулся к Нине, но тут же перевел взгляд на взъерошенную белку. Он так и замер в нерешительности, не зная, кому посвятить оставшееся до рассвета время.

Сергей, не желая мешать своим ипостасям, присел рядом с Клавдией:

«Скоро рассвет. И – всё наконец решится».

«Скоро всё закончится, – кивнула лобастой головой волчица. – Что делать будешь после того, как всё случится?»

«Жить, – спокойно ответил человек. – А ты?»

«И я – тоже», – одарила его обворожительной улыбкой белогривая красавица.

Ефим, проворчав что-то о порушенном режиме, принялся

баюкать маленькую дочь. Остальные героини так и не сомкнули глаз до рассвета.

* * *

Нерц и Арина наконец остались одни. Прохаживаясь вдоль берега, князь прислушался к пению сверчков в высокой траве. Он молчал, не решаясь начать такой важный для него разговор.

Воительница, не выдержав столь многозначительного безмолвия, спросила прямо:

– Ты... любишь меня?

– Люблю, – чуть замявшись, ответил Ветер. – А ты?

Дева, отвернувшись к реке, промолчала. Она глубоко вздохнула, обдумывая слова Андрея и словно отменяя нахлынувшие вдруг эмоции.

Не выдержав напряжения, Смерч взъерошил волосы и воскликнул:

– Так это твоя Гордость, когда-то оцененная мною в сотни миллиардов, не дает тебе признаться в том, что ты тоже любишь меня? Отчего ты молчишь? Я же вижу, что у тебя в душе, я же создан лишь для тебя! Разве ты не видишь этого? Разве не чувствуешь?!

Она грустно улыбнулась, про себя отметив, что князь окончательно освободился от сил мрака.

– Теперь уже неважно, что я чувствую... Завтра мы и без всяких признаний станем с тобой единым целым. Единым,

безликим и абсолютно спокойным, свободным от каких-либо взаимных привязанностей.

– Но до утра еще целая ночь! Для меня это – вечность! Я тебе столько сказать должен!

Арина нахмурилась:

– Я тут подумала... Прежде тебе надо кое-что узнать... Вернее, мне надо тебе рассказать...

– Ну так расскажи!

– Там, в горах, – начала она, – когда мы с нашим человеком были у Ледяного Духа, там кое-что произошло... – Арина сжала зубы.

Ветер без труда распознал в ней внутреннюю борьбу: злость на себя, жгучий стыд, невероятное смятение чувств.

– Я всё понимаю, но позволь... – начал было князь.

– Забудь! – дева порывисто встала и отошла к тихой заводи. – Нечего мне тебе предложить ни на эту ночь, ни на всю оставшуюся жизнь... Если бы она нас ждала...

Повисло молчание. Оно казалось таким плотным, таким физически ощутимым, что почти задавило Арину своей мощью, не давая нормально дышать. Воительница переживала, что теперь, после того, как она побывала в объятиях темной сущности, обряд может не состояться. Что всё может провалиться. Но сказать кому-либо (а особенно – этому черноглазому красавцу) о своем проступке не доставало сил. Пусть и в беспомощности была она в ту ночь, но ответственности с себя снять не могла.

«Дура... Дура!!!» – кусая губы, Арина хмуро взирала на утонувший в ночной тьме лес.

– Ничего у вас с Духом не было, – глядя куда-то в сторону, вдруг произнес Ветер.

– Что? – дева порывисто повернулась и сделала угрожающий жест. – Откуда ты...

– Я всё скажу, только ты обещаешь, что сначала выслушаешь. Выслушаешь меня до конца, а потом уже делай со мной всё, что захочешь. Обещаешь?

– Ты о чем это?

– Я жду твоего решения.

– Обещаю, что, пока всё не расскажешь, я тебя не убью...

Не покалечу даже.

– Я был в то время в горах. С полудня под снежной лавиной прохлаждался благодаря дядюшкиному Коварству и своей доверчивости. Лежал, постепенно теряя сознание и превращаясь в бездушный кусок плоти.

Но к ночи я вдруг где-то рядом ваше с человеком присутствие ощутил. Еле-еле растормошил вялые отголоски мыслей. Не знаю как, но заставил суть свою потянуться навстречу. И почувствовал, какая беда над вами нависла... Пришлось собирать остатки естества в кулак, скидывать с себя злой морок и от дядюшкиных заклятий срочно освобождаться.

Ты себе не представляешь, – Нерц протянул Арине ярко вспыхнувший нефритовый перстень. – Благодаря матушки-

ному подарку (стоило к нему воззвать) сколько древних знаний в один миг в моей голове возникло! И всё – из-за тебя... Я и не думал, что... забота о твоём благополучии может меня на такие решительные действия подвигнуть. Это был такой эмоциональный прорыв, такое переплетение древних заговоров, что черные браслеты, сковывавшие мое естество, просто в пыль рассыпались.

И я всей душой рванулся к тебе. Тело-то мое из-под лавины выбраться не смогло.

В общем, когда я дорогу в хрустальный грот нашел, этот ледяной обольститель на твоём платье шнуровку распускал. Я, конечно, сначала хотел ему как следует врезать, но увидел, как тебя изнутри тьма съедает. Ринулся по звездным проходам в твоё сознание. Водоворот тьмы – тот ещё крепкий орешек.

– Так это ты меня на свет вывел?! – недоверчиво и в то же время радостно воскликнула дева. – Ты меня от абсолютного погружения спас?

– Ты уж прости, – виновато потупился Смерч, – пришлось на два фронта работать. Духа я, конечно, сдерживал, как мог. Но основные силы тратил на тебя: корректировал возвращение сути на «поверхность», был сосредоточен на том, чтобы сознание резкими импульсами не повредить. Хотя, если честно, ты в буйстве своём так на меня наседала, что я себе много чего... напредставлял.

Арина понимающе кивнула:

– Вот эти-то мысли и мечты у Духа (то есть теперь у Мериаха) в сознании и остались...

– Может быть, мы не станем его разуверять? – смущенно предложил Нерц. – Мужик он вроде неплохой. Пусть ему эти воспоминания в его ледяном дворце сердце греют?

– Не о нем сейчас речь, – дернула плечом Арина. – Я что-то не поняла: ты был сосредоточен на целостности моего сознания или всё же что-то там себе представлял?

– Что ты от меня хочешь? – возмущенно воскликнул Ветер. – Я же столетиями таким развлечениям всё свое время посвящал! А тут за одну ночь перестроиться должен был?! Честно, я старался. Я же знал, что ты девой в слияние войти должна...

– Только поэтому?! Только из-за предстоящего обряда ты меня не...

– Да ты что! – вскинулся Смерч. Он порывисто вскочил, но тут же осекся, сел на место. – Главное, что я ничего лишнего себе не позволил...

– И именно поэтому я с утра в простыне расхаживала?

– Ну, это ты сама так расстаралась. Не мог же я еще и за твоими действиями следить...

– Или не хотел этому мешать...

Ветер опустил глаза и спрятал лукавую улыбку в уголках губ.

Арина вновь подступилась к собеседнику:

– А тебя не коробит от мысли, что кто-то обо мне будет с

вожделением вспоминать?

– Ну, уж мы-то с тобой знаем, кому твой первый солнечный поцелуй достался, – с самодовольной миной отвечивал Нерц.

– Значит, у нас там ничего... – начала Арина.

– Соблазнителя твоего ледяного я ни до твоей сути, ни до... как сказать-то... самого сокровенного не допустил. Благодаря этому прелюдия почти до рассвета затянулась. А когда ты, под утро вдруг пробудившись и отринув тьму, сама решила меня... то есть его... Нет, всё же меня!.. Когда решила меня поцеловать, я воспротивиться не смог. Такого солнца в душе я еще никогда не ощущал! Понял тогда, что и ты тоже... Разве это – не любовь? То, что между нами тогда случилось? А потом ты шип ему в сердце воткнула – меня из ледяного тела и выбросило.

И еще добавить хотел: когда я... Ледяного господина заменял, и ты сама решилась на поцелуй... В общем, от твоего солнечного поцелуя, как от удара молнии, суть моя изначальная, светлая пробудилась окончательно. А уж когда ты в сердце Духа мавкин шип воткнула, и душа моя из ледяного тела обратно в свое вернулась, я обрел такую мощь, что не только многокилометровую толщу снега, а Синие горы мог в порошок стереть...

А когда я окончательно освободился из-под лавины, тебя уже не было в покоях у Духа, то есть у Мериаха. И я помчался по пространствам. Где только не был... А нашел тебя в

черной лаборатории в дядюшкином замке. Вот уж не думал, что ты после всего пережитого в это осиное гнездо добровольно отправишься...

– Всё равно: противно от того, что всю ночь в темных объятиях провела.

– Да не в темных ты объятиях была! В моих! А я люблю лишь тебя, свою единственную, желанную!

– И что это меняет? – совсем не обратила внимания на пылкое признание дева.

– Как это – что меняет?! – возмутился князь. – Всё! Абсолютно всё!

– Я очень переживаю, что из-за моей ветрености обряд может не свершиться... – продолжила свою мысль Арина.

Вздыхнув и немного помолчав, Ветер спросил:

– Человеку ты об этом говорила?

– Что говорить? Он сам всё знает. Заверяет, чтобы не переживала, что Обряду Слияния это не повредит... А я всё равно сомневаюсь...

– Ничего не бойся, – Нерц порывисто подошел к Воительнице, обнял, заглянул в распахнутые, испуганные от внезапно нахлынувшего чувства изумрудные глаза и нежно поцеловал деву.

До восхода солнца оставалось три с половиной часа – целая вечность...

«Лучше вообще не влюбляться, чем вот так любимых терять», – с горечью смотрел младший Ветер то на Нину, то на Андрея с Ариной.

Оба брата отпускали своих нареченных, не противились воссоединению ипостасей. Оба понимали, что слияние сущностей сотрет в девах всю индивидуальность. На их месте возникнет Инарина. Уже совсем иная, незнакомая...

– Долг превыше! – обняла своего избранника Арина.

– Долг превыше, – эхом отозвался тот, замыкая на правом запястье амазонки волшебный амулет. Князь долгим взглядом посмотрел на деву, словно пытаясь запомнить каждую черточку, каждый жест, сохранить в душе образ любимой. Он аккуратно поправил выбившийся локон, нежно погладил притихшую и в то же время торжественную Воительницу по щеке, утер блестящую слезинку.

Сашка, как предписывало Сияющее послание, молча взял Нину за руку, надел на левое запястье сверкающий браслет. Он со вздохом взглянул в ее небесно-голубые глаза, что-то нежно прошептал, улыбнулся в ответ на ее ободряющее «всё получится, всё будет хорошо». Затем направился прощаться с Ефимом и Нежданкой, поблагодарил лучистую крошку за помощь. Погладив по снежно-белому загривку Клавдию, мысленно поговорил с ней, обсудил ее возвращение к вожаку лунных волков.

Потом повернулся к белкам, распрощался с семейством,

затем немного скованно, нерешительно погладил Рыжулю. Та в каком-то диком отчаянии подхватила, вскочила богатырю на плечо и зарылась лапками в густых кудрях воина, изо всех сил обняла его за шею. Маленькое тельце сотрясали беззвучные рыдания. Младший Ветер потерялся в мыслях, не зная, как утешить свою спасительницу, свою... такую хорошую... подругу.

Сергей стоял немного в стороне, задумчивый и молчаливый. Ему не хотелось мешать друзьям проститься перед судьбоносным событием. Он неотрывно смотрел на Нину, беседующую с Клавдией. И изо всех сил сдерживал кипящие внутри чувства. Но вдруг в душе у него вспыхнуло: «Может, ну его, это объединение? Жили же как-то все эти столетия? Пусть не знали друг о друге, но жили же!» – И сердце с невыносимой силой ринулось к златокудрой избраннице.

Как ни пытался человек унять его, но зов быющего в груди жаркого пламени заполонил сознание:

«Ты не обязана терять себя, отказываться от своей индивидуальности! Живи, просто живи! Пусть даже с этим перекачанным самоуверенным мальчишкой, но останься собой!»

«Глупый, – отозвался в воспаленном мозгу немного грустный ответ. – Я не теряю – я, наоборот, обретаю».

«Теряя меня? – не сдержал Сергей нахлынувших эмоций. – Теряя свое будущее?»

«Ближе нам уже и не стать. Ты просто должен меня

отпустить. Отступись, не стоит тешить себя напрасными надеждами...»

И как бы доктор ни старался поймать взгляд златокудрой девы, как бы ни пытался добиться желаемого ответа на свои сумбурные мысли, у него ничего не получалось. Наконец он не выдержал, схватил Хранительницу за руку, привлек к себе. Ему столько хотелось сказать! Но... таким взглядом остановила человека Нина, что тот отступил, осознав свое легкомыслие. Сообразив вдруг, что рискует за реальностью эгоистического здравого смысла потерять более высокую реальность – величие человеческой души, с ее стремлением к бесконечному росту и развитию, с ее способностью силой своей оберегать целые миры.

Сергей словно очнулся от морока, огляделся и, отбросив собственнические чувства, решительно повернулся к разгорающемуся рассвету в предвосхищении великого Воссоединения, которое должно вот-вот свершиться.

Первый рассветный луч вырвался из-за горизонта, пронзил пространство и... запутался в ветвях березы. Хрустальным перезвоном встретили утренний свет нежные листочки. Они зашелестели-засверкали, откликнулись на всё возрастающий солнечный призыв и, сорвавшись с ветвей, закружились в волшебном танце, образовали вокруг дерева сияющую стену. Спустя миг листья расслоились, рассыпались каплями росы, укрыв собравшихся вязкой пеленой молочно-белого тумана.

«Вот он – стогранный дом», – понял доктор и крепче сжал в руках капсулу с Радостным Светом. Нежданка засияла что было сил, и в невесомом мареве образовался проход. Ефим испуганно охнул, бельчата весело заверещали. Но отец строго присвистнул на них, и братишки притихли, не смея больше нарушать торжество момента.

И друзья пошли. Пошли навстречу судьбе.

* * *

Они двигались по длинному коридору, оглядывая сводчатый потолок, подрагивающие от звука шагов стены. Братья-Ветры молча выдвинулись вперед, зорко осматривая пространство. За ними последовал Сергей с хрустальной капсулой, в которой, распахнув створки, мерно покачивалась раковина-жемчужница. Клавдия, готовая в любой момент прикрыть человека от опасности, пристроилась рядом. На спине волчицы, время от времени вытирая предательские слезы, молча восседала Рыжуля. Беличье семейство, разместившись на широком листе лопуха, степенно перемещалось-планировало в метре над полупрозрачным полом.

Две девы, завершая шествие, рука об руку шли рядом. Никто не смел взглянуть на них с того самого момента, как из-за горизонта вырвался первый солнечный луч. Неожиданно браслеты на руках двух половинок ярко вспыхнули. Под ногами Нины вдруг заплескалась вода, ступни Арины начали утопать в песке. С каждым шагом пространство между ними

словно растворялось, девушки всё сближались, очертания их тел расплывались, сливались воедино, перестраивались.

Друзья их, чувствуя яростный всплеск энергий, напряглись, но обернуться не смели. Никто не желал потерять подруг. Белка-мать, зная непоседливость своих сыновей, даже прижала к себе младших, спрятав их мордочки чуть ли не под мышками. Старший бельчонок, стиснув отцу лапу, крепко зажмурился. Рыжуля, схватившись за усы, уткнулась носом в пышный загривок подружки. Клавдия же с полным осознанием значимости происходящего невозмутимо шествовала вперед. Только уши ее, словно локаторы, не переставали сканировать пространство на предмет посторонних звуков.

Длинный проход закончился небольшой площадкой, за которой, как всем поначалу показалось, мерцал легкий искрящийся занавес. У выхода братья остановились, пытаясь определить, куда двигаться дальше. Но первыми стронулись с места вовсе не они...

В начале пути в коридор входили две девы. А сейчас из коридора вышла одна. Молча прошествовала она сквозь ряды соратников и обернулась.

«Инарина», – восторженно прошептала Рыжуля.

Клавдия с радостью склонилась перед Светлой Хранительницей живого естества Сияющего Сознания.

Мужчины же смотрели на новоявленную деву со смешанными чувствами.

«Ну что, идем?» – поторопила всех белка. – *Время не*

ждет!»

Однако впереди друзей ожидало светлое... нечто. Ничего там не было. Ни пола, ни потолка. Пространство словно состояло из тягуче-белесых клубов тумана, пронизанного мириадами солнечных искорок, выписывающих в воздухе крохотные восьмерки. Юный князь, чуть отстранив Инарину, осторожно ступил в молочную взвесь. За ним последовали остальные. Прочувствовав присутствие родственных существ, светлое нечто вспыхнуло солнечным светом и расслоилось, образовав вокруг гостей небольшое круглое помещение.

Огненные крылья потянули Нерца-Андрея к одной из возникших вдруг стен. Тот, не раздумывая, последовал чистому зову. За его спиной засияло красное пламя и появилось... овальное отверстие, своеобразное окно, быстро разросшееся от пола до потолка (если можно так выразиться, потому что ни пола, ни потолка не было). Большой проем словно задумался на миг, слегка сжался и повторил силуэт юноши. Старший Ветер обернулся – огонь в «окне» горел ровно и спокойно. Недолго думая, князь ступил на широкий, слабо подрагивающий «подоконник».

Вторая стена позвала Бродягу, распахнувшись навстречу ему новым просветом. Он легко вскочил на ровную упругую площадку, и вокруг него тут же взвились веселые порывы воздуха, радостно играя с кудрями юноши. У третьей стены встала Инарина, аккуратно взошла в проявившийся, всё уве-

личивающийся овальный проем. В возникшем «окне» отразились легкие голубые волны, накатывающиеся на белый песок.

Сергей встал к четвертой стене. Но ничего не произошло. Все в недоумении смотрели друг на друга. Внезапно каждый ощутил тихую вибрацию, и пространство вокруг них... радостно улыбнулось. Как оно это сделало – никому неизвестно. Но почувствовали все... и увидели, как в середине образовался четкий ровный круг. От него потянулись к Сергею легкие радужные лучики, словно приглашая его вступить внутрь. Доктор не заставил себя упрашивать и шагнул в центр окружности. Под ногами у него словно вспыхнул солнечный диск и нежно засиял жемчужными переливами. И снова тишина... Лишь стены начали постепенно сближаться, как будто давали понять, что время, драгоценное время уходит...

«Вот блин! – обескураженно вскинулась белка. – Человек здесь, но он – не звезда! Только три звезды – в наличии... А про четвертую что известно? Кто подскажет?!»

Все с надеждой принялись оглядывать стены, нежно переливающиеся молочными всполохами. Но подсказки не было.

«И где же нам теперь последнюю звезду искать? Парад лун вот-вот закончится!» – вновь затараторила Рыжуля.

«Не егози, – одернула ее Клавдия, старательно прислушиваясь к чему-то. Затем тряхнула головой и провозгласила: – Мне Нуби со своего поста сообщает, что все четыре звезды

рядом. *Надо просто подумать – ответ где-то здесь, звезда среди нас...»*

«Может быть, это наша Нежданка? Недаром же о ней в манускрипте говорилось! – не сдавалась Рыжуля. – Давай ее сюда скорее, надо Человеку-Сергею Радостный Свет вручить, пусть поместит ее у восточной стены».

Нежданка, оказавшись в добрых руках, заулыбалась, засияла от счастья. Доктор поднес ее к незанятому ипостасями проему, но должной реакции не последовало... А стены словно дышали, с каждым выдохом сжимая окружность. Участвовавший пульс Сергея с места в карьер ринулся подгонять и без того летящие секунды. Усилием воли доктор заставил себя успокоиться. И время внутри стогранного дома потекло чуть медленнее.

А Человек, собравшись, стал дышать ровно и спокойно, не позволяя себе ни единой отрицательной мысли, ни малейшего всплеска эмоций, твердо зная, что от его внутреннего состояния зависит исход предприятия... Даже движения его обрели плавность и торжественность. Он всем сердцем устремился ввысь, всем естеством своим слился с Небом, зная-веря-чувствуя, что в содействии с Великой Силой всё непременно получится. И, отринув страхи и сомнения, он увидел... Он осознал...

«Значит, не ты – звезда. Хотя и Свет...» – озадаченно пробормотала белка, когда доктор вернул малютку взволнованному отцу.

Рыжуля вновь взобралась на плечо к Сергею, оглядела собравшихся, отследила очередное сжатие стен и вновь затопилась к волчице. Но, спрыгивая с плеча доктора, вечно спешащая белка слегка оступилась (или это Человек чуть отдернул руку, задавая маленькой помощнице немного иное направление?).

Стремясь выправить траекторию, рыжая непоседа взмахнула хвостом и... вскочила на мгновенно возникший перед ней четвертый «подоконник» – и вдруг вспыхнула-засияла изумрудно-зеленым светом. Вокруг ошеломленной хранильницы талисманов проявился округлый проем, за которым тихо шелестел бескрайний лес.

Рыжуля, воплощение самой Природы, наполненная до предела светлыми энергиями, оказалась четвертой влюбленной звездой. И время словно остановилось. Пространство всколыхнулось, заискрилось, задышало по-новому и признало-приняло сначала Сияющее Сознание Сергея, а затем и его ипостаси – четыре Источника Жизни, четыре части когда-то расколотой человеческой души.

И из самых глубин безграничной Вселенной сквозь гудящие от невероятного потока энергий «окна» рванулась к ошеломленным ипостасям доктора лавина яркого пламени, воплотилась в горячих сердцах, затопила каждое естество нестерпимым Светом. Четыре влюбленные звезды жарко вспыхнули и слились в общем сиянии, с каждой секундой увеличивая интенсивность излучения, сплавляясь в нераз-

рывное целое, обретая давно потерянное единство. Объединенное Сознание взмыло вверх, прямо в утреннее небо, за краткий миг достигло триединого диска луны, прорвалось сквозь одну, другую, отразилось от третьей и, ринувшись обратно, затопило земное пространство всепоглощающим морем Радости и Света.

Несокрушимая Сила, Сила Любви четырех звезд, помогла одинокому страннику, когда-то давно позабывшему свое предназначение, чудесным образом восстановить суть свою. И эта же Сила сделала его равным по силе Солнцу. Сияющее Сознание Человека вырвалось на свободу, прокатилось по планете всепоглощающей огненной волной, в пыль разметало оковы мрака, сокрушило тщательно продуманные планы злобных сил и вытеснило тьму из людского пространства, доверенного Человеку Великим Небом.

И в определенной части мира сердца людей вдруг забились по-новому...

* * *

Спустя несколько мгновений нестерпимое сияние стало угасать, и вскоре взору оставшихся в Светлом Запределье друзей предстала пустая платформа. Высокие «окна» постепенно сжимались, а ярко мерцающие туманные стены, расходясь в стороны и принимая первоначальное положение, обретали спокойный молочно-розовый цвет. Постепенно густая пелена тумана расслоилась, распалась на мельчайшие

частицы и с хрустальным звоном обернулась нежно шелестящими на ветвях березовыми листочками.

«А дочка-то наша... ушла вместе со своим героем, – растерянно произнесла пожилая белка. – Как же так, отец?! Мы ж ее только обрели, а она...»

«Не плачь, мать, – обнял ее глава рыжего семейства. – Ты же знаешь, что она только об этом и мечтала. Пусть там, в светлых пространствах, два естества станут частицами единого целого. Вместе навек будут...»

«Но почему так неожиданно?! Я же с ней так мало...» – и растерянная белка-мать в слезах уткнулась носом в широкую грудь мужа.

«Гордись, родная. Гордись! – обнял ее Авдей. – Дочь твоя – одна из звезд Сияющего Сознания».

Братцы-бельчата, наблюдая за родителями раскрыв рты, дружно схватились за усы.

«Ой, как же здорово они воссияли! – жемчужинка даже подпрыгнула от восторга. – Я тете Фортисци рассказу, пусть порадуетя!»

«Да-а, – протянул Ефим. – Неожиданный, однако, поворот. Будет о чем озерным жителям поведать...»

«Ну что ж, друзья-соратники, – Клавдия взглянула на сияющую капсулу. – Пора и вас домой отнести. Идем, белки мои», – кивнула она пушистому семейству.

Когда жемчужница удобно расположилась на мелководе у берега, а белки, вдоволь пообщавшись с озерными жителями, отправились в зеленый лес, когда всем желающим по всей округе и во всех подробностях были переданы утренние события – после этого Клавдия поднялась на Высокий холм. Она немного посидела под березой, оглядывая окрестности и про себя рассуждая:

«Ну что ж, пространству людей – быть! Быть, жить и радоваться! Самое главное – чтобы жили по-настоящему. Новый шанс дан определенной части человечества. А наш Человек-Сергей проследит за тем, чтобы достойно люди данную Небом возможность использовали. Он справится. Я в него верю...

И в подпространстве, ответственном за поддержку мира нашего Человека, живность волшебная будет плодиться, размножаться, чтобы духовно людей укреплять, наставлять на путь истинный. Да к тому же всяких бесов алчных до сути живого естества не допускать».

Над белой волчицей размеренно шелестела береза. Выслушав ее напутствие, Клавдия склонилась перед Светлым Духом в глубоком поклоне:

«Прощай, добрый друг. Береги светлый мир этот вместе с живностью лесной да друзьями водоплавающими. Вон сколько Хранителей в помощниках у тебя: и белки осторожные, и воительница-Фортиция, и Нежданка – Свет Радостный. Да и медведи наши никогда без дела не сидели. Если

вдруг вновь силы мрачные голову поднимут, вместе вы любые преграды одолеете! А мне пришла пора возвращаться. Но... если случится что – зовите обязательно!»

«Вот и закончено мое служение, – в который раз оглядывая ставшие родными места, подумала она. – Так долго я ждала этого момента, так желала его. А теперь... словно и нет никаких препятствий, а я... в растерянности...»

Но вдруг сквозь пространства и расстояния прорвался к ней веселый ветерок, потянулся с искренним призывом, взъерошил белоснежную шерсть на загривке, растормошил волчицу, напомнил о луне и о том, кто так долго ждет ее.

И улыбнулась Клавдия легко и радостно. Так, как только она умела улыбаться. Следуя зову своего возлюбленного, в последний раз глянула на широкую реку, поля и высокие горы, легко подпрыгнула над холмом – и обернулась белым облаком, рассыпалась по голубому простору золотыми искрами. Чуть поколебалась над лесом и лугом зыбкой пеленой, словно впитывая каждой клеточкой память о волшебном мире Запределья, и вдруг, резко сжав разрозненные молекулы в плотный энергетический шар, сияющей звездой рванулась в небо.

ЭПИЛОГ

Сознание вернулось к Сергею неожиданно... Он стоял на тротуаре, людской поток обтекал его, словно спокойная пол-

новодная река. Взгляд вдруг вычленил из толпы девушку. Лица еще не рассмотреть, но она издалека привлекала к себе внимание.

Доктор глядел на нее – высокую, стройную, уверенно шагающую навстречу, и отчего-то понимал, что теперь в его жизни всё будет только хорошо.

Неожиданно, прыгнув с террасы ближайшей кафешки, к девушке подскочил высокий брюнет, схватил за талию, закружил. Послышался веселый смех. Оба были молоды, свежи, радовались друг другу и летнему вечеру. Сергей невольно загляделся на них, залюбовался. Хоть влюбленные были еще достаточно далеко и заходящее солнце слепило глаза, но промелькнуло в их облике что-то до боли знакомое...

Вдруг кто-то дернул его за рукав:

– Мужчина, не поможете сумки до машины донести?

Он обернулся. Рядом стояла... Нина! Его Нина! Она, поставив на тротуар тяжелый пакет, доверху наполненный овощами и фруктами, задорно улыбалась. Сергей внимательно осмотрел девушку с головы до ног:

– Это ты?

– Ну да, я. А вы кого хотели увидеть?

– Не знаю, не освоился еще.

– Ну, вот на свадьбе и освоитесь. Вон уже жених едет.

– Жених? – яркий огонек, едва разгоревшийся в душе

Сергея, вдруг погас.

Он почти враждебно посмотрел на припарковавшийся

джип, из которого выскочил широкоплечий голубоглазый блондин, по пути накидывая джинсовую куртку. Весело помахал им рукой и закричал, обращаясь к Нине:

– Ты сыр взяла? А я тут еще зелени прикупил да мангал из гаража достал!

– Взяла! Я еще пару покрывал прихватила. Вдруг ночью холодно будет! – радостно прыгнув с тротуара, девушка протянула плечистому парню перекинутые через руку пледы.

К ним подошли влюбленные, весело поздоровались, и Сергей, взглядевшись, ахнул:

– И вы здесь?!

– А где же нам быть? Рабочая неделя закончена, едем молодоженов праздновать! Профессор, а вы какой-то не такой... У вас всё в порядке?

– Профессор? – Сергей переводил взгляд с одного из собеседников на другого, третьего, оборачивался к смеющейся счастливой Нине – и понимал, что ему чего-то недоговаривают.

– Так! – брюнет взял на себя инициативу. – Вот и ваше сознание барьер преодолело! Теперь мы снова – все вместе! Давайте уже по машинам. А вам, Сергей Викторович, если будут вопросы, по пути всё расскажет Нина, – и указал на улыбающуюся голубоглазую девушку.

Парочка побежала к припаркованной неподалеку «ауди», блондин по-хозяйски разместил в багажнике своего джипа

продукты и плоды и уселся за руль, а Нина по-свойски залезла на пассажирское сиденье профессорского BMW. Сергей молча завел мотор и последовал за серебристой «ауди»...

Вечер выходного дня. К выезду из города двигалась вереница разнокалиберных автомобилей. На кольце пришлось постоять в пробке. Набежавшие кучевые облака, как-то разом потяжелев, вдруг разразились спорым летним дождем. Бьющиеся в ветровое стекло крупные капли тихонько причитали, словно оплакивая несбывшиеся надежды. Сергей всё время молчал, пытаясь обдумать, как-то разместить в голове новую информацию: Нина выходит замуж... Она – женщина. Вот она, прямо возле него. Настоящая, человечная, до боли желанная... И – замуж за другого...

Девушка так же молча сидела рядом, не прерывая его размышлений.

Наконец Сергей не выдержал:

– Нина, а почему ты в машине жениха не поехала?

– А зачем? – вопросом на вопрос ответила спутница. – В Сашкиной машине мне делать нечего. Пусть со своей невестой едет.

– Что?!

– Я говорю, пусть со своей Авдеевой целуется по дороге.

– А кто тогда невеста? Постой... Как это?

– Да очень даже просто! Помните, как она Сашкину душу спасла, себя в жертву принесла пауку антрацитовому? После такого самопожертвования рыжая крошка не то что в чело-

веческом обличии в следующей жизни воплотиться была достойна – она спокойно в высшем измерении переродиться смогла бы... А выбрала любовь, Ветра своего ненаглядного предпочла величайшим возможностям... В той жизни она Рыжухой Авдеевной была, а в этой Джулией Авдеевой стала. Так себе имечко, конечно. Но не в имени счастье.

– А счастье, значит, заключается в возможности раскрыть и обрести себя рядом с любимым?

– Профессор, а вы умны не погодом!

– А больше ни у кого возможности не изменились? – Сергей слегка напрягся в ожидании ответа.

– А вам это интересно? – глаза спутницы искрились лукавым огоньком. И она, не выдержав длительного молчания, выплеснула так долго сдерживаемую информацию: – Ну да! Возможности у нас у всех изменились, и все мы получили своеобразную передышку. Это нам такой подарок – обычная человеческая жизнь. Отпуск, в общем, у нас. Неделька-другая пройдет – и все мы Запределье забудем, станем обыкновенными людьми. Так задумано, чтобы мы до нужного момента силы свои не растратили. Надеюсь, такой момент не настанет, но Светлые Воины всегда должны быть наготове. А мне вот интересно, – по-детски порывисто повернулась она к Сергею, – мы будем хоть что-то помнить из наших прошлых жизней? Ну, кроме знахарских знаний, конечно... Уж они-то никуда не денутся.

– А как случилось, что вы все пятеро в пространстве лю-

дей снова каждый сам по себе, каждый – личность? – перебил ее Сергей. – Ведь вы же – частицы единого целого.

– Так вы хотите сказать, что мы – ваши составные части? Не личности? И не стыдно такое о живых людях говорить? – она критически осмотрела Сергея с головы до ног.

– Но там, в сияющей сфере, мы же в единое целое слились, – немного смущенно ответил он. – А теперь что, став людьми, снова разобщены?

– Ошибаетесь, профессор... Слились воедино не мы сами, а свет наших сознаний. Но в чем-то вы правы: мы в любом пространстве – части единого целого, – спокойно ответила девушка. – Все мы изначально – частицы Великого Создателя. Только люди, позабыв об этом, себя одинокими считают. И это – главная их ошибка.

Сергей, глядя на проясняющееся небо, обдумывал слова спутницы.

Нина помолчала немного, но юная девичья непосредственность не давала ей покоя:

– Две недели всего-то у нас осталось на работу с пределами знаниями! – снова всплеснула руками девушка. – Но разве этих любознательных уймешь! Тонька... ой, она теперь снова Арина, а я ее всё по-старому зову!.. В общем, они с Андреем, пока есть время, над внутрипространственным преобразованием живых организмов всю работу делают. Оба – лучшие ваши студенты. У них так здорово получается опорно-двигательный аппарат всего за три сеанса восстановли-

вать! Мы, кстати, все пятеро – ваши студенты. Теперь можно не переживать, что знания вашего учителя канут в лету. Сашка со своей Джульеттой-Джулией разбираются в оздоровительных свойствах минералов. А Клавдия в Запределье осталась, отправилась к своему Нуби. В этом же пространстве луны Лели нет, а то бы они тоже в людей переродились... Но я не думаю, что они там очень этим огорчены. Ведь столько столетий встречи ждали... Хотя скоро вы снова их увидите. Они же тоже на торжество приглашены... А свадьбу специально сейчас задумали устроить, пока память не стерлась и чтобы все наши близкие, родные, друзья еще раз вместе смогли собраться.

– А зачем в Запределье такую гору продуктов везти? – снова удивился Сергей. – Сила мысли там уже не работает? Свою еду для праздничного застолья никто не создаст?

– Да вы что?! – воскликнула Нина. – Всё там в порядке. Но надо же им разносолов нашего пространства отведать... Мы в Запределье сквозь каменные ворота проедем. Знаете про два столба в Долине Царей? Я всё, что надо для перехода, уже приготовила.

– А что надо? – поинтересовался Сергей.

– Сыр, молоко, хлеб. Духов задобрить надо! – весело тараторила девушка. – Теперь там портал открыт, незачем звездными дорогами переправляться. И, когда возвращаться будем, через ворота снова пройдем! Только при переходе всё-всё запредельное позабудем, станем думать, что просто были

на пикнике.

– А ты? – перебил вдруг Сергей. – А кто ты в этом странстве?

– А что я? – вопросом на вопрос ответила Нина. – В Запределье я была вашей жизнью, а теперь я ваша... студентка. И обращаюсь к вам не «бестолочь стоеросовая», а очень даже уважительно, по имени и отчеству.

Блестящую после недавнего дождичка дорогу освещало жаркое августовское солнце. Машины спешили к перевалу. Сергей, оторвав взгляд от мокрого асфальта и загадочно глянув на девушку, произнес:

– Ну уж нет, моя хорошая! В этой жизни ты – моя любимая студентка...

ПОСТЭПИЛОГ

Дальний Предел на окраине Древнего Сумрака, серая хмарь над бесплодной землей... Поздний вечер, незаметно сменив унылый день, медленно перерождался в темноту ночи. Не слышалось шелеста трав и листьев, не горели в темном небе звезды. Только пронизывающий холод, гулкая тишина и запустение вокруг...

Разжалованный Черный Предводитель сидел на вершине песчаного холма и бездумно смотрел на промозглую серую мглу, что застилала округу. Зарядил мелкий дождик, принялся выбивать пыль из сыпучего песка, пытаясь усеять бес-

конечные барханы черными точками. Однако частицы влаги, упав на сухую землю, тут же исчезали, растворялись в омертвелой почве, не принося ей ни свежести, ни жизненной силы. Отовсюду слышались лишь громкие колючие щелчки, словно удары бича по бескрайней поверхности зыбучих дюн.

Холодные капли звонко падали на седые, рассыпавшиеся по сутулым плечам Жегларда волосы. Но бывшему Предводителю было всё равно. Он подслеповато щурился на непогоду, по-стариковски жевал губами, иногда безучастно проводил по песку рукой. Но ничто не вызывало отклика в его опустошенном разуме. Эмоции давно покинули естество опального графа. Говорить ему было не с кем и не о чем. Да и незачем...

Сквозь нарастающий шум дождя, искусно лавируя между частыми каплями, пробивался большой комар, бережно неся наполненное черной жидкостью брюшко. Он один смог преодолеть водяной заслон, выставленный бдительной охраной Сумрачного Пространства.

Остальные кровососущие курьеры, отправленные неведомо откуда и неведомо кем, оказались не столь удачливыми и были прибиты к земле тяжелыми холодными каплями. Но страшный груз поверженных переносчиков тьмы никуда не исчез. Там, где частицы яда коснулись иссушенной поверхности земли, разрастались колючие, покрытые странными лиловыми цветами кустарники, хищно ощетинившиеся длинными острыми иглами.

Ловкий посыльный долетел до места назначения и укрылся от разбушевавшейся стихии под острым ухом узника пространства Древнего Сумрака. Тонкий хоботок вонзился в беломраморную кожу. Носитель тьмы не пил черную кровь Жегларда. Наоборот, он осторожно закачивал в бесчувственного и безучастного ко всему окружающему арестанта принесенную издалека заговоренную субстанцию. Когда брюшко насекомого опустело, крылатый доставщик осыпался серой пылью на желтый песок неприветливой пустоши.

Немного погодя пленник Дальнего Предела расправил плечи, огляделся и, запрокинув голову, с нарастающим вожделением прочувствовал-ощутил удары холодных капель по лицу.

– Сыро, сумрачно, промозгло... – произнес он осипшим после долгого молчания голосом и хищно улыбнулся.